677



О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

4 1823

СОЧИНЕНІЕ

Ѳедора Буслаева,

СТАРШАГО УЧИТЕЛЯ 3-Й МОСКОВСКОЙ, РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1844.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 24 го Мая, 1844 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

LB
1631

2017
72

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран
предисловіе	I
предметъ и метода преподаванія	1
педагогическія партіи	16
грамматика	36
1. умственныя упражненія и энциклопедическое ученіе	36
2 обученіе отечественному языку по латинской грамматикѣ	47
3 метода обученія отечественному языку	59
4. отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія	66
5. грамматики	81
6. результаты	84
реторика и піитика	93
1. схоластики и беллетристы	93
2. филологи	100
3. лингвисты и философы	105
4. практика	113
5. педагоги-систематики	116
чтеніе	119
письменныя упражненія	177

II

Стран.

1. дѣловыя бумаги 177
2 письма 181
3. описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы 185
4. отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія 191
5. отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка 197
а. правописаніе 200
б. начальныя письменныя упражненія 204
в. переводы 206
г. переложенія 207
д. извлеченія 209
е. собственныя сочиненія 211
исторія литературы 213
опыты преподаванія 215
1. начальная граммашика 215
2. чтеніе Карамзина 263
3. чтеніе древняго памятника 288
4. чтеніе одъ Ломоносова 297
заключеніе и переходъ ко второй части 328

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимая средину между низшими и высшими учебными заведеніями, Гимназія, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, равняется первыми классами съ низшими училищами, а послѣдними съ первымъ курсомъ Университета: потому и говорю о преподаваніи отечественнаго языка вообще, хотя разумѣю, по преимуществу, преподаваніе гимназическое. Имѣю болѣе права говорить о Гимназіи, ибо, будучи въ ней преподавателемъ, частію привожу въ дѣйство на практикѣ тѣ основанія, которыя предлагаю читателямъ въ этомъ сочиненіи. — Раздѣляю его на двѣ части: въ первой метода преподаванія, во второй самый предметъ. Учитель долженъ не только знать свой предметъ, но и умѣть передать, что́ знаетъ: о знаніи во второй части, объ умѣніи въ первой. Долженъ смотрѣть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщаетъ ученикамъ: путь къ дальнѣйшему

изученію во второй части; мѣра, сколько сообщить ученикамъ — въ первой.

Хотя опровергаю всѣ педагогическія начала, которымъ не слѣдую; однако вовсе не съ той дерзкою мыслію, чтобы рѣшительно ихъ уничтожить, а единственно, чтобы показать вредныя ихъ крайности, и разительнѣе выставить основанія, по коимъ бы я всегда желалъ дѣйствовать въ Гимназіи. А по обязанностямъ службы всякъ долженъ поступать по крайнему своему разумѣнію и сознательному убѣжденію. О преподаваніи не льзя говорить слегка, и тѣмъ болѣе, когда касается оно казенныхъ учебныхъ заведеній. Вотъ для чего строго повѣрялъ я свои выводы судомъ опытныхъ педагоговъ, мнѣнія коихъ постоянно цитую. И для чего было бы говорить отъ своего имени то, что́ сказано уже другими? Однако, надѣюсь, меня не осудятъ въ компиляціи, ибо замѣтятъ, что позади чужихъ мнѣній я старался ставить собственную критику. Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ, каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ. Какъ же я примѣнилъ оное къ рускому языку, пусть судятъ наши опытные наставники.

Въ настоящее время вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка едва ли не болѣе всѣхъ дру-

гихъ вопросовъ дидактическихъ занимаетъ педагоговъ. И дѣйствительно, послѣ Закона Божьяго, нѣтъ ни одного гимназическаго предмета, въ которомъ бы такъ тѣсно и гармонически совокуплялось преподаваніе съ воспитаніемъ, какъ въ обученіи отечественному языку. Постепенное раскрытіе дара слова и законовъ онаго должно быть вмѣстѣ и раскрытіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ учащагося: ибо родной языкъ есть неистощимая сокровищница всего духовнаго бытія человѣческаго. — Сверхъ того современные блистательные успѣхи Филологіи и Лингвистики заставили педагоговъ основательнѣе вникнуть въ языкъ. — Кто понялъ сравнительное языкознаніе, для того уже не существуетъ непроходимаго средостѣнія между своимъ, т. е. рускимъ, и между чужеземнымъ. Сполъ же недостаточно изучать только свое, не вѣдая чужаго, какъ и толковать только о чужомъ, ни во что ставя свое. Истинный гуманизмъ вездѣ видитъ и уважаетъ человѣка: сравнительная Лингвистика и въ языкѣ народовъ грубыхъ открываетъ великіе законы творческой силы. — Точно также отстали въ наукѣ и тѣ, которые думаютъ, что нашъ древній бытъ не имѣетъ никакой связи съ теперешнимъ. Истинный гуманизмъ, повторяю, вездѣ видитъ человѣка, и сознаетъ, что въ необъятной махинѣ созданія не пропадаетъ ни

единаго волоса съ головы человѣческой. Историческая Лингвистика убѣдитъ всякаго въ настоятельной необходимости изученія всей нашей древности для преуспѣянія настоящему и будущему. — Столько же не правы и тѣ, которые полагаютъ, что изслѣдованіе буквы убиваетъ въ ученомъ всякое сочувствіе къ живой идеѣ. Чѣмъ болѣе вникаешь въ малѣйшія подробности творенія, тѣмъ разительнѣе и глубже созерцаешь неистощимость и многообразіе творчества: а буква есть самая дробная стихія человѣческаго слова. Философія языка только тогда будетъ незыблема, когда глубоко укоренится на изученіи буквы. Кто съ надлежащей точки смотритъ на букву, тотъ понимаетъ языкъ во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полнотѣ.

Итакъ основательное изученіе роднаго языка раскрываетъ всѣ нравственныя силы учащагося, даетъ ему истинно гуманическое образованіе, а вмѣстѣ и свое собственное, народное; заставляетъ вникать въ ничтожныя, повидимому, и безжизненныя мелочи, и открывать въ нихъ глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полнотѣ ея. — Такъ думаю о своемъ предметѣ: почту себя счастливымъ, если хотя малую частицу этой мысли умѣлъ я выразить въ предлагаемомъ сочиненіи.

Изъ всѣхъ современныхъ ученыхъ преимущественно слѣдую Якову Гримму, почитая его начала самыми основательными и самыми плодотворными, и для науки и для жизни. Въ моемъ сознательномъ выборѣ укрѣпляетъ меня и авторитетъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Московская Коммиссія которой, принимая на себя разработку матеріаловъ для Академической Русской Грамматики, поставляетъ себѣ образцомъ Грамматику Гримма. (Смотр. Отчетъ по второму отдѣленію ИМПЕРАТОРСКОЙ Акад. Наукъ, за 1842 годъ; въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1843 года, часть XXXVIII.)

Приношу мою искреннюю благодарность Гг. Профессорамъ Перваго Отдѣленія Философскаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, у которыхъ я имѣлъ честь учиться, и 3-й Московской, Реальной Гимназіи, въ которой имѣю честь учить. Первые сообщили мнѣ основанія, по коимъ я впослѣдствіи изучалъ свой предметъ; а вторая дала мнѣ полную возможность примѣнить оный на практикѣ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАЧАЛА.

ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Надобно отличать ученую методу отъ учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого вниманія на личность читателя или слушателя: онъ предлагаетъ свою науку единственно тому, кто пойметъ его. Напротивъ того педагогъ долженъ развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имѣетъ свою цѣну, когда прилична тѣмъ лицамъ, коимъ преподается. „По моему глубокому убѣжденію, говоритъ Аб. Жираръ 1), всякая элементарная для дѣтей книга должна быть средствомъ къ воспитанію. Если же она ограничивается только тѣмъ, чтобы дать свѣденія и развить ум-

1) Explication du plan de Fribourg en Suisse, par Girard, 1827.

ственныя способности дитяти: я могу похвалить порядокъ и жизнь, вложенные авторомъ въ его книгу, но не буду доволенъ. Мнѣ даже непріятно видѣть исключительно только учителя языка, Естественной Исторіи, или Географіи и пр., когда я ожидаю бо́льшаго. воспитателя дѣтей, образующаго разумъ для образованія сердца, и вносящаго свѣточь въ души еще новыя, чтобы освѣтить ихъ благоразуміемъ и добродѣтелью. Нѣтъ ни одного предмета въ обученіи юношества, который, въ рукахъ нѣсколько искусныхъ, не могъ бы служить средствомъ къ воспитанію. Всякій предметъ приноситъ свою дань по своей собственной природѣ. Такимъ образомъ великая обязанность и долгъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы собрать эти различныя приношенія, соединить ихъ и поставить въ преуспѣяніе чувствъ благородныхъ, честныхъ и великодушныхъ." Слѣдовательно: чтобы опредѣлить преподаваніе языка, надобно, вопервыхъ, опредѣлить самый предметъ, т. е. языкознаніе, и вовторыхъ, показать, какимъ образомъ этотъ предметъ долженъ быть средствомъ къ воспитанію, и какимъ образомъ довести учащагося до основательнаго знанія и сознательнаго дѣйствованія.

Два рода изученія языковъ: филологическій и лингвистическій 1). „Для перваго языкъ есть только средство къ изученію древней литературы, но

1) Grimm, Deutsche Grammatik, часть I, предисловіе къ третьему изданію 1840 г.

средство неистощимо богатое содержаніемъ. Цѣль филолога достигнута, если онъ мало по малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и сославъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ собственное врожденное достояніе, въ разговорѣ и чтеніи памятниковъ литературы отжившей. Содержаніе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастаніемъ уразумѣнія рѣчи и поэзіи, богатѣетъ и содержаніе для Грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, съ взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато-разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая Грамматика преимущественное вниманіе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденіи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученіи объ образованіи словъ занимается она не столько обнаженіемъ корней, сколько производствомъ и сложеніемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведеніямъ литературы, и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искуствомъ и запущенныя. Все граммматическое изученіе неукоснительно служитъ критикѣ словес-

ныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль. — Другой родъ изученія, лингвистическій, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженіи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что на немъ выражается, а то, что живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученіе можно назвать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ его членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи Анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это ученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія примѣняетъ свои правила въ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно. Изумляетъ множе-

ство открытыхъ и извлеченныхъ корней изъ почвы изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію, легко можно разсѣяться, и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на такую крутую высоту, съ которой какъ разъ упадетъ, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ вышеописанной филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всѣмъ опротивѣвшую этимологію, и положило конецъ прежнему произволу; но онъ опять вкрался бы, если бы оно загромоздило себя безконечными исключеніями и аномаліями, и не разширило и не укрѣпило своего основанія. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко коренящагося закона, нѣтъ исключеній, которыя, основательно понятыя, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобы дать первенство закону передъ неправильностью и правилу передъ исключеніемъ.“ Филологически обработывали Грамматику — греческую Буттманнъ, Германнъ, Тиршъ, Маттіэ, Ростъ, Бернгарди, Кюнеръ и друг.; латинскую — Гроттефендъ, Цумптъ, Рамсгорнъ, Биллротъ, Кригеръ, Мадвигъ и др. Лингвистически обработывали языкознаніе: Шнейдеръ въ Ausführliche Gram. d. latein. Spr. 1819 — 1821, 3 ч.; Гумбольдтъ, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, 1836; Поттъ, Etymologische For-

schungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, 1833—1836, 2 ч.; Боппъ, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen, 1833 — 1842. Як. Гриммъ хотя совершеннѣйшій лингвистъ въ своей Deutsche Grammatik, однако, примѣняя языкознаніе къ реальнымъ предметамъ, даетъ своимъ лингвистическимъ изслѣдованіямъ и филологическій интересъ, именно въ слѣд. сочиненіяхъ: Deutsche Rechtsalterthümer, 1828; Reinhart fuchs, 1834; Deutsche Mythologie, 1835; 2-е умноженное и улучшенное изданіе 1843 года 1). Отечественный языкъ, по существу своему, необходимо долженъ подвергаться и Филологическому и лингвистическому способу изслѣдованія. Хотя лингвистическому слѣдуетъ преимуществовать, ибо намъ неизвѣстнѣе происхожденіе Формъ своего языка, нежели употребленіе оныхъ; однако не льзя упускать изъ виду и примѣненія законовъ отечественнаго языка къ литературнымъ памятникамъ, тѣмъ болѣе потому, что для уразумѣнія древней нашей словесности, на косй держится современный языкъ, требуется нѣкоторыхъ усилій, какія полагаетъ филологъ при знакомствѣ съ памятниками классической древности. Сверхъ того безошибочное и точное употребленіе отечественнаго языка на практикѣ не довольствуется однимъ врожденнымъ умѣньемъ, но

1) Слич. характеристику философской, сравнительной и исторической Грамматики, въ началѣ 2-й части.

руководствуется извѣстными правилами, и особенно у насъ, потому что произволъ, ложное иностранное вліяніе, мода и педантизмъ весьма много попортили врожденный намъ даръ рускаго слова. До сихъ поръ обучаются у насъ отечественному языку по Грамматикамъ, составленнымъ на образецъ латинской и греческой; слѣд. въ нихъ съ одной стороны не достаетъ элемента лингвистическаго, а съ другой много лишняго, особенно въ мелочныхъ правилахъ при склоненіи, спряженіи, управленіи, согласованіи. Именно за эти ненужныя подробности и оподозрѣна годность отечественной Грамматики въ преподаваніи.

Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здѣсь-то и выказывается великій недостатокъ Грамматикъ Востокова и Греча, не смотря на всѣ ихъ ученыя и научныя достоинства. Оба эти Филолога смотрятъ на Грамматику только съ ученой стороны, не обращая вниманія на учебную, забывая личность учащагося: между тѣмъ какъ постепенное развитіе сей послѣдней составляетъ важнѣйшую часть отечественной Грамматики. Рускій съ малыхъ лѣтъ умѣетъ ужъ и склонять и спрягать правильно, не ошибется въ согласованіи и управленіи — за исключеніемъ весьма немногихъ частностей, которыя одни и должны быть замѣчены въ учебникѣ. Дѣтямъ совершенно безполезно знать, что есть этимологія, синтаксисъ, правописаніе, до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ они предложенія съ частями его, слова и катего-

рій частей рѣчи; до тѣхъ поръ, пока не умѣютъ правильно писать, и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядокъ изложенія нашихъ учебниковъ, отъ частей рѣчи восходящій до синтаксиса, противорѣчитъ естественному развитію дара слова. Какъ часть непонятна безъ цѣлаго, такъ и цѣлое безъ частей: часть рѣчи понятна тогда, когда извѣстна рѣчь; а самая краткая и простѣйшая форма рѣчи есть предложеніе. Это начало, выведенное изъ сущности самого предмета, находитъ полное примѣненіе къ личности учащагося: дитя говоритъ предложеніями, а не словами, ему легче понять предложеніе, нежели слово; а начинаютъ обыкновенно съ извѣстнаго, изъ коего извлекаютъ неизвѣстное. Родной языкъ такъ сросся съ личностью каждаго, что учить оному значитъ вмѣстѣ и развивать духовныя способности учащагося. Такимъ образомъ въ самомъ предметѣ преподаванія, въ языкѣ отечественномъ, находимъ мы необходимость педагогической методы.

Не надобно смѣшивать методы съ пріемами преподаванія, зависящими или отъ произвола самого учителя, или отъ личности учениковъ. Такъ иной учитель, заставляя цѣлый классъ писать подъ диктантъ, вызываетъ одного ученика писать на доскѣ; иной не вызываетъ; или, поправляя письменныя упражненія, иной подчеркиваетъ ошибки подъ строками; иной дѣлаетъ замѣчанія на поляхъ, не подчеркивая. Особые пріемы въ способѣ изложенія для дѣтей низшаго, средняго и высшаго сословія,

для дѣтей бойкихъ и тихихъ, быстрыхъ и медлительныхъ, и пр.

Метода можетъ быть принята, вопервыхъ, какъ способъ или образъ ученія; напр. одни считаютъ удобнѣе проходить Исторію этнографически, другіе хронологически, третьи синхронистически. На этой ступени большая часть нашихъ педагоговъ. Въ значеніи, гораздо высшемъ, метода имѣетъ цѣлью подчинить человѣческій духъ, какъ существо учащееся, извѣстнымъ законамъ. Педагогъ психологически вникаетъ въ познавательную способность дѣтей, и, сообразуясь съ общими законами развитія оной, ведетъ учащагося къ изученію какого либо предмета. На этой ступени педагогическаго образованія все вниманіе учителя съ любовью обращено на лице учащееся; предметъ же изученія остается только средствомъ къ духовному развитію ученика. Такая метода, соотвѣтствующая Кантовой Философіи 1), хотя несовершенна, ибо односторонняя; однако желательно, чтобы какъ можно болѣе у насъ распространилась. Тогда не слышались бы жалобы учителей на скуку толковать въ низшихъ классахъ ежегодно одно и тоже. Интересъ учителя не столько въ наукѣ, сколько въ обученіи, въ наблюденіи за развитіемъ дѣтскихъ способностей: слѣдовательно, съ каждымъ новымъ курсомъ откры-

---

1) Кантъ въ предисловіи ко второму изданію Kr. d. r. V.: die Gegenstände mussen sich nach unsrer Erkenntnisz richten.

вается преподавателю новое поприще дѣятельности, являющее ему новые предметы для наблюденія, новыя заботы и новое удовольствіе. Односторонность этой методы выказывается отъ двухъ побудительныхъ причинъ: первая — дурная: совершенное равнодушіе къ наукѣ, къ сожалѣнію столь часто замѣчаемое въ учителяхъ; вторая — добрая: иные педагоги слишкомъ мало цѣнятъ науку изъ крайней любви къ лицу учащемуся; для нихъ предметъ ученія важенъ не самъ по себѣ, а потому только, что является средствомъ къ образованію ума, духовною пищею, веществомъ, переработывающимся въ жизненные соки ученика. Этому мнѣнію діаметрально противополагаются заступники самостоятельности знанія въ обученіи; для нихъ всякая наука, Грамматика, Математика и пр., есть предметъ, постоянно пребываемый и неизмѣнный. Какъ Эвклидъ, говорятъ они, даже для царя не находитъ особаго пути къ изученію Геометріи; такъ же нѣтъ и различныхъ путей къ изученію латинской Грамматики или Геометріи для различныхъ возрастовъ 1). — Такое противорѣчіе должно было разрѣшиться необходимымъ явленіемъ третьей степени методы: направленіе субъективное, ограничивающееся одною личностью учащагося, должно было разшириться, и уничтожить противорѣчіе между личностью ученика и предметомъ обученія. На этой ступени метода требуетъ совокупнаго раз-

1) Mager, Die deutsche Burgerschule, 1840.

витія предмета изучаемаго и мыслительности учащагося 1). Она столько же не терпитъ одного формальнаго обученія, сколько и одного матеріальнаго, хотя болѣе наклонна къ послѣднему: ибо матеріальное даетъ учащемуся содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ умственныя способности; формальное же ограничивается только развитіемъ умственныхъ способностей. Такъ напр. выучка наизусть страницы на какомъ нибудь вовсе незвѣстномъ языкѣ будетъ ученіе чисто формальное, отрѣшенное отъ всякаго матеріальнаго интереса, а только изощряющее память ученика. Если же выучивается что нибудь на извѣстномъ языкѣ, то вмѣстѣ съ упражненіемъ памяти пріобрѣтается и положительное знаніе. Формальное обученіе безъ матеріальнаго возможно: таково обученіе во многихъ плохихъ школахъ, гдѣ заставляютъ дѣтей учить наизусть учебники, изъ которыхъ они не понимаютъ ни слова. Матеріальное же безъ формальнаго быть не можетъ.

Способъ преподаванія двоякій: или заставляютъ ученика самого доискиваться и находить то, чему хотятъ научить его, или же предметъ преподаваемый дается ему готовый, безъ всякаго съ его стороны пытанія. Первая метода называется *гейристическою*, вторая — *историко-догматическою* 2). Иные

---

1) Слова Спинозы: ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum — объясняютъ эту методу.

2) Beneke, Erziehungs-und Unterrichtslehre, изд. 2-е, 1842, II, 282.

противополагаютъ гейристическую методу строго-научной или систематической, почитая характеромъ послѣдней нисхожденіе отъ отвлеченнаго къ конкретному, а первой — восхожденіе отъ конкретнаго къ отвлеченному. Несправедливы тѣ, которые полагаютъ сущность гейристической методы въ разговорномъ, діалогическомъ изложеніи, а историко-догматической въ сплошномъ разсказѣ: метода эротематическая и акроаматическая основываются только на внѣшнемъ изложеніи, не касаясь сущности самого дѣла 1). Примѣнительность той или другой методы условливается отчасти предметомъ преподаванія (объективно), отчасти личностью учащагося (субъективно). Такъ все историческое и положительное не можетъ преподаваться гейристически, ибо ученикъ никоимъ образомъ не дойдетъ своимъ собственнымъ разсужденіемъ до факта, подлежащаго только памяти. Напротивъ того эта метода примѣнительна къ математикѣ, философіи и языку отечественному. Впрочемъ, въ отношеніи субъективномъ, гейристическая метода и въ преподаваніи отечественнаго языка требуетъ извѣстныхъ ограниченій: малыя дѣти, безъ запаса нагляднаго знанія и безъ умѣнья выражаться о чемъ либо опредѣленно, не могутъ съ перваго разу обучаться гейристически. По этому весьма ошибаются тѣ, которые употребляютъ такъ называемую *сократическую* методу въ первоначальномъ препо-

1) Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., I, 142.

даваніи 1); ученики Сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владѣвшіе языкомъ и многими знаніями.

Для желающихъ заняться Педагогикою указываю лучшія сочиненія:

Aug. Herm. Niemeyer, Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner, 9-е изд., 3 части, 1834, 1835. Содержитъ въ себѣ теорію, руководство къ практикѣ и исторію воспитанія и обученія.

Fr. H. Chr. Schwarz, Erziehungslehre, 2-е улучшенное изд., 3 части, 1-я въ двухъ отдѣлахъ, 1829. Въ первой части исторія воспитанія, во второй система воспитанія (лучшая часть), въ третьей обученіе. Нимейеръ и Шварцъ въ свое время были свѣтилами въ области педагогической теоріи, и до сихъ поръ еще остаются наставниками и нынѣшнихъ педагоговъ. Оба они сначала были богословами, но прославились не столько Богословіемъ, сколько Педагогикою. Въ ясности и опредѣленности изложенія Шварцъ уступаетъ Нимейеру, богатствомъ же содержанія и психологическими наблюденіями выше его.

Fr. Ed. Beneke, Erziehungs-und Unterrichtslehre, 2-е улучшенное изд., 2 части, 1842. Въ первой о

---

1) Эта мысль Песталоцци; смотр. Krüsi, Erinnerungen aus meinem padagogischen Leben und Wirken, въ Mager's Pädagogische Revue, Октябрь 1840.

воспитаніи, во второй объ обученіи. Все сочиненіе основано на психологическихъ началахъ, постоянно съ эмпирической точки зрѣнія. Послѣдовательностью и точностью, особенно въ системѣ обученія, Бенеке превосходитъ Шварца.

Herbart, Umrisse pädagogischer Vorlesungen, 2-е пополненное изд., въ одной части, 1841. Дѣлится на три отдѣла: основаніе Педагогики, очеркъ общей Педагогики, отдѣльныя отрасли Педагогики. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ управленіе дѣтьми, обученіе, воспитаніе и Педагогику по возрастамъ; въ третьемъ отдѣлѣ о предметахъ преподаванія, о недостаткахъ учениковъ, о домашнемъ воспитаніи и о школахъ. Хотя это сочиненіе, подобно другимъ Гербартовымъ, не отличается стройнымъ органическимъ построеніемъ; однако при удивительной краткости и опредѣленности содержитъ въ себѣ множество мѣткихъ и рѣшительныхъ педагогическихъ началъ.

J. H. Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837. Хотя уступаетъ предыдущимъ въ самостоятельности; однако, какъ спеціальное для Гимназій сочиненіе, смѣло можетъ быть рекомендовано учителямъ Гимназіи, по умѣренности здравыхъ началъ и ясному изложенію. Дѣлится на три части: въ первой о назначеніи Гимназіи, во второй о предметахъ гимназическаго преподаванія, въ третьей о методѣ его; въ заключеніи представленъ краткій очеркъ

гимназическаго преподаванія, какъ органическаго цѣлаго.

Fr. Cramer, Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, 2 части, 1832 — 1838. Въ первой части практическое воспитаніе, начиная отъ Китайцевъ, Индѣйцевъ, Евреевъ до Христіянской эпохи. Во второй — теоретическое воспитаніе, также отъ самыхъ древнихъ временъ до Лукіана. Единственное для исторіи древней Педагогики сочиненіе; содержитъ въ себѣ множество фактовъ по всѣмъ отраслямъ преподаванія и воспитанія въ древнемъ мірѣ. Обладая филологическою критикою, авторъ искусно умѣлъ вложить педагогику въ общую историческую картину развитія человѣчества, и такимъ образомъ представилъ исторію воспитанія и обученія въ связи съ исторіею образованности вообще.

K. v. Raumer, Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit, 1843. До сихъ поръ 2 части: въ первой отъ Данта до Монтаня, во второй отъ Бакона до смерти Песталоцци; въ третьей будетъ заключеніе Исторіи и характеристика современной Педагогики. Это сочиненіе лицомъ къ лицу знакомитъ съ педагогами среднихъ и новыхъ временъ. Авторъ положилъ себѣ за правило, общее историческое развитіе Педагогики, въ совокупности съ исторіею цивилизаціи, подчинить отдѣльнымъ біографіямъ знаменитыхъ наставниковъ, мнѣнія которыхъ, подробно изложенныя, съ одной стороны являются историче-

скою характеристикою, а съ другой служатъ матеріаломъ для педагогическихъ соображеній.

F. Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., 2 части, 1838; готовится 3-е изд. Въ первомъ отдѣлѣ общія начала, во второмъ разсужденія объ отдѣльныхъ предметахъ обученія, отъ религіи до пѣнья и рисованья, отъ азбуки до обученія слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ. При такомъ разнообразіи Дистервегъ не могъ самъ основательно и сознательно говорить обо всемъ: потому большая часть этихъ разсужденій писаны людьми, спеціально занимающимися тѣмъ предметомъ, о которомъ писали. Это сочиненіе должно быть настольною книгою всякому учителю, ибо вмѣстѣ съ здравыми началами предлагаетъ самую полную литературу сочиненій по всѣмъ частямъ Педагогики.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Окончательное рѣшеніе вопроса о преподаваніи отечественнаго языка единственно тогда воспослѣдуетъ, когда, уразумѣвъ другъ друга, примирятся двѣ враждующія партіи педагоговъ и полюбовно согласятъ свои требованія. Партія древнеклассическая отвергаетъ всякое систематическое обученіе отечественному языку, примыкая его къ латинскому; напротивъ того, реальная, во все отстраняя классическую литературу, слишкомъ разширяетъ объемъ преподаванія отечественнаго языка. На сторонѣ классиковъ или гуманистовъ вѣковой авторитетъ и блистательная обработка древней словесности;

на сторонѣ реалистовъ жизнь дѣйствительная и сама природа съ своими требованіями. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ партіи неправы въ крайностяхъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательны обѣ въ своихъ началахъ. Первая глубоко коренится на историческомъ развитіи европейскихъ школъ, вторая на разумномъ отношеніи современнаго быта къ школѣ. Держась одного преданія, безъ соображенія съ настоящимъ, партія гуманистовъ теряетъ историческую нить, связывающую былое съ теперешнимъ: увлекаясь современностью, реалисты забываютъ тотъ животворящій корень, на которомъ разумно движется настоящее. Столкновеніе и борьба противоположныхъ мнѣній, эта педагогическая діалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движеніе и жизнь, и чрезвычайно многое обѣщаетъ въ будущемъ, будучи предтечею твердаго, разумнаго начала, на коемъ построится Педагогика. Противоположное только тогда сольется во едино, когда каждая изъ сихъ, утративъ свой первоначальный видъ, какъ бы химически претворится въ другую, себѣ противную. Уже есть попытки такого полюбовнаго соединенія; только не льзя не замѣтить, что всѣ онѣ принадлежатъ людямъ либо той, либо другой партіи: а потому и самое соединеніе является не болѣе какъ безвременнымъ еще столкновеніемъ, въ которомъ, смотря по примиряющему, то реализмъ, то гуманизмъ беретъ верхъ надъ своимъ противникомъ. И возможно ли еще теперь примиреніе, когда всякое общественное зло и гуманисты и реалисты взваливаютъ

на плеча враждебной себѣ партіи. Нагель 1) всѣ упреки, возводимые гуманистами на реалистовъ, подводитъ къ пяти главнымъ пунктамъ: 1. въ реализмѣ выказывается матеріальное направленіе нашего вѣка; 2. въ реализмѣ вина безбожію и современной безнравственности; 3. въ реализмѣ возмутительныя начала для быта общественнаго; 4. реализмъ ведетъ къ духу касты, и 5. полагаетъ ложное начало для преподаванія.

И упреки эти и опроверженія ихъ заключаютъ въ себѣ весьма много дѣльнаго, но, вдаваясь въ крайности, и тѣ и другія, по односторонности своей, недостаточны. Такъ Тиршъ 2) возстаетъ на реалистовъ за матеріальное направленіе: одно изъ двухъ направленій, именно идеальное, защищаетъ преданіе, другое—отступается отъ него, ищетъ одного положительнаго, и думаетъ тѣмъ наставлять современность и поколѣнія будущія: это направленіе называется матеріальнымъ, не потому, чтобы оно не признавало идей, но по своему господствующему характеру. Для направленія идеальнаго современная образованность есть сокровище, переданное словомъ и дѣломъ отъ вѣковъ протекшихъ, сокровище, потребленіе коего связано съ изученіемъ языка, судьбы и обстоятельствъ того времени, откуда пришло

---

1) Die Idee der Realschule, von Nagel, 1840.

2) Ueber den gegenwartigen Zustand des offentlichen Unterrichts, 1838, ч I. стр. 6 и слѣд

оно. Сюда относятся не только объ Классическія литературы, но и восточныя вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, и языкъ и литература нашихъ предковъ, и все, что исторически вошло въ жизнь нашу; сюда относится и Христіанство съ своими различными формами, и поэзія, и глубокое знаніе исторіи, и философія. Вся наша народная старина съ своими повѣрьями, убѣжденіями и обычаями, на конхъ покоится общественный и политическій порядокъ современнаго быта, слѣд. все, что есть въ Религіи, въ высшемъ образованіи и въ самомъ Государствѣ, все это покоится на преданіи, и своими по цѣлымъ столѣтіямъ глубоко внѣдрившимися корнями извлекаетъ изъ него себѣ пищу и возрастаніе. Срубите дерево при корнѣ, отлучите настоящее отъ прошедшаго, что станется съ образованіемъ? — Пропивъ этаго идеальнаго направленія воздвигается другое, обращенное къ барышу, приращенію и потребленію мірскихъ благъ. Это матеріальное начало признаетъ сообразнымъ для себя единственно то, что ведетъ къ его цѣли, т. е. что умножаетъ кучу богатствъ, сопряженныхъ съ благополучіемъ и силою въ обществѣ. Для матеріалиста всякое дѣло ничтожно и глупо, если его нельзя сосчитать на деньги, или смѣрять аршиномъ. И на этомъ-то основаніи хотятъ положить все настоящее для сооруженія на немъ будущаго! Занятія восточными языками и древностями реалисты почитаютъ дѣломъ ненужнымъ, ибо все, чѣмъ полезенъ Востокъ для современности, давно уже приведено въ простое и вразумительное

ученіе Христіянское. Высшее образованіе въ поэзіи и философіи кажется имъ игрою и глупостью. Общеніе съ классическою древностью, по ихъ мнѣнію, выказываетъ незнаніе современныхъ потребностей и нуждъ, и влечетъ за собой порчу въ молодомъ поколѣніи, которое, переселясь такимъ образомъ въ міръ опасныхъ мечтаній, становится непотребно для современности. Имъ дорого единственно то, что насущная польза запечатлѣла клеймомъ своимъ,—желѣзныя дороги, пароходы, сахарныя фабрики и новыя изобрѣтенія по части Химіи, Физики, Механики.—Вотъ что говоритъ противъ этого Нагель за реалистовъ: хотя реализмъ исходитъ отъ сознанія, что одни гуманическія учебныя заведенія недостаточны для потребностей сословія промышленнаго, которому классическая древность излишня; однако не ограничивается однимъ временнымъ и насущнымъ, а стремится къ высшей цѣли. Не всѣ достигаютъ этой цѣли, равно какъ не всякій гимназистъ или студентъ Университета становится ученымъ. Матеріальное направленіе должно вести къ духовной цѣли. Первоначально изъ своего грубаго состоянія человѣкъ дошелъ до образованности постепенною дѣятельностію матеріальною, сооруженіемъ жилищъ, укрощеніемъ звѣрей, обрабатываніемъ земли, такъ что каждый значительный шагъ дѣятельности матеріальной былъ вмѣстѣ и шагомъ къ духовному развитію. Чѣмъ же именно нашъ вѣкъ сталъ выше древности, какъ не рядомъ изобрѣтеній, кои хотя были устремлены къ вещественству, однако заключаютъ въ себѣ цвѣтъ современ-

наго развитія духовнаго? Чѣмъ бѣднѣе природа, чѣмъ однообразнѣе и проще отношенія ея къ нашему духу, чѣмъ уже физическій горизонтъ нашего зрѣнія, тѣмъ ограниченнѣе и тѣснѣе кругъ умственной нашей дѣятельности. Съ возрастаніемъ сокровищъ, доставляемыхъ намъ природою, обогащается наша умственность и образуется духовная связь разума съ природою. Изощреніемъ нашихъ органовъ производимъ мы духовное вліяніе на природу. Сколько остается тайнаго для ума нашего, когда не достаетъ какого-либо органа! Всякое новое открытіе, коимъ покоряемъ мы природу, есть новый органъ, посредствомъ коего она приходитъ съ нами въ соотношеніе, есть усовершенствованіе собственнаго нашего простаго органа. Какъ зрительная трубка изощряетъ намъ зрѣніе и сближаетъ насъ съ предметами отдаленными, такъ и пароходъ, коимъ духъ человѣческій побѣдилъ бури и непогоды морскія, распространяетъ собственную нашу родину, сближая насъ съ странами самыми отдаленными. Земное назначеніе человѣка быть господиномъ природы. Какъ духъ первоначально возникаетъ изъ плоти, такъ и человѣкъ долженъ образоваться въ природѣ, для того, чтобы воспрянуть отъ нея и овладѣть ею. Вотъ для чего новая промышленная дѣятельность машинами старается замѣнить людей, для того, чтобы люди перестали быть машинами.

Яростно нападаетъ Гинперъ 1) на реалистовъ за безбожіе и безнравственность, говоря: матеріа

1) Die Realschulen und der Materialismus, 1839.

листы стремятся только къ одному чувственному, корыстному и грѣшному, и не воображая, что ихъ начала въ основаніи своемъ враждебны Церкви. Въ своихъ школахъ, въ кругу самыхъ чувственныхъ и матеріальныхъ наукъ, при односторонности умственнаго образованія, съ гордостію знанія или даже всезнанія, назначаютъ они только два часа въ недѣлю для Закона Божія, возбуждая въ учащихся пытливый и мудрствующій духъ проблематическимъ изложеніемъ ученія Церкви. — Что же спасетъ дѣтей отъ невѣрія и безбожія? — Математика? Но Пиѳагорово ученіе не доказываетъ бытія Божія. — Физика и Химія? Въ нихъ не даютъ мѣста никакой думѣ: все проходится практически, примѣнительно къ жизни. Новые языки — Французскій и Англійскій? Избави Боже отъ такого противоядія! это тоже что у гомеопатовъ similia similibus. Вотъ образованіе реальной школы! Корыстъ породила ее, къ корыстии же и стремится она. Трудъ и болѣзнь принесетъ она въ плодъ свой. Ибо кто не воздастъ Божьяго Богу, тотъ не воздастъ и Кесарева Кесарю. — Защита Гегеля: дѣйствительно ли нашъ вѣкъ безнравственнѣе прочихъ? Достаточно вспомнить развратъ и безбожіе прошлаго столѣтія, чтобы убѣдиться въ нравственномъ превосходствѣ нашего. Направленіе жизни, нравственное или безнравственное, никакъ не можетъ зависѣть отъ того, чему болѣе учится дитя въ школѣ — латинскому языку или Математикѣ. — Изъ среды самихъ гуманистовъ возставали противъ безнравственности отъ обу-

ченія древнимъ языкамъ. Извѣстно, какую войну поднялъ Ейтъ (Eyth), учитель въ одной Вюртембергской школѣ, противъ языческой и антихристіянской стихіи въ изученіи древнихъ языковъ, будто бы приносящемъ безбожіе и порчу нашему вѣку. Многіе учители возстали тогда на Ейта, и доказали ему, что классическая древность никогда не повредитъ нравственности, и особенно въ низшихъ и среднихъ школахъ латинскихъ, гдѣ учители столько бываютъ заняты внѣшними формами языка, что имъ и не приходитъ въ голову разсуждать о содержаніи прочтеннаго съ дѣтьми классика. Гирцель, защитникъ гуманизма противъ Ейта въ своемъ сочиненіи — Die Classiker in den gelerten Schulen, 1838 — разсказывая, какъ сіе самаго въ юности занимали больше всего слова и обороты классиковъ, прибавляетъ: „по всему этому должны мы признаться, что Ейтъ не съ надлежащей точки зрѣнія смотритъ на низшія школы, возлагая на дѣтей, не достигшихъ даже пятнадцатилѣтняго возраста, такія требованія въ отношеніи ученомъ и нравственномъ, кои совершенно противорѣчатъ естественному развитію духа человѣческаго.“ Отсюда заключаетъ Нагель: какъ латинскій языкъ не возвыситъ и не унизитъ нравственности дѣтей, такъ и Математика съ Естественною Исторіею. Обвиненіе въ безнравственности преподаванія можетъ быть основано не на содержаніи онаго, а на способѣ и образѣ изложенія.

Далѣе, Тиршъ, а за нимъ и Гинперъ, укоряютъ реализмъ въ возмутительномъ началѣ для жизни общественной. Гинперъ рѣзко утверждаетъ, что реальныя школы возникли на развалинахъ Революціи, что самая Революція и началась и поддерживалась реалистами. Вмѣстѣ съ этимъ гуманисты упрекаютъ своихъ противниковъ въ антинаціональномъ направленіи, подъ вліяніемъ французской образованности. Такъ по этому случаю Шварцъ приводитъ извѣстное двустишіе Шиллера :

Ringe, Deutscher, nach romischer Kraft, nach griechischer Schonheit!
Beider gelang dir; doch nie gluckte der gallische Sprung.

Весьма любопытно, что реалисты, защищаясь отъ сихъ упрековъ, съ своей стороны укоряютъ въ революціонномъ началѣ именно гуманистовъ, которые будто бы возбуждаютъ въ своихъ воспитанникахъ возмутительныя мечты изображеніемъ древней свободы.

Гуманисты говорятъ, что реализмъ влечетъ за собой касты раздѣленіемъ сословій на ученыхъ и неученыхъ. Это возраженіе дѣйствительно имѣетъ видъ правды: ибо дитя, которое могло бы со временемъ стать украшеніемъ науки, при самомъ началѣ своего ученія навсегда отстраняется отъ поприща, самой природою ему предназначеннаго. Впрочемъ исключенія пойдутъ въ общее правило, и геній, при современномъ просвѣщеніи, всегда найдетъ свою дорогу. При томъ переходъ изъ одной школы въ другую никому не возбраняется. И въ этомъ пунктѣ реалисты хотятъ сложить съ себя обви-

неніе на гуманистовъ, утверждая, что сіи послѣдніе монополіею своего знанія, какъ египетскіе жрецы, скорѣе приведутъ общество къ раздробленію на касты.

Предлагаю начала реалистовъ о воспитаніи и преподаваніи. Замѣчательно, что противъ каждаго гуманисты выставляютъ свое, діаметрально противоположное 1).

А

1. Воспитаніе предполагаетъ только одну внѣшнюю цѣль — образованіе человѣка для его будущаго назначенія въ жизни. Гуманисты напротивъ: воспитаніе имѣетъ свою собственную внутреннюю цѣль въ общемъ образованіи человѣка.

2. Цѣль преподаванія — сообщеніе полезныхъ свѣденій въ самомъ обширномъ объемѣ. По мнѣнію гуманистовъ — образованіе духа.

3. Учи дѣтей предметамъ, а не словамъ; начинай образованіемъ, нужнымъ для свѣта: для высшихъ идей ученикъ еще не созрѣлъ. Гуманисты: начинай идеями и словомъ, какъ выраженіемъ идей; образуй ученика для высшаго міра духовнаго: для здѣшней жизни научитъ его сама жизнь.

Б.

4. При необъяснности человѣческихъ знаній самые дѣти должны уже заучивать сколько возможно

1) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 230.

больше свѣденій. Гуманисты: множество предметовъ разсѣиваетъ и ведетъ къ поверхностному знанію: non multa sed multum.

5. Изъ множества предметовъ знанія выбирай полезнѣйшіе для жизни практической. Гуманисты: юношескій духъ полнѣе развивается предметами духовными, нежели вещественными.

6. Образованіе никакъ не можетъ быть ограничено одними языками классическими. Гуманисты: предметъ изученія долженъ имѣть классическую форму, а кромѣ древности нѣтъ ничего классическаго.

B.

7. Ученье для дѣтей должно быть игрою; по мнѣнію гуманистовъ — важнымъ занятіемъ.

8. Преподаваніе должно быть разнообразно: потому всѣ предметы проходятся въ одно время; по мнѣнію гуманистовъ — одинъ за другимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

9. Слѣдуй природѣ въ развитіи духовныхъ силъ и съ ранней поры возбуждай и упражняй въ дѣтяхъ всѣ высшія способности души, умъ, разсудокъ и пр. д. Гуманисты: такъ какъ природа сначала даетъ человѣку память, и потомъ уже разсудокъ: потому сначала упражняй дѣтскую память, и тѣмъ укрѣпляй духъ: tantum scimus, quantum memoria tenemus.

Ученіе распалось на двѣ противоположныя части отъ разсѣченія круга (κυκλός, енциклопедія) на-

укъ на двѣ половины 1). Гуманизмъ произошелъ отъ того, что изъ круга образованности вырѣзали только одинъ секторъ, и отъ этаго сектора — именно наукъ нравственныхъ (историческихъ, антропологическихъ), взяли только сегментъ — классическіе языки и литературы. Первая степень гуманизма — гуманизмъ, основанный на преданіи: онъ ничего не хочетъ знать, кромѣ языковъ древнихъ, отвергая все остальное. Противники Песталоцци возвели его на степень раціональнаго гуманизма, который основывается на образованіи формальномъ, обращая все вниманіе на обученіе мыслить. Оба эти направленія, образуя учащихся эстетически и нравственно, и не упуская изъ виду практическаго примѣненія къ школѣ, въ отношеніи педагогическомъ стоятъ выше новѣйшаго гуманизма, требующаго строгой науки и основательности отъ школьнаго образованія. Эти „основательные“ филологи (точно также, какъ и непедагогическіе учители Математики, Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Географіи и т. д.) суть истинная зараза многихъ теперешнихъ нѣмецкихъ школъ: ибо они изъ школы дѣлаютъ академическую или университетскую аудиторію; преподаваніе ихъ, будучи только чисто ученымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего всесторонне образующаго, ничего воспитывающаго. — Впрочемъ все-таки гуманизмъ стоитъ выше своего противника. Какъ гуманистовъ можно назвать педагогическими еретиками, однако оста-

1) Mager, Die modernen Humanitatsstudien, 1843, стр. 2-я.

ющимися внутри святилища науки, такъ реалисты суть невѣрующіе, педагогическіе идолопоклонники, стоящіе внѣ. Реализмъ (первоначально извѣстный подъ именемъ филантропинизма) произошелъ въ слѣдствіе противодѣйствія всеобщему обученію полатини. Къ гуманизму относится онъ точно также, какъ, въ области Философіи, философскій матеріализмъ къ спиритуализму, или, въ практическомъ быту, какъ либертинизмъ къ піетизму. Хотя реалисты зашумѣли очень важно: „намъ надобно не слово, а дѣло;“ однако къ этому дѣлу тотчасъ, какъ плевелъ, приросло, и бездѣлье. Еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія многіе нѣмецкіе педагоги совѣтывали въ школахъ читать политическія, ученыя и литературныя газеты, и заставляли учениковъ дѣлать изъ нихъ извлеченія 1)! Изъ круга образованія реализмъ беретъ себѣ, въ секторѣ естественныхъ наукъ, Математику, прибавляя къ ней два новыхъ языка и немножко Исторіи. На низшей степени его учащійся образуется ремесленникомъ: будущій красильщикъ учится нѣсколько Химіи, механикъ — Механикѣ, купецъ — счету и Бухгалтеріи, и т. д. Такимъ образомъ упускается главнѣйшее практическое образованіе, именно образованіе характера: молодые люди не учатся ни чувствовать человѣчески, ни думать, ни

1) Kosters, Prorektors zu Weilburg, Gedanken von den niedern und hohen Schulen, 1765. Слич. Steubers Ueber Gymnasial-Bildung, 1817. стр. 87.

говоритъ. — Высшій реализмъ смотритъ далѣе: онъ съ претензіями на государственную службу и на общественное модное образованіе. И здѣсь основаніемъ также физико-математическое знаніе; однако, такъ какъ порядочно образованному человѣку надобно знать литературу, потому нужно учить новымъ языкамъ и заставлять читать греческихъ и латинскихъ писателей въ переводѣ, для того чтобы умѣть что нибудь сказать о нихъ; нужна также и Исторія для будущаго чиновника. Наконецъ реализмъ доходитъ до ученой степени во французской Политехнической школѣ.

Часто говорятъ, вмѣстѣ съ Гердеромъ и Песталоцци, что умственныя способности можно образовать на какомъ хочешь предметѣ 1). Но такое мнѣніе совершенно несправедливо: это все равно, что сказали бы, будто всякое общество образуетъ юношу, не только сообщество съ людьми необразованными, но даже съ лошадьми и собаками. Нѣтъ, духъ образуется только посредствомъ духовнаго; впрочемъ этимъ не отвергается и приро-

---

1) „Если ножъ наточенъ, говоритъ Гердеръ, то имъ можно рѣзать что угодно. Точно тоже и съ остротою и образованіемъ ума. Изощряй и образуй его на чемъ хочешь; довольно того, чтобы онъ былъ изощренъ и образованъ.“ Сравненіе не доказательство, и Магеръ очень искусно этому Гердерову сравненію противополагаетъ свое собственное равносильное: алмазъ шлифуется только алмазной пылью.

да физическая, какъ предметъ образующій, если будемъ понимать подъ ней не безсвязную груду фактовъ, а органическое, всецѣлое созданіе Божіе, проникнутое тѣмъ же творческимъ духомъ, какъ и нравственный міръ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что изученіе языковъ и литературы всего короче и дружнѣе сближаетъ учащихся съ міромъ духовнымъ, нечувствительно возводя ихъ отъ конкретнаго къ отвлеченному и открывая имъ необозримое поле для дѣятельности всѣхъ нравственныхъ силъ ихъ. Это общее положеніе гуманисты пріурочиваютъ въ пользу языковъ древнихъ; реалисты же (напр. Магеръ, хотя и считаетъ себя примирителемъ) расширяютъ его и на языки новые· послѣднее весьма полезно въ Германіи, гдѣ, при недостаткѣ энциклопедическаго образованія, филологическая ученость такъ сильна и незыблема, что не страшится никакихъ нападокъ. Напротивъ того у насъ, при общемъ недостаткѣ спеціальныхъ знаній, такое начало какъ разъ перейдетъ въ беллетристику, которую такъ рѣзко, но чрезвычайно справедливо, осудилъ Кантъ 1): „Беллетристъ или bel esprit есть гуманистъ, по современнымъ писателямъ на живыхъ языкахъ. Слѣдовательно онъ вовсе не ученый—ибо только мертвые языки почитаются языками учеными—но просто модный ди-

---

1) Введеніе въ Логику, смотр. Jm. Kant, Sammtliche Werke, изд. Розенкранца и Шуберта, 1838, часть 3, стр. 213.

летшанитъ изящнаго, не заботящійся о древнихъ классикахъ. Его можно назвать *обезьяною* гуманиста.“ Такъ какъ Гимназія даетъ основанія такимъ ученикамъ, которые современемъ имѣютъ быть людьми *учеными*, а не просто образованными: потому и беллетристика въ ней должна совершенно подчиниться ученью классическому.

Руское образованіе еще такъ недалеко ушло на поприщѣ древнеклассической Филологіи, что наши реалисты не имѣютъ ни малѣйшаго права поднимать противъ оной своего голоса. Намъ еще надо дѣлать, а не спорить: и когда гуманическое образованіе принесетъ у насъ свои плоды, тогда не будутъ намъ съ наивностью говорить, что не нужно учиться латинскому языку, потому что нѣтъ такой страны, гдѣ бы говорили теперь по латини. Въ Гимназіи всѣ предметы равно идти не могутъ. Идеально—совершенная Энциклопедія есть воздушный замокъ 1). Математика и языки древніе образуютъ два самостоятельныхъ, противоположныхъ отдѣла: но они мирятся въ первоначальномъ обученіи. Если поставимъ Исторію и Рускій языкъ въ независимости отъ древней Филологіи: реализмъ и

---

1) Гесснеръ даетъ Энциклопедіи высокое значеніе: *κυκλός* est circulus, quae figura est simplicissima et perfectissima simul; nam mepi potest ubique in illa, et ubique cohaeret. *Cyclopaedia* itaque significat, omnem doctrinarum scientiam inter se cohaerere. *Encyclopaedia* est institutio in illo circulo. Смотр. Isagoge I, 40.

беллетристика обуяютъ Гимназію. Еще не пришла пора учителямъ рускаго языка думать, что ихъ предметъ есть сосредоточіе гимназическаго курса. Наша Грамматика и въ половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоятъ нѣмецкая и французская; исторіи рускаго языка вовсе еще нѣтъ; попытки сравнительнаго изученія рускаго языка съ родственными и соплеменными еще не доросли до науки; Литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій; Стилистики нѣтъ; Реторика и Піитика ожидаютъ дѣлателей.

Весьма дѣльно и основательно можно примѣнить къ преподаванію многое, что говорятъ гуманисты объ отечественномъ языкѣ, не въ ущербъ его успѣхамъ въ школѣ. Ихъ метода гораздо прочнѣе, потому что держится на преданіи, чуждая опасныхъ нововведеній, строгая нравственностью, скромная и незаносчивая. Предлагаю въ параллели главнѣйшія статьи реалистовъ и гуманистовъ касательно обученія отечественному языку.

1. Реалисты: въ преподаваніи отечественный языкъ преимуществуетъ передъ древними; ибо на немъ дѣти естественнѣе и легче узнаютъ строеніе языка вообще. Гуманисты: отечественный языкъ не можетъ дать дѣтямъ яснаго понятія о грамматическихъ формахъ; ибо онъ такъ тѣсно совпадаетъ съ личностью дитяти, что его никакъ не

льзя представить отдѣльнымъ отъ сознанія предметомъ; языкъ же иностранный, и преимущественно древній, какъ чуждый сознанію съ перваго разу, имѣетъ всѣ выгоды объективности преподаваемаго предмета.

2. Рр: начинать граммапическое обученіе отечественнымъ языкомъ. Гг: латинскимъ языкомъ.

3. Рр: вмѣстѣ съ формами языка дѣти должны обогатиться обильнымъ запасомъ наглядпаго энциклопедическаго ученія. Гг: энциклопедія ведетъ къ поверхностному знанію и чужда Граммапикѣ; учи только языку.

4. Рр: развивай судительную силу дѣтей умственными упражненіями. Гг: не пріучай дѣтей умствовать попустому, изощряй ихъ память ученіемъ напзусть граммапическихъ формъ и классическаго писателя.

5. Рр: читай съ дѣтьми какъ можно больше различныхъ писателей отечественныхъ, и со всѣхъ сторонъ развивай душевныя способности учащихся. Гг: ограничься весьма немногими, но самыми лучшими писателями.

6. Рр: читай писателей большою частью современныхъ, въ угоду настоящимъ потребностямъ времени. Гг: истинно хорошее никогда не старѣетъ: читай лучше образцовое, даромъ что оно старинное.

7. Рр: чтеніе должно забавлять дѣтей; скука не принесетъ плода. Гг: школа не для забавы; учи-

дѣшей побѣждать и скуку; этимъ возбудишь въ нихъ нравственное чувство долга и обязанности.

8. Рр. отечественный классикъ долженъ читаться въ школѣ съ комментаріями точно такъ, какъ и латинскіе или греческіе. Гг: всѣ комментаріи на новыхъ писателей пошлы и смѣшны; убиваютъ въ дѣтяхъ живую воспріимчивость къ прочтенному; влекутъ къ педантству, а не къ истинному сочувствію съ писателемъ. Отечественнаго, близкаго къ намъ писателя, въ школѣ не изучаютъ.

9. Рр: знакомь дѣтей со всѣмъ, что есть прекраснаго въ литературѣ. Гг: раннимъ эстетическимъ наслажденіемъ не притупляй дѣтскаго чувства. Преждевременное удовольствіе неминуемо влечетъ за собой охлажденіе и разслабленіе.

10. Рр: лелѣя свободную воспріимчивость дѣтей при чтеніи писателя, не принуждай ихъ заучивать наизусть прекрасныя произведенія: иначе они наскучатъ имъ, потерявъ интересъ новости. Гг: у дѣтей память помогаетъ разсудку и укрѣпляетъ его. Чѣмъ болѣе учатъ они наизусть, тѣмъ яснѣе понимаютъ заученное: слѣдуя природѣ, не испортишь ничего.

11. Рр. образуй въ учащихся самостоятельный слогъ чтеніемъ отечественныхъ писателей и разнообразными письменными упражненіями на родномъ языкѣ. Гг: лучшіе писатели научились слогу у древнихъ классиковъ, а создали его своими мыслями. Всѣ

предметы гимназическаго курса совокупною силою образуютъ въ учащемся умъ.

12. Рр: сочиненія на отечественномъ языкѣ лучше развиваютъ способности учениковъ. Пиша по-латини, они думаютъ только о грамматическихъ формахъ: на родномъ языкѣ свободнѣе выливаются мысли. Гг: прочнѣе крѣпнетъ Грамматика, правильнѣе ложатся предложенія въ латинскихъ упражненіяхъ. Сочиненія на своемъ языкѣ — даръ Божій, на латинскомъ — плодъ науки. Вредно питаютъ въ ученикахъ духъ авторства, заставляя ихъ самостоятельно сочинять. Безвременное авторство ведетъ къ болтовнѣ и посредственности.

13. Рр: излагая Реторику и Пиитику, представь характеристику произведеній не только древнеклассическихъ литературъ, но и новыхъ. Гг: отъ учителя не льзя требовать, чтобы онъ зналъ всѣ новыя литературы: греческую и латинскую онъ долженъ знать. Только же обо всемъ понемножку влекутъ къ вредной посредственности. Учитель весьма легко можетъ опошлиться, если будетъ судить съ учениками о такомъ писателѣ, котораго не читалъ въ подлинникѣ, а знаетъ понаслышкѣ.

14. Рр: стройно и соразмѣрно проходи съ учениками и философскую и историческую часть словесности. Гг: давай преимущество знанію историческому, положительному, и въ Грамматикѣ и въ Литературѣ.

ГРАММАТИКА.

1. Умственныя упражненія и энциклопедическое ученіе.

Неопредѣленное понятіе о предметѣ преподаванія дало поводъ учителямъ рускаго языка восполнять пустоту своихъ уроковъ различными манерами. Когда пошли въ ходъ умственныя упражненія, учители отечественнаго языка первые хватились за нихъ. Но развѣ умственное развитіе дѣтей исключительно лежитъ на отвѣтственности учителя словесности? А учители Математики, Исторіи неужели не предлагаютъ въ своихъ урокахъ половину того, чѣмъ набиты книги объ умственныхъ упражненіяхъ? Языкъ есть выраженіе мысли; слѣдов. надобно постигнуть законы мысли, чтобы уразумѣть языкъ: а въ умственныхъ упражненіяхъ анализируется строеніе мысли, слѣдов. они предшествуютъ Граммашикѣ и сопровождаютъ ее. Таково оправданіе учителей Граммашики, преподающихъ умственныя упражненія; но къ нему присоединяются два пошаенные повода: личность учителя—по большой части философа, и завлекательность энциклопедическаго характера умственныхъ упражненій. Слѣдуетъ рѣшить: 1) необходимо ли предпосылать логическую пропедевшику изученію грамматики; 2) полезно ли упражнять дѣтей опредѣленіемъ логическихъ кашегорій; и 3) совмѣстна ли съ преподаваніемъ отечественнаго языка энциклопедія нагляднаго ученія и умственныхъ упражненій?

1. Если языкъ есть выраженіе мысли, то почему же не начинать съ дѣтьми прямо отъ языка, и потомъ уже переходить къ мысли? Ибо, изучая языкъ, они изучаютъ и то, что имъ выражается, т. е. мысль. Для дѣтей логическія категоріи являются гораздо понятнѣе въ языкѣ, въ Грамматикѣ, чѣмъ въ отвлеченныхъ умствованіяхъ. Учитель долженъ въ самой Грамматикѣ, въ чтеніи басни, въ разборѣ предложенія—учить дѣтей мышленію: тогда онъ сохранитъ самостоятельность своего преподаванія. „Развернемъ какую угодно хорошую Грамматику: на всякой страницѣ видимъ категоріи и общія отношенія понятій. Бытіе и дѣйствіе; существенное и случайное; предметъ и свойство; единство и множество; воззрѣнія времени и мѣста; отношенія; содержаніе и форма; внутреннее и внѣшнее; средство и цѣль; причина и дѣйствіе; основаніе и слѣдствіе; возможность, дѣйствительность и необходимость; опредѣленность и неопредѣленность; субъективность и объективность; общность, частность и особенность; всѣ формы сужденій и умозаключеній и множество иныхъ категорій — не выражаются ли въ Грамматикѣ формами языка, не объясняются ли во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ, не подлежатъ ли умственному упражненію, и не оживаютъ ли предъ душою? Поелику симъ упражненіямъ лежитъ въ основаніи чувственное вещество— языкъ, потому они и удобовразумительны ученику. Хотя сначала онъ придерживается формамъ, измѣненію и связи словъ и предложеній, но чѣмъ далѣе

идетъ онъ въ грамматической наукѣ, тѣмъ болѣе видитъ въ отношеніяхъ словъ отношенія понятій. Изъ легкаго учится онъ труднѣйшему. Потому грамматическія упражненія по своему содержанію суть самыя лучшія и живительныя логическія упражненія; и потому въ Гимназіяхъ учатъ языкамъ только частію для языковъ и Литературы, а большею частію для твердой и живой логики, которая возращаетъ, и долговременно и многоразлично упражняется въ ученикахъ посредствомъ грамматическаго обученія языку, до тѣхъ поръ, пока не станетъ неотъемлемой собственностію юношескаго духа“ 1). Если въ изученіи языка умъ дѣтей упражняется и живѣе, и естественнѣе, и легче, нежели въ Логикѣ, то для чего же занимать ихъ умственными упражненіями? Но скажутъ: нельзя же девятилѣтнему ребенку прямо растолковать, что такое имя, что такое глаголъ, когда онъ не имѣетъ понятія ни о предметѣ, ни о дѣятельности. И дѣйствительно, ему еще рано знать и глаголъ, и имя, а слѣд. и что такое предметъ, что такое дѣятельность. Все дѣло вертится на вопросѣ: что дѣлать съ дѣтьми прежде, нежели начнутъ они Грамматику? Чѣмъ приготовить ихъ къ Грамматикѣ? Дѣти и приготовляются къ Грамматикѣ, и начинаютъ, и продолжаютъ, и оканчиваютъ ее чтеніемъ и письмомъ. Глава изъ Священной Исторіи или одна басня Кры-

---

1) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt. 1837. стр. 58 и 59.

лова и ученику и учителю предложатъ матеріала для умственнаго упражненія гораздо болѣе цѣлой книги нагляднаго ученія или тому подобнаго. Слѣд. не Логика предшествуетъ обученію Граммашики, а наоборотъ Граммашика пріуготовляетъ дѣтей къ Логикѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гегель: „Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія Граммашики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніемъ Граммашики — кашегоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопоняшны для юношесшва, и нѣтъ ничего духовнаго удобопоняшнѣе: еще ограниченныя силы сего возрасша не могутъ обнять всего духовнаго царсшва въ его многоразличіи; оштвлеченности же граммашическія совершенно просты. Онѣ шочно оштдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бышія; ими начинаемъ мы складывашь и учишься чишашь оное. Граммашика предлагаетъ сіи оштвлеченности по силамъ юнаго возрасша, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ. Кто можетъ отличишь красный цвѣтъ отъ голубаго, еще безъ всякаго опредѣленія цвѣтовъ по Ньютоновой гипотезѣ или по какой иной шеоріи, тотъ имѣетъ уже нѣкоторыя свѣденія, и даже великой важности уже и то, чтобы обрашишь вниманіе на сіе отличіе. Ибо, если умственныя опредѣленія присутствуютъ въ насъ, какъ въ существахъ мыслящихъ, и мы понима-

емъ ихъ непосредственно: то первоначальное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы ихъ *имѣть*, т. е. возвести ихъ въ предметъ сознанія и отличить признаками. Такъ какъ грамматической терминологіею обращаемся мы въ области отвлеченія, и такъ какъ сіе ученіе можетъ почесться элементарною Философіею: то Грамматика, и латинская и нѣмецкая, должна быть разсматриваема не только какъ средство, но и какъ цѣль.“

2. Изъ предыдущаго легко уже отвѣтить и на второй нами предложенный вопросъ. Опредѣлять всякій предметъ логически, давать всему строгую систему — дѣло лишнее для дѣтей: на первый разъ довольно и того, если они съумѣютъ отличить предметъ по внѣшнимъ признакамъ, въ самомъ языкѣ содержащимся. Всякая философская теорія въ головѣ учителя есть не иное что, какъ личное убѣжденіе, иногда даже вредное для науки: ученикамъ нужно знать самый предметъ, а не умствованія учителя. Скажу болѣе: забивать голову учениковъ первыхъ трехъ классовъ Гимназіи логическими отвлеченностями и философскими опредѣленіями не только безполезно, но и чрезвычайно вредно Не въ томъ сила, чтобы дѣти знали, что такое понятіе, что, сужденіе, а въ томъ, чтобы умѣли понимать и судить. Лѣкарь не объясняетъ больному, что есть пищевареніе и изъ чего состоитъ прописанный рецептъ, а просто даетъ ему лѣкарство. А Философы-учители отечественнаго языка только опредѣляютъ и толкуютъ, а не даютъ духовной пищи сво-

имъ ученикамъ. Дѣтямъ надобно сначала больше матеріала для ихъ памяти, больше осязательнаго. Разумѣніе не можетъ быть непосредственною цѣлью: оно есть естественное слѣдствіе развитія духовныхъ способностей учащагося. Только тогда начинаетъ разсудокъ соединять однородное и раздѣлять различное, когда память обогатится достаточнымъ запасомъ 1). Неужели можетъ похвалиться философомъ тотъ учитель, который вздумаетъ преждевременно выжимать изъ дѣтской головы понятія, опредѣленія и другія отвлеченности, забывая, что все отвлеченное есть плодъ глубокаго соображенія и опытности? Садовники не вытягиваютъ растеній изъ земли, а только поливаютъ ихъ, да выпрямляютъ тычинками. Но возразятъ: опытъ показываетъ, что десяти-и одинадцатилѣтнія дѣти очень легко могутъ вращаться въ логическихъ отвлеченностяхъ. Дѣйствительно, силы юнаго возраста неистощимы; но сколько бывало примѣровъ, что мальчики виртуозы, выростая, получали неодолимое отвращеніе къ тому инструменту, за которымъ преждевременно погубили ихъ музыкальный талантъ? Въ старину и женили десятилѣтнихъ дѣтей. Философствующіе учители отечественнаго языка, думая слыть философами, именно тѣмъ и предаютъ себя, что философствуютъ тамъ, гдѣ и не мѣсто и не

---

1) Günther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 23 и 24.

время философствовать. Тѣ же самыя отвлеченности, надъ коими безвременно и безъ толку дитя ломаетъ голову, въ одно мгновеніе пойметъ въ свое время, какъ подрастетъ: зачѣмъ же насиловать природу, и не слѣдовать ея законамъ? И почему же развивать въ дѣтяхъ только одинъ умъ, оставляя въ сторонѣ и чувство, и нравственность, и даръ слова? А вѣдь умственными упражненіями, кромѣ разсудка, ничего не упражнишь. Не полнѣе ли удовлетворитъ всѣмъ способностямъ дитяти чтеніе автора, соразмѣрнаго его силамъ? Тогда учитель ограничитъ самостоятельно свою науку, и не будетъ бросаться изъ нея во всѣ стороны, выказывая тѣмъ ея безсиліе и несостоятельность. Не чего бояться, что до десяти или двѣнадцати лѣтъ дѣти не съумѣютъ опредѣлить, что есть понятіе, признакъ, сужденіе, что есть причина, условіе и т. д. Впереди остается еще много времени для образованія ума. Напротивъ того, надобно бояться, чтобы раннимъ философствованіемъ не забить голову дѣтей пошлыми общими мѣстами, которыя надолго останутся для нихъ тягостными веригами. Система не даетъ матеріала, а при матеріалѣ будетъ и система: дитя на память учитъ существенное въ наукѣ, и тѣмъ упражняетъ уже свой разумъ. Всякое матеріальное ученіе есть вмѣстѣ и формальное, т. е., развивающее умственныя силы; другими словами: во всякомъ предметѣ ученія есть логика, а тѣмъ болѣе въ Граммашикѣ, какъ показано выше.

3. Впрочемъ, кромѣ формальнаго образованія, метода умственныхъ упражненій и нагляднаго ученія даетъ и матеріалъ ученію, заключая въ себѣ энциклопедію многоразличныхъ свѣденій, начиная отъ Богословія и Философіи до Механики, Технологіи и Ремеслъ. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ очень много занимательнаго и наставительнаго для дѣтей: но для чего же браться за все это учителю отечественнаго языка? Законоучитель, учитель Математики, Исторіи, имѣютъ такое же право толковать о нравственности, спасителѣ, о землѣ и небѣ, о звѣздахъ. Но преподаватели отечественнаго языка пріурочиваютъ себѣ эту энциклопедію на томъ основаніи, что языкъ есть всеобщее выраженіе всякой дѣятельности человѣка. Въ такомъ случаѣ это основаніе можно повернуть и въ другую сторону: такъ какъ и учители Катихизиса, Математики, Исторіи, учатъ дѣтей и языку, ибо учатъ ихъ на немъ выражать свои мысли: то или вовсе не нужно учителя отечественнаго языка, или же онъ долженъ занимать дѣтей чѣмъ либо исключительно принадлежащимъ его наукѣ. Иные педагоги 1) этой энциклопедіи даютъ болѣе систематическій характеръ, построивая ее на развитіи умственной, нравственной и художественной дѣятельности. Упражненіе каждой дѣятельности заключается въ отдѣльныхъ статьяхъ, снабженныхъ изре-

1) Напр. Цоллеръ въ своемъ сочиненіи: Das erste Schul-und Bildungsbuch. 1840.

ченіями и примѣрами. Къ чему же такое насильственное разграниченіе способностей? Въ человѣкѣ развиваются и дѣйствуютъ всѣ способности души заодно. Только слѣпыхъ, горбатыхъ, да калекъ пользуютъ тѣмъ, что̀ лечитъ ихъ отдѣльный, мѣстный недостатокъ: здоровому же даютъ пищу для питанія всего тѣла.—Другіе педагоги въ такой начальной энциклопедійкѣ ограничиваются только кругомъ наукъ, извлекаютъ общее понятіе науки изъ отношенія человѣка къ міру духовному и вещественному, отсюда выводятъ дѣленіе наукъ съ опредѣленіемъ каждой, отъ Эстетики до Анатоміи. Спрашивается же, въ которомъ классѣ Гимназіи преподавать такую энциклопедію? И какой учитель Гимназіи возьметъ на себя смѣлость добросовѣстно и съ сознаніемъ дать понятіе обо всѣхъ наукахъ? Говоритъ же о всемъ какъ нибудь и что нибудь могутъ только одни шарлатаны. Но систематикамъ непремѣнно хочется, чтобы дѣти, прежде чѣмъ начнутъ Грамматику, знали, какое мѣсто занимаетъ сія наука въ кругу знаній человѣческихъ. Почему же не поступаютъ такъ учители Математики, Химіи, Исторіи? А именно потому, что они довольны богатымъ содержаніемъ своихъ наукъ. Дѣйствительно, надобно было замѣнить чѣмъ нибудь старинную методу Грамматики: не ужели же тѣмъ, чтобы пуститься на фокусы нагляднаго энциклопедическаго ученія?—Отбросимъ всѣ крайности энциклопедическаго ученія, множество всего непонятнаго для дѣтей, и возьмемъ самую скромную, по силамъ юнаго возраста написан-

ную книгу въ этомъ родѣ. Если бы она была замѣчательна своимъ слогомъ, остроуміемъ, глубокомыслiемъ, словомъ, если бы она по достоинству была не ниже Естественной Исторіи Бюффона или Басенъ Крылова: то учитель языка могъ бы взять ее въ руководство при чтеніи и граммматическомъ разборѣ. Но гдѣ подобныя книги? Укажите хоть одну. Сочинители дѣтскихъ книгъ пишутъ какъ ни-попало, чтобы только было наивно, просто, да понятно для дѣтей. Но этого мало. Въ школѣ дѣти должны читать и заучивать только то, что имѣло бы для нихъ цѣну и тогда, когда они вырастутъ 1). Басни Крылова учатъ наизусть малыя дѣти, ими же зачитываются и взрослые. Пушкинъ съ удовольствіемъ читалъ Русскую Исторію, написанную Ишимовой для дѣтей. Слѣд. книги для первоначальнаго чтенія ошибочны именно въ томъ, что будучи соразмѣрны силамъ дѣтскаго возраста, слѣдов. удовлетворяя субъективной, временной потребности учащихся, не имѣютъ никакой внутренней, матеріальной цѣнности. Пусть же учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ юнымъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставитъ

---

1) „Для меня книги тоже, что люди, говоритъ Магеръ въ предисловіи къ своей Французской Хрестоматіи, 1842: лучше никогда не видать того человѣка, котораго не захочешь увидѣть въ другой разъ; лучше никогда не читать такой книги, которую не вздумаешь еще разъ перечесть.

въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сѣменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще не развитыя. Конечно дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ писателя — одни болѣе, другіе менѣе: но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ одной внѣшней стороны, запечатлѣвъ ихъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ. Младенецъ еще не понимаетъ высокаго значенія молитвы, но мать уже учитъ его священному обряду, и онъ молится усердно. Дитя не сознаетъ высокой нравственности самоотверженія, но, по примѣру старшихъ, охотно подаетъ милостыню, и радуется, что утѣшилъ тѣмъ убогаго. Пройдутъ годы — и вмѣстѣ съ возрастаніемъ дѣтей, возрастутъ и окрѣпнутъ въ нихъ и тѣ истины, которыя вычитали они нѣкогда въ любимомъ писателѣ, и, проведенныя черезъ многіе случаи жизни ихъ, оправдаются и уясняться опытностію. Греки учили малолѣтныхъ по Гомеру; наши предки послѣ азбуки тотчасъ заставляли дѣтей читать Псалтирь. Итакъ пусть дитя узнаетъ и пойметъ великія нравственныя мысли, хотя и не во всемъ ихъ глубокомъ объемѣ: оно учитъ ихъ не для одного мгновенія, а на цѣлую жизнь, въ продолженіи коей онѣ разовьются опытомъ и дѣлами 1).

---

1) Читатель припомнитъ слова Гегеля: „тоже самое нравственное изреченіе въ устахъ юноши, котораго *весьма правильно понимаетъ оное*, не имѣетъ того объ-

2. *Обученіе отечественному языку по латинской Грамматикѣ.*

Отстранивъ крайность въ ученіи реалистовъ, обратимся къ гуманистамъ. И они, чувствуя несостоятельность отечественной Грамматики, прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Какъ все преподаваніе сосредоточиваютъ они къ древне-классической Литературѣ, такъ и ученіе отечественному языку пріурочиваютъ къ Грамматикѣ латинской или греческой. Въ основаніе грамматическому обученію, говорятъ они 1), надобно положить изученіе языка чуждаго. „1. Родной языкъ сросся съ духовнымъ бытіемъ ученика. Онъ какъбы костью отъ костей его и плотью отъ плоти его. Слишкомъ близокъ ученику, и потому не можетъ быть прямымъ объектомъ науки, составляя субъективность самого ученика. Ученикъ даже не можетъ никакъ понять, для чего онъ будетъ учиться тому, что знаетъ и безъ науки. Напротивъ того, чужой языкъ выступаетъ передъ нимъ совершенно объективно. Учащійся принужденъ выдти изъ самого себя, чтобы его усвоить; и напряженность духовныхъ силъ, необходимая для сближенія съ предметомъ вовсе чуждымъ, должна быть несравненно больше, чѣмъ

ема и значенія, какіе получитъ оно въ умѣ опытнаго мужа, для коего раскрывается въ немъ вся сила внутренняго содержанія.“ Логика Ч. I.

1) Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837, стр. 59— и слѣд.

при изученіи отечественнаго языка, отъ котораго не такъ легко можетъ отрѣшиться учащійся. Въ этомъ отношеніи справедливо говоритъ Ф. А. Вольфъ: чужой языкъ сильнѣе возбуждаетъ вниманіе, и заставляетъ насъ подводить явленія къ умственнымъ соображеніямъ, тогда какъ отечественный коренится на внутреннемъ чувствѣ. 2. Съ этимъ соединяется вторая еще важнѣйшая причина, состоящая въ томъ, что черезъ *сравненіе* двухъ языковъ, съ большей ясностью и силою запечатлѣваются въ умѣ отношенія грамматическія и логическія. Только сравненіемъ многихъ языковъ полагается отличіе между отношеніями слова и мысли, между единичнымъ и всеобщимъ. Когда одинъ и тотъ же предметъ выражается и познается въ двухъ различныхъ формахъ, тогда ясно опредѣляется и самое понятіе онаго. Такъ и въ грамматическомъ преподаваніи. Отношенія понятій будутъ выражаться на двухъ различныхъ языкахъ особенными флексіями и различною связью словъ. Какой прекрасный способъ довести такимъ образомъ до сознанія, что всякое содержаніе, какъ нѣчто общее, является существеннымъ въ различныхъ явленіяхъ! Какъ понятіе о жизни пріобрѣтается изслѣдованіемъ ея различныхъ формъ и явленій, такъ и объ языкѣ сближеніемъ по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ языковъ. Одинаковость и всеобщность содержанія оживутъ въ различіи и особенности разнородныхъ формъ. Отечественный языкъ предпосылается, какъ извѣстное основаніе, къ которому все должно относиться. Онъ

будетъ мѣриломъ для чужихъ языковъ. Когда ученикъ сознаетъ отношенія граммматическія на своемъ и на чужомъ языкѣ, тогда необходимо извлечетъ для себя изъ различія формъ того и другаго языка понятіе о единствѣ мысли, какъ всеобщаго, которое повторяется и отражается въ многоразличіи." Изъ чужихъ языковъ, разумѣется, предпочитаются латинскій и греческій, потому что конхъ не устоитъ никакой другой въ богатствѣ содержанія и въ обработкѣ учебныхъ пособій. Вотъ какъ педагоги 1) опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимую пользу обученія древнимъ языкамъ: 1. „Вначалѣ обученіе языку есть упражненіе памяти, котораго важность для юнаго возраста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Память есть запасъ насущнаго капитала для ума. Чѣмъ меньше у человѣка памяти, тѣмъ меньше и духовнаго содержанія для непрестаннаго употребленія и обработки. Сила человѣка словомъ и дѣломъ, по большой части, зависитъ отъ хорошей памяти. Чѣмъ больше у него духовнаго запасу, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ онъ, тѣмъ больше содержанія и объема дѣламъ его. Человѣкъ безъ памяти никуда не годится; достоинство его возрастаетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ памяти. Слѣдовательно, упражненіе ея необходимо для практической дѣятельности и для высшихъ силъ духовныхъ, которыя берутъ изъ памяти запасъ и пересоздаютъ его въ слово и дѣло. Съ этой сто-

1) Deinhardt, стр. 197 и слѣд.

роны упражненіе ея является средствомъ къ цѣли. Цѣль въ дѣятельности разумѣнія и воли, для свободнаго развитія коихъ необходима достаточная сила памяти. Она же пріобрѣтается, и развивается, и упражняется въ дѣтскомъ возрастѣ; притомъ иногда имѣетъ и въ себѣ самой конечную цѣль, будучи для дитяти силою воспріимательною. Дитя понимаетъ предметы преимущественно памятью, а не высшею силою духа. Въ человѣческомъ развитіи есть извѣстная степень — степень памяти, совпадающая съ дѣтскимъ возрастомъ. Образованіе познавательной способности и образованіе памяти въ этомъ возрастѣ одно и тоже. Не укрѣпись память въ молодости, на всю жизнь будетъ чувствителенъ недостатокъ. Потому-то дѣти находятъ удовольствіе въ упражненіи ея; потому-то великіе люди, въ лѣта зрѣлыя оказавшіе сильное дѣйствіе на человѣчество словомъ и дѣломъ, отличались превосходною памятью въ своемъ дѣтствѣ. Но чемъ же образовать и упражнить ее? Изученіемъ формъ чужаго языка. Чѣмъ тоньше и незначительнѣе оттѣнки въ измѣненіи словъ, тѣмъ сильнѣе она изощряется. Въ этимологіи заучиваются малѣйшія отличія слоговъ и буквъ. Чтобы приступить къ разумному изученію языка, надобно до такой степени впечатлѣть въ свою память этимологическія формы, чтобы никогда не забывать ихъ. Кромѣ этимологіи, разумѣется заучиваніе и лексикальной части древнихъ языковъ, и потомъ правилъ. 2. Между тѣмъ, какъ этимологическое изученіе языка пре-

мущественно образуетъ память: заучиваніе, уразумѣніе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ развиваетъ силу судительную. Вначалѣ заучиваніе правила слово въ слово — есть дѣло памяти. Но какъ скоро синтаксическія правила примѣняются къ примѣрамъ и къ переводу съ чужихъ языковъ на свой и съ своего на чужіе, тотчасъ открывается ученику обширное и силамъ его сообразное поле, гдѣ онъ по преимуществу упражняетъ свою судительную силу. Ибо,—что значитъ судить? Узнавать въ единичномъ всеобщее, возводить единичное къ всеобщему, примѣняя общее къ частному и находя въ частномъ общее. Потому изученіе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ есть непрестанное сужденіе. Общее въ сужденіи будетъ правило, а частное—извѣстные примѣры, къ коимъ примѣняется правило. Такъ, при переводѣ съ одного языка на другой, ученикъ въ каждомъ примѣрѣ находитъ примѣненіе заученному имъ правилу. Сверхъ того, при переводѣ съ древняго на родной, узнаетъ онъ въ данномъ примѣрѣ общее правило, и его сужденіе будетъ теоретическое. При переводѣ же съ роднаго на древній, онъ самъ переноситъ правило въ данный примѣръ, и его сужденіе будетъ практическое. Въ первомъ случаѣ беретъ верхъ уразумѣніе, во второмъ дѣйствованіе; въ первомъ онъ какъ бы философъ, въ послѣднемъ художникъ. Когда же примѣры будутъ болѣе подробные, тогда, вмѣсто одного правила, приложится къ нимъ множество. Потому и сужденіе ученика при переводѣ ихъ будетъ труднѣе, ибо

будетъ состоять изъ совокупности многихъ сужденій. Кто не видитъ въ этомъ стройнаго перехода отъ простаго къ сложному? Слѣдующія правила сопровождаются труднѣйшими примѣрами: хотя главная цѣль въ переводѣ и здѣсь будетъ объясненіе и примѣненіе послѣдняго правила, однако и прежнія правила, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, будутъ здѣсь же повторяться. Такимъ образомъ сужденіе постоянно идетъ къ новому и труднѣйшему, постоянно удерживая при себѣ пройденное, простѣйшее. 3. Кромѣ упражненія памяти въ заучиваніи формъ этимологическихъ, и кромѣ упражненія судительной силы на синтаксическихъ правилахъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ развивается и усовершенствуется третья способность, необходимая для изученія всякой науки, именно, вниманіе къ мелочамъ и незначительнымъ подробностямъ. Въ этимологіи малѣйшая перемѣна въ формѣ слова тѣсно связана съ измѣненіемъ его понятія. Ничтожная перемѣна только одной буквы въ словѣ даетъ другое отношеніе понятію. Поелику отъ столь малаго, повидимому, и незначительнаго зависитъ великое и важное, то на этимологіи, болѣе нежели на чемъ другомъ, научишься обращать полное вниманіе на мелочи. Нельзя проглядѣть ни одной буквы, ни одного знака: все требуетъ точнѣйшаго наблюденія въ грамматическомъ обученіи. Во многомъ иномъ и смѣшно и противно съ важностью хлопотать о мелочахъ; въ грамматическихъ же формахъ и естественно и необходимо, ибо отъ ничтожныхъ подробностей въ

буквахъ зависятъ различныя отношенія мыслей.“— Все это весьма дѣльно и основательно для изученія древнихъ языковъ, даже частью и отечественнаго; но какъ же примѣнить къ школѣ? чѣмъ начинать — латинскою или отечественною Грамматикою? Гуманисты рѣшаютъ задачу очень просто 1): „Все нужное для нѣмецкой Грамматики въ этомъ классѣ (Sexta, соотвѣтствуетъ первому классу нашихъ гимназій) достаточно передается въ латинскомъ урокѣ. Хотя и въ нѣмецкомъ языкѣ дитя узнаетъ части рѣчи, падежи, роды, времена, наклоненія и проч.; однако отъ того нельзя сказать, что онъ учится нѣмецкой Грамматикѣ. Упражняясь въ склоненіи mensa ученикъ долженъ узнать, что по-нѣмецки говорятъ der Tisch, ein Tisch и Tisch. Латинскій учитель вмѣстѣ съ латинскими примѣрами постоянно долженъ упражнять дѣтей и въ отечественныхъ. Уже на первомъ склоненіи ученикъ, хотя и не ясно, узнаетъ членъ, нужнѣйшее изъ средствъ нѣмецкаго языка для означенія падежей и чиселъ. Важнымъ шагомъ будетъ для него изученіе правилъ о родахъ въ связи съ прилагательными. Согласованіе прилагательныхъ съ существительными, въ коемъ онъ никогда не ошибется на родномъ языкѣ, доставитъ ему много труднаго на латинскомъ: но онъ опять уз-

---

1) Gunther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 155.

нашъ необходимое и для нѣмецкаго прилагательнаго, именно отличіе между der gute Mann, guter Mann, ein guter Mann, der Mann ist gut, и т. д.“ Ошибка подобныхъ гуманистовъ въ томъ, что они не отличаютъ совершенно противуположныхъ методъ въ изученіи чужаго и своего языка. Если мы возьмемъ въ руководство Грамматики Востокова, Греча, и друг.; то конечно лучше учиться рускому языку по латинскому, ибо эти Грамматики составлены по методѣ Грамматикъ для чужихъ языковъ: начинаются опредѣленіемъ частей рѣчи, склоненіями и спряженіями, съ ненужными для дѣтей подробностями, и потомъ уже предлагаютъ синтаксисъ. Многіе наши педагоги до сихъ поръ все хлопочутъ о спряженіяхъ да склоненіяхъ, и не догадываясь, что Рускіе безъ правилъ умѣютъ правильно и склонять и спрягать. Половцевъ частію примѣнилъ преподаваніе *Рускаго* языка къ требованіямъ *Рускихъ* учениковъ; но и онъ не достигъ своей цѣли, предпославъ этимологію синтаксису, и не связавъ синтаксическимъ разборомъ всѣхъ частей рѣчи въ одно цѣлое. Въ ошибку другаго рода противъ отличія въ преподаваніи отечественнаго языка отъ иностраннаго впалъ Вурстъ 1). Хотя, слѣдуя Беккеру, имѣетъ онъ надлежащее понятіе объ отношеніи этимологіи къ синтаксису;

---

1) Praktische Sprachdenklehre; слич. извлеченіе изъ этой книги: Практическій Синтаксисъ сложнаго предложенія, составл. П. Перевлѣскимъ, 1842.

однако въ своемъ руководствѣ принимаетъ методу латинскихъ и греческихъ Грамматикъ для изученія правилъ отечественнаго языка: передъ каждымъ правиломъ примѣры, а за правиломъ задачи для упражненія въ оном. Всякъ видитъ, что все вниманіе Вурста обращено на правило, какъ средоточіе и примѣровъ и упражненій; а въ этомъ-то и ошибка, ибо правила въ отечественной Грамматикѣ стоятъ совершенно въ другомъ отношеніи къ практикѣ, нежели въ Грамматикѣ иностраннаго языка. Потому, сосредоточившись на правилахъ, Вурстъ упустилъ изъ виду годность примѣровъ и упражненій, ибо его отрывочные примѣры вовсе не йдутъ для отечественной Грамматики, составляя не болѣе, какъ подмостки, лѣса, на которыхъ онъ строитъ правила, и которые, какъ ненужный хламъ, ученики выбрасываютъ изъ головы, какъ скоро понято правило. И практическія задачи Вурстова учебника не имѣютъ никакой самостоятельной цѣнности, будучи хвостами тѣхъ же правилъ. Въ Грамматикѣ латинской и пустой примѣръ имѣетъ значеніе, ибо содержитъ въ себѣ матеріалъ для заучиванія въ неизвѣстныхъ ученику словахъ и въ грамматическихъ формахъ, къ которымъ онъ еще не пріучилъ свой языкъ и ухо. Вурстовы же примѣры — Feuchter Lehmen ist weich, Mein Buch ist neu, Dieser Griffel ist spitzig (стр. 28) и т. п. дѣйствительно подлежатъ осмѣянію 1). Немного выиграетъ такая ме-

1) Mager, Die deutsche Burgerschule, 1840, стр. 134.

шода и тогда, когда эту болтовню замѣнимъ мы маленькими отрывочками изъ писателей образцовыхъ, ибо отношеніе правилъ къ примѣрамъ остается тоже самое; а клочки изъ писателей также не даютъ реальнаго содержанія для заучиванія, будучи по большой части фразами, въ коихъ мысль только въ половину выражена, а иногда и того менѣе. Въ латинской же или греческой Грамматикѣ краткія цитаты изъ классиковъ не только терпимы, но даже необходимы. Да и въ руской Стилистикѣ отрывочныя фразы изъ писателей имѣютъ свое значеніе и педагогическую цѣнность. Но въ отечественной Грамматикѣ первоначальной являются предразсудкомъ, составленнымъ по неумѣнію отличить преподаванія языка своего отъ преподаванія чужихъ. Все, что Дейнгардтъ говоритъ о примѣненіи правилъ къ примѣрамъ, касательно языковъ древнихъ, можетъ быть отнесено и къ Грамматикамъ отечественнымъ, подобнымъ Вурстовой: здѣсь мѣрило ихъ погрѣшности. И какъ скучно для учениковъ подробное исчисленіе различныхъ правилъ съ подраздѣленіями и видоизмѣненіями! Справедливо опровергаетъ Гикке подобныя методы: „Отстраняя всякое подробное изложеніе цѣлой доктрины, говоритъ онъ 1), и заставляя учениковъ останавливаться на прочитанномъ и пріискивать въ ономъ примѣры, мы ставимъ себя рѣшительными противниками другаго столь распространившагося сло-

1) Der deutsche Unterricht, 1842, 215 — 218.

соба преподаванія. Въ учебникахъ такого рода находимъ, напримѣръ, рядъ простыхъ предложеній, подлежащимъ которыхъ существительное masculini generis, второй рядъ съ подлежащими женскаго рода, третій — средняго; за тѣмъ четвертый рядъ съ двумя подлежащими, сначала мужескаго, потомъ женскаго, наконецъ средняго рода; далѣе новые роды предложеній, въ которыхъ по два подлежащихъ: одно мужескаго, другое женскаго, и т. д. А тамъ пойдетъ таже исторія съ числами: здѣсь отыскиваются предложенія, подлежащія которыхъ имена существительныя: a) не употребляющіяся во множественномъ числѣ, b) не употребляющіяся въ единственномъ, c) имѣющія двоякое множественное; или такія предложенія, въ которыхъ подлежащимъ будетъ: a) сложное, b) производное существительное. Коротко сказать: кажется, будто сочинители такихъ методъ думаютъ, что можно и должно исчерпать всѣ возможныя видоизмѣненія предложеній; покрайней мѣрѣ, будутъ такого мнѣнія бѣдные ученики, живая воспріимчивость которыхъ систематически убивается такой методою. Сочинители, по-крайности, подумали бы вотъ о чемъ: если потребуется нѣсколько дней, даже цѣлыхъ недѣль, чтобы систематически развить всѣ возможныя видоизмѣненія предложенія только съ тремя простыми элементами; то при десяти элементахъ предложенія не достанетъ и жизни человѣческой, чтобы наполнить примѣрами всѣ возможныя случаи сочетанія сихъ элементовъ; да-

же одно только исчисленіе всѣхъ этихъ видоизмѣненій — есть уже дѣло невозможное. Зачѣмъ же хлопотать о томъ, чего и нельзя, да вовсе и не нужно доводить до конца? Или, можетъ быть, такой способъ, дробящій все до безконечности, по преимуществу есть способъ методическій и практическій? Напротивъ того, самый неметодическій и неудобопримѣнительный. — Въ сравненіи съ этимъ хотя еще не до такой степени ошибочна, однако вовсе несообразна съ цѣлію и непримѣнительна къ дѣлу та метода, по которой заставляютъ учениковъ отыскивать примѣры на отдѣльныя правила синтаксиса. Сколько труда стоитъ даже самому учителю найти дѣльный примѣръ на какую нибудь болѣе распространенную форму предложенія. Сколько же труда ученику! и къ чему все это поведетъ? — къ болѣе ясному воззрѣнію, къ сильнѣйшему впечатлѣнію формы предложенія? но нельзя ли всего этого гораздо совершеннѣе достигнуть отысканіемъ примѣровъ въ прочтенномъ?“

На степени того же безразличія между Грамматикою своего и чужаго языка стоитъ La Grammaire mise a la portée de l'enfance, par H A. Dupont, 1839. Дюпонъ начинаетъ этимологію, отдѣляя ее отъ синтаксиса, и учитъ дѣтей фразамъ и по фразамъ; ибо, говоритъ онъ: Pour nous, l'étude de la grammaire est l'étude des phrases. Въ самомъ началѣ спряженія: „спряженіе можетъ быть изустное и письменное. Думаемъ, что въ началѣ должно быть только изустное, и потомъ уже письменное.

Это упражненіе для нашихъ учениковъ сначала совершенно механическое: дѣти, еще не умѣющіе читать, съ пользою могутъ имъ заниматься“ и проч. Послѣ всего этого не удивительно, что Дюпонъ заставляетъ дѣтей даже зубрить наизусть спряженія отечественныхъ глаголовъ и т. п. Разумѣется, если такими методами захотимъ мы тягаться въ преподаваніи отечественнаго языка съ греческою и латинскою Грамматикою: насъ тотчасъ побьютъ; ибо все то, чѣмъ самостоятельны Грамматики языковъ древнихъ, мы не кстати прикладываемъ къ отечественной, и рядимъ ее въ чужія перья. Гуманисты тотчасъ ихъ ощипаютъ, и все ничтожество методы обнажится.

3. Метода обученія отечественному языку.

Итакъ, гдѣ же искать спасенія самостоятельному и годному для школы преподаванію отечественнаго языка? „Метода 1) всякаго обученія опредѣляется съ одной стороны естественнымъ развитіемъ духа человѣческаго, съ другой сущностью предмета преподаваемаго. Потому мы должны обратить вниманіе на то, съ какими свѣденіями въ языкѣ поступаетъ ученикъ въ школу, и какому развитію подлежитъ онъ сообразно съ природою познающаго духа и съ свойствами познаваемаго предмета. Первыя начатки упражненія въ отечественномъ языкѣ скрываются въ таинственномъ сумракѣ пер-

1) Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 1838, I, 529 и слѣд.

выхъ годовъ дѣтскаго возраста. — Никто не помнитъ за собою этого начала, ни наступающей за тѣмъ слѣдующей степени развитія; никто не можетъ составить себѣ представленія объ этомъ темномъ состояніи сознанія, когда народившійся человѣкъ еще не умѣетъ отличить себя отъ предметовъ, его окружающихъ. Но съ удивительною быстротою заучиваетъ дитя множество словъ и предложеній, и его радость, при выраженіи своего внутренняго міра, иногда столь велика, что онъ творитъ собственныя свои слова, выговоромъ коихъ радуетъ и счастливитъ своихъ родителей. Словомъ, узнаніе роднаго языка совершается при темномъ сознаніи, какъбы инстинктнымъ подражаніемъ, и восходитъ до совершенно быстраго разговора о всѣхъ пріобрѣтенныхъ представленіяхъ, разумѣется, безъ отличія отдѣльныхъ звуковыхъ частей въ словѣ, и безъ всякаго предчувствія объ органической связи между мыслію и словомъ. Поелику таковъ естественный путь, коимъ всякій человѣкъ узнаетъ свой родной языкъ, то извлекаемъ отсюда первое правило для методы преподаванія: 1) *Приводи дитяти всѣ явленія языка такимъ образомъ, какъ поступаетъ сама природа, то есть, помощію изустнаго выраженія непосредственныхъ представленій, помощію разговора и чтенія.* Этимъ и слѣдующими правилами отдѣляемъ мы методу преподаванія отечественнаго языка отъ методы преподаванія иностранныхъ, ибо отношеніе дитяти къ тому и другому совершенно различно. Чужіе языки, какъ показываетъ самое слово,

чужды духу, стоятъ внѣ его; напротивъ, отечественнымъ языкомъ обладаетъ уже въ нѣкоторой степени даже семилѣтнее дитя; онъ сталъ его духовной собственностью, какъбы всосанною вмѣстѣ съ молокомъ матери; дитя даже не можетъ существовать безъ него. Потому-то и не можетъ онъ преподаваться, какъ чужой языкъ. Отечественный языкъ узнаётъ всякій человѣкъ непосредственно вмѣстѣ съ наглядной воспріемлемостью внѣшнихъ явленій и внутреннихъ ощущеній; потому даръ слова непосредственно связывается съ воспріемлемостью и впечатлѣніемъ, такъ что слова являются сознанію живымъ соотвѣтствіемъ (correlativ) вещей. Въ началѣ изученія чуждаго языка отдѣльное слово не кажется въ соотношеніи съ предметомъ и представленіемъ, а понимается посредственно, именно черезъ слово отечественнаго языка, выражающее тотъ предметъ, или то представленіе. Въ чуждомъ языкѣ каждая форма, каждое слово представляется чѣмъ-то разрозненнымъ и отдѣльнымъ отъ познающаго субъекта, и таковымъ должно быть заучаемо; въ отечественномъ языкѣ умъ обнимаетъ цѣлое, вмѣстѣ все предложеніе, выражающее мысль, и потому отечественная рѣчь есть постоянное выраженіе сужденій, постоянно въ цѣлыхъ предложеніяхъ. Потому твердо полагаемъ мы первымъ правиломъ, что отечественный языкъ не долженъ преподаваться такъ, какъ преподается иностранный, т. е. не наблюденіемъ отдѣльныхъ звуковыхъ видоизмѣненій, не пушемъ разсуждающаго

наблюденія, а практическими примѣрами, тоесть, сообщеніемъ ученику понятнаго и полезнаго такими словами и формами, съ какими хочешь познакомить ученика. Первое дѣло въ области преподаванія отечественнаго языка состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ практическимъ путемъ узналъ всѣ формы рѣчи, чтобы онѣ являлись ему не однѣ сами по себѣ, но постоянно въ органической связи съ мыслію, ими выраженною, такъ, чтобы ученику вмѣстѣ съ формою непрестанно давалось и содержаніе. Итакъ первое и важнѣйшее дѣло развить практическую способность, состоящую въ томъ, чтобы понимать выраженное формами рѣчи, и пользоваться ими правильнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ говорятъ люди образованные. Слѣдовательно умѣнье всему здѣсь основаніе: это умѣнье, какъ данное, предпосылается уже самому началу преподаванія, а преподаваніемъ должно еще тверже укрѣпиться. Такимъ ученіемъ мы продолжаемъ впередъ шествіе самой природы, и изустной рѣчью о предметахъ дѣйствительной жизни, внимательнымъ чтеніемъ приличнаго и понятнаго, изустными и письменными упражненіями образуемъ въ ученикѣ способность съ надлежащей легкостью правильно понимать формы рѣчи въ разговорѣ и на письмѣ. На способность говорить обращаемъ мы въ ученикѣ строгое вниманіе, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, опредѣленно, съ толкомъ и со смысломъ. Не одинъ отечественный языкъ, но и всѣ остальные предметы преподаванія должны быть направлены къ

образованію въ ученикѣ этой способности, столь необходимой для развитія его умственныхъ способностей, для образованія характера, и вообще для всей жизни. Мы слушаемъ говорящаго сто разъ, прежде нежели однажды прочтемъ имъ написанное. Ужъ по одному этому умѣнье говорить важнѣе всего прочаго. Упражнивъ на преподаваніе языка умѣнье и разумѣніе ученика, мы должны дать ему знаніе, должны объяснить сознанію его то, что болѣе или менѣе ясно представлялось ему; отсюда второе правило: 2) *Формы рѣчи, коими ученикъ умѣетъ уже пользоваться, доводи до его сознанія разборомъ, слѣдовательно, путемъ анализа.* Хотя это правило поставили мы вторымъ, однако это не значитъ, чтобы мы пользовались имъ тогда только, какъ ученикъ достигнетъ высокой степени въ способности дара слова; мы его можемъ примѣнить тотчасъ же, какъ замѣтимъ, что ученикъ достаточно къ тому приготовленъ соотвѣтственнымъ упражненіемъ. Но все-таки наше мнѣніе таково, что упражненіе должно предшествовать разсужденію и сознанію явленій. Ученикъ сначала долженъ пріобрѣсти умѣнье въ отечественномъ языкѣ, и потомъ уже возвысится до сознанія о его формахъ и законахъ. Необразованная толпа и не достигаетъ того никогда. Ужъ одно то чрезвычайно много бы значило, если бы всѣ правильно говорили и писали. Но образованному человѣку вмѣняется въ обязанность не только правильное дѣйствованіе, но и разумѣніе законовъ, коимъ подлежитъ

дѣйствованіе. Это сознаніе (нельзя сказать *ученіе*, ибо ученикъ еще до вступленія въ школу знаетъ уже всѣ формы, хотя и не умѣетъ ихъ привесть въ порядокъ, произвесть одну отъ другой и проч.), итакъ это сознаніе должно развиваться разборомъ или путемъ аналитическимъ. Весьма естественно. Ибо языкъ есть живое цѣлое; человѣкъ никогда не произнесетъ ни одного слова безсмысленнаго, но всегда говоритъ предложеніями, выражающими мысль. Органическое цѣлое ему извѣстно прежде, нежели отдѣльныя части онаго. Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извлеченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія. Части же его до самыхъ простѣйшихъ стихій, коими заключается процессъ раздробленія, могутъ быть найдены только путемъ анализа. Итакъ въ преподаваніи отечественнаго языка сначала упражненіе, потомъ возведеніе формъ къ ясному сознанію, сначала умѣнье, потомъ знаніе, сначала упражненіе въ языкѣ (Sprechübungen), потомъ упражненія надъ языкомъ (Sprachübungen), сначала практика, потомъ теорія, и къ тому же аналитическимъ путемъ. Само собою разумѣется, что отдѣльныя формы языка, имѣющія между собою нѣчто общее, должны сравниваться и приводиться въ порядокъ; но еще мы не дошли до всеобщихъ законовъ языка: мы заготовляемъ только матеріалы для оныхъ. Путемъ

анализа возведши къ сознанію отдѣльныя частности, преподаваніе слѣдуетъ третьему правилу: 3) *Съ разборомъ соединяй синтезисъ, совокупленіе отдѣльнаго въ практическихъ упражненіяхъ.* Разнообразное упражненіе добрый знакъ хорошаго преподаванія: заучиваніе и сужденіе пусть идутъ обруку съ упражненіемъ и умѣньемъ. Вначалѣ подражаніе, потомъ знаніе; теперь опять упражненіе. Какъ скоро какія-либо формы языка дошли до яснаго сознанія въ головѣ ученика, тотчасъ надлежитъ заставить его, чтобы онъ употребилъ ихъ въ дѣлѣ на задачѣ. Когда, напр., объяснены изъ предложенія падежныя окончанія, ученикъ самъ составляетъ предложенія съ различными падежами; или объяснивъ сослагательное наклоненіе, учитель задаетъ задачу, въ коей ученикъ употребляетъ оное. Такимъ образомъ въ обученіи языку постоянно соединяется знаніе и умѣнье, ученіе и упражненье, восполняя другъ друга. Дѣйствованіемъ начинаетъ ученикъ, имъ же и оканчиваетъ: первое безъ яснаго сознанія, послѣднее совершенно сознательно. Въ серединѣ между тѣмъ и другимъ разсужденіе: оно нужно не для простаго дѣйствованія, но для сознательнаго. Четвертое и послѣднее общее правило: 4) *Соединяй внѣшнее съ внутреннимъ, форму съ содержаніемъ.* Обученіе языку имѣетъ дѣло хотя съ внѣшнимъ, съ формами и плотью языка; однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духомъ, что душа важнѣе плоти, что изученіе формъ самихъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, и что онѣ не могутъ

быть исключительнымъ предметомъ наблюденія. Всегда и вездѣ ищи значенія представленій и отношеній, выражаемыхъ формами. Иначе ученіе будетъ неисторично сухо, отвлеченно и совершенно внѣшнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно. Постоянная связь содержанія съ формою требуетъ, чтобы учитель никогда не разсматривалъ частей рѣчи и отдѣльныхъ формъ — самихъ по себѣ, но постоянно представлялъ ихъ въ органическомъ цѣломъ, въ предложеніи, показывая отношеніе отдѣльностей къ цѣлому, которое даетъ имъ существенное значеніе. Только такимъ путемъ можно образовать посредствомъ обученія языка."

4. Отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Итакъ сущностью самого предмета въ связи съ психологическимъ развитіемъ дитяти опредѣляется метода преподаванія отечественнаго языка, какъ предмета самостоятельнаго, совершенно отличнаго отъ обученія языкамъ иностраннымъ. Вначалѣ отечественная Грамматика является для дитяти самою простою логикою, въ коей отъ удобопонятнѣйшаго и легчайшаго дитя нечувствительно переходитъ къ болѣе трудному, отъ даннаго самою природою къ искомому наукою. Предложеніе есть исходный пунктъ отечественной Грамматики; въ предложеніи же и сущность построенія всякаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, что дитя пойметъ латинское выраженіе только тогда, когда не-

реведетъ его себѣ поруски: потому анализъ предложенія отечественнаго предшествуетъ латинскому. Даже для выгодъ самой латинской Грамматики надобно предпослать нѣкоторое грамматическое знаніе въ языкѣ отечественномъ. Грамматика отечественная должна быть посредникомъ между врожденнымъ ученику даромъ слова и между латинской Грамматикой: ш. е., данное природою нечувствительно и постепенно объясняется по руской Грамматикѣ, и потомъ, когда ученикъ уже чувствуетъ отношеніе своей рѣчи къ наукѣ объ оной, надобно будетъ перейти къ иностранной Грамматикѣ, какъ къ высшей степени теоретическаго изученія языка. Въ противномъ случаѣ, преподаваніе языка будетъ безсмысленно: ибо латинскія склоненія и спряженія, неодушевленныя связью предложенія, безжизненны. Руская же Грамматика съ самаго перваго урока знакомитъ дѣтей съ предложеніемъ, и постоянно къ нему примыкаетъ всѣ явленія языка; зная предложенія, слѣдов. глаголъ и падежныя отношенія, дитя чувствуетъ смыслъ латинскихъ спряженій и склоненій, вставляя ихъ въ форму предложенія. Слѣд. первоначальное обученіе отечественному языку относится къ обученію латинскаго, какъ синтаксисъ къ этимологіи, какъ живое предложеніе къ отдѣльнымъ склоненіямъ и спряженіямъ, какъ мысль къ звуку. —

Такимъ образомъ отечественный языкъ постепенно и нечувствительно введетъ ученика въ область науки. Тогда наступаетъ уже время обученія латинскому языку. „Несправедливо поступа-

ютъ, говоритъ Мадвигъ 1), профессоръ Копенгагенскаго Университета, несправедливо поступаютъ, начиная столь рано преподаваніе латинскаго языка, какъ обыкновенно вездѣ заведено. Это предметъ слишкомъ отдаленный и трудный, къ нему дитя не приготовлено еще ближайшимъ и легчайшимъ; потому-то изучается онъ долго и медленно, въ какой-то неясности, которая послѣ съ трудомъ проходитъ. Когда же начинается латинское преподаваніе нѣсколькими годами позднѣе (около двѣнадцатилѣтняго возраста), но съ силами сосредоточенными и съ упражненной способностью заучивать и работать; тогда, думаю я, съ трудомъ, гораздо меньшимъ, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ."

Защищая самостоятельность преподаванія отечественнаго языка, мы должны показать отношеніе, въ какомъ стоитъ обученіе языку къ противуположности своей въ области ученія реальнаго — къ Математикѣ 2). „Математика и Грамматика суть такіе предметы преподаванія, цѣль коихъ состоитъ во всеобщемъ и чисто формальномъ образованіи духа. Математика и Грамматика должны быть Логикою для Гимназіи, начиная отъ самыхъ низшихъ клас-

---

1) Bemerkungen über verschiedene Puncte des Systems der lateinischen Sprachlehre, 1844, стр. 14.

2) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt, стр. 63 и слѣд. Дейнгардтъ старшій учитель Математики и Физики въ Виттенбергской Гимназіи.

совъ до послѣдняго. Собственно же Логика можетъ преподаваться только въ высшемъ классѣ, и то въ лучшихъ Гимназіяхъ, гдѣ случится для того способный учитель. Въ Математикѣ систематическая форма Логики, въ Граммматикѣ ея содержаніе. Въ Математикѣ ученикъ впервые видитъ образецъ органической науки, и научается доказывающему, основательно и необходимо шествующему впередъ мышленію. Въ Граммматикѣ развиваются, упражняются и примѣняются всеобщія отношенія мыслей, входящія во всякую науку; повторяются и присоединяются къ другимъ новымъ до тѣхъ поръ, пока не станутъ въ душѣ ученика живою его собственностью. Вооружившись систематическимъ мышленіемъ въ Математикѣ и обильнымъ запасомъ категорій въ Граммматикѣ, гимназистъ легко и основательно можетъ проникнуть въ всякій родъ знанія и подчинить его своимъ силамъ.“ Напрасны всѣ усилія математиковъ замѣнить своею наукою формальную пользу обученія языкамъ, особенно когда дружно, соединенными силами будутъ дѣйствовать руская и латинская Граммматики, какъ живая природа и стройная наука, какъ всеобъемлющій синтезъ и дробящій анализъ, въ непрестанномъ, естественномъ переходѣ отъ практики къ теоріи, какъ постепенное возшествіе къ созданію, и какъ непрестанное утвержденіе памяти. Математика даетъ дитяти первыя понятія объ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ на пространство и время: грамматическое ученіе наполнитъ эту tabulam rasam живымъ, конкретнымъ

содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи Грамматика будетъ для формальнаго образованія ученика среднимъ терминомъ между знаніями реальными, какъ наглядностью міра осязаемаго, и между Математикою, какъ отвлеченіемъ всякаго живаго содержанія въ общую форму измѣренія и числа. Ибо на первой степени своей ученіе языка (слѣд. отечественнаго) неотдѣлимо отъ реальныхъ предметовъ преподаванія; на высшей же степени переходитъ въ область отвлеченія. Въ этомъ же отношеніи преподаваніе Математики въ низшихъ классахъ Гимназіи приноситъ великую пользу и обученію языкамъ, пріуготовляя дѣтей къ восхожденію отъ нагляднаго ученія къ отвлеченностямъ грамматическимъ.

Отношеніе преподаванія рускаго языка къ языкамъ новымъ не прямое, а посредственное. Ибо между рускимъ и языками новыми стоитъ языкъ древній. Все, чѣмъ полезны языки новые въ формальномъ отношеніи, заключается уже въ обученіи латинскому, только въ большемъ объемѣ. Потому-то не учащіеся древнимъ языкамъ ни чѣмъ уже не могутъ восполнить существеннаго недостатка. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что формы языка рускаго гораздо богаче французскихъ и нѣмецкихъ: а синтаксисъ, столь важный для формальнаго образованія учениковъ въ языкѣ латинскомъ, весьма бѣденъ въ учебникахъ языковъ новыхъ. Потому въ школахъ реальныхъ, напр. въ Корпусахъ, Коммерческихъ училищахъ и т. п., Грамматика руская получаетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ Гимназіяхъ: ибо въ свя-

зи съ церковнославянскою, должна анализомъ формъ замѣнить латинскую и греческую: но только въ высшихъ классахъ, гдѣ единственно возможно строгое грамматическое изученіе отечественнаго языка. Отъ французской Грамматики этого требовать не льзя: ибо дѣти, не учась полатыни, не могутъ узнать въ корнѣ ни одной французской формы. А нѣмецкая могла бы стать на ряду съ русской развѣ только историческая Гриммовская; но и въ сей послѣдней постоянныя сближенія съ языками древними и множество историческихъ подробностей необходимыхъ, но вовсе недоступныхъ для элементарнаго курса. Потому-то учители новыхъ языковъ избрали ближайшій и полезнѣйшій путь—практическій: вѣрно и прямо ведетъ онъ къ цѣли, подкрѣпляясь практическимъ же ученіемъ языка русскаго въ низшихъ классахъ; но по этому-то именно и не можетъ это обученіе замѣнить теоретической методы латинскаго. Слѣдовательно, можно сказать рѣшительно, что въ реальныхъ школахъ, корпусахъ и т. п. низшіе классы остаются безъ правильнаго и строгаго грамматическаго обученія: ибо поруски склонять да спрягать никто теперь не учитъ, а новые языки формами бѣдные латинскаго, и должны изучаться болѣе практически. Въ Гимназіяхъ же отечественный языкъ станетъ посредникомъ между новыми и древними; такъ, напр., русскій учитель анализомъ предложенія познакомитъ съ значеніемъ падежей, латинскій определитъ каждый падежъ флексіею; новые же языки къ флексіямъ присовокупятъ члены и вспомогатель-

ные предлоги, а руская Граммашика укажешъ въ предложеніи на отношеніе падежей къ предлогамъ и ш. п. Касашельно внушренняго содержанія ш. е. лишерашуры, новые языки спояшъ къ рускимъ Гимназіямъ въ иномъ оношеніи, нежели къ французскимъ или нѣмецкимъ: чѣмъ для прочихъ европейскихъ народовъ были лишерашуры древнія, шѣмъ для насъ, кромѣ древнихъ, и французская и нѣмецкая, ш. е. образцемъ для изученія и подражанія. Конечно, можешъ бышь придешъ и наше время самосшояшельнаго дѣйсшвованія: но будущее во власши Божіей. Унизишельно для науки предаваться суешному гаданію о шомъ, чего еще нѣшъ; неушомимая дѣяшельносшь въ насшоящемъ есшь залогъ досшойнаго будущаго, а прозорливый взглядъ на прошедшее — руководсшво для насшоящаго. Не живошворно было для насъ односшороннее изученіе лишерашуръ новыхъ: ибо мы скользили шолько на поверхносши образованія европейскаго, не заглядывая вглубь, ошкуда оно началось, чѣмъ поднималось, и совершенсшвовалось. Предмешы познаюшся ошъ знанія сокровенныхъ элеменшовъ, изъ коихъ они слогаюшся; а прошедшее есшь необходимый элеменшъ жизни народной, слѣд. и лишерашуры: можно ли же узнашь лишерашуру французскую безъ знанія языка лашинскаго, въ исшоріи кошираго заключаешся опредѣленіе многихъ формъ французскаго; или лишерашуру нѣмецкую, возрасшаніе коей лежишъ на изученіи языковъ древнихъ? Ошсюда связь преподаванія языковъ новыхъ съ древними, основан-

ная на понятіи о живомъ организмѣ развитія литературъ европейскихъ. Слѣд. основательное знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго предполагаетъ уже и знаніе древнихъ, какъ необходимаго элемента оныхъ; слѣд. для собственнаго интереса преподаваніе новыхъ языковъ должно заступаться за усиленное преподаваніе древнихъ; слѣд. только въ Гимназіяхъ, и въ школахъ нереальныхъ, можетъ быть истинное образованіе европейское. — Всему своя пора; изученіе національнаго элемента литературъ новыхъ, т. е. изученіе языковъ и образованности среднихъ временъ во всей подробности, придетъ своей чередою: это дѣло Университета. Въ средствахъ Гимназіи — посильное сближеніе исторіи языковъ новыхъ съ латинскимъ, греческимъ и славянскимъ. Отсюда необходимость возведенія русской Граммацики до сравнительной и исторической. Здѣсь посредничество языка отечественнаго между древними и новыми, здѣсь твердое основаніе отличію національнаго отъ общечеловѣческаго.

Дальнѣйшее объясненіе методы обученія отечественному языку стоитъ въ связи съ остальными предметами преподаванія 1). „Исторію не льзя признать элементомъ (говоря языкомъ химиковъ). Предметы нравственныхъ наукъ имѣютъ свою исторію, но ее не льзя отдѣлить отъ самыхъ предметовъ: какъ исторія догмъ и Церкви относится къ Богословію, исторія Философіи — къ Философіи,

1) Mager, Deutsches Sprachbuch, 1842, VI — VIII.

исторія языка къ Лингвистикѣ; исторія правъ къ Юриспруденціи: такъ и исторія государства къ Политикѣ. Конечно Академія можетъ всѣ эти исторіи, безъ самыхъ наукъ, собрать въ сотнѣ фоліантовъ, и назвать общимъ именемъ „Всеобщая Исторія;“ но дѣло останется въ прежнемъ своемъ видѣ: ибо изъ такого собранія всякъ будетъ читать исторію только того предмета, который ему извѣстенъ. Весьма полезно знакомить юношество съ жизнію великихъ людей, съ всемірными событіями и вообще съ историческимъ развитіемъ жизни народовъ въ политическомъ, художественномъ, религіозномъ и въ другихъ отношеніяхъ; даже въ высшихъ классахъ (и именно только въ высшихъ) слѣдуетъ назначить для того особые уроки: но такой предметъ будетъ имѣть цѣнность только въ педагогическомъ отношеніи, и не будетъ онъ Всеобщею Исторіею точно такъ же, какъ и Энциклопедическій лексиконъ. И въ Гегелевомъ смыслѣ Weltgeschichte, т. е. Философія Исторіи, имѣетъ всѣ недостатки остальныхъ книгъ этого рода. Истинною Философіею Исторіи могъ бы быть только средній (историческій) терминъ въ Философскомъ обозрѣніи цѣлой области всѣхъ нравственныхъ наукъ: т. е. философія права, воспитанія, нравовъ, государствъ и пр., въ совокупности, составляетъ такъ называемую Философію Исторіи. Итакъ, если справедливо, что Исторія не есть самостоятельная наука, каковы Грамматика или Юриспруденція; что она между науками не имѣетъ права

называться элементомъ; далѣе, если справедливо, что исторія какого-либо предмета, непонятна безъ знанія онаго, слѣдов. исторія человѣка предполагаетъ знанія психологическія, исторія государства — политическія, исторія литературы — эстетическія и литературныя (и vice versa); наконецъ, если справедливо и то, что школьное обученіе должно стремиться къ возможной простотѣ и естественности: то необходимы еще многія перемѣны въ преподаваніи. Въ низшихъ и среднихъ классахъ историческое обученіе должно бы примкнуться къ обученію языкамъ, именно къ чтенію на отечественномъ, французскомъ, латинскомъ и проч.; въ высшихъ же классахъ оно усилилось бы начальными основаніями положительной психологіи, этнологіи, естественнаго права, морали, политики, поэтики и прозаики. Пока не будетъ знанія объ этихъ предметахъ, до тѣхъ поръ и исторія оныхъ будетъ столь же безплодна, сколь недостаточно одно догматическое изложеніе элементовъ сихъ наукъ безъ исторіи. Ясно, какъ много выиграютъ ученики такимъ упрощеніемъ методы: учитель древнихъ и новыхъ языковъ, въ связи съ формальнымъ обученіемъ языка, знакомя ученика и съ Исторіею, и съ этнографическими и спапистическими и друг. свѣденіями (математическія и физическія относятся не сюда, а къ преподаванію физико-математическому), увидитъ совершенно иные плоды отъ своихъ уроковъ, чѣмъ спеціальные учители Исторіи, Географіи и пр., которые имѣютъ смыслъ

шолько въ высшихъ классахъ. Учащіеся узнаютъ шакъ называемое *историческое* гораздо основашельнѣе, вычишавъ оное изъ самыхъ исшочниковъ; чуждые языки будушъ казашься имъ полезнѣе и необходимѣе, и они скорѣе имъ выучашся, подобно шому, какъ дѣши — спрѣлять, когда заспавляюшъ ихъ сшибашь свой завшракъ съ шесша. И это шакже не маловажно, чшо передъ шакимъ преподаваніемъ умолкнешъ крикливая шолпа реалисшовъ. И преподаваніе языка можешъ назваться реальнымъ сполъ же справедливо, какъ и физико-маѳемашическое обученіе, съ шою шолько разницею, чшо содержаніемъ перваго духовное, вшораго вещесшвенное, или же ошвлеченіе ошъ вещесшвеннаго. Пора пересшашь шолковашь объ одномъ шолько формальномъ преподаваніи, или формальномъ образованіи: привидѣній въ наукѣ не бываешъ. Если я ошношу языки къ реальному, это не значишъ, чшобы хошѣлъ я возвысишь содержаніе прочшеннаго пофранцузски или полашини въ ущербъ знанію языка граммашическому. Я не принадлежу къ числу шѣхъ, кои думаюшъ, будшо классики написаны для шого, чшобы подводишь къ нимъ комменшаріи; не счишаю себя и на сшоронѣ реалисшовъ, по мнѣнію конхъ уголъ или площадь, камень или шравка споеобсшвуюшъ къ образованію болѣе, чѣмъ произведенія человѣческаго духа. Пѣшъ! душа воспламеняешся душою, и поелику языкъ есшь перворожденный души, пошому машеріалъ языка — кошорый я называю *ономашикою* — долженъ бышь лучшимъ средсшвомъ къ образованію.“

Это остроумное мнѣніе Магера можно принять только подъ условіемъ двухъ необходимыхъ уступокъ: а) Магеръ хотя и желаетъ примирить реальное съ гуманическимъ, однако и самъ подходитъ къ реалистамъ, и именно такимъ, кои иногда задаютъ задачи неразрѣшимыя, и составляютъ планы, которые едва ли можно еще выполнить: такихъ реалистовъ онъ самъ хорошо характеризовалъ 1), назвавъ фантастическими; б) Магеръ постоянно является гегелистомъ, и потому проповѣдуетъ превосходство разума надъ преданіемъ, и вноситъ много философскаго въ школу. Впрочемъ возстановленіе живаго содержанія въ языкѣ, и прямое отношеніе филологіи къ наукамъ нравственнымъ, и преимущественно къ Исторіи, заслуживаютъ полнаго вниманія: это особенно важно для Русскихъ, ибо связываетъ филологію съ изученіемъ лучшаго произведенія нашей литературы, съ Исторіею Государства Россійскаго Карамзина. Что же касается до реальнаго содержанія въ чтеніи на различныхъ языкахъ, то это не болѣе, какъ продолженіе и необходимое слѣдствіе методы нагляднаго энциклопедическаго ученія. Магеръ вовсе неправъ касательно языковъ чуждыхъ: ибо чтенію историческихъ и другихъ источниковъ предшествуютъ года болѣе формальнаго изученія этихъ языковъ. Хорошо, если и съ третьяго класса наши гимназисты начнутъ толковито читать Евтропія и Цезаря. Въ первомъ же классѣ

1) Mager, Die deutsche Burgerschule, 1840, стр. 233.

надобно учиться имъ склонять да спрягать, а тамъ разбирать конструкцію. Притомъ мы должны изыскивать средства къ улучшенію преподаванія при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ устроены наши школы; а не мечтать объ идеальномъ преобразованіи учителей языковъ древнихъ и новыхъ въ преподавателей Географіи, Исторіи и пр. Слѣд. мысль Магера можетъ примѣниться къ преподаванію обратнымъ отношеніемъ: т. е. если всѣ нравственные предметы ученія могутъ преподаваться учителями языковъ, то, наоборотъ, и прочіе учители могутъ замѣнить учителей языковъ, и по преимуществу рускаго 1). „Учитель чуждаго языка вмѣстѣ есть уже и учитель отечественнаго. Всѣ остальные учители дѣйствуютъ также въ области и въ границахъ своего предмета, способствуя изустному и письменному развитію языка учениковъ; на удѣлъ же учителя языка остается только грамматическое обученіе. — При такомъ содѣйствіи всѣхъ учителей къ образованію въ ученикахъ отечественнаго дара слова, преподаватель языка будетъ стоять въ иныхъ отношеніяхъ противъ прежняго. Если справедливо, что языкъ въ каждомъ возрастѣ жизни есть плодъ совокупнаго образованія всего человѣка; то никакъ не льзя требовать, чтобы учитель отечественнаго языка одинъ могъ дать оное. И вообще это зависитъ отъ учителей только такимъ образомъ, что каждый вкладываетъ свою ча

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843.

спицу въ общее воспитаніе ученика, и за нее только отвѣчаетъ. Такъ точно и учитель отечественнаго языка. Онъ не можетъ одинъ поставить учениковъ на ту степень образованія, слѣдствіемъ коей точный и чистый языкъ; а если бы онъ и захотѣлъ, то никакъ не долженъ, ибо языкъ безъ содержанія есть ложь. И могъ ли бы онъ въ два урока на недѣлѣ усовершенствовать учениковъ въ томъ, что портилось бы нерадѣніемъ другихъ учителей въ остальные двадцать уроковъ? Или на одномъ сочиненіи въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль улучшить слогъ ученика, когда въ теченіи того же времени двадцать другихъ письменныхъ упражненій увлекаютъ его въ противоположныя направленія?—Задача же учителя собственно отечественнаго языка ограничивается (до четырнадцатилѣтняго возраста дѣтей) правильнымъ и яснымъ чтеніемъ, упражненіемъ въ правописаніи, знакомствомъ съ національною литературою по сборникамъ, нарочно для того составленнымъ, и наконецъ письменнымъ и словеснымъ повтореніемъ прочтеннаго или сказаннаго.— Мы совершенно убѣждены, что обученію чужому языку не должно предшествовать *грамматическое преподаваніе* отечественнаго: онъ намъ родной, но не по Грамматикѣ. Именно по этому-то и измѣняется отношеніе слѣдующимъ образомъ: невозможно выучиться чужому языку безъ того, чтобы вмѣстѣ не учиться грамматически и своему.—Ибо правила чужаго языка ученикъ понимаетъ посредствомъ своего, постоянно соображаетъ формы перваго съ послѣд-

нимъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ сравнительною Грамматикою учится и отечественной. Родной же языкъ мы первоначально узнаемъ непосредственно, не такъ какъ языкъ, но какъ мышленіе, дѣйствованіе, ощущеніе, какъ совокупность того, что имъ выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главѣ многихъ грамматикъ стоящее опредѣленіе языка, будто онъ есть средство къ выраженію и сообщенію представленій или мыслей. Скорѣй наоборотъ: такъ какъ мы наслѣдуемъ отъ другихъ мысли и знанія помощію языка, то языкъ есть средство, которымъ пріобрѣтаемъ мысли. Обученіе отечественному языку есть не иное что, какъ развитіе положеннаго въ дитяти сѣмени дара слова. Возрастаетъ оно подобно зрѣнію и слуху, подобно душѣ въ зрѣніи и слухѣ, подобно любви къ душѣ. Основательное же грамматическое изученіе отечественнаго языка не можетъ быть предложено ученикамъ ранѣе четырнадцати-или пятнадцатилѣтняго возраста.“ Въ дополненіе послѣдней мысли припомнимъ слова Дистервега: der Volksschüler soll *in der Sprache*, der Gymnasiast *über die Sprache* denken lernen. Впрочемъ Ваккернагель слишкомъ ограничиваетъ преподаваніе отечественнаго языка, придерживаясь въ своихъ мнѣніяхъ школѣ гуманистовъ, хотя и стоитъ въ этомъ отношеніи выше Тирша. „Казалось бы 1), что, примыкая грамматическое

1) Клумпъ въ рецензіи на Ваккернагеля, смотр. Pädagogische Revue, 1843, N 1.

обученіе отечественнаго языка къ преподаванію чуждыхъ, мы низошли опять на ту же степень, на которой стояли нѣкогда, и которую такъ рѣшительно защищалъ Тиршъ. Но что прежде дѣлалось изъ равнодушія и нерадѣнія, и на чѣмъ упорствовалъ Тиршъ односторонне, то низводится теперь до глубокаго своего основанія; и потому, повидимому, кажущееся одно и тоже, въ сущности совершенно иное. Вопервыхъ, упражненіе въ отечественномъ языкѣ должно и предшествовать и идти рядомъ съ обученіемъ чужихъ языковъ, о чемъ прежде и не думали; вотомъ, правила чужихъ языковъ должны придти въ сознаніе при посредствѣ отечественнаго, слѣд. вмѣстѣ съ правилами онаго; и наконецъ, родной языкъ не будетъ употребляться и злоупотребляться попрежнему, какъ служитель, но будетъ обрабатываться, какъ главный двигатель всего духовнаго развитія, и благоговѣйно уважаться, какъ національное святилище."

5. *Грамматики.*

Магеръ 1) въ своей рецензіи на книгу К. Баккернагеля, весьма остроумно раздѣляетъ неудачныхъ преподавателей отечественнаго языка на слѣд. три статьи: 1. нигилистическій формализмъ: раціональные дидактики учатъ наукѣ нѣмецкаго языка (deutsche Sprachlehre), прежде чѣмъ дадутъ своимъ ученикамъ самый языкъ (Вурстъ, Шерръ, Гонкампъ, Прейссъ и мн. др.); 2. мизологическій матеріализмъ:

1) Padagogische Revue, 1844, № 1.

піетисты-романтики забопятся только объ одномъ языкѣ, не желая ничего знать о наукѣ объ языкѣ, и съ нѣкотораго времени проповѣдуютъ крестовый походъ противъ школьныхъ Грамматикъ (Гинтеръ, Гильсманнъ, К. Ваккернагель); 3. между тѣми и другими стоятъ тѣ педагоги, которые, не пускаясь въ умствованія и теоріи, нашли себѣ жалкую посредственность и идутъ по старинной, избитой колеѣ. Столь же мѣшко раздѣляетъ Магеръ и Грамматики: 1. Грамматика, какъ полицейское предписаніе, какою представили ее Готтшедъ, Аделунгъ, Гейнзіусъ, Гейзе и друг., по образцу Доната и Французовъ. Хотя и съ этой точки зрѣнія въ Грамматикѣ есть польза, ибо надобно въ разговорѣ и письмѣ избѣгать ошибокъ; однако такая наука нисколько не образуетъ ума. 2. Систематическая Грамматика (Беккеръ, Герлингъ, частію и Шмитттенеръ), которая, думая изложить организмъ языка, даетъ только логическую систему; такая Грамматика ищетъ сущности вещей не въ самомъ языкѣ, а въ *значеніи*, т. е. она предлагаетъ не частную логику того или другаго языка, но всеобщую, къ которой пріурочиваетъ всѣ языки. Вмѣстѣ съ этимъ опускаетъ она часть лексическую, опредѣленіе смысла отдѣльныхъ словъ и выраженій. 3. Положительная Грамматика: а) Гримма историческая и сравнительная въ тѣсномъ смыслѣ, б) Боппа сравнительная въ обширномъ смыслѣ, в) Раппа и Вохера физіологическая. 4. Истинно-философская, или, точнѣе, психологическая Грамматика, начала которой

положены В. Гумбольдтомъ, и для которой надобно еще работать. Магеръ, какъ философъ-гегелистъ, въ этой послѣдней Грамматикѣ видитъ соединеніе всѣхъ достоинствъ систематической и положительной Грамматики. Онъ весьма удачно опредѣляетъ значеніе отечественнаго языка и отношеніе его къ иностраннымъ: „Родное воззрѣніе на міръ не должно стѣсняться и помрачаться изученіемъ чужихъ языковъ; напротивъ того, должно просвѣтляться и обогащаться сродными съ нимъ стихіями: изученіемъ отечественнаго языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наслѣдниками его духа, такъ что всякъ образованный въ своемъ языкѣ можетъ сказать: la nation, c'est moi; обученіе латинскому, греческому, французскому языку должно изъ насъ сдѣлать не Грековъ, не Французовъ, а гражданъ всему міру, и не такихъ, которые живутъ только такъ называемыми идеями, и, стремясь быть вездѣ, нигдѣ не находятъ себѣ мѣста, но міровыхъ гражданъ въ добромъ смыслѣ, которые, хотя больше всего любятъ свою отчизну и служатъ ей; однако умѣютъ цѣнить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всѣмъ, что предлагаютъ чуждые народы, отдѣленные отъ насъ пространствомъ и временемъ. Поелику мы живемъ и непрестанно обращаемся въ родномъ языкѣ, и посредствомъ его усвоили себѣ особенный способъ къ составленію общихъ понятій и категорій: то уже каждое дитя безсознательно носитъ въ себѣ

ключь къ аналогіи, коимъ открываетъ смыслъ даже и того, что слышитъ только впервые. Такой инстинктуальной понятливости нѣтъ у того, кто сначала учится чуждому языку: генетическою методою образуется ученикъ не въ примѣръ скорѣе, чѣмъ обыкновенною грамматическою нашихъ школъ."

6. *Результаты.*

Въ послѣдовательномъ порядкѣ разобравъ педагогическую діалектику мнѣній о преподаваніи отечественнаго языка, мы нечувствительно обращаемся отъ послѣднихъ результатовъ оной прямо къ тому, что еще лѣтъ за двадцать сказалъ великій филологъ нашего времени, Я. Гриммъ 1), о преподаваніи отечественнаго языка: „Мало по малу начинаетъ входить въ употребленіе это сочиненіе (Аделунгова нѣмецкая Грамматика) не только въ школахъ, но даже и между людьми взрослыми. Такого несказаннаго педантства никоимъ образомъ не понялъ бы воскресшій Грекъ или Римлянинъ; большая часть современныхъ народовъ смотрятъ болѣе здравымъ взглядомъ, нежели мы: ибо не включаютъ отечественнаго языка въ число предметовъ школьнаго ученія. Окажется тайный вредъ, приносимый этимъ преподаваніемъ, какъ дѣломъ излишнимъ. Я увѣренъ, испортится отъ того свободное развитіе слова въ дѣтяхъ и повредится этотъ прекрасный даръ при-

1) Въ предисловіи къ первому изданію Deutche Grammatik, ч. I, стр. IX.

роды, который, вмѣстѣ съ молокомъ матери, даетъ намъ и рѣчь, и доводитъ ее до совершенства въ лонѣ отческаго дома. Подобно всему естественному и нравственному, языкъ есть неосязаемая, безсознательная тайна, отъ юности въ насъ вкоренившаяся, и самые органы слова опредѣлившая намъ для собственныхъ отечественныхъ звуковъ, оборотовъ, изгибовъ, жесткихъ или мягкихъ; отъ того схватываетъ насъ завѣтное, вожделенное чувство, когда на чужой сторонѣ прозвучитъ намъ родное слово; отъ того и невозможность узнать иностранный языкъ, т. е. въ искреннемъ, родномъ употребленіи его. И кто бы могъ подумать, чтобы зародышъ, столь глубоко положенный въ насъ, и возрастающій по природнымъ законамъ мудрой бережливости, учители грамматики вздумали вытягивать и усиливать пошлыми и неумѣстными своими правилами? И кто не запечалится о юношахъ и дѣтяхъ вовсе не дѣтствовавшихъ, которые говорятъ чисто и правильно, но подъ старость не сочувствуютъ своей юности? Спросите-ка истиннаго поэта, который владѣетъ содержаніемъ, духомъ и правилами языка, разумѣется, иначе, нежели всѣ вмѣстѣ грамматисты и составители словарей, спросите его, чему онъ научился изъ Аделунга, да еще и заглядывалъ ли въ него? За 600 лѣтъ всякій простой мужикъ изъ ежедневнаго своего употребленія зналъ такія совершенства и тонкости нѣмецкаго языка, о которыхъ и не мечтаютъ наши теперешніе, даже лучшіе, учители Грамматики. Въ спи-

хотвореніяхъ какого нибудь Вольфрама фонъ Эшенбахъ, или Гартманна фонъ Ауе, никогда даже и не слыхавшихъ о склоненіяхъ да спряженіяхъ, и едвали умѣвшихъ читать и писать, отличія существительнаго и глагола постоянно удерживаются въ измѣненіяхъ и въ предложеніи съ такою вѣрностью и точностью, которыя мало по малу можемъ мы открывать только путемъ науки, но употреблять никогда уже не можемъ, ибо языкъ идетъ своимъ неизмѣннымъ путемъ. И сами эти Грамматики обманъ и заблужденіе: ясно, какой плодъ онѣ могутъ принести въ школахъ, когда не лелѣютъ, а обрываютъ тѣ распуски, которыя должны бы развертываться сами собою. Весьма важно и неоспоримо замѣчаніе многихъ, что дѣвицы, обыкновенно менѣе мучимыя въ школахъ, умѣютъ чище говорить, красивѣе ставить слова и естественнѣе выбирать ихъ: ибо онѣ образуются болѣе по внутренне-развивающейся необходимости, а гибкость и утонченность языка возрастаютъ рука объ руку съ духовнымъ усовершенствованіемъ. Всякій Нѣмецъ, знающій понѣмецки плохо, но правильно, т. е. всякій необразованный, можетъ быть названъ, по мѣткому выраженію одного Француза (Ch. Villers: la grammaire en personne), самостоятельною живою Грамматикою, которой нѣтъ дѣла ни до какихъ правилъ, составленныхъ учителями языка. Поелику нѣтъ Грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ эле-

менповъ, изъ конхъ каждый доходитъ до шеперешняго своего вида ошъ незапамяшной древносши: шо обученіе граммашическое можешъ бышь шолько сшрого-ученое.“ Въ дополненіе къ эшому мнѣнію надлежишъ припомнишь объясненіе, высказанное Гриммомъ въ предисловіи ко вшорому изданію Граммашики: онъ нападаешъ шолько на безсмысленное первоначальное преподаваніе, но нисколько не уничшожаешъ разумнаго обученія ошечесшвенной Граммашикѣ въ высшихъ классахъ 1).

Авшоришешъ Гримма шакъ великъ, сужденія его о предмешѣ, коему онъ съ любовью посвяшилъ всю свою жизнь, шакъ безприсшрасшны, что всякій учишель ошечесшвеннаго языка невольно убѣдишся въ ихъ глубокой справедливосши. Для насъ особенно важно шо, что эшу Гриммову филиппику гуманисшы обыкновенно бросали въ глаза реалисшамъ; между шѣмъ какъ въ ней же и сильная защишa обученію языку ошечесшвенному. Если слова Гримма не прошиворѣчашъ послѣдовашельному развишію педагогическихъ споровъ, изложенныхъ мною выше: шо беру на себя смѣлосшь сказашь, что мы уже споимъ на пушикъ примиренію враждующихъ мнѣній.

Въ заключеніе предлагаю главнѣйшія положенія, съ конорыми надлежишъ сообразишься въ преподаваніи ошечесшвеннаго языка.

---

1) Deutsch. Gr. 1822, I, стр. XIX.

1. Все грамматическое ученіе должно быть основано на чтеніи писателя. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣти ясно понимали прочтенное и умѣли правильно выражаться словесно и письменно.

2. Грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ: она не можетъ быть самостоятельною, систематическою наукою въ первоначальномъ обученіи.

3. На первой, низшей степени, отечественная Грамматика, въ связи съ практическими упражненіями, предполагаетъ двѣ цѣли: образованіе и развитіе дѣтскихъ способностей (Общая Грамматика), и безошибочное употребленіе рускаго языка словесно и письменно (Частная Грамматика).

4. На высшей степени Грамматика является наукою: здѣсь выступаетъ сравнительное и историческое языкознаніе въ связи съ чтеніемъ церковнославянской, древнеруской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимымъ восхожденіемъ отъ предыдущей; такъ, напр., первоначально дѣти привыкли безошибочно ставить *ѣ* въ нарѣчіяхъ *гдѣ*, *кромѣ*: теперь объясняется имъ, почему здѣсь слѣдуетъ быть этой буквѣ. Какъ частная руская Грамматика отъ правописанія восходитъ здѣсь до исторической, такъ общая до сравнительной.

5. Метода первоначальному преподаванію отечественнаго языка должна быть *генетическая*, осно-

вывающаяся на постепенномъ развитіи въ дитяти врожденнаго дара слова: она слѣдитъ за ходомъ самой природы, безусловно подчиняя ей предметъ преподаваемый. По этой методѣ ученику не дается ничего новаго, но только уясняется и приводится въ сознаніе то, что онъ уже имѣетъ. Этимъ отличается метода обученія отечественному языку отъ всякой иной. Остальные предметы преподаванія строятся на искусственной системѣ, родной же языкъ развивается и уясняется по законамъ самой природы. Слѣдуя этимъ законамъ, метода становится генетическою. Она столько же основывается на сущности самого предмета, то есть, роднаго языка, сколько и на личности учащагося. Даже можно сказать, что на первой степени юношескаго возраста— родной языкъ и личность совпадаютъ другъ съ другомъ. Изъ этого общаго начала слѣдуютъ частныя положенія:

а) Вмѣстѣ съ языкомъ образовывать и развивать всѣ духовныя способности, разумѣется, на ученіи писателя.

б) Не подчинять ученія искусственной системѣ; напр. не начинать Грамматики опредѣленіемъ этимологіи, синтаксиса, и т. п. Система должна быть въ головѣ учителя и въ успѣхахъ учениковъ, а не въ учебникѣ.

в) Отъ конкретнаго, чувственнаго представленія, въ самомъ языкѣ заключающагося, восходить къ отвлеченностямъ, а не наоборотъ; потому, напр.,

педагогически ложно обыкновенное опредѣленіе предложенія: предложеніе есть сужденіе, выраженное словами; для первоначальнаго преподаванія правильнѣе будетъ наоборотъ: сужденіе есть предложеніе, не выраженное словами, а продуманное вшихомолку. Предложеніе же объяснишь практически при чтеніи писателя.

г) Начинать грамматическое обученіе объясненіемъ предложенія, изъ коего вывести части рѣчи въ связи съ частями предложенія.

д) Склоненія, спряженія, согласованіе, управленіе и т. п. объяснять гепристически; т. е. искусными, но простыми вопросами доводить дѣтей, чтобы они сами съ перваго разу съумѣли отличать грамматическія формы своего языка; напр. учитель спросишъ: можно ли сказать *добрая учитель, ученики прилеженъ*? Дѣти сами поправятъ и дойдутъ до понятія о родахъ и числахъ.

6. Такъ какъ языкъ, кромѣ знанія, предполагаетъ и умѣнье: потому и отечественная Грамматика не довольствуется только развитіемъ природнаго дара слова, но руководствуетъ ученика въ *искуствѣ* читать, говорить и писать. Все это искуство должно быть основано на практическихъ упражненіяхъ. Доселѣ Грамматика и языкъ въ обученіи были двѣ совершенно разрозненныя области, между тѣмъ какъ Грамматика, даже какъ руководство къ искуству правильнаго употребленія языка, должна исходить изъ чтенія, разговора и письма. Потому ве-

личайшая ошибка многихъ учителей въ томъ, что они заставляютъ дѣтей выучивать, напр., правила правописанія не въ связи съ письмомъ, тогда какъ учебникъ долженъ быть только справочною книгою при диктантѣ.

7. Чтеніе и письмо должны идти въ параллели съ граммматическимъ обученіемъ; такъ, напр., какъ скоро дѣти узнали предложеніе, тотчасъ уже могутъ отдѣлить одно предложеніе отъ другаго — при чтеніи остановкою голоса, на письмѣ знакомъ (сначала только запятою). Слѣдовательно, искусственная система нашихъ учебниковъ, помѣщающая знаки препинанія на концѣ Грамматики, вовсе не система, ибо нисколько не примѣнительна въ педагогическомъ отношеніи.

8. Правописаніе и словопроизношеніе не составляютъ теоретической части Грамматики: они суть не что иное, какъ примѣненіе этимологическаго и синтаксическаго ученія къ практикѣ.

9. Постоянно надобно отличать преподаваніе отечественнаго языка отъ иностраннаго, слѣд. никогда не говорить дѣтямъ того, что они знаютъ уже сами: стало-быть и не мучить ихъ склоненіями и спряженіями со множествомъ подраздѣленій и различій. Подробностей, неизвѣстныхъ дѣтямъ, немного: они узнаются при чтеніи и диктантѣ.

10. Отечественная Грамматика, какъ наука, въ низшихъ классахъ замѣняетъ Логику, а въ высшихъ становится Сравнительно-Историческою

Граммашикою. Многіе педагоги несправедливо исключаютъ сію послѣднюю изъ Гимназическаго курса, между тѣмъ какъ необходимость ея неоспорима — и въ практическомъ отношеніи: ибо сравнительное языкознаніе служитъ руководствомъ въ переводахъ и облегчаетъ изученіе чужихъ языковъ, а историческое необходимо для уразумѣнія памятниковъ древней, средней и даже новой литературы нашей; — и въ теоретическомъ: ибо только сравнительное изученіе языковъ даетъ истинное и ясное понятіе о законахъ языка, и только историческое изслѣдованіе генетически объясняетъ, почему такъ, а не иначе употребляемъ мы ту или другую форму.

11. Какъ скоро изученіе отечественнаго языка переходитъ въ науку, тотчасъ должно получить систематическій характеръ. Но поелику система имѣетъ цѣнность тогда, когда уже знаешь матеріалы, имѣющіе быть приведенными въ систему: то и систематической Сравнительно-Исторической Граммашикѣ должно предшествовать съ одной стороны практическое изученіе чуждыхъ языковъ въ сближеніи съ рускимъ, а съ другой чтеніе памятниковъ нашей литературы, и древнихъ и новыхъ. Разумѣется, въ головѣ учителя постоянно должна быть система, но онъ сначала передаетъ ее дѣтямъ при чтеніи только частями, объясняя частныя явленія языка. Такимъ путемъ возбудится въ учащихся внутренняя потребность системы, и будетъ для учителя указателемъ, что уже пришло время собрать разрозненные матеріалы въ органическое цѣлое.

12. Такъ какъ много потеряли мы живаго сочувствія къ родному языку, въ слѣдствіе постояннаго его движенія и измѣненія, а частію и порчи: потому и онъ, какъбы нѣсколько чуждый, заключаетъ для насъ много неяснаго, иногда даже неизвѣстнаго, не только въ древней нашей литературѣ, но и въ народной рѣчи. Возведеніе къ сознанію всего неяснаго и неопредѣленнаго требуетъ науки отечественнаго языкознанія, которая, будучи сравнительной и исторической, ни сколько не противорѣчитъ основнымъ началамъ гуманизма, и примиряетъ его съ реализмомъ.

13. Отечественный языкъ и на высшей степени, т. е. сравнительно-исторической, гдѣ только возможно, долженъ преподаваться генетически: формы устарѣлыя сближать съ теперешними, чуждыя съ родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго.

РЕТОРИКА И ПИИТИКА.

1. Схоластики и беллетристы.

Преподаваніе Реторики и Піитики обыкновенно страждетъ всѣми недостатками поверхностнаго реализма. Учителей Словесности въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на три статьи: одни простодушно проходятъ съ своими учениками, строка въ строку, схоластическіе учебники; другіе, вкусившіе въ Университетѣ плодъ философскаго познанія, бе-

рутся за эстетику и философію словесности; третьи, не имѣя призванія философствовать, передаютъ ученикамъ множество фактовъ изъ исторіи всеобщей словесности по университетскимъ тетрадкамъ, по Вильменю, Сисмонди и т. п. Опытный и разсудительный учитель, къ какому бы отдѣлу изъ этихъ трехъ ни принадлежалъ, — часто приноситъ большую пользу, только не теоріею, а практическими занятіями, чтеніемъ образцовыхъ писателей и письменными упражненіями. Что же касается до этихъ трехъ родовъ теоретическаго преподаванія, то, при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, увидимъ, какъ они недостаточны.

1. Толкователь устарѣлыхъ Реторикъ, не мудрствуя лукаво, приноситъ пользы болѣе, нежели учитель эстетической или исторической школы. Схоластическая Реторика знакомитъ учениковъ по крайней мѣрѣ съ терминами и стариннымъ ученіемъ, которое, безъ сомнѣнія, нужно знать всякому образованному человѣку хоть до тѣхъ поръ, пока, въ шутку ли серьіозно ли, будутъ говорить и писать о хріяхъ, источникахъ изобрѣтенія и т. п. Учитель даже принесетъ пользу, если эту старобылную теорію пройдетъ при чтеніи писателя. Но величайшее затрудненіе въ томъ, какъ согласитъ это отжившее ученіе съ современнымъ состояніемъ знанія? Всякій учитель, сколь ни равнодушный къ преподаванію, вѣрно не разъ посмѣется съ своими учениками надъ стариннымъ пріемами схоластическихъ риторовъ, заимствуя свои ар-

гументы по крайней мѣрѣ хоть изъ какого нибудь ежемѣсячнаго изданія. Неужели учитель употребитъ годъ или даже два на такую Реторику, которую потомъ профессоръ Университета уничтожитъ, и докажетъ слушателямъ, что они учились пустякамъ? Слѣд., какъ же согласитъ совѣсть учителя съ преподаваніемъ того, во что онъ не вѣритъ, какъ въ отжившее и давно падшее? Какъ сберечь время на болѣе полезное, удержавъ изъ прежней реторики все нужное?

2. Учители эстетической или философской школы еще опрометчивѣе. Не давъ ученикамъ заучить хорошенько ни хрій, ни общихъ мѣстъ, они уже смѣются надъ этою старинною, какъ профессоръ съ каѳедры. Свой курсъ располагаютъ они по идеямъ истины, добра и изящества; покушаются на раздѣленіе искуствъ и т. д. Нѣкоторые учители охотники толковать гимназистамъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, Геркулесѣ Фарнезскомъ и даже Венерѣ Медицейской. Конечно, не вина учителей Гимназіи, что они разсуждаютъ о томъ, о чемъ не имѣютъ яснаго понятія: для Эстетики нужны музеи и галлереи. Можетъ ли она быть введена въ руское образованіе — это другой вопросъ; но зачѣмъ же гимназистовъ учить тому, что еще не привилось и къ Университетамъ, по своей трудности? Восторженные же возгласы учителей объ Лаокоонѣ не только нелѣпы и смѣшны, но даже и вредны для дѣтей: ибо пріучаютъ ихъ къ поддѣльному восторгу и фальшивымъ ощущеніямъ. Мно-

гіе учители, по справедливости недовольные старинными учебниками, берутъ въ руководство университетскія лекціи о теоріи словесности. Ошибка очевидна: что назначено для Университета, то не годится для Гимназіи; и учители Гимназіи унижаютъ тѣмъ глубокомысленные труды профессоровъ, вколачивая ихъ въ голову гимназистамъ почти выучкой наизусть. Студенты словеснаго отдѣленія читали уже Гомера, Виргилія, можетъ быть, даже Данте и Аріоста: для нихъ, разумѣется, понятна университетская теорія Эпоса. Какъ же гимназистамъ растолковать оную во всемъ объемѣ, начиная отъ греческаго Эпоса до Романа, когда они еще ни одной эпопеи не прочли сполна? Еще не сообразнѣе опредѣляютъ въ Гимназіи такъ называемое философское краснорѣчіе, ибо учители сами, не учась Философіи въ Университетѣ, или учась кое-какъ, не въ силахъ уяснить себѣ этого предмета положительно. Притомъ же въ теоріи словесности очень много несостоятельнаго и ни на чемъ неоснованнаго: часто случается читать и слушать журнальные споры о томъ, поэма ли, или романъ, ода, или элегія такое-то произведеніе? Вообще, строгое систематическое опредѣленіе родовъ и видовъ поэзіи въ Гимназіи невозможно. Категоріи эпическаго, лирическаго и драматическаго, извлекаясь изъ общей идеи изящнаго въ искусствѣ, проходятъ по всѣмъ родамъ онаго—и по скульптурѣ, и живописи и поэзіи. Чтобъ объяснить, напр., эпическое, надобно взять въ соображеніе и фронтоны Егинетскіе, и Ельджинскіе

антики, и скульптурные идеалы боговъ греческихъ, и Страшный судъ Микель-Анжело, и проч., и проч. Для опредѣленія изящнаго надобно показать значеніе идеи, и слѣд. переселиться въ самую отвлеченную и возвышеннѣйшую часть Философіи. Но въ Гимназіи все это неисполнимо, какъ бы слѣдовало: то нечего и упоминать ученикамъ, какъ не слѣдуетъ и кой-какъ о томъ, въ чемъ часто и учитель не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Надобно же однако знать поступающимъ въ Университетъ роды и виды словесныхъ произведеній: какъ же исполнить неисполнимое? Гдѣ прямой и естественный путь къ этому знанію?

3. Едвали не столько же ошибаются учители исторіи, замѣняющіе философскую систему разсказами о жизни и содержаніи сочиненій различныхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ. Удивительно, какъ достаетъ смѣлости и совѣсти у тѣхъ, кто, по чужимъ толкамъ, восхищается, судитъ и осуждаетъ такихъ писателей, коихъ не только никогда не читалъ въ подлинникѣ, но, можетъ быть, никогда и не прочтетъ за незнаніемъ языковъ. А многіе наставники Словесности любятъ помечтать съ своими учениками о Рамайянѣ и Магабгаратѣ, о Нибелунгахъ и романсахъ Сида, не видавъ и въ глаза ни одного изъ сихъ произведеній. Пусть люди образованные, но не филологи по ремеслу, толкуютъ и пишутъ о чемъ хотятъ, хватая знанія изъ седьмыхъ рукъ: учителю слѣдуетъ быть скромнѣе и добросовѣстнѣе. Одно ужъ то вредно и смѣшно въ классѣ, когда учитель, разсказывая

содержаніе какого нибудь произведенія, сочиненнаго на неизвѣстномъ ему языкѣ, перековеркаетъ и переврет собственныя имена: что почти неизбѣжно при незнаніи языка подлинника. Еще смѣшнѣе, когда учитель, не читавшій въ оригиналѣ, напр., хоть Шекспира, станетъ съ учениками восхищаться глубокими мыслями его драмъ въ переводѣ: ибо во всей глубинѣ и точности передать отдѣльныя красоты геніальнаго сочиненія не возможно. А случается и то, что учитель съ учениками восхищается ошибками переводчика. Изъ исторіи Литературы можно останавливаться на подробностяхъ только при такомъ произведеніи, которое не только учитель изучилъ добросовѣстно, но и сами ученики прочли: такое ученіе будетъ имѣть смыслъ и цѣну. Конечно, многіе учители на различныхъ языкахъ изучали нѣкоторыхъ классиковъ: но они не должны разсказывать содержанія оныхъ ученикамъ — вопервыхъ ужъ потому, чтобы не дать имъ повода къ поверхностнымъ и легкимъ толкамъ о томъ, чего они не знаютъ основательно; вовторыхъ, чтобы или слишкомъ подробнымъ, или некраснорѣчивымъ и неискуснымъ разсказомъ не опошлить произведенія, и не отнять у учениковъ охоты прочесть оное когда нибудь въ подлинникѣ. Если кому хочется насладиться красотами Данте или Сервантеса, пусть тотъ купитъ свое наслажденіе трудомъ, изучивъ ихъ въ оригиналѣ. Тунеядцы въ наукѣ нетерпимы, и учители сами не должны распложать ихъ. Неумѣстное и преждевременное пользованіе

чѣмъ нибудь не есть довольство, а порочная роскошь. Если уже необходимо, чтобы учитель Гимназіи познакомилъ учениковъ съ иностранными писателями; то пусть ограничится самою голою номенклатурою собственныхъ именъ и оглавленій сочиненій и сочинителей съ самыми краткими характеристиками, чтобы какъ нибудь запечатлѣть ихъ въ воображеніи и памяти учащихся безъ скуки и принужденія. Касательно же подробнаго изложенія содержанія произведеній, думаю, что кромѣ отечественныхъ да классическихъ греческихъ и римскихъ, никакіе другіе писатели не имѣютъ права быть подробно объясняемы въ Гимназіи: ибо всякій учитель Словесности обязанъ прочесть въ подлинникѣ Гомера, Софокла, или Горація. Основательное и добросовѣстное чтеніе Гомера и Виргилія, съ подробнымъ разборомъ, лучше всякой теоріи и исторіи Литературы познакомитъ гимназистовъ съ значеніемъ эпоса. Разборъ греческой трагедіи, прочтенной учениками въ подлинникѣ, будетъ для нихъ лучшею теоріею драмы. Конечно, такое знаніе будетъ не полно; для эпоса, напр., необходимо бы познакомиться съ поэмою Данте: но всякій ли профессоръ обладаетъ достаточными къ тому свѣденіями, чтобы рѣшиться на этотъ подвигъ добросовѣстно и сознательно? Для Гимназіи же такое всеобъемлющее произведеніе среднихъ временъ вовсе недоступно, ибо предполагаетъ самое подробное знаніе европейской исторіи XII, XIII и XIV в. Произведенія другихъ писателей, какъ напр., Боккачіо, Петрарки,

Аріоста, Тасса и т. п. не могутъ въ Гимназіи трактоваться въ подробности потому, что учитель вѣрно не захочетъ быть орудіемъ соблазна для своихъ питомцевъ: дѣти еще не умѣютъ господствовать надъ страстями; художественное произведеніе измѣряютъ они не эстетическимъ чувствомъ, а совокупнымъ нравственнымъ дѣйствіемъ на всю душу. Лучшіе эпизоды въ Освобожденномъ Іерусалимѣ — объ Ерминіи, Армидѣ и т. п. — вовсе недоступны имъ въ своей эстетической чистотѣ, отрѣшенные отъ всякаго интереса низкаго желанія.

Итакъ non multa sed multum, вмалѣ учить многому, а не во многомъ малому. Для гимназистовъ строгая система Эстетики не возможна: довольно, если сумѣютъ они отличить эпосъ отъ драмы, трагедію отъ комедіи, оду отъ элегіи. А для этого очень, очень достаточно будетъ и тѣхъ матеріаловъ, которые заготовятъ гимназистамъ Исторія руской Литературы и учители древнихъ языковъ подробнымъ изученіемъ классиковъ.

2. *Филологи.*

Опытъ всего важнѣе въ Педагогикѣ; вотъ исповѣдь одного глубокомысленнаго нѣмецкаго учителя Словесности въ томъ, какъ онъ преподавалъ Піитику и Реторику 1):

„Съ 1829 и 1830 г. Теорія Словесности опять принята была въ число учебныхъ предметовъ въ

1) L. Doderlein, Reden und Aufsätze, 1843, стр. 261.

баварскихъ Гимназіяхъ. До той же поры почти по всей Германіи была она оподозрѣна: причиною этому схоластическая форма сей науки; особенно ученіе о тропахъ и фигурахъ, и педантское примѣненіе ихъ къ чтенію и письменнымъ упражненіямъ. Отвращеніе отъ сей науки мало по малу дошло до такого предразсудка, что вся Реторика казалась наукою устарѣлою, сборищемъ пустыхъ формулъ; саморазвитіе и воспитаніе природнаго чувства къ изящному почиталось полезнѣе всякой теоріи; древнія правила изящнаго и постоянное указаніе на подражаніе древнимъ образцамъ считались ярмомъ дарованію. Но общее сознаніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нашло необходимымъ опять возстановить падшую науку. Тогда я взялъ на себя преподаваніе этого предмета. И Реторикѣ и Піитикѣ училъ я постоянно по правиламъ древнихъ, и сколько возможно тѣснѣе примыкалъ свой предметъ къ гуманистическому ученію, старательно избѣгая того, чтобы не дать своимъ ученикамъ характера реальныхъ школъ. Мой курсъ располагался на три года, по два часа въ недѣлю, ученикамъ отъ 14-лѣтняго возраста до 21 года. Первый годъ посвящался Піитикѣ, второй Реторикѣ, третій Стилистикѣ. Такъ какъ всѣ три класса соединялись вмѣстѣ, то каждому приходилось начинать курсъ не однимъ и тѣмъ же предметомъ. Піитика начиналась элементарной метрикою, ограничивавшеюся изложеніемъ употребительнѣйшихъ метровъ: предѣломъ полагался метръ трагическа-

го хора. Съ теоретическимъ ученіемъ соединялось практическое упражненіе въ древней версификаціи. Вмѣсто систематическаго изложенія Піитики предлагалъ я исторію Поэзіи, такъ что все отвлеченное объ эпосѣ или трагедіи излагалось конкретно въ разборахъ Гомера, Софокла или Шиллера. Отрывочное и афористическое преподаваніе этого предмета самое полезнѣйшее для юношескаго возраста. И въ исторіи Литературы не требуется полноты. Изъ Александрійскаго періода, напр. (за исключеніемъ Буколическихъ поэтовъ), заучивались немногія имена съ краткими замѣчаніями. Гимназисту нѣтъ безславія, если онъ еще не знаетъ Оппіана или Никандра. О древней нѣмецкой поэзіи, напр. о Нибелунгахъ, равномѣрно и о поэзіи всѣхъ новыхъ народовъ, говорилось столько, сколько нужно было для того, чтобы возбудить въ ученикахъ охоту къ изученію ея въ свободные часы, на досугѣ домашнемъ. Я никакъ не могъ рѣшиться на то, чтобы когда нибудь почесть необходимою задачею школы чтеніе Нибелунговъ, или еще тѣмъ менѣе чтеніе Шиллеровой или Гётевой трагедіи. И тѣмъ сильнѣе удивлялся я апатіи такого юноши, который, для чтенія Шиллерова Вильгельма Телля, дожидался бы побужденія со стороны школы.—Преподаваніе Реторики требуетъ иного начала. Гимназія должна образовать своего питомца оратором, т. е. прозаикомъ, а не поэтомъ. Даже ученика, одареннаго рѣшительнымъ поэтическимъ талантомъ, благоразумный учитель старатель-

но удерживаетъ на пріобрѣтеніи твердаго навыка въ хорошей прозѣ, и даже скорѣе препятствуетъ изліянію его поэтическаго духа, нежели возбуждаетъ: природа возметъ свое. Итакъ задача учителя въ томъ, чтобы учащіеся умѣли прозу *воспроизводить* сами, а поэзію *понимать*, наслаждаться и цѣнить ее. Поэтому въ Реторикѣ болѣе, нежели въ Піитикѣ, отдѣляю я теорію отъ исторіи. Разбираю важнѣйшихъ, т. е. классическихъ историковъ, философовъ и ораторовъ, преимущественно древнихъ, и обращаю вниманіе болѣе на ихъ сочиненія, нежели на жизнь, и притомъ не на всѣ ихъ сочиненія, а на тѣ, которыя занимательнѣе и полезнѣе возрасту моихъ учениковъ, и которыя я самъ лучше знаю и болѣе люблю. Ибо сколь заслуживаетъ порицанія учитель, сообщающій въ классѣ свои *личныя мнѣнія*, столько приноситъ пользы тотъ, кѣмъ движетъ *личное чувство*, выступающее изъ-за предмета преподаваемаго; пусть будетъ оно и односторонне — только чтобы не было запѣйливо, вычурно и нелѣпо. Отдѣлъ о Философіи начинаю обзоромъ области Философіи, т. е. исчисленіемъ главныхъ философскихъ наукъ съ краткимъ объясненіемъ. Исторія Философіи проходится столько, сколько нужно для философскихъ намековъ у Цицерона. Изъ новыхъ философовъ привожу только такихъ, кои, кромѣ своей системы, имѣютъ и литературное достоинство. Потомъ излагаю первоначальные элементы Логики, ограничиваясь тремя частями

чистой Логики, дающими матеріалъ для умственныхъ и практическихъ упражненій. І. Г. Фоссъ возложилъ на мою совѣсть обязанность, чтобы я училъ своихъ учениковъ составлять правильные силлогизмы. Опытъ обзора знаменитыхъ ораторовъ перехожу къ остальнымъ частямъ теоріи, объясняя описанія, посланія и т. п. Изобрѣтеніе прохожу весьма кратко. Расположеніе же давало поводъ къ полезнымъ практическимъ занятіямъ. Не забывалъ я и старомодной хріи. Особенно полезно было для учениковъ извлекать расположеніе изъ разобранныхъ рѣчей.—Стилистика занимаетъ цѣлый годъ. Начинаю Грамматикой, съ законовъ общаго языковѣденія, не углубляясь слишкомъ въ философію языка. Вмѣстѣ съ Гриммомъ, я признаю себя рѣшительнымъ противникомъ систематической Грамматики отечественнаго языка, какъ необходимаго предмета въ школахъ. Сравнительный синтаксисъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало распространенъ въ Гимназіяхъ. Ученіе о грамматической, логической и реторической правильности слога состоитъ въ моемъ преподаваніи болѣе изъ примѣровъ, чѣмъ правилъ. Тропы и фигуры — разумѣется несравненно въ меньшемъ числѣ, нежели у древнихъ — предлагаютъ самый удобный случай къ упражненію учениковъ въ строгомъ разграниченіи и опредѣленіи понятій. Отличіемъ трехъ родовъ слога, въ противоположность безыскуственной рѣчи, оканчивается курсъ.“

Читатели замѣтили, вѣроятно, въ Дёдерлейнѣ истаго гуманиста, но умѣреннаго и скромнаго.

Всякое положеніе его проникнуто здравымъ смысломъ и скрѣплено опытомъ. Ни одинъ урокъ при такой методѣ не пропадаетъ для учениковъ даромъ. Только замѣчу, что эта теорія Піитики и Реторики, неизмѣнно служа древнимъ классикамъ, слишкомъ чуждается исторіи отечественной Литературы. Притомъ, хотя Дёдерлейнъ прекрасно отдѣляетъ Піитику отъ Реторики въ педагогическомъ отношеніи, однако не проводитъ постояннаго соотвѣтствія между теоріею и практическими упражненіями, безъ коихъ Реторика и Стилистика и безсмысленны, и мертвы.

3. Лингвисты и Философы.

Успѣхи Филологіи и Лингвистики, подвинувъ впередъ Грамматику, предлагаютъ множество новыхъ матеріаловъ для Стилистики, которая, какъ руководство къ практикѣ и какъ наука, должна органически примкнуться къ Грамматикѣ: у Дёдерлейна отъ Грамматики къ Стилистикѣ скачекъ. Разумѣется, такая наука еще въ будущемъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какъ мечтаютъ о ней въ наше время.

Вотъ планъ ученой Реторики, составленный Кригеромъ, Ректоромъ Гимназіи въ Эмденѣ 1).

„Введеніе объясняетъ отношеніе Реторики къ предыдущему и послѣдующему. Показывается, какъ

1) Padagogische Revue, herausg. von Dr. Mager. 1845. N. I, стр. 29.

идея и языкъ вовсе не составляютъ того нераздѣльнаго единства, какое представляютъ они съ перваго взгляда. Возможность лжи и разнообразіе въ выраженіи одной и той же мысли различными народами и людьми возбуждаютъ подозрѣніе къ тому, чтобы сіе единство было первобытное. Такимъ образомъ положится различіе между мыслію и словомъ. Безсловная мысль можетъ и предшествовать слову, и послѣдовать за нимъ. Даже у великихъ писателей (Гегеля, Гёте, Шекспира) остается позади слова безконечное множество мыслей, коихъ они или не хотѣли, или не могли выразить, слѣд. произволъ есть начало словесному творчеству. Здѣсь исходная точка къ первой части, разсуждающей объ идеѣ языка; дальнѣйшее развитіе этой части составляетъ содержаніе второй, объ особенныхъ формахъ языка; за тѣмъ слѣдуетъ третья часть объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ слова, рѣчи и словесныхъ произведеній. Первая часть объ идеѣ языка, въ трехъ отдѣлахъ, разсматриваетъ объекшивное, чувственное выраженіе языка; субъекшивное, т. е. мысль и ея отношеніе къ слову, и наконецъ единство того и другаго въ рѣчи. Въ первомъ отдѣлѣ разсматривается звукъ самъ по себѣ, и изъ сравненія звуковъ звѣря и начинающагося языка дѣтей опредѣляется символика языка (вопросъ о началѣ языка: природа или изобрѣтеніе? Платоновъ Кратилосъ. Гумбольдта введеніе въ Грамматику языка Кави. Гегель.). Для опредѣленія объекшивной характеристики звука въ гласныхъ, согласныхъ и въ

образованіи словъ, при сравнительной этимологіи, показать противуположныя крайности — междометія и логическое измѣненіе словъ въ склоненіи и спряженіи. Второй отдѣлъ, о мысли, имѣетъ предметомъ общія мѣста. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на три: вопервыхъ loci ideales: утвержденіе, отрицаніе, отношеніе, соотвѣтствующія тремъ логическимъ категоріямъ — быть, не быть и стать 1); вовторыхъ loci reales: сочиненіе (coordinatio), подчиненіе, переходъ; втретьихъ loci grammatici или syntactici: подлежащее, сказуемое, предложеніе: послѣднее чрезъ сложное предложеніе развивается до періода. Въ общихъ мѣстахъ, имѣющихъ цѣлью найти содержаніе опредѣленной формѣ рѣчи, обозначается противуположность между содержаніемъ и выраженіемъ; сюда идутъ въ расчетъ ложь, двусмысліе, невыразимое. Потребность сообщать мысль будетъ переходомъ къ третьему отдѣлу, о связи звука съ идеею. Сообщеніе мысли постепенно восходитъ отъ тѣлодвиженій до звуковъ, какъ выраженія болѣе родственнаго мысли. Переходя отъ втораго къ третьему отдѣлу, можно указать на пресловутое изреченіе: le stile c'est l' homme; или здѣсь вовсе не взята въ расчетъ ложь, и потому мысль остается ограниченная, полувѣрная;

---

1) Такъ какъ существительнымъ не льзя перевести Гегелево Werden, то и остальные два момента перевожу неокончательнымъ наклоненіемъ, соотвѣтствующимъ, какъ извѣстно, имени существительному.

или говорится вообще о томъ, что внутреннее выражается внѣшнимъ: тогда положеніе это ничтожно, излишне: ибо точно также можно сказать le rire, l'écriture, la danse, le travail, la joie, etc. c'est l'homme—потому что въ каждомъ изъ сихъ дѣйствій отсвѣчивается все внутреннее бытіе человѣка; въ этомъ отношеніи и слово будетъ выраженіемъ отдѣльной части общаго, хотя и самое высшее выраженіе. Переходъ отъ первой части ко второй образуетъ общая всѣмъ людямъ потребность къ взаимному выраженію въ формахъ вопроса, отвѣта, доказательства, въ формахъ, кои опредѣляются въ общей части Топики.—Вторая часть объ особыхъ формахъ языка граничитъ съ личнымъ слогомъ, свободнымъ выраженіемъ индивидуума. Дѣлится на три отдѣла. Первый отдѣлъ объ общечеловѣческомъ, что принадлежитъ всѣмъ языкамъ, согласно развиваясь исторически и логически. Измѣненія (флексія) словъ, какъ первобытныя и общія всѣмъ языкамъ; части рѣчи. Общимъ сравнительнымъ синтаксисомъ будетъ переходъ ко второму отдѣлу, объ идіомахъ различныхъ народовъ. Идіомъ есть граница свободѣ языка, ограниченіе общечеловѣческаго въ отдѣльныхъ языкахъ. Задача этого отдѣла показать особыя явленія языковъ въ главныхъ типахъ — восточномъ, еллинскомъ и германскомъ. Ориентализмъ болѣе указываетъ словомъ, нежели высказываетъ (символика, благоговѣйная вѣра въ слово, какъ въ нѣчто таинственное); еллинизмъ наиближайше совокупляетъ идею и слово; герма-

низмъ, въ противоположность оріентализму, сознаніемъ возвышается надъ словомъ: отчего пропадаетъ внѣшнее, чувственное разнообразіе первоначальныхъ флексій. Третій отдѣлъ — объ индивидуальномъ слогѣ, въ коемъ соединяется, для единой цѣли, общечеловѣческое съ особенностью того или другаго языка. Вопервыхъ, простой слогъ (по Квинтиліану genus tenue; непосредственное единство содержанія и формы); вовторыхъ, противоположность между принужденіемъ и свободою — съ одной стороны фразеологія, пословицы, поговорки и проч., — а съ другой стороны — произволъ, оригинальность писателя; втретьихъ, образцовый классическій слогъ. Примѣры послѣднему слогу выбирать съ осторожностью, и притомъ болѣе изъ греческихъ авторовъ, чѣмъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ, между коими, кромѣ Цицерона, Лютера и Гёте, весьма немногіе обладаютъ слогомъ вполнѣ классическимъ — Третья часть — система отдѣльныхъ словесныхъ произведеній. Первый отдѣлъ указываетъ на три степени рѣчи: первая природная или народная (avant la lettre! опущеніе этой рѣчи до сихъ поръ составляетъ чувствительный недостатокъ во всѣхъ Реторикахъ); вторая, умствующая и разсуждающая (verständig-reflectirte): она освобождаетъ себя письменами отъ первобытнаго единства; третья, свободноразумная (vernünftige Sprache) сознательно возстановляетъ это первоначальное единство. Второй отдѣлъ раздѣляетъ содержаніе на объективное, субъективное и обсолютное. Каждое изъ этихъ со-

держаній находится въ каждой изъ трехъ степеней рѣчи (перваго отдѣла): первая, природная степень бываетъ разсказомъ, наблюденіемъ и разговоромъ; вторая — исторія, разсужденіе, рѣчь; третья—эпосъ, лирика, драма. Въ системѣ, поэзія стоитъ выше прозы, потому что искусственно-изящный языкъ есть совершеннѣйшій. Послѣдній отдѣлъ развиваетъ понятіе о слогѣ въ тѣсномъ смыслѣ (elocutio) на основаніи грамматической Топики, по качеству, количеству и отношенію. Во-первыхъ качество слова опредѣляется понятіемъ о κυριολεξία (proprietas съ подраздѣленіемъ объ архаизмѣ, неологизмѣ, пуризмѣ), объ ἀλλολεξία (γλῶτται, синонимы, гомонимы и проч.), о тропѣ. Кстати опровергнуть здѣсь странный предразсудокъ, будто нѣкоторые языки (то греческій, то англійскій, то французскій) такъ отличаютъ рѣчь прозаическую отъ народной и стихотворной, что одно слово принадлежитъ одной рѣчи, другое другой. Во-вторыхъ количество слова отличаетъ рѣчь совершенную отъ еллипсиса и плеоназма. Подъ плеоназмомъ разумѣются повторенія, перемѣны слова при неизмѣнности смысла, грамматическій преизбытокъ. Особенно неопредѣленно понимается первый видъ плеоназма, повтореніе: что можетъ повторяться, какъ (грамматически, логически, реторически), когда, и въ какой мѣрѣ, и въ какихъ границахъ. Та же неопредѣленность и въ понятіи объ эллипсисѣ въ формѣ патетической рѣчи (въ противоположность рѣчи эпической, непосредственной, безстрастной). На-

конецъ качество и количество соединяются въ отношеніи слова по ладу (nach Ton) и постановкѣ. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на статьи: о простомъ (логическомъ или граммативческомъ) ладѣ, объ эмфазисѣ, или эмфатическомъ ладѣ (по Беккеру, реторическомъ), о риѳмѣ (rhythmus), какъ соединеніи логическаго и эмфатическаго лада. Наука объ элементарномъ или прозаическомъ риѳмѣ являетъ еще обширное поле для обработки."

Въ этомъ планѣ Реторики надобно отличать двѣ стихіи: философскую, по Гегелю, и лингвистическую, какъ результатъ трудовъ Гримма, Гумбольдта, Беккера и друг. Вся система лежитъ на Логикѣ Гегеля, и потому безъ внутренней самобытной основы распадается противорѣчіями, и не имѣетъ самостоятельной цѣны; стремленіе же соплотить филологическое ученіе, общую Граммативку, Стилистику воедино, заслуживаетъ вниманія учителей. Дѣйствительно, только со стороны Граммативки, теоріи и исторіи языка, и можно ожидать воскресенія падшей Реторики. Только Филологія и Лингвистика дадутъ непреложныя начала теоріи Словесности и защитятъ ее отъ пошлой болтовни беллетристовъ. Планъ Кригера не противорѣчитъ курсу Дёдерлейна, будучи пополненіемъ и объясненіемъ Стилистики. Извѣстныя мнѣ нѣмецкія Реторики, всѣ примыкаютъ или къ философской школѣ, или филологической, или беллетрической. Реторика Гоффманна 1)

1) Philosophie der Rede, 1841.

есть самое отвлеченное гегеліанское толкованіе объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи. Реторика Ринне 1) сначала предлагаетъ ученіе о словѣ (лексиконъ, синонимы, архаизмы и проч.), потомъ о предложеніи и періодѣ, преимущественно по Беккеру; наконецъ о слогѣ и цѣломъ сочиненіи; причемъ подробно изслѣдуется гейристика (изобрѣтеніе), тематика, экономика или расположеніе и проч., съ весьма забавными правилами, какъ, напр., выставлять заглавія сочиненіямъ, какъ читанное записывать въ памятныя книжки, какъ соображать сочиненіе, уединившись въ кабинетъ или въ прогулкѣ на вольномъ воздухѣ и т. п. Даровитѣе ихъ обоихъ Теодоръ Мундтъ 2), практуетъ науку, какъ беллетристъ, что даже видно изъ самаго заглавнаго листа ästhetisch, literargeschichtlich, gesellschaftlich. Впрочемъ сила Лингвистики столь могущественна, что и Мундтъ иногда находится подъ напоромъ ученія Гримма, Гумбольдта и другихъ. Только отчаянныя философствующія головы еще осмѣливаются, подобно Гоффманну, отрѣшить Реторику отъ Граммашики. Кригеръ въ своемъ планѣ совокупилъ направленіе философское съ лингвистическимъ. Можно опровергнуть порядокъ содержанія его Реторики, односторонній способъ воззрѣнія, подъ напоромъ Гегеля: но самые факты, вносимые имъ въ Реторику, долж-

---

1) Die Lehre vom deutschen Stil. 1837 и слѣд.

2) Die Kunst der deutschen Prosa, первое изданіе 1837, второе дополненное 1843.

ны быть дѣйствительно удержаны. Такъ, напр., дѣленіе рѣчи на народную, безсознательную и разумную, натяжкой примѣненное Кригеромъ къ краснорѣчію и поэзіи, и подведенное подъ Гегелевы рубрики непосредственнаго, умнаго и разумнаго, можетъ занять важное мѣсто въ Стилистикѣ. но только съ другой точки зрѣнія — т. е. какъ рѣчь народная въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; рѣчь письменная, неустроенная и безсознательная въ древнихъ памятникахъ; и наконецъ рѣчь разумная, сознательно по наукѣ обработанная отъ временъ Ломоносова.

4. Практика.

Сверхъ того, Реторики, подобныя Кригеровой, Мундтовой, Риннс, Гоффманновой, недостаточны потому, что ограничиваются одной теоріей безъ постояннаго примѣненія къ практикѣ. Въ этомъ отношеніи Стилистики, напр. латинская Ганда 1), имѣютъ большее преимущество, непрестанно служа руководствомъ письменному упражненію учениковъ. Нѣмецкая Стилистика Герлинга 2), за исключеніемъ синтаксическихъ правилъ, малымъ отличается отъ старинныхъ Реторикъ; однако, какъ сборникъ реторическихъ мнѣній, можетъ съ пользою быть подъ рукою учителя. Реторика же, какъ руководство къ практикѣ, до сихъ поръ составляетъ педагогическую задачу. Нельзя вполнѣ согласиться

1) Hand, Lehrbuch des lat. Stils, 1839, изданіе 2-е.

2) Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik, 2 части 1837.

съ планомъ Реторики Герлинга, ибо примѣнительная часть оной отдѣлена отъ теоретической: надобно, чтобы она органически входила въ нее. Теорія словесности въ Гимназіи только тогда возможна и необходима, когда служитъ непрестаннымъ руководствомъ практикѣ.

Потому-то и почитаю методу Гикке 1) самою лучшею, ибо она исходитъ отъ практики и тотчасъ ведетъ къ ней же. Чтеніе писателя, по Гикке, есть исходная точка ученію словесности: теорія и исторія не только примыкаютъ къ нему, но и извлекаются, какъ изъ своего источника: ибо наука словесности предполагаетъ знаніе писателей. Слѣд. самой природой указывается путь преподаванію; какъ у всѣхъ народовъ теорія словесности составлялась въ слѣдствіе изученія образцовъ, такъ и каждый ученикъ долженъ вступить въ теорію черезъ самостоятельное чтеніе. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связываетъ ученика и лишаетъ его свободнаго сознанія, получая видъ предразсудка. Опредѣленіе поэзіи, драмы, лирики, которое учитель даетъ ученику прежде нежели прочтетъ съ нимъ какую нибудь драму или оду, сковываетъ его фантазію и мутитъ чувство изящнаго. Слѣд. теоретическое ученіе должно быть результатомъ чтенія. Тотъ же самый классическій писатель служитъ и матеріаломъ для письменныхъ упражненій учениковъ:

---

1) Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

по мѣрѣ чтенія готовится запасъ для теоріи и дается вещество для собственныхъ сочиненій. Въ продолженіи долгаго времени ученики набираютъ отрывочныя свѣденія, не имѣющія между собой систематической связи. Дѣло учителя давать этимъ свѣденіямъ вѣрное опредѣленіе и показывать ихъ отношеніе къ другимъ соотвѣтственнымъ: поле науки такимъ образомъ мало по малу наполняется; свѣденія наростаютъ и смыкаются одно съ другимъ, подводясь подъ общую мысль, и наконецъ знанія ученика умножаются до того, что могутъ быть приведены въ систему науки. Изъ Реторики ученики должны извлечь не только знанія, но и умѣнье. Теорія должна быть оправданіемъ практики, уразумѣньемъ умѣнья. А такъ какъ въ Поэзіи ученики должны болѣе ограничиться разумѣніемъ, потому краснорѣчіе въ Гимназіи должно брать верхъ надъ Піитикою; сверхъ того, такъ какъ внѣшнее выраженіе, слогъ, по преимуществу требуетъ упражненія практическаго: потому въ Реторикѣ преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся на Стилистику. Мы не можемъ заставить гимназиста писать философскія сочиненія, исторію, проповѣдь: но должны упражнять его въ слогѣ историческомъ, ораторскомъ, и пр. д. Слѣд. главнѣйшею частью Реторики въ Гимназіи должна быть та, которая всего ближе примѣняется къ письменнымъ упражненіямъ учениковъ. Только такимъ образомъ мы ограничимъ и опредѣлимъ, что и сколько должно проходить гимназистамъ изъ теоріи и

исторіи словесности, и рѣшительно отдѣлимъ преподаваніе гимназическое отъ университетскаго. Теорія словесности съ одной стороны совпадаетъ такимъ образомъ съ руководствомъ къ практическимъ занятіямъ; а съ другой стороны удерживаетъ характеръ филологическій и лингвистическій, примыкаясь къ Грамматикѣ.

5. *Педагоги - Систематики.*

Не знаю, можно ли и скоро ли можно у насъ такую методу соединить съ систематическимъ преподаваніемъ самой науки: по крайней мѣрѣ, для соображенія, предлагаю Магеровъ планъ систематическаго обозрѣнія курса словесности, въ связи съ методою преподаванія 1).

A. Теоретическое образованіе.

AA. Положительная часть (philomathische Bildung).

I. Обученіе языку и Литературѣ.

1. Языкъ:

а) Грамматика.

б) Ономатика.

в) Техника: умѣнье.

2. Литература:

α) содержаніе ея посредствомъ чтенія,

β) знаніе Литературы:

а) Исторія Литературы.

1) Die modernen Humanitätstudien, 1843, тетрадь 2-я, 30—31.

б) Теорія Литературы (Пінтика и Прозаика).

в) Критика.

II. Историческое обученіе: знакомитъ ученика съ народомъ, частію изъ самаго языка, частію изъ чтенія.

III. Реальное обученіе: избранное чтеніе даетъ обширный запасъ свѣденій для наукъ физическихъ и правственныхъ.

ББ. Философское образованіе: изученіемъ языка мышленіе пріобрѣтаетъ силу и ловкость.

ВВ. Филологическое образованіе: чтеніе образцовъ съ примѣненіемъ къ изустнымъ и письменнымъ упражненьямъ въ слогѣ.

Б. Практическое образованіе: чтеніе должно избираться такое, которое образовало бы въ учащемся благородный образъ мыслей, волю и нравъ.

Въ этомъ планѣ со многимъ можно не согласиться, но попытка разумно совокупить систему науки съ методою преподаванія заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ объясненію этого плана не мѣшаетъ показать, какъ разумѣетъ Магеръ положительную часть въ словесности 1). „Пінтику, какъ положительную науку (не какъ философскую, или часть

1) Pädagog. Revue, 1842, часть 4-я, стр. 301 — 302.

Философіи Искуства) раздѣлилъ бы я на три части, изъ коихъ первая, *абстрактная*, содержала бы въ себѣ ученіе о свойствахъ поэзіи, ея родахъ, и о поэтѣ. Нынѣшніе учебники (за исключеніемъ Аристотелева отрывка) содержатъ только одно это. Вторая часть, которую я назвалъ бы *историческою*, и которую можно назвать также и діалектической, показала бы, какъ основныя начала, изложенныя въ первой части, въ теченіи столѣтій у различныхъ народовъ различно проявлялись; въ этой второй части должны занять мѣсто 1. исторія, 2. характеристика и 3. критика лучшихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ; здѣсь покажется движеніе и развитіе поэтическаго идеала. Третья часть, которую назвалъ бы я *постулятивною*, должна основываться на двухъ предыдущихъ; результатъ ихъ обѣихъ, Піитика *современная* и притомъ *нѣмецкая* въ Германіи, *французская* во Франціи и т. д.; техника и руководство для поэтическихъ дарованій, желающихъ образоваться.“ Такая наука вовсе не годится для Гимназіи. Даже едва ли она годна и въ другомъ мѣстѣ, ибо науки для образованія поэта и нѣтъ, и быть не можетъ: poëtae nascuntur. Что же касается до Піитики и Прозаики нѣмецкой, французской, или руской, то дѣйствительно такія быть могутъ: ибо у одного народа преимуществуетъ тотъ или другой родъ словесныхъ произведеній, у другаго другой; напр. въ Италіи есть поэма и нѣтъ трагедіи, въ Испаніи романъ и драма, во Франціи особый родъ пѣсни, и т. д.

ЧТЕНІЕ.

Итакъ лучшее и вѣрнѣйшее, что можемъ извлечь изъ различныхъ педагогическихъ мнѣній о преподаваніи словесности въ Гимназіяхъ, есть то, что надобно читать писателей. Чтеніе есть основа теоретическому знанію и практическимъ упражненіямъ.

Нѣкоторые педагоги даютъ своимъ ученикамъ слишкомъ многое и разнообразное чтеніе. Другіе чтеніе отечественныхъ писателей слишкомъ ограничиваютъ, почитая оное дѣломъ постороннимъ для школы. Къ первымъ принадлежатъ и Гикке съ Магеромъ. Хотя я не держусь ни того, ни другаго мнѣнія, однако болѣе согласенъ съ послѣднимъ, не потому, чтобы почиталъ его справедливымъ безотносительно, но потому что нахожу его полезнымъ примѣнительно къ руской словесности. Разумѣется, можно читать многое и разнообразное съ учениками англійскихъ, итальянскихъ или французскихъ школъ: у нихъ богата литература. На рускомъ же языкѣ такъ немного геніальнаго и класическаго, что учителю, читающему съ своими учениками многое и разнообразное по руски, будетъ стыдно передъ учителями древнихъ и новыхъ языковъ. Въ классѣ греческой и римской словесности гимназисты читаютъ Геродота, Виргилія, Цицерона, и сей-часъ за тѣмъ въ классѣ руской словесности разбираютъ и учатъ наизусть стишки какого нибудь дюжиннаго рускаго стихотворца, или отры-

вочекъ изъ легонькой и ничтожной повѣсти. Что за безалаберный хаосъ будетъ въ головѣ учениковъ, когда перетасуются въ ней эти доморощенные образцы съ чтеніемъ классиковъ! Если же учитель руской словесности, читая съ гимназистами всякую пустошь, объясняетъ имъ, что вся она ничтожна въ сравненіи съ тѣми писателями, какихъ изучаютъ они у греческаго и латинскаго учителя: то зачѣмъ и убивать дорогое школьное время на пустяки? Двѣ причины могутъ быть для чтенія посредственныхъ, дюжинныхъ писателей: или изученіе языка во всемъ его разнообразіи, или знакомство съ внутреннимъ содержаніемъ произведеній. Но слогъ посредственныхъ писателей не выступаетъ изъ колеи подражанія образцу: такъ всѣ наши новые поэты пишутъ стихомъ Пушкина; но содержаніе дюжинныхъ произведеній вовсе ненаставительно, и безцвѣтно и вяло. Разумѣется, все это говорится въ отношеніи къ школѣ, слѣд. этимъ не порицается наша современная литература сама по себѣ: она предлагаетъ очень много занятнаго для человѣка досужаго: но досугъ не указъ школѣ. Пристрастіе и личность навсегда должны быть изгнаны изъ школьнаго чтенія. Потому-то нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ знакомить дѣтей въ Гимназіи съ новѣйшими современными произведеніями, мѣсто которымъ еще не обозначено въ исторіи руской литературы. Что предлагаетъ руская современность для гимназическаго чтенія? Журнальныя новости и стишки. Но журналы наши ведутъ по-

стоянную войну, слѣд. учителю придется или причалить свои убѣжденія къ которому нибудь одному журналу, и сквозь его критики смотрѣть на все остальное; или изъ каждаго журнала брать по немножку въ угоду всему пишущему міру. Первое выказываетъ человѣка слабаго, несамостоятельнаго; второе — лукаваго или равнодушнаго: а равнодушіе есть самая плохая посредственность. Не бѣда, что ошибается журналъ, ибо его вліяніе на публику временное, минутное: какъ пишутся его статьи наскоро (въ чемъ никто не усумнится, ибо журналисту изъ мѣсяца въ мѣсяцъ надобно заготовить статью), такъ и читаются, для пріятнаго препровожденія времени. Дѣтей мы учимъ на цѣлую жизнь ихъ, слѣдов. не можемъ давать имъ заучивать то, что издается на время, на одинъ мѣсяцъ. Если же что попадетъ въ журналъ живучее, то не умретъ съ слѣдующимъ нумеромъ, а какъ-разъ вѣрно всплыветъ наверхъ: тогда воспользуются и Гимназіи. Столь же опасно полагаться и на сочиненія современныхъ знаменитостей, ибо извѣстно, что наша словесность раздѣляется теперь на множество партій, изъ коихъ каждая рекомендуетъ свою собственную знаменитость, съ различными ее окружающими спутниками. Если примиришь всѣхъ, придется и читать всѣхъ. Тогда не останется времени и на дѣло. Если же ограничишься мнѣніями одной партіи, будешь пристрастенъ и односторонень. Опытъ уже показалъ, какъ современные классики обманчивы: кто посредственнымъ и да-

же слабымъ не назовешъ половины такъ названныхъ нѣкогда образцовыхъ сочиненій? Многіе учители не ввѣряются новымъ знаменитостямъ, по справедливости будучи напуганы словами Пушкина 1): „Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики: — напротивъ. Едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшатъ привѣтствовать его титломъ генія, за сладкіе стишки; нѣжно благодаряшъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества. Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Геше и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное!“ Всякій вѣкъ ошибался: почему же мы правѣе предшественниковъ въ своемъ личномъ вкусѣ? Не будутъ ли и надъ нами смѣяться наши ученики, если мы будемъ хвалить имъ то, что нравится намъ теперь именно потому, можетъ быть, что мы еще не столь образованы, какъ должны быть наши ученики и все слѣдующее за нами поколѣніе! Но скажутъ: надобно слѣдить за вѣкомъ, не отставать отъ современности. Но вѣдь современность выражается не въ стишкахъ да легкой прозѣ. Понятно всякому, какъ полезно и необходимо слѣдить за своимъ вѣкомъ въ глубокихъ филологическихъ соображеніяхъ Гримма и Гумбольдта, въ историческихъ изслѣдованіяхъ Тьери и Раумера: но эта ли современность выражается

1) Сочиненія Пушкина, XI, 236.

въ нашей беллетристикѣ? Поэзіи нѣтъ дѣла до наукъ — скажутъ: надобно слѣдить за современнымъ развитіемъ поэзіи — продолжаю словами Пушкина 1): „ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе не справедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ себѣ идти впередъ, и науки, философія и гражданственность, могутъ усовершенствоваться и измѣняться — но поэзія остается на одномъ мѣстѣ — цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.“

Да и некогда гимназистамъ слѣдить за современною литературою: имъ еще надобно познакомиться съ писателями прежними. Если они не прочтутъ Ломоносова или Державина въ школѣ, то вѣроятно и никогда въ жизнь свою не прочтутъ ихъ. А современное всегда будутъ читать отъ нечего-дѣлать, какъ выростутъ. Потому, преимущественное вниманіе учениковъ должно быть обращено на сочиненія старинныя. Слѣд. чтеніе должно быть запасомъ Исторіи Литературы. Не надобно слишкомъ заботиться объ образцахъ для родовъ и видовъ поэзіи, и съ этой цѣлію выбирать чтеніе изъ рускихъ писателей, даже классическихъ, каковы Жуковскій, Пушкинъ. Значеніе поэмы или трагедіи лучше всего извлекутъ ученики изъ чте-

1) Сочиненія Пушкина, XI, 234.

нія Гомера и Софокла въ классѣ греческомъ; оду узнаютъ отъ латинскаго учителя на чтеніи Горація и т. д. Вся задача гимназической теоріи словесности состоитъ въ томъ, чтобы ученики умѣли отличить въ словесныхъ произведеніяхъ одинъ родъ отъ другаго: философскаго же, эстетическаго опредѣленія передать не возможно, слѣд. и теорія драмы или поэмы въ Гимназіи преподаваться не можетъ. Потому, мнѣ кажется, нѣкоторые педагоги слишкомъ много хлопочутъ надъ эстетическимъ разборомъ. Вотъ какъ, напр., Гикке читаетъ писателей съ учениками. Въ низшихъ и среднихъ классахъ, небольшіе поэтическіе разсказы: 1. Чтеніе. 2. Объясненіе подробностей при вторичномъ чтеніи. 3. Содержаніе и ходъ: что разсказывается? 4. Размѣръ, риѳма, строфы и проч. 5. Главныя части, отдѣлы, акты. 6. Какъ разсказано? Способъ представленія, выраженіе, характеры. 7. Значеніе цѣлаго, извлеченіе главной мысли или основной темы. 8. (Для среднихъ классовъ) сравненіе нѣсколькихъ стихотвореній одного рода. Въ высшихъ классахъ, эпическія и лирическія произведенія: a. Идеальный составъ (der ideelle Gehalt). b. Поэтическая форма: 1. пластическій моментъ; 2. музыкальный моментъ; 3. основной ладъ произведенія (der Grandton); 4. архитектонической моментъ. Примѣры для сравненій: 1. Сравненіе балладъ и романсовъ Уланда по содержанію и обработкѣ. 2. Сравненіе Шиллеровыхъ балладъ по идеальному составу, по характерамъ, теченію піесы и по расположенію.

3. Сравненіе стихотвореній различныхъ писателей по сходству основныхъ темъ. 4. Сравненіе балладъ и романсовъ Бюргера, Гёте, Шиллера и Уланда — не по ихъ достоинству (чтобы не критиковать), но по матеріи и обработкѣ. 5. Отношеніе этихъ балладъ къ первобытной формѣ грубаго разсказа (т. е. сличеніе старинныхъ и народныхъ разсказовъ съ художественными передѣлками оныхъ).

Для чего столько хлопотъ? Образовать поэта, критика? Но такой задачи никогда не задавала и не задастъ себѣ Гимназія. Будущему поэту надоѣстъ до крайности кропотливое толкованіе о томъ, что и безъ объясненій ему, какъ поэту, ясно. Для критика же чрезвычайно узко ограниченное поприще отечественной литературы. Притомъ будущіе поэты и критики составляютъ исключеніе въ общей массѣ учащихся: для чего же мы будемъ готовить въ литераторы нѣсколько поколѣній, которыя всѣ поступятъ въ званіе чиновниковъ, въ военную службу, или останутся мирными гражданами, безъ всякихъ литературныхъ претензій? Критика дѣло не легкое, и вѣрно учители сами откажутся отъ трудной обязанности воспитать журналиста. Зачѣмъ забираться далеко? Довольно и того, чтобы разобрать съ учениками смыслъ писателя, складъ рѣчи, указать на основную мысль произведенія, а главное прослѣдить логическую связь онаго и внѣшнее выраженіе, преимущественно съ грамматической точки зрѣнія. Сентиментальные возгласы пошлы, а разсужденіе о красотѣ только

искажаетъ ее, замѣняя живой образъ отвлеченнымъ предразсудкомъ какой нибудь философской системы. При нынѣшнемъ высокомъ значеніи Филологіи нечего бояться Граммашики. Не одна правильность языка подлежитъ ея вѣденію, но и красота его. Ибо, какъ прекрасное лицо предполагаетъ здоровье и цвѣтущую силу, такъ и изящество предполагаетъ правильность. И какъ изящный профиль греческій мы называемъ правильнымъ, такъ и по истинѣ-изящное выраженіе изящно потому, что правильно. Оттого простую, безыскуственную рѣчь древнихъ произведеній ставимъ обыкновенно въ образецъ красоты; оттого мѣткое и точное выраженіе, схваченное изъ устъ народа, возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическое, не смотря на то, что это выраженіе только правильно, ибо безъ всякой прикрасы передаетъ мысль, такъ какъ она есть. Законное отправленіе органической жизни вмѣстѣ и необходимо, и пріятно: сонъ и утоленіе голода или жажды подкрѣпляютъ силы человѣка и вмѣстѣ доставляютъ ему удовольствіе. Такъ и рѣчь, какъ органическое отправленіе, вмѣстѣ сообщаетъ мысль и нравится намъ, если живо и здраво схватываетъ то, что хотимъ выразить. Благозвучіе, одно изъ главныхъ достоинствъ красоты словесной, основывается на сочетаніи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, слѣд. на Граммашикѣ; быстрота и живость — на краткихъ предложеніяхъ, эллипсисѣ, на употребленіи видовъ глагола и т. п.; живописность дѣйствія на отличіи свойствъ, выражаемыхъ прилагательными

и причастіями, отъ выражаемыхъ глаголами и т. д. Тропы, составлявшіе въ Реторикахъ главу объ украшеніи, ведутъ свое начало отъ Словаря; ибо перенесеніе названій отъ одного понятія къ другому есть необходимый путь изслѣдованію лексикологическому. Все, что относится въ словесномъ произведеніи къ внѣшнему выраженію, подлежитъ Грамматикѣ. Что же касается до внутренняго содержанія, до истины, нравственности, изящества: то́ идетъ въ особыя науки—каковы Философія, Юриспруденція, Исторія, Эстетика и проч. Потому, чтобы не разбѣгаться во всѣ стороны и не толковать обо всемъ—слѣд. о многомъ кое-какъ, лучше всего учитель долженъ строго опредѣлить себѣ ту точку зрѣнія, съ которой онъ можетъ смотрѣть на писателя, не выходя изъ области своего предмета: а его область Грамматика, въ обширномъ смыслѣ принимаемая. Въ ней, въ періодахъ, въ предложеніяхъ и т. п., учитель найдетъ и свою эстетику, и философію, и нравственность, и исторію. „Въ предложеніи есть свои тѣлодвиженія, звуки, краски; оно можетъ соединить въ себѣ дѣйствія почти всѣхъ искуствъ, и преимущественно живописи, устраняя, впрочемъ, всѣ намѣренные эффекты оныхъ. Простая постановка подлежащаго съ сказуемымъ являетъ глазамъ нашимъ совершенно живую фигуру, глаголъ приводитъ въ движеніе ея поступь и одушевляетъ дѣйствіемъ; придаточное предложеніе, опредѣленія и дополненія живописно группируютъ ее; полнота выраженія одѣваетъ ее приличною драпировкою съ

прекрасными складками, и шествіе ея — музыка, очарованіе риѳма 1)." Эстетическій элементъ заключается въ языкѣ необходимо, ибо мысль, переходя въ слово, подлежитъ закону творческой фантазіи: потому основательное объясненіе писателя грамматическое будетъ вмѣстѣ и эстетическое. — Почитаю излишнимъ распространяться о томъ, сколько въ языкѣ философіи; укажу только нѣсколько мѣстъ изъ Гегеля, гдѣ философъ беретъ языкъ въ помочь своимъ умствованіямъ: въ Энциклопедіи 2): объясненіе словъ aliud — aliud стр. 183, aufheben стр. 191, мѣрять 214 и 215, Seyn и Wesen 225, имѣть 254, Urtheil 326, правда и истина 334; въ Феноменологіи духа 3): здѣсь, теперь 73, auch 84, однако 85, свойство 86, и проч. Именно только филологическимъ объясненіемъ писателя поставимъ мы себя въ выгодный неуправимъ между гуманистами и реалистами. „Чтеніе отечественныхъ писателей остается на досугъ ученика, говорятъ гуманисты 4): настоящая же работа—въ изученіи древнихъ классиковъ. Если ученикъ отклоняется отъ этой работы и въ урочные часы читаетъ отечественныя произведенія даже со вниманіемъ и тщательностью, а о древнихъ классикахъ не радѣетъ; то не-

---

1) Th. Mundt, Die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, стр. 120, 121.
2) Изданіе 1840 года, часть I.
3) Изданіе 1841 года.
4) Deinhardt, der Gymnasialunterricht, стр. 143.

премѣнно сдѣлаетъ онъ изъ себя человѣка эстетическаго, мечтательнаго и сентиментальнаго, остроумнаго, чувствительнаго и приторнаго, который ни къ чему важному и годному не годится, а принадлежитъ къ обществу гуляющихъ по собраніямъ и вечеринкамъ, гдѣ много толкуется и ничего не рѣшается о театрѣ, Шиллерѣ, Гёте и т. п.“ Но здѣсь также крайность: ибо можно читать и своихъ писателей, и греческихъ съ римскими; впрочемъ много и правды, которая тѣмъ страшнѣе для насъ, что мы очень малое имѣемъ въ своей новой литературѣ, что́ бы могли поставить наравнѣ не только съ древними классиками, но даже съ Шиллеромъ и Гёте. Напротивъ того реалисты почитаютъ необходимымъ чтеніе отечественныхъ писателей потому, что ученикъ пріучается на нихъ схватывать общую мысль и обнимать цѣлое: тогда какъ при писателяхъ древнихъ и вообще чужихъ онъ ломаетъ голову на отдѣльныхъ выраженіямъ и словахъ; потому говорятъ они 1): „какая помощь и для произведенія чужеземнаго, въ которомъ ученикъ находитъ удовольствіе тогда только, какъ дочитаетъ до конца! если привыкнетъ онъ, при чтеніи отечественныхъ писателей, во всемъ открывать цѣлое; то и при чтеніи чуждаго произведенія сумѣетъ опознаться въ подробностяхъ оригинала, и тѣмъ облегчитъ трудъ учителя въ объясненіи онаго. Да

1) Hiecke, Der deutsche Unterricht, стр. 72 и 73.

какой высокой и живой интересъ возбудится и къ иностранной литературѣ, если трудъ и терпѣніе, необходимые для уразумѣнія отдѣльнаго періода, будутъ казаться ученику только неизбѣжною дорогою къ свободному обозрѣнію цѣлаго, къ совершенному усвоенію онаго!“ Слѣд. если мы примемъ и при отечественномъ произведеніи по преимуществу объясненіе филологическое, то сравняемъ чтеніе писателя отечественнаго съ иностраннымъ: значитъ, стало быть, уничтожимъ пользу чтенія отечественнаго? Нѣтъ, именно потому, что реалисты тоже увлекаются. Вопервыхъ, подробности подводить къ общему гимназисты научаются изъ уроковъ Исторіи, Географіи, Математики, точно такъ же, какъ изъ чтенія писателя; вовторыхъ — аргументы, бревіаріи, введенія и т. п. при одахъ Горація, при книгахъ Тацита, пѣснях Гомера и проч. ясно указываютъ на то, что читающему подробные комментаріи надобно знать и общую мысль, и слѣдить ее по всѣмъ стихамъ и періодамъ произведенія; втретьихъ, главная мысль произведенія, какъ жизненная сила, разливается по всѣмъ частямъ онаго; слѣд. чѣмъ болѣе вникаемъ въ подробности, тѣмъ безошибочнѣе и тверже схватимъ общую мысль: надобно только въ подробностяхъ видѣть органическія части живаго цѣлаго; вчетвертыхъ, въ классическихъ произведеніяхъ предложенія съ предложеніями и періоды съ періодами связываются такими тѣсными узами, что учители древнихъ литературъ необходимо должны и

сами объяснять ученикамъ общую мысль для уразумѣнія особенностей, и ученики съ своей стороны изъ ближайшаго сцѣпленія частей произведенія древняго необходимо извлекаютъ для себя понятіе о стройномъ единствѣ произведенія; слѣд. въ этомъ отношеніи чтеніе классическое болѣе помогаетъ отечественному, а не наоборотъ. Впятыхъ, учась по новымъ легкимъ произведеніямъ схватывать общее, гимназисты разучатся достаточно вникать въ подробности и будутъ во всемъ верхоглядами: что существенно повредитъ всякому основательному изученію. Изъ всего этого вывожу, что чтеніе, и свое и иностранное, должно быть одинаково: углубляяся въ подробности словъ, оборотовъ, предложеній, и постоянно разсматривать частности въ связи съ общимъ, ибо словесное выраженіе отличается отъ всякаго другаго именно тѣмъ, что во всякомъ предложеніи видиѣется необходимая часть живаго цѣлаго. Къ этому надобно прибавить еще два необходимыхъ условія: ограниченные требованія и способы гимназическаго курса, и неустроенное состояніе языка рускаго: первое отклоняетъ всякія высокопарности, второе требуетъ тщательнѣйшаго изученія языка. Наконецъ самыя побудительныя причины для филологическаго объясненія: первая: при бѣдности общаго содержанія и такъ называемыхъ гуманныхъ идей въ рускихъ произведеніяхъ, неистощимое богатство языка еще непочатаго, свѣжаго, мощнаго и глубокаго; и вторая: при шаткости и болтливой неопредѣленности пра-

вилъ эстетическихъ и критическихъ, непреложные законы филологическіе. Именно глубокимъ и всеобъемлющимъ взглядомъ на подробности отличается человѣкъ знающій отъ профана: дилетанты, не разумѣя техники искусства, хватаются за общія мысли произведенія, т. е. за общія мѣста; истинный знатокъ видитъ въ ничтожной для непривычнаго мелочи высокое значеніе, ибо здраво понимаетъ ее, и чувствуетъ ея отношеніе къ цѣлому.

Касательно объясненія отечественныхъ писателей есть два противоположныя мнѣнія: гуманисты почитаютъ смѣшнымъ, пошлымъ и вреднымъ комментаріи на современныхъ писателей; напротивъ того, реалисты объясняютъ ихъ такъ же кропотливо и педантски, какъ Горація или Пиндара. Дѣйствительно, объясненія на современниковъ какъ разъ могутъ обратиться въ пустую болтовню, и только загромоздятъ смыслъ текста. Особенно нестерпимы комментаріи такъ называемые эстетическіе. Впрочемъ строгая филологическая критика можетъ быть допущена; она даже необходима, ибо пріучаетъ къ отчетливому сознательному чтенію, на которое столь мало обращаютъ вниманіе люди необразованные, и къ отличію истиннаго достоинства словеснаго выраженія отъ ложнаго блеску и напыщенныхъ фразъ. Охотники что нибудь почитать отъ нечего-дѣлать увлекаются только однимъ занимательнымъ содержаніемъ, нисколько и не предчувствуя гармоническаго соотношенія между звукомъ и мыслію; ихъ не увлекаютъ красота рѣчи, про-

стопа, точность выраженія, правильная связь мыслей: они скользятъ только на поверхности того, что читаютъ; ибо не привыкли при чтеніи писателя обращать вниманіе на то, что составляетъ существенное въ произведеніи. Именно, чтобы уничтожить такое безсмысленное чтеніе, надобно съ учениками читать образцовыхъ рускихъ писателей, и объяснять ихъ. Главная задача должна состоять въ томъ, чтобы объясненія были необходимы, не случайны. Потому учитель обязанъ всѣ свои мнѣнія основывать на данныхъ, самимъ авторомъ указанныхъ, слѣд. обязанъ свою филологическую экзегетику подчинить такъ называемой субъективной, т. е. заставить, чтобы писатель объяснялъ самъ себя. Такъ, при чтеніи Карамзина, надлежитъ сличать слогъ его Исторіи съ древними источниками; оды и рѣчи Ломоносова объяснять его Реторикою, стихотворенія Державина — объясненіями, имъ самимъ сообщенными, поэтическіе переводы Жуковскаго сличать съ подлинниками и т. д.

О способѣ чтенія также разногласіе мнѣній. Одни педагоги заставляютъ учениковъ учить писателя наизусть, другіе полагаютъ это вреднымъ. „Изусть-ученіе вредитъ разуму и памяти 1). Что останется отъ хорошо упражненной памяти? любовь къ предмету, изящное, посредствомъ коего я

---

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 97 и слѣд.

съ нимъ соединяюсь; а эту внутреннюю связь не пріобрѣтешь выучкой наизусть. Только непріятное способно къ тому, вокаблы, числа, имена. Прекрасное же удерживается, какъ собственность, какъ непосредственно понятое; прекрасное разлюбишь, заучивая наизусть. У дитяти притупляется всякое чувство къ поэзіи отъ долгаго заучиванья наизусть стихотворенія. Гораздо полезнѣе упражнять память на произведеніяхъ чуждыхъ языковъ, на выучкѣ одной страницы пофранцузски или полатини. Говорю только противъ выучиванья наизусть, а не знанія наизусть. Я видалъ людей, никогда не учившихъ ничего наизусть, и знавшихъ многое на память. Удовольствіе читать и слушать, и потомъ вновь перечитывать и переслушивать, ведетъ къ такому основательному знанію, которое, при нуждѣ, легко можетъ быть доведено и до знанія наизусть. — Потому учитель долженъ руководить ученика, какъ учить на память; долженъ вмѣстѣ съ нимъ заучивать наизусть, и тѣмъ препятствовать, чтобы ученикъ не впалъ въ мертвящій механизмъ. Долженъ помогать ему вникать во внутреннюю связь произведенія и въ содержаніе каждаго предложенія, какъ необходимаго звена между предыдущимъ и послѣдующимъ. По этому на прозу должно болѣе обращать вниманіе, нежели на поэзію. Стихотвореніе уже своею внѣшнею формою поддерживаетъ механизмъ ученія наизусть, и ведетъ ученика отъ стиха къ стиху только формально, а не внутреннею связью.“ — Все это весьма дѣльно,

только за исключеніемъ излишняго человѣколюбія и заботливости объ эстетическомъ чувствѣ гимназистовъ. Память съ толкомъ не только не вредитъ разуму, но даже помогаетъ ему, и у дѣтей часто замѣняетъ самый разумъ. Года гимназическаго ученія именно таковы, когда память и воображеніе берутъ верхъ надъ умственными соображеніями. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что лучшіе ученики хотя отчетливо понимаютъ, что учитель объясняетъ, однако все-таки выучиваютъ уроки слово въ слово. На урокѣ дитя всегда болѣе или менѣе въ принужденіи: свободной игры духовныхъ силъ его никакъ не добудешь. Чувство эстетическое убивается и анализомъ также, какъ и выучкой наизусть. Нечего дѣлать — стерпится слюбится; а изъ школы не льзя сдѣлать ни театра 1), ни литературнаго вечера. Толковитое заучиваніе наизусть всегда и всему будетъ приносить пользу. — Учитель вмѣстѣ съ учениками неоднократно прочитываетъ разбираемое произведеніе. Это необходимо, но безъ заучиванія на память недостаточно. „Перечитываніе одного и того же соотвѣтствуетъ продолжительному разсматрива-

1) Забавно мечтаніе Гикке знакомить учениковъ съ цѣлымъ впечатлѣніемъ драмы на театральномъ представленіи, стр. 123. Стало-быть, для объясненія совѣщательной рѣчи, классъ превращается въ площадь, для судебной въ Сенатъ и пр. д. Вотъ куда изъ класса заводятъ учителя съ учениками эстетическія мечтанія.

нію картины, прочтеніе одинъ разъ бѣглому взгляду. Глазъ безпрепятственно можетъ соображать всѣ подробности картины въ одно время, ухо собираетъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одну за другой; слышанное прежде—уходитъ вдаль, болѣе и болѣе утрачивая свою ясность, такъ что воспоминаніе не можетъ совокупить для себя въ одно цѣлое всѣхъ частностей, какъ въ картинѣ. Только повторительное чтеніе дастъ представленію стройность и жизнь. — Малыя дѣти съ удовольствіемъ слушаютъ нѣсколько разъ одни и тѣ же разсказы, или одну и ту же пѣсню. Взрослые хотя и не любятъ повторенія, однако черезъ нѣсколько дней охотно внимаютъ тому же, что недавно слышали 1).“ Постепенное уразумѣніе писателя и произношеніе съ толкомъ и чувствомъ даетъ ученику новый интересъ въ неоднократномъ прочитываніи того же. Только основательная вдумчивость въ каждое слово и предложеніе, и въ связь предложеній ведетъ учащагося къ чтенію съ толкомъ. Величайшая ошибка заставлять учениковъ читать ораторски то, что они не совсѣмъ понимаютъ: это влечетъ къ манерности и портитъ чувство обманомъ. Увлекательное театральное чтеніе лежитъ внѣ обязанности гимназической, во первыхъ ужъ потому, что изъ самихъ учителей немного хорошихъ чтецовъ; во вторыхъ, драмматическое чтеніе, не имѣя до сихъ поръ положитель-

1) K. Wackernagel, ibid., стр. 93.

ныхъ законовъ, не можетъ быть предметомъ строгой науки. Только правила, основанныя на синтаксисѣ, даетъ учитель для произношенія· слѣд. долженъ выучить читать съ толкомъ и смысломъ; чувство придетъ само собой. Впрочемъ если учитель умѣетъ читать изящно, то его примѣръ будетъ руководителемъ ученикамъ.

О предметахъ чтенія два мнѣнія: одно стоитъ за хрестоматію, другое за цѣлыя произведенія. Variatio delectat, говорятъ собиратели хрестоматій 1): для учителя и учениковъ нѣтъ ничего утомительнѣе чтенія одного и того же въ продолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцовъ; притомъ вещи познаются изъ сравненія 2), а на одномъ только писателѣ не узнаешь ни его самаго, ни слога, будь этотъ писатель даже Гёте. Польза хрестоматій болѣе и болѣе признается. Не дойдетъ ли это до крайности? Распредѣленіе хрестоматій обыкновенно бываетъ съ точки зрѣнія реальной, а не филологической. Однѣ располагаются по родамъ и видамъ краснорѣчія и поэзіи, напр. Хрестоматія Магерова, старыя французскія и мн. др. Но если въ опредѣленіи родовъ словесныхъ произведеній немного заботы учителямъ отечественнаго языка, то нечего и раздѣлять хрестоматіи такимъ образомъ: зачѣмъ неважное для школы брать основаніемъ дѣленію? Такая хрестоматія обыкновенно задаетъ

1) K. Wackernagel, стр. 4.
2) Hiecke стр. 246.

себѣ задачи неисполнимыя: подъ рубрикою романовъ, повѣстей, поэмъ, драмъ, предлагаетъ изъ эпихъ родовъ произведеній только отрывки, изъ коихъ разумѣется нельзя узнать ни драмы, ни поэмы, ни романа. Притомъ заглавія надъ отдѣлами статей: исторія, ода, элегія — и проч. — выказываютъ въ компиляторахъ хрестоматій недостатокъ педагогическаго такта. Подъ вліяніемъ заглавія ученикъ получаетъ понятіе о піесѣ прежде, чѣмъ прочтетъ ее: слѣд. его сужденіе о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній будетъ предразсудкомъ, понятіемъ преждевременно составленнымъ о предметѣ. Потому, въ избѣжаніе такого вреда, лучше было бы составлять хрестоматіи (какъ К. Вакернагеля), не раздѣляя піесъ по родамъ слога или поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, для того, чтобы ученики, съ помощію учителя, изъ самой вещи выводили себѣ понятіе и названіе, а не наоборотъ. Раздѣленіе хрестоматіи по предметамъ даетъ ей характеръ энциклопедіи, заставляя учителя выступать изъ области своей науки и толковать о предметахъ, болѣе или менѣе ему извѣстныхъ. Такъ Дистервегъ дѣлитъ свое собраніе на три отдѣла: религія, природа и человѣкъ; Гауптъ 1) къ этимъ тремъ отдѣламъ прибавляетъ еще два: искуство и наука, съ подраздѣленіями: Архитектура, Живопись, Скульптура, общая Грамматика, Философія, Богословіе, Юриспруденція,

1) Deutsche Prosa, 1841.

Медицина и проч., и проч. Невозможно никакъ рѣшить, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя энциклопедіи къ теоріи языка, къ филологіи: ибо все вниманіе компиляторовъ обращено на внутреннее содержаніе. Иныя хрестоматіи, какъ Магера, Гикке и м. д., берутъ въ расчетъ личность учащихся, будучи расположены по возрастамъ дѣтей. Это едвали не основательнѣе; только надобно замѣтить здѣсь два обстоятельства: вопервыхъ, все приличное для малолѣтныхъ должно быть таково, чтобы годилось и для учениковъ взрослыхъ 1): слѣд. хрестоматія для послѣднихъ можетъ и должна заключать въ себѣ и то, что въ хрестоматіи первоначальной; разумѣется, наоборотъ нельзя. Во-вторыхъ, степени возраста и смышлености учащихся такъ непримѣтно переходятъ и сливаются, что рѣзкаго разграниченія въ книгѣ никакъ быть не можетъ. Притомъ и въ самомъ легкомъ, напр., въ басняхъ Крылова, много для дѣтей необъяснимаго; и наоборотъ искусный учитель легко растолкуетъ дѣтямъ многое, что для другаго кажется труднымъ. Итакъ въ чемъ же существенная польза хрестоматій? Въ разнообразіи? Но если оно только ради забавы учениковъ, то не можетъ быть достоинствомъ учебной книги. Если же касается только внутренняго содержанія, то ничего не дастъ филоло-

---

1) Магеръ въ предисловіи къ Французской Хрестоматіи и въ Padagogische Revue, 1843 No 5, въ рецензіи на Гикке.

гическому курсу словесности; если же касается слога, то какъ не льзя изъ чтенія одного писателя узнать слогъ вообще, такъ и изъ отрывковъ не льзя познакомиться ни съ однимъ писателемъ. Невыгоды одинаковы и на той и на другой сторонѣ, съ тою только разницею, что короткое знакомство съ слогомъ одного писателя образцоваго будетъ знаніемъ болѣе прочнымъ и основательнымъ, тогда какъ отрывочное чтеніе понемножку изъ того и другаго даетъ ученію легкое и поверхностное направленіе.

Двухъ родовъ хрестоматіи полезны и необходимы для Гимназіи: первоначальная и историческая. Первоначальная для низшихъ классовъ, гдѣ еще дѣти не созрѣли для продолжительнаго классическаго чтенія. На такой хрестоматіи они выучатся плавно читать, узнаютъ первоначальныя основанія Грамматики, правописаніе. Историческая же должна быть сборникомъ литературныхъ памятниковъ: нѣкоторые предложитъ вполнѣ, изъ большихъ отрывки; такая хрестоматія, слѣд., должна быть какъбы историческою библіотекою, служа матеріаломъ для исторіи и теоріи Литературы. Какъ образецъ исторической хрестоматіи, рекомендую Вильгельма Вакернагеля Altdeutsches Lesebuch, 2-е умноженное и улучшенное изд., 1839, съ словаремъ и варіантами; содержитъ памятники Литературы отъ IV до XV вѣка включительно. Для классическаго же дѣтскаго чтенія желательно бы было, чтобы у насъ явилась когда нибудь книга, подобная народнымъ разсказамъ, собраннымъ и выданнымъ братьями Гриммами.

Польза же хрестоматій эстетическихъ и энциклопедическихъ только относительная: вопервыхъ, они содержатъ отрывки изъ такихъ произведеній, коихъ цѣликомъ читать дѣтямъ еще рано по нѣкоторымъ причинамъ; вовторыхъ, доставляютъ случай въ маломъ объемѣ и за дешевую цѣну пріобрѣсти разнообразныя свѣденія о текущей литературѣ, хотя и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Въ этомъ отношеніи хрестоматіи полезны, и дай Богъ, чтобы они вытѣснили собою нескладныя притчи и наставленія умственныхъ и наглядныхъ упражненій, которыя пишутся обыкновенно безъ большихъ претензій на слогъ и мысли. Но очевидно, что собственное мѣсто такихъ хрестоматій не классъ словесности: пусть будутъ они домашнимъ чтеніемъ для учениковъ, пусть замѣняютъ онѣ имъ чтеніе журналовъ, сказокъ, повѣстей. Учитель можетъ руководить учениковъ, указывая имъ ту или другую піесу для досужаго прочтенія, можетъ брать отъ нихъ и краткій отчетъ въ какой заблагоразсудится ему формѣ, словесно или письменно. Только, повторяю, энциклопедическое и эстетическое чтеніе хрестоматій очень желательно было бы изгнать изъ Гимназіи, и употребить классное время съ большею пользою.

Множество французскихъ и нѣмецкихъ хрестоматій нисколько не доказываетъ необходимости руской для Гимназій: ибо наша литература еще не йдетъ въ сравненіе съ французскою и нѣмецкою, по неустроенному состоянію языка письменнаго и

разговорнаго, и по бѣдности внутренняго содержанія. И вездѣ высшіе таланты рѣдки, а тамъ и подавно, гдѣ меньше соревнованія и больше монополіи. Что сказалъ Гете 1) о нѣмецкой беллетристикѣ, очень идетъ и къ намъ: „стихотворная образованность такъ распространилась въ Германіи, что уже никто не пишетъ дурныхъ стиховъ. Молодые поэты, присылающіе мнѣ свои произведенія, нисколько не хуже своихъ предшественниковъ, а такъ какъ сихъ послѣднихъ очень высоко цѣнили и цѣнятъ, то новые поэты вовсе не понимаютъ, почему и ихъ не хвалятъ также. И все-таки не льзя сдѣлать для нихъ ничего поощрительнаго, именно потому, что ихъ цѣлыя сотни, а излишняго не льзя желать, когда остается непочатымъ много гораздо полезнѣйшаго. Если бы изъ нихъ былъ одинъ выше всѣхъ, было бы хорошо, ибо для свѣта нужно одно превосходное.“ А школа имѣетъ полное право быть еще взыскательнѣе публики. Итакъ если мы отбросимъ все посредственное и преходящее, останется для ученія хотя немногое, но по истинѣ превосходное. Непонятно, для чего читать съ учениками подражателей Карамзину и Пушкину, а не обратиться къ самимъ образцамъ и источникамъ? Если отъ временъ Карамзина нашъ слогъ и поднялся, или измѣнился, то все же въ слѣдствіе трудовъ Карамзина. Слогъ его до сихъ поръ еще окончательно не разработанъ, и не принесъ еще

1) Eckermann, Gespräche mit Goethe, 1837, I, стр. 243.

шѣхъ плодовъ, какіе имѣетъ принесши, ибо такъ называемый Карамзинскій слогъ, коимъ многіе нынѣ пишутъ, по большой части усвоилъ себѣ только отрицательныя качества — каковы легкость періода, гладкость фразы, иногда переходящая въ безцвѣтность и вялость, мѣрная проза, приторная въ своей крайности, славянизмы, которые, будучи въ оправѣ истертаго выраженія, придаютъ рѣчи напыщенность и театральность и т. п. Не этому Гимназія должна учить своихъ питомцевъ по Исторіи Карамзина.

Исторію Карамзина надлежитъ разсматривать какъ средоточіе гимназическаго курса Словесности. Къ ней должны примкнуться и теорія Словесности съ Стилистикою и исторіею Литературы, и собственныя упражненія. Никакая руская хрестоматія не замѣнитъ полноты ея. Если бы кто возразилъ, что съ Филологическимъ направленіемъ я небрегу внутреннимъ содержаніемъ, думаю о словахъ безъ живаго смысла: то именно шѣмъ и опровергну возраженіе, что вмѣсто disjecta membra хрестоматіи предлагаю живое, цѣлое произведеніе. Защитникъ хрестоматіи скорѣе дѣйствуетъ съ ущербомъ внутреннему содержанію, ибо въ отрывкѣ мысль не полна. Касательно же слога, вся выгода на моей сторонѣ, ибо никто изъ нашихъ писателей, кромѣ Ломоносова и Пушкина, не внесъ въ свои произведенія столько филологическаго изученія, сколько Карамзинъ въ свою Исторію. Литературную школу можно уподобить живописной или скульптурной.

Нынѣшніе живописцы учатся своему искусству, копируя по преимуществу Рафаэля, Тиціана, или инаго какого начальника цѣлой школы. Изучивъ основателя, легче сладить съ его послѣдователями. Такъ какъ современный, и притомъ прозаическій слогъ въ Гимназіи нужнѣе устарѣлаго и поэтическаго, то Карамзинъ для нея необходимѣе Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза послѣдняго есть дальнѣйшее развитіе карамзинской, и можетъ быть изучена только послѣ оной. Какъ современный слогъ нашъ воспитался Карамзинымъ и Пушкинымъ, пусть такъ же воспитываются и Гимназіи: тогда школа не будетъ противорѣчить обществу, а притомъ основется на прочномъ историческомъ ходѣ современной нашей литературы. И какъ Карамзинъ отъ перваго до послѣдняго тома своей Исторіи болѣе и болѣе усовершенствовался, пусть и ученики въ послѣдовательномъ порядкѣ читаютъ изъ перваго, потомъ изъ втораго тома и т. д. Самъ Карамзинъ постепеннымъ развитіемъ своего слога будетъ наставлять учащихся: учитель словесности останется въ сторонѣ, и только будетъ руководствомъ для уразумѣнія его Исторіи. Такимъ образомъ учащійся самъ надъ собой замѣтитъ, какъ силы его болѣе и болѣе возрастаютъ, когда послѣдовательно изучитъ Карамзина, такъ сказать, генетически: ему ясны будутъ всѣ преобразованія его, ибо увидитъ ихъ источникъ и постепенный ходъ. Итакъ, кромѣ соотвѣтствія съ развитіемъ современной литературы, классъ словесности бу-

детъ органически устроенъ по историческому развитію слога самого Карамзина.

Вотъ истинное примѣненіе методы генетической къ Стилистикѣ! Разумѣется, изъ Исторіи Государства Россійскаго должны быть избраны для подробнаго изученія только мѣста лучшія, и по преимуществу имѣющія отношеніе къ литературѣ. Для этого необходима была бы Хрестоматія Карамзинская. Она же была бы вмѣстѣ и историческою: ибо слогъ Карамзина находится подъ непрестаннымъ вліяніемъ древнихъ источниковъ. На изученіи Карамзина учащіеся ясно поймутъ, что все прошедшее въ языкѣ и литературѣ никогда не умираетъ для настоящаго, а какъ необходимый элементъ, входитъ живительною силою, чудотворно претворяется въ современное, и остается залогомъ усовершенствованію для будущаго. Современный слогъ ежеминутно движется, слѣд. учить ему невозможно внѣ историческаго развитія, и самъ Карамзинъ покажетъ, сколько рускаго и переперняго въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы, начиная отъ XI в. Могутъ сказать мнѣ: если домогаться живаго историческаго развитія, то не естественнѣе ли начать старинною литературою, откуда Карамзинъ почерпалъ многое для своего слога, и потомъ постепенно дойти до Исторіи Государства Россійскаго? Не льзя: ученики еще дѣти, не льзя ихъ насильственно оттолкнуть отъ современности, и увлекши въ отдаленное прошедшее, говорить, что и тамъ тоже, что нынѣ у насъ. Пусть они уви-

дятъ это сами, и сами почувствуютъ необходимость прошлаго въ современномъ. Наконецъ, пусть ихъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ будетъ образцовое произведеніе Карамзина, а не личность наставника; пусть сама Исторія Государства Россійскаго, какъ средоточіе прошедшаго и настоящаго, нечувствительно сдружитъ ихъ съ древностью, въ законной и простой формѣ настоящаго; пусть самъ Карамзинъ введетъ ихъ въ нашу древнюю литературу.

Чтеніе писателя, и для матеріала, или такъ называемаго изобрѣтенія мыслей, и для расположенія и для выраженія, принесетъ самые надежные плоды. Выгоды неисчислимыя и ученику, и учителю, и самому предмету обученія. Ученикъ выигрываетъ тѣмъ, что учится не личнымъ мнѣніямъ учителя, или школьнымъ системамъ безъ всякаго содержанія: короткое знакомство съ писателемъ есть уже неоцѣненное пріобрѣтеніе, и ученикъ на всю жизнь свою будетъ съ благодарностью вспоминать того учителя, который заставилъ его полюбить и изучить Исторію Государства Россійскаго. На сторонѣ учителя та выгода, что при чтеніи писателя онъ избѣгаетъ скользкихъ построеній Теоріи Словесности, ничтожныхъ общихъ мѣстъ о чистотѣ и красотѣ слога, о правильности расположенія и т. п. Главное искуство его состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ за себя говорить изучаемаго писателя, и тѣмъ наставлять дѣтей въ Стилистикѣ и Реторикѣ. Тогда умолкнутъ насмѣшки надъ учителями словесности, что они зани-

маютъ учениковъ своихъ пустою болтовнею и съ вѣтру нахватанными фантазіями.—Еще болѣе выгодъ касательно успѣховъ Грамматики и Реторики. Учитель, отстраняясь отъ всякихъ учебныхъ руководствъ, самостоятельно обращается къ писателю, и изъ него самого извлекаетъ законы языка и словесныхъ произведеній. Такимъ образомъ вѣрованіе въ школьныя руководства рушится подъ авторитетомъ классическихъ писателей; и всякъ, занимающійся словесностью, вложитъ свою собственную лепту въ науку, ибо трудится по источникамъ.

Изученіемъ Карамзина мы нисколько не отстраняемся отъ существующихъ теперь Грамматикъ, ибо въ основаніи ихъ принятъ авторитетъ карамзинской рѣчи: но даемъ предмету болѣе обширный объемъ. Словарь и Грамматика еще невполнѣ воспользовались трудами Карамзина, а пуристы надавали намъ нѣсколько правилъ, которыя противорѣчатъ слогу Карамзина. Латинскія Грамматики не ставятъ Цицерону или Титу Ливію въ ошибку какое-либо единажды попавшееся выраженіе, нѣсколько противорѣчащее общему употребленію; но замѣчаютъ оное, какъ исключеніе.

Внимательное чтеніе Карамзина не только ученикамъ, но и учителю доставитъ весьма много новаго, и повлечетъ къ важнымъ соображеніямъ, обогативши запасомъ словъ и выраженій для Стилистики, образовавши судительную силу разборомъ расположенія. Для примѣра укажу нѣсколько выра-

женій, любопытныхъ частію для Синонимики, частію для Грамматики и Стилистики 1).

Имена существительныя: зная же, что такъ называемый вѣчный *миръ* есть пустое слово, они заключили *перемиріе* отъ I Августа до 26 Октября, V, 34. говорили о *мирѣ*, но заключили только *перемиріе*, IX, 169. жестокую *осаду* превратить въ тихое *облежаніе*, IX, 338. не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ *подманѣ* нашихъ Вельможъ, IX, 100.

Имена прилагательныя: наступить на Россію конною и *судовою* ратію, VI, 20. сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго *опаслиаго* ума Іоаннова, IV, 152. Австрійскій кабинетъ, издавна *опаслисый*, IX, 277. *ливной* дождь затопилъ многія улицы, X, 13. Государь боялся *спѣшною* ѣздою утомить его, XI, 48. никто не смѣлъ взглянуть на *оглашенныхъ* измѣнниковъ, XI, 104.

Мѣстоименія: судъ нелицемѣрный, безопасность *каждаго* и общая, IX, 6, для отличія отъ мѣст. *всякій*.

Глаголы: онъ не *былъ*, но *бывалъ* тираномъ, XI, 182. двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, *обтекаемыя* Двиною и Полотою, IX, 295. *увязилъ* коня въ болотѣ, XII, 221.

Частицы: *сквозь* 2) степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, IV, 33. *сквозь* безопасныя

1) По второму изданію Исторіи Государства Россійскаго.
2) Слич. во 2-й части стр. 160 и 161.

для него степи, IX, 201. опасности пути дальнаго, невѣдомаго *сквозь* степи, IX, 375, вм. *чрезъ*. пощади насъ, преступниковъ, не *для* моленія нашего но *для* своего милосердія, VI, 46, вм. *за*, *по*. насъ немного, *а* врагъ силенъ; *но* Богъ не въ силѣ, *а* въ правдѣ, IV, 25, для Синонимики союзовъ. распустивъ слухъ, *что будто бы* я участвовалъ въ семъ замыслѣ, IX, 215, плеоназмъ въ союзѣ. онъ лишился тогда супруги: *хотя*, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; *но* умъ Софіи, и пр. VI, 326.

Синтаксисъ: онъ *не* могъ избавить Россію отъ ига, IV, 69 — 70. въ Ордѣ находился сынъ Михайловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, *коими* Михаилъ былъ долженъ Царю, V, 28. *нѣсколько* тысячь земледѣльцевъ *или* впереди, V, 23. Гречь односторонне предложилъ правило, ограничившись примѣромъ изъ сочин. Карамзина, VIII, 248: *нѣсколько* иностранцевъ *стояло*, на улицѣ и *смотрѣло* на пожаръ, см. Греча, Практ. Русск. Грамм. 1827, стр. 264.

Сличеніе грубаго матеріала древнихъ памятниковъ нашей литературы съ художественною обработкою ихъ въ Исторіи Государства Россійскаго можетъ предложить самые любопытные результаты, не только для расположенія и выраженія, но и вообще для критики Карамзина. Критика философская болѣе или менѣе шатка и подвержена сомнѣнію: ибо всякій можетъ и не признать фило-

софскаго основанія, на коемъ полагается критика. Притомъ философствованіе или безусловно (и часто безсознательно!) покоряется чужому мнѣнію, какъ аксіомѣ, или же переходитъ въ личное мечтаніе и доводитъ до произвольныхъ предположеній. Съ писателемъ классическимъ шутить не льзя: опасно съ вѣтру кричать, что то́ и другое у него ошибочно, нехорошо. Надобно какое-либо положительное мѣрило, самимъ разбираемымъ авторомъ принятое за правду. И такъ для Исторіи Карамзина основаніемъ критики будутъ историческіе и литературные источники, по коимъ она составлена. — Разумѣется, что говорю о критикѣ литературной, оставляя въ сторонѣ историческую со всѣми ея условіями и правилами.

Исторія Карамзина и въ отношеніи содержанія и слога предлагаетъ самое разнообразное изученіе. Кромѣ образца историческихъ разсказовъ, въ ней есть и повѣствованія, и разсужденія, и письма, и рѣчи различныхъ родовъ, и юридическіе акты. Будучи составлена по источникамъ, требуетъ изученія памятниковъ нашей литературы отъ древнѣйшихъ временъ до Дома Романовыхъ. Слогъ ея, напитанный всею древнею словесностью, въ современной формѣ предлагаетъ множество старинныхъ словъ и оборотовъ, которые Карамзинъ воскресилъ и ввелъ въ употребленіе. Вся Исторія Государства Россійскаго такъ крѣпко держится на преданіи, что изучать ее — значитъ вмѣстѣ изучать и древніе памятники нашей литературы; послѣдо-

вашь Карамзину въ слогѣ — значишь, подобно ему, воспитать себя въ древней нашей литературѣ.

Для примѣра и соображенія извлекаю изъ Ист. Гос. Рос. (по 2 му изд.) выраженія, намѣренно заимствованныя Карамзинымъ изъ древнихъ памятниковъ.

ТОМЪ I.

сіи варвары (Обры) *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы 40.

Славяне думали, что оно (божество) ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами* 82.

твориши надъ умершими *тризну* 102.

посланные Олегомъ, Великимъ Княземъ Русскимъ, и *всѣми сущими подъ рукою* его, Свѣтлыми Боярами, къ вамъ, Льву, Александру и Константину (брату и сыну перваго), великимъ царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между Христіанами и Русью 136.

первымъ словомъ да *умиримся* съ вами Греки 136.

также и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ 136.

когда убійца *домовитъ* и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго 137.

проводимъ (лодью) сквозь всякое *страшное* мѣсто до *безстрашнаго* 138.

прислать его (Русина, умершаго въ Греціи) имѣніе въ Русь къ *милымъ ближнимъ* 139.

съ моремъ кто *совѣтенъ* 150.

которую (цѣну) хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ* (или присягою) 153.

клянутся *хранить истину* союза 154.

обручи и мечи 154.

поди въ дань съ нами. *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги 156.

когда же иные враги *помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если же я или *сущіе подо мною* не сохраняшъ сихъ *правыхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, въ кого вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото*, и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены 191 и 192.

Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками 192.

изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ — что называлось: *возить повозъ* 244.

клѣти, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми; спальни назывались *одринами* 253.

ТОМЪ II.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго 19.

Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *чермень лицемъ и дебелъ тѣломъ* 26.

холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ 48.

закупъ, то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ 48.

выдаетъ его *на потокъ* — или въ руки Государю 49.

съ вора *клѣтнаго* — т. е. домашняго или горничнаго — взыскивается въ казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ *ямы* или съ кумна, 3 гривны и 30 кунъ 52.

имя *набойная* (лодья) происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его 55.

опознавъ вещь у горожанина, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то есть спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? 55 и 56.

...жели мать умретъ *безъ языка*, или безъ завѣщанія . . . 64.

истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ ошвѣтчикомъ *на изводъ передъ* 12 *гражданъ* 65.

взяли въ *тали*, или въ аманаты 110.

онъ не *блюдетъ* простаго народа 183.

давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ 191.

заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго, и *не можемъ играть душею* 232.

нѣтъ! сказалъ Князь: *я добылъ* Кіева и Переяславля головою 233.

опоясалъ мечемъ многихъ сыновей Боярскихъ 235.

навсегда остался (Гейза) другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ* 259.

еще *не обсохли* уста твои, которыми ты цѣловалъ Крестъ въ знакъ искренняго дружества 310.

ТОМЪ III.

нѣтъ! сказали ему жители: ты *ударилъ пятою* Новгородъ 47.

(Романъ и Александръ) долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ* 129.

Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* 134.

не *обнажая лица силныхъ*, по словамъ лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ (Всеволодъ Георгіевичь) казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ 135.

сѣдлами закидаютъ (Суздальцы) Новогородцевъ 156.

встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ 157.

жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами* 201.

ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ* 204.

стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны 204.

Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ *капи*, или 24 пуда, куну Смоленскую 213.

другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія 275.

съ того времени сіе мѣсто (гдѣ убилась Евпраксія съ младенцемъ), въ память ея, называлось *заразомъ* или убоемъ 278.

ТОМЪ IV.

граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ матцѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному* 8.

пріятный голосъ сего Князя (Алекс. Невскаго) *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ 22.

Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать* на лице Биргера 26.

Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ*—такъ у насъ именовали рыцарей Ливонскихъ 99.

три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть на мѣстѣ сраженія 101.

донынѣ—пишетъ Митрополитъ—уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости* 123.

между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть разоривъ оную 128.

шакъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова* 148.

онъ можетъ послать три *ватаги* для ловли на море 168.

не позволятъ *самосуда* ни себѣ, ни княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ 170.

не заплатилъ ли я ему (хану) *выхода* или царской пошлины? 179.

... гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ* 192.

зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ 193.

Димитрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя Очи* 201.

христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ 214.

и руки его (рода Московскихъ Князей) *взыдутъ на плеща враговъ нашихъ* 216.

... *въ отчину* и *въ дѣдину* 223.

отрубивъ голову ему и юному Ѳеодору, *розняли ихъ по составамъ* 233.

голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью* 241.

въ *челядню*, или въ людской избѣ 243.

оставляю сію *душевную* грамоту 244, вм. духовную.

ожерелье матери ея, *чело* и гривну 245.

не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* 288.

судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ и *численыхъ* людей 291. Люди *численные* — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную IV. 244.

ТОМЪ V.

Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ* 42.

мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно* 46.

доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ монашествѣ 56.

„Мамай *со всѣмъ Царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя,“ писалъ онъ къ Великому Князю: „Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся 63.

сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы 72.

гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы? 73.

сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* 87.

посадникъ, бояре, *житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти концевъ 94.

черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа 96.

Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дополѣ однимъ человѣкомъ 102. Здѣсь Карамзинъ написалъ уже отъ себя, по примѣру лѣтописи. Слич. V, 42.

что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы 104.

силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ 107.

вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную* 122.

ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ 126.

немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду 160.

они смиренно *били челомъ* 163.

онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ* 174.

вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре 200.

земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ; *держала страхъ*, платила дань 201.

Князь возстаетъ на Князя, братъ острипъ мечь на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дядю 217.

въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына Великимъ *Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ) 221.

да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви Греческой* 232.

намѣстникъ беретъ куницу *шерстью* 235 и 237.

уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣ-

лецъ, схвативъ шапя, отпустишъ его за деньги, а намѣстники о семъ узнаютъ 235.

былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи 239, рыцарскія игры.

пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ 262.

легатъ отъ ребра (a latere) *Апостольскаго* 292.

Митрополитъ *отдалъ ее* (Вѣру) *на златъ* Римскому Папѣ 294.

мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита, но прошу твоей услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Великаго князя *на свою епитрахиль* и привези ко мнѣ 322.

Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Васильеву Крестомъ и Евангеліемъ 325.

народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла* 343.

въ 1228 году они (поединки) уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судьями, и назывались *Полемъ* 387.

вмѣстѣ съ судьями и *докладчиками* засѣдали Присяжные 388.

дѣло предлагалось такъ называемыми *разскащиками* или стряпчими 388.

монетчики назывались *денежниками* 401.

сразились, не только оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ друга*, 406.

принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его Княженія *воскипѣла* славою 407.

кротко-повелителенъ съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами 407.

благотворя всѣмъ, (Димитрій) могъ назвашься *окомъ слѣпыхъ*, *ногою хромыхъ*, *трубою спящихъ въ опасности* 407.

о день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія 407.

оба (князь и княгиня) жили единою добродѣтелію, какъ *златоперистый* голубь и *сладкоглаголивая* ласповица 407.

княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненныя* 407.

ТОМЪ VI.

немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, *искать ратной чести* 18.

принудили Ибрагима заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія 23.

въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ* 25.

въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за все свое Княжество и за всю Раду Липовскую *въ правду, безъ извѣта*; а послы наши цѣловали крестъ *Новогородскою душею* къ

честному Королю за Великій Новгородъ 33. слич. *честный* Король Польскій 31.

не уклоняйтеся отъ *святой*, *великой старины* 35.

ополченіе наше (говорятъ лѣтописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ 55.

самъ Богъ посылаетъ ему сполъ знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила* нѣкогда *все Христіанство* 60.

она (Софія) одѣлась въ *царскія ризы* 65.

во всю дорогу (легатъ Папскій) ѣхалъ съ Латинскимъ *крыжемъ* 66.

ты, Великій Князь, обязанъ слать коминъ Царю *поминки* или дары ежегодные 87.

рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна 103.

онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою* 128.

сіи, какъ сказано въ лѣтописи, шучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и непрестававали *шептать* Государю, что лучше искать мира 152.

мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмета, не царя, но разбойника и *богоборца* 155.

шлетъ твоему величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ* 187.

Государь, пожаловавъ его въ *золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *остроги* или шпоры 216.

ему велѣно было именемъ Іоанновымъ *спросить Максимиліана о здравіи, но не править поклона* 222.

ревностнымъ *обѣтникомъ Св. Николая* 231.

пользуясь *незгодою Россіи*, Литва завладѣла ихъ странами 248.

другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его 257.

правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ 272.

ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ моему порогу* 273.

присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками 284.

когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не возьмемъ Кіева 291.

Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ 296.

Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* рубили поганыхъ 308.

Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ 309.

требуя *поля* и единоборства 355.

самые злочестивые цари Ординскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святителельскую: *не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ* 362.

ТОМЪ VII.

посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ 23.

говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи 28.

шы, Царь всея Руси, *держишь насъ въ старинѣ* 33.

швой намѣстникъ упѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ 33.

народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* 35.

а мы, сироты швои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились 36.

вы *держали имя наше честно и грозно* 36.

предъ лицемъ Государя мы единомысленно *дали* ему *крѣпкое слово своими душами* за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе 37.

требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ намѣстниковъ 38.

другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода* 42. т. е., что ихъ не выведутъ изъ Пскова.

онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его 55. опасная грамота.

земля наша, швоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ *тихостію* 64.

Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ очами свѣтлыми* 65.

изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христіянскихъ* 92 и 93.

молили его объявить искренно, желаетъ ли, или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? 93.

онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна 95.

здравая политика велитъ намъ мириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу 100.

не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго князя 102.

объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* 157.

но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не зналъ, что онъ, самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго царства 161.

и да *высится* рука христіанъ надъ невѣрными 167.

мы природные вамъ Государи, а вы наши *извѣчные* Бояре 167.

служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею 167.

а ты Князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло свое на раздробленіе* 168.

жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіинными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замѣшали* Русскую землю 181.

Великій Князь, какъ говорили иногда, *судилъ и рядилъ* землю всякое утро до самаго обѣда 181.

опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* 187. слич. VII, 129: Волохи путники мои и стадники.

Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ 191.

(иконы) Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра* 191.

Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла 207.

свѣчами *Богоявленскими* зажгли *брачныя*, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца 221.

свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ *сѣнникъ* 222.

на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ 222.

Князь Юрій Іоанновичъ сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ* 223.

въ дверяхъ знатнѣйшій Боярин *выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь 223. свадебный обрядъ.

защитникъ Государства, отецъ вельможъ и народа, мудрый *соглагольникъ* духовенства 229.

ТОМЪ VIII.

въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли* 14.

Шейдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: Го-

сударь *жалуетъ* и Хановъ и Князей, смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *урока* 20.

поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла казнить 43. кто поддѣлываетъ и обрѣзываетъ деньги.

Казанцы шерзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли 54.

воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня 65.

Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ 99.

одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ* 109.

описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности 109.

Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втоптал*ъ въ городъ 115.

вы, угождая имъ, *кладете бритву на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами 142.

въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость 156.

имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *напздами* 162.

Ташары гнали ихъ, вписнули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ 164.

Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца 170.

но явились Муромцы, дѣти боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестью* 171.

наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго 173.

послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ* 183.

многіе вышязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* 184.

тутъ же послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ* 189.

терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, Царь великодушный, возложивъ *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть; *страдалъ до крови* 193.

а вы Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами* 208.

важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *кирилловскаго пѣзда* 214. т. е. путешествія въ Кирилловъ монастырь.

Князя Симеона *выставили на позоръ* и започили на Бѣломозеро 216.

въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная робость 222.

Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно и безмясочно* 223.

племянники и дѣти мои единодушно *дали мнѣ поводы узды своихъ*: я властвую надо всѣми улусами 228.

Король *Нѣмецкій сгрубилъ* намъ 247.

скажемъ вамъ также *не въ укоръ*, но единственно *въ разсудъ*: кто Государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? 249.

ихъ встрѣчали и провожали во дворецъ знатные сановники; угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно 249.

шесть дней продолжались битвы жестокія и досюйныя *мужей рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій 280.

мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ* 281.

чинали торжественно донесеніе Адашева, радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра

сего *темнаго* царства, гдѣ доколѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* 296,

не говори *безлѣпицы* и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе 297.

она (Ливонія), съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи 302.

такъ называемые *сторонщики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ 304.

избираю тебя, моего *любимаго*! иди и побѣждай 305. *любимый* вм. любезный часто употребляется въ древнемъ языкѣ: напр. „И по семъ же слышахъ, *любими*, како грѣхъ ради нашихъ“... Акты Историч. I, стр. 58.

ТОМЪ IX.

обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ успѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* царскихъ 6.

сей *Богомъ урожденный* Царь 6.

вымышляютъ дѣтскія *страшила* 13.

начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами 18.

Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову—за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) 27 и 28.

знаю только дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ государственными 38.

руки твои наполнились плѣна и богатства 43.

онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалишься отъ дѣлъ и посвяшишь себя *житію молчальному* или пустынному 49.

Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* 49.

печашь на одной сторонѣ должна предсшавляшь образъ Богомашери съ младенцемъ, а на другой руку *благословенную* съ именемъ Мишрополиша 52.

шакъ было до временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего дѣда; до славнаго родишеля моего, *обрѣтателя древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго* 54.

Мишрополишъ и духовенсшво вступаюшся за виновныхъ грубяшъ, сшужаюшъ ему 75. Здѣсь послѣдній глаголъ являешся прямо въ собсшвенной Карамзина рѣчи. Слич. IX, 38.

мы всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за шобою *бишь челомъ Государю и плакаться* 76.

однимъ словомъ, люди земскіе, ошъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безошвѣшны прошивъ опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *лосцами* 86 и 87.

убѣждалъ его не *вспрять бремени великаго лодьѣ малой* 95. ш. е. не давашь ему Мишрополіи.

люди умирали скоропосшижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣшописи: вѣроящно пящномъ или нарывомъ 110.

въ Казанской (области) и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ 110.

дворянъ *первой* и *второй статьи* 115.

Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля 115.

Іоаннъ *взялъ* Кучума *подъ свою руку*, *въ обереганіе* 134.

Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье* или шрауръ 139.

кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ*: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера 149.

сіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе*, *паденіе*, *разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль* 151.

Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами 165.

слышали вдали *прыскъ* и ржаніе шабуновъ 179.

жгу и пустошу Россію (писалъ Ханъ) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *примышляю* къ праху 185.

послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится* и *добьетъ челомъ* Царю за вину свою 192.

200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину* 192.

нынѣ видимъ пролитъ себя одну *саблю*, Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное нами, то Казань

будетъ *вторая сабля*, Астрахань трешья, Ногаи четвертая 210.

злочестіе *высится*; Христіянство *никнетъ* 214.

мы Цари *изначальные* и происходимъ отъ Августа Кесаря 229.

шестою Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева 274.

началъ *копать борозды* (или вести траншеи), 331 и 332.

но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Липовскаго о сихъ тайныхъ дѣяніи подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились 337.

кидали гранаты (*кувшины съ зеліемъ*) 337.

отдашь ему, но только *въ конечной неволѣ*, всю Россійскую Ливонію 342.

сія вылазка была сорокъ шестая — *и прощальная* 347.

называшься полнымъ отчествомъ или *Вичемъ* 356.

сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *сверстными* и Князьями *служилыми* 359.

утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ 362.

Католики вольны (сказали Антонію) жить у насъ по свой Вѣрѣ, *безъ укоризны и зазору* 367.

принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ 376.

съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оло-

вянную, по немедленно возвѣщать о семъ казначеевъ Государевыхъ 377.

имъ должно *покрыть* вины свои совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей 384.

казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* 390.

Государь и народъ *воспряну.ли духомъ* 398.

заиграло Кучюмово сердце, какъ сказано въ лѣтописи 407.

не льзя ничего купить на торгу или *съ лавки* безъ поруки 450.

дни черезъ два совершается *избраніе*, объявляемое ему *благовѣстниками*, Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ 464.

избранный, между осьмью стоящими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ Исповѣданіе Вѣры 465.

т о м ъ х.

на громогласномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчалышка* 6.

и да боятся *серпа небеснаго* 16.

въ угодность имъ *не затворимъ дорогъ* въ свою землю 29.

желаетъ всегда *блюсти их подъ своею рукою* 31.

въ *высокохвальномъ* Королевствѣ Шведскомъ 49.

служишь ей усердно *до издыханія* 64.

Царская наша Дума благоразумно совѣшовала ему *манить* Султана и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію 65.

я кину свое бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи* 66.

избывая мірскія суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису 82.

они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову 101.

онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался 133.

началъ играть съ ними ножемъ въ *тычку* 139.

Богъ даровалъ ему побѣду *раденіемъ и промысломъ Борисовымъ* 156.

сами *пойдемъ на Москву своими головами* 174.

онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Дунаю* 182.

имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6000 спрѣльцовъ съ *огненнымъ боемъ* 194.

изъявивъ Ѳеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви* 199.

правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи* 211.

въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной философіи, изобрѣтенія Финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей* 259, т. е. безъ Ариѳметики.

слова были писаны *связью*, или невразумительными черпами 269.

а въ деревянномъ городѣ или *Скородомъ* (то есть *на скоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники 271.

нѣсколько пѣшуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, куриць *безкостныхъ*, шеперевей съ шафраномъ 275.

подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ* 280.

тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне 6.

доносишь о всякихъ *скопахъ и заговорахъ* 7.

чтобы *въ дѣлахъ разрядныхъ и земскихъ не доводить Государя до кручины* 8.

устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ 15.

клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному* 20.

имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя* 49.

не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ* 50.

Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не споилъ ея сильнаго вспоможенія 69.

она споя пила *чашу Борисову* 74.

политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной*... 85.

взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла* 124.

желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами 175.

Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ Царевичу, а къ Царю *съ повинною* отъ имени войска 194.

граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу 202.

на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно 210.

Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Теренпій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *посящему на языкъ милость* 218.

положили *избыть* Разстригу и Ляховъ 387.

ТОМЪ XII.

покрыть милосердіемъ вину заблужденія 31.

Вельможи его — говоритъ лѣтописецъ — были въ смущеніи и въ *двоемысліи* 96.

велѣли ему *дѣлать подъ башнями* такъ называемые *слухи* или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стукъ людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ 104.

Св. Сергій—говоритъ Лѣтописецъ—*охрабрилъ* и невѣждъ 109.

требовать и *молить слезно* 255.

главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* 255.

ручаемся вамъ *душами* за Боярина Шеина и гражданъ 256.

всѣ, *отъ мала до велика*, и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу 257.

Москвитяне *пировали* съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ 266.

вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ 274.

Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ гласы* 274.

имя *львообразнаго* Страшила 295.

многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ 297.

(Дѣти Боярскіе) стоятъ нынѣ *со всею землею* противъ измѣнниковъ и враговъ 312.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

1. Дѣловыя бумаги.

Часто случается слышать жалобы родителей на то, что ихъ дѣти, учась въ Гимназіи всякимъ премудростямъ, не умѣютъ написать простаго объявленія или расписки. Удовлетворяя практической потребности, учители внесли въ Реторику руководство къ сочиненію дѣловыхъ бумагъ, какъ то: газетныхъ объявленій, квитанцій, свидѣтельствъ, просебъ и т. п. Для образца привожу изъ теоретико-практическаго руководства Гуртеля, профессора Политехническаго Института въ Вѣнѣ 1):

„§ 223. Объявленія бываютъ:

1) о предметахъ потерянныхъ, нанимающихся или продающихся;

2) о предложеніи чего либо;

1) Grundrisz der Aufsatzlehre, 2-е изд., 1841.

3) объ особенныхъ событіяхъ, о чьей нибудь смерти и другихъ семейныхъ обстоятельствахъ;
4) о вспомоществованіи бѣднымъ и несчастнымъ;
5) о благодарности за оказанное благодѣяніе;

§ 224. Для возвращенія потерянной вещи объявляется:

1) когда и гдѣ потеряна;
2) что потеряно; признаки потерянной вещи;
3) кто потерялъ, или покрайней мѣрѣ мѣсто, куда нашедшій имѣетъ возвратить потерянную вещь.

Примѣръ: потеряна табакерка:

7-го числа сего мѣсяца, между 5 и 6 часами вечера, на дорогѣ отъ такого-то мѣста (имя рекъ) черезъ такія-то улицы и такую-то площадь и до такого-то дома, потеряна золотая табакерка.

Форма ея плоская, нынѣшняя; на срединѣ крышки въ дубовомъ вѣнкѣ буква F, отъ коей идутъ лучи до самыхъ краевъ; узкіе бока украшены арабесками; по угламъ орлы; на нижней доскѣ волнистыя линіи.

Нашедшій благоволитъ вручить оную на такой-то улицѣ дворнику въ домѣ подъ No I, за что получитъ три дуката золотомъ.

Вѣна, такого-то числа, мѣсяца и года.

§ 243. Квитанціи суть такіе документы, которые даетъ кто-либо въ полученіи денежной суммы отъ того, кто обязанъ былъ ему выдать

оную. Онѣ важны для выдавшаго потому, что обеспечиваютъ отъ вторичной выдачи.

Въ квитанціи должно быть означено:

1) сколько денегъ;

2) отъ кого, т. е. имя платящаго;

3) за что.

§ 244. Подъ послѣднимъ пунктомъ разумѣется причина платы, будетъ ли то жалованье, или награда, или долгъ и т. п. За работу или за товары квитанція совершается обыкновенно подъ счетомъ: *отдано сполна, такой-то*“ — и пр. Читатель самъ видитъ ясно, что систематическая теорія такой Реторики договорилась до пустяковъ.

О такихъ руководствахъ къ дѣловымъ бумагамъ надобно замѣтить слѣдующее: 1) исчислить всѣ случаи, при коихъ необходима дѣловая бумага, не возможно: слѣд. учебникъ всегда будетъ неполонъ, руководство недостаточно. 2) Если уже учить, какъ пишутся квитанціи, то еще необходимѣе учить, какъ составляются счеты и счетныя книги: Реторика перейдетъ въ Бухгалтерію. 3) Въ практической жизни объявленія стольже необходимы, какъ просьбы и рапорты: Реторика перейдетъ въ Юриспруденцію. 4) Слѣд. практическое руководство къ составленію дѣловыхъ бумагъ ни коимъ образомъ не можетъ войти въ Реторику, какъ органическая часть органическаго цѣлаго. Маленькія наставленьица, попадающіяся въ учебникахъ,

касаются только однѣхъ формальностей, которыя стоятъ наравнѣ съ адрессами на письмахъ, т. е. съ правилами, что Генералъ величается *Его Превосходительство*, Князь или Графъ *Его Сіятельство* и т. д. 5) Не имѣя никакого научнаго достоинства, эти руководства содержатъ нѣкоторую педагогическую цѣнность, и особенно для низшихъ учебныхъ заведеній, откуда дѣти выходятъ прямо въ купцы или ремесленники. Литературное образованіе лежитъ внѣ средства и цѣли уѣздныхъ училищъ; но надобно, чтобы кончившіе въ нихъ курсъ умѣли написать письмо, или объявленіе, а то для чего же они учились писать? 6) Что же касается до Гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то въ нихъ, кажется, вовсе не должно быть мѣста руководствамъ къ дѣловымъ бумагамъ: или покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не заведутся учители Юриспруденціи, и не возьмутъ ихъ подъ свое ученое и разумное покровительство, давъ имъ строгое юридическое значеніе. 7) Если учитель рускаго языка выучилъ своихъ учениковъ основательно обдумывать заданную тему, правильно располагать мысли, точно выражать оныя: то ему уже вовсе не нужно будетъ и намекать, какъ пишутся ярлыки о продажѣ домовъ или наймѣ комнатъ, выставляемые на воротахъ или на будкѣ дворника. 8) Слѣд. Гимназія должна образовать въ ученикѣ *умѣнье, способность*; примѣненіе же оставется на удѣлъ самой жизни: школа никакъ не можетъ предупредить всѣхъ слу-

чаевъ, въ коихъ понадобится ученику писать о томъ или другомъ.

2. *Письма.*

Ступенью выше стоятъ упражненія въ письмахъ. Съ одной стороны примыкаютъ они къ деловымъ бумагамъ, а съ другой восходятъ до литературнаго, изящнаго произведенія. Такъ какъ всякому чаще всего приходится писать письма, потому съ раннихъ поръ появились особыя руководства, подъ именемъ письмовниковъ, изъ коихъ древнѣйшій у насъ относится ко временамъ Петра Великаго подъ названіемъ: *Приклады, како пишутся комплименты.* Впослѣдствіи письмовникъ вошелъ въ Реторику. Примѣръ руководства къ письмамъ привожу изъ Фалькманна 1):

„1. (Понятіе). Подъ именемъ письма разумѣется рѣчь, написанная къ одной или многимъ особамъ. Письмо иногда не требуетъ отвѣта, иногда требуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ мѣна письмами: корреспонденція есть не иное что, какъ письменный разговоръ.

2. (Отличительный признакъ). Отличительная черта письма индивидуальность, коею выражаются характеръ пишущаго и отношенія лицъ, между которыми переписка. Отсюда извлекаются всѣ реторическія правила для писемъ.

---

1) Praktische Rhetorik fur die obern Klassen der Schulen und zum Selbstunterrichte, 1831, стр. 336 и слѣд.

3. (Содержаніе). Содержаніе письма столь же разнообразно, какъ и разговора; ибо нѣтъ ни одной самой ничтожной вещи, которая не могла бы быть предметомъ письма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для письма рѣшительно все равно, *о чемъ* пишется, главное, чтобы было написано въ хорошемъ тонѣ. Потому въ письмахъ часто касаются до десятка различныхъ предметовъ и весьма рѣдко бросаютъ глубокій и всеобъемлющій взглядъ на что либо одно.

4. (Порядокъ). Распорядокъ письма дѣлимъ мы на внутренній и внѣшній. Внутренній или расположеніе, будучи обще у письма съ другими сочиненіями, зависитъ отъ содержанія, и только въ немногихъ случаяхъ бываетъ обстоятельно и подробно развито. Но на него имѣютъ существенное вліяніе цѣль письма, длина его, особы, къ коимъ пишется, и обстоятельства, при коихъ пишется. Подъ внѣшнимъ распорядкомъ разумѣется все то, чѣмъ отличается письмо отъ другихъ сочиненій по внѣшности, какъ-то: постоянное обращеніе къ лицу, въ началѣ воззваніе, на концѣ подпись своего имени, означеніе мѣста и времени, т. е. гдѣ и когда написано, иногда postscriptum и приложенія, запечатаніе, иногда вложеніе въ особую бумагу (конвертъ), надпись (адрессъ) со всѣмъ, что къ тому относится.“

Это систематическое обозрѣніе конвертовъ и адрессовъ до такого наивнаго педантства пошло, что почитаю умѣстнымъ прекратить выписку;

развѣ только прибавлю изъ 7-й статьи, что достоинство письма, между прочимъ, должно состоять *сколько возможно въ непогрѣшительномъ качествѣ бумаги, чернилъ и подчерка.* Учители словесности заслуживали бы самаго живѣйшаго сострадания, если бы принуждены были учить такимъ пустякамъ. Отъ раздѣленія писемъ на роды Фалькманнъ прямо ведетъ къ практическимъ упражненіямъ. Онъ ихъ дѣлитъ на письма дружественныя — отъ равнаго къ равному, вѣжливыя — къ высшей особѣ, или не столь знакомой, дѣловыя и ученыя. Для практическаго руководства приводятся письма, на которыя ученики должны писать отвѣтъ, разсказываются вымышленныя обстоятельства, соображаясь съ которыми ученики ведутъ переписку, и т. п. Такъ, въ примѣръ дружественнаго письма, между прочими, приводится письмо отъ товарища, проигравшагося въ карты и просящаго у ученика взаймы денегъ, чтобы обмануть отца. Ученикъ долженъ написать отвѣтъ. Примѣръ выбранъ, вѣроятно, съ педагогическою цѣлью, чтобы гимназистъ обругалъ своего товарища за дурное поведеніе. Какъ на дружественныхъ письмахъ Фалькманнъ учитъ своихъ учениковъ лицемѣрить въ дружбѣ, любви, обманывать своихъ товарищей поддѣльными, небывалыми чувствованіями; такъ — еще хуже — на такъ называемыхъ вѣжливыхъ — отправляетъ еще благороднѣйшія движенія сердца, напр. благодарность и признательность къ благодѣтелю, заставляя писать благодарственныя письма. Какъ мало теплаго,

человѣческаго чувства въ тѣхъ учителяхъ, которые думаютъ, что дѣтей надобно учить даже изливать свою благодарность передъ благодѣтелемъ! Выучатъ только одному — напыщенымъ Фразамъ, льстивымъ выраженіямъ, безъ мысли и чувства. И будто можно, какъ въ куклы, играть признательностью и благотворительностью, и всѣми возвышенными побужденіями души! Къ сожалѣнію, многіе учители вовсе не догадываются, какъ портятъ они чистыя сердца своихъ питомцевъ, заставляя выдумывать небывалыя чувствованія. Ложь никогда не родитъ ничего добраго 1). По-моему лучше вовсе неучить дѣтей писать письма, нежели, вмѣстѣ съ письмами, научить только одной болтовнѣ и загрязнить ихъ душу лицемѣріемъ и обманомъ. О дѣловыхъ и ученыхъ письмахъ надобно сказать тоже, что и о дѣловыхъ бумагахъ: надобно знать дѣло; а безъ самого дѣла и дѣловое, и ученое письмо будетъ бездѣльно. Не худо припомнить слова Гердера 2) противъ сочиненія писемъ въ школѣ: „заставляй ученика описывать, что онъ самъ испыталъ и наблюдалъ, во всей истинѣ; описывать факты изъ Исторіи и Географіи во всемъ ихъ свѣтѣ; описывать исторію Религіи и человѣчества во всей силѣ. Онъ пріобрѣтетъ всѣ роды слога, ибо пріобрѣтетъ всякій родъ мышленія. Конечно не будетъ онъ учиться здѣсь сочинять пустопорожнія, от-

1) Слич. Günther, Ueber den deutschen Unterricht, 1841, стр. 34 и слѣд.

2) Ideal einer Schule (Werke z. Philos. u. Geschichte, Bd. X, 331).

вращительныя письма, хріи и уродливые стихи; за то научится кой-чему лучшему: живости и очевидности въ образахъ, повѣствованіяхъ и картинахъ; сильному и неподдѣльному чувству въ ситуаціяхъ. Та вышеупомянутая метода портитъ навѣки: портитъ образъ мышленія и образъ выраженія, ничего не даетъ, и отнимаетъ многое: истину, жизненность, силу, словомъ, природу; на всю жизнь не даетъ ничего добраго, но весьма много злаго; дѣлаетъ тощихъ педантовъ, вычурныхъ періодистовъ, пошлыхъ писакъ, коими полна Германія; такая метода ядъ на всю жизнь."

3. *Описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы.*

Весьма естественно, что ученики даже высшихъ классовъ Гимназіи всегда въ большомъ затрудненіи найти тему, собрать матеріалы и расположить оные. Потому многіе учители, задавъ тему, разсуждаютъ о ней съ учениками въ продолженіи цѣлаго урока; ученики изъ собственныхъ соображеній и словъ учителя набираютъ матеріалы и приводятъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, на слѣдующій урокъ приносятъ письменное расположеніе, и потомъ уже готовятъ сочиненіе. Для упражненій подобнаго рода есть даже особыя руководства, таково, напр., Герцога, директора и профессора Гимназіи въ Бернбургѣ 1). Для примѣра привожу

1) Stoff zu stylistischen Uebungen in der Muttersprache, 2-е улучшенное и пополненное изд. 1839.

первую задачу, на шему: почему воспоминанія о дѣтствѣ самыя пріятныя?

»I. Введеніе.

1) Человѣкъ рѣдко умѣетъ жить въ настоящемъ. Охотнѣе занимается будущимъ и прошедшимъ. Такъ бываетъ во всякомъ возрастѣ. Юноши живутъ болѣе въ будущемъ, старики въ прошедшемъ.

2) Опытъ научаетъ: изъ возмужалаго возраста старецъ сохраняетъ болѣе мрачныя воспоминанія, чѣмъ свѣтлыя; дитя легко забываетъ и радость и горе, но возрастая припоминаетъ изъ своихъ раннихъ лѣтъ болѣе радостное, чѣмъ печальное.

II. Чѣмъ объяснить это?

1) Отрицательно. Не потому, чтобы дѣтскія радости были выше. — Не ужели взрослому человѣку придетъ мысль и охота забавляться дѣтскими играми? хотя *любуемся* мы ими съ наслажденіемъ, но не промѣняемъ на такія удовольствія, къ которымъ мы по лѣтамъ способнѣе. — Сравненіе высшихъ радостей юноши и мужа съ радостями дитяти. Не смотря на то воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ такъ пріятны!

2) Причина должна заключаться въ чемъ-либо иномъ. Въ чемъ же?

а) Дѣти невиннѣе: они еще не испытали собственныхъ своихъ нравственныхъ недостатковъ; все кажется имъ въ прекрасномъ цвѣтѣ; они не

заботящся о мнѣніи общественномъ; не знакомы съ душевными страданіями, потому-то воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ чужды раскаянія.

б) Въ дѣтскомъ возрастѣ впервые просыпается чувство къ наслажденію радостями. А всякое первое благо незабвенно и сладко: потому и продолжительное воспоминаніе о всякомъ благѣ, которое достается намъ впервые (такъ и первая любовь). Всѣ позднѣйшія радости только повтореніе прежнихъ. Теряется не сила къ ощущенію радостей, а новость.

в) Дѣти легко забываютъ непріятное, и живо припоминаютъ пріятное, и съ этими воспоминаніями переходятъ въ другіе возрасты. Впрочемъ остаются нѣкоторыя и непріятныя изъ юношества воспоминанія; однако въ послѣдствіи мы удостовѣряемся, что все непріятное послужило намъ къ усиленію и улучшенію нашего характера.

г) Дѣтскій возрастъ есть возрастъ надежды. Дѣти рѣдко разочаровываются въ надеждѣ. Частая перемѣна въ дѣтскомъ бытѣ; переходъ изъ класса въ классъ; всегда что нибудь новое. Потому для дитяти время летитъ не такъ скоро, какъ для мужа и старца, которые при однообразіи своихъ занятій удобно могутъ судить о долготѣ и краткости времени.

д) Дѣти малымъ бываютъ счастливы. Ихъ радости дешевле. Они беззаботны. Взрослые заботою покупаютъ себѣ радости.

III. На всемъ этомъ основывается идея древнихъ о золотомъ вѣкѣ."

Къ сожалѣнію, надобно замѣтить, что подобныя руководства относятся къ тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыя въ Германіи называются ослиными мостами, т. е. разжевываютъ все, такъ что ученикамъ ничего не остается дѣлать, какъ глотать. Главнѣйшія причины ихъ негодности: 1) учитель долженъ быть энциклопедистомъ для того, чтобы руководствовать учениковъ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; слѣд. матеріалы, имъ сообщаемые ученикамъ, будутъ весьма недостаточны, а иногда и вовсе ложны. 2) Ученики сами не въ состояніи писать о такихъ предметахъ, которыхъ они не изучали, или не знаютъ, и о такихъ чувствованіяхъ, которыхъ они не ощущали; такъ, напр., вышеприведенная тема вовсе чужда гимназисту, ибо онъ еще живетъ въ томъ возрастѣ, о которомъ заставляютъ его уже воспоминать. Или еще несообразнѣе для дѣтей предлагаетъ Герцогъ тему: о радостяхъ старческаго возраста. 3) Слѣд. всѣ подобныя задачи будутъ весьма скудны содержаніемъ, такъ что ученикъ или только перефразируетъ то, что слышалъ въ классѣ, или же канву сочиненія, данную учителемъ, разведетъ пустою болтовнею: обыкновенно бываетъ послѣднее, особенно съ учениками прилежными. 4) Казалось бы, здѣсь больше выгодъ на сторонѣ расположенія; но при бѣдности содержанія, расположеніе будетъ тощею

и безжизненною формальностью, которая пріучитъ только къ педантству и къ суетному, бездѣльному мышленію безъ знанія и опытности. Мышленію, какъ огню, нужна пища, иначе оно будетъ потѣшнымъ огнемъ. 5) И въ отношеніи слога, или выраженія, такія задачи безплодны: ибо уста говорятъ истинно и краснорѣчиво только отъ преизбытка мыслей и чувствованій. Здѣсь же дѣти научатся только натянутымъ, пошлымъ выраженіямъ, общимъ мѣстамъ, педантскимъ, напыщеннымъ фразамъ, чахлому и безжизненному представленію. 6) Наконецъ, такая метода письменнымъ упражненіямъ не имѣетъ никакого твердаго основанія и ни съ чѣмъ не связывается. Чтеніе писателей отечественныхъ и иностранныхъ вовсе не берется въ расчетъ. Разсужденія учениковъ по различнымъ отраслямъ наукъ преподаватель отечественнаго языка цѣнитъ только по слогу и расположенію, не будучи судьею содержанія: будто содержаніе не главнѣйшая часть сочиненія! Описанія и повѣствованія, не воспитанныя отчетливымъ изученіемъ писателей, но взлелѣянныя только однимъ праздныхъ воображеніемъ ученика, и по большой части не согрѣтыя ни малѣйшимъ сочувствіемъ, развиваютъ ложную сентиментальность и авторскія замашки, всегда столь смѣшныя въ ученикѣ.

А сколько му́ки приносятъ дѣтямъ подобныя сочиненія, и преимущественно потому, что ученики еще бѣдны мыслями. »Я еще живо припоминаю себѣ изъ своего учебнаго возраста, говоритъ

одинъ педагогъ 1), сколько перзали учениковъ этими мнимыми пробными камнями, и ничему столько не радовался я, по выходѣ изъ школы, какъ тому, что навсегда отвязался я отъ этого беззаконнаго развязыванія зародыша моихъ мыслей, которое угрожало мнѣ черезъ каждыя три или четыре недѣли. Въ этомъ удостовѣряетъ меня не одно воспоминаніе о собственныхъ мукахъ, но и постоянное наблюденіе надъ сотнями моихъ учениковъ. Сочиненіе лежитъ гирею на душѣ ихъ, не въ примѣръ тяжелѣе всѣхъ прочихъ учебныхъ занятій вмѣстѣ. Чѣмъ это объяснить? а разумѣется тѣмъ, что требуютъ отъ учениковъ *собственныхъ произведеній.*« — »Нѣтъ ничего несообразнѣе 2), какъ требовать отъ дѣтей собственно ихъ мыслей и собственнаго изложенія оныхъ. Дѣти еще не умѣютъ ни совладѣть съ своими мыслями, ни вращать ихъ въ какой-либо предписанной формѣ.« »Дѣти должны производить, говоритъ Ф. А. Вольфъ, тогда какъ надъ ними самими только что совершился процессъ произведенія. Напрасно трудятся они, и выдутъ изъ нихъ или пошлые болтуны, или же скороспѣлки, которые ничего порядочнаго не сдѣлаютъ, когда придетъ время для собственныхъ произведеній. Это не что иное, какъ духовное загряз-

1) Проф. Боннелль въ Neues Iahrbuch der berl. Gesellsch. fur deutsche Sprache, часть 2, стр. 4.

2) Отто Шульцъ въ Schulblatt fur die Provinz Brandenburg, 1836, 4-я стр.

неніе и скаредное уродство.« « Всего недостойнѣе такія задачи, на которыхъ принуждаютъ дѣтей выставлять на позорище собственное ихъ внутреннее бытіе. Объ этомъ удачно и остроумно замѣчаетъ Борманнъ: »»есть старинное, въ народѣ распространившееся преданіе, что человѣкъ умретъ, если увидитъ самого себя. Это внѣшнее представленіе мысли, будучи понято въ своемъ основаніи, содержитъ глубокую истину. А именно, всякій человѣкъ питаетъ нѣкоторую боязнь объектировать самого себя, или извлекать себя изъ самого себя, и ставить отдѣльнымъ отъ себя предметомъ.« « »Дитя, прибавимъ мы, легко можетъ побѣдить эту боязнь, дѣлая себя предметомъ собственныхъ мыслей и чувствованій; но тогда оно теряетъ уже часть своего дѣтства, и подвергаетъ себя опасности ошибаться въ своихъ духовныхъ силахъ и вести странную и опасную игру своими чувствованіями“ 1).

4. Отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Замѣчательно, что учители, выдумывающіе для ученическихъ сочиненій темы, кромѣ нравоучительныхъ, всего чаще задаютъ историческія. Нѣкоторыя истины столь ясны и свѣтлы, что къ нимъ приходятъ и блуждающіе во тмѣ по окольнымъ

1) Слич. Diesterweg, Wegweiser, I, 379; Herling, Theoretisch-Praktisches Lehrbuch der Stylistik, 1837, I, предисловіе, стр. IX.

дорогамъ.—И дѣйствительно, какое богатое поприще предлагаетъ для письменныхъ упражненій Исторія! Но главное, чтобы описываемыя историческія событія имѣли отличительный характеръ, были бы замѣчательны по своему историческому вліянію на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этихъ описаній служили классическіе образцы 1). Такъ, напр., войны могутъ быть предметомъ для сочиненій: 1. Завоевательныя: а) романически-героическаго характера (походы Александра Великаго), б) воинственно-политическаго характера (Цезарь въ Галліи). 2. Войны за свободу: а) отраженіе сильнаго врага (Персидская война), б) низпроверженіе ига (отпаденіе Нидерландовъ). 3. Славное, великодушное отступленіе (Анабазисъ). 4. Рѣшительная всемірная битва двухъ народовъ на животъ или на смерть (Пуническія войны). 5. Гражданскія войны (Пелопоннезская). 6. Религіозныя (Гугеноты). 7. Войны смѣшеннаго характера, гдѣ соединяются и политическіе, и религіозные, и патріотическіе, и завоевательные интересы (Тридцатилѣтняя), и т. д. Тоже самое должно сказать и о Географіи, или Естественной Исторіи, гдѣ только введена сія послѣдняя. Напр. общее географическое обозрѣніе; частное описаніе извѣстной страны въ отношеніи къ естественнымъ произведеніямъ, къ образованію земли, къ исторіи и т. д.; теченіе рѣки (Рейна, Днѣпра, Волги); образованіе

1) Hiecke, Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

горъ (Алпійскихъ, Кавказскихъ); въ отношеніи этнографическо-статистическомъ, описаніе образа жизни народовъ южныхъ и сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, описаніе крѣпостей, городовъ торговыхъ, приморскихъ, нагорныхъ, столичныхъ, и т. п. Чтеніе классиковъ греческихъ и римскихъ также должно примѣняться къ письменнымъ упражненіямъ; напр. изъ чтенія Цезаря можно извлечь слѣд. темы: 1. Храбрость нѣкоторыхъ воиновъ въ Галльскомъ походѣ. 2. Характеристика Римскаго войска въ Галліи подъ начальствомъ Цезаря. 3. Какое участіе принимали въ дѣлахъ Цезаря его легаты? 4. Политическія отношенія Галліи до завоеванія ея. 5. Воинскія и 6. политическія дѣйствія Цезаря при завоеваніи Галліи. 7. Цезарь въ Галліи.

Такъ какъ въ Гимназіи всѣ учители совокупными силами стремятся дать ученикамъ общее образованіе, потому непремѣнно должны помогать другъ другу. Какъ учитель отечественнаго языка иногда по необходимости входитъ въ области преподаванія другихъ учителей, ибо языкъ есть выраженіе всякой духовной дѣятельности человѣка: такъ и прочіе учители должны помогать въ образованіи отечественнаго дара слова не только изустными упражненіями, но и письменными. Многіе, къ сожалѣнію, вовсе не хотятъ этого понять. Начальники часто жалуются именно на учителя рускаго языка, когда замѣтятъ, что ученикъ разсказывая урокъ историческій или географическій, сдѣлалъ какую нибудь грамматическую ошибку; а

учители Исторіи или Географіи остаются правы за то, что потакаютъ грамматическимъ ошибкамъ своихъ учениковъ: языкъ имъ кажется дѣломъ постороннимъ; будто онъ лежитъ на отвѣтственности только учителя словесности. Но можноли сему послѣднему въ немногіе уроки твердо и безошибочно научить тому, что всѣ остальные учители портятъ своимъ невниманіемъ и небреженіемъ? Если уже для образованія изустнаго выраженія необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ учителей, то тѣмъ паче для письменнаго. — Для учителей древнихъ языковъ пусть письменно переводятъ ученики классическихъ писателей, для учителей новыхъ языковъ — французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ; да не такъ какъ это весьма часто дѣлается: т. е. учители чужихъ языковъ смотрятъ въ переводѣ только на то, понялъ ли ученикъ автора, а какъ выразился по русски, о томъ имъ и горя мало. Притомъ учители новыхъ языковъ, какъ иностранцы, по большой части плохо знаютъ по русски; слѣд. переводы съ новыхъ языковъ не приносятъ никакой пользы для языка отечественнаго. Въ этомъ случаѣ учитель французскій и нѣмецкій пускай передаютъ ученическіе переводы учителю отечественнаго языка. Прочіе учители тоже должны задавать гимназистамъ письменныя упражненія, даже учитель Математики, разумѣется только изъ Физики. О темахъ изъ Исторіи и Географіи сказано уже выше: учители этихъ предметовъ, задавая письменныя упражненія, сами увидятъ, сколько принесутъ ученикамъ поль-

зы: до сихъ поръ они обогащаютъ только ихъ память, посредствомъ же сочиненій предметы ихъ преподаваній войдутъ живительнымъ элементомъ въ общее духовное образованіе ученика, въ воспитаніе его характера. Обыкновенно говорятъ, что учитель отечественнаго языка оказываетъ самое сильное вліяніе на нравственное направленіе ученика. И дѣйствительно, такое мнѣніе останется правдою до тѣхъ поръ, пока онъ одинъ будетъ упражнять учениковъ въ сочиненіи. Впрочемъ нравственныя и религіозныя темы, задаваемыя въ классѣ словесности, часто вредятъ нравственности, вызывая въ ученикѣ лицемѣрное изліяніе добродѣтельныхъ чувствованій, и такимъ образомъ вовлекая въ ханжество. Потому-то законоучитель постоянно долженъ быть правителемъ нравственности учениковъ; онъ не столько образовываетъ умъ и память учащихся, сколько сердце и душу со всѣми ея сокровенными движеніями. Чѣмъ же онъ можетъ повѣрить успѣхи своихъ учениковъ на поприщѣ искренняго, внутренняго совершенствованія всего духовнаго бытія ихъ? Нравственность не въ словѣ, а въ дѣлѣ и благородномъ чувствѣ. Не заучиванье наизусть, а внутреннее, въ себя углубляющееся, созерцаніе дружитъ насъ съ правдою. Одно изъ лучшихъ средствъ къ тому сочиненіе.

Потому 1): „прямое, сообразное съ школою содѣйствіе всѣхъ предметовъ преподаванія должно со-

1) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 86, 87.

стоятъ въ томъ, чтобы каждый учитель, въ извѣстное время, напр., въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, одинъ разъ или дважды, задавалъ ученикамъ письменныя упражненія.—Такимъ образомъ ученику придется писать болѣе, нежели тогда, когда бы предоставлено было упражненіе въ письмѣ только одному учителю отечественнаго языка. Слѣдовательно, не будетъ и несообразныхъ, съ вѣтру пойманныхъ темъ, какія обыкновенно выдумываютъ учители словесности единственно для того, чтобы образовать слогъ во всемъ разнообразіи, выбирая предметы для сочиненій изъ всего круга наукъ: какъ будто бы учитель отечественнаго языка есть вмѣстѣ и учитель Исторіи, и Технологіи, и Естественной Исторіи."

„Очевидное и главное свидѣтельство духовнаго образованія есть отечественный *слогъ* 1): только жаль, что ему не льзя непосредственно выучить, какъ Исторіи, Математикѣ и др.; тоже не льзя учить и такъ, какъ учатъ латинской стилистикѣ. Онъ не есть плодъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ знаній въ отечественномъ языкѣ, ни частыхъ упражненій письменныхъ, ни внимательнаго чтенія писателей: но съ одной стороны есть врожденное дарованіе, а съ другой плодъ общаго духовнаго совершенствованія. Можно сказать, что совокупное гимназическое обученіе способствуетъ развитію отечественнаго слога, какъ цвѣту всякаго образованія;

1) Doderlein, Reden und Aufsätze, 1843, стр. 243.

и чѣмъ справедливѣе пословица: le style c'est l'homme, тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы слогъ *давался*: слогъ не дается точно также, какъ и характеръ."

5. Отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка.

Учитель отечественнаго языка долженъ выучить дѣтей правильно писать *чужое*, и потомъ сочинять *свое*. Къ первому относится правописанье, ко второму, кромѣ собственно сочиненій, переводы, извлеченія и т. п. И то и другое не должно выходить изъ предѣловъ предмета преподаванія, т. е. какъ правописаніе исключительно основывается на Граммативѣ, такъ сочиненія, извлеченія, переводы на чтеніи образцовыхъ писателей, на исторіи литературы, на сравнительномъ языковѣденіи и т. п. Всѣ собственныя письменныя упражненія учениковъ Бенеке 1) подводитъ къ четыремъ статьямъ: 1. дается *содержаніе* вмѣстѣ съ словеснымъ выраженіемъ онаго, т. е. вмѣстѣ съ *формою*; 2. дается *содержаніе*, но во *внѣшнемъ* или *внутреннемъ воззрѣніи* на предметъ, слѣд. безъ формы; 3. дается *форма*, найти содержаніе; 4. ни того ни другаго не дается, *найти и форму и содержаніе*. Эти статьи идутъ въ восходящемъ порядкѣ: первая легчайшая; къ ней относятся отвѣты на вопросы о томъ, что уже было сказано: письменное или словесное

1) Erziehungs- und Unterrichtslehre, 1842, II, 414 и слѣд.

повтореніе предложеннаго учителемъ; извлеченіе изъ прочтеннаго, и т. п. Переводъ съ чужаго языка составляетъ переходъ ко второй статьѣ: ибо хотя дается и содержаніе и форма, но форму надобно передѣлывать, самостоятельно вращаясь въ понятіяхъ роднаго языка. Ко второй статьѣ относятся описанія предметовъ природы видимой и духовной, произведеній искуства. Къ третьей подражанія въ формѣ басни, повѣсти, письма, разговора и т. п. Послѣдняя статья имѣетъ самое обширное примѣненіе: на низшей ея степени дитя отыскиваетъ сказуемое къ подлежащему, подлежащее къ сказуемому, дополненія, опредѣленія и обстоятельства къ тому и другому; на степени высшей сочиняетъ, напр., на заданную пословицу, описываетъ вымышленный характеръ и т. д.—Изъ этого обозрѣнія слѣдуетъ исключить, вопервыхъ, все то, что лежитъ въ обязанности не одного учителя рускаго языка, но и прочихъ учителей; и вовторыхъ, всѣ упражненія, не соотвѣтствующія дѣтскому и юношескому возрасту. По моему мнѣнію, учитель рускаго языка, ограничиваясь собственнымъ своимъ предметомъ, могъ бы подвести всѣ письменныя упражненія учениковъ къ тремъ отдѣламъ: 1. къ выраженію, 2. расположенію и 3. изобрѣтенію. Въ первомъ случаѣ даны и содержаніе и расположеніе; слѣдуетъ найти выраженіе: переводъ съ чужаго языка. Переложеніе съ церковнославянскаго и древнерускаго и для выраженія даетъ матеріалы, изъ коихъ слѣдуетъ избрать ре-

ченія, приличныя современному слогу. Во второмъ случаѣ—или даны содержаніе и форма — привесть ихъ въ порядокъ: сюда относятся систематическія извлеченія плановъ изъ прочтеннаго; переработка стариннаго памятника нашей словесности по мысли, требующей инаго порядка въ расположеніи; систематическая обработка какого либо предмета, извлеченнаго изъ различныхъ книгъ и писателей. Или же дано одно содержаніе — привесть въ порядокъ и пріискать выраженіе: обработка какого нибудь произведенія съ языка чуждаго не просто переводъ, но или извлеченіе плана, или измѣненіе онаго, или извлеченіе изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ, приведенное въ стройный порядокъ; письменное изложеніе урока изъ словесности, съ измѣненіемъ расположенія. Въ третьемъ случаѣ, такъ какъ не дается содержанія, то вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не дается и расположенія, и выраженія: упражненія этого рода должны задаваться съ большой разборчивостью и въ извѣстныхъ границахъ. Темы на такія сочиненія должны быть предоставляемы на волю самихъ учениковъ: учитель заблаговременно долженъ одобрить то, о чемъ имъ вздумается писать, и все-таки указать на нѣкоторые источники, чтобы обогатить содержаніе сочиненія или дать образецъ для расположенія. — Учитель отечественнаго языка такимъ образомъ примкнетъ письменныя упражненія къ своему предмету: въ выраженіи и расположеніи онъ главный

руководитель; касательно же матеріала для сочиненій, онъ даетъ исторію словесности, отрывокъ изъ образцоваго писателя, точно такъ какъ учитель Исторіи или Географіи — факты своихъ наукъ.

а. *Правописанье.*

Правописанье на низшей своей степени лежитъ въ обязанности учителя не Грамматики, а Азбуки и Чистописанія. Пока эта простая истина не признается и не приведется въ исполненіе въ нашихъ школахъ, до тѣхъ поръ не будетъ успѣшной педагогической методы въ обученіи правописанью 1). Сначала дитя должно учиться писать такъ, какъ слышитъ и говоритъ: здѣсь связь правописанья съ звуковою методою Азбуки. Буквичная метода, т. е. обученье читать по буквамъ, т. е. *буки азъ ба*, или *бе а ба*, изгнанная теперь изъ школъ, не принесетъ такой пользы для правописанья, какъ звуковая, по которой дитя съ перваго разу знакомится съ элементами слова въ естественномъ и живомъ соединеніи оныхъ. Если дитя правильно пересчитаетъ порядокъ звуковъ въ словѣ, то въ послѣдовательности и напишетъ соотвѣтствующія звукамъ буквы, не пропустивъ ни одной, ибо твердо умѣетъ складывать. Если же къ тому съ самаго начала при чистописаньи будетъ обращаться вниманіе и на правописанье, т. е. если на чистописаньи дѣти привыкнутъ писать правильно многія

1) Diesterweg, Wegweiser, I, 366 — 374.

слова и выраженія: то учитель Граммашики, на такомъ твердомъ основаніи, легко и скоро можетъ выучить дѣтей писать правильно. Граммашическое обученіе правописанью не ограничиваешся уже правиломъ — писать такъ, какъ говоришь и слышешь, а требуетъ писать, какъ должно граммашически, согласуясь съ законами производства и измѣненія словъ, и связи предложеній: слѣд. учишъ не только правильно писать слова, но и отдѣлять ихъ знаками препинанія. Къ этому надобно прибавишь одно весьма важное условіе: въ обученіи правописанью не дѣлать никакихъ нововведеній, не смотря даже и на то, еслибы они были истинными улучшеніями: но слѣдовать общему употребленію. Ибо мы учимъ дѣтей для жизни, какъ она есть. Разноголосица же съ обществомъ ни къ чему доброму не поведетъ учениковъ. Осужденіе общепринятаго возбудитъ въ нихъ духъ неразумной гордости и суетнаго чванства, неразлучнаго съ дерзкимъ осмѣяніемъ. Учитель можетъ писать, какъ ему угодно, какъ находитъ правильнѣе: ученики же должны писать такъ, какъ пишутъ всѣ.

Главнѣйшія начала при обученіи правописанью:

1. Элементарная ступень, т. е. писать какъ говоришь и слышешь, должна быть отдѣлена отъ высшей, отъ собственнаго правописанія.

2. Идти впередъ какъ можно осмотрительнѣе: не начинать новаго до тѣхъ поръ, пока ученики не укрѣпятся въ показанномъ.

3. Съ упражненіемъ соединяшь объясненіе.

4. Сначала дѣти списываютъ себѣ на шетрадь написанныя на доскѣ слова и предложенія.

5. Потомъ переписываютъ изъ книги заданные учителемъ для того уроки.

6. Далѣе переписываютъ на бумагу выученное наизусшь, разумѣется безъ книги.

7. Наконецъ пишутъ подъ диктантъ.

8. При диктантѣ учишель, сказавъ предложеніе, заставляетъ нѣсколькихъ учениковъ повторишь оное, для того, чшобъ убѣдишься, что они правильно его разслышали. При шомъ можно заставлять пересчишывашь въ порядкѣ всѣ буквы сказаннаго слова.

9. Когда уже продиктовано, при коррекшурѣ учишель употребляетъ слѣдующіе разнообразные пріемы: или заставляетъ учениковъ дома сличишь продиктованное съ подлинникомъ, если диктовалось изъ хресшоматіи; или пишетъ самъ, или же лучшій ученикъ, на доскѣ, и помѣрѣ писанія ученики поправляютъ свои шетради, для того, чшобы не сидѣли даромъ, пока исписалась бы вся доска; или ученики мѣняются шетрадями и поправляютъ другъ друга; или учишель берешъ шетради домой и замѣчаетъ ошибки, но не поправляешъ: эшо дѣло учениковъ; при эшомъ случаѣ слѣдуешъ замѣшишь одно обсшоятельство: нѣкошорые ученики, или по разсѣянносши или по недобросовѣсшносши, кой-какъ поправляютъ подчеркнушое учишелемъ слово; для

шого лучше не подчеркивать ошибки подъ строками, а дѣлать знакъ противъ строки на поляхъ, тогда ученикъ обязанъ будетъ прочесть цѣлую строку и найти ошибочно написанное слово. Учитель не долженъ ограничиваться какимъ-либо однимъ изъ этихъ пріемовъ, но пользоваться всѣми. Сверхъ означенныхъ можетъ употреблять и другіе.

10. Касательно полицейской части при диктантѣ, надобно также держаться нѣкоторыхъ пріемовъ: разсаживать учениковъ по числу ошибокъ; лѣнивыхъ и неисправныхъ заставлять дома одинъ или даже нѣсколько разъ переписать правильно то, въ чемъ надѣлали много ошибокъ. Полезно также разъ десять или двадцать написать правильно какое нибудь слово, въ которомъ ошибаешься.

11. Обыкновенно не радѣютъ дѣти о правописаньи, когда пишутъ для учителей прочихъ предметовъ. Надобно, чтобы всѣ учители строго слѣдили за правописаньемъ учениковъ.

12. Правописанье должно обратиться въ привычку; ученикъ долженъ дойти до того, чтобы и безсознательно, не думая, писалъ правильно. Потому весьма неудачна метода тѣхъ, которые учатъ правописанью по ошибочно написанному или ошибочно напечатанному, заставляя учениковъ поправлять ошибки. Какъ же дитя привыкнетъ къ правильности, если постоянно читаетъ только ошибки? Намѣренно напечатанныя съ ошибками практическія упражненія въ правописаньи могутъ упо-

требляться съ пользою только на экзаменахъ, или и въ урокѣ, но уже при испытаніи, чтобъ увѣриться въ знаніи ученика.

13. Дальнѣйшее и окончательное утвержденіе учениковъ въ правописаньи при сочиненіяхъ и переводахъ.

б. *Начальныя письменныя упражненія.*

Въ низшихъ классахъ еще не льзя задавать ни переводовъ, ни извлеченій, ни переложеній. Для переводовъ требуется знанія чужихъ языковъ и нѣсколько упражненнаго отечественнаго періода. Вредно и опасно слишкомъ рано задавать дѣтямъ переводы, даже и тогда, когда они порядочно владѣютъ языкомъ, съ котораго переводятъ. Сначала имъ надобно укрѣпиться въ руской рѣчи: иначе они исказятъ ее варваризмами. Извлеченіе изъ хрестоматіи въ началѣ также неудобно, хотя не столько мучительно для дѣтей, какъ переводъ. Это еще не главная бѣда, что они будутъ слово въ слово выписывать по цѣлымъ строкамъ: а не хорошо то, что, выписывая изъ разныхъ мѣстъ статьи, пріучаются къ безсвязному, нелогическому изложенію. Въ высшихъ классахъ и извлеченіе имѣетъ смыслъ. Переложеніе съ рускаго на рускій же едва ли не опаснѣе извлеченія. Передъ ученикомъ лежатъ, напр., Басни Крылова, или сказки Пушкина, и онъ немилосердно искажаетъ ихъ, переписывая на тетрадь своею дѣтскою рѣчью. А важнѣйшая-то ошибка въ томъ, что дѣти получатъ дурной предраз-

судокъ, что туже самую мысль можно выразить другими словами, нежели тѣ, въ какія облекъ ее классическій писатель. Переложеніе стиховъ въ прозу также имѣетъ свою невыгодную сторону: ученики съизмала пріучатся думать, что стихотворная форма есть нѣчто случайное въ поэзіи, и что всякое поэтическое произведеніе можно разложить въ прозу. И вообще есть что-то неорганическое, мертвящее и убивающее въ ученическихъ первоначальныхъ переложеніяхъ.

Такъ какъ сочиненіе есть тотъ же разсказъ и разговоръ, только на бумагѣ: то самымъ естественнымъ началомъ собственныхъ сочиненій долженъ быть нечувствительный переходъ отъ изустнаго разсказа къ письменному. Заставляя ученика правильно пересказать разсказанную басню, учитель учитъ его уже и сочинять. Итакъ, постояннымъ разсказываньемъ дѣти приготовляются къ сочиненіямъ. Впослѣдствіи, когда они нѣсколько укрѣпятся въ правописаньи, учитель задаетъ имъ дома написать на бумагѣ *тоже самое и точно также*, что разсказывали въ классѣ. При этомъ надобно обратить вниманіе на два обстоятельства: 1. для сочиненій учитель долженъ разсказывать или читать изъ писателей образцовыхъ, изъ Руской и Священной Исторіи, и т. п.: однимъ словомъ, всегда что нибудь *дѣльное*. 2. Строго наблюдать, чтобы не было у учениковъ книги съ тѣмъ разсказомъ, который должны они пересочинить: въ противномъ случаѣ,

вмѣсто сочиненія, будутъ извлеченія и переложенія, съ своими вредными слѣдствіями.

в. *Переводы.*

Письменныя упражненія должны органически смыкаться съ теоретическою частью преподаванія. Въ Граммашикѣ переводамъ соотвѣтствуетъ сравнительное языкознаніе. Каждый народъ смотритъ на вещи посвоему, съ своей точки зрѣнія. Можно рѣшительно сказать, что слова на разныхъ языкахъ, выражающія совершенно одну и туже мысль, не имѣютъ одного и того же значенія 1); ибо всякое слово выражаетъ особое впечатлѣніе, особенный взглядъ на природу: а на каждый предметъ можно смотрѣть со множества точекъ зрѣнія. Такъ *жито*, понѣм. Getreide (двн. gitrakidi) означаетъ выносимое изъ земли (getragen), полат. frumentum зн. и плодъ (fruges, fructus) и пользованіе имъ (fruor); послав. *збожіе* или *сбожіе* (богатство), *обиліе* употребляются вм. *жита*. Одинъ и тотъ же предметъ одаренъ различными свойствами, и каждый языкъ называетъ его по одному какому либо свойству. Напр. лиса—красная, волосатая, хищная, лукавая: понѣм. слово лиса зн. красный (т. е. звѣрь), посанскр. lomaça, lopâçak — волосатый, слич. гр. ἀλώπηξ; лат. vulpes (одного корня съ нѣм. wolf: гот. vilvan—грабить) зн. грабителя, хищника, пофр. въ старину также volps; нынѣшнее же le renard не-

1) W. Humboldt, Sprachbau, 222.

решило въ нарицательное отъ собственнаго имени Reinardus, Reinhart fuchs, Renart.—Сравнительная этимологія и особенно сравнительный синтаксисъ постоянно примѣняется къ переводамъ. Дѣти не только узнаютъ, но и учатся примѣнять къ дѣлу идеотизмы отечественные, и строго отличать отъ иностранныхъ. Будетъ великая заслуга учителя словесности, если онъ на переводахъ убѣдитъ своихъ учениковъ въ томъ, что всякое классическое сочиненіе вполнѣ изящно только на своемъ языкѣ, и что никакой переводъ не замѣнитъ подлинника, ибо всякій языкъ выражаетъ впечатлѣнія по своему.

г. *Переложенія.*

Переложеніе древнихъ памятниковъ нашей литературы такъ же тѣсно связывается съ историческимъ языковѣденіемъ, какъ переводы съ сравнительнымъ. Карамзинъ долженъ ввести въ упражненія этого роду, ибо его Исторія предлагаетъ множество образцевъ переложенія. Кто сличалъ эти переложенія съ подлинниками, знаетъ, сколько заимствовалъ изъ нихъ Карамзинъ, и, вѣроятно, убѣжденъ, что писать Карамзинскимъ слогомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть самостоятельнымъ—значитъ перелагать древніе памятники. Если цѣль обученія состоитъ въ томъ, чтобы дать ученику общія начала, коимъ бы онъ слѣдовалъ, и кончивъ ученье, т. е. воспитать ученика такъ, чтобы онъ, вышедши изъ школы, былъ самъ себѣ учителемъ: то

лучшій наставникъ въ слогѣ Карамзинъ. Слѣдуя ему, будешь самостоятеленъ. Какъ при переводахъ сличаются выраженія чисто рускія съ варваризмами, такъ при переложеніяхъ показывается отношеніе стариннаго языка къ современному. Переводы даютъ слогу общеевропейское, многостороннее направленіе; переложенія удерживаютъ его на родной почвѣ. Разумѣется, что переложеніе не всегда можетъ быть надстрочное, и потому иногда переходитъ въ переработку. Напр. написать по лѣтописямъ о Мамаевомъ побоищѣ, объ Александрѣ Невскомъ, о присоединеніи Новагорода, Пскова, и т. п. Древніе памятники писаны частію на церковнославянскомъ, частію на древнерускомъ языкѣ, весьма близкомъ къ теперешнему народному: такъ что опъ сочиненій религіозныхъ, черезъ посланія, лѣтописи, юридическіе документы, нечувствительно переходишь къ древнимъ рускимъ стихотвореніямъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ народнымъ сказкамъ и пѣснямъ. Потому въ переложеніяхъ, кромѣ архаизмовъ, научаешься отличать и выраженія чисто народныя, и даже провинціализмы. Слѣд. въ Стилистикѣ спасти объ архаизмахъ, народномъ языкѣ и провинціализмахъ относятся къ переложеніямъ точно такъ же, какъ варваризмы къ переводамъ. Мы не можемъ теперь постоянно удерживать старинную связь предложеній и періодовъ: потому ученикъ древнему матеріалу долженъ иногда давать современную форму предложенія: этому научитъ его Карамзинъ.

д. Извлеченія.

Извлеченія также органически связываются съ теоретическою частію курса, примыкая съ одной стороны къ чтенію писателя, а съ другой къ логическому отдѣлу Реторики, къ расположенію. Упражненія этого роду могутъ быть слѣдующія:

1. Извлеченіе выраженій. Ученики выписываютъ изъ какого нибудь классическаго произведенія замѣчательныя слова и выраженія, тропы, фигуры, синонимы и т. п. Такъ напр. изъ Исторіи Пугачевскаго бунта (по изданію 1834 года): а) отдѣльныя слова: *слѣдъ* ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался 116. ночью, въ *волновую* погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу 162. кто былъ скуденъ, *очутился* богатъ 134. проспи, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою 166. б) Падежи: Голицынъ потерялъ до четырехъ сотъ *убитыми* и *ранеными* 91. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ *убитыми* и три тысячи пятьсотъ *взятыми* въ плѣнъ 95. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ *убитыми* и *ранеными* 113. Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь-сотъ человѣкъ *убитыми* и сто восемьдесятъ *взятыми* въ плѣнъ 131. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ *убитыми* и *ранеными* 133. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячь *убитыми* и до семи тысячь *взятыми* въ плѣнъ 156. в) Числа: бунтовщики потупили *голову* 160. Зарубить

уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое *верхами* 17, вм. верхомъ. г) Предлоги: донощикъ *названъ отъ* Пугачева Полковникомъ 121. (Меллинъ) взялъ подъ караулъ Прапорщика Шахмаметева, *посаженнаго* въ Воеводы *отъ* самозванца 145. д) Согласованіе: *взято* въ плѣнъ *три тысячи* бунтовщиковъ 97. е) Порядокъ словъ: въ смутное *сіе* время 13. ж) Сравненія: выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками 67. все это насъ такъ ободрило — говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, — какъ будто мы съѣли по куску хлѣба 103. — Такія извлеченія не только обогатятъ слогъ учениковъ, но и будутъ имъ живою, самостоятельною Грамматикою и Стилистикою. Для образца можно имъ указать еще въ этой части стр. 151—177 и во второй стр. 224 — 225, 305 — 309, 339, 343.

2. Извлеченіе *содержанія*. Это упражненіе должно замѣнить такъ называемыя общія мѣста. Дѣти еще бѣдны мыслями и фактами: пусть выписываютъ они себѣ отрывочныя замѣчанія изъ того, что́ читаютъ. Это пріучитъ къ наблюдательности и обогатитъ знаніемъ.

3. Извлеченіе плана. Оно служитъ примѣненіемъ теоріи расположенія къ чтенію писателя и къ письменнымъ упражненіямъ, и чрезвычайно укрѣпляетъ судительную силу. Изъ разобранной статьи ученикъ извлекаетъ главную мысль, и проводитъ

ее черезъ всѣ частности: главная мысль будетъ какъ бы подлежащее, частности же — различныя сказуемыя, ее опредѣляющія. Надобно, чтобы отдѣлы плана съ подраздѣленіями ученикъ означалъ цыфрами, буквами, отдѣлялъ въ новую строку, и т. п.

е. Собственныя сочиненія.

Собственныя сочиненія должны быть не болѣе, какъ видоизмѣненіе и соединеніе вышеозначенныхъ упражненій. Содержаніе ихъ — чтеніе писателей и теоретическій урокъ словесности. Желательно, чтобы въ высшихъ классахъ Гимназіи ученики дома составляли краткое письменное обозрѣніе того, что́ услышатъ въ классѣ отъ учителя словесности. Особенно исторія литературы можетъ дать богатый матеріялъ. Напр. въ классѣ прочтена Державина ода Богъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нее, самимъ поэтомъ сдѣланными: учитель ставитъ въ параллель строфы оды съ историческими обстоятельствами, при коихъ она была написана; указываетъ главную мысль, и проводитъ ее черезъ всю оду, — т. е. что человѣкъ долженъ возноситься къ Богу не Фантазіею, не пищенными словами, а умиленною молитвою и слезами. Ученики гораздо лучше поймутъ и учителя и разобранное сочиненіе, если сообразятъ дома, на бумагѣ. Пускай незаучивается бѣллетрическая часть курса словесности, а передается отъ учениковъ письменно. Для соображенія предлагаю нѣсколько темъ:

О Ломоносовѣ: по статьѣ Батюшкова, по письмамъ Ломоносова, по его портфелю (въ Очеркахъ Россіи Пассека) и т. п.

О Недорослѣ Фонъ Визина и о комедіи вообще: по статьѣ Кн. Вяземскаго, по Гоголеву Разъѣзду.

О Кантемирѣ: по разговору Батюшкова.

Жизнеописаніе нѣкоторыхъ преподобныхъ писателей древнихъ: по житіямъ Святыхъ.

Характеристика Князей и Царей Рускихъ: по лѣтописямъ и по Карамзину; взять въ соображеніе отрывокъ изъ Хронографа Кубасова, помѣщенный въ Славянской Хрестоматіи Пенинскаго.

Характеристика древнихъ великихъ людей: по Плутарху, Курцію, Корнелію Непоту и др.

Изложеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ мнѣній о поэзіи: по теоріи поэзіи въ историческомъ развитіи, Проф. Шевырева; по чтеніямъ о словесности, Проф. Давыдова.

Описаніе нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ, обрядовъ, игръ: по сочиненію Снегирева объ этомъ предметѣ; по сказаніямъ Рускаго народа, Сахарова 1).

---

1) Вѣроятно, интересно будетъ нѣкоторымъ узнать, что сочиняютъ нѣмецкіе гимназисты. Т. Гейнзіусъ въ послѣдніе два года, въ Берлинской Гимназіи, между прочими, вотъ какія задавалъ темы: Шиллеръ какъ дидактическій поэтъ. Данте и его Божественная Комедія. О характерѣ романтической школы. Жизнь Демосѳена. О характерѣ Маркиза Позы. О характерѣ Креона въ Антигонѣ. О Греческой драмѣ. О единствѣ

Такъ какъ ученики начнутъ писать собственныя сочиненія, уже достаточно упражнившись и постоянно упражняясь въ слогѣ на переводахъ, переложеніяхъ: то въ сочиненіи преимущественное вниманіе слѣдуетъ обращать на расположеніе, и притомъ на расположеніе не только главныхъ частей плана, но и подробностей. То есть, слѣдуетъ наблюдать за теченіемъ мысли и за логическимъ, естественнымъ переходомъ отъ одного предложенія къ другому. Для этого весьма полезно выставлять на поляхъ тетради противъ каждаго періода цыфру. Когда такимъ образомъ всѣ предложенія будутъ на пересчетѣ: тогда ученикъ ясно увидитъ, не повторилъ ли онъ во второмъ періодѣ то, что было уже въ первомъ; естественно ли слѣдуетъ второй періодъ за первымъ, или его перемѣстить туда, гдѣ третій и т. д. Слѣд. Логика должна проходить черезъ всѣ предложенія, связывая ихъ неразрывною цѣпью.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Отрывочныя свѣденія, набранныя учениками въ теченіи цѣлаго курса изъ чтенія писателей и изъ матеріаловъ для письменныхъ упражненій, должны

въ эпосѣ. Reineke fuchs. Das Kirchenlied. Объ Емиліи Галотти Лессинга, и объ его же Лаокоонѣ. О поэзіи по цѣли и средствамъ. Сравненіе трехъ греческихъ трагиковъ, Есхила, Софокла и Еврипида Что способствовало процвѣтанію краснорѣчія у древнихъ. О Цицеронѣ какъ ораторѣ. Смотр. Zeitgemasze Padagogik der Schule, 1844, стр. 184 — 185.

быть приведены въ систему, разумѣется уже въ послѣднемъ классѣ Гимназіи. Это систематическое обозрѣніе будетъ вмѣстѣ и повтореніемъ. Такъ какъ историческое направленіе гораздо надежнѣе философскаго, и доступнѣе юношескому возрасту: то, безъ сомнѣнія, это общее обозрѣніе должно состоять въ исторіи руской словесности и языка. До сихъ поръ въ нашихъ Гимназіяхъ мало обращаютъ вниманіе на древнюю церковнославянскую литературу, между тѣмъ какъ короткое знакомство съ нею необходимо всякому образованному человѣку, ужъ для одного того, чтобы отчетливо понимать Св. Писаніе и церковную службу. А для основательности науки выгода огромная: потому что древніе памятники дадутъ исторіи литературы направленіе филологическое. Критическая оцѣнка писателей должна развивать въ ученикахъ не одно чувство эстетическое, но и нравственное: а наша старина предлагаетъ для того безцѣнные памятники. Хотя преимущественное вниманіе обращается на сочиненія, однако великую пользу можно принести и жизнеописаніемъ сочинителя. Такъ жизнь Ломоносова будетъ для дѣтей образцомъ учебной и ученой дѣятельности, ибо жизнь его дѣлится на двѣ половины: въ первой онъ только учился, во второй и учился и училъ; въ первой онъ ученикъ, въ послѣдней учитель.

Такъ называемая теорія словесности взойдетъ въ исторію, какъ часть. Напр. ученіе о стихосложеніи начинается чтеніемъ стиховъ, оканчивается

же исторіею нашего стихосложенія отъ силлабическихъ виршъ и древнихъ стихотвореній черезъ теоріи Тредьяковскаго, Державина до нашихъ временъ.

Главное дѣло въ исторіи литературы—основательность: т. е. говорить ученикамъ по большой части только о такихъ произведеніяхъ, которыя они прочли и изучили. Этимъ опредѣляется и объемъ и метода науки.

ОПЫТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.

1. Начальная Грамматика.

Съ самаго начала слѣдуетъ пріучать дѣтей читать такъ, какъ говорятъ, и отклонять ихъ сколько возможно отъ чтенія чисто механическаго. Для того заставлять перечитывать одно и тоже выраженіе до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ его и не прочтутъ, какъ слѣдуетъ. Начинать простыми предложеніями, утвердительными, отрицательными, вопросительными, съ разборомъ логическимъ и вещественнымъ (réelle); разборъ грамматическій приденъ послѣ. Учитель постоянно даетъ вопросы, и не ограничивается единственно собственнымъ своимъ объясненіемъ. Сначала дѣлаетъ онъ разборъ логическій, впрочемъ не говоритъ при немъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ. Заставляетъ дѣтей отыскивать подлежащее черезъ сказуемое и дополненіе, а сказуемое и дополненіе черезъ подлежащее; подлежащее черезъ опредѣленіе, и опредѣленіе черезъ подлежащее. Дитя механически прочло, напр.,

слѣдующее предложеніе: Богъ сотворилъ небо и землю. Учитель спрашиваетъ: кто сотворилъ небо и землю? потомъ: что говорится здѣсь о Богѣ? послѣ дать объясненіе вещественное, т. е. опредѣлить значеніе словъ: Богъ, сотворилъ, земля, небо. Заставить дитя еще разъ прочесть это предложеніе, и уже по самому способу выраженія, по голосу, какимъ прочтетъ, можно судить, что оно понялo. — Чтобы убѣдиться окончательно, разумѣютъ ли дѣти прочтенное, самое лучшее средство — заставить ихъ тоже самое сказать другими словами, нѣкоторымъ образомъ перевесть. Потомъ приступить къ разбору предложеній болѣе сложныхъ и длинныхъ. Здѣсь отыскивается главная мысль. Вмѣстѣ съ дѣтьми перечитавъ то же самое нѣсколько разъ, заставить ихъ переложить прочтенное по своему, своими словами — словесно или письменно: здѣсь начало собственнымъ сочиненіямъ. Всѣ эти упражненія, образуя судительную силу дѣтей и вмѣстѣ уча ихъ правильному чтенію, развязываютъ даръ слова и учатъ Граммматикѣ. И только послѣ этакихъ упражненій можно уже будетъ приступить собственно къ Граммматикѣ и разбору граммматическому 1).

Понятно, что въ первоначальныхъ урокахъ не льзя взять для чтенія писателя классическаго. Надобно избрать что нибудь самое крашкое, для

1) Essai sur l'éducation du peuple, par Willm, Inspecteur de l' Académie de Strasbourg, 1845, стр. 197 и слѣд.

дѣшей удобопонятное и занимательное; надобно разбудить судительную ихъ силу разсказами самыми яркими, такими, гдѣ бы они съ перваго разу могли быть судьями, слѣд. могли бы судить. Для первыхъ уроковъ заимствую у одного Голландскаго педагога упражненія въ отличіи истиннаго отъ ложнаго 1):

Учитель предварительно говоритъ дѣтямъ, чтобы они внимательно разсудили, чему въ слѣдующихъ разсказахъ можно повѣрить и чему нѣтъ.

1. Двѣ собаки гнались за зайцемъ; а заяцъ обернулся назадъ, искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ.

Разборъ. Двѣ собаки гнались за зайцемъ: о комъ говорится? что сказано о двухъ собакахъ? сколько было собакъ? за кѣмъ гнались собаки? сколько было зайцевъ? Если дѣти отвѣтили на эти вопросы, значитъ, поняли предложеніе.—А заяцъ обернулся назадъ: о комъ здѣсь говорится? что же сдѣлалъ заяцъ? куда онъ обернулся?—искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ: кто? что сдѣлалъ? кого искусалъ и кого прогналъ?—Можно ли этому повѣрить? почему нѣтъ? здѣсь выступаетъ разборъ вещественный: ибо дѣти отличаютъ собаку отъ зайца. Учитель опять спрашиваетъ: могутъ ли летать собаки и зайцы? кто же можетъ летать? стало быть собаки и зайцы не птицы? что же они такое? Такимъ образомъ довести дѣтей до того, чтобы они

1) De l'instruction publique en Hollande, par Victor Cousin, 1837, стр. 290 и слѣд.

сказали, что собаки и зайцы звѣри. Разборъ вещественный заключается логическимъ.

2. Одинъ ручеекъ вытекалъ при подошвѣ горы; потомъ текъ на гору до ея вершины, и наконецъ, перетекши черезъ гору, спустился на другую ея сторону.

Разборъ. О чемъ вы прочли? что же было съ ручейкомъ? откуда онъ вытекалъ? что такое подошва горы? потомъ куда онъ текъ? *на* гору или *подъ* гору? все ли равно, что *на* гору текъ, что *подъ* гору? до какихъ поръ текъ онъ на гору? все ли равно, что подошва горы, что вершина? можетъ ли ручей перетечь черезъ гору? стало быть вы знаете, почему здѣсь неправда. Какое различіе между ручьемъ и рѣкой? что больше? чѣмъ они сходны?

3. Была одна курица, и снесла эта курица двѣнадцать яицъ, и стала ихъ высиживать. Черезъ десять дней вывела она и цыплятъ; изъ одного яйца вывела она два цыпленка, изъ другаго яйца вывела она четыре цыпленка, изъ третьяго яйца вывела она шесть цыплятъ, а было и такое яйцо, изъ котораго вывела она двѣнадцать цыплятъ.

Разборъ. О чемъ мы читаемъ? что же прочли о курицѣ? о сколькихъ курицахъ говорится? а сколько она снесла яицъ? что значитъ: высиживать яица? что случилось съ курицой черезъ десять дней? сколько вывела она цыплятъ изъ одного яйца? сколько изъ другаго? можно ли изъ одного яйца вывесть двѣнадцать цыплятъ? на кого курица болѣе похо-

жа, на собаку или ворону? довести дѣтей до того, чтобы они назвали ворону и курицу птицами. Какое различіе между курицею и цыпленкомъ? какъ называются дѣти собакъ, лошадей, коровъ, овецъ?

4. Загорѣлся домъ со всѣхъ четырехъ угловъ; прилетѣла добренькая птичка, да своими крылышками и потушила пожаръ.

Разборъ. Загорѣлся домъ со всѣхъ четырехъ угловъ: о чемъ говорится? что случилось съ домомъ? какъ онъ загорѣлся, съ одного конца, или съ двухъ? кто прилетѣлъ? почему эта птичка была добренькая? прилетѣвши, что сдѣлала птичка? чѣмъ она потушила пожаръ? почему это неправда? чѣмъ же можно потушить пожаръ?

5. Одинъ разъ левъ очень проголодался, и пошелъ по лѣсу искать себѣ пищи; долго онъ искалъ, и не могъ найти. Что же онъ сдѣлалъ? поднялся на заднія лапы, да и полетѣлъ, какъ птица, вверхъ для того, чтобы сверху лучше видѣть во всѣ стороны.

Разборъ. Кто проголодался? что такое левъ? какъ же левъ хотѣлъ помочь своему горю? нашелъ ли онъ себѣ пищи? на какія лапы поднялся левъ? кромѣ заднихъ лапъ какія бываютъ еще? поднявшись на лапы, что сдѣлалъ левъ? для чего полетѣлъ? все ли равно, что вверхъ, что внизъ; что вверху, что внизу? можетъ ли летать левъ? кто же летаетъ? дѣти опять отличаютъ звѣрей отъ птицъ.

6. Однажды лѣтомъ въ сильные жары вдругъ замерзли всѣ рѣки; а когда пришли зимніе морозы, рѣки растаяли.

Разборъ. Кто замерзъ? когда замерзли рѣки? что растаяло? когда растаяли рѣки? о чемъ же здѣсь говорится? что говорится о рѣкахъ? бываетъ ли жаркій морозъ, холодный жаръ, теплый снѣгъ, холодный огонь? Въ этой исторійкѣ ложь переложишь на правду: т. е. зимою замерзли, лѣтомъ растаяли.

7. Маленькой барашекъ встрѣтился на лугу съ волкомъ; барашку очень хотѣлось ѣсть, и потому онъ убилъ волка и съѣлъ его.

Разборъ. Кто встрѣтился съ волкомъ? что случилось съ барашкомъ? какой былъ барашекъ—большой или маленькой? гдѣ встрѣтился барашекъ съ волкомъ? кому хотѣлось ѣсть—барашку или волку? кто кого убилъ? кто кого съѣлъ? можетъ ли это быть? Дѣти должны разсказать эту басню наоборотъ: т. е. волкъ проголодался и съѣлъ барашка.

8. Былъ такой искусный плотникъ, что одинъ одинехонекъ построилъ огромный домъ только въ одну ночь.

Разборъ. Почему плотникъ былъ искусенъ? можетъ ли быть искусный столяръ, живописецъ, музыкантъ? можно ли въ одну ночь одному человѣку построить огромный домъ? это вѣритъ дѣтямъ понятіе о времени.

9. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ растутъ на деревахъ алмазы, золото, серебро, коровы, лошади и овцы.

Разборъ. Что растетъ? на чемъ растутъ алмазы и пр.? могутъ ли на деревахъ расти лошади, овцы? довести дѣтей до понятія о растеніяхъ въ противоположность животнымъ. Гдѣ случаются такія чудеса? дать понятіе о мѣстѣ.

10. Жилъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и сдѣлалъ онъ изъ золота воробья; и этотъ золотой воробей леталъ и клевалъ пшеницу, какъ живой.

Разборъ. О комъ говорится сначала? а потомъ о комъ? можетъ ли золотыхъ дѣлъ мастеръ сдѣлать воробья изъ золота? можетъ ли золотой воробей быть живымъ? показать отличіе вещи неодушевленной отъ предмета живаго.

11. Одинъ шалунъ разложилъ огонь, зажегъ прудъ и сожегъ всѣхъ рыбъ, которыя были въ пруду.

Разборъ. Что сдѣлалъ шалунъ? что онъ разложилъ, что зажегъ и кого сожегъ? гдѣ были рыбы? гдѣ водятся рыбы? можетъ ли горѣть вода?

12. Одному шалуну мальчику вздумалось наловить себѣ птичекъ; вотъ взялъ онъ въ одну руку хлѣба, а другою сталъ манить ихъ къ себѣ: птички обрадовались корму, и слетѣлись къ мальчику на руку; и мальчикъ очень легко наловилъ себѣ птичекъ и былъ радъ.

13. Однажды ночью поднялась сильная буря съ градомъ и дождемъ, перебила всѣ окна и сло-

мала много крышъ съ домовъ и церквей. Особенно жалко было то, что вѣтеръ свалилъ огромную гору на большой городъ: жители съ великимъ трудомъ на силу могли поднять гору, и поставили на прежнее мѣсто.

14. Воронъ увидѣлъ жирнаго барана, и, вцѣпившись въ него своими когтями, поднялъ его на воздухъ и за одинъ разъ всего его съѣлъ, усѣвшись на деревѣ.

15. Нѣкоторый мясникъ, не успѣвая распродавать всей говядины, вздумалъ убивать только половину коровы.

Точно также разобрать и остальные разсказы. Въ урокѣ можно пользоваться различными пріемами. Сначала учитель спрашиваетъ, ученики отвѣчаютъ; потомъ одинъ ученикъ спрашиваетъ, другой отвѣчаетъ; одинъ разскажетъ, другой объяснитъ, почему въ разсказѣ не правда; третій — ложный разсказъ передѣлаетъ на правильный. Упражненія надъ такими разсказами могутъ продолжаться недѣли двѣ-три; главная цѣль въ томъ, чтобы дѣти пріучались понимать прочтенное; средства къ ней логическій и вещественный разборъ. Этими разсказами дѣти нечувствительно приготовятся къ чтенію басенъ и сказокъ.

Разборъ сказки Пушкина О рыбакѣ и рыбкѣ:

Жилъ старикъ съ своею старухой
У самаго синаго моря;

О комъ мы прочли? кто жилъ? съ кѣмъ жилъ старикъ? чья была старуха? гдѣ жилъ старикъ съ

старухой? какое море, красное или черное? что такое море?

Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.

Кто жилъ въ землянкѣ? что разумѣется подъ словомъ *они*? гдѣ они жили? долго ли они тамъ жили? что такое землянка? какое различіе между избой и землянкой? все ли равно, что годъ, что лѣто?

Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,

О комъ говорится? что дѣлалъ старикъ? что ловилъ старикъ? чѣмъ ловилъ старикъ рыбу? кромѣ невода еще чѣмъ можно ловить рыбу? какъ называется тотъ, кто ловитъ рыбу? стало быть старикъ былъ рыбакъ, рыболовъ.

Старуха пряла свою пряжу.

Опять о старикѣ говорится, или нѣтъ? чѣмъ же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть ленъ, коноплю, шерсть? какъ называется женщина, которая прядетъ? выходитъ, что старуха была пряха. Все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,

Кто закинулъ неводъ въ море? что закинулъ въ море? куда закинулъ? зачѣмъ закидываютъ неводъ въ море? можно ли закидывать неводъ въ рѣку, въ озеро?

Пришелъ неводъ съ одною тиной;

Кто пришелъ? можетъ ли ходить неводъ? съ чѣмъ пришелъ неводъ? что такое тина, грязь, песокъ, глина?

Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,

Кто закинулъ неводъ? въ первый разъ или въ третій?

Пришелъ неводъ съ травой морской;

А въ первый разъ съ чѣмъ пришелъ неводъ? почему трава названа морскою? все ли одно, что трава, что цвѣты, что деревья?

Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,

Въ который разъ закинулъ онъ неводъ? что вытащилъ онъ въ первый разъ? что во второй? теперь увидите, что вытащилъ онъ въ третій разъ:

Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.

Съ чѣмъ же пришелъ неводъ въ третій разъ? видали ли вы золотыхъ рыбокъ? какая была рыбка простая, или не простая, золотая? какая это была рыбка — плотичка, карась или ёршъ?

Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:

Кто взмолился? что такое *взмолиться*? все ли одно, что проситъ, молитъ? какимъ голосомъ просила рыбка? можетъ ли рыбка говорить по нашему?

Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.

Вотъ какъ просила рыбка: кого же она просила, съ кѣмъ она говорила? Старче тоже, что старикъ. о чемъ она просила? куда отпустить? кого отпу-

спишь? зачѣмъ же рыбкѣ хотѣлось въ море? живетъ ли рыба въ воздухѣ? — кто обѣщается дать откупъ? что такое откупъ? прочтите слѣдующій стихъ, и узнаете, что такое откупъ. Она хотѣла дать ему за себя все, что угодно старику, только чтобы онъ отпустилъ ее въ море. Какой откупъ хотѣла она дать ему? дорогой или дешевый? — кто хотѣлъ откупиться? чѣмъ хотѣла рыбка откупиться?

Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобы рыба говорила.

Что же случилось съ старикомъ, когда онъ услышалъ, какъ заговорила рыбка человѣчьимъ голосомъ? почему же онъ удивился и испугался? Если не знаете почему, прочтите два остальные стиха, и узнаете: потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыба говорила? что такое рыбачилъ? кто рыбачилъ? какъ долго старикъ рыбачилъ? слышалъ ли онъ прежде, чтобы говорила рыба? стало быть онъ въ первый разъ услышалъ, какъ понашему заговорила рыба: потому онъ удивился и испугался. Все ли равно, что удивиться, что испугаться? когда бросится на васъ большая собака, вы удивитесь или испугаетесь? Если бы вы сами услышали, какъ заговорила рыбка, удивились ли бы вы, или испугались?

Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:

Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо,
Ступай къ себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Что же сдѣлалъ старикъ? куда онъ отпустилъ рыбку? что онъ сказалъ ей? какое слово сказалъ онъ ей, ласковое или грубое? хорошо ли говоришь грубости? кому онъ сказалъ ласковое слово?—что старикъ говорилъ рыбкѣ? когда мы говоримъ: Богъ съ тобою? хотѣлъ ли старикъ взять откупъ съ рыбки? нуженъ ли ему былъ откупъ, или нѣтъ? кому не надо было откупа? чего не надо было старику? — Еще что сказалъ онъ ей? куда онъ велѣлъ ей идти? гдѣ онъ велѣлъ ей гулять? почему рыбкѣ въ морѣ просторно? Въ этой комнатѣ просторно или тѣсно? за чѣмъ же отпустилъ старикъ рыбку? Видите, какой онъ былъ добренькій. А если бы съ вами тоже случилось, что съ старикомъ, отпустили ли бы рыбку?

Нѣсколько времени упражняя учениковъ такимъ отчетливымъ чтеніемъ, учитель нечувствительно пріуготовитъ учениковъ къ уразумѣнію главныхъ началъ Граммашики. Надобно только избирать для чтенія статьи легкія и образцовыя, напр. изъ Басенъ Крылова, изъ сказокъ и повѣстей Пушкина, Жуковскаго, изъ писемъ Карамзина. Если у учениковъ нѣтъ книгъ для чтенія, можно писать на доскѣ; такъ какъ они еще не знаютъ правописанія и самымъ писаньемъ затрудняются, то учитель крупно и разборчиво самъ пишетъ на доскѣ, разу-

мѣется, предложенія по два вдругъ, и много уже по три. Дѣти сначала не пишутъ на тетрадяхъ, а читаютъ и разбираютъ написанное учителемъ на доскѣ. Смотря по успѣхамъ, черезъ мѣсяцъ или два, могутъ начать писать и сами. Такъ какъ дѣтямъ очень трудно сообразить цѣлую статью вдругъ, напр. все что разобрано выше изъ сказки Пушкина; то передъ чтеніемъ статьи учитель кратко скажетъ только, о чемъ будетъ читать, и приступаетъ къ разбору по предложеніямъ. А потомъ уже, когда дѣти разобрали всю статью и ее поняли, пусть разсказываютъ своими словами: тогда уяснится имъ главное содержаніе статьи.

Удостовѣрившись, что дѣти привыкли вникать въ прочтенное, учитель въ продолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на Грамматику—столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочтеннаго. Такимъ образомъ при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды.

Всего естественнѣе и легче передать дѣтямъ первыя понятія о частяхъ рѣчи въ связи съ понятіями о предложеніи и частяхъ его. Учитель беретъ изъ разобранныхъ статей отдѣльныя краткія предложенія и начинаетъ объяснять грамматически, напр. такимъ образомъ:

Помните, мы читали и говорили о ручейкѣ, какъ онъ текъ черезъ гору (разск. 2). Если я скажу только два слова: ручей течетъ—понимаете ли,

что́ я сказалъ? о чемъ я говорю? о ручьѣ. Что говорю о ручьѣ? что онъ шечетъ. То, о чемъ говорятъ, называется подлежащимъ; а то, что говорится о подлежащемъ, называется сказуемымъ. Ручей шечетъ: которое подлежащее? которое сказуемое? помните также, что читали мы о томъ, какъ загорѣлся домъ (разск. 4), и какъ проголодался левъ (разск. 5)? Ну разскажите же. Теперь я вамъ скажу: загорѣлся домъ: о чемъ здѣсь говорится? гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? Проголодался левъ: гдѣ подлежащее, гдѣ сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, домъ, левъ — подлежащія; шечетъ, загорѣлся, проголодался — сказуемыя; но замѣтьте, что я говорю подлежащее вмѣстѣ съ сказуемымъ: ручей шечетъ. Подлежащее и сказуемое, вмѣстѣ соединенныя, называются предложеніемъ: слѣд. домъ загорѣлся, левъ проголодался — предложенія. Такъ какъ подлежащее есть то, о чемъ говорится, а сказуемое то, что́ говорится о подлежащемъ: то въ предложеніи мы говоримъ что нибудь (сказуемое) о какомъ нибудь предметѣ (подлежащее). Сколько частей узнали вы въ предложеніи? двѣ. Слѣд. подлежащее и сказуемое части предложенія; а потому вотъ какъ надобно ихъ опредѣлять: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи; сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ въ предложеніи.

Подлежащее есть предметъ для разговора. Названіе предмета именуется еще *именемъ существитель-*

нымъ, потому что всякій предметъ *существуетъ* 1), т. е. гдѣ нибудь находится — или передъ глазами: окно, домъ; или далеко отъ насъ, и мы ихъ не видимъ, напр. горы, моря; или хотя и около насъ, но невидимые, напр. воздухъ. Въ темной комнатѣ и всѣ предметы бываютъ невидимыми, однако они въ ней находятся, т. е. существуютъ, стало быть названія ихъ все же имена существительныя. Есть еще много предметовъ, коихъ хотя мы никогда не видимъ, ни днемъ ни ночью, однако они все-таки существуютъ; напр., Бога мы не видимъ, но Онъ существовалъ прежде всѣхъ вещей, прежде земли и неба, и будетъ существовать во вѣки вѣковъ: слѣд. названіе Богъ есть имя существительное. Ангеловъ мы также не видимъ, но ихъ видятъ праведники на небесахъ: стало быть и Ангелъ — имя существительное. Молитву можно видѣть, когда она написана на бумагѣ, или напечатана въ святцахъ; но ее можно и слышать, когда ее читаетъ священникъ въ церкви: потому молитва существуетъ, названіе ея имя существительное. Когда ты читаешь молитву про себя, тогда, хотя и ты самъ ея не слышишь, ни я, и никто изъ людей, однако она существуетъ: потому что ее слышитъ самъ Богъ, если твоя молитва

---

1) Послѣдователь Жирара, Ламбрускини всегда объясняетъ дѣтямъ грамматическую терминологію, смотр. Studio della lingua nativa въ его журналѣ Guida dell' educatore e letture per i fanciulli, 1839 и 1840, № 45, 47, 48, 50, 52, 54 и 55.

доходна къ Богу. Стало быть молитва и тогда будетъ именемъ существительнымъ: гдѣ же тогда она существуетъ? въ головѣ, въ сердцѣ. Такимъ образомъ нечувствительно можно довести дѣтей отъ предметовъ вещественныхъ къ духовнымъ.

Теперь будемте искать именъ существительныхъ въ томъ, что́ вы прочли. Въ 1 разсказѣ: гдѣ существительныя? почему собака и заяцъ существительныя? Вы помните, что и собаки и зайцы называются звѣрьми: звѣрь также имя существительное; сыщите нѣсколько названій звѣрей — всѣ они будутъ существительныя имена. Во 2 разсказѣ: почему имен. сущ. ручеекъ, гора, вершина, сторона? какое различіе между ручьемъ и ручейкомъ, рѣкою и рѣчькой, горою и горкой? что больше? ручеекъ, рѣчка, горка имен. сущ. уменьшительныя. Что больше: нога или ножища, рука или ручища? ножища, ручища — имен. сущ. увеличительныя. Что меньше: рука или ручка, нога или ножка? видите, что рука, нога, гора, ручей — не увеличительныя и не уменьшительныя: это имена сущ. обыкновенныя. Въ 4 разсказѣ: какое различіе между существительными: домъ и птичка? птичка живетъ, клюетъ кормъ и летаетъ; домъ не движется самъ, онъ не живой, не поетъ, какъ птичка; не кричитъ, какъ звѣрь; не говоритъ, какъ человѣкъ; не плаваетъ по своей волѣ, какъ рыба: звѣрь, рыба, человѣкъ — предметы одушевленные; домъ, дерево, камень, гора, вода — неодушевленные. И вода движется, да не такъ, какъ звѣрь или чело-

вѣкъ: воли у ней нѣтъ идти туда, куда хочетъ: помните, вы сами говорили, что вода не можетъ течь на гору (разск. 2.); а звѣрь и человѣкъ ходятъ и на гору и подъ гору. Часы съ кукушкою кукуютъ, какъ птица: но та бѣда, что кукуютъ только черезъ часъ, а кукушка когда захочетъ, тогда и кукуетъ. Стало быть предметы одушевленные дѣлаютъ по своей волѣ, какъ захотятъ. Правда, что человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ, однако долженъ дѣлать только добрыя дѣла; за злыя наказывается: потому васъ наказываютъ за лѣность, за ослушаніе. А птичка, какъ видите, была добренькая: почему? стало быть помогать ближнему — доброе дѣло. Птичка могла сдѣлать доброе дѣло потому, что она предметъ одушевленный. А какое различіе между птичкой и птицей? Въ 5 разсказѣ: какіе предметы левъ и лѣсъ — одушевленные или неодушевленные? почему? левъ добръ или золъ? а лапа, также какъ левъ, предметъ одушевленный? если отрубите у звѣря лапу, или у птицы крыло: и лапа и крыло будутъ мертвыя, стало быть неодушевленныя. Лапа есть часть льва: какія еще части льва? какія части птицы? теперь припомните, какъ глупъ былъ мясникъ (разсказъ 15), вздумавшій убивать только половину коровы: онъ не умѣлъ отличать предметовъ одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ, и предмета отъ частей его. Какія части дерева? дерево состоитъ изъ различныхъ частей, каковы: корень, стволъ, вѣтви, листья; а лѣсъ изъ одинаковыхъ, только

изъ деревьевъ, точно также какъ полкъ изъ солдатъ, толпа изъ людей: лѣсъ, полкъ, толпа называются имен. сущ. собирательными, потому что лѣсъ есть *собраніе* деревьевъ, полкъ — солдатъ, толпа — людей. Въ 6 разсказѣ: почему рѣка предметъ неодушевленный? воду нельзя назвать существ. собирательнымъ, потому что какъ ни дѣли воду, все остается также вода: и капелька вода, и рѣка вода, и море вода; напротивъ того части лѣса деревья, толпы — люди. Точно также золото, серебро, желѣзо, молоко, вино, какъ ни дроби, все выходитъ тоже золото, тоже молоко и пр. Такіе предметы называются веществами дѣлимыми. Они мѣряются, тогда какъ прочіе предметы считаются, напр. пудъ золота, стаканъ воды. Въ 9 разсказѣ: какія вы знаете государства? назовите. И Россія есть государство, и Франція государство, и Турція и Персія также. Видите, что государство есть имя *общее* и Россіи, и Франціи и пр., а Россія *собственное* имя государства, гдѣ мы живемъ, Франція *собственное* имя государства, гдѣ живутъ Французы. Извѣстно ли вамъ собственное имя того государства, гдѣ алмазы и коровы растутъ на деревахъ? У каждаго изъ насъ есть собственное имя: одному имя Иванъ, другому Николай, и пр., а общее намъ всѣмъ—человѣкъ. Скажите нѣсколько собственныхъ именъ городовъ, рѣкъ, деревень. Въ 3 разсказѣ: сколько было куриць? сколько яицъ? какое различіе между: курица и куры, яйцо и яица? итакъ первое—единственное число, потому что одна ку-

рица, одно яйцо; второе—множественное, потому что когда говорю яица, курицы, разумѣю много яицъ и курицъ. Когда говорю: цыплята, сколько цыплятъ вы разумѣете, двѣнадцать, или больше, или меньше? Когда же скажу: двѣнадцать цыплятъ, пять цыплятъ, вы тотчасъ скажете *опредѣленно*, сколько ихъ. Названія числъ: пять, шесть, двѣнадцать, именуются числительными: они означаютъ множественное число предметовъ *опредѣленно*, именно сколько числомъ; а множественное число существ. именъ, напр. куры—означаетъ много куръ, а не извѣстно сколько.

Разумѣется, въ продолженіе всѣхъ сихъ упражненій надобно постоянно указывать дѣтямъ на подлежащее и сказуемое, и на предложеніе. Такъ какъ при опредѣленіи принадлежностей именъ существительныхъ болѣе нужна наглядность, потому и считаю полезнѣе упражнять дѣтей сначала именами существительными, и потомъ ужъ глаголами и прилагательными.

Для опредѣленія глагола учитель беретъ тѣже разсказы. Разскажите, какъ двѣ собаки гнались за зайцемъ (разс. 1). Собака бѣжитъ: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? какъ называются оба слова вмѣстѣ? Сказуемымъ обыкновенно бываетъ *глаголъ*. Глаголъ есть старинное реченіе и значитъ то же, что слово: стало быть глаголъ есть все то, что говоритъ, что *сказываетъ* о предметѣ: потому-то глаголъ и бываетъ *сказуемымъ*. Итакъ: бѣжитъ-

будетъ сказуемое и глаголъ. Когда я говорю: собака, заяцъ, — вы понимаете два предмета. Но когда говорю: собака бѣжитъ, вы понимаете только одинъ предметъ: собака; а бѣжитъ есть только ея движеніе. Какъ движутся птицы, рыбы? птицы летаютъ, рыбы плаваютъ: гдѣ здѣсь глаголы? и такъ глаголъ означаетъ движеніе предметовъ. Раскажите, какъ птичка потушила пожаръ (разск. 4). Что птичка сдѣлала? потушила пожаръ. Пожаръ, вы знаете, существительное: а потушила что такое? и глаголъ и сказуемое: потушила означаетъ дѣло, дѣйствіе птички: стало быть, кромѣ движенія предметовъ, глаголъ выражаетъ и дѣйствія ихъ. Домъ загорѣлся: здѣсь глаголъ не означаетъ ни дѣйствія, ни движенія, а выражаетъ то, что́ случилось съ домомъ. Человѣкъ говоритъ, птица поетъ: здѣсь глаголъ означаетъ способность, умѣнье. Камень лежитъ, дерево стоитъ: означаетъ, какъ предметъ находится, и т. д. Слѣдовательно глаголъ выражаетъ движеніе, дѣйствіе, умѣнье, способность и пр.

Разскажите, какъ жаръ заморозилъ всѣ рѣки (разск. 6). Можно ли сказать: ледъ грѣетъ, ледъ жжетъ? эти слова не соединяются потому, что грѣть и жечь способность огня, а не льда: стало быть здѣсь подлежащее и сказуемое не связываются (т. е. нѣтъ связи вещественной). Можно ли сказать: огонь горю, огонь горимъ? какъ же надобно? (связь формальная). Въ рѣчи мы принуждены отдѣлять предметъ отъ его дѣйствія или движенія; а

на самомъ дѣлѣ, въ природѣ, дѣйствіе нераздѣльно съ предметомъ, въ немъ и при немъ находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы названіе дѣйствія произносить въ одно время съ названіемъ предмета. Можно ли это? Скажите въ одно время: и дерево и растетъ. (Ученики смѣясь пробуютъ, и разумѣется не могутъ) 1). Написать это можно бы, да только та бѣда, что буквы одного слова смѣшаются съ буквами другаго:

Др Еа Рс Еше Вшъ О. 2)

Впрочемъ природа избавила насъ отъ такого затруднительнаго письма, давъ нашей рѣчи способъ для соединенія подлежащаго съ сказуемымъ гораздо простѣйшій: чувствуете, что дерево растетъ—нескладно, а дерево растетъ—складно: вся разность въ окончаніяхъ, слѣд. окончаніемъ глаголъ связывается съ подлежащимъ. Можно ли сказать: деревья растетъ, дерево растутъ? стало быть при единственномъ числѣ одно окончаніе глагола, при множественномъ — другое.

Найдите глаголы и сказуемыя въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ. Какое различіе въ глаголахъ: жилъ старикъ и они жили? *онъ* въ море закинулъ неводъ, *онъ* рыбачилъ: кого понимаете вы подъ словомъ *онъ*? стало быть *онъ* употреблено вмѣсто

---

1) Беру весьма остроумный пріемъ Ламбрускини.

2) Сначала написать *дерево*, а потомъ уже вписать *растетъ*. Ученики будутъ чрезвычайно внимательны, посмѣются и поймутъ совершенно.

старика; а *они* жили вм. старикъ и старуха. Онъ, они — называются *мѣстоименіями*, потому что стоятъ *вмѣсто имени*. Увидите тотчасъ, что есть и другія мѣстоименія и имѣютъ другое употребленіе.

Басня Крылова, Лисица и Сурокъ.

Куда шакъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.

Сурокъ говорилъ лисицѣ: куда *ты* бѣжишь? складно ли бы было, если бы онъ сказалъ ей: куда *я* бѣжишь? когда мы говоримъ кому нибудь, употребляемъ *ты*, *вы*: ты бѣжишь, вы бѣжите; а о себѣ говоримъ *я*, *мы*: *я* бѣгу, мы бѣжимъ. А когда говоримъ о комъ нибудь другомъ, употребляемъ *онъ*, *они*, напр. о старикѣ и старухѣ: онъ жилъ, они жили. Слова: я, мы, ты, вы, онъ, они, называются мѣстоименіями. — Лисица отвѣчаетъ сурку:

Охъ, мой голубчикъ, куманёкъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ куряшникѣ судьей...

Можно ли сказать: ты терплю? а какъ же надобно? стало быть лиса о себѣ говоритъ. Хорошо ли сказать: я знаешь? видите, что здѣсь лиса говоритъ сурку. Я, мы, означаютъ лице говорящее; ты, вы — лицо которому говорятъ, или лице слушающее; онъ, они — лице или вещь, о коихъ говорятъ: лице говорящее называется первымъ, слушающее вторымъ, а послѣднее третьимъ. Стало быть мѣстоименіями означаются лица, участвующія въ разговорѣ. Замѣтьте, что лисица сказала просто: терплю, а не *я* терплю; видите, что лице

выражается, кромѣ мѣстоименія, и окончаніемъ глагола: терп-лю, терпи-шь, терпи-тъ, терпи-мъ, терпи-те, терпя-тъ.

Не надобно выпускать изъ виду, что учитель предлагаетъ всѣ эти грамматическія правила въ постоянной связи съ чтеніемъ. Объяснивъ на чтеніи личныя мѣстоименія, тотчасъ заставляетъ дѣтей читать что нибудь, и обращаетъ ихъ вниманіе на объясненное; напр. продолженіе сказки о рыбакѣ и рыбкѣ:

Воротился старикъ ко старухѣ,

Подлежащее? сказуемое? куда воротился, къ кому?

Разсказалъ ей великое чудо.

Кто? подлежащее сказано уже прежде. Гдѣ глаголъ? что и кому разсказалъ?

Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;

Кто здѣсь говоритъ? гдѣ сказуемое? *Я*—подлежащее, стало мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ.

Понашему говорила рыбка,
Домой въ море синее проспилась,
Дорогою цѣною откупалась·
Откупалась чѣмъ только пожелаю.

Кто говорилъ? какъ говорила рыбка? говорила, проспилась, откупалась—глаголы и сказуемыя. Куда проспилась? чѣмъ откупалась? пожелаю—кто? я пожелаю или ты пожелаю, или же рыбка пожелаю? Здѣсь узнаёте первое лице по окончанію глагола: пожела-ю.

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.

Здѣсь подлежащее опять первое лице: я не посмѣлъ, я пустилъ.

Старика старуха забранила:
Дурачина, ты, простофиля!

Найти мѣстоименіе. Котораго лица? почему?

Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.

Здѣсь *ты* подлежащее; не умѣлъ, взялъ — его сказуемыя. Чье было корыто? что случилось съ корытомъ?

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.

Кто? куда пошелъ? и *онъ* бываетъ подлежащимъ. Замѣтьте, что старикъ говорилъ: я не посмѣлъ, я пустилъ; но можно сказать: и ты не посмѣлъ, ты пустилъ, и онъ не посмѣлъ, онъ пустилъ, мы не посмѣли, вы не посмѣли, они не посмѣли. Видите, что иногда глаголъ не имѣетъ своего личнаго окончанія, и различается по лицамъ только мѣстоименіями.

Когда вы говорите: *небо*, *земля*, вмѣстѣ съ этимъ сказываете уже и то, что онѣ есть, существуютъ. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли у васъ теперь деньги въ карманѣ, или нѣтъ, потому говорятъ: у меня теперь есть деньги, вчера были деньги, завтра будутъ деньги. Вчера ужъ прошло, завтра еще будетъ, а теперь — сегодня, нынче:

всѣ эти слова означаютъ время: вчера — прошедшее; теперь, сегодня, нынѣ — настоящее; завтра — будущее. Можно ли сказать: завтра были деньги? вчера будутъ деньги? видите, что прошедшее *вчера* складно съ *были*, а будущее *завтра* — съ *будутъ*: выходитъ, что глаголъ можетъ означать различныя времена: настоящее — есть, прошедшее — были, былъ; будущее — будутъ, я буду, ты будешь, мы будемъ, вы будете.

Ученики читаютъ басню Крылова, *Лжецъ*; учитель останавливаетъ ихъ вниманіе на временахъ глагола, напр.

Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Сколько глаголовъ въ первомъ стихѣ? слѣдовательно сколько сказуемыхъ? можно ли сказать: вчера говоритъ, завтра говоритъ? завтра видалъ? стало быть говоритъ — настоящее время, видалъ — прошедшее. Лжецъ говоритъ, что онъ видалъ ужъ давно, можетъ быть, *третьяго году*, *прошлаго году*: слѣд. и эти слова означаютъ прошедшее время. Во второмъ стихѣ можно ли сказать: увижу вчера, третьяго году? это будущ. время. Время означается глаголомъ гораздо опредѣленнѣе, нежели другими словами, напр. можно сказать теперь видѣлъ, теперь вижу, теперь увижу.

Подлежащее и сказуемое называются частями предложенія, а существительное, глаголъ, мѣстои-

меніе частями рѣчи. Есть еще другія части предложенія и рѣчи, какъ вы тотчасъ увидите.

Читайте далѣе о рыбакѣ и рыбкѣ, и увидите, что старикъ проситъ у ней *новое* корыто, потому что у нихъ было уже *старое* корыто. И книга можетъ быть новая, старая. Книга новая: сколько предметовъ? видите, что предметъ только одинъ — книга; а новая не предметъ, потому что нѣтъ такого предмета, который бы назывался новая, а бываетъ новое корыто, новая книга, новое платье. Какая еще можетъ быть книга? напр. эта книга, что лежитъ на столѣ, ужъ не новая, а старая, большая, запачканая. Видите, сколько словъ можно *приложить* къ одной книгѣ: всѣ они называются *прилагательными* именами, потому что *прилагаются* къ существительнымъ: они означаютъ не предметъ, а то, что́ *принадлежитъ* предмету; слѣд. прилагательныя означаютъ принадлежность предмета, его качество, т. е. *каковъ* предметъ или *какой* предметъ. Потому то, когда я спрошу васъ: *какое, каково* корыто, вы отвѣчаете прилагательнымъ: старое, или новое. Качествами отличается одинъ предметъ отъ другаго, напр. я отличаю ученика прилежнаго отъ лѣниваго, одного награждаю, другаго наказываю; отличаю человѣка добраго отъ злаго, одного люблю, другаго нѣтъ. Видите, какъ важны качества въ предметахъ. Старайтесь имѣть хорошія качества, т. е., чтобы о васъ говорили: ученикъ добрый, прилежный, внимательный, учтивый, вѣжливый, послушный: все это будутъ имена

прилагательныя. А какія противоположныя этимъ качества? Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ имена прилагательныя: синее море—что еще бываетъ синимъ? какіе бываютъ цвѣта́? ветхая землянка—а землянка не ветхая какъ называется? прилагательное новый противоположно ветхому или старому. Трава морская: трава бываетъ зеленая, желтая, густая, сухая, рѣчная, болотная. Золотая рыбка; противоположное здѣсь же сказано: простая рыбка. Дорогой откупъ — а напротивъ того: дешевый откупъ. Ласковое слово: это хорошее качество, а грубое слово—дурное качество слова.

Найдите прилагательныя, противоположныя слѣдующимъ: большой — высокій — длинный — широкій—сильный—толстый—богатый—тихій—холодный — сладкій — пріятный—острый—сухой—черный — храбрый — умный—честный—истинный—скупой. Я вамъ скажу нѣсколько существительныхъ, съ которыми не связываются, не согласуются прилагательныя: бѣлая сажа, черный снѣгъ, сухая вода, глубокое дерево, высокая яма, горькій сахаръ, горячій ледъ, радостная печаль: поправьте сами, какъ надобно сказать (связь вещественная).

Складно ли будетъ, если скажу: добрая старикъ, добрый старуха, добрый дѣло? Вся неловкость происходитъ отъ окончаній: добр-ый старикъ—складно, добр-ая старикъ—нескладно; и наоборотъ добрая старуха—связно, добр-ый старуха—нѣтъ. Прилагательное само по себѣ одно не ставится, а при-

лагается къ существительному, и по различнымъ существительнымъ принимаетъ различныя окончанія: старикъ—мужчина, старуха — женщина; найдите нѣсколько названій мужчины, нѣсколько названій женщины: съ названіями мужчины говорится—добр-ый: добрый старикъ, добрый ученикъ, отецъ, учитель; съ названіями женщины говорится—добр-ая: добрая старуха, добрая ученица, мать, сестра. Названія мужчины рода мужескаго, а женщины — женскаго. Нѣкоторые предметы, напр. дерево, зеркало, море — не мужескаго, не женскаго рода, а средняго: о старикѣ скажите высокій старикъ, о старухѣ—высокая старуха, а о деревѣ какъ? высок-ое дерево, о рыбкѣ — золотая рыбка, о воробьѣ — золотой воробей, а о зеркалѣ—золот-ое зеркало. Прилагательныя, прилагаясь къ существительнымъ, принимаютъ родъ существительныхъ потому что только предметъ можетъ быть мужчиною, или женщиною: слѣд. родовыя окончанія прилагательныхъ: мужеское — добр-ый, золот-ой, син-ій; женское—добр-ая, золот-ая, син-яя; среднее—добр-ое, золот-ое син-ее. Хотя мужчиною и женщиною можетъ быть только лице одушевленное, однако мы различаемъ роды и въ предметахъ неодушевленныхъ: морск-ой берегъ, морск-ая трава, высок-ій домъ, высок-ая изба. Теперь скажите, хорошо ли говорить: добрый старики, добрые старикъ? какъ же надобно? видите, что съ единств. числомъ существительнаго ставится прилагательное въ одномъ окончаніи: добры-й старикъ; а съ множествен-

нымъ въ другомъ: добры-е старики. И число въ прилагательныхъ именахъ зависитъ отъ числа существительныхъ. Прилагательное, ставясь при существительномъ, не должно ему противорѣчить окончаніемъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, т. е. должно съ нимъ быть согласно и въ родѣ и въ числѣ, должно съ нимъ *согласоваться*: потому что оно одно стоять не можетъ, и стоитъ при существительномъ, а чтобы стать при немъ, оно должно быть съ нимъ согласно, одинаково въ родѣ и числѣ. Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ прилагательныя съ существительными, и скажите, въ какомъ они родѣ и въ какомъ числѣ.

Прилагательныя присовокупляются къ существительнымъ для того, чтобы объяснить предметъ, сказать каковъ онъ, *опредѣлить* его, потому прилагательныя въ предложеніи бываютъ словами *опредѣлительными*: итакъ, синее есть слово опредѣлительное моря, вешхая — землянки и пр. Прилагательное есть часть рѣчи, опредѣлительное слово — часть предложенія.

Глаголы—былъ, были, буду, будутъ—могутъ стоять со всякимъ прилагательнымъ, напр. ученикъ былъ здоровъ, ученики будутъ прилежны, я буду внимателенъ. Сказуемымъ въ этихъ предложеніяхъ не одинъ глаголъ: былъ, будутъ, буду, а глаголъ вмѣстѣ съ прилагательнымъ: потому что этотъ глаголъ, присоединяясь ко всякому прилагательному, имѣетъ значеніе общее, не ясное, неопредѣленное, а сказуемое должно сказать о предметѣ что

нибудь опредѣленное, потому-что и соединяется здѣсь глаголъ былъ, буду, съ словомъ опредѣлительнымъ. Одно же прилагательное, безъ глагола, не можетъ быть сказуемымъ, потому что сказуемымъ всегда бываетъ глаголъ, стало быть прилагательныя: здоровъ, внимателенъ, соединенныя съ глаголомъ былъ, буду: былъ здоровъ, буду внимателенъ — перестаютъ быть прилагательными, и становятся глаголами. Я здоровъ, ты здоровъ, онъ здоровъ — также предложенія; это видно изъ того, что подлежащія личныя мѣстоименія — я, ты, онъ — могутъ стоять только съ глаголами, а глаголъ здѣсь пропущенъ: я есмь здоровъ, ты еси здоровъ, онъ есть здоровъ; есмь, еси, есть, есмы, есте, суть — настоящее время того же глагола, отъ котораго прошедшее — былъ, будущее — буду. Итакъ, здоровъ, какъ часть рѣчи, есть имя прилагательное, а, какъ часть предложенія, переходитъ въ глаголъ.

Учитель встрѣтилъ бы большое затрудненіе, если бы вздумалъ, прежде глагола, объяснить дѣтямъ прилагательное, какъ сказуемое: вопервыхъ потому, что дитя тотчасъ смѣшаетъ сказуемое съ опредѣленіемъ; вовторыхъ, учитель долженъ или коверкать рускій языкъ, прибавляя — есть: книга есть полезна, — или на первомъ шагу затруднитъ ученика, растолковывая опущеніе связи; впрочемъ, беретъ сказуемое составное, въ которомъ кромѣ связи долженъ будетъ объяснить согласованіе, слѣд. развлечетъ вниманіе ученика рѣшеніемъ двухъ вопросовъ вмѣсто одного.

Значеніе падежей объяснить на той же сказкѣ Пушкина. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, отпустилъ онъ рыбу золотую; если я скажу только: старикъ ловилъ.... старикъ отпустилъ..... вы незнаете кого, и тотчасъ спросите: кого, что ловилъ? кого, что отпустилъ? на вопросъ кого, что—говорится—рыб-у, рыбк-у, а на вопросъ кто, что — рыб-а, рыбк-а: какъ взмолится золотая рыбка. Такое измѣненіе въ окончаніи имени или мѣстоименія называется падежемъ: на вопросъ: кто, что—бываетъ падежъ: именительный; на вопросъ кого, что — винительный. Подлежащее бываетъ въ именительномъ падежѣ. Найдите въ этой сказкѣ именительные падежи. Винительный падежъ бываетъ при глаголѣ: старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу; глаголы, требующіе послѣ себя винительнаго падежа, называются дѣйствительными; слѣд. дѣйствительные глаголы въ этой сказкѣ: ловилъ, пряла, закинулъ и пр. Найти винительные падежи. Виниг. над. при глаголѣ дѣйствительномъ называется *дополненіемъ*. Окончанія на вопросы: кѣмъ, чѣмъ — называются творительнымъ падежемъ: старухой, неводомъ, голосомъ и пр.; кому, чему — дательнымъ: и сказалъ *ей* ласковое слово, т. е. рыбкѣ, твоего *мнѣ* откупа не надо, т. е. старику; воротился старикъ ко старухѣ; кого, чего — родительнымъ: у самаго синяго моря. Падежи дополняются особыми словами, стоящими *передъ* именами и мѣстоименіями, и потому называются они *предлогами*: твор. пад.

старухой — стоитъ съ предлогомъ *съ*: съ своею старухой; род. моря — съ предлогомъ *у*; винит. море съ предлогомъ *въ*, и пр. У насъ есть одинъ такой падежъ, который бываетъ только съ предлогомъ, и потому называется предложнымъ: о рыбакѣ и рыбкѣ, въ ветхой землянкѣ. Такъ какъ въ разговорѣ намъ часто случается назвать того, съ кѣмъ говоримъ, то мы употребляемъ особый падежъ для имени того, къ кому обращаемся, или кого *зовемъ*: потому этотъ падежъ называется звательнымъ: отпусти ты, старче, меня въ море. Слово въ этомъ падежѣ не составляетъ части предложенія, потому и ставится въ запятыхъ. Прилагательное согласуется съ существительнымъ нетолько въ родѣ и числѣ, но и въ падежѣ. Отыскать прилагательныя съ существительными въ род., дат. и др. падежахъ. И для множественнаго числа именъ и мѣстоименій бываютъ тѣже самые падежи и познаются по тѣмъ же вопросамъ: отыскать въ сказкѣ Пушкина.

Измѣненіе словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ, а измѣненіе по лицамъ и временамъ — спряженіемъ: имена и мѣстоименія склоняются, глаголы спрягаются.

Такъ какъ прилагательное бываетъ и словомъ опредѣлительнымъ и сказуемымъ, т. е. собственно прилагательнымъ и глаголомъ: потому и надобно отличать прилагательное склоняемое — внимательный ученикъ, отъ спрягаемаго — ученикъ былъ вни-

мателенъ: первое бываетъ словомъ опредѣлительнымъ, второе — сказуемымъ.

Кромѣ прилагательныхъ опредѣлительными бываютъ еще нѣкоторыя слова, напр. въ тойже сказкѣ: жилъ старикъ съ *своею* старухой „у *самаго* синяго моря; надобно ей новое корыто; „*наше*-то совсѣмъ раскололось. Слова: мой, твой, свой нашъ, вашъ — мѣстоименія, потому что мой — что *мнѣ* принадлежитъ, твой — что *тебѣ* принадлежитъ и т. д. Всего лучше можно опредѣлить предметъ, о которомъ хочу говорить, — указавъ на него пальцемъ. Если я скажу — маленькая книжка, вы еще не знаете, которая книжка; но если я укажу пальцемъ, вы тотчасъ видите, о которой книжкѣ сказалъ я вамъ. Именно есть въ языкѣ такія слова, которыя такъ опредѣляютъ то, о чемъ хотимъ сказать, будто бы мы указываемъ пальцемъ: эта книжка, этотъ ученикъ, это перо; та книжка, тотъ ученикъ, то перо; иногда вмѣсто этотъ, эта, это—употребляется сей, сія, сіе. Этого еще мало: къ такому опредѣленію можемъ присовокупять еще другое, отъ чего наше указаніе на предметъ бываетъ еще опредѣленнѣе: этотъ самый ученикъ, эта самая книга. Всѣ эти указывающія и опредѣляющія слова, какъ часть предложенія, называются опредѣлительными и слѣд. согласуются съ своимъ именемъ, а, какъ часть рѣчи, суть мѣстоименія.

Кромѣ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и дополненія, есть еще одна часть предложенія: по-

знается она по вопросамъ: какъ, гдѣ, куда, ошкуда, когда, какъ долго, сколько, чѣмъ и др.. и называется *обстоятельствами.* Найдемъ ихъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ: какъ жилъ старикъ, одинъ или съ кѣмъ нибудь: съ своей старухой — обстоят. Гдѣ онъ жилъ? у самаго синяго моря — обст. Они жили у моря въ чемъ, какъ, гдѣ? въ ветхой землянкѣ — обст. Какъ долго, сколько времени? ровно тридцать лѣтъ и три года — обст. Когда закидывалъ старикъ неводъ, сколько разъ? одинъ разъ, въ другой разъ, въ третій разъ— обст. Куда закидывалъ неводъ? въ море — обст. Ошкуда выходилъ неводъ, и ошкуда притащилъ онъ рыбку? изъ моря — обст. Какъ молила рыбка, какъ она молвила? голосомъ человѣчьимъ — обст. На вопросы гдѣ, куда, ошкуда бываютъ обстоятельства мѣста; на вопросы когда, какъ долго, сколько времени — обстоятельства времени; на вопросы какъ, съ кѣмъ, чѣмъ, какимъ образомъ — обстоятельства образа. Теперь видите, что обстоятельствами мы называемъ время, мѣсто, гдѣ и когда что дѣлается, образъ, т. е. какимъ образомъ что дѣлается. Теперь разберите, какими частями рѣчи выражаются исчисленныя нами въ сказкѣ обстоятельства. Видите, что всѣ они выражены именами существительными, прилагательными, мѣстоименіями, именами числительными. Но есть особенная часть рѣчи, которую мы употребляемъ только для обстоятельствъ: называется наръчіемъ. Наръчія времени, на вопросы: когда? вчера, нынѣ, сегодня, завтра;

съ котораго времени? смолоду, изстари, испоконъ вѣку; до котораго времени? до нынѣ, доснхъ поръ, дозавтра. Наръчія мѣста, на вопросы: гдѣ? здѣсь, тамъ; куда? туда, сюда, домой; откуда? оттуда, отсюда. Наръчія образа, на вопросы: какъ, какимъ образомъ? учусь хорошо, дурно, прилежно, внимательно, много, мало.

Теперь вы знаете всѣ части предложенія, знаете, что во всякомъ предложеніи долженъ быть глаголъ, т. е. сказуемое; сказуемое съ подлежащимъ суть главныя части предложенія, а опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство — второстепенныя. Отдѣлите же въ сказкѣ одно предложеніе отъ другаго:

1) жилъ старикъ съ своею старухой у самаго синяго моря;
2) они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года.
3) старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
4) старуха пряла свою пряжу.
5) разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
6) пришелъ неводъ съ одною тиной;
7) онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
8) пришелъ неводъ съ травой морской;
9) въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
10) пришелъ неводъ съ золотой рыбкою, съ непростой рыбкой, золотою.
11) какъ взмолится золотая рыбка,
12) голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
13) отпусти ты, старче, меня въ море,
14) дорогой за себя дамъ откупъ:
15) откуплюсь, 16) чѣмъ только пожелаешь.

17) удивился старикъ, 18) испугался:
19) онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
20) и не слыхивалъ, 21) чтобъ рыба говорила.
22) отпустилъ онъ рыбку золотую
23) и сказалъ ей ласковое слово:
24) Богъ съ тобою, золотая рыбка!
25) твоего мнѣ откупа не надо;
26) ступай себѣ въ синее море,
27) гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Теперь взгляните на конецъ каждаго предложенія, и увидите, что стоитъ какой нибудь знакъ: или запятая, или точка съ запятой, или двоеточіе, или точка. Стало быть одно предложеніе отдѣляется отъ другаго знакомъ *препинанія*, т. е. остановки, потому что, читая, мы нѣсколько останавливаемъ голосъ при окончаніи предложенія.

Учитель совершитъ уже бо́льшую половину труда, если покамѣстъ выучитъ дѣтей отдѣлять одно предложеніе отъ другаго только запятою. Впослѣдствіи, спустя полгода или и больше, легко можно будетъ растолковать и другіе знаки. А главное, только что дѣти начнутъ писать, чтобы тотчасъ отдѣляли предложенія знакомъ: это вѣрное ручательство, что они понимаютъ предложеніе и связь его съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Упражненіе въ знакахъ препинанія должно идти постепенно. Умѣя отдѣлять предложенія запятыми, дѣти учатся отдѣлять запятыми же части предложенія: нѣсколько подлежащихъ, нѣсколько сказуемыхъ, нѣсколько дополненій или одинаковыхъ падежей, нѣсколько о редѣлительныхъ, или прилага-

нельныхъ, отдѣляются запятыми; напр. въ 9 разсказѣ отдѣляются запятыми подлежащія: алмазы, золото, серебро, коровы, лошади. Впрочемъ, если опредѣленія не равносильны, а одно опредѣляетъ другое, то между ними запятой не ставится, напр. новое деревянное корыто, у самаго синяго моря. Такое соединеніе опредѣленій называется *включеніемъ*. Употребленіе двоеточія передъ вводною рѣчью весьма легко; потому объяснишь его прежде точки съ запятой, напр:

Голосомъ молвишь человѣчьимъ:

Здѣсь двоеточіе потому, что далѣе идутъ собственныя слова рыбки. Дальнѣйшее объясненіе знаковъ идетъ въ связи съ объясненіемъ предложеній сложныхъ.

Какъ знаки препинанія отдѣляютъ слова и предложенія, такъ есть особая часть рѣчи, соединяющая, связывающая слова и предложенія. Въ 1 разсказѣ предложенія: двѣ собаки гнались за зайцемъ, заяцъ обернулся назадъ — связываются словомъ *а*; искусалъ собакъ, прогналъ ихъ — связываются словами *да и*. Слова *а, да, и* называются *союзами*, потому что связываютъ слова и предложенія. Если *и* соединяетъ одну часть предложенія съ другой, т. е. подлежащее съ подлежащимъ, опредѣленіе съ опредѣленіемъ и пр., то передъ нимъ не ставится запятой; напр. въ 9 разсказѣ: золото, серебро, коровы, лошади *и* овцы. Если же *и* соединяетъ два предложенія, то передъ нимъ ставится запятая

(а иногда и точка съ запятой), напр. въ 7 разсказѣ: барашку очень захотѣлось ѣсть, *и* потому онъ убилъ волка.

Въ заключеніи о частяхъ рѣчи объяснить междометіе, въ связи съ знаками препинанія: т. е. они отдѣляются или запятыми или знакомъ восклицанія, и, точно такъ какъ звательный падежъ, не составляютъ части предложенія.

Общее значеніе частей предложенія и рѣчи составляетъ первую ступень грамматической пропедевтики. Теперь наступаетъ время къ объясненію утвердительнаго и отрицательнаго, общаго, частнаго и особеннаго, причины, цѣли, средства и т. п.

Вы уже знаете какія свойства противополагаются вотъ этимъ: новый — большой — высокій — толстый — богатый — холодный и пр. Назовите ихъ. Итакъ большому противоположно маленькій, высокому — низкій, богатому — бѣдный, холодному — жаркій. Но все ли равно что невысокій и низкій, небогатый и бѣдный, нехолодный и жаркій? вѣдь вы чувствуете, что здѣсь нехолодно, однако и не жарко; многіе изъ васъ не богаты, однако и не бѣдны. Стало быть небогатъ, нежарокъ не будутъ противоположны богатому, жаркому: эти слова означаютъ только, что, напр. такого-то человѣка не льзя назвать богатымъ, нынѣшній день не льзя назвать жаркимъ: такія слова называются *отрицательными* 1). Сила отрица-

1) Смотр. во 2-й части стр. 76.

нія находится въ частицѣ *не*, которая называется нарѣчіемъ отрицательнымъ. Если эта частица стоитъ передъ сказуемымъ, то предложеніе называется *отрицательнымъ*, напр. въ сказкѣ Пушкина: и *не* слыхивалъ, чтобы рыба говорила. Сія частица отъ глагола отдѣляется, т. е. пишется не слитно съ нимъ. Это небольшое слово такъ важно, что, прибавивъ или убавивъ его, весьма часто, вмѣсто правды, скажешь ложь. Напр. Богъ всемогущъ—великая правда; а если бы мы сказали Богъ *не* всемогущъ, то это было бы не только ложь, но и великій грѣхъ: видите, что ложь и неправда всегда ведутъ къ грѣху. Говорите же всегда правду. Вы что нибудь сшалили, васъ спрашиваютъ: за чѣмъ вы нашалили? Если вы скажете: виноватъ—сдѣлаете доброе дѣло, потому что раскаетесь въ своемъ проступкѣ; если же скажете: *не* виноватъ,—то къ своей винѣ прибавите еще другую, бо́льшую. Теперь видите, какъ важно въ разговорѣ это отрицательное нарѣчіе *не!*

Припомните, что во 2 разсказѣ говорится только объ *одномъ* ручейкѣ, который текъ вверхъ, въ 3 разсказѣ только объ *одной* курицѣ, которая изъ яйца выводила двѣнадцать цыплятъ. Но вѣдь вы знаете, что *всѣ* ручьи текутъ внизъ; знаете также, что *всякая* курица можетъ вывесть изъ одного яйца только одного цыпленка. Если говорится что нибудь обо всѣхъ или обо всемъ, то предложеніе бываетъ *общимъ*: всѣ птицы летаютъ. Если же только о чемъ нибудь одномъ, то предложеніе

бываетъ *особеннымъ*: городъ Москва стоитъ на Москвѣ рѣкѣ. Если же говорится и не о всѣхъ, и не объ одномъ чемъ либо, а о нѣсколькихъ, о многихъ или немногихъ предметахъ, то предложеніе бываетъ *частнымъ*: напр. нѣкоторыя птицы пріятно поютъ. Но нельзя сказать, что всѣ птицы пріятно поютъ: потому что вороны, воробьи, кричатъ вовсе непріятно. Стало быть одно и тоже предложеніе, будучи общимъ, правильно; а измѣняясь въ частное, становится ложнымъ. И на оборотъ, истинное частное, становясь общимъ, переходитъ въ ложь. Напр. всѣ твари созданы Богомъ—истина; нѣкоторыя твари созданы Богомъ—*ложь*, и думать такъ грѣшно. Нѣкоторые люди воры—истина; всѣ люди воры—гадкая ложь, и думать такъ грѣшно и постыдно, потому что оскорбляешь ближняго. Видите, любезные дѣти, какъ часто сужденія наши бываютъ ложны; а потому, что мы приписываемъ что нибудь всѣмъ, что прилично только одному, или нѣкоторымъ. Особенно дѣти впадаютъ въ погрѣшность ложныхъ сужденій отпого, что говорятъ много, а мало знаютъ. Итакъ говорите только то, что знаете дѣйствительно, что сами видѣли и слышали, и не говорите о предметѣ вообще прежде, нежели не узнаете всѣхъ частей его. Слова, означающія общее, частное и особенное, т. е. *весь, вся, все, всѣ, всякій, каждый, нѣкоторый, нѣсколько, одинъ*, относятся къ мѣстоименіямъ.

Для чего старикъ закидывалъ неводъ въ море? чтобы наловить рыбы. То, для чего что нибудь

дѣлается, называется цѣлью 1). Для чего заговорила рыбка съ старикомъ? она хотѣла на свободу, это была ея цѣль. Неводъ же есть орудіе, инструментъ, которымъ ловятъ рыбу· орудіе, которымъ что нибудь добывается, называютъ средствомъ. Ружье есть орудіе, инструментъ: изъ него стрѣляютъ въ цѣль, такъ чтобы только до цѣли летѣла пуля и въ ней оставалась. Такъ точно и цѣль всякаго дѣла человѣческаго есть тотъ конецъ, для котораго оно дѣлается. А средство, какъ ружье, есть орудіе, которымъ достигается цѣль. Блаженство на томъ свѣтѣ есть цѣль нашей жизни; а достигается она добрыми дѣлами и молитвою; стало быть добрыя дѣла и молитва—средства, коими пріобрѣтаетъ человѣкъ блаженство. Средства бываютъ и добрыя и злыя для одной и той же цѣли. Напр. одни добываютъ деньги трудомъ, другіе воровствомъ: трудъ доброе средство, воровство — злое. Цѣль выражается въ языкѣ словами *за, для, для того чтобы*, а средство творит. падежемъ.

Почему испугался старикъ, когда заговорила рыбка? Потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыбы говорили. Это была причина его испуга. Какая бываетъ причина наказанію ученика?—

---

1) Примѣняю методу Вильмсена къ чтенію писателя, смотр. Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen.

Безъ причины ничего не дѣлается на свѣтѣ. Она выражается въ языкѣ словами *ибо, потому что.*

Когда мы разговариваемъ, то или спрашиваемъ, или же отвѣчаемъ: такъ въ баснѣ Крылова, Лисица и Сурокъ, сурокъ спрашиваетъ лису: *куда* такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? а лиса отвѣчаетъ. Когда вы хотите узнать сколько часовъ, спрашиваете: *который* часъ? вы спрашиваете своего товарища: *откуда* идешь? *гдѣ* былъ? *когда* придешь ко мнѣ? *что* дѣлалъ ты дома? *кто* тамъ пришелъ? *какъ* тебя зовутъ? — слова, которыми спрашиваемъ, называются вопросительными: который, кто, что — вопросительныя мѣстоименія; откуда, куда, гдѣ, когда, какъ — вопросительныя нарѣчія. Кромѣ того мы спрашиваемъ еще вотъ какъ: знаешь *ли* ты урокъ? отпустилъ *ли* старикъ рыбу? *ли* — союзъ вопросительный. Послѣ вопросительнаго предложенія ставится знакъ вопроса. А передъ вопросительнымъ предложеніемъ, если только не имъ начинается рѣчь, ставится запятая: въ этомъ случаѣ оно часто перестаетъ быть вопросительнымъ, напр. я знаю, куда ты идешь, гдѣ былъ; вижу, кто пришелъ; учитель любитъ ученика, который учится прилежно. Здѣсь слова: *куда, гдѣ, кто, который*—связываютъ два предложенія: и то предложеніе, въ которомъ они находятся, называется *придаточнымъ;* а къ которому прибавляется придаточное, называется *главнымъ.* Когда вопросительныя слова стоятъ въ придаточномъ предложеніи, тогда называются *относитель-*

ными, потому что относятся къ главному предложенію 1).

Вмѣсто — который учится прилежно — можно сказать: *учащійся* прилежно; который учился прилежно — *учившійся* прилежно; учащійся, учившійся — называются причастіями: они происходятъ отъ глагола, замѣняютъ глаголъ съ относительнымъ мѣстоименіемъ, и суть не что иное, какъ прилагательныя отглагольныя; отъ прилагательныхъ простыхъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ времена: учащійся—настоящее, потому что вмѣсто: который учится; учившійся — прошедшее, потому что вмѣсто: который учился. Ясно, что предложеніе съ причастіемъ будетъ также придаточнымъ предложеніемъ. Кромѣ прилагательныхъ, отъ глаголовъ происходятъ и нарѣчія: учась, выучившись; отъ посмотрѣть — посмотря, отъ думать — думая. Предложеніе съ дѣепричастіемъ также бываетъ придаточнымъ. Предложеніе придаточное ставится въ запятыхъ.

Теперь разберемъ басню Крылова, Мальчикъ и Змѣя, и разставимъ знаки.

Мальчишка схватилъ змѣю — главное предлож.; думая поймать угря — придаточ. предлож.; главное соединяется съ слѣдующимъ главнымъ союзомъ *и*, стало быть передъ *и* запятая. Далѣе главное: и сталъ блѣденъ; придаточныя: вòзрившись отъ

1) Смотр. во 2-й части стр. 94.

страха, — какъ его рубаха. Стало быть знаки должны стоять такъ:

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю, и, возрившись отъ страха,
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.

Далѣе: змѣя говоритъ — главн. предлож.; на мальчика спокойно посмотря — придаточное. Послушай — одно предложеніе; коль ты умнѣй не будешь — другое предлож.; то дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ — третье. Стало быть знаки:

Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай," говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.

Послѣ *говоритъ* стоитъ двоеточіе, потому что слѣдуютъ слова, которыя говоритъ змѣя. На сей разъ Богъ проститъ — главное предлож.; но берегись впередъ—другое главное предлож.; и знай—третье главное предлож.; съ кѣмъ шутишь—придаточное предлож. Замѣтьте, что передъ союзомъ *но* по большой части ставится точка съ запятой, въ противоположность союзу *а*, передъ коимъ по большой части ставится запятая. И такъ знаки:

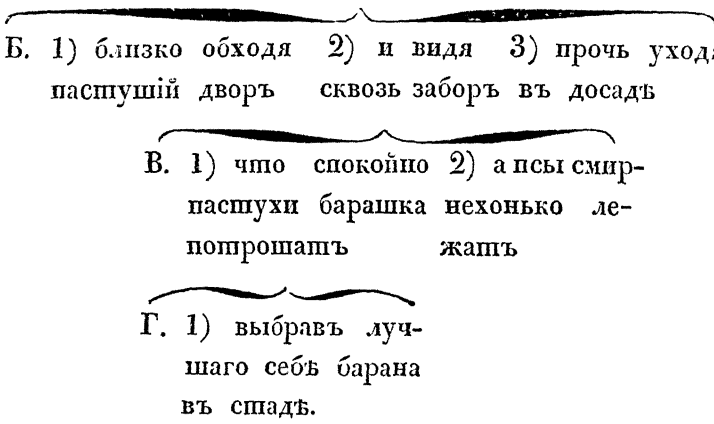
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!

Для яснаго понятія о придаточномъ предложеніи, слѣдуетъ объяснить придаточныя подлежащія, опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя предложенія. Т. е. придаточное предложеніе составляетъ главному: а) или подлежащее:

кто любитъ Бога и ближняго, награждается свыше—любящій Бога и ближняго награждается свыше; б) или опредѣленіе: ученикъ, который *прилежно учится*, достоинъ награды—прилежный ученикъ достоинъ награды; в) или дополненіе: учитель награждаетъ того, *кто прилежно учится*—учитель награждаетъ прилежно учащагося; г) или обстоятельство, и притомъ аа) времени: *когда сотворены были звѣзды*, восхвалили Господа всѣ Ангелы великимъ гласомъ; бб) мѣста: Рай находился тамъ, *гдѣ Тигръ и Ефратъ соединяются при Персидскомъ заливѣ*; вв) образа: на горѣ Ѳаворѣ одежда Спасителя стала бѣла, *какъ снѣгъ*, а ликъ сіялъ, *какъ солнце*; гг) причины: старикъ испугался, *потому что никогда не слыхивалъ говорящихъ рыбъ*; дд) цѣли: старикъ закинулъ въ море неводъ для того, *чтобы наловить рыбы*, и проч. Надобно предупредить, чтобы ученики не впали въ ошибку, опредѣляя придаточныя по внѣшнимъ признакамъ: такъ напр. не всякое предложеніе съ относительными *когда*, *гдѣ*, бываетъ обстоятельственнымъ, напр. никто не знаетъ, *когда придетъ страшный судъ*; человѣкъ не знаетъ, *гдѣ будетъ по смерти*: эти предложенія придаточныя дополнительныя, ибо глаголъ *знать* требуетъ дополненія; и стоятъ они вмѣсто дополненія *того*, т. е. никто не знаетъ *того*..., т. е. времени, *когда*...., мѣста, гдѣ....

Если союзы связываютъ два равныхъ предложенія, т. е. главное съ главнымъ или придаточное съ придаточнымъ, то называются *сочиняющими*;

если же соединяютъ главное съ придаточнымъ, или придаточное съ подчиненнымъ ему придаточнымъ, то называются *подчиняющими*. Въ первомъ случаѣ соединеніе предложеній называется *сочиненіемъ*, во второмъ *подчиненіемъ*. Для объясненія сочиненія и различныхъ степеней подчиненія полезенъ слѣдующаго роду разборъ, напр. басни Крылова, Волкъ и Пастухи:



А. главное предложеніе; при немъ Б. при придаточныхъ; при Б 2-мъ два придаточныхъ В.; при В 1-мъ одно придаточное Г. Б — придаточныя на первомъ планѣ, В — придаточныя на второмъ, Г — придаточное на третьемъ. *И* союзъ сочиняющій, ибо соединяетъ придаточное Б 1-е съ придаточн. Б 2-мъ. *Что* союзъ подчиняющій, ибо соединяетъ придаточное подчиненное В 1-е съ придаточнымъ подчиняющимъ Б 2-мъ. *А* союзъ сочиняющій, ибо

связываетъ два придаточныхъ одностепенныхъ, В 1-е съ В 2-мъ. — Послѣ такого разбора дѣти непремѣнно правильно отдѣляютъ предложенія знаками:

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ, и пр.

Первоначальная Грамматика, кромѣ уразумѣнія прочтеннаго, учитъ и правильному письму. Какъ на чтеніи дитя учится преимущественно синтаксису, такъ на письмѣ — этимологіи. Особенности склоненій, спряженій, образованія словъ объясняются на письмѣ. Такъ, напр. окончанія родит. муж. и сред. ед. прилаг. на — *аго*, — *его*, въ противоположность мѣстоименіямъ: тотъ, этотъ, одинъ, какой, такой, кончащимся на — *ого*. Твориг. муж. и средн. ед. прилаг. на — *ымъ*, — *имъ*, въ противоположность предложному на — *омъ*, — *емъ*. Падежи именъ существит. на *ъ*: здѣсь предупредишь ошибку, чтобы не ставить *ъ* въ винит., а именно отличишь, напр.: иду въ *поле*, и хожу въ *полѣ*. Указать на твориг. ед. мѣстоим. съ *ъ*: кѣмъ, чѣмъ, всѣмъ, тѣмъ. Во множ. во всѣхъ падежахъ *ъ* мѣстоим. тѣ, всѣ. Прилагат. множ. имен. муж. на — *е*, женск. и средн. на — *я*. *Ѣ* въ глаголахъ, кончащихся въ прошедшемъ на — *лъ*, въ настоящемъ на — *лю*; въ нарѣчіяхъ: гдѣ, здѣсь, кромѣ и проч., предупредивъ,

что *прежде* кончится на *е*; *ъ* въ сравнительной степени, и т. д. Когда попадется въ диктантѣ глаголъ, учитель объяснитъ, какого онъ спряженія, для того, чтобы правильно написать окончаніе: — *ешь*, или — *ишь*, *утъ*, — *ютъ*, или — *атъ*, — *ятъ*. Когда попадется предлогъ передъ глаголомъ, объяснитъ, почему пишется слитно: отдѣльно же онъ ставится когда управляетъ падежемъ, и т. п. Однимъ словомъ, случаевъ, неизвѣстныхъ дитяти въ отечественномъ правописаніи, весьма немного: надобно только укрѣпиться въ правилахъ на практикѣ; слѣд. никогда не должно заучивать ихъ въ учебникѣ, а постоянно примѣнять къ дѣлу на письмѣ.

Предложенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ дитя, хотя безъ *видимой* системы, однако *систематически* и *методически* приготовляется къ изученію Граммашики, какъ науки. Когда, такимъ образомъ въ продолженіи года, или даже и двухъ, ученики узнаютъ языкъ на практикѣ, на чтеніи и письмѣ: тогда, какъ повтореніе, можно предложить имъ систематическій сводъ отрывочнымъ и разрозненнымъ ихъ знаніямъ. Взыскательный учитель да не почтетъ недостатькомъ, что я опустилъ многія весьма важныя грамматическія положенія: моя цѣль показать методу, а не представить *полный* учебникъ; и она будетъ совершенно достигнута, если читатели увидятъ, что я умѣлъ соединить первоначальное грамматическое ученіе съ чтеніемъ и развитіемъ нравственныхъ способностей дѣтей.

2. Чтеніе Карамзина. 1)

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

(т о м ъ I.)

Въ первомъ томѣ своей Исторіи Карамзинъ еще весьма недостаточно пользуется языкомъ лѣтописца. Возьмемъ лучшія мѣста Нестора—похвалу Ольгѣ, крещеніе Руси, и посмотримъ, какъ передалъ ихъ Карамзинъ.

»Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга—по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія*—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.« (томъ 1, глава VII.)

Денницу спасенія еще можно понять, но *луна спасенія*—пустая, непонятная фраза. Въ Несторѣ такъ: »Си бысть предъшекущия Крестьяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемь и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ святымъ.« Въ подлинникѣ ясные, полные образы и уподобленія, притомъ съ строгимъ синонимическимъ различіемъ денницы и зари: первая

1) Въ разборахъ цыфры указываютъ на страницы 2-й части О преподаваніи отечественнаго языка, гдѣ находятся объясненія разбираемаго.

предшествуетъ солнцу, вторая спутница всякаго свѣта (отшуда зарево). Ольга у Нестора не луна спасенія, а сіяетъ, какъ луна въ нощи, и соотвѣтствуетъ Владиміру, который называется солнцемъ (припомнишь въ древнихъ поэмахъ: Владиміръ красное солнышко): солнце, 216. Такимъ образомъ разобранное выраженіе Карамзина можетъ служить примѣромъ излишней краткости въ ущербъ ясности, смысла и изящества. Любопытно также замѣтишь, что Карамзинъ не обратилъ здѣсь вниманія едвали не на самое лучшее мѣсто во всей Несторовой лѣтописи: »мы же рцѣмъ къ нея (т. е. къ Ольгѣ): радуйся, Руское познанье къ Богу; начашокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хваляшъ Русшие сынове, аки началницю; ибо по смерши моляше Бога за Русь.« 245.

»Тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву:« Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!“ ... *Въ сей великій день*, говоришъ Лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*« (томъ I, глава IX.)

Подлинникъ: »Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече (проще, чѣмъ у Карамзина): Боже, створивыи небо и землю! призри (церковная, молитвенная фор-

ма, и сильнѣе и шире выражаетъ мысль, нежели *благослови*) на новыя люди сия (т. е. на людей обновленныхъ, перерожденныхъ, а не на новыхъ дѣтей, какъ у Карамзина), и дажь имъ, Господи, оувѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже оувѣдѣша страны Хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну (прекрасное слово, къ сожалѣнію, пропущенное у Карамзина), и мнѣ помози (проще и сильнѣй, чѣмъ *будь помощію*), Господи, на супротивнаго врага (и проще, и осязательнѣе, и соотвѣтственнѣе тому вѣку, нежели: *въ искушеніяхъ зла*), да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его.« Что же касается до выраженія: *земля и небо ликовали*, будто бы сказаннаго лѣтописцемъ, то оно у Нестора иначе—и проще, и полнѣе, и понятнѣе: »и бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, *только душь спасаемыхъ*.« Опустивъ сіи послѣднія слова, Карамзинъ лишилъ эту мысль высокаго нравственнаго значенія.

Удачнѣе переложилъ Карамзинъ рѣчь Святослава:

»Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!«

Сличивъ съ подлинникомъ, увидимъ ясно, какъ Карамзинъ Несторову связанную союзами рѣчь измѣнилъ въ отрывистую. Курсивомъ означены союзы и лишнія выраженія, пропущенныя Карамзинымъ.

»Оуже намъ нѣкамо ся дѣпи! волею и неволею спати противу, *да* не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи *бо* срама не имамъ, *аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати* (опущено у Карамзина, какъ ослабляющее краткую рѣчь повтореніе и объясненіе): *но* спанемъ крѣпко, *азъ же* предъ вами понду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою.«

Въ подлинникѣ лучше, нежели у Карамзина: некуда дѣться; спать противу — неокончательное наклоненіе вмѣсто глагола съ вспомогательнымъ *должны*, 157; земля Руская вм. отечества сообразнѣе съ тѣмъ вѣкомъ. За то у Карамзина сильнѣе: мертвымъ не стыдно вм. срама не имамъ; при глаголѣ *иду* опущено мѣстоименіе 1-го лица. кость 240. честь 248.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(ТОМЪ III, ГЛАВА VII.)

1 Игорь, князь Сѣверскій, желая воинской сла-
вы, убѣждаетъ дружину ити на Половцевъ и
2 говоритъ: »хочу преломить копіе свое на ихъ

2. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону.“ Копье 238. голова 240. шлемъ 239.

дальнѣйшихъ степяхъ, положишь тамъ свою
3 голову или *шлемомъ испить Дону*!« Многочислен-
4 ная рать собирается: кони ржутъ за Сулою,
гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ
Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ:
Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.»
5 Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ
6 витязей: »они подъ звукомъ трубъ повиты,
концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы,

4. „Комони ржуть за Сулою; звенить (новѣе, и болѣе поэзіи, чѣмъ гремитъ: звонъ славы напоминаетъ звонъ колокольный) слава въ Кыевѣ: трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.“—У Карамзина тотъ же порядокъ и построеніе словъ, что и въ подлинникѣ: доказательство, какъ близокъ къ нашей рѣчи текстъ Слова о П. П. Замѣтишь мѣрныя дактилическія окончанія предложеній и у Карамзина и въ подлинникѣ: Су́лою, Кіе́вѣ, Новѣго́родѣ (Новѣ́градѣ). Комонь 22. трубы трубять 192, 212. милый 214.

6. „Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, (пропущено у Карамзина это прекрасное выраженіе) конець копія въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачуть, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ“ У Карамзина почти слово въ слово: такъ родственъ намъ языкъ Слова о П. П. Тѣже дактилическія окончанія предложеній: по́виты, вско́рмлены, свѣ́домы, зна́емы, натя́нуты, отво́рены, нато́чены, сѣ́рые, сами́мъ себѣ́. Замѣчательно, что для двухъ послѣднихъ дактилей Карамзинъ намѣренно из-

овраги знаемы; луки у нихъ напянуты, колчаны отворены, сабли напочены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, а князю славы. Игорь, *вступивъ въ златое*
7 *стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустынныхъ, хищныя птицы станицами паряшъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на ба-
8 гряные щиты Россіянъ. Битва начинается; пол-

мѣнилъ порядокъ словъ подлинника. Быть воинскій 237. яругы 358. сѣрый волкъ 268.

7. „Тогда въступи Игорь князь въ злать стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше (Карамз. не выразилъ этаго поэтическаго олицетворенія солнца); нощь стонущи ему грозою птичь убуди (и этотъ поэтическій образъ у Кар. сглаженъ); свистъ звѣринъ въ стазби (свистъ звѣря придаетъ болѣе мрачный оттѣнокъ, чѣмъ ревъ) ...Уже бо бѣды его (Игоря) пасетъ птиць (понятнѣе и короче: сила мысли завистъ отъ глагола пасти); подобію влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (картина опредѣленна и ярка; у Кар. вообще сказано: предвѣщаютъ ему гибель), лисицы брешутъ на чръленыя щиты.“ Изъ разбора этого мѣста очевидно выступаетъ поэтическое превосходство подлинника надъ прозаическимъ переложеніемъ Карамзина. Чудесное предзнаменованіе 256. орлы 263, 265. золотой 215. стремень 134.

8. „Съ зарания въ пятокъ потопташа (сильнѣе выражаетъ гибель враговъ, а сломлены—можетъ означать только: сдвинуты съ мѣста) поганыя плъкы Половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю (быстрота дѣй-

ки варваровъ сломлены, ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и шкани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на боло-
9 тахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непрія-
10 тельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новыя полки варва-
11 ровъ: »вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ

ствія, не замѣченная Карамзинымъ), помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злата, и паволокы, и драгыя оксамиты.“ Въ подлинникѣ изображается самое дѣйствіе — помчаша, у Карамзина уже результатъ онаго — взяты въ плѣнъ, и потому не живописно; въ подлинникѣ вмѣстѣ съ дѣвицами влекутся и злато и проч, Карамзинъ быстроту дѣйствія вовсе останавливаетъ, хладнокровно раздѣляя, что было взято въ плѣнъ и что въ добычу.—„Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорьчьи Половѣцкыми.“ Исчисленіе видовъ (орьтмы, япончицы, кожухи) гораздо картиннѣе общей суммы ихъ или рода (одежды и наряды, какъ у Кар). Мосты мостятъ — дѣйствіе, теперь совершающееся, живописнѣе результата онаго: лежатъ вмѣсто мостовъ. Красный 214. мосты мостить 192, 212.

9. „Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.“ Опущеніе глагола съ дательнымъ падежемъ сильнѣе и быстрѣе выражаетъ дѣйствіе.

10. „Чрьныя тучя съ моря идутъ“ Объясненіемъ *или*... Карамзинъ разрушилъ поэтическій образъ.

11. „Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы.“ Се—для живѣйшаго представленія въ настоящемъ. *Съ* моря—и шире

12 моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.« Всеволодъ впереди съ своею дружиною: »сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ ме-
13 чами булатными. Гдѣ сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія.«
14 Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная,

и далѣе, и пластичнѣе схватываетъ дѣйствіе, нежели *отъ* моря. Стрибогъ 62. вѣтеръ 119.

12. „Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши (сыплетъ — менѣе силы и быстроты) на вои стрѣлами (противн. вм. винительнаго: сыпать стрѣлы и сыпать стрѣлами), гремлеши о шеломы мечи харалужными.“ У Карамзина двусмыслiе: о шлемы *ихъ* мечами: къ чему относится *ихъ*, къ шлемы, или мечами? Туръ 216.

13. „Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкая“ Тоже правильное построеніе періода, что и у Карамзина: слѣд. въ древнихъ памятникахъ нашей литературы можно учиться и періоду. „Посвѣчивая“ шишаку приличнѣе, нежели „сверкнетъ:“ и приставка *по* означаетъ уже умѣренное качество: „сверкнетъ“ слишкомъ много. Замѣтишь, что и 12 и 13 періоды оканчиваются у Кар. и въ подлинникѣ дактилемъ: булáтными (харалýжными), половéцкія. У Кар. разсказъ, въ подлинникѣ же поэтическое обращеніе къ Всеволоду.

14. „Чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Руской земли.“ Изъ близкаго, послѣдовательнаго сравненія съ нивою Кар. сдѣлалъ фразу: ибо „*по*сѣяна“ и „*по*лита,“ употребляющіяся для растеній, измѣнилъ въ болѣе общія понятія „*у*сѣяна“ и „*об*лита:“ слѣд. замѣтишь силу предлоговъ. Притомъ, сначала земля вспахана (подъ копытами), потомъ посѣяна, далѣе полита и наконецъ

страшная: »земля облита кровію, усѣяна ко-
15 стями. Въ третій день пали наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за
16 отечество.« Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ »поютъ веселыя пѣсни на берегу
17 синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.« Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: »ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ
18 вычерпать шлемами« — Рюрику и Давиду: »ваши

уже взошла; Кар. обрубилъ начало и конецъ полнаго сравненія и переставилъ порядокъ глаголовъ неестественно. Сравненіе съ пѣснями 210.

15. „Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.“ — Словами „гостей“ и „отечество“ Кар. подновилъ подлинникъ Сравненіе съ пѣснями 211. родственное выраженіе 251.

16 „Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ.“ Строеніе предложеній тоже самое, что и у Кар. Дакшилич. окончаніе: зо́лдъ̀мъ. Красный 214.

17. „Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.“ Хотя у Кар. измѣненъ порядокъ словъ, но соотношеніе между словами симметрическое тоже, что и въ Словѣ: у Кар. оба глагола въ срединѣ, въ Словѣ оба на концѣ; и у Кар. и въ Словѣ дакшилич. окончаніе: шле́ма̀ми, вы́льяти. Шлемъ 259.

18. „Ты, буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачены шеломы по крови плаваша (обагряются—мало)? не ваю ли храбраа дружина рыкаютъ (опредѣленное дѣй-

шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями каленными.« —
19 Роману и Мстиславу Волынскимъ: »Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные« —
20 Сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: »о вы, славнаго гнѣзда шестокрыльцы; заградите поле врагу

ствіе, ярятся—болѣе общее, слѣд. менѣе изобразительное) акы шуры, ранены (у Кар. точнѣе, ранить можно и пулею и камнемъ) саблями каленными, на полѣ незнаемѣ?« Замѣчательно, что и подлинникъ и переложеніе раздѣляются на двѣ части, оканчивающіяся дактилемъ: плáваша, не знáемѣ; крóвію, калéными. Такимъ образомъ самые памятники литературы нашей частію воспитали въ Карамзинѣ мѣрную прозу. Въ послѣдствіи Карамзинъ исправился отъ недостатковъ ея. шуръ 216. дружина рыкаютъ 143. каленый 215.

19. „Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.“ Дактилическое окончаніе и въ подлинникѣ и переложеніи.

20. „Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрилци!....Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!“ На концѣ Кар. измѣнилъ порядокъ словъ, поставивъ прилагательное на концѣ, для того, чтобы придать дактилическое окончаніе предложенію: острыми. Въ подлинникѣ дактилемъ оканчиваются далѣе два слѣдующія выраженія: рýсскую, и — Святъслáвлича.

21 стрѣлами острыми.« Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *осмомыслом*ъ, прибавляя: »сидя высоко на престолѣ златокованномъ, шы *подпираешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя« 22 Въ тожь время сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: »дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали. 23 Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою изъ 24 мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.« Въ они-

21. „Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, высоко сѣдящи на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ Королеви пути, затворивъ Дунаю вороты, меча беремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями.« Въ первомъ предложеніи Кар. поставилъ на концѣ „златокованномъ« для дакшиля. Въ подлинникѣ „своими желѣзными« у Кар. „желѣзными своими« мѣстоименіе послѣ прилагательнаго, слѣд. и тотъ и другой порядокъ словъ равно употребительны; окончаніе періода: отдалённыя—дакшиль. Золотой 215. суды рядя 192, 212.

22. „Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.«

23. „Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе.« Въ 22 и 33 періодахъ близость переложенія къ подлиннику. Душа 119, 181.

24. „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ

санiи несчастнаго междоусобiя Владѣтелей Россiйскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: »на берегахъ Нѣмана спѣлюшъ они снопы головами, молошятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу ошъ тѣла..... О времена бѣдственныя! Для чего не льзя было *пригвоздить* стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ« (или сдѣлать безсмертнымъ!)... Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря на чистое поле: »Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать синее море *и лелѣять* корабли на зы-

(выпустивъ это, Кар. испортилъ подробное, обстоятельное сравненіе), вѣютъ душу ошъ тѣла.« Видя такую близость подлинника къ языку Карамзина, ученики заохотятся читать древніе памятники.

25. „Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.«

26. Пѣсня Ярославны въ подлинникѣ начинается игривою прелюдіею: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.« Далѣе вся пѣсня дѣлится на три куплета, изъ коихъ передъ каждымъ повторяется: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи.« А у Карамзина эти слова являются не поэтическимъ раздѣленіемъ куплетовъ, а разсказомъ историческимъ, и потому стоятъ только въ началѣ пѣсни. Зегзица 110. Дунай 117, 276. пѣсни 258, 259.

27. „О вѣтрѣ! вѣтрило! чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычеши (сильнѣе, нежели навѣялъ) Хиновь-

28 бяхъ его?... О Днѣпръ славный! ты пробилъ
горы каменныя, спремяся въ землю Половецкую;
ты несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана
Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго,
да не шлю къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ
29 синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ
тепло и красно: почто же знойными лучами сво-
ими изнурило ты воиновъ моего друга въ пу-

скыя стрѣлки на своею не трудною крилцю на моея лады воп? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?« Напрасно не оставилъ Кар. дѣепричастія „лелѣючи,« а измѣнилъ придаточное предложеніе въ главное. Въ Словѣ о П. П., точно такъ, какъ въ народной нашей поэзіи, обыкновенно заключается періодъ придаточными предложеніями съ дѣепричастіями на *-ши*.—Жаль, что Кар. не удержалъ слѣдующихъ за тѣмъ прекрасныхъ словъ: „чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя?«—Зыбя́хъ его: дактилическое окончаніе. Олицетвореніе вѣтра 119.

28. „Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:« о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ (для чего „спремяся« у Карамзина?) землю Половецкую (тотъ же порядокъ словъ и дактилич. окончаніе, какъ и у Кар.), ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова (одинаковое дактилич. окончаніе и въ подлинникѣ и у Кар.): възлелѣй (Кар. ослабилъ и лишилъ поэзіи, измѣнивъ въ „принеси“), господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.« Забрало 130. насадъ 127. Лада 275.

29. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:« свѣтлое и пресвѣтлое слънце! всѣмъ (для

30 синынь безводной? . . .« Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и ле-
31 бедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится
32 на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель. мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ
33 оную привѣтствовать Князя: »Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку досады, а Руской земль веселія.« Князь отвѣтствуетъ:
34 »Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*, одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками

чего Кар. измѣнилъ въ »для всѣхъ?) тепло и красно еси: чему, Господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.« Олицетвореніе солнца 106.

30. »(Князь Игорь) врѣжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди. завтроку и обѣду и ужинѣ.« Эти сверхъестественные подвиги, разсказанные въ поэтическихъ образахъ, Кар. передаетъ съ положительностію и хладнокровіемъ историка. Волкъ 268, 269. соколъ 110. сравненіе съ пѣснями 212.

33. »Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа.« За исключеніемъ слова »нелюбіе,« все остальное у Кар. слово въ слово. Дакшиличъ. окончаніе. Олицетвореніе и разговоръ 218, 219.

34. »О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, (у Кар. волна́хъ сво́ихъ—для дакшиля)

35 на струяхъ, чрпещьми на вѣпрахъ.« Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго во храмъ Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторивъ слова Бояновы: »худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,« восклицаетъ: »счастлива земля и весель народъ, шествуя
36 жествуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дружинѣ

стлавшу ему зелѣну шраву (Кар. поставилъ прилагательное позади существительнаго) на своихъ сребреныхъ брезѣхъ (у Кар. опять прилагательное позади въ подлинникѣ проще, менѣе вычурной переставовки), одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу (у Кар. дактиль и опять прилагат. позади); стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ чрнядьми на вепрѣхъ!« Слитивъ этотъ періодъ съ переложеніемъ, ученикъ удивится близости языка Слова о П. И. къ слогу Карамзина, и съ убѣжденіемъ примется изучать старинные памятники нашей словесности, какъ матеріалъ вѣчно неизмѣнный для языка и слога рускаго. Серебряный 215.

35 и 36. „Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти шѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря.« Жаль, что Кар. опустилъ послѣднее предложеніе, либо сильность и красота этого періода состоитъ въ томъ, что къ пословицѣ, какъ къ главной мысли, прилагается частный случай, какъ меньшая посылка умозаключенія.— „Страны ради, гради весели.« „Князем слава, и дружинѣ.« Пословица 295. о шеченіи оратореской рѣчи въ Сл. о П. И. 299. о примѣтахъ 261 — 264.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

(ТОМЪ V, ГЛАВА IV).

1 Князь Владиміръ такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, вишязи Русскіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи шверды, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы.
2 Хотятъ вишязи положить свои головы за Вѣру Христіанскую и за обиду Великаго Князя Ди-

1. и 2. „И говоритъ Князь Владимеръ Анъдрѣевичь: Господине Князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ (повтореніе одного и того же неудачнаго глагола портитъ рѣчь) велми шверды, злаченые коланшыри и булатныя байданы, и колчары Фряйския, корды Ляпцкіе, сулицы Немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити (живописнѣе, нежели у Кар. „положитъ“) за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.“ Сочинитель Побоища подражалъ Слову о П. И. смотр. періодъ 6-й. Въ Словѣ о П. И. болѣе сжатости, силы и упругости, въ Побоищѣ — растянуто. Карамзинъ все это мѣсто передалъ столь искуственной мѣрной прозою, что его переложеніе можно прочесть слѣдующими стихами. Сначала идутъ хорепческія окончанія, потомъ дактилическія:

Воеводы наши крѣпки,
вишязи Русскіе славны,

3 мипрія... Великая Княгиня Евдокія съ женами Воеводскими сидитъ печально въ злаповерхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями, и при-
4 ложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: Бо-

Кони ихъ бо́рзы,
доспѣхи шве́рды,
щиты черве́ные,
копья злаче́ныя,
сабли була́тныя,
курды Ля́цкія,
колчаны Фря́жскіе,
сулицы Нѣме́цкія;
всѣ пути знако́мы имъ,
берега Оки свѣ́домы.
хотятъ ви́тязи,
положить свой го́ловы
за Вѣру Христіа́нскую
и за обиду Вели́каго
Князя Дими́трія.

3. „Княгини же Великая Евдокѣя съ своею снохою (снохи тогда у ней еще не было, потому опущено у Кар.) и иными княгинями и с воевотскими женами възыде на златоверхиі свой теремъ в набережный и сядѣ подъ южными окны... А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо отъ очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и шибъ руцѣ свои к персемъ, и рече:“ Подлинникъ предложилъ Карамзину не слишкомъ связный матеріалъ, изъ коего онъ искусно округлилъ періодъ.

4. Плачь Евдокіи есть подражаніе пѣснѣ Ярославниной въ Словѣ о П. И. смотр. отъ 26 до 29 періо-

же великій! умоляю Тебя смиренно. сподоби
меня еще видѣть моего друга, славнаго между
людьми, Князя Димитрія! Помоги ему на вра-
говъ рукою крѣпкою! Да не падутъ Христіане
отъ Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ
злаго Батыя! Да спасется остатокъ ихъ и да
славимъ имя Твое Святое! Уныла земля Рус-
ская: только на Тебя уповаемъ, Око Всевидя-
щее! Нтью двухъ младенцевъ беззащитныхъ:
кому заслышь ихъ отъ вѣтра бурнаго, отъ

да. Въ Словѣ поэтическій романсъ въ трехъ куплетахъ съ прелюдіями, въ Побощѣ – ораторская рѣчь; въ пѣснѣ Ярославны – нѣжное чувство жены, въ плачѣ Евдокіи—реторика самого сочинителя, въ первой съ поэзіею перепутаны остатки язычества въ обращеніи къ вѣтру и солнцу; во второмъ съ реторическими прикрасами историческіе факты и чувство христіанское. — »Господи Боже великій, призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего (моего друга—какъ у Кар. приличнѣе жель) видѣти славнаго во человѣцѣхъ Великаго Князя Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! (у Кар. все это выражено вдвое короче) не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Ташары отъ злаго Батыя (историч. ошибка). Отъ таковыя же беды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству.« Распѣнуто.

5. »Отъ тое бо рати Руская земля оуныла. (Кар. измѣнилъ порядокъ словъ для дактиля) Ни на кого же бо надѣяти не имамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога.«

6. »Азъ же оунылая имѣю двѣ отрасли, Князя Василія, да Юрія, но еще и тѣ мали сушъ. Егда похи-

зноя палящаго? Возврати имъ отца, да царствуетъ во вѣки!...

7 Славный Волынецъ, мужъ исполненный рапной мудрости, на канунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя въ чистое поле,
8 да узнаетъ тамъ судьбу отечества. Впереди
9 станъ Мамаевъ: за ними Россійскій. *Внимай!* сказалъ Волынецъ.... и Димитрій, обратяся къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличъ, подобный шуму многолюднаго торжища, или созидаемаго града, или звуку трубъ безчисленныхъ.

зитъ ихъ вѣтръ с оуга или з запада (не разумѣются ли здѣсь Ташары и Липовцы?): то не могу терпѣти, ни на что же опираяся; ихъ или зной поразитъ, тако же имъ погибнути (Карамзинъ сжалъ въ одно предложеніе съ двумя дактилями, для того и прилагат. послѣ существительныхъ); а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову (народное руское выраженіе): то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.“

7. и 8. „И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы ронися (въ другихъ спискахъ: роснiи, рознi) являшеся. По истинѣ бо рече: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрей Волынецъ Великому Князю примѣту: Войску оуже бо вечерняя заря потухла. Димитрей же сядѣ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посреде обоихъ полковъ...“ У Карамзина сжатая передѣлка.

9. „Обратився на полки Ташарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки шорзи снимаются, аки городы ставятъ, аки трубы гласяще.“ Въ подлинникѣ сравненіе

10 Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ вороны; гуси и лебеди плещутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу необычайную.
11 *Обратися къ стану Русскому!* говоритъ Волынецъ — *что слышишь?... Все тихо*, отвѣтствуетъ Димитрій: *вижу только сліяніе огней*

живописнѣе, ибо глаголы (снимаются, ставятъ, гласяще) выражаютъ совершающееся дѣйствіе, а прилагательныя (многолюднаго, созидаемаго, безчисленныхъ) — свойство предмета, слѣд. болѣе дѣйствуютъ на судительную силу, чѣмъ на воображеніе.

10. „И бысть же назади Татарскихъ полковъ (у Кар.« далѣе „неопредѣленно) волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше«—въ подлинникѣ очевиднѣе изображена мѣстность, слѣд. живѣе описаніе: „прошиву же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оушяпа крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ.« Кар. не выразилъ мысли: въ подлинникѣ ясно, что птицы подаютъ грозу тѣмъ, что крыльями плещутъ *необычайно*; а Кар. прибавилъ это послѣднее слово къ *грозѣ*. Гаданіе по птицамъ 260.

11. „И рече Волынецъ: обратижеся, Князь же, на полки Рускія! *і* якоже обратишася и бысть тихость велика. Волынецъ же рече Великому Князю: что еси, Господине, слышалъ? Онъ же рече: ничто же, браше, слышаши, но токмо видѣхомъ, отъ множества огней зари имашася.« Мысль понятна и изящна: такъ много разложено огней, что отъ нихъ занимается заря: у Карамзина непонятная фраза, ибо *сліяніе огней небесныхъ съ блестящими зарями* ничего не значитъ.

12 *небесныхъ съ блестящими зарями*... Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго; всшаетъ и безмолвствуетъ.
13 и 14 Великій Князь требуетъ отповѣди. *Добро и зло ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый вишязь: *плачутъ объ страны, единая какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; но много, мно-*
15 *го падетъ нашихъ!* Димитрій пролилъ слезы...
16 17 и 18 Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена Христіанскія воспряныли: кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши гром-

12. „Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и сшавъ, абие поничe.“ Языческая примѣша—слушать землю.

13. „И рече ему Князь Великій: что есть, браше, примѣша?“ О примѣшахъ 260.

14. „Едина пи есть на ползу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущуся на двое (прекрасное выраженіе; Кар. не ясно представилъ гаданія землею), едина страна, аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ (слѣд. примѣша дурная, языческая, елленская: у Кар.“ вдовица „ничего не значитъ), другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ.“

15 „Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а крестіянъ множество падетъ.“ Повтореніе „много, много“ подновляетъ слогъ.

16. „Слышав же шо Князь Великіи, прослѣзився“...

17. 18. „Бывъше же оутра шого мгла: начаша гласы трубныя отъ обоихъ странъ снимашися. Ташарьскія же трубы аки онемѣша, Рускія же паче оушвердишася.“

19 ко, Татарскія глухо. Спонетъ земля на Во-
20 стокъ до моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле
отъ тягости перегибается; воды изъ береговъ
21 и 22 выступаютъ... Часъ насталъ. Каждый
воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи!*
помози Христіанамъ! и быстро впередъ устре-
23 мился... Сразились, не только оружіемъ, но и
сами о себя избивая другъ друга; умирали подъ
ногами конскими; задыхались отъ тѣсноты на
24 полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ
сіянія мечей: лѣсъ копій трещитъ и ломается.

19. „Велми земля спонетъ, а ту грозу подаетъ (прекрасное выраженіе, пропущенное у Кар.) на востокъ до моря, на западъ же до Дуная.“

20. „Поле же Куликово прегибающеся,“ Кар. прибавилъ „отъ тягости,“ для ясности—„востребеташа лузи и болота, рѣки же и озера (опредѣленнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ воды) изъ мѣстъ своихъ выступиша.“

21. „Наставшу же второму часу дни“...

22. Оударишa кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: Боже Крестьянскій, помози намъ! Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася.“

23. „Не токмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и подъ конскими ногами оумираху, отъ великія тѣсноты задыхахуся, яко не мощно бѣ вмѣститися имъ.“ Послѣднее предложеніе, какъ лишнее, Кар. опустилъ.

24. „Трепетали силніи молніе отъ облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть яко громъ отъ копейнаго сломленія. „За молніею слѣдуетъ громъ; *молніи* отъ облистанія мечей, *громъ* отъ ломки копій—слѣд. сравненіе выдержано прекрасно. У Карамзина же сравне-

25 Удалые витязи наши какъ величественная ду-
26 брова склонялись на землю. О чудо! разверзлось
небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое
облако, исполненное рукъ человѣческихъ, кото-
рыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣди-
27 телей ... И се воины Князя Владиміра рвутся
изъ засады на Мамая, какъ соколы на спадо гу-
синое, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и
врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай!*
вознесся до небесъ, и въ адъ нисходиши!

ніе случайное, фраза: ибо какимъ образомъ заря кровавая бываетъ отъ сіянія мечей? О копьяхъ и у Кар. хорошо: но не вяжется съ предыдущимъ, тогда какъ въ подлинникѣ обѣ части сравненія выражаютъ двѣ половины одного и того же дѣйствія — грозы.

25. „Руские оудалцы побіени сушь, аки сильніи древа сломишася.“ Сравненіе вѣрно, ибо сильный ломается, а не склоняется, какъ у Карамзина, который совершенно испортилъ мысль подлинника: притомъ не ясно, что значитъ“ величественная доброва склонялась? гнулась отъ вѣтра, или падала?

26. „Во шестую годшну сего дни, видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и той же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и отпустишася отъ облака того на главы христіански.“

27. „И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и оударишася на спада жаравлина.“—„непрестанно порывающеся, аки званныи на бракъ сладкаго вина пити“ „Бѣжаша же Татарове, глаголюще своими языки: Оувы и тебѣ, честный Царю Мамаю!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИМИТРІЮ.

(томъ V, глава IV.)

1 Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости: Димитрій всю жизнь совершилъ во
2 благѣ. Принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его Княженія *воскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и твердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; кротко повелительнъ съ Князьями, тихъ, *уступливъ* съ Боярами; имѣлъ

высоко вознеслься еси, и до ада зъшелъ еси!« У Кар. подновлено выраженіемъ »до небесъ.« Соколъ 110, 216.

1. »Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ бо въ средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо всь съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего свръши.«

2. »Богомъ дарованную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство съшвори« Кар. далъ искусную форму этимъ словамъ, намѣренно поставивъ ближе два раза »Богъ,« и соединивъ это предложеніе съ другимъ, не связывающимся съ предыдущимъ въ подлинникѣ: »и вскипѣ земля Русская въ дне княженіа его.« »Бываетъ же другомъ стѣна и *тверды* (Кар. этому слову въ такомъ значеніи далъ право гражданства и въ нашемъ языкѣ), противнымъ же мечь и огнь — Князи Рускыя въ области своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше«—слѣд. увѣтливъ можно употреблять и съ дательн. падежемъ—»высокій умъ, смиренный смыслъ — красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею« прилагат. съ

умъ высокій, сердце смиренное; взоръ красный, душу чистую; мало говорилъ, разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда Философамъ заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ назваться *окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спя-*
3 *щихъ въ опасности*.... Когда же Великій *Царь* земли Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возмутился, люди ужасну-
4 лись. О день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ,
5 »*О горе намъ, братіе! Князь Князей преставился; звѣзда, сіяющая міру, склонилась къ Западу!*«

творительнымъ народнѣе, нежели у Кар. съ глаголомъ „имѣлъ.“ „Вмалѣ (не то, что мало) глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препираше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше.... яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ.“ Въ послѣднихъ выраженіяхъ дат. пад. лучше родительнаго. Кар. смягчилъ эту фигурную рѣчь, прибавивъ: „могъ назваться.“

3. „Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Дмитрій Рускыя земли, аэръ възмутится, земля прясашеся и человѣци смятошася.“

4. „День той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипаніа и кричаніа.“ Кар. внесъ въ Рускій языкъ слова *туга* и *захлипаніе*.

5. „Но токмо слышахъ народъ глаголющь: о горе намъ, брашье! Князь Княземъ (лучше и древнѣе, чѣмъ Князей) успе; звѣзда сіяющая всему міру къ западу грядешь!“

6 О супружеской взаимной любви Димитрія и
7 Великой Княгини Евдокіи сказано такъ: »Оба жили единою душею въ двухъ тѣлахъ; оба жили единою добродѣтелію, какъ *златоперистый* голубь и *сладкоглаголивая* ласточица, съ умиленіемъ смотряся въ чистое зерцало совѣсти.... «

3. *Чтеніе древняго памятника* (*).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СКАЗАНІЯ О ВЗЯТІИ ПСКОВА. (ПСКОВСК. ЛѢТОП. СТР. 176 — 178. СЛИЧ. КАРАМЗИНА ИСТ. ГОС. РОС., ТОМЪ VII, ГЛАВА I.)

1 II Князь же Великой велѣлъ своимъ Бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ здумали; и Бояромъ Псковскимъ и Посадникомъ и всякимъ жалобнымъ людемъ учали говорити: Государь приказалъ вамъ всѣмъ коништися въ Царской дворъ свой исполна; а кой не будетъ, ино бо-

7. »Обѣма едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ласточица съ умиленіемъ смотряху своего спасенія въ чистѣй совѣсти.« Смотрѣть спасенія, находить спасенія въ чистѣй совѣсти—мысль проста и ясна: у Кар же довольно наивная, вычурная картина. Голубь и ласточица 111. сладкоглаголивая 266.

1. Себѣ 101. жалобные люди, т. е. пришедшіе съ жалобою 146. ино 163, 164. бы 164 *Государевы* прилаг. краткое, склоняющееся какъ существительныя.

(*) Цыфры въ объясненіяхъ указываютъ на страницы 2-й части О преподаваніи отечественнаго языка.

ялся бы Государевы казни; а Государь хочетъ
2 всѣмъ управу дати. И Посадники пошли на
3 Владычень дворъ съ воды. И Бояре спраши-
4 вали: ужели всѣ скопилися? Они же рекоша:
5 вси. И Посадниковъ и Бояръ и купцовъ ввели
въ полату, а молодшія люди на дворѣ осталися.
6 И видоша Великаго Князя Бояре, рекоша Пско-
вичамъ: поиманы есте Богомъ и Государемъ и
Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа
7 Русіи. И ту посадиша Посадниковъ, а молодыхъ
людей переписавъ, подаваша Новгородцомъ по
улицамъ поити и кормити и беречи до управы.
8 И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть
и горе отъ Филипа поповича, отъ купчины,
9 отъ Псковитина. А онъ ѣхалъ къ Новугороду и
спалъ у Веряжи, и услышавъ шую злую вѣсть,

2. *Съ воды*, потому что были на водокрещеніи.

3. *Спрашивали*—руская форма, образовавшаяся еллипсомъ изъ прошедшей описательной 153. *скопилися*, idem; зн. просто собрались; а существ. *скопъ* зн. заговоръ, собраніе заговорщиковъ, напр. Древн. Рос. Вивліоѳ. VIII, 62: шакже мнѣ самовольствомъ, скопомъ, заговоромъ ни на ково не приходити.

4. *рекоша*: окончаніе *-ша* 90. *вси*, отъ коего *всѣ* 89.

5. Полата 129. *молодшій* руская полногласная форма 22, нынѣшняя же *младшій* — церковнославянская.

6. У Карамз. „вы *поиманы* Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.“

8. Полоняная вѣсть 146. *отъ*, повтореніе предлоговъ 159.

9. *И*, повтореніе союзовъ 162.

и оставя товаръ и погонилъ къ Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что Князь Великій челобитщиковъ Псковскихъ всѣхъ переималъ. И нападе нь (*на*) Псковичь страхъ и трепетъ, и пресхоша горшани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли, якоже многажды приходиша Нѣмцы на нихъ и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ. И собрашася на Вѣчи, начаша думати: ставити ли щитъ противъ Царя и запирашися ли во градѣ? И воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великого Князя. А Посадники и Бояре и вси люди лучшіе у него. И послаша гонца Евстафія Сотцкаго бити челомъ со слезами отъ мала и до велика, чтобъ ты Государь нашъ Великій Князь Василей Ивановичь жаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои преже

10. У Карамз. „отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши горшани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ отчаяніи.“ *Таковы* родит. жен ед. отъ краткой формы.

11. Щитъ 238. у Кар. „ставитъ ли щитъ противъ Государя? затворится ли въ городѣ?“

12. Рука 240. на Государя руки подняти — ни воздвигнути противъ Великого Князя: синонимическій параллелизмъ 204.

14. бити челомъ 166. отъ мала и до велика 308. отчина 250. *преже* руская форма, церковнослав. *прежде* 45. людишки 252. у Кар. „бьемъ тебѣ челомъ

сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами людишками своими. И прислалъ Князь Великій Діяка Трешьяка Далматова съ жаловальнымъ со льстивымъ словомъ, и Псковичи обрадовались отъ Государя жалованья и старины, еже Трешьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую пошлину, поклонъ отъ Великаго Князя, что де и отчина моя, Псковичи, только (sic) хотите въ старинѣ прожити, и выбъ есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ Вѣчя не было, да и колоколъ бы Вѣчной сняли, а здѣсь быти двѣмъ Намѣстникомъ, а по пригородамъ по Намѣстнику же быти; и вы еще въ старинѣ про-

отъ мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ.“ Замѣтишь, что въ подлинникѣ болѣе рускаго складу, нежели у Карамзина; напр. для чего церковнославянская здѣсь Форма: *да жалуешь*? Псковичи говорили, *чтобъ ты жаловалъ*.

15. *Трешьякъ* языческое имя 64. старина 243. *есте изволили* церковнославянск. форма: вспомог. глаголъ не выпустился, вѣроятно, потому, что во 2-мъ, а не въ 3-мъ лицѣ 153. Вообще замѣтишь, какъ мѣшаются формы церковныя съ рускими. У Карамз. „чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ* исполнили *двѣ воли* Государевы.“ Въ подлинникѣ шавтологія въ звукахъ: изволили двѣ воли 193, 212. *быти* — неокончат. наклоненіе вм. изъявит. 157, 158. пригороды меньшіе города при главномъ.

16 живете. А только тѣхъ двухъ воль не сотворите Государю и не изволите, ино какъ Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой; и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ,
17 кто Государевы воли не сотворитъ. Да Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ
18 Троицы во Псковъ. Да отговоривъ то, да сѣлъ
19 на степени. И Псковичи ударили челомъ въ землю, и не могли противъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя; и никого же несть, иже бы тогда не плакалъ; токмо тые не испустили слезъ, иже младенцы ссущіи (сосущіе) мле-

16. Богъ по сердцу положитъ 247.

17. Троица вм. Пскова 246.

18. *да*, плеоназмъ въ союзѣ: такъ какъ *да* (соединит.) союзъ сочиняющій, слѣд. не можетъ связывать предложенія придаточнаго съ главнымъ, то второе *да* слѣдуетъ почесть не болѣе, какъ вставкою для благозвучія. Изъ этого мѣста видно, что вѣче было съ ступенями, кои назывались степенями, у Кар. также: сѣлъ на степени Вѣча.

19. *И*: обратитъ вниманіе, что старинные періоды обыкновенно начинались этимъ союзомъ, слич. періоды 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 28, 29, 31, 32, 33. Изъ новыхъ писателей Жуковскій любитъ также начинать періоды; напр. въ Описаніи Мадонны: и такова сила той души....и въ самомъ дѣлѣ, это не картина... и точно приходитъ на мысль... и Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя... и какъ мало средствъ... и Онъ, какъ царь земли и неба... и въ этомъ нахожу я главную красоту... *никого же нѣсть*— усиленное отрицаніе 77, 315. У Кар. „одни грудные

20 ко. И шокмо ему ошвѣщали: посолъ Государевъ, дастъ Богъ заутра и мы себѣ подумаемъ,
21 да шебѣ о всемъ скажемъ. И бѣ шогда во Псковѣ плачь и рыданіе и спонаніе во всѣхъ домѣхъ,
22 другъ друга обнимающе. Наутріяжъ освитающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и собрашася Посадники и всѣ Псковичи, и пріѣхъ Дьякъ Государевъ, и начаша ему шако говорити: шако у насъ написано въ лѣтописцехъ — съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, что намъ Псковичамъ отъ Государя своего и Великого Князя, кой ни будетъ на Московскомъ Государствѣ, а намъ отъ него не отъѣхати ни въ Литву ни въ Нѣмцы, а намъ

младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали шогда отъ горести.«

21. У Кар. »на улицахъ, въ домахъ раздавалось спенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни« *Обнимающе* дѣеприч. наст. множ. числа.

22. *Освитающу дни недѣльному* — дашельн. самостоят.; у новыхъ писателей 306. день недѣльный — воскресенье; въ Малороссіи, какъ въ старину, недѣля — воскресенье: отсюда понедѣльникъ, т. е. день послѣ недѣли. Лѣтописецъ 242. Вошъ какъ Кар. переложилъ этотъ и слѣдующій періодъ: »на разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевый колоколъ; сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собрались. Ждали Дьяка Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ сво-

23 жити по старинѣ въ добровольи. А мы Псковичи отъидемъ отъ Великаго Князя въ Литву
или въ Нѣмцы, или о себѣ станемъ жити, безъ
Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и
24 огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. А Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе
на себѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ,
25 коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣ Богъ воленъ да Государь въ своей отчинѣ
и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ ко-
26 локолѣ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Государя своего руки подняти, и въ городѣ заперетися не

ими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ.«

23. Въ первой части этого періода подразумѣвается условный союзъ *если*, коему соотвѣтствуетъ во второй *ино*. о себѣ 101.

24. Опять подразумѣвается союзъ *если*. Кромѣ *и* древніе періоды любили начинаться союзомъ *а*: слич періоды 9, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 27; или союзомъ *да*, періоды 17, 18. У Кар. »но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великіе князья присягали не лишать насъ древней свободы; клятва таже, таже и казнь преступнику.«

25. У Кар. »Нынѣ воленъ Богъ и Государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ!«

26 У Кар. »По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣнить крестному цѣлованію, не хотимъ поднять руки на Великаго Князя.«

27 хотимъ. А Государь нашъ хочетъ Живоначальныя Троицы помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, и мы его Государя своего ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до
28 конца. И Генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли, и повезоша его на Снятогорской дворъ ко Іоанну Богослову.... (стр. 179)
29 И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ?
30 О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ,

27. Части условнаго союза, вмѣсто союзовъ *если—то*, начинаются *а — и*. У Кар. „если угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца!“

28. Колоколъ 246. У Кар. „Генваря 15 граждане сняли Вѣчевый колоколъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ и волѣ*.“ Этимъ надстрочнымъ сличеніемъ съ Исторіею Гос. Рос. ученики въ конецъ убѣдятся въ необходимости изученія древнихъ памятниковъ, для того, чтобы самостоятельно усвоить себѣ слогъ Карамзина.

29. Замѣтишь древнее управленіе глагола *восплакать и возрыдать*.

30—31. Таже самая фигура олицетворенія и разговора попадается въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ племенъ и въ нашей народной поэзіи 219, особенно обратишь вниманіе въ оной на частицу *како*, точно также употребляющуюся въ Судѣ Любуши и въ народныхъ пѣсняхъ. Замѣтишь управленіе глаголомъ *скорбѣти*.

31 почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего
32 опустѣнія! И прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взялъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатество и чада мои восхити, Богу попустившу за грѣхи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя роскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ замешаша; и отецъ и брашію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и брашію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша.

32. *Исполнь*—прилагательное несклоняемое, относится къ *крыль*: т. е. два крыла исполнены львовыхъ ногтей. Или же можно отнесть *исполнь* къ орлу, а *крыль* винит. греческій 316, 317. *взятъ* вм. *взя* прош. вр. Полногласная форма *богатество* вм. *богатство* попадается и въ народныхъ пѣсняхъ. *Богу попустившу* дат. самостоят. грѣхъ 172, 188. *люди* вм. *людей* церковнославян. винит. множ.; точно также и *отцы* вм. *отцевъ заведоша*; а *отецъ разведоша* уже по новому т. е. родит. вм. винительнаго, хотя и въ древней формѣ, т. е. *отецъ* вм. *отцевъ*. Такъ постоянно смѣшиваются въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ формы церковныя съ рускими. *Торжище* слич. съ *торгъ и торжество*. Жаль, что Кар. уничтожилъ разговорную фигуру этого мѣста: „О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похи-

33 И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ, не хотяще ити въ плѣнъ отъ своего града.

4. Чтеніе одъ Ломоносова.

Желая дать схоластической Реторикѣ историческій характеръ и педагогическую цѣнность, я примѣняю ее къ чтенію Ломоносова. Онъ написалъ лучшую у насъ Реторику, по которой, болѣе или менѣе, писаны всѣ прочія, и по преимуществу Кошанскаго, введенная въ нашихъ Гимназіяхъ. По своей Реторикѣ Ломоносовъ объяснялъ свои оды, приводя ихъ въ примѣръ правиламъ: слѣд. историческая и субъективная критика требуетъ объяснять стихотворенія Ломоносова схоластическою Реторикою. Разбросанные по его учебнику отрывки собираю въ одно, къ какой одѣ какой отрывокъ принадлежитъ. Для большаго удобства нумерую порядокъ строфъ. Такъ какъ о многихъ строфахъ Ломоносовъ не говоритъ ничего въ Реторикѣ, то ихъ пропускаю: цыфра указываетъ, сколько ихъ опущено. Учитель въ классѣ будетъ читать, разу-

шилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ пожища, или замѣшалъ дрязгомъ; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ небывали ни отцы ихъ, ни дѣды ни прадѣды.« Манерность карамзинскаго переложенія оказывается въ дактилич. окончаніяхъ: опустѣвши — львиными — ливанскіе — дальнія — прадѣды

33. *Хотяще* дѣепричаст. множ. — *итти* новая форма, вм. древней *ити*.

мѣшся, всю оду сполна, и, кромѣ извлеченныхъ мною изъ Реторики, предложишъ и другія замѣчанія. Для переложеній изъ Псалмовъ прилагаю подлинникъ. Такъ какъ переложеніе изъ Іова Ломоносовъ не объясняетъ въ Реторикѣ, потому, къ сожалѣнію, не предлагаю здѣсь этого превосходнаго произведенія. Подъ каждой строфой выписываю варіанты изъ текста, помѣщеннаго въ Реторикѣ: они подаютъ весьма полезныя соображенія для Стилистики, и, вѣроятно, современемъ внесутся въ изданія одъ Ломоносова. Въ объясненіяхъ означаются параграфы Реторики.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА. 14

1. Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

=

2. Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

=

3. Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

=

4. Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

=

5. Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не берешъ,
Кто такъ живетъ на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

Строф. 1. стих. 4. Верьхъ священныхъ горнихъ мѣстъ.
2. 4. Какъ устами говоритъ.
3. 1. Кто языкомъ льститъ не знаетъ.

Это преложеніе Ломоносовъ приводитъ въ примѣръ къ правилу о жизненныхъ свойствахъ: »къ одному живопіному приписаны быть могутъ многія жизненныя свойства.« § 59.

Въ выпискѣ славянскаго текста курсивомъ означаются мѣста, близкія къ переложенію. — *Господи, кто обитаетъ* въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? *Ходяй непороченъ*, и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ: *Иже не ульсти языкомъ* своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя: Уничиженъ есть пред нимъ лукавнуяй, боящыяжеся Господа славитъ: кленыйся искреннему своему, и не отмѣняется: Сребра своего не даде в лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ: творяй сія не подвижится во вѣкъ.

По славянскому тексту »Иже не ульсти языкомъ« слѣдуетъ удержать варіянтъ: »Кто языкомъ

льстишь не знаешь,« и слѣдовательно въ предыдущемъ стихѣ тоже возстановишь текстъ по варіянту: »устами говоришь« вм. »языкомъ говоришь.« Замѣч. сильное переложеніе: Правду завсегда хранишь — Держится присяжныхъ словъ: въ этихъ стихахъ рускимъ складомъ Ломоносовъ рѣзко отдѣлился отъ подлинника. Буквальное сходство перваго стиха съ началомъ псалма указываетъ ясно, что размѣръ переложенія зависѣлъ отъ впечатлѣнія, произведеннаго началомъ псалма на Ломоносова.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 145.

1. Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Поющися, духъ мой, возсылашь:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

=

2. Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть Князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

=

3. Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость ихъ и власть минетъ.

=

4. Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ; —

=

5. Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту; —

=

6. Творящаго на сильныхъ нищу
Поистинѣ въ обидахъ судъ;
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіютъ.

=

7. Господь оковы разрѣшаетъ,
И умудряетъ онъ слѣпцовъ;
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

=

8. Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

4, 2. Всесильному во всѣхъ дѣлахъ.

8. 3. Онъ грѣшныхъ дерзкій путь скончаетъ. Слѣдуетъ возстановить этотъ вариантъ въ текстѣ оды, ибо порядокъ словъ въ немъ лучше.

§ 272. Въ раздѣлительныхъ Силлогизмахъ равнымъ образомъ полагается какъ и въ другихъ, прежде всего первая посылка, и къ ней присовокупляется парафрастическое истолкованіе, либо доказательство или распространеніе изъ мѣстъ риторическихъ обѣихъ частей оныя посылки; потомъ

слѣдуетъ другая посылка съ риторическими изъясненіями, украшеніями или доказательствами; наконецъ заключеніемъ оканчивается соединеннымъ съ движеніемъ или утоленіемъ страсти къ матеріи прилічной.

§ 273. Первая посылка раздѣлительнаго Силлогизма можетъ быть опущена, и вмѣсто оной положенъ быть крашкій приступъ, какъ то видно въ Псалмѣ 145-мъ, который основанъ на слѣдующемъ раздѣлительномъ Силлогизмѣ: *Или уповать на Бога, или на Князей сыновъ человѣческихъ; но уповать на нихъ не надежно; слѣдовательно лучше уповать на Бога.*

Хвали душе моя Господа: Восхвалю Господа в животѣ моемъ; пою Богу моему дондеже есмь. Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, в нихже нѣсть спасенія: Изыдетъ духъ его, и возвратится в землю свою: в той день погибнутъ вся помышленія его. Блаженъ, емуже Богъ Іаковль помощникъ его, упованіе его на Господа Бога своего, Сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в нихъ: хранящаго истину в вѣкъ, Творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущымъ. Господь *рѣшитъ* окованныя: Господь *умудряетъ слѣпцы*: Господь возводитъ низверженныя: Господь любитъ праведники: *Господь хранитъ пришелцы, сира и вдову пріиметъ*: и путь грѣшныхъ потубитъ. Воцарится Господь во вѣкъ, Богъ твой Сіоне *в родъ и родъ.*

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

1. Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонилисъ прочь.
Отокрылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

1. 2. Поля покрыла *влажна* ночь.
1. 3. Взошла на горы чорна тѣнь.
1. 4. Лучи отъ насъ *прогнала* прочь.

=

2. Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!

2. 5 и 6. Какъ персть между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

=

3. Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

3. 3. Солнцы.
3. 6. Тамъ *таже* сила естества.

=

4. Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ вспаешъ заря!
Не солнцель ставишъ шамъ свой тронѣ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

4. 6. Ночь.

=

5. О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

5. 5 и 6. Вы знаете пути планетъ,
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?

=

6. Что зыблетъ ясный нощью лучь?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучь
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

6. 1. Ночью.

—

7. Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ духъ престалъ зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

=

8. Сомнѣній полонъ вашъ онвѣпъ
О шомъ, что̀ о́кресть ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

8. Кто̀жъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

§ 268. Въ неполномъ Силлогизмѣ или Энтимемѣ полагается одна посылка, потомъ присовокупляется причина, что все заключается слѣдствіемъ. Такимъ образомъ расположена у Горація Ода 30 книги третьей, которая состоитъ въ слѣдующей Энтимемѣ: *я поставилъ знакъ безсмертной своей славы: за тѣмъ что первый сочинялъ въ Италіи Оды, какія писалъ Алцей, Эольскій стихотворецъ: того ради должна моя муза себя лавровымъ вѣнкомъ увѣнчать.* (§ 270.) Вмѣсто причины можно положить распространеніе какой нибудь идеи, которая имѣетъ принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Энтимемѣ: *Тсарей изслѣдовать не можемъ, слѣдовательно и Творецъ есть непостижимъ*, распространить можно идеи о почи, о мірѣ и о сѣверномъ сіяніи.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

ОДА 1.

На взятіе Хотина, 1739.

1. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,

Въ долинѣ шишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключь молчишъ,
Который завсегда журчишъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремится;
Лавровы вьются шамъ вѣнцы,
И слухъ спѣшишъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ куришся.

1. 6 и 7. Что межъ травой въ лугу журчишъ
И внизъ съ холмовъ шумя спремится. — *Лучше текста.*

=

2. Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику,
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь шруды;
Умой росой Касшальской очи,
Чрезъ степь и го́ры взоръ простри,
И духъ свой къ шѣмъ сшранамъ впери,
Гдѣ всходишъ день по шемной ночи.

=

10. Не сей ли при Донскихъ спруяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ спѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ шакъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быспрый конь Его скакалъ,
Когда Онъ шѣ поля шопшалъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

10. 5 — 7. Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ шакъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ шакъ бросалъ за Белшъ свой громъ,
Онъ сильну шакъ взносилъ десницу.

1. 2. Въ разсужденіи реченій должно остерегаться, чтобы реченій не перемѣшать ненатуральнымъ порядкомъ, и тѣмъ не отнять ясность слова, напримѣръ: *горы ведетъ на верхъ сысокой:* ибо лучше сказать: *ведетъ на верхъ горы высокой* (§ 175).

1. Вымыслъ, умягченный фигурою—мечтаніемъ. Умягчаются же вымыслы и въ косвенные обращаются шремя способами, *условіемъ, сомнѣніе значащими словами и фигурами* (§ 163).

2. Вымыслъ, умягченный фигурою— вопрошеніемъ (§ 163).

10. Отъ признаковъ можно распространить слова, ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ, или имѣть будутъ разныя части, свойства или обстоятельства. Иногда самыя свойства и дѣйствія, какъ признаки предлагаются, будучи совокуплены съ нѣкоторымъ усумнѣніемъ (§ 68).

10. 5 — 7. Повтореніе есть многократное положеніе речения въ предложеніяхъ. Иногда и два и больше реченій въ началѣ повторяютъ. (§ 203). Для этого правила слѣдуетъ въ тексшѣ возстановить варіаншъ.

О Д А 2.

НА ПРИБЫТІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1742.

1. Какой пріятный зе́фиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?

Мы славу Дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе на сіянѣ къ намъ,
Мрачнѣе нощь грозитъ врагамъ.
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнійскихъ водъ трепещутъ.

1. 8. Ночь.

1. 10. Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

=

5. Священный ужасъ мысль объемлетъ;
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь,
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицемъ,
Котору въ Свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

=

8. Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Доброты твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ тобою.

=

23. Такъ флотъ Россійскій въ Понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стена отъ тягости судовъ.

Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Веселый шумъ, гребущихъ крикъ
Наноситъ Готѳамъ страхъ великъ;
Ужѐ надежду отвергаютъ,
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

23. 6. Бѣлитъ кипяща пѣна рвами. Въ текстѣ *сѣдая* живописнѣе.

=

32. Какъ люты мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля̀ цвѣтами кра́ситъ вновь!
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

32. 1. Какъ лютый мразъ *весна* прогнавши. — *Весна*—не слѣдуетъ считать вариантомъ, ибо стоитъ въ опрыточномъ примѣрѣ для ясности.

=

33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ шу клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ!

33. 8. То кротость разумъ мой живитъ!

33. 10. Противна мысль противну гонитъ. — Здѣсь можно показать ученикамъ отличіе *мысли* отъ *страсти*, и тѣмъ опредѣлить, какое чтеніе вѣрнѣе.

=

36. Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделенный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински го́ры кровави́ть:
Се царствуетъ Елисавета,
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

36. 1 — 6. Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ:
Союзъ возлюбленный приходитъ
И съ кротостью свой гласъ возводитъ.
Вариантъ чрезвычайно любопытный! онъ можетъ подать поводъ къ разсужденію, весьма полезному для учениковъ.

=

42. Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой;
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ Твой.
Что́жь будущіе скажутъ роды?
Покрыты кораблями во́ды,
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:

Великій Петръ намъ далъ блаженство,
Елисавета — совершенство.

42. 1 — 4. Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотою,
То бъ храмы въ честь твою создали,
И жертвой чтили бъ образъ твой.
— Показать ученикамъ, почему связь текста правильнѣе этого варіанта.

=

43. Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло.

43. 7. Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ,
43. 9 и 10. Какъ сердце наше ожидало,
Чтобъ къ намъ лицо твое сіяло.
— Въ этомъ варіантѣ болѣе связи, чѣмъ въ текстѣ. *Ея* слѣдуетъ удержать.

=

1. 9 и 10. Дѣйствіе и страданіе вышеватыя рѣчи раждаютъ, 1) когда отъ чего производится противное дѣйствіе въ той же вещи, или въ двухъ подобныхъ (§ 136).

1. 9 и 10. Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ, что бываетъ, 1) когда въ началѣ каждой части періода или въ

началѣ многихъ коротшихъ періодовъ одно слово повторяется. (203.)

5. Восхищеніе есть, когда сочинитель представляетъ себя какъ изумленна въ мечтаніи, происходящемъ отъ весьма великаго, нечаяннаго или страннаго и чрезъестественнаго дѣла. Сія Фигура совокупляется почти всегда съ вымысломъ, и больше употребительна у стихотворцевъ. (§ 239.)

8. 5 — 8. Сила въ украшеніи Риторическомъ есть такова, каковы суть пристойныя движенія, взгляды и рѣчи прекрасной особы, дорогимъ платьемъ и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожествомъ и нарядами взоръ человѣческій къ себѣ привлекаетъ; однако безъ пристойныхъ движеній, взглядовъ и рѣчей вся красота и великолѣпіе какъ бездушны. Равнымъ образомъ слово Риторическое хотя будетъ чисто составлено, приличнымъ теченіемъ установлено, и украшено великолѣпно; но безъ пристойнаго движенія реченій и предложеній, живости въ немъ ни какой не будетъ. (§ 168). Сіе движеніе состоитъ въ обращеніи реченій или предложеній, которымъ слово отъ простаго отмѣняется. Таковыя движенія называются Фигурами *рѣченій*. (§ 169.)

23. Изображеніе есть явственное и живое представленіе дѣйствія съ обстоятельствами, которыми оное въ умѣ, какъ самое дѣйствіе, воображается. (§ 236.)

32. Эту строфу Ломоносовъ относитъ къ періодамъ *зыблющимся*, т. е. къ такимъ, которыхъ

части и члены неравны, — въ противоположность періодамъ *круглымъ* или *умѣреннымъ*, члены и части коихъ мало разнятся величиною. Въ этой строфѣ двучленный періодъ съ первымъ членомъ много больше втораго. (§ 43.)

33. Восхищеніе. (§ 239.)

36. Замословіе бываетъ, когда то, что́ самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сія фигура не мало надлежитъ до вымысловъ. (§ 219.)

42. Косвенные вымыслы имѣютъ въ себѣ оговорку, или какое нибудь умягченіе, чѣмъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ. (§ 153.) Въ этой строфѣ по Ломоносову вымыселъ смягчается условіемъ.

43. 5 — 10. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. (§ 71.) Въ этой строфѣ, по Ломоносову, уравняемое больше, нежели то, съ чѣмъ оно уравняется.

ОДА 3.

НА ПРИБЫТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНІИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1742 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 10.

5. О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ дняхъ..... цвѣшешь!
Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ Тебѣ, Россія, возрастешъ!

Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства,
И счастье бѣгъ остановитъ,
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
И вѣчно будетъ непремѣнно.

5. 2. Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтетъ!
— Этотъ вариантъ непремѣнно долженъ быть возстановленъ въ испорченномъ текстѣ: удивительно, какъ до сихъ поръ никто не позаботился объ этомъ стихѣ.

5. 5 и 6. Уже для твоего блаженства
Добротъ въ немъ спѣютъ совершенства.

=

6. О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ уже издавна
Россіянъ искренняя любовь!
Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ зачатіи Твоемъ.
Сердца желаньемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

=

9. Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ, еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ

Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ ушѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась!

9. 3. Онъ всей отрады не вмѣщаетъ.

=

11. Но спѣшно толь куда восходишъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводишъ
Превыше Ѳессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разишъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

11. 3. Видѣніе мой умъ возводитъ.

—

5. Обращеніе съ удивленіемъ (§ 217).

6. 8 — 10. Емфазисъ есть, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то великолѣпно возвышается. Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется (§ 195).

9. Ипербола есть повышеніе или пониженіе слова невѣроятное (§ 196). Въ этой строфѣ она употреблена, по Ломоносову, для напряженія (въ противоположность ослабленію).

11. Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или

изъ одного времени въ другое (§ 161). Здѣсь съ мѣста на мѣсто.

ОДА 4.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1743.

1. Ужѐ врата отверзло лѣто.
Натура ставитъ общій пиръ.
Земля и сердце въ насъ нагрѣто.
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ,
Объемлетъ мягкій лугъ крылами.
Крушится чистый токъ полями.
Брега́ пшаетъ тучный илъ.
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ.
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

1. 8. *Листы* и цвѣтъ покрылись медомъ.
— Лучше текста.
1. 10. Поспѣшно *красный* вождь свѣтилъ.
— И это предпочитаю тексту.

=

5. Тебѣ Россія вся открыла,
Клянущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достóитъ жить Тобой;
Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
Весна цвѣты и плодъ являетъ,
Въ возлюбленной душѣ Твоей.
Но грудь пронзитъ народовъ льстивныхъ
Ужасный лучь въ полкѝ пронзивныхъ
Блистая изъ Своихъ очей.

5. 5 — 7. Намъ полдень съ утромъ вдругъ сіяетъ.
Весна плоды и цвѣтъ являетъ,
Въ драгайшей младости твоей.

=

9. Мой духъ шечешъ къ предѣламъ свѣта,
Охотой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зришъ грядущи лѣта
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верхъ дымится!
Тамъ Наввинъ, иль Самсонъ стремится!
Текутъ струи Евфратски вспять!
Онъ Тигровъ челюсти шерзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу стать.

9. 2. Любовью храбрыхъ дѣлъ плѣненъ.
9. 4. И древнихъ грозный видъ временъ.
Этотъ варіантъ въ сличеніи съ текстомъ подаетъ случай къ замѣчанію о порядкѣ словъ.

=

12. Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
Да придутъ всѣ страны далеки
Съ концевъ земныхъ Тебѣ служить.
Воззри на свѣта шаръ пространный,
Воззри на Понтъ Тебѣ подстланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ
И славу зрѣть Твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

12. 5. Воззри на кругъ земной пространный. —
Варіантъ, можетъ быть, и лучше текста, но надобно удержать текстъ, чтобъ избѣжать повторенія *земной* въ двухъ стихахъ сряду.
12. 7. Воззри въ безмѣрный шаръ небесъ.

1. Рѣчь состоитъ изъ весьма коротких и по большей части одночленныхъ періодовъ, въ кото-

рѣе могутъ перемѣнены быть долгіе чрезъ отъятіе союзовъ. Такіе періоды называются *отрывными*. (§ 44.) *Примѣч.* Потому-то по ципіанъ въ Реторикѣ измѣнилъ я пунктуацію этой строфы, поставивъ, вмѣсто точекъ съ запятою, точки.

5. 5—7. Отъ времени вящіеваюшія рѣчи раждаются, 1) когда противныя или разныя времена вмѣстѣ соединяются. (§ 137.)

9. Восхищеніе. (§ 239.)

12. 5—10. Указаніе есть, когда идея представляется, какъ бы она была въ самое то время въ дѣйствіи, и для большаго оной оживленія употребляются при томъ реченія указательныя, *се*, *вотъ*, *воззри*, *смотри*, *здѣсь*, *тамъ*, и проч. (§ 218.)

ОДА 5.

НА ДЕНЬ БРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, 1745.

5. Какъ сладкій сонъ вливаешъ въ члены,
Во дни трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Какъ мысль въ весельѣ утопаешъ!
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаешъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяешъ злато и лазурь.

5. 2. Чрезъ день. Въ издан.
5. 9. Между млечными. Въ издан.
5. 9. Надъ бисерными облаками.

=

6. Кристальны го́ры окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцемъ испещренны,
И вѣтьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь!
Въ пріятномъ мирѣ сердце таетъ;
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

=

7. И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа̀ листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

7. 6. Въ бездушныхъ зрю любовну страсть. Въ издан.

=

8. Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стоитъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Стократъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой.

Зефиръ, сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полетъ?
Зефиръ, кустовъ и рощь любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

=

19. Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
Пространный видишь шаръ земной,
Въ Россійской ты державѣ всходишь,
Изъ нею днѣвный путь преводишь
И въ во́лны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ Содѣтель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

=

5, 6, 7 и 8. Вымышленное описаніе царства любви. (§ 294.)

7. 4 — 10. Къ украшенію описаній и повѣствованій много способствуетъ оживленіе бездушныхъ вещей. (§ 313.)

19. Обращеніе съ засвидѣтельствованіемъ. (§ 217.)

ОДА 6.

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЛИСАВЕТЫ, 1746.

1. На верхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекаютъ ясны
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,

По шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

1, 5 и 6. Меня *надежда* струй прозрачныхъ,
На шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ. —
Варіантъ чрезвычайно важный.

=

2. И се ужѐ рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля̀, въ лѣса̀, во градъ, въ моря̀,
Велитъ ночнымъ лучамъ склонишься
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ шверди скрышься,
И тѣмъ почтитъ его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесь Россійскій родъ.

=

3. Взирая на дѣла̀ Петровы,
На градъ, на флотъ и на полкѝ
И купно на свои оковы,
На сильну власть ружой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ, защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

=

9. Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ яросши своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,

Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

=

10. Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ пиѣрдь сквозь облака̀ разитъ.
Сиканскій какъ Вулканъ дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ.

10. 8. Какъ Этна въ яросши дымится. Въ изд.

=

11. Но, о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ, чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисавешъ,
И купно на ея доброты:
Отъ ней текутъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

=

12. О, вы недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,

Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину ,
Петрову зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

=

13. Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и души
Тогдашней нощи зрится тѣнь!

=

14. Но отогнамъ шумный гласъ несется
Елисавешиныхъ похвалъ,
Въ полкахъ спокрашно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огнь и воды,
Предолимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ потупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

=

16. Что вы, о поздные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла Петровой Дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,

И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ толикой купно красотой!

=

19. Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бывшіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ богини сей
На будущіе дни взираетъ,
И больше счастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Что ради нашего блаженства
На верхъ поставитъ совершенства
Всходящій въ небо Петръ велѣлъ.

1. Восхищеніе. (§ 239.)

2. Второе (правило къ составленію чистыхъ вымысловъ) состоитъ въ приложеніи, когда части, свойства или дѣйствія вещамъ придаются отъ иныхъ, которыя суть другаго рода. Такимъ образомъ прилагается безсловеснымъ животнымъ слово и пр. (§ 156.)

2. 1 — 4. Указаніе. (§ 218.)

3. 1 — 5. Дѣепричастія съ своими падежами полагаются приличнѣе напереди. (§ 319.)

9. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

10. Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно, которыми стихотворцы осо-

бливо возвышаютъ Героическія поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. (§ 158.)

11. Вымыслъ, умягченный обращеніемъ. (§ 163.)

12. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

13. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. Здѣсь уравняемое есть больше нежели то, съ чѣмъ оно уравняется. (§ 71.)

14. Запмословіе бываетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. (§ 219.)

16. Отвѣтствованіе есть, когда сочинитель слова самъ себѣ на свой вопросъ отвѣщаетъ. (§ 215.)

19. 1 — 6. По союзамъ располагаются періоды такъ какъ сами союзы другъ другу натурально слѣдуютъ. (§ 322.)

ОДА 7.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1746. Г.

1. Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна!
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисавешъ тебѣ дана,

Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерши
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавишь,
Судьей надъ царствами поставишь,
И выше облакъ вознести.

1 5. Воздвигнуть намъ.
1 9. Судей.

=

3. Сквозь тучи бывшія печали,
Что люпый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ, войнами возмущенный,
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сіяютъ счастливы планеты;
Я слышу тамъ натуры гласъ.

—

10. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Береговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ;
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

10. 3. Безъ гнѣва,
10. 7—9. Но пользой больше прочихъ рѣкъ.
Своею тихою водою
Въ брегахъ зеленыхъ пролитою.

=

16. Парящей Поэзіи ревность
Дѣла Твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни вѣтха древность
Похвалъ Твоихъ на пресѣчетъ.
Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Ипо́крашъ посвящаетъ,
И усугубитъ тѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравіе Твое.
16. 10. Дражайше здравіе Твое.

=

17. Да будетъ тое невредимо,
Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

=

I. Напряженіемъ или стеченіемъ называется сплетеніе многихъ важныхъ идей до одной матеріи надлежащихъ и въ одномъ періодѣ или членѣ періода включенныхъ. (§ 232.)

3. Седьмой способъ къ сосплавленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое. Здѣсь прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста. (§ 161.)

10. Уподобленіе служитъ къ распространенію слова: когда многія свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенныя предлагаются. (§ 69.)

16 и 17. Желаніе. (§ 234.)

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ПЕРЕХОДЪ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Пока не будетъ разработана отечественная Филологія во всей подробности, до тѣхъ поръ не будетъ и учебника для Гимназіи. А безъ учебника никоимъ образомъ не льзя опредѣлить, что́ и сколько должно проходиться въ томъ или другомъ классѣ. Для примѣра преподаванію я взялъ двѣ крайности — самую низшую и высшую, и этимъ частью уже обозначилъ, чему бы слѣдовало быть въ среднихъ классахъ. Разумѣется, что основательному изученію Карамзина и лѣтописей предшествуетъ изученіе библейскаго языка. Руководство къ тому Граммашика Добровскаго. — Вмѣстѣ съ чтеніемъ идетъ сравнительно-историческая Грамматика. Для логической стихіи въ языкѣ можно пользоваться сочиненіями Беккера, Герлинга, Шмитт-геннера. Опытъ раскрытія нравственнаго чувства учениковъ на изученіи языка предлагаю во 2-й части О препод. отеч. яз. стр. 173 — 190. Опытъ сравнительной Лингвистики ibid., въ статьяхъ:

о звукахъ, образованіе мѣстоименій, степени сравненія и пр. Исторической Лингвистики — въ исторіи рускихъ мѣстоименій, въ сложныхъ словахъ, съ синтаксическихъ замѣшкахъ, въ исторіи народнаго языка. Съ одной стороны учащіеся вникаютъ въ живое значеніе буквы — въ статьяхъ: приставки и окончанія (между прочимъ, воспользоваться Филолог. наблюденіями Павскаго, во 2-й части: объ образованіи существительныхъ), образованіе мѣстоименій и мѣстоименныхъ нарѣчій и пр.; а съ другой стороны, на изученіи языка знакомятся со всѣмъ внутреннимъ бытомъ своего народа, начиная отъ Миѳологіи и повѣрій народныхъ до Поэзіи, Философіи и Христіянства — въ статьяхъ: роды именъ существительныхъ, Ономастика, архаизмы и пр.

Такъ какъ теоретическія изслѣдованія постоянно основываю на цитатахъ: то руководство теоріи при чтеніи писателя не представляетъ большихъ затрудненій. Сверхъ того для облегченія предлагаю краткій указатель нѣкоторымъ реченіямъ, объясненнымъ во 2-й части.

азъ 32, 79.
armbrust 129.
аще 163.
бережистъ 58.
березозолъ 319.
бисеръ 324.
блаженство 189.
блудъ 188.
богъ 190, боги 278.
борзый 215.
братанъ, — а 250.
братучадъ, — о, — а 250.
братъ 41.
братъсестръ 250.
буйной 214.
буя палата 288.
быстрый 173.
бышь 41.

бѣлбогъ 63.
бѣсъ 106.
вельми 72.
верста 179.
весь 84.
весьма 72.
вещь 177.
вз — , воз — 161.
взводъ 340.
видѣшь 184.
вкусъ 184, 337.
вліяніе 336.
вмѣсто, замѣсто 161.
внѣ 73.
вода 41, 172.
войскій 57.
волкъ 43, 109, 268.
wolf 108.
Волховъ 117.
воля 188.
вороногрaй 66, 262.
воскреснешь 182.
время 179.
всюду 86.
vulpes 108.
въ 159.
выну 72.
Вышеградъ 63.
вѣмь 90.
вѣра 187, 188.
вѣщій 174.
гдѣ 86.
heide 169.
hëll 172.
gentilis 169.
годъ, година 179.
gold 172.
голова 240, 241.
гораздо 75.
гостинецъ 340.
грабишь 41.
громъ 107.
грѣхъ 172, 188.
гудьба 290.
гулебщикъ 343.
гусь 42.
д 86.
дажьбогъ 62.
дамь 90.
дверь 41.
двѣнадцашь 68.
деисусъ 285.
день 106, 166.
десница 41.
дивъ 275.
днище 59.
доба 180.
долой 28, 71.
домой 28, 71.
досадникъ 54.
доспѣшь 340.
Дунай 117, 276.
духовница 288.
душа 181, 247.
дщи 41.
дѣвый 53.
дѣдина, дѣдній 250.
еллинскій 274.
есмь 89.
желашь 189.

жизнь 181.
жпловашъ 59.
заводь 52.
займище 341.
заревъ 319.
заступь 52.
звѣрь 108.
звѣряница 269.
зерно 42.
земля 107.
змѣй 112, 168. змѣиныя крылица 277.
золотой 215.
и 81.
изголовъ 52.
изокъ 319.
имовишъ 59.
ино 163.
искусный 55.
искуство 184.
исполинъ 323.
истина 186.
к 82, 87.
каждый 85.
каленый 215.
калугеръ 297.
качество 185.
керелешь, корелесь 326.
ключница 288.
когда 86.
кой 82.
кокора 341.
коло 340.
каловрашный 172.
колымага 526.
кольми 72.
коляда 276.
конь 239.
копье 238.
корабль 124.
кость 240.
который 82, 99, 140, 305.
красный 214.
кромѣ 71.
куда 86.
кукушка 110.
кумысъ 326.
купало 275.
купальница 276.
курокликъ 66, 262.
кустодія 327.
лада 275.
ласточка 50, 110, 266.
лебедь 109.
лиса 267.
листопадъ 66 318.
лихорадка 131.
лицо 241.
лобъ 287, 322.
лукашь 168.
лупежъ 172.
lupus 172.
лѣкарь 176.
лѣто 180.
лѣтопись 242.
любовь 189.
любь 52.
люшый 269.
малолѣшокъ 343.
малый 139.

машерой 214.
медвѣдина 279.
медвяный 215.
медуша 288.
меченоша 53.
мечша 286
мечь 239.
милость 189
милый 214, 336.
мирникъ 54.
мірское или Княжее имя 64.
міръ 178.
Москва 123.
мужатая 58.
мьстьбогъ 67.
мѣстничество 242.
мѣсяцъ 106.
мѣхоноша 53.
мя 97.
на 159.
надъ 150, 160.
наизусть 74.
намедни 74.
насть 343,
наука 186.
наукъ 52.
небо 41.
невѣрникъ 55.
nein 77,
нелюбкы 53.
nemo 77.
нетій 250.
nihil 78.
низги 77.
nicht 77, 78.
новый 27.
non 77.
ночь 106, 172.
нѣ 85.
нѣкій 97.
нѣмецъ 326.
нѣсмь, нѣшь 77.
о, объ 160.
обловы 341.
обоняшь 183.
обръ 323.
огонь 107, 167.
однава 71.
окаянный 55.
океанъ 116.
око 42.
около 73.
омылка 341.
on 85.
оно 164.
онъ 81, 98.
опричь 73.
опышъ 185.
особа 101.
ослзашь 184.
опній, опечній 250.
опчаянный 55.
паганый 169.
pas 78.
payen 169.
пекельница 288.
первый, вшорой и пр. 140.
Переяславль 63.
personne 78.
печальникъ 54.

плавня 343.
плакашься 150.
плеча 288.
плугъ 121.
по 160.
побоище 60.
побѣдище 59.
повалуша 288.
поводь 52.
подъ 160.
point 78.
покрай 160.
пол — 69.
полный 41.
полчище 59.
поняше 183.
поперекъ 74.
пора 180.
порокъ 188.
посаженикъ 54, 143.
пошибъ 289.
полсъ 286.
правда, праведникъ 187.
прежде 86.
прелесшный 55.
пресловушый, пресловущій 56.
признакъ 185.
промыслъ 190.
просинецъ 318.
пшаха, пшица 41, 109,
purus, πῦρ 167.
пуща 341.
пѣсни 259.
пяшница 289.
пяшьдесящъ 68.
ради 161.
радигосшъ 63, 64.
рало 122.
развишіе 337.
разумъ 182.
распалишься 340.
rien 78.
рипида 285.
ролейный 341.
рокъ 190.
рука 240, 241.
рыба 111.
рюенъ 318.
самъ 84.
свашовишъ 63.
свобода 165, 166.
свойсшво 185.
свычай 343.
свѣсшь 249.
свѣшъ 177.
Св. Софія 246.
Св. Спасъ 246.
Св. Троица 246.
себя 101.
сей 83.
серебряный 215.
сесшреничъ 250.
сидѣшь 41.
силлогизмъ 322.
симаргла 273.
синій 215.
сквозь 160, 161.
слава 248, 276.
слово 183.

слонъ 172.
слухъ 183.
соколъ 110.
soleil 254.
солнце 106, 167, 254.
соловей 111.
солома 264.
сочиненіе 186.
спашь 41.
старина 243.
стрибогъ 62.
стрый 250.
стрѣла 129.
стрѣлище 59.
стрѣляшь 168.
студеный 318.
судьба 190.
сужденіе 183.
сухой 319.
счастіе 189.
съ 159.
сыновецъ 250.
сырой 215.
сышиврашъ 63.
сышь 52.
сѣнь 285.
сѣченъ 319.
ся 80.
ш 82.
шамъ 86.
шворки 53, 132.
шеперь 74.
шогда 86.
шонокъ 41.
шопъ 52, 226.
шошъ 83, 97.
шочію 72.
шравенъ 319.
шрагедія 315, 322.
шри 41.
шридцашь 68.
шугой 215.
шурій рогъ 217.
шуры 130.
шы 80.
шьма 172.
шѣ 97.
шябло 286.
шяну 41.
удалой, удашный 213.
ужикъ 249.
уй 250.
умъ 182.
уразъ 52.
feind, freund 142.
foras, foris 72.
хворостъ 40.
хладъ 42.
хорсъ 273.
хошѣшь 189.
художество 184.
царь—огонь, царь — водица 270.
цѣловашь крестъ 151.
цяша 285.
часъ 179.
челомъ бишь 166.
червенъ 319.

червонный 184.
черпа 336.
честь 248.
чортъ 176.
шипъ 52, 226.
шлемъ 130, 239.
щитъ 238.
эшошъ 83.
яйцо 111.
ямь 90.
ясный 214.
яровой 180.
яшровь 249

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОПРАВКИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПОГРѢШНОСТЕЙ ВО 2-Й ЧАСТИ:

3, 14 Česco-Německу́, 10, 27 рукопись 1377. 17, 6 въ придыханіе; 22, 15 Porata 45, 9 корень яд; 45, 26 д умяг- 58, 25 bala-wat 71, 23 *κομιδῆ* отъ *κομιδή* (cura). 82, 22 *κότερος* 88, 28 естественно 102, 29 1) Прошивъ Беккера. 125, 3 гривы 125, 15 означающее 134, 19 — 20 или даже — напр. (*выбросить*) 167, 28 Эйхгофа 171, 7 Русскихъ 179, 27 шакъ 271, 29 выше, 273, 23 выше 288, 1 рѣлъ (*выбросить*) 345, 21 овыдень.

Маловажныя опечатки читатель благоволитъ исправить самъ.

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳедора Буслаева,

СТАРШАГО УЧИТЕЛЯ 3-Й МОСКОВСКОЙ, РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1844.

Печатать позволяется.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 20го Марта, 1844 года.

Цензоръ В. Флеровъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

введеніе 1
матеріялы для Руской Грамматики 14
членораздѣльные звуки 15
звуки гласные 16
звуки полусогласные 26
звуки согласные 38
приставки и окончанія 49
сложныя слова 60
образованіе нарѣчій 69
пропзводство мѣстоименій 78
мѣстоименныя нарѣчія 85
склоненіе 87
спряженіе 89
значеніе и раздѣленіе мѣстоименій 92
исторія рускихъ мѣстоименій 95
о родахъ именъ существительныхъ 104
степени сравненія 134
синтаксическія замѣтки 141
имя ..... —
глаголъ 149

Стран.

предлогъ 159
союзъ 162
матеріялы для Руской Стилистики 164
ономашика 170
народный языкъ 191
1. шавшологія 192
2. описаніе 195
3. эллипсисъ 196
4. эпитеты 198
5. періодъ 202
6. сравненіе 205
7. фразеологія 207
исторія народнаго языка 209
архаизмы 228
1. ономашика 230
2. изобразительныя выраженія 235
3. бытъ воинскій 237
4. бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина 241
5. бытъ религіозный. Отечество. Честь 243
6. бытъ семейный и общественный 248
7. языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, поэзія, игры 254
8. Христіянскій взглядъ на природу физическую. Христіянская Символика. Краснорѣчіе 279
9. зодчество, ваяніе, живопись, музыка 284
10. предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь 291
исторія архаизмовъ 303
стихіи чужеземныя 309
1. грецизмы въ церковномъ языкѣ 316
2. время 317
3. науки и искуства 320
4. алфавиты 323
5. варваризмы въ лѣтописяхъ 325
6. варваризмы въ народномъ языкѣ 327

Стран.

7. исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго 328
провинціализмы 338
1. въ Вологодской губерніи 344
2. въ Архангельской губерніи 347
3. по Волхову, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска и пр. 349
4. въ Ярославской губерніи 352
5. въ Костромской губерніи 353
6. въ Тверской губерніи 354
7. въ Владимирской губерніи 356
8. въ Тульской губерніи 357
9. въ Рязанской губерніи 358
10. въ Сибири 359
11. въ Малороссіи 370
заключеніе 373

МАТЕРІАЛЫ

для

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ.

Въ настоящее время наука объ языкѣ достигла высокой степени совершенства. Одни филологи изслѣдуютъ вдругъ по нѣскольку языковъ древнихъ и новыхъ, азіятскихъ и европейскихъ, и сравниваютъ ихъ между собою; другіе берутъ какой либо одинъ языкъ, проходятъ его по всѣмъ нарѣчіямъ, и послѣдовательно ведутъ его исторію отъ самыхъ древнихъ памятниковъ его литературы до позднѣйшихъ временъ; третьи подводятъ всѣ частныя видоизмѣненія грамматическихъ формъ къ общимъ философскимъ законамъ. Первый способъ изученія называется *сравнительнымъ*, второй—*историческимъ*, третій—*философскимъ*. Такимъ образомъ

Филологія разработывается теперь и въ ширину т. е. сравнительно, и въ длину—исторически, и въ глубину—философски. Эти три способа взаимными силами подкрѣпляютъ другъ друга. Такъ историческій обыкновенно идетъ рука объ руку съ сравнительнымъ; притомъ историческій есть уже вмѣстѣ и сравнительный, ибо предполагаетъ сравненіе формъ языка въ различныхъ періодахъ времени; а сравнительный вмѣстѣ и историческій, ибо сравниваетъ языки различныхъ временъ. Оба они служатъ матеріальной основой способу философскому, который съ своей стороны освѣщаетъ идеею и совокупляетъ стройнымъ единствомъ многоразличные и разрозненные факты изученія историческаго и сравнительнаго. Теперь лучшая сравнительная Грамматика Ф. Боппа; Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen 1833—1842 г.; лучшая историческая Я. Гримма: Deutsche Grammatik, въ четырехъ частяхъ: послѣдняя часть вышла въ 1837 г., третье изданіе первой въ 1840 г.; лучшая философская К. Ф. Беккера: Organism der Sprache, второе изданіе, 1841 г.

Состоя въ тѣсной связи со всѣми Славянскими нарѣчіями и преимущественно съ церковнымъ, Русскій языкъ необходимо долженъ изучаться сравнительно; Славянское народописаніе, составленное Шафарикомъ, и переведенное на Русскій языкъ Проф. Бодянскимъ въ 1843 г., предлагаетъ матеріалы для сравнительной Грамматики Славянскихъ нарѣчій;

Граммашика Боппа связываешъ Славянскій языкъ съ Индо-европейскими. Обоюдное содѣйсшвіе языка Русскаго и Церковно-Славянскаго въ шеченіи всей исторіи нашей Словесносши, и въ слѣдсшвіе шого, измѣненіе формъ шого и другаго, вмѣняюшъ въ обязанносшь изученіе нашего языка исшорическое. Для исшоріи Церковно-Славянскаго классическое сочиненіе Іос. Добровскаго: Institutiones Linguae Slavicae dialecti veteris, 1822 г., переведенное Проф. Погодинымъ и Шевыревымъ въ 1833—1834 г.; для исшоріи Русскаго языка Граммашики не имѣемъ. Лучшее сочиненіе въ области Славянской Филологіи, соединяющее въ себѣ исшорическое изученіе съ сравнишельнымъ, Іос. Юнгманна: Slownik Cěsco-Německý, Словарь Чешско-Нѣмецкій, въ пяши часшяхъ, 1835—1889 г.; дополненіемъ къ нему можешъ служишь Польскій Словарь Линде, въ шесши часшяхъ.

Хошя общая философская Граммашика легко примѣняешся ко всякому языку, однако безъ сравнишельнаго и исшорическаго запасу будешъ она у насъ весьма шашка и несосшояшельна. Изслѣдовашель Русскаго языка долженъ имѣшь въ виду послѣдніе, непреложные резульшашы ея, но не поддаваясь осшроумнымъ сближеніямъ и сисшемашическимъ напяжкамъ. Главнѣйшія заслуги Философіи языка сосшоящъ: 1) въ опредѣленіи языка органическимъ, живымъ и цѣлымъ произведеніемъ духа человѣческаго; 2) въ признаніи шѣснѣйшей, неразрывной связи между этимологіею и синшаксисомъ;

3) въ точнѣйшемъ опредѣленіи частей рѣчи, и
4) въ систематической обработкѣ синтаксиса.

I. Мысль объ организмѣ языка принадлежитъ В. Гумбольдту, который преимущественно развилъ оную въ предисловіи къ своему сочиненію: Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Iava, 1836. Беккеръ проводитъ ее черезъ всю Грамматику. Прежде думали, что языкъ составился какимъ то безжизненнымъ, механическимъ наборомъ звуковъ, начиная отъ буквъ и складовъ до предложеній; предполагали, что прежде всего человѣкъ изобрѣлъ отдѣльные звуки, потомъ отдѣльныя слова, далѣе началъ ихъ измѣнять, склоняя или спрягая, и наконецъ изъ словъ составилъ предложеніе. Этому-то мнѣнію о мертвенномъ составѣ языка противополагается теорія о живомъ организмѣ онаго. Человѣкъ говоритъ, ибо мыслитъ; мысль выражается не отдѣльнымъ звукомъ, но цѣлымъ рядомъ словъ: слѣдовательно, предложеніе есть основная форма рѣчи.

2. Какъ понятіе есть сжатое сужденіе, такъ и во всякомъ имени или глаголѣ основою лежитъ предложеніе, напр. источникъ — то, что истекаетъ; дѣло — то, что сдѣлано, дѣлается; крыло — то, чѣмъ покрывается; идетъ, говоритъ — подразумѣвается: кто нибудь. Опредѣленіе также вышло изъ предложенія: прилежный ученикъ — изъ: ученикъ прилеженъ; слѣдовательно, прилагательное внѣ предложенія не можетъ быть объяснено. Дополненіе есть необходимая синтаксическая принадлежность

глагола и прилагательнаго, напр. Богъ сотворилъ небо и землю, дитя наклонно къ добру; слѣдовательно, падежъ и предлогъ объясняются только въ предложеніи. Существительныя, произшедшія отъ глаголовъ и прилагательныхъ — относительныхъ, требуютъ тоже дополненія; такъ изъ предыдущихъ предложеній образовываются: сотвореніе неба и земли, наклонность къ добру. Выраженія: восходъ солнца, посѣвъ пшеницы, густота лѣса — вышли изъ предложеній: солнце восходитъ, пшеница посѣяна, лѣсъ густъ. Такимъ образомъ синтаксисъ есть основа всему построенію языка; этимологія же только приспособляетъ слова различными измѣненіями и формами къ составленію предложенія. Какъ слово есть часть предложенія, такъ и этимологія входитъ въ синтаксисъ, какъ его часть. Части рѣчи суть не иное что, какъ различныя формы мысли. Подлежащее и сказуемое могутъ выражаться различными формами: подлежащее — существительнымъ, прилагательнымъ, мѣстоименіемъ, глаголомъ и пр., однако всегда въ видѣ именительнаго падежа; сказуемое — глаголомъ, прилагательнымъ, существительнымъ и пр., однако всегда въ видѣ глагола. Равнымъ образомъ обстоятельство можетъ быть выражено, или въ формѣ нарѣчія — вчера, сюда, или существительнаго въ падежѣ или съ предлогомъ — ночью, въ городъ, или дѣепричастія — говоря, — однако всегда въ видѣ нарѣчія. Дополненіе выражается или падежемъ, или предлогомъ: то и другое есть внѣшняя форма до-

полненія. Опредѣленіе бываетъ или въ видѣ прилагательнаго — суконный кафтанъ, или существительнаго въ именит. пад. — рѣка Днѣпръ, или въ косвенномъ — кровать слоновыхъ костей, или съ предлогомъ — кафтанъ изъ рудожелтаго сукна: однако всѣ эти формы употребляются въ видѣ прилагательнаго. Смотря по своему служенію въ предложеніи — когда, тогда, гдѣ, здѣсь — могутъ быть и союзами и нарѣчіями. Слѣдовательно, всѣ части рѣчи и измѣненія ихъ получаютъ свой смыслъ по мѣсту, занимаемому ими въ предложеніи. Впрочемъ кромѣ того имѣютъ онѣ и свое собственное неизмѣнное значеніе, какъ отдѣльныя формы. Опредѣленіе этихъ формъ составляетъ ученіе о категоріяхъ частей рѣчи.

3. Между частями рѣчи съ перваго взгляду замѣчается слѣдующее весьма важное различіе: именъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ несмѣтное множество, число же мѣстоименій, предлоговъ, союзовъ весьма ограниченно. Нарѣчій коренныхъ также не много, а производныхъ можно образовать столько же, сколько именъ и глаголовъ. Имена числительныя хотя могутъ восходить до безконечности, но отличаются отъ прочихъ частей рѣчи тѣмъ, что вращаются повтореніемъ не многихъ основныхъ названій. Слѣдовательно, разнообразіе мыслей выражается именами существительными, прилагательными и глаголами; собраніе ихъ составляетъ Словари. Прочія же части рѣчи всѣ исчисляются въ Граммашикѣ, за исключеніемъ про-

изводныхъ нарѣчій и разнообразныхъ повтореній въ образованіи именъ числительныхъ. Въ Словарѣ содержится вещество языка; Грамматика этому веществу даетъ образъ и смыслъ; достояніе Словаря — только одни неподвижныя названія предметовъ: Грамматика опредѣляетъ ихъ общее значеніе и указываетъ на живое вращеніе ихъ въ языкѣ. Такъ какъ число мѣстоименій, предлоговъ, союзовъ, основныхъ нарѣчій и числительныхъ ограничено, а употребленіе ихъ въ языкѣ необходимо ежеминутно, то очевидно, что сіи части рѣчи должны выражать въ себѣ какія *либо общія* отношенія, примѣняемыя ко всякому содержанію разговора или рѣчи. А такъ какъ общее для всякой рѣчи не можетъ выразить того, что хотимъ сказать *опредѣленно* о какомъ-либо извѣстномъ предметѣ, то ясно, что для изображенія точной, опредѣленной мысли должны мы употреблять существительныя, прилагательныя и глаголы: ибо только сіи части рѣчи выражаютъ все разнообразное содержаніе мысли, а потому могутъ быть названы *знаменательными* (Begriffswörter), въ противоположность остальнымъ, кои назовемъ *служебными* (Formwörter). 1.) Служебныя части рѣчи соотвѣтствуютъ флексіи, приставкамъ и окончаніямъ знаменательныхъ; предлогъ соотвѣтствуетъ падежу: въ Кіевѣ по церковнослав. Кіевѣ, въ Кіевъ—Кіеву; два, двѣ—двойственному числу: два крыла—крилѣ; личное мѣсто-

1) Эти термины беру изъ Ломоносовой Грамматики.

именіе—личному окончанію глагола: знаю, знаешь и я зналъ, ты зналъ; союзъ—иногда наклоненію: да будешъ и будь. Два предложенія могутъ соединяться или окончаніемъ — дѣла-ющій, или мѣстоименіемъ — который дѣлаетъ, или союзомъ. Глаголы вспомогательные относятся также къ служебнымъ частямъ рѣчи, ибо и они соотвѣтствуютъ флексіямъ и образующимъ слогамъ: сдѣлаю и буду дѣлать. Знаменательныя части рѣчи выражаютъ предметъ рѣчи, служебныя—личность говорящаго, способъ представленія этого предмета. Такъ какъ самодѣятельность говорящаго отпечатлѣвается и на именахъ и глаголахъ флексіями, то и въ этомъ отношеніи сходство между флексіями и частями рѣчи служебными.

4. Такъ какъ синтаксисъ болѣе, чѣмъ этимологія, подлежитъ анализу логическому, потому бо́льшую и существеннѣйшую пользу принесла Философская Грамматика синтаксису. По системѣ Беккеровой обработанъ теперь синтаксисъ Греческаго и Латинскаго языка. Кромѣ Беккера, для синтаксиса должно указать на сочиненіе Герлинга: Die Syntax der deutschen Sprache, двѣ части 1830 — 1832 года.

Односторонность Философской Грамматики состоитъ въ томъ, что она видитъ въ языкѣ только одну логику, опуская изъ виду всю полноту и многосторонность народной жизни. Поэтому-то несравненно глубже историческій взглядъ Гримма на языкъ. Гриммъ полагаетъ Филологію краеуголь-

нымъ камнемъ не только Исторіи, но и Правовѣденію и Миѳологіи, въ чемъ всякъ убѣдится изъ его Deutsche Rechtsalterthümer и Deutsche Mythologie. Только историческая Граммашика можешъ познакомишь съ внутренними силами и богашствомъ языка. Сравнишельный способъ надеженъ единсшвенно шогда, когда исшорически исчерпаны всѣ сокровища языка; шакъ главный недосшашокъ Филологическихъ наблюденій Павскаго (1841—1842 г. 3 часши) сосшоишъ въ шомъ, что сравненіе Русскихъ формъ съ языками чуждыми не скрѣплено исшоріею Славянскаго языка: ошъ шого недосшаешъ и сравненія съ Славянскими нарѣчіями.

Держась меѳоды Гриммовой, предлагаю нѣсколько маше́ріаловъ для исшорической Русской Граммашики. Надѣюсь, что меня не осудяшъ за шо, что разсмашриваю Русскій языкъ въ шѣсной связи съ Славянскими нарѣчіями: Нѣмецкая Граммашика Гримма обнимаешъ всѣ Нѣмецкія нарѣчія. Главнѣйшіе памяшники лишерашуры, коими я пользовался:

1. Осшромирово Евангеліе 1056—1057 года, изданное Воспоковымъ съ граммашическими объясненіями 1843. Для граммашики эшого памяшника: Разсужденіе Востокова о Славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ Граммашикѣ сего языка, сосшавляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памяшникамъ, въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, XVII. Осшромирово Евангеліе есшь древнѣйшій церковнославянскій памяшникъ, писанный Кирилловскими буквамн.

2. Кеппена Собраніе Словенскихъ памятниковъ, 1827, содержитъ въ себѣ статьи Фрейзингенской рукописи, относящейся къ X вѣку (957 — 994). Съ Граммашикою и Словаремъ.

3. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, издан. Шафарикомъ и Палацкимъ 1840; содержашъ въ себѣ: Судъ Любуши, отрывокъ Евангелія отъ Іоанна (оба IX или X в.), Глоссы Mater Verborum 1202 г. Образцовое филологическое изданіе, съ Граммашикою и Словаремъ.

4. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, К. Калайдовича, 1824. Классическое, лучшее у насъ филологическое сочиненіе; кромѣ отрывковъ изъ произведеній Іоанна Ексарха (жившаго въ концѣ IX и началѣ X в.), содержитъ любопытнѣйшія приложенія: три отрывка изъ повѣсти о раззореніи Трои, переведенной по повелѣнію Болгарскаго Князя Симеона пресвитеромъ Григоріемъ; о сославленіи Словенскаго Алфавита, сочиненіе монаха Храбра; о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ, и др.

5. Русскія достопамятности, двѣ части, 1815 — 1843; въ нихъ Русская Правда и памятники литературы XI в. и позднѣйшіе, съ филологическими примѣчаніями.

6. Лѣтопись Несторова по Лаврентьевскому списку, изд. Тимковскимъ 1824. Несторъ жилъ въ XI въ началѣ XII в.; рукопись 1380 г.

7. Памятники Россійской Словесности XII в., изданные К. Калайдовичемъ, 1821; между ними со-

чиненія Кирилла Туровскаго, слово Даніила Заточника и др.

8. Слово о полку Игоревѣ.

9. Краледворская Рукопись, четвертое изданіе Ганки, 1843. Хотя эта Чешская рукопись относится къ XIII в. (около 1280—1290), однако содержитъ поэмы, носящія на себѣ слѣды гораздо большей древности и воспѣвающія языческій бытъ Славянъ.

10. Новогородскія лѣтописи, изд. Археограф. Коммисіею, въ третьемъ томѣ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, 1841.

11. Кіевская и Волынская лѣтописи, изд. Археограф. Коммисіею ibid., во второмъ томѣ, подъ именемъ Ипатьевской лѣтописи, 1843.

12. Псковская лѣтопись, изд. Погодинымъ, 1837, съ историческими и филологическими замѣчаніями.

13. Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовичемъ, съ присовокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, 1818. Драгоцѣннѣйшій памятникъ для исторіи Русскаго языка до Петра Великаго.

14. Приводимые Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. отрывки изъ древнихъ рукописей.

15. Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное Востоковымъ, 1842, содержитъ отрывки изъ рукописей различныхъ временъ.

Знаю, что остается еще необозримое количество матеріаловъ для исторической Русской Грам-

матики; чувствую и то, что я не могъ и вышеисчисленными памятниками воспользоваться вполнѣ, во первыхъ уже и потому, что не имѣлъ въ виду изслѣдовать всѣ части Грамматики; покрайней мѣрѣ по силамъ своимъ пытался дать историческую основу Русскому языковѣденію.

Въ присоединеніи Стилистики къ Грамматикѣ не вижу никакого неудобства: ибо и нѣкоторыя Грамматическія статьи, по своему отношенію къ древностямъ, къ быту народному и литературѣ, разширяютъ уже область Грамматики, такъ напр. статья о родахъ, о словахъ сложныхъ. Отъ Словаря и Синтаксиса Стилистика восходитъ къ построенію цѣлой рѣчи, ораторскаго слова, поэтическаго описанія и пр. Въ словесномъ произведеніи каждая часть проникнута общею мыслію цѣлаго; провести же эту общую мысль отъ отдѣльнаго слова и предложенія черезъ цѣлую рѣчь и прозаическую и поэтическую, и связать единою жизнію всѣ разрозненныя части ея можно только тогда, когда совокупимъ тѣсною связью Грамматику съ Стилистикой.

Кто знаетъ, какъ труденъ въ Филологіи исторической путь, тотъ вѣрно не осудитъ меня въ недостаткѣ стройной системы и полноты. Я и самъ очень хорошо вижу, что предложенные мною немногіе матеріалы—только зародышъ того, чему быть слѣдуетъ. Исторія Рускаго языка ожидаетъ такихъ же необъятныхъ трудовъ, какіе положилъ

Карамзинъ на созданіе Исторіи Государства Россійскаго.

Впрочемъ, чтобы совершенно отклонить отъ себя нападки на то, почему избрано для обработки то, а не другое, и почему между нѣкоторыми статьями нѣтъ систематическаго перехода, — долженъ признаться я въ скромномъ, но чрезвычайно лестномъ для меня стремленіи выполнить завѣщаніе Ломоносова. Въ 1825 году обнародована была собственноручная его записка слѣдующаго содержанія 1):

Филологическія изслѣдованія и показанія къ дополненію Грамматики надлежащія.

1. О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.
2. О сродныхъ языкахъ Россійскому.
3. О Словенскомъ церковномъ языкѣ.
4. О простонародныхъ словахъ.
5. О преимуществахъ Россійскаго языка.
6. О чистотѣ Р. я.
7. О красотѣ Р. я.
8. О синонимахъ.
9. О новыхъ Россійскихъ рѣченіяхъ.
10. О чтеніи книгъ старинныхъ....
11. О Лексиконѣ.
12. О переводахъ.

Въ этихъ двѣнадцати пунктахъ заключается оправданіе, почему я, не думая о нововведеніяхъ, осмѣлился расширить предѣлы Грамматики, и для

1) Московскій Телеграфъ No XIX.

чего ввелъ въ науку статьи объ архаизмахъ, народномъ языкѣ, провинціализмахъ и варваризмахъ.

Пока у насъ не будетъ полной сравнительно-исторической Граммашики, до тѣхъ поръ слѣдовательно не будетъ и краткаго извлеченія изъ оной для Гимназій. Предложенными мной матеріалами можно пользоваться съ учениками только при чтеніи писателей древней и новой литературы Русской. Въ послѣдствіи, какъ результатъ чтенія, можно предложить имъ нѣкоторыя статьи въ систематическомъ порядкѣ, согласуясь съ силами и знаніями учащихся.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Обращаю вниманіе: на членораздѣльные звуки, какъ важнѣйшій и основной въ этимологіи предметъ; на образованіе словъ, т. е. на приставки и окончанія, слова сложныя, нарѣчія; на мѣстоименія въ связи съ склоненіями и спряженіями; на роды именъ существительныхъ и степени сравненія прилагательныхъ. О глаголахъ говорю въ синтаксической части, ибо глаголъ есть среднее, основное звено предложенія; туда же отношу статьи о союзахъ и предлогахъ. Впрочемъ должно замѣтить, что я не счелъ нужнымъ полагать строгаго разграниченія этимологіи отъ синтаксиса: потому и въ этимологической части найдется много синтаксическаго.

ЧЛЕНОРАЗДѢЛЬНЫЕ ЗВУКИ.

Членораздѣльностью слово существенно отличается отъ музыкальныхъ звуковъ и звѣринаго крика 1). Согласные звуки необходимо сопровождаются движеніемъ воздуха, который по отверстію, гдѣ проходитъ, и по мѣсту, гдѣ образуетъ звукъ, опредѣляетъ различные согласные звуки. Такимъ образомъ составляется слогъ. Въ немъ собственно одинъ звукъ, а не два, или нѣсколько, какъ казалось бы по обыкновенному нашему способу написанія. Раздѣленіе простаго слога на звукъ согласный и гласный, какъ на части самостоятельныя, есть только искусственное. Въ природѣ же согласный и гласный такъ опредѣляютъ другъ друга, что составляютъ для слуха нераздѣльное единство. Для выраженія на письмѣ такого естественнаго свойства было бы правильнѣе изображать гласный не самостоятельно буквою, а видоизмѣненіемъ согласной, какъ это и существуетъ во многихъ азіятскихъ азбукахъ. Собственно говоря, и гласные не могутъ произноситься одни. Образующее ихъ движеніе воздуха должно встрѣтить слышимое препятствіе и къ чему-либо приразиться: отсюда необходимость при нихъ или яснаго согласнаго звука, или же придыханія, которое и означается на письмѣ во многихъ языкахъ при начальной гласной

1) W. Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache, 1836, I, LXXXIV.

буквѣ. Это придыханіе мало помалу можетъ отвердѣть до гортанныхъ согласныхъ, и различныя степени этого отвержденія выражаются въ языкѣ особыми буквами. Переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ образуетъ звуки полусогласные, раздѣляющіеся на плавные и придыханія. Безконечно разнообразное сліяніе согласныхъ и полусогласныхъ съ гласными, проникнутое внутреннею живительною силою, раждаетъ благозвучіе языка 1). Гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костями и плотью языка, гласные же — тѣмъ, что орошаетъ и живитъ твердыя части, кровью и дыханіемъ. Изъ согласныхъ тѣло, изъ гласныхъ душа 2); согласные даютъ образъ, гласные цвѣтъ; безъ гласныхъ въ языкѣ не было бы свѣта и тѣни, безъ согласныхъ—матеріи, на которую ложилась бы свѣтло-тѣнь. На гласныхъ основывается нѣжность и мягкость, на согласныхъ сила языка.

ЗВУКИ ГЛАСНЫЕ.

Основные и первоначальные гласные звуки суть *и*, *а*, *у*; *а* самый полный гласный звукъ, и притомъ

1) Grimm, Deutsche Grammatik 1840, I, стр. 30 и 31.

2) Припомнишь сужденіе нашихъ предковъ: „согласная писмена якоже *плоть* есть, немощно ими рещи что безприкладу ѥкимъ писмене гласнаго . . . но стоятъ якоже без *душа*. Вся же согласная наричутся *плоть* и столпъ і число, и вся же гласная нарицаются *душа* и число.“ Алфавитъ, въ Описаніи Румянц. Музеума, стр. 5.

самый простой и легчайшій; отъ того господствуетъ онъ въ первыхъ словахъ дитяти: папа, мама, баба; въ ряду гласныхъ онъ занимаетъ средину; *и*, *у*— крайности, гдѣ гласные переходятъ къ согласнымъ: *и* есть верхняя ступень лѣствицы гласныхъ и переходитъ въ придыханіе *у* основаніе оной, переходитъ въ *в*; *е* есть серединный звукъ между *а* и *и*; *о* серединный между *а* и *у*. Формамъ съ звуками *и*, *а*, *у* часто соотвѣтствуютъ формы съ *е*, *о*. Такъ готскіе *а*, *і* переходятъ въ нѣмецкомъ языкѣ въ *е*: готск. giba, нѣм. ich gebe; готск. falta, нѣм. ich falte 1); греческимъ, ε, *о* иногда соотвѣтствуютъ латинск. *і*, *и*: ἐν in, ἔντος intus, ἄνεμος animus, πλέκω plico; греческимъ окончаніямъ—ος,—ον,—ων соотвѣтствуютъ латинск.—us,—um, ταῦρος taurus, ἄντρον antrum 2). Романскія frare, mare, pare, образовавшіяся изъ лат. fratrem, matrem, patrem, переходятъ во французскія frère, mère, père 3). Что *е*, *о* происходятъ и отъ сліянія главныхъ гласныхъ, т. е. *е* изъ *аи*, *о*, изъ *ау*, очевидно изъ французскихъ *аі*, *аи*, произносящихся теперь какъ *е*, *о*. Греческому двоегласному αι соотвѣтствуетъ Лат. *ае*: λαιὸς laevus, σκαιὸς scaevus; да и въ латинск. языкѣ *аі* предшествовало двоегласному *ае*:

---

1) Bopp, Vergleichende Grammatik, 3, 4 Grimm, Deutsche Gram. I. 39.

2) Schneider, Ausfuhrliche Gram. d. latein. Spr. 1810, I, 13 u 27.

3) Raynouard, Choix des poésies originales des troubadours, 1816, I, 30.

aidilis, quaistor, quairatis — изъ надписи на гробѣ Сципіона 1). Сличить лат. per, fero, sterilis, rectus съ готск. fair, baira, stairô, raihts 2). Равномѣрно *au* измѣняется въ o: шакъ лат. ausculum, ausculari перешли въ osculum, oscularі; простыя слова fauces, haurio въ сложныхъ измѣняются въ suffoco, dehorio. Такъ лат. aurum, auris, claustrum въ итальянск. oro, франц. or, нѣм. Ohr, фр. oreille, нѣм. Kloster 3). Первобытность иныхъ формъ языка опредѣляется именно тѣмъ, что въ нихъ присутствуютъ коренные звуки *u*, *a*, *y*; въ формахъ позднѣйшихъ этимъ звукамъ соотвѣтствуютъ производные *e*, *o*. Въ нѣкоторыхъ языкахъ вовсе нѣтъ *e*, *o*, какъ напр. въ древне-арабскомъ, который вмѣсто оныхъ употребляетъ двоегласные *ai*, *au* 4). Въ русскомъ языкѣ остатокъ древнѣйшаго *a* виденъ въ предлогахъ пра, па: прадѣдъ, пращуръ, правнукъ; паозерье, память (помяну), паволока. Наше пра- одинаково съ санскр. предлогомъ pra (vor); впослѣдствіи измѣнилось въ пре (преумный): отъ него происходитъ числит. первый: слич. лат. primus, греч. πρῶτος, санскр. prathamas 5). Переходъ отъ *i* къ *e* составляетъ *ъ*: отсюда соотвѣтствіе между лат. nidus, пих и нашими гнѣздо, снѣгъ. И въ русскомъ языкѣ

---

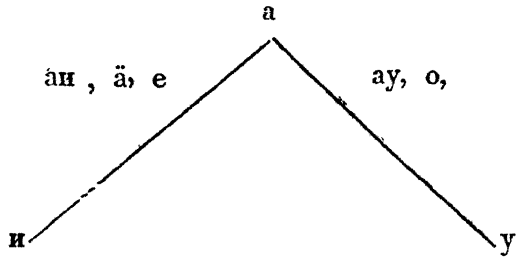
1) Schneider, Ausf. Gr. I, 51.
2) Grimm, D. Gr. I, 52.
3) Schneider, I, 58 — 60.
4) Gesenius, Hebräische Gram. 1842. 21.
5) Bopp, Verg. Gr. 392, 458.

звуки *о*, *е* являются производными, несамостоятельными: слич. Цс. гласъ, класъ, храмъ, нравъ съ р. голосъ, колосъ, хоромы, норовъ; Цс. вѣтръ, брегъ съ р. вѣтеръ, берегъ. Потому эти звуки бываютъ у насъ соединительными: пут-е-шествіе, вод-о-падъ; и бѣглыми: от-е-цъ отца, ов-е-цъ овца; зв-о-ву звать, ок-о-нъ окно.

Слѣдовательно лѣствица гласныхъ звуковъ можетъ быть представлена такъ:

(с, ѫ, дж.) и
е
а
о
у (в, б. . .)

или, если примемъ *а* центромъ.



Особенность гласныхъ состоитъ въ долготѣ и краткости, въ повышеніи и пониженіи; измѣненіе основныхъ гласныхъ въ прочіе бываетъ во многихъ языкахъ не качественное, а количественное 1). Это можно объяснить русскимъ произношеніемъ: *я* безъ

1) Боппъ въ Jahrbücher für wissenschaftl. Kritik 1828, стр. 281.

ударенія произносится какъ *е*, напр. въ словѣ ягнёнокъ; о безъ ударенія какъ а, напр. хорошó. Потому въ языкахъ существуютъ гласные краткіе, каковы наши ъ, ь, й, и длинные, напр. греч. ω, η. Согласная можетъ быть произнесена только съ гласной: потому бъ бь, ръ рь, дъ дь и проч. суть ничто иное, какъ соединеніе согласныхъ съ самыми краткими гласными, съ твердымъ ъ, или съ мягкимъ ь.

Звуки *ъ*, *ь* первоначально соотвѣтствуютъ коренным *у*, *и* 1): вълкъ, влъкъ гр. λύκος, гот. wulfs (отсюда позднѣйшее нѣм. wolf), лат. lupus; блъха, лат. pulex (нѣм. уже floh); плънъ гот. fulls (нѣм. уже voll); ветъхъ лат. vetus, тънък др. нѣм. dunni, лынъ лат. linum, гоньзу гот. ganisan (sanari), стъгна гот. staigs (platea), дългъ гот. dulgs (debitum), стъклю гот. stikls, мъзда гот. mizdô, греч. μισθός. Также въ окончаніяхъ: сын-ъ гот. sun-us, мед-ъ англ. сак. med-u, лын-ъ лат. lin-um; слав. супинумъ на-тъ, лат. na-tum; огн-ь лат. ignis, гость лат. host-is, камен-ь лит. ákmen-is. Славянск. окончаніе именъ на-ъ соотвѣтствуетъ латинскому na-us, а на-ь лат. na-is. Слич. греч. δίδωμ-ι съ Цс. дам-ь, ἐστ-ί есть, древнѣйш. есм-и; Цс. творит-и р. творит-ь, Цс. твориш-и р. твориш-ь.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности IX и X вѣка, въ Судѣ Любуши и въ

---

1) Grimm, D. Gr. I, 33, и его же предисловіе къ Сербской Грамматикѣ Караджича, стр. XXXVI.

отрывкѣ Евангелія отъ Іоанна, ъ и ь замѣняются буквою e: sesypausi съсыпавши, deski дьскы, okense окньце, zreno зьрно, mleuu мълвлю. Попадается и *i* вм. ь: iskati искать, neuesti невѣсть, jesti есть 1) Въ чешскихъ глоссахъ Mater verborum (1202 г.) *i* вм. ъ и ь: dilh (debitum) дългъ, chirbet (dorsum) хрьбетъ, zirbi сьрбы, wilk (lupus) вълкъ 2). Въ Фрейзингенской рукописи, памятникѣ корутанской письменности X в., ъ замѣняется буквою u: pulti плъти, pu нъ, но (нѫ); ь буквами e, i: vuez и vuiz вьсь, весь; zelom сьлом и zil сьлъ, zegresil съгрѣшилъ и zigreachu съгрѣахѫ 3). Что же касается до древнѣйшаго памятника Цс. письменности, т. е. Остромирова Евангелія (XI в.); то въ немъ ъ, ь соотвѣтствуютъ нашимъ о, е 4); въ образованіи словъ: вълкъ, тръгъ, сльза, врѣтъ, сѣтъ, дьбрь, двьрь, пѣртъ, мьчта, гърдъ; въ производныхъ слогахъ: въ имен. ед. сущ. и прил. муж., въ коихъ нынѣ употребляемые *о, е для* другихъ падежей выпускаются: дьнь, жгълъ, отьцъ, крашъкъ, тяжькъ; въ твор. ед. сущ. муж. и ср.: словъмь, огньмь; въ предложн. множ. сущ. муж. и женск., оканчивающихся на ь: дьньхъ, печальхъ. Надобно замѣтить,

---

1) Шафарика и Палацкаго Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache 1840, стр. 68 и слѣд.

2) Ibid. стр. 209 и слѣд.

3) Кеппена собраніе Словенск. памятниковъ 1827, стр. 45

4) Труды Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, часть XVII, Востокова разсужденіе о Славянскомъ языкѣ.

что ѣ *о*, *е*, кои употреблялись въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ въ коренныхъ, такъ и въ производныхъ слогахъ, — остались неизмѣнными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Древнѣйшіе ъ, ь начали замѣняться у Русскихъ производными о, е съ XIII в., и притомъ сперва только во флексіяхъ: словомъ вм. словъмь, огнемь вм. огньмь; а потомъ уже и въ самыхъ корняхъ: шторгъ вм. шъргъ, волкъ вм. вълкъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ъ, ь первоначально имѣли болѣе явственный звукъ 1), ибо полногласіе составляетъ свойство древнѣйшихъ формъ языка: такъ въ старину дѣля вм. для, комонь (съ плавною *м*) вм. конь, порохъ вм. прахъ, слич. санскр. paraga. Parata вм. Прутъ, Danaprîs вм. Днѣпръ 2); Поноть вм. Понтъ; харатья вм. хартія (Несторъ по Лавр. списку стр. 4, 25). Въ полногласіи русскомъ при плавныхъ отъ вставки бѣглыхъ о, е, замѣчается нѣкоторое правильное отношеніе къ другимъ языкамъ и къ славянскимъ нарѣчіямъ: нѣм. Berg. Цс. брегъ и р. берегъ, нѣм. Bart. Цс. брада и р. борода, нѣм. Milch Цс. млеко и р. молоко, лат. curtus нѣм.

---

1) Въ древнихъ Стихираряхъ (XIV и XV в.) „знаменія или крюковыя ноты поставлены и надъ полугласными ъ, ь, и надъ *и* краткимъ, изъ чего видно, что сіи буквы въ старину слышимы были въ произношеніи, а въ пѣньѣ протягивались также какъ у Французовъ *e muet*.“ Восток. въ описан. Румянц. муз. 650.
2) Максимовича Исторія Русской Словесности.

kurz Цс. крат-кій и р. корот-кій, нѣм. Helm. (чешское также helm) Цс. шлемъ и р. шеломъ, нѣм. Gold Цс. злато и р. золото: ш. с. въ нѣм. и лат. гласная стоитъ передъ плавною, въ Цс. послѣ плавной, а въ р. по обѣ стороны оной. Слич. переходъ Цс. *а* въ польское *о*, и удвоенное въ русскомъ: гласъ glos голосъ, слама sloma солома, прагъ prog порогъ, брада broda борода 1). Уже въ XI в. попадаются вставочные гласные: напр. въ Остромир. Еванг. Володимиръ вм. Владимиръ.

Оспрос, придыхательное *и*, присоединяясь къ другимъ гласнымъ, или облекая ихъ, даетъ имъ свое качество: потому въ *я*, *ю*, *ѣ*, *е*, чувствуется присутствіе оспраго придыханія *и*, что очевидно изъ самаго начертанія сихъ буквъ: ꙗ, ю, ѥ, составленныхъ изъ *і* съ другими гласными. Измѣненіе дебелыхъ *а*, *у* на тонкіе *я*, *ю* можно объяснить присоединеніемъ придыханія *і* къ дебелымъ *а*, *у* 2): слич. уродъ и юродивый, оуноша Несп. по Лав. сп. 23 и юноша; унъ Пск. лѣт. стр. 44. и юнъ; угъ въ Новогор. лѣт. 83 и югъ; удолъ Ипатьевск. 172., удолье Пск. лѣт. 82. и юдоль, узы и со-юзъ: въ послѣднемъ примѣрѣ къ *у* присоединилось придыханіе *і* для того, чтобы

1) Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 78; и Грам. яз. Слов. I, 44.

2) Юнгманъ, въ Словарѣ Чешскомъ подъ буквою *а*, объясняетъ придыханіемъ измѣненіе *а* въ *я*. Того же мнѣнія и Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

отдѣлить *о* отъ *у*, кои непріятно звучали бы: соузъ. Для этой же цѣли вмѣсто придыханія *і* употребляется плавная *н*: снузници въ Ипат. 191 вм. союзници. Такъ какъ звукъ *а* не терпится славянскимъ языкомъ въ началѣ слова 1): то и смягчается въ *я* черезъ придыханіе *і*: азъ переходитъ въ язъ, агнецъ (agnus) въ ягня, apfel въ яблонь. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ Реймскомъ Евангеліи (можетъ быть XI вѣка) стоитъ гласная съ придыханіемъ шамъ, гдѣ въ Остромировомъ тонкая, составная съ *і*: въ Реймск. ѥсть, ѥ, ѥмоу, въ Остром. ѥсть, ѣ, ѣмоу 2). Придыханіе г измѣняется въ *і*, напр. изъ Георгій образовалось Юрій черезъ старинное Гюрги, попадающееся напр. въ Новг. лѣт. стр. 35, въ Ипатьевск. стр. 36.; равномѣрно и *і* измѣняется въ *г*, напр. вм. Январь еще въ Новгор. лѣт. стр. 45 употребляется Генварь 3). Лат. j переходитъ во франц. языкѣ въ звукъ *ж*, въ итальянск. въ *дж*, въ испанск. въ *х*. Слич. Іуда и жидъ. Приставное *і* при согласныхъ: икъ въ малорус. вм. къ. Тако какъ *ь* есть видоизмѣненіе звука *и*, то и онъ имѣетъ значеніе

---

1) Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

2) Rozbor staročeske literatury 1842, стр. 209 и слѣд.

3) Припомнить наивное толкованіе Сумарокова: „Генварь (вм. Январь) выдумали старинные подъячіе, находя въ литерѣ г, когда она какъ лат. h произносится, нѣкое величество и пышность. Соч. X, 41.

придыханія 1). Какъ всѣ гласные черезъ присоединеніе *і* становятся тонкими; такъ и само *и* отъ содѣйствія себѣ противоположнаго ъ измѣняется въ дебелое ы, начертаніе коего было прежде ѣı.

Вообще гласные звуки столь текучи и измѣнчивы, что каждый можетъ перейти во всѣ остальные. Такъ *о* переходитъ: 1) въ *а*, не имѣя на себѣ ударенія, особенно въ нарѣчіи великорусскомъ и бѣлорусскомъ; въ образованіи словъ: попить напаять, клонить клаяться; надобно отличать измѣненіе *а* въ *о*: напр. предлоговъ па-, пра-, раз-въ по-, про-, роз. 2) въ *е*: Цс. езеро, елень, единъ р. озеро, олень, одинъ: измѣненіе Цс. *е* въ р. *о* весьма употребительно было уже въ XIII в. Сличить измѣненіе *е* въ *о* черезъ ё: веду велъ водъ (за-водъ), везу вёзъ возъ. слич. наше пепелъ съ попелъ, употребляющимся болѣе у западныхъ Славянъ; однако попелъ попадается и въ нашей письменности напр. въ Ипатьевск. спр. 206. По Добровскому происходитъ отъ *по* и *плати* ш. е. пылать. Слич. полынь (сходное съ лат. и греч. polium, πολιον) и чешск. пелунь, или въ рукописи XVII в. въ Румянц. музеѣ: „горестнь пельыне оуподобна“ описаніе Востокова спр. 2. 3) въ *і*, въ малорусскомъ нарѣчіи: кинь конь, пидошва подошва: этимъ объясняется измѣненіе города Roma въ Римъ: 4) въ *у*: супругъ вм. сопругъ, сугробъ вм. согробъ, судороги

1) Этимъ соглашаю я догадку Павскаго съ мнѣніями Гримма, Юнгмана и Линде.

вм. содороги (содрогаться); попадается уже въ Русской Правдѣ: сусѣдне, Русск. Достоп. часть II, стр. 117, вм. сосѣдне; и въ чешской старинной письменности, напр. въ глоссахъ Mater verborum: Zumrak (сумракъ вм. сомракъ) crepusculum; въ Краледворской рукописи (XIII в.): susiede 56, sumrki 68. 5) ы переходитъ въ о: крышь крою, Цс. кый р. кой.

Звукъ *і* переходитъ: 1) въ *е*: сій сей, чій чей; 2) въ *о*: пію напоити, гнію гноити; 3) въ ѣ: змій змѣй, зіяшь зѣвашь. Отличитъ переходъ *ѣ* въ *и* въ малорусскомъ: свѣтъ свитъ, гнѣздо гниздо (nidus), бѣлый билый (Чешск. bjly); отсюда въ южнорусскихъ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ *ѣ* вм. *и*, напр. въ Ипатьевск. 214· городы моѣ.

Я переходитъ въ *ѣ*: ясти, ядъ, ядро, яства и ѣсть, ѣда, нѣдро. Нашему *ѣ* соотвѣтствуетъ Польское *ia*, т. е. *я*.

Звуки *у*, *ы* сродны между собою: духъ (от) дыхъ, слухъ слышашь.

Вставка и измѣненіе гласныхъ имѣютъ значеніе въ образованіи видовъ и залоговъ глагола: сидѣть, сѣсть, сяду, садить (и сущ. садъ); лежать, (по)ложить; велѣть, волить; зрѣть, (при)зирать; звать, (при)зывать, и проч.

ЗВУКИ ПОЛУСОГЛАСНЫЕ: ПРИДЫХАНІЯ И ПЛАВНЫЕ.

Еще старинные латинскіе Грамматики признавали въ языкѣ существованіе полугласныхъ (se-

mivocales), къ коимъ относили: f, l, m, n, r, s, x; звуки же j, v называли они гласными, принявшими характеръ согласныхъ 1). Въ санскритск. Грамматикѣ л, р, считаются гласными и согласными; м, и придыханіями и согласными. Носовыя гласныя ѫ, ѧ содержатъ въ себѣ вмѣстѣ съ гласнымъ звуки н. м. Придыханія и плавные, становясь болѣе твердыми и неизмѣнными, переходятъ въ собственно согласные: потому звуки в, г, х, с, л, м, н, р суть вмѣстѣ и согласные и полусогласные.

В, какъ придыханіе, соотвѣтствуетъ эолической дигаммѣ F. Она исчезла, или замѣнившись другими звуками, или вовсе уничтоживши 2): въ дорическомъ діалектѣ перешла въ β, γ: βία, vis, Fίς, позднѣе ἴς; γῖνος вм. Foῖνος, vinum, позднѣе οἶνος; частію перешла въ υ и образовала двоегласные αυ, ευ, и пр.: ναῦς вм. νάFς, navis, βοῦς вм. βόFς, bŏvs, bōs, bovis; или въ тонкое придыханіе: Fίς, vis, ἴς; ἰδεῖν, Fιδεῖν, videre; ὄFις, ovis, ὄις; или же въ густое: vesperus, ἕσπερος: а въ нѣкоторыхъ словахъ и вовсе уничтожилась: νέος, νέFος, novus, гот. niwis, р. новый; πλέω р. плыву. В ставится 1) въ началѣ слова: воспа, вопчина, востpый; особенно въ малорускомъ нарѣчіи: вухо, вичи, винъ, вивця (ухо, очи, онъ, овца) 3), 2) въ срединѣ: плы—в—у плыть,

1) Schneider, lat. Gr. I. 215.

2) Kühner, Ausfuhrl. Gram. d. griech. Spr. 1835 I, 21.

3) Шафарика Славянское народописаніе, перев. Бодянскаго 1843, стр. 25.

жи-в-у жить; у Нестор. по Лавр. сп. 18: Семевонъ, 3) на концѣ, какъ образующее окончаніе и какъ флексія: посѣ-въ, шов-ъ, кро-въ отъ посѣю, шью, крою; слич. кр-овь, свекр-овь съ древними кры, свекры, напр. въ глоссахъ Mal. verb. cri, zvecri; слич. род. мн. споло-въ: въ послѣднемъ случаѣ *в* соотвѣтствуетъ краткому - й: двере - й, слич. рубле-въ древнее и народное вм. рубле-й; также флексіямъ-хъ,-ъ: добры-хъ, палап-ъ. В выпускается: 1) передъ гласнымъ у: дань нооу Нест. по Лавр. сп. 10, вм. нову. 2) Послѣ согласнаго б: обидѣть вм. обвидѣть, ободъ вм. обводъ, обычай вм. обвычай, облако вм. обвлако. Какъ черезъ придыхательные *я*, *ю* и пр. гласные переходятъ къ согласнымъ, такъ черезъ *в* согласные къ гласнымъ: 1) звуку *в* соотвѣтствуетъ придыханіе *й*: древнесербскія 1): Николавь вм. Николай, правовь вѣровь вм. правой вѣрой, правою вѣрою; точно также изъ домови, домовь образовалось домой, изъ доловь долой. Потому вставное *в* и въ срединѣ слова можетъ замѣняться краткимъ *й*, которое обыкновенно сливается съ слѣдующею гласною, составляя мягкій звукъ; такъ для благозвучія вм. даать, одѣять: давать, одѣвать, или даяти, одѣяти, подаяніе, одѣяніе 2). 2) *в* сродно съ *у*: и въ русскомъ, какъ въ лат. краткое *у* произносится какъ в: завтра вм. заут-

---

1) Споменици, собраніе памятниковъ древнесербской письменности.

2) Павскаго Филолог. Наблюденія I, 89.

ра; и наоборотъ *в* переходитъ въ *у*: у Несторъ. оунукъ вм. внукъ; въ Новг. Лѣт. 44, 45 упориикъ вм. вториикъ; въ Ипат. 36 у весельи вм. въ весельи. Таковое употребленіе въ нашихъ лѣтописяхъ объясняется нарѣчіями: такъ Несторова лѣтопись и Ипатьевскій списокъ относятся къ нарѣчію малорусскому, въ коемъ *в* переходитъ въ *у*: учора, а *у* въ *в*: вже, вмираю; Новогородская же лѣтопись къ новогородскому подрѣчью, въ коемъ также *у* вм. *в*: у городи, и *в* вм. *у*: вже. Въ нарѣчіи бѣлорусскомъ также: у лесѣ вм. въ лѣсѣ, въ мѣнѣ вм. у меня 1). Слоги ов, ев измѣняются въ *у*, *ю*, а не въ *оу*, *еу*, для того чтобы сохранить иноже продолженіе времени одного только слога, для избѣжанія неблагозвучія, и потому что въ русскомъ двоегласныхъ нѣтъ. Въ этомъ случаѣ *о*, *е* сокращаются въ ъ, ь: первое сливается съ твердымъ *у*, второе, присоединяясь къ у, образуетъ мягкій звукъ *ю*: лик-ов-ать лик-у-ю, пл-ев-ать пл-ю-ю 2). Что же касается до измѣненія *ы* въ *ов* то оное надобно отличать отъ измѣненія *ов* въ

---

1) Шафарика Славянск. народопис. переводъ Бодянскаго стр. 25.

2) Такъ какъ сиеченіе звуковъ — евну, — овну, напр. Григорь-евну, Иван-овну у насъ весьма употребительно: то нельзя принять догадки Павскаго (Фил. Набл. I, 86), будто ов, ев передъ н измѣняются въ у, ю тогда, когда сходятся двѣ или три буквы трудныя для произношенія. Мы могли бы сказать и совну, плевну какъ говоримъ овна, овну.

у 1): ибо ы собственно измѣняется не въ *ов*, а въ одно о: кры-ть кро-ю: а къ этому кро- прибавляется придыханіе *в*: кро-въ, или вставляется для благозвучія: покро-в-снъ; сличить ши-ть шь-ю шо-въ; а крыть, шить измѣняются въ крой, шей точно также, какъ кый, чій въ кой, чей. — Сооотвѣтствіе придыханія *в* съ плавными явствуетъ изъ перехода его въ *л*: свобода слобода; въ малорус. вовкъ вм. волкъ. Равномѣрно *л* переходитъ въ *в*, напр. въ малорус. и сербск. нарѣчіи: пришовъ, бивъ вм. пришолъ, билъ. Черезъ *в* плавная *л* переходитъ въ гласную: такъ въ сербск. вукъ образовалось изъ волкъ или влкъ: а *у* сродно съ *в*. Трудно рѣшить, опускается ли *в* въ нашемъ словѣ ласточка, ласповица (apud fere omnes Slavos, по замѣчанію Юнгмана), или прибавляется оное въ чешскомъ: власповице (Юнгманъ гадательно предполагаетъ корень: власт): покрайней мѣрѣ любопытно замѣтить, что въ IX в., именно въ Судѣ Любуши попадается уже ulastouica (власповица), стихъ 27.; также и въ глоссахъ Mater verborum: wlaztovice, hirundo.

Звуки х, г (h, греч. густое придыханіе), с (з) приставляются какъ придыханія, и переходятъ одно въ другое и въ прочія придыханія. Слич. нѣм. über (гот. ufar, др. н. ubar) съ гр. ὑπέρ и лат. super. Придыханіе г можетъ прибавляться: напр.

---

1) Не соглашаюсь съ Павскимъ, I, 86.

г-нѣздо Nest nidus, г-рабить rauben rapere 1); въ нарѣч. бѣлорусск. г-сно вм. это, въ малорусск. г-острый вм. острый; въ лужицк. рѣчи: hokno, huzda: можетъ и отбрасываться: въ древнихъ Русск. стихотв. осударь вм. государь, въ Псковск. лѣт. 158, 164: осподарь вм. господарь; въ лужицк. рѣчи ladki (гладкій), nězdo (Nest, гнѣздо). Переходъ h въ s: ἕξ sex, ἑπτα septem седмь, ἑ se, ἑός ὅς suus, ἕρπω serpo, ἕζομαι (первонач. ἕδω, ошкуда ἕδος) sedeo сидѣть, ἡμι semi, ἵστημι (первонач. ἱστάω, ἱστῶ) sisto, ὕπνος somnus спать сонъ 2); ὁ, ἡ санскр. sas, sâ. гот. sa, sô, р. сей, сія; Цс. чесо вм. чего. Переходъ h въ v, f, (эолич. дигамма): herba φέρβω φορβή, ἑσπέρα vespera вечеръ, ἑνετὸς venetus, ἑστία vesta, русск. сво вм. его, малорусскому гострый соотвѣтствуетъ наше вострый. Звуку x соотвѣтствуютъ h, s: χιών χειμών hiems санскр. hima (снѣгъ) р. зима; хмурить смурый; впослѣдствіи x отвердилось въ h, k: καρπάλιμος, ἁρπάλιμος, и въ окончаніи прошедшаго: πεπάιδευ-κα вм. πεπάιδευ-γα. 3). Слич. въ нарѣчіи сербскомъ, нелюбящемъ звука x: женикъ вм. женихъ, орагъ вм. орѣхъ, прагъ вм. прахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что приставка нѣкоторыхъ придыханій придавала особенный смыслъ слову, такъ напр. мы отличаемъ смыслъ слова востpый отъ остpый; можетъ быть перво-

---

1) Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

2) Шнейдера Лат. Гр. I, 196 и слѣд.

3) Кюнера Греч. Гр. I, 20.

начально была сродна съ предлогомъ: покрайней мѣрѣ это замѣтно въ приставкѣ с: др. нѣм. s-mal (parvus) р. малый: s могло имѣть значеніе латинскаго ex въ ex-iguus; с-нѣгъ, гот. s-náivs, др. верхн. нѣм. sn-êo, лит. s-négas; гр. νίψ, лат. nix; мошрѣть и с-мошрѣть, коликій и с-колько 1). Придыхательные звуки въ окончаніяхъ: ду-хъ ду-шь, спѣ-хъ спѣ-шь, смѣ-хъ смѣ-юсь: здѣсь х соотвѣтствуетъ окончаніямъ — въ, — й: посѣ-въ, бой, зной: сличить сербскія смѣ-й, грѣ-й вм. смѣ-хъ, грѣ-хъ 2); отсюда соотвѣтствіе между флексіями добры-хъ и сынове-й. Во флексіяхъ переходъ х въ с и обратно: Цс. пріѧсъ вм. пріѧхъ, пріѧсомъ вм. пріѧхомъ, ядѣсомъ вм. ядѣхомъ, и наоборотъ ахъ (Лат. ego) вм. азъ 3); слич. ихъ съ лат. iis, насъ (лат. nos, санскр. nas) древнѣйшая форма вм. нахъ 4). Х среди слова для благозвучія между двумя гласными: зна-х-арь, ба-х-арь отъ корней зна, ба, съ окончаніемъ — арь 5). С въ образующихъ слогахъ: коло кол-ес-о, чудо чуд-ес-а, небо неб-ес-а, санскр. nabha-s, лат. nube-s; древ-ес-а, тѣл-ес-а.

Древнія буквы ѫ, ѧ соотвѣтствуютъ гласной съ носовымъ звукомъ (н, м). Въ Остромировомъ

---

1) Гриммъ, въ Нѣм. Гр. II, стр. 701, объясняетъ это предлогами as, is, us, сродными въ ar, ir. ur.
2) Шафарика Слав. народоп. 52.
3) Шафарика Слав. народоп.
4) Добровскаго Etymologikon, 28.
5) Павскаго Фил. наб. I, 90.

Евангеліи 1) ѧ, ѧ споятъ именно шамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ слав. наречіяхъ гласная съ носовымъ звукомъ, какъ напр. польскія: ą, ę, ią, ię. Юсъ (ѧ) соотвѣтствуетъ польскимъ ą, ę: 1) въ словахъ: зѧбъ zą̨b, голѧбь goląb, гѧба gę̨ba, рѧка rę̨ka: слич. лат. columba, лит. ranka (рука); гѧсь нѣм. Gans, санск. hansa, ѧнт-ка нѣм. Ent-e; уголъ angulus, и съ придыханіемъ Winkel, узелъ, вензель 2). 2) винит. женск. вѣрѧ wiarę, силѧ silę, рѧкѧ rękę: отсюда сродство нашего винит. на — у, — ю съ санскр. на — âm, лат. на — am и пр.: вдов-ѧ, санскр. vidáv-am, лат. vidu-am 3) Твор. женск. вѣроѧ wiarą, силоѧ silą, рѧкоѧ ręką; слич. сербскія женомъ (женою), рукомъ (рукою), душомъ (душою), земленъ (земленю): отсюда очевидно сродство окончаній твор. женск. на — ю съ муж. на — мъ: рук-ою человѣк-омъ, земл-ею цар-емъ. 4) 1-е лице ед. наст. и буд.: идѧ idę, пишу piszę: этимъ объясняется сродство нашихъ глаголовъ на — у, — ю съ древнѣйшими формами да-мь, вѣ-мь, ес-мь, съ Греческими глаголами на — μι, и т. д. 5) 3-е лицо множ. тѣхъ же временъ: идѧтъ idą, пишѧтъ piszą: слогъ — nti составляетъ

---

1) Разсужденіе Востокова въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, XVII, стр. 42 и слѣд.

2) Припомнитъ мнѣніе Тредьяковскаго въ Трехъ разсужденіяхъ:.... „по примѣру Славенопольскаго Вензелъ за Словенскій узолъ; Венсъ за усъ; Венгры за угры. 1773 г. стр. 25.

отличительный характеръ 3 лица множ., и замѣчательно, что изъ этого образующаго слога — nti въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, какъ въ польскомъ, сохранилось только носовое *n*, а въ нѣкоторыхъ, какъ въ русскомъ, *n* утратилось, а сохранилось т: пиш-у-тъ; въ древнѣйшей же формѣ цс. удержалось все — nti въ окончаніи — ѧть. Сличить наше сутъ, польск. są, нѣм. sind, лат. sunt, санскр. santi; везутъ, лат. vehunt, санскр. vahanti. 6) въ причастіи: идѧще idąc, пишѧще piszący: отсюда сродство нашего съ окончаніемъ лат. причастій — ans, — ens: amans, legens. — Буква ѧ ставшися въ Остромировомъ Евангеліи шамъ, гдѣ у поляковъ ią, ię: 1) въ словахъ: ѧ пи іąс: отсюда объясняется изъявит. : ем-лю. пѧть pięć, санскр. *pañ*can, лит. pe*n*ki, гр. πέντε, эол. πέμπε, гот. f*i*mf (отшуда нѣм. fünf), лит. qui*n*que; свѧтый swięty, лат. sa*n*ctus. 2) въ окончаніяхъ именъ средн. рода: имѧ, imię, жребѧ żrzebię, шелѧ cielę: отсюда объясняется вставка — ен — : им-ен-и, жереб-ен-окъ, шел-ен-окъ. 3) Мѣстоименія: мѧ mię, шѧ cię, сѧ się: отсюда м-ен-я. 4) 3-е лицо множ. наст. и буд. : творѧть tworzą, хвалѧть chwalą. 5) Причастія: любѧ lubiąc, сѣдѧ siedząc. Два послѣдніе случая объяснены выше, при буквѣ ѧ. — Носовые звуки составляютъ признаки древнѣйшихъ формъ языка. Въ Фрейзингенской рукописи (X в.) они очевидны 1); poronso (порѧчѧ), sunt (сѧть), mogoncka

1) Кеппена Собран. Словенск. памятн. стр. 44.

(могѫща), vuerun (вѣрѫ); въ Судѣ Любуши plamen вм. плама. Въ Польскомъ нарѣчіи носовые звуки удержались; равномѣрно и въ вымершемъ древанскомъ или полабскомъ: runka рука, dumb дубъ, disant десять, pjunta пять, sjunta святой 1). Въ русскомъ нарѣчіи они вовсе утратились, за исключеніемъ весьма немногихъ словъ, напр. енпотъ вм эпотъ, пламень вм. плама. Потерявъ носовой звукъ, цс. ѫ, ѧ перешли у насъ въ у, я; измѣненіе же носоваго звука въ у замѣчается и въ другихъ языкахъ: такъ напр. Греч. λέγουσι вм. λέγονσι, изъ λέγοντι. Впрочемъ во многихъ производныхъ слогахъ н, м, указываютъ на свое происхожденіе отъ носовыхъ гласныхъ: мать м-н-у, пать п-н-у, грянуть гр-ем-ѣть 2), и друг. Но даже и въ флексіяхъ русскій языкъ уничтожаетъ иногда послѣдніе слѣды носоваго звука: такъ въ Древн. Русск. стихотвор. съ того время, 236, вм. времени; пламемъ, 223, вм. пламенемъ; знамя за знамемъ идетъ, 322, вм. за знаменемъ.

Плавные м, н, переходятъ другъ въ друга: слич. лат. окончанія — am, — um съ греч. — αν, — ην, — ον; Николай и Миколай; меня и санск. mama. н присставляется: отъ н-его, н-ей, за н-имъ; с-нѣсти съѣсть, по-н-ять поять, н-ѣдра ядро; н-утрь, н-утръ, лат. uterus, р. утроба, чешск. уже въ Судѣ Любуши: utr, стихъ 36: utr Visegrade (утрь

1) Шафарика Славянск. народоп. 103.

2) Павскаго Филол. набл. I, 87.

Вышеградѣ, въ Вышеградѣ). Снузници въ Ипатьевск. 191 вм. союзници. Слич. греч. π-ν-ο съ слав. пію; нѣм. Name, лат. nomen (слич. omen), и наше имя 1). Въ окончаніяхъ: камень, ячмень вм. древн. камы, ячмы: слич. Глоссы Mat. Verb: cami, iecmi.

Послѣ губныхъ в, б, п, ф, м прибавляется л вмѣсто умягчающаго і (й, ь) 2), содержащагося въ мягкихъ ь, е, я, ю: прав-ишь прав-л-ю, люб-ишь люб-л-енъ, воп-ишь воп-л-ь, шраф-ишь шраф-л-ю, зем-ной зем-л-я. Вставкою л славянскія нарѣчія юговосточныя отличаются отъ западныхъ: капля капѣ, жеравль жеравъ, вопль вепъ, явлю евимъ, куплю купимъ, ловленъ ловенъ, оставленъ оставенъ. Впрочемъ и поруски говорится корабь, оземь, наземь вм. о землю, на землю. Что звуки вль, мль и друг. суть ничто иное, какъ смягченіе звуковъ в, м: видно напр. изъ формъ Цс. сокращеннаго прош. дѣеприч. оставль, преломль; рождь, обрашшь, вкушъ: ш. е. какъ д, ш, с смягчаются въ-ждь,-шшь,-шъ; такъ и в, м въ-вль,-мль. Сличишь нѣкоторыя прилагательныя, образовавшіяся смягченіемъ окончанія существительныхъ: Святополкъ Святополчь, Іаковъ Іаковль, Авраамль, Ярославль. Л приставляется вначалѣ: польск. ledwa вм. едва; выпускается: бояринъ боляришъ; непрепят-

1) Гриммъ. въ Нѣм. Грам. II, стр. 701 и 702, видишь въ приставномъ *н* значеніе предложное.

2) Соглашаю мнѣніе Шафарика, Слав. Народоп. стр. 7, и Гримма съ гипотезою Павскаго.

ствуетъ черезъ себя одному звуку оказывать вліяніе на другой: слать шлю, мыслить мышленіе: ю, с измѣняютъ с въ ш черезъ л; переходитъ въ о: сербск. бно, дао вм. бил, дал; слич. франц. beau изъ bel, biel, beal; château изъ chastel, chastiel, chastealx 1). Измѣненіе *al* въ *au* указываетъ, что l первоначально измѣнилось въ *u* (*v*), какъ въ нарѣчіи малорусск. пысавъ вм. писалъ. Въ образующихъ окончаніяхъ л соотвѣтствуетъ звукамъ в, р, й: пон-ло пон-во, дане-ль Лат. dato-r, пріяте-ль, ходата-й 2).

Отъ другихъ плавныхъ р отличается тѣмъ, что можетъ имѣть при себѣ придыханіе или густое, h, какъ въ греческомъ языкѣ, или s, какъ въ польскомъ нарѣчіи: rzecz (ржеч вм. рѣчь), przy (пржи вм. при). Звукъ рж соотвѣтствуетъ нашему рь. Р переходитъ въ л: peregrinus piligrim pilgrim, прорубь пролубь 3), Февраль вм. Февраръ: въ древнихъ памятникахъ, напр. въ Новог. Лѣт. 2 попадается еще: мѣсяця Феураря: въ старину лыцарь вм. рыцарь; слич. простонародныя калидоръ, секлетарь. Въ глоссахъ mat. ver. velbblud вм. верблюдъ. Р переходитъ въ с: honor honos, festus feriae, carmen casmen, etrusci etruria 4). Составляетъ

1) Diez, Gram. d. romanischen Sprachen 1836 I 244.

2) Павскаго Филол. набл. 1, 95 и 96.

3) Сумарокова сочиненія X. 24: „Февраль и пролубь были прежде Февраръ и прорубь, какъ перепелъ сталъ пелепелъ.“

4) Krüger, Gram. d. lat, Spr. 1842. 51.

образующее окончаніе существительныхъ: да-ръ да-шь, вѣш-ръ вѣ-ши вм. вѣя-ши, вих-рь вих-ашь, вихнуть: въ Древн. Русск. стихотв. 87: а и буйны вѣтры не вихнутъ на ее; прилагательныхъ: доб-ръ доба (пора), бод-ръ бд-ѣть буд-ить, щед-ръ щадѣти, хит-ръ хит-ить, ост-ръ остъ 1). Во флексіи, именно въ склоненіи: маш-ери, дщ-ерь отъ имен. маши, дщи—есть остатокъ древнѣйшихъ полныхъ формъ: слич. mater, Mutter; θυγάτηρ, гот. daúhtar, Tochter, санск. duhitr; слич. также наше братъ, чешское bratr и санск. brâtr.

Плавные л, р, удобно переставляются: хракъ въ Новог. Лѣт. 110 вм. харкъ (харкать), Berg и брегъ, Gold и злато, ладонь изъ долонь, длань; ἕλκω влеку, алкать лак-омый, armus рамо, Arbeit работа: въ послѣднихъ для того, чтобы избѣжать въ началѣ слова нетерпимое нами *а*. Слич. nervus νεῦρον, Proserpina Περσεφόνη.

Полусогласные, вмѣстѣ съ гласными, составляютъ въ словахъ часть болѣе текучую измѣняемую, потому употребляются въ приставкахъ, въ образующихъ окончаніяхъ и во флексіяхъ. Собственные же согласные составляютъ ядро словъ, твердую, неизмѣнную часть оныхъ, и потому по преимуществу употребляются въ корняхъ.

ЗВУКИ СОГЛАСНЫЕ

Собственно согласнымъ принадлежитъ самая опредѣленная членораздѣльность. Дыханіе отвер-

1) Добровскаго Гр. Яз. Сл. 1 384 и 385.

ждается подъ вліяніемъ шѣхъ органовъ, къ которымъ приражается, отсюда согласные горпанные: г, к, х; губные: б, п, ф; язычные: д, т, о; зубные: з, с, ш, ж, ц, ч, щ. Какъ горпани, самому внутреннему органу противополагается органъ внѣшній, губы; такъ и горпаннымъ звукамъ противополагаются губные: шѣ и другіе надѣлены большею членораздѣльностью. Язычные же и зубные, какъ посреди стоящіе, болѣе шекучи и менѣе членораздѣльны: именно потому язычные могутъ нести службу полусогласныхъ, т. е. могутъ вставляться, входить въ образующіе слоги и во флексіи и т. п. 1) Согласные звуки бываютъ 1) одноименные.

б п ф
г к х
д т ѳ
з с ш

т. е. б п ф губные, г к х горпанные и проч., и 2) односпепенные:

б г д з
п к т с
ф х ѳ ш

т. е. б г д з тонкіе, п к т с густые, ф х ѳ ш придыхательные; къ послѣднимъ относятся: ж з, придыхательные отъ г д; ч ц придыхательные отъ к т; придых. щ сложено изъ шт или сч; какъ ф, ѳ, происходятъ отъ п, т, съ густымъ при-

1) Becker, Organism der Sprache.

дыханіемъ или съ h: греч. π^{ϵ}, τ^{ϵ}, лат. ph, th; такъ ш ошъ x съ придых. s, или ошъ s съ придых. h: слич. фр. ch, нѣм. sch; ж есть смягченное придыханіемъ г или д; ч смягченное к или т. Это смягченіе можно объяснить вліяніемъ мягкихъ е, ю, я, въ составѣ коихъ содержится j, соотвѣтствующая придыханію s. Въ отношеніи придыхательныхъ греческій языкъ относится къ славянскому точно такъ, какъ придыхательные Ф, Θ, къ ж, ч, ш, щ, ч, коими у насъ восполняется недостатокъ греческихъ. Θ-у замѣняетъ намъ т: театръ, теорема; Ф переходитъ въ б: faba бобъ, или въ п: Fasten постъ, Стефанъ Степанъ; или въ хв: forêt, forestum хворостъ, слич. малорусскія хварштухъ, хвасоля; въ Новог. Лѣт. стр. 33 и друг. Тферь и Тьхверь вм. Тверь.

На переходѣ одноименныхъ другъ въ друга опредѣляется степень сродства между индоевропейскими языками. Славянскій языкъ стоитъ на одной степени съ санскритскимъ, греческимъ и латинскимъ, а по придыхательнымъ ближе къ санскритскому и зендскому, чѣмъ къ греческому и латинскому; готскій стоитъ степенью ниже; древневерхненѣмецкій степенью ниже готскаго.

Для основательнаго производства словъ чрезвычайно важна слѣдующая таблица 1):

---

1) По Гримму, Deutsche Gram. 1, 584, съ дополненіями Боппа, Verg. Gram. 80

Греч. P. B. F.	T. D. TH.	K. G. CH.
Готск. F. P. B.	TH. T. D.	— K. G.
Двн. B(v). F. P.	D. Z. T.	G. CH. K.

I. P. F. B, V. пять, сан. pañcan, πέμπε, г. fimf, двн. vinf. полный, сан. pûrna, πλέος, plenus, г. fulls, двн. vol. пшаха, πτέρον, altn. fiödhur, двн. vëdar. спать, сан. svapa, ὕπνος, altn. sve*f*n, alts. suë*b*han. ra*p*ina, англос. rea*f*, двн. rou*b*, гра*б*ить.

II. B. P. F. κάνναβις, cannabis, altn. han*p*r. конопель, двн. hana*f*.

III. PH. B. P. корни вспомог. глагола: гр. φυ-, Лат. fu-, бу-(бу-ду, бы-ть), сан. bhu-. frater, братъ, сан. brâtr, г. brôthar, двн. pruoder. νεφέλη, небеса, сан. na*bh*as, ne*b*ula, г. ni*b*ls? двн. nëpal. Наши не сто́ятъ на первомъ планѣ, ибо Ф чуждо Славянамъ.

IV. T. TH. D. ты, tu, г. thu, двн. dû. тонокъ, tenuis, tener. altn. thunnr, двн. dunni. тяну, τείνειν, tendere, г. thanjan, двн. denen. три, сан. trayas, τρεῖς, tres, г. threis, двн. dri (отсюда drei). бра*т*ъ, сан. brâ*t*r, fra*t*er, г. brô*th*ar, двн. pruo*d*er (отсюда bru*d*er).

V. D. T. Z. два, сан. dvau, δύο, duo, г. tvai, двн. zuei (z*w*ei). десница, сан. dakśinâ, dextra, г. taihsvô, двн. zësa*w*a. сидѣть, ἕδος, se*d*es, se*d*ere, г. si*t*an, двн. sizan (sitzen). видѣть, εἰδειν, εἰδέναι, vi*d*ere, г. vi*t*an, двн. *w*izan. вода, сан. u*d*a, ὕδωρ, un*d*a, г. *v*atô, двн. wa*z*ar (wasser).

VI. TH. D. T. θυγάτηρ, дочерь, дщи, г. *d*auhtar, двн. *t*ohtar (*t*ochter). θύρα, дверь, сан. *d*vâr, г. *d*aur, двн. tor (thür): наши на второй степени за неимѣніемъ θ.

VII. K. H, G. H, G. конопель, κάνναβις, altn. *h*anpr, двн. *h*anaf. око, сан. a*k*śa, ὄκος, oculus, г. augô, двн. au*g*a (auge). δέκα, г. tai*h*un, двн. zë*h*n (zehn); наше десять къ сан. daśan.

VIII. G. K. CH. gelu, gelidus, г. kalds, двн. chalt, хладъ, съ перестановкой гласной, какъ bart и брада. ju*g*um, иго, г. juk, двн. joch. Но по большой части въ этомъ случаѣ у насъ придыхательные: granum, altn. korn, двн. chorn, зерно. γυνὴ, altn. kona, двн. chona, жена. ἐγω, г. ik, двн. ih (ich), азъ, сродное съ зендскимъ azêm, образовавшимся изъ санскр. a*h*am.

IX. CH, H. G. K, χὴν, сан. hansa, гусь, г. gans, двн. kans. hostis (peregrinus), гость, г. gasts, двн. kast.

Согласные, составляя самую твердую часть языка, всѣхъ менѣе подвержены измѣненію. Одноименные б и п, г и к, д и т, з и с собственно одинъ и тотъ же звукъ, что видно изъ произношенія на концѣ слога (Auslaut): тонкіе б, г, д, з произносятся какъ густые п, к, т, с: коропъ, друкъ, претъ, восъ. Сличить столбъ и столпъ. Звукъ тонкій передъ густымъ измѣняется въ соотвѣтствующій себѣ густой: коропка, лотка, свяска: исключеніе составляетъ мягкій вм. мяккій отъ корня мяк (мякишъ). И наоборотъ густой передъ тонкимъ въ соотвѣтствующій себѣ тонкій: здѣлать. Въ слѣдствіе произношенія и въ правописаніи удержались: пчела вм. древняго бчела (въ Изборн. Святосл. 1073 г.), по

малорусски бчола; свадьба (а не свашьба 1), свадебный ошъ сватать; гдѣ вм. древняго кдѣ, здѣсь вм. древняго сдѣ. Таковое измѣненіе звуковъ называется уподобленіемъ (assimilation), и притомъ уподобленіемъ неполнымъ, какъ лат. scrib-o, scrip-tum, scrip-si; reg-o, rec-tum, rec-si (rexi). Полнаго же уподобленія, какъ въ лат. su*pp*ono вм. su*bp*ono, oc*c*umbo вм. o*bc*umbo, a*ss*iduus вм. a*ds*iduus, у насъ нѣтъ, ибо мы не терпимъ удвоенія согласныхъ. Такъ въ древности слово Русь вм. Россія, которое до сихъ поръ болѣе чуждо намъ, чѣмъ видно изъ прилаг. Русскій, взявшаго перевѣсъ надъ прилаг. Россійскій; такъ въ памятникахъ старинной нашей письменности постоянно субота вм. суббота 2). — Переходъ односпепенныхъ одного въ другой, какъ напр. к въ т: вопреки воспре*т*ивши, паукъ пау*т*ина, Евдокія Овдо*т*ья, блескъ, блес*т*ѣть, искать ис*т*ецъ,—особенно очевидѣнъ въ греч. діалектахъ 3): π въ κ въ іоническомъ: κῶς, ὁκος, κοῦ, κοῖος вм. πῶς, ὅπως, ποῦ, ποῖος. κ вм. τ въ дорическомъ: πόκα вм. πάτε. δ вм. γ въ дорическомъ δᾶ вм. γῆ: отсюда Δημήτηρ. φ вм. θ: аттическ. φλᾶν (ударять), θλᾶν. Слѣдств. λύκος, волкъ съ lupus, Wolf: греч., и слав. *k* ссоотвѣтствуетъ лат. *p* и нѣм. *f*; а в придыханіе 4). На

---

1) Сочиненія Пушкина XI, 214.

2) Павскій по справедливости доказываетъ правописаніе субота вм. суббота въ Фил. набл. I, стр. 112.

3) Буттмана Греч. Грам. § 16. Кюнеръ.

4) Grimm, Reinhart Fuchs XXIV, XXV.

переходѣ одноименныхъ одного въ другой основывается образованіе многихъ Французскихъ словъ изъ латинскихъ: abeille apicula, ravir rapere, chèvre capra, livre liber, prouver probare, courbe curvus, oeuf ovum. Сличить переходъ губныхъ п, м: въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ pátřit, patřyć; въ юговосточныхъ мотрѣть, смотрѣть съ придыханіемъ с; въ народѣ говорится машри вм. смотри. мшица вм. пшица, мчела вм. пчела, въ Коспр. губ. Труд. Общ. Люб. Р. С. 1820, XX, 137, 142; Дюрди вм. Гюрги, Георгій.

Язычные д, т, отличаются отъ прочихъ согласныхъ тѣмъ, что вставляются. Но ихъ вставка существенно отличается отъ вставки гласныхъ и придыханій, имѣя цѣлію рѣзкое разграниченіе между звуками, подобно б: о-бъ этомъ, объ немъ, греч. μεσημβρία отъ μέσος ἡμερα: и потому бываетъ между гласными: pro-d-esse, pro-d-ire, re-d-ire; между плавными: eigen-t-lich, gelegen-t-lich, ἀν-δ-ρός род. отъ ἀνήρ; между плавнымъ и гласнымъ, ин-д-ивѣть отъ иней. Между зубными с, з, и плавнымъ р, какъ въ чешскихъ: s-t-ředa (среда), s-t-řibro (сребро), и въ нашихъ: с-т-рѣча (срѣтать), с-т-рамъ; раз-дрѣшить въ старинной письменности; между гласнымъ и придыхательнымъ: при-т-чина, про-т-чій 1).

---

1) Опытъ новаго Рос. правописанія 1773, стр. 15: многіе, подражая простому выговору, вносятъ несправедливо въ реченія лишнія буквы, напр. струбъ, притчина, страмъ, ндравъ и проч.

Славянскія нарѣчія западныя отличаются отъ юговосточныхъ вставкою д передъ л: садло сало, мыдло мыло, модлитися молитися; а юговосточныя отъ западныхъ опущеніемъ д, ш, передъ плавными л, н: а) палъ падлъ, велъ ведлъ, шелъ шедлъ, кралъ, крадлъ, счелъ счеплъ, цвѣлъ квѣшлъ; б) вяну вадну, свѣну свѣшну 1). Д выпускается также передъ плавнымъ м, и зубнымъ с: вѣмь, вѣси—корень вѣд, ямь, яси—коренья д; д, ш, передъ ш мѣняются въ с: влас-шь отъ влад, вес-ши отъ вед, крас-шь отъ крад, цвѣс-ши отъ цвѣшъ, плес-шь отъ плеш. Греч. οἶδα и οἶσθα. Отъ древняго глагола иши нынѣшній съ удвоеніемъ ишши, отъ котораго уже идши: обѣ эши формы составляютъ исключеніе противъ закона объ измѣненіи д, ш, въ с передъ ш. Весьма многія образующія окончанія содержатъ въ себѣ звуки д, ш: широ-ша, puri-tas, сан. bahu-tâ (множество), Blü-te, lag-d; перна-ш, косма-ш, πλεκ-τός, horta-tus, timi-dus; глагола-ши, взя-шь, нес-шь, облас-шь. Сличишь флексіи: дитя дишяши, шеля шеляша съ χάρις, χάριτος, σῶμα σώματος, aetas aetatis, salus salutis.

Смягчаясь звукомъ ь (j, й), д переходитъ въ жд, ж; ш въ шп (щ), ч: санскр. madhja (средина), лат. medius, готск. midis 2), иллирійск. медю, Цс. между, русск. межю, межа; сербск. ноть, мошь, Цс. нощь, мощь, русск. ночь, мочь. Кромѣ жд, д, умягчается въ зд: ѣзда отъ ѣд-у, громоздишь отъ громада,

1) Шафарика Слав. Народ. 7.

2) Pott, Etymologische Vorschungen 1833, 105.

гнѣздо и nidus 1). Какъ жд переходитъ въ ж, такъ и зд. въ з: на этомъ основывается возможность перехода д въ з. Сличить чешскія nauze, meze, wozen съ иллирскими: нудя, медя, родѣнъ; съ Цс. нужда, между, вожденъ, рожденъ; съ русск. нужа, межа, воженъ, роженъ (рожество). Что во всѣхъ измѣненіяхъ сихъ д умягчается, видно изъ иллирской рѣчи, въ коей, кромѣ нудя, (нужда), нудѣнъ (нуженъ), говорится и нуя, нуѣнъ. А въ древнесербскомъ нарѣчіи д замѣнялось горшаннымъ г. мегю (межю, между), посагено (посажено, посаждено) 2). Такимъ образомъ д сближается съ г черезъ ж, з, кои суть придыхательные вмѣстѣ и для д, и для г. Равномѣрно и т сближается съ к черезъ ч, ц, въ которые измѣняются и т, и к. Скоро произнесенное т съ мягкою и (й, ь) есть именно ц: лат. tutius и т. п. искони произносилось tucius, что явствуетъ изъ древнѣйшихъ латинскихъ памятниковъ, въ коихъ слогъ ti передъ гласною писался ci 3). Ц относится къ т точно такъ какъ з къ д: какъ сербскія нудя, медя измѣняются почески въ nauze, meze; такъ сербскія ноћь, моћь почески въ noc, moc. Итакъ касательно язычныхъ и ихъ придыхательныхъ вотъ въ какомъ отноше-

---

1) Это мнѣніе Павскаго; впрочемъ Гриммъ (D. Gr. II, 212) признаетъ для лат. древнѣйшее nisdus; этому sd соотвѣтствуетъ нѣмецкое st: nest, nisten.

2) Споменици, сборникъ древней сербской письменности.

3) Крюгера Лат. Грам. 11.

нiи стоятъ наръчiя русское и церковнославянское къ сербскому и чешскому:

Сербск. д, ш.
ЦС. жд, шт (щ).
Русск. ж, ч.
Чешск. з, ц.

Горшанные г, к, х измѣняются въ придыхательные ж, ч, ш и въ з, ц, с: шо есшь:

г въ ж, з.
к въ ч, ц.
х въ ш, с.

Звуки одноименные: г, к, х; ж, ч, ш; з, ц, с; односпепенные: г, ж, з; к, ч, ц; х, ш, с: княгиня, князья, княжна; льг (льгота, легкій), льзя, лжае (сравн. спец.); ликъ, лице, личный. Наръчіе церковнослав. отличается отъ русск. шѣмъ, что въ русскомъ переходъ г, к, х въ з, ц, с менѣе употребителенъ, чѣмъ въ церковнославянскомъ, въ коемъ замѣчается правильное и полное измѣненіе горшанныхъ въ придыхательные, а именно въ склоненіи: богъ, боже, бози; внукъ внуче, внуци; духъ, душе, дуси, и проч. Слич. склоненія малорусскія: нози (ногѣ), дивци (дѣвкѣ), сваси (свахѣ), и бѣлорусскія: дарозѣ (дорогѣ), лузѣ (лугѣ), руцѣ (рукѣ). Въ русскомъ г, к, х измѣняются въ ж, ч, ш, отъ вліянія мягкаго звука: другъ друженъ, скука скученъ, спрахъ спрашенъ; з, ц, с въ ж, ч, ш: мазашь мажу, овца овечка, писашь пишу; а переходъ г, к, х въ з, ц, с гораздо рѣже: другъ друзья, лугъ во лузьяхъ, ликъ

лице, прухнушь прусишь. Къ ошпашкамъ древнихъ цс. формъ должно ошнесши шеперь употребляющіеся глаголы 1): досязашь (сягашь), осязашь (сягашь), воздвизашь (двигашь), порицашь (реку) созерцашь (зракъ) съ сущес. зерцало, проницашь (никну) съ нарѣч. ницъ. Сличишь лат. ca (ка), co (ко), cu (ку) и ci (ци), ce (це); итальянскіе: ca (ка), co (ко), cu (ку), и ci (чи), ce (че); Французскіе: ga (га), go (го), и gi (жи), ge (же). Сосшавишели и образовашели азбукъ были шого же мнѣнія, чшо ж, ц, ч сушь ничшо иное, какъ г, к, смягченные шонкими гласными. Называюшся же они придыхашельными пошому, чшо въ шонкихъ гласныхъ содержишся придыханіе j.

Тракшашъ о звукахъ, будучи краеугольнымъ камнемъ всей эшимологіи, долженъ въ своихъ резульшашахъ служишь основаніемъ многимъ ошдѣльнымъ сшашьямъ, кои легко могушъ бышь выведены изъ предложеннаго выше, а именно:

1. Признаки нарѣчій славянскихъ западныхъ и юговосшочныхъ.

2. Ошличіе рѣчи русской ошъ церковнославянской; ошличіе нарѣчія русскаго ошъ малорусскаго, бѣлорусскаго и проч.

3. Полногласіе, какъ ошличишельный признакъ древнѣйшихъ формъ славянскаго языка.

4. Носовые звуки, другой ошличишельный древнѣйшій признакъ славянскаго языка.

---

1) Павскаго Филолог. наблюд. 1. 61.

5. Построеніе слоговъ.

6. Склоненіе. Сродство между славянскими и латинскими склоненіями. Соотвѣтствіе между различными флексіями одного и того же падежа, напр. —хъ,—съ,—й и проч.

7. Спряженіе. Сродство славянскихъ спряженій съ латинскими, греческими и проч.

8. Образующія окончанія, и т. д.

Предлагаю нѣсколько матеріаловъ для послѣдней статьи. Преимущественно обращаю вниманіе на часть историческую, ибо въ словахъ болѣе или менѣе ожившихъ, слѣд. нѣсколько чуждыхъ намъ, легче отличать составныя части, употребляющіяся и теперь. При томъ сравненіе незавѣстнаго съ извѣстнымъ и измѣреніе перваго послѣднимъ будутъ прекрасною гимнастикою для наблюдательности.

ПРИСТАВКИ И ОКОНЧАНІЯ.

Корни семитическихъ языковъ измѣняются *внутри*, корни индоевропейскихъ языковъ измѣняются *внѣ*, или лучше сказать корни семитическіе *измѣняются*, корни индоевропейскіе *наращаются* 1). Всѣ грамматическія формы языковъ семитическихъ основываются на перемѣнѣ внутреннихъ гласныхъ корня, которые, въ этихъ языкахъ, при постоянной пребываемости однихъ и тѣхъ же согласныхъ корня, подвержены непрестанному измѣненію. Напротивъ того корни языковъ индоевропейскихъ

1) Bopp, Verg. Gram. 107 и слѣд.

представляютъ собою неизмѣнное, сомкнутое зерно слова, окруженное другими посторонними слогами, на измѣненіи конхъ и основываются всѣ грамматическія формы. Слѣд. вся организація слова въ этихъ языкахъ лежитъ на приставкахъ и окончаніяхъ.

Въ образованіи словъ между приставкою и окончаніемъ замѣчается нѣкоторое сочувствіе: т. е. какъ предлогъ, находясь передъ именемъ, измѣняетъ его падежъ; такъ и приставка растягиваетъ окончаніе слова, напр. масперъ съ приставкою под измѣняется въ под-маспер-ье. Славянскія существительныя съ приставками могутъ весши свою исторію отъ временъ Плинія, Птоломея и Амміана Марцеллина, которые упоминаютъ Pathissus, Partiskon, Parthiscus, т. е. Пописье, городъ, урочище на Тисѣ: па есть древнѣйшая форма предлога по; раг вм. ра—ошибка 1).

1) Па—, по—: Новог. Лѣт. 143 на Паозерьи. 28 извременившѣше погодье вѣтра. 151 побережье. — Ипатьевск. 10 Посулье. 30 Подесьнье. 51 Подолье. 132 Посемье. 169 Понизье. 124 Побожье. 206 по Полѣсью. 227 отъ Поморія. — Пск. Лѣт. 154 поранье (раннее утро). 2) за—:Русск. Правда: о задушьи (на поминъ души, Руск. Дост. II, 217). Несш. по Лавр. сп. 12: изъ заморья. Новог. Лѣт. 48 изъ заморія. 73 въ Загородьи. 73 на Зоволочье. 114 Заполіе.-Пск. лѣш. 33, 37 и проч. Запсковье. 46 За-

1) Шафарика Slowanskè starożitnosti 1836 стр. 207.

лѣсье. 91 изъ зарубежья. 181 Застенье. 196 Задвинье. 3) на-: Новог. Лѣт. 148 въ навечеріе.—Пск Лѣт. 33 изъ налѣсьи. 4) без- Ипатьевск. 19 безголовіе и безмѣстье. Пск. Лѣт. 198 бездождіе. 5) вз-: Новог. Лѣт. 16 на възводье. 6) межи-(между): Ипатьевск. 167 Межибожье. 7) об-: Новог. Лѣт. 78 по Обонѣжью, Ипат. 112 ободверье (что около дверей) 8) от-: Пск. Лѣт. 152 опшепелье. 9) перед-: Ипатьевск. 63 передъгородье. 10) под- Ипатьевск. 181 подъгорье. Пск. Лѣт. 201 подгоріе. При именахъ лицъ, для означенія помощника: Конюшихинъ б: поддружье (на свадьбѣ второй по дружкѣ). Древн. Русск. Стих. 227: податаманье (помощникъ, второй по атаманѣ). 11) при-: Пск. Лѣт. 89 у примостья. 12) роз-, раз-: Новог. Лѣт. 79 розмиріе.-Пск. Лѣт. 22 разратье. 13) су-: Пск. Лѣт. 24 Сумежье. 14) у-: Новг. Лѣт. 5 въ удолье (варіантъ: въ полъдни).—Пск. Лѣт. 82 удолье; слич. Ипатьевск. 172: удолъ. Др. Рус. Стих. 114: усолье. 15) полу-: Несп. по Лавр. сп. 2 къ полуночью. 4 на полунощье.-Пск. Лѣт. 103 ползобенье (половина зобницы, хлѣбной мѣры: корень зоб, посербски, зп. овесъ). 16) не —: Ипатьевск. 106 непогодье. 208 въ нелюбьи. 211 нелюбовье. — Пск. Лѣт. 17 немирье. 222 — 223 отъ несовѣщія.

Этому удлиненному образованію словъ противополагается усѣченное, съ слѣдующими окончаніями: 1) — ь: въ Несп. по Лавр. сп. собирательныя названія народовъ: 2 Русь, Чудь, Весь, Любь. 3 Серебь (Сербы). 6 Черемись, Ямь, Корсь. — Новог.

Лѣт. также собирательныя: 48 а Борисовѣ чадѣ (челяди) показаша путь. 54 Таль (шалей, заложниковъ) Пльсковскую пустиша. — Ипатьевск. 213 простую чадь. 214 досадила мь погань си (досадили мнѣ эти поганые). Вообще нарицательныя: Новг. Лѣт. 1 лодь отринуша отъ берега, вм. лодью. 6 бысть вѣстань велика, вм. возстаніе. 11 Ипфонтъ поби Святую Софію свиньцемъ, всю прямь. 15 дорогъвь вм. дороговизна. 64 на устьи Невы, вм. на устье. Ипатьевск. 40 на устьи Медвѣдьци. Кар. ИГР. X пр. 118: на устьи Терки. — Пск. Лѣт: 165 ярь сѣяна, т. е. яровой хлѣбъ. 195 на пособь. 202, 203 поводь (вода): весне была вода велика въ рѣкахъ, и не памятятъ люди таковой поводи. Древн. Русск. Стихотв. 206 до любя молодца пожалую, любь вм. любовь. 354 а ты волчья сыпь, т. е. волкъ тебя съѣшь: слич. Новг. Лѣт. 17: ту ихъ досыпи (варіантъ: много) наде. 131 первую заступь заступовали (въ шахматной игрѣ). 207 заводь: и поѣхалъ къ морю синему, „ что на теплы, тихи заводи. 2) — ъ: въ Несторъ по Лавр. сп. 4. Сѣверъ, собирательное, вм. Сѣверяне. Въ Древн. Русск. Стихотв. шипъ, топъ, наукъ: 354 не слыхалъ ты шипу змѣинаго. 353 и заслышалъ соловей разбойникъ „того ли тону коннаго. 46 письмо ему въ наукъ пошло. Сложные съ предлогами: уразъ, изголовъ: Ипатьевск: 172 бѣ уразъ великъ въ полкахъ его. Др. Рус. Сп. 84 выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, „ съ того уразу молодецкаго. 116 въ тѣхъ устьяхъ Тоболь-

скихъ на изголовѣ становились. 3)— а, — ка, вмѣсто нынѣшняго удлиненнаго: Пск. Лѣт: 163 нелюбкы. Др. Рус. Сш. 157 на швои щаски Княженецкія. 254 а шворки шворилъ не по маленькимъ. Самое уже употребленіе этихъ словъ во множ. числѣ показываетъ, что они выражаютъ понятія менѣе отвлеченныя, чѣмъ нелюбье, любовь, счастье. 4) — а, въ именахъ отглагольныхъ названія лицъ общ. рода: nepozeda (непосѣда) turbidus, turbulentus, seditiosus, inquietus въ гл. Mat. Verb. nestida (нестыда) impudicus, tertius (digitus) ibid. Въ Новог. Лѣт., меченоша, 42: Василья меченошю Ярославля. Др. Рус. Сш. 17 мѣхоноша. Таковое сложеніе съ отглагольнымъ — ноша весьма древнее, ибо Люциферъ въ глоссахъ Mat. Verb. переводится zuellonose (свѣтлоноше). 5) — а собстн. именъ собирательн.: Сѣвера въ Кенигсб. сп. 12 вм. Сѣверъ или Сѣверяне. Мурома, Мордва, Печера, Литва, Земгола, Сѣмгола.

Образующія окончанія прилагательныхъ гораздо опредѣленнѣе и числомъ и своимъ значеніемъ. Они могутъ быть подведены къ тремъ отдѣламъ: 1) окончанія мѣстоименныя, 2) падежныя и 3) окончанія причастій. Такъ переходъ существительнаго въ прилагательное можетъ быть двоякій; а) или къ существительному корню прибавляется мѣстоименіе, напр. й, я, е: отъ сущ. дѣва дѣвый, напр. у Нест. по Лавр. сп. 88: въ имя рожьшая пія матере, приснодѣвыя Богородица. Если же прилагательное усѣкается, то остается голый корень существительнаго: въ Повѣсти о разореніи Трои,

переводъ Григорія для Симеона Болгарскаго: густобрадъ, рѣдобрадъ, велеокъ, велеустъ, бѣлорукъ. (Калайдовича Іоаннъ Екс. Болг. стр. 181, 183). Въ Русск. Правдѣ: злоправъ (Рус. Дост. II, 180). Иск. лѣт. 143 злосердъ. Или б) къ существ. прибавляется *въ*, соотвѣтствующій окончанію родит. падежа, напр. Борисъ Борисовъ, Глѣбъ Глѣбовъ. Эти усѣченныя прилагательныя въ старину могли удлиняться: Нов. лѣт. 48 Князь пусти къ нимъ жены, Борисовую, Глѣбовую, Мишную. Ипатьевск. 156 Княгини же Романовая. 159 Княгиню Романовую. 201 Княгини Мнидовговая. 202 Великая Княгинѣ Василковая. Иск. лѣт. 167 Княгиню Борисовую. Сличить Новг. лѣт. 29 Преставися Княгыни Всеволожая. 54 Преставися Княгыни Ярославляя. Ипатьевск. 3 Княгини Всеволожая. Древн. Рус. ст. 153 честна вдова Чесовая жена, т. е. жена Чеса.—Образующее окончаніе — къ, напр. въ словѣ дерзокъ (въ старину и дерзъ безъ—къ, Калайд. Іоаннъ Екс. Болг. 181, Ипатьевск. 164), и т. п., можетъ быть признано корнемъ мѣстоименія вопросительнаго, означающаго вмѣстѣ и качество: въ именахъ существительныхъ это окончаніе иногда соотвѣтствуетъ окончанію причастія—щій: Ипатьевск. мирникъ, мирящій. Иск. 215 многимъ досадникъ. Кар. ИГР. X пр. 82 о землѣ великой печальникъ (заботливъ). Кар. ИГР. XI пр. 56 и посаженикъ былъ тотъ Валишъ на Корельское владѣніе отъ Новогородскихъ посадниковъ: здѣсь прич. страд. съ означеніемъ качества окончаніемъ -къ, въ формѣ существитель-

наго. Слич. въ Пск. лѣт. 41: невѣрникъ, отличающееся отъ прилаг. невѣрный тѣмъ, что означаетъ понятіе болѣе дѣятельнаго.—Образующее окончаніе -тъ, съ одной стороны сродно съ мѣстоименіемъ указательнымъ тъ, та, то, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ окончаніемъ-нъ, сродно съ окончаніями причастія страд. на-тый,-ный. Такъ прилагательныя: отчаянный, искусный, окаянный, прелестный и т. п. суть ничто иное, какъ причастія, что очевидно въ старинныхъ памятникахъ нашей письменности, напр. въ молитвахъ Кирилла Туровскаго: тіи бо бѣша всѣми отчаеми (отвергнуты), ты же пріятъ я. неискусну (не искушену) отъ злыхъ помыслъ. всѣми человѣки окаянъ (поносимъ) бывъ. удобъ прелестное (прельщаемое) человѣческое естество. Сродство окончаній — тъ и — нъ видно изъ существительныхъ, имѣющихъ окончанія—та и—на: широта и ширина, высота и вышина. глубота и глубина 1). — Прилагательныя на — лъ сродны съ причастіями прошедшими дѣйств. залога, а нѣкоторыя и ясно происходятъ отъ нихъ: жилъ жилой, былъ былой, гнилъ гнилой. При этомъ переходѣ замѣчается въ прилагательномъ сокращеніе: такъ отъ глагола паяшь прил. шалый, напр. Въ

---

1) Смотр. Бопна Über den Einfluss der Pronomina auf die Wortbildung 1832. Онъ почитаетъ окончаніе — ta, находящееся въ санскр. и друг. языкахъ, признакомъ существ. женск. рода, подлежащихъ дѣйствію и отвлеченныхъ.

Пск. лѣт. 163 палъ снѣгъ на талую землю. Слич. прилагательныя свѣтлый, теплый и т. п. съ глаголами свѣтишь, топишь. Это же окончаніе въ существительныхъ: дѣ-ло отъ дѣять, весло отъ вести, крыло отъ крыть 1): подобно тому какъ отъ конать копы—шо. Слич. въ чешскихъ Псалтиряхъ XIV в. (зъ Виттенберск. и Подебрадск.): spal (dormitor), ssal (lactens, Säugling); въ Ипат. 126 удариша братья въ било. Причастіе настоящее на—щій переходитъ въ прилагательное съ окончаніемъ—чій: въ Др. Рус. стих. 70 зыбучія болоты напрокучили. 88 могучія плечи расходилися. 93 и наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ. 249 вскочилъ въ полдрева стоячаго. Въ старину часто и причастія вм.—щій оканчивались на—чій напр. въ Ипатьевск. 76: бѣжачего; у Кошихина 17: будучимъ (вм. будущимъ). Какъ пресловутый есть прич. страдат., такъ пресловущій дѣйствительное, напр. въ Пск. лѣт. 211: пресловущій градъ Псковъ. Причастія, черезъ прилагательныя, перешли въ существительныя: стряпчій, кравчій или крайчій, пѣвчій, книгочій и сокращенное книгчій, всѣ склоняются, какъ прилагат.

Но такъ какъ въ языкѣ всякая форма стремится рѣзко отдѣлить себя отъ прочихъ, то нѣкоторыя окончанія прилагательныхъ столь отличны своимъ образованіемъ, что не могутъ быть разсматриваемы въ связи съ мѣстоименіями, или

1) И въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ окончаніе il означаетъ орудіе, Гримма D. Gr. II, 397.

причастіями. Каковы — р, — скъ, — стъ, — ватъ, — витъ и пр. п.

Окончаніе — скъ попадается 1) уже у Тацита въ названіяхъ народовъ: arav-isci, nar-isci; у Аврел. Виктора собст. имя attal — iscus. Въ готскомъ у Ульфилы: mann — isks (humanus), слич. человѣч-ескій, judáiv — isks (judaeus), слич. Іудей-скій. Въ древневерхненѣмецкомъ êvangel-isc (evangelicus), евангель-скій; samaritân-isc, самаритан-скій. Въ англосакс. engl-isc (anglicus), англій-скій; graec-isc (graecus), грече-скій; jude-isc (judaeus). Древнс. islend-skr (islandicus), исланд-скій. Въ средненѣм. heim-isch (domesticus), wel-sch (peregrinus, italicus, gallicus). Въ нынѣшн. нѣм. arab-isch, deut-sch, engl-isch, heidn-isch и проч. Можетъ быть, вліяніе нѣмецкихъ нарѣчій на образованіе нѣкоторыхъ словъ въ романскихъ языкахъ, какъ напр. франц. arab-esque, gigant-esque, grot-esque и проч. Въ Литовск. lètuw-iszkas литов-ской. Съ этимъ окончаніемъ многія прилагательныя наши или потеряли прежній объемъ своего употребленія, напр. у Нестора по Лавр. сп. 14: бысть бо дѣтескъ вельми. нося Игоря дѣтьска. Или вовсе утратились, наприм. Нестор. по Лавр. сп. 10 дѣвоческъ полъ. Такъ нынѣшнее существительное войско образовалось отъ стариннаго прилагательнаго войскій, которое встрѣчается: въ Русск. Правдѣ: воиском конь (а не свойскій), въ Годунов. Кормч. воиньскій конь (Руск. Дост. II, 50); въ Новог. лѣт. 60 По-

1) Grimm, Deutsche Gram. II, 375 и слѣд.

романа подвопского; въ Ипатьевск. 40 подвойскѣи и бпричѣ; въ Пск. лѣт. 117 грамоты подувойского. 124 соцкихъ или подвойскихъ. 154 невойскъ (т. е. невоинственный). 166 со множествомъ войскымъ; въ Древн. Руск. стих. 422 войской кругъ.

Окончаніе — стъ также обще у насъ съ другими языками. Слич. лат. agr-estis, silv-estris, греч. превосх. степень μέγιστος: рогастый magnis cornibus, отличается отъ рогатый cornutus, corniger; нѣдристый sinum latum habens, рѣчистъ eloquens 1). Въ Повѣсти о разор. Трои: бровистъ. пръсистъ. плечистъ (Кал. I. Е. Б. 181, 182). Ипат. 123 бѣ бо рѣка та швердо текущи, бережиста. Слѣд. — стъ означаетъ избытокъ, чѣмъ и отличается отъ — тъ, означающаго принадлежность, свойство: напр. Руск. Правд. мужатая жена (Русск. Дост. II, 151). Глос. Mat. Verb. zaiecc vssati (заецъ ушатый), lepores auritos; въ Соф. Вр. II, 417 а другой (пушкѣ) имя ушатая. Новог. Лѣт. 102 звѣзда хвостата. Ипат. 202: явися звѣзда на востоцѣ хвостатая. 202 си же звѣзда нарѣчается власатая. Пск. Лѣт. 180 Андрей Волосатый. Сличимъ окончанія наши съ латинск: alatus крылатъ, cornutus рогатъ, barbatus брадатъ, crinitus власатъ, pennatus пернатъ. Слич. санскр. окончаніе — wat, напр. bola-wat (starkebegabt) 2), съ нашими — винъ, у Нестора

1) Добровскаго Instit. linguae slavicae 329.

2) Pott, Etymol. Forschungen I, 92.

по Лавр. сп. 24 имовѣшъ, неимовѣшъ; и — ватъ напр. въ Пск. Лѣт; 39, 123 звѣзда хвостоватa; въ Др. Рр. стр. 250 жиловатъ.

Въ связи съ этими прилагательными окончаніями стоятъ многія существительныя, каковы напр. на — сть, ство, — ище 1) и друг. Обращаю вниманіе на послѣднее окончаніе, въ смыслѣ пространства, теперь гораздо менѣе употребительное, чѣмъ прежде. Нест. по Лавр. сп. 74: дали града стрѣлище едино, т. е. пространство, сколько пролетаетъ стрѣла. Новг. Лѣт. 35 на томъ побѣдищи, т. е. мѣсто, гдѣ побѣда, сраженіе. Ипат. 73, 74 ста на полчищи на ночь, т. е. мѣсто гдѣ полкъ, сраженіе. Пск. Лѣт. собств. имена: 116, 117 Полонище, 200 Овсище. Особенно любопытно употребленіе слова день съ окончаніемъ—ище для означенія пространства, которое можно пройти въ продолженіи дня: Новог. Лѣт. 99 только за днище Галича не доходиша. Ипат. 40 и тако изъидоша Новгородци противу сму три днищь (варіантъ: днища), а ини всѣми силами устрѣтоша и днище отъ Новагорода. Кар. ИГР. X пр. 39 (1595 года) за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два. XI пр. 30 выше Чанъ три днища.... отъ Калмаковъ въ дву днищахъ. XI пр. 90 отъ Тарковъ до Таркалевъ полдниша. Это слово надобно отличать отъ „дина,“ напр. въ Ипатьевск: 131 и тако бишася крѣпко шу днину до вечера. Такъ какъ — ище

1) Павскаго Филол. Набл. II, 138.

означаетъ и орудіе, но нѣкоторыя слова съ симъ окончаніемъ имѣютъ смыслъ и мѣста, и орудія, напр. побоище; слич. въ Древ. Рус. Стих. 399 одно было побоище „ большая рогатина.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА.

Grimm, Deutsche Gram. II, 405 — 985.

Сложеніе (compositio) есть совокупленіе двухъ понятныхъ словъ. Если соединяется болѣе двухъ словъ, то именуются пресложными 1) (decomposita). Могутъ слагаться имена съ именами, имена съ глаголами, частицы съ именами и глаголами, частицы съ частицами, но никогда глаголы съ глаголами.

Отличіе сложенія отъ производства: а) то и другое состоитъ изъ двухъ частей; но въ производствѣ первая часть главная и яснѣйшая, вторая сама по себѣ темна; удареніе стоитъ обыкновенно на первой части, а вторая можетъ быть и изъ одной согласной. Въ сложеніи вторая часть важнѣйшая, первая же служитъ только опредѣленіемъ послѣдней: та и другая понятны. б) когда отнимается производная приставка, часто остается непонятный корень, напр. стра-хъ. Если производство въ древнѣйшую эпоху своего начала состояло, какъ и сложеніе, изъ частей равно понятныхъ, то законы производства древнѣе законовъ сложенія. Въ

1) Этотъ терминъ заимствую у Іоан. Екс. Болг. стр. 169.

этомъ отношеніи сложныя слова подобны *чувствительнымъ*, яснымъ производнымъ. г) между корнемъ и производною приставкою не можетъ быть флексіи (исключенія весьма рѣдки): сложеніе же основывается на флексіи перваго слова.

Строго надобно отличать сложеніе *собственное* отъ *несобственнаго*. Формальный признакъ собственнаго сложенія состоитъ въ томъ, что первое слово соединяется со вторымъ *слагающею гласною*, отличною отъ всякой иной флексіи. Эта гласная ясна въ сложныхъ словахъ славянскихъ, греческихъ, латинскихъ, готскихъ, древненѣмецкихъ: но въ новомъ нѣмецкомъ уже пропадаетъ. Тогда то выступаетъ не собственное сложеніе, прилагающее первое слово ко второму флексіею, падежнымъ окончаніемъ, напр. Tageslicht, Donnerstag суть ничто иное какъ Licht des Tages (lux diei), Tag des Donnergotts (dies Jovis). Слѣд. чтобы узнать собственное сложеніе, надобно обратить вниманіе на то, можно ли привесши въ конструкцію первое слово со вторымъ. Сложеніе съ частицами отличается тѣмъ, что не терпитъ слагающей гласной, вѣроятно, потому что частицы въ отношеніи къ именамъ и глаголамъ легко приводятся въ конструкцію, какъ отдѣльныя части.

Изъ новѣйшихъ языковъ нѣмецкій всѣхъ богаче сложными словами: потому то Нѣмцы обладаютъ многими живыми поэтическими выраженіями, которыя вовсе непереводимы на другіе языки. За

но сіи послѣдніе превосходятъ нѣмецк. словами простыми и средствами производными. Производство даетъ слову отвлеченный смыслъ, сложеніе совокупляетъ два спеціальныхъ поняшія, которыя остаются оба живыми и ощутительными въ нашемъ воображеніи. Сложеніе изящно тогда, когда группируетъ въ одинъ образъ два поняшія, не изящно же, когда одно поняшіе раздѣляетъ на два слова. Въ нѣмецкой прозѣ ужь слишкомъ много сложныхъ словъ, въ поэзіи другихъ народовъ ихъ слишкомъ мало.

Послѣ нѣмецкихъ нарѣчій славянскія самыя обильныя сложными словами. Въ древнѣйшей исторіи сложныхъ словъ славянскихъ надобно отличать два періода: языческій и христіянскій. Въ первомъ исконное славянское сложеніе, во второмъ, черезъ переводъ Библіи, отъ Грековъ къ намъ перенесенное. Первое намъ родственно по народности, освященной многими столѣтіями; второе—по молитвѣ и чувству благоговѣнія.

1. Періодъ языческій. Божества языческія древнеславянскія называются уже сложными словами: Стрибогъ, изъ стри, что значитъ по Юнгманну повѣтріе, luft 1), и богъ, слич. Сл. о Полк. Игор. се вѣтри, Стрибожи внуци. Дажьбогъ или Даждьбогъ, изъ даждь и богъ, по объясненію нашихъ лѣтописцевъ, значитъ солнце: Ипатьевск. 5: и по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же нари-

1) Чешск. Словарь IV, 349.

чтоть Дажьбогъ. ibid. солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ. Отъ этихъ словъ образовались и прилагательныя Стрибожій, Даждьбожій, попадающіяся въ Словѣ о Полк. Игор. Въ глоссахъ Mater verb: Radihost, Mercurius a mercibus est dictus. Sytiwrat, (санскр. satyavrata) Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab Olimpo venit, arma Jovis fugiens. Suatouyt (Святовитъ), Ares, pellum, Mauors: одни производятъ это слово: свѣто-видъ; другіе: свято-витъ, святой Витъ 1). Belboh, Beal ydolum: какъ персидскій Ариманъ противополагается Ормузду, такъ и Бѣлбогу — Чернобогъ. — Какъ имена боговъ, такъ и людей, слова сложныя: въ языческой поэмѣ, въ Судѣ Любуши; staglau Стяглавъ 22. zutozlau Святославъ 40. lutobor Лютоборъ 42. ratibor 44. radouan Радованъ 46. jarosir Ярожиръ 47. strezibor 48. samorod 49. Наши языческіе Князья носили сложныя имена: Святославъ, Ярополкъ, Владиміръ. Древнѣйшія названія городовъ слова сложныя: въ Судѣ Любуши Вышеградъ стр. 31; у насъ Новгородъ, Царьградъ. У Іоанн. Екс. Болг. (IX — X в.) Доброславъ, Родославъ, Добромиръ, Драгомиръ. Уже Несторъ обратилъ вниманіе на слова сложныя: припомнимъ его наивное производство: Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане *переа славу* отрок-отъ. Лавр. сп. 87. Наши сложныя имена теряются въ незапамятной дали вѣ-

1) Смотр. Чешск. Словарь Юнгмана.

ковъ; очень многія въ названіяхъ лицъ сходны съ готскими, гальскими. 1) и др. Такъ уже въ коммен-таріяхъ Цезаря попадается имя Viridomar, во вто-ромъ словѣ котораго, точно также какъ въ гот-скихъ Witimir, Britmar, звучитъ подобное нашему — миръ. Слич. слав. Радигостъ съ готск. и гальск: Wisogast, Hadugast, Radagais и т. д. Замѣчательно, что у Готовъ нѣтъ сложныхъ словъ съ — славъ. Со введеніемъ Христіянства хотя и вошли къ намъ Христіянскія имена, однако въ народѣ былъ посто-янный обычай, кромѣ крестнаго имени, давать и языческое, называвшееся мірскимъ: въ крещеніи Іосифъ. а мирьскы Остромиръ, въ Остром. Ев. имя ему въ святомъ крещеньи Георгій, а мирьскій Игорь, Ипатьевск. 58. и бысть имя ему въ крещеньи Бо-рисъ, а мирьское Святославъ, ibid. 93. нарекоша имя ему Ростиславъ, а въ крещеньи Иванъ, ibid. 107. Но особенно любопытно, что мірское или языче-ское имя называется еще княжимъ: и нарекоша имя ему въ крещеньи Андрѣянъ, а княжее Святославъ, Ипат. 119. Этотъ обычай продолжался еще и въ XVII в. Слич. въ Алфавитѣ, рукп. XVII в: прежде оубо Словяне еще суще погани и неимѣху книгъ поне-же не разумѣяху писаніи. и того ради и дѣшемъ сво-имъ даяху имяна якоже суть сія. богданъ. баженъ. второй. третьякъ и прочая подобная симъ яже ны-нѣ прозвища имянуются. Восток. Оп. Рум. Муз. 2.

---

1) Вельтмана Древнія Славян. собственныя имена въ IV книгѣ Очерковъ Россіи.

Для исторіи нарицательныхъ сложныхъ именъ любопытны въ Судѣ Любуши: strebropeni сребропѣну (воду) 11. zlatopescu златопещаную (глину) 15. strebronosne среброносная Мжа рѣка 49. praudodatne правдодатныя доски, законы 60, и др. Замѣчательно, что всѣ эти сложныя слова суть прилагательныя, и многія изъ нихъ, какъ украшающіе, поэтическіе эпитеты.

2 Періодъ отъ временъ перевода Св. Писанія. Сюда относятся славянскія сложныя, переведенныя съ сложныхъ греческихъ: богоносецъ θεοφόρος, богородица θεοτόκος, свѣтодавецъ φωτοδότης; сребролюбіе φιλαργυρία, вѣнценосецъ στεφανοφόρος, единоборецъ μονομαχος, единосущный ὁμοούσιος, всесиленъ παντοδύναμος, всеблагій πανάγαθος, вседержитель παντοκράτωρ, самолюбецъ φίλαυτος, самовидецъ αὐτόπτης, иноплеменникъ ἀλλόφυλος, слич. множество словъ сложныхъ съ благо—,переводъ греч. ἐυ, 1) и проч. Сложныя слова грецизмы отличаются отъ сложныхъ коренно-славянскихъ тѣмъ, что первыя означаютъ понятія отвлеченныя, необходимыя для религіи и философіи, послѣднія же — живыя поэтическія представленія.

Слагающею или соединительною гласною въ славянскомъ *o*, *e*, въ греческомъ *o*, въ латинскомъ *i*, въ нѣмецкихъ древнихъ нарѣчіяхъ *a*, *o*, *e*. Отношеніе синтаксическое между частями сложнаго слова зависитъ отъ смысла оныхъ: такъ одно и то-

1) Добровскаго Instit. linguae Slav. 456 и слѣд.

же слово само — , сложенное съ — видецъ, самовидецъ, есть опредѣленіе: самъ видитъ; а сложенное съ—любецъ, самолюбецъ, есть дополненіе: любитъ самого себя. Сложеніе можетъ быть: 1) опредѣлительное, когда первая часть опредѣленіе второй: долготерпѣніе μακροθυμία т. е. долгое терпѣніе, Стародубъ, или вторая опредѣленіе первой: Волоколамскъ, въ Новог. лѣт. 17: на Ламьскѣмъ волоцѣ. 2) дополнительное, когда первая часть дополненіе второй: сребролюбіе-любить серебро, или вторая дополненіе первой, какъ греч. φιλαργυρία. 3) обстоятельственное, когда нарѣчіе, или какое обстоятельство присовокупляется къ имени, глаголу: многосвѣтлый πολύφωτος, противоборствовать, междоусобіе. Эти синтаксическія отношенія въ сложныхъ словахъ могутъ столько же видоизмѣняться, сколько и въ предложеніи: а) родит. предмета дѣйствующаго, или родит. подлежащаго: Листопадъ (по старинному вм. Ноябрь). Въ статьѣ о книг. истин. и лож. (Калайд. Іоан. Екс. Болг. 211): вороногай. курокликъ. мышепискъ. стенощелкъ. т. е. листья падаютъ, вороны граютъ (кричатъ повороньи) и т. д. Слич. Слов. о Полк. Игор· врани граяхутъ. б) дательн. отношенія къ лицу: Богомилъ (собств. имя), огнепоклонникъ, т. е. милъ богу, покланяется огню. в) творит. лица дѣйствующаго: Богданъ θεοδότος, въ Др. Р. Ст. 408 богоданная машушка т. е. данный, — ая богомъ. г) творит. орудія: окомигъ (Калайд. І. Е. Б. 211), паровозъ, пароходъ, рукопись, очевидецъ, т. е. мигаетъ окомъ, писана рукою или

ошъ руки. д) движеніе и пребываніе въ пространствѣ: мореходъ, водолазъ, путешественникъ, ухозвонъ (Кал. ibid), т. е. ходитъ по морю. лазитъ въ воду, звенитъ въ ухѣ. е) время: зимородокъ (alcedo), лѣторасль, т. е. зимой родитъ, лѣтомъ выростаетъ. Такимъ образомъ всякое сложное слово разрѣшается предложеніемъ; а такъ какъ въ предложеніи бываетъ только одинъ глаголъ, то и не можетъ слагаться глаголъ съ глаголомъ.

Къ несобственному сложенію относятся сложныя слова безъ соединительной гласной. напр. Царьградъ (и Цареградъ), жаръ-птица, братъсестръ въ Остром. Ев.л. 228, хлѣбъ-соль; собств. имя Мьстьбогъ Ипат. 156. Сюда же относятся сложныя изъ цѣлыхъ выраженій: собств. им. въ Ипат. 163 Держиславъ. 168 Толигнѣвичь. 179 Молибожичь. 181 Завихвостъ. 194 Данило посла Костятина, рекомаго Положишила. 200 Желиславъ. Въ Пск. Лѣт: 42 Байборода. 217 Ѳедоръ Умойсягрязью. 266 Умылбородинъ, Келарь Терпигоревъ и т. п. Въ старинныхъ сложныхъ словахъ надобно отличать такое сложеніе изъ цѣлаго выраженія, какъ напр. Дажьбогъ, отъ соединенія двухъ словъ безъ слагающей гласной, какъ Сирибогъ. Трудно рѣшить, къ первому или ко второму должны относиться: Творимиръ (Ипат. 100), Владимиръ, Казимиръ, Роспиславъ и т. п. Слич. греческія съ повелительнымъ наклоненіемъ, ἀγέ — λαος и ἄγεσί — λαος, ἀρχέ — λαος и ἀρχεσί — λαος. Такимъ образомъ древнѣйшій періодъ сложенія предлагаетъ намъ вмѣстѣ съ собственнымъ сло-

женіемъ: Ярополкъ, Святославъ, и несобственное. Какъ въ нѣмецкомъ языкѣ древнѣйшее собственное сложеніе перешло въ несобственное, падежное: такъ и въ нашихъ древнихъ памятникахъ попадается сложеніе несобственное, искусственное: напр. въ Новог. Лѣт. 24, Пск. 173 кровипролитіе вм. кровопролитіе: это уже есть разложеніе сложнаго слова, равно какъ и пролитіе крови, Пск. 113. Слич. Новг. Лѣт: 84 богумерзское служеніе. Ипат. 170, 185 братучадіе, братучадо. Пск. 175 не учалъ добрахотѣти.

Въ составныхъ числительныхъ сложеніе несобственное: двѣнадцать — два на десять, придцать— придесять, пять десятковъ: десятъ род. множ.: слѣдовательно въ старину и въ народномъ языкѣ, напр. въ Др. Русск. Стих., правильно употребляются: 32, 412, по пятидесять. 87, за придесять вм. по пятидесяти, за придесятью; также и въ Остромир. Еван. осмидесѧтъ, пѧтиѣдесѧтъ. Замѣчательно сложеніе чешскихъ числительныхъ порядочныхъ jedenmecitma 21, dvamecitma 22, и пр. до 30, т. е. единъ между десятма, два между десятма: это есть остатокъ старинной славянской формы, попадающейся весьма рѣдко, напр. вмѣсто 24 въ Черноризцѣ Храбрѣ: четыры междедесятма 1). Сложеніе съ пол: ополъ, обополъ, въ Нов. лѣт. на другыи полъ

1) Бодянскій въ Ж. М. Н. П. 1843. Іюнь. Добровскаго Inst. linguae slav. 339.

Днѣпра. 3, 4 погорѣ онъполъ; въ Тульск. г. оба пола (кругомъ). Слич. полпора, полпретья. Сложеніе числительныхъ съ пол— въ старину было весьма употребительно: полпятьдесятъ 45, полсемьдесятъ 65, полдевяносто 85; полшестой $5\frac{1}{2}$, полосьмой $7\frac{1}{2}$ и проч. 1) Слич. въ Новог. лѣт. 19 полъпятадесятъ лѣтъ; 104 полъдругынадцаты недѣли.

ОБРАЗОВАНІЕ НАРѢЧІЙ.

Производство нарѣчій шѣмъ замѣчательно, что въ немъ очевидно, какъ флексія перешла въ образующее окончаніе. Большая часть нарѣчій ничто иное, какъ имена, оставшіяся неизмѣнными въ какомъ либо одномъ косвенномъ падежѣ. Если бы мы исторически дознались, что первоначально всѣ эти имена, теперь превратившіяся въ нарѣчія, легко могли склоняться; то нарѣчія можно бы было признать древнѣйшими именами. По крайней мѣрѣ справедливо можемъ заключить, что: 1) въ нарѣчіяхъ сохранились многіе непоняпные для насъ корни. 2) наши мѣстоименныя нарѣчія, вмѣстѣ съ мѣстоименіями, сродны съ нарѣчіями и мѣстоименіями древнѣйшихъ индоевропейскихъ языковъ. 3) корни многихъ словъ въ чистотѣ являются въ образованіи нарѣчій. 4) сложныя нарѣчія иногда такъ исковер-

---

1) Такъ назыв. Русская книга въ Берлинск. библіотекѣ, смотр. Строева Описаніе памятник. Славянорусск Литературы, 1841.

канно и тѣсно соединяютъ понятныя намъ слова, что въ сложеніи мы ихъ не узнаемъ. 5) иныя нарѣчія удерживаютъ древнѣйшія формы окончаній, напр. двойств. числа, мѣстнаго падежа. 6) по крайней мѣрѣ въ отношеніи склоненія и сложенія съ приставками мы должны приписать нарѣчіямъ большую древность: другія слова мы можемъ по своей волѣ склонять и составлять съ предлогами, нарѣчія же просклонялись уже прежде насъ; то что совершается еще и теперь съ именами, давно уже совершилось съ нарѣчіями. Такимъ образомъ менѣе подлежа нашему самоуправству, нарѣчія сохранили народный, живой характеръ: напр. намедни, впѣпоры, вечóръ, ночесь, лѣтось, вчерась, наполы, навзничь, вразрѣзъ, вобрѣзъ, взахлестъ, ничкомъ и т. п. Значеніе нарѣчій опредѣляется синтаксическимъ отношеніемъ ихъ къ предложенію: ибо всѣ они стоятъ въ какомъ-либо падежѣ, за исключеніемъ немногихъ, носящихъ на себѣ признакъ глагола, напр. знать, чать (Ломоносовъ: каковъ то, молвилъ, лукъ? „въ дождѣ чать повредился), почти или почитай, лишь и пр. Отглагольныя нарѣчія, какъ напр. ливмя, стоймя, и др. хотя и соотвѣтствуютъ нѣсколько дѣепричастіямъ лья, стоя, однако причисляются къ падежному образованію, означая твориш. падежъ. Гораздо болѣе отличаются нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ: но такъ какъ и они употребляются одиноко, безъ своего существительнаго, и слѣд. потеряли синтаксическій смыслъ при-

лагательныхъ, но и ихъ можно разсматривать заодно съ нарѣчіями, происшедшими отъ существительныхъ, за исключеніемъ степеней сравненія.

Образованіе нарѣчій по падежамъ:

Родит. падежъ: однова вм. однажды, изъ древняго „одного“ или „единого“, попадающагося уже въ Русской Правдѣ (Рус. Достоп. II, 2); слич. въ Никон. Лѣт: Ѳеодора же Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со К. Ив. Борис. Черкасскимъ, приводиша не одиново (не однова, не единожды) ко пышкѣ. И. Г. Р. XI. и пр. 149. долу, низу, верху, вчера род. отъ долъ, низъ, верхъ, вечеръ. вь греч. ὁμοῦ (simul) род. отъ ὁμός, ἀγχοῦ (prope) отъ потерянаго ἄγχος; ἑσπέρας, προικός отъ προίξ, слич. съ нѣм. abends, vergebens. лат. militiae domique, вѣроятно и heri род. отъ потерянаго слова.

Дат. падежъ: кромѣ отъ сущ. крома: Несп. по Лавр. сп. 29: а сама отъиде кромѣ. 40: и рече Святославъ, кромѣ зря, т. е. въ сторону. Воскр. сп. II, 17 стояше бо кромѣ полъковъ, т. е. внѣ. долой, домой 1), древнія доловь, домовь, домови. греч: ἄλλῃ (aliter), κοινῇ (communiter); дат. множ. παντάπασι (prorsus); κομιδῇ (cura).

Винит. падежъ: прилагательные нарѣчія на о, каковы лѣпо, долго, мало (по Гримму, III, 126) и

---

1) Едвали справедливъ Пухмайеръ, почитая домой род. множ. вм. домовъ, смотр. его Lehrgebäude d. russ. Spr. 197.

др. суть виниш. средн. рода. между, пропиву, выну виниш. отъ межда, пропива, вына, по Добровскому; впрочемъ Востоковъ, въ Славянской Хрестоматіи Пенинскаго, стр. 255, почитаетъ *выну* сложнымъ изъ предлога *въ* и прилагат. женск. род. над. ед. числа *ину*, сокращеннаго изъ *едину*, и сравниваетъ съ краинск. veden, vednu. вечóръ вин. отъ вечеръ. греч. καλόν (pulchre), μακρόν (longe), ταχύ (cito); ἀρχήν, τὴν ἀρχήν (ab initio, olim), λίαν, λίην (valde) вин. отъ неупотребительнаго существ. имени. лат: multum, parum (вм. parvum), verum, ceterum, facile, impune, вин. мн. женск. foras (hinaus), какъ foris (draussen) дат. мн. отъ потерянаго прилаг. forus, сущ. domum. Фран. peu, moult (древнее, теперь замѣненное существ. beaucoup), tard, loin, haut, bas; toujours (вм. tous jours).

Твор. падежъ: прилагат. худымъ: а худымъ вѣдь свои думушки думаютъ, Др. Рус. сп. 355. Отъ прилагат. старинныя существительныя въ твор. падежѣ: пѣшкомъ, нагишомъ. Отъ древнихъ существит. точію (отъ точь, слич. точь въ точь), дыбомъ. Отглагольныя существ. въ видѣ нарѣчій: живьемъ: а и хочетъ Дуная живьемъ справить, Др. Р. ст. 91, т. е. живаго. Слич. отглагольныя стоймя, ливмя, волочмя, и др. съ вельми отъ вель, кольми отъ коль: кольми паче, весьма отъ весь, полма (на полы, пополамъ); также наши съ чешскими: лѣпомъ лепмо, стоймя стоймо, шайкомъ шаймо, даромъ дармо, искрадомъ (Пск. лѣт. 227, 258 вм. украдкою) крадмо: сродны съ лат. окончаніями: гар-

tim, furtim, statim, и проч. лат. творит. падежи: primo, secundo, raro, vero (какъ др. нѣм. giwisso вм. gewiss), continuo.

Мѣстн. падежъ: горѣ отъ гора, долѣ отъ долъ, внѣ отъ виниш. вонъ; слич. въ Новог. лѣт. 12 всю извѣну украси, т. е. наружность церкви.

Нарѣчія сложныя съ предлогами: въ: Несм. по Лавр. сп. 37 вборзѣ всѣде на конѣ, и во множ. числѣ въ Нов. лѣт. 44 поиде въбързѣхъ. Др. Рус. сш. 84 вскраснѣ хорошо не ухожено. Ibid. 126 и вспрѣчю ей изъ Кіева грозенъ посолъ. по: Ипат. 220 поскуду (т. е. помалу), ibid. 205 поправу, полѣву (т. е. сторону или руку), Пск. лѣт. 150 порану, ibid. 174, поразну. изъ: Пск. лѣт. 114 искрѣпка, припомнить выраженія: искрасна-желтый, изжелта-бѣлый и т. п. на: Пск. лѣт. 31 наборзѣ, вм. вдругъ. за: Др. Р. сш. 106: они думушку думали заединое, вм. заодно. о: опричь, образовавшееся изъ опрочь (Пск. лѣт. 150) измѣненіемъ о въ и, въ Ипат. 78, проче серебра, проче камени дорогого, вм. кромѣ: происходитъ отъ прокъ, что значитъ остатокъ: въ Руск. Правдѣ: а прока ему желѣши; а прокъ вдѣлъ (дѣлежъ), Рус. Дост. II, 39, 49. Несм. по Лав. 31 а прокъ ихъ остави платити дань. Разложеніе нарѣчій, составныхъ съ предлогами, любопытно потому, что указываетъ на многія замѣчательныя старинныя и народныя формы: около: коло корень нынѣшнихъ кол-ес-о, (одно) колка, приставка въ словѣ коловратный. вкращѣ, Цс

Форма падежа. вновь, вплавь, вплошь, впредь, вскачь, вспарь — слич. съ существит. крашкими любь, сыпь, поводь. вопреки измѣняется въ перек. въ нарѣч. поперекъ (а не поперегъ, какъ часто печатаютъ, ибо поперечникъ), и въ приставку преко: прекословить. наизусть, съ стариннымъ словомъ усть: напр. въ Новог. лѣт. 64 на усть Невы; нѣкоторые неправильно печатаютъ наизустъ, полагая усть род. множ., зависящимъ отъ из; но изъ двухъ предлоговъ всегда управляетъ первый, а не второй.

Сложныя нарѣчія иногда такъ искажаются, что въ теперешнемъ ихъ видѣ никакъ не дознаешься, что они такое. Такъ сложное *онымидни* (на этихъ дняхъ, недавно) 1) у Сербовъ измѣнилось въ онамадне, nuper, superioribus diebus, у Чеховъ ondy, ondyno, nuper, neulich; у насъ въ Вологодск., Яросл. Губ. (Тр. Общ. Люб. Р. С. 1822 I, 1820 XX): ономеднись; потомъ начинаетъ портишься или первое слово: намедни, или второе: анамедь (Тверск. Губ. Труд. Общ. Л. Р. С. 1820, XX), ономнясь, анамнясь (въ Волог., Костром., Тверск. ibid. 1822, I, 1820, XX). Это нарѣчіе надобно отличать отъ анагодни (оногодни), измѣнившагося въ анагдась, надысь, надыся (въ Курск. Губ. ibid. 1822, II). — Теперь, чешск. teprw, teprwa, польск. dopiero, происходитъ, по Юнгману IV, 575, отъ пора, что не совсѣмъ вѣроятно: ибо первобытная форма, частію

---

1) Рейфъ производитъ отъ единст. числа: ономъ дни. Слов. I, 241.

сохранившаяся въ чешск. и польск. была поперво: Ипат. 104: поперво великъ полкъ назадѣ идетъ; въ Арханг. Губ. употребляется и понынѣ. Слѣд. старинное впапоры, и употребляющіяся нынѣ впупоры, впѣпоры, и даже впапоры (на пр. въ Вологодск. губ. Труд. Общ. Л. Р. С. 1822, I) не имѣютъ связи съ теперь 1).—Вдругорядь, вдругоридь, сокрапившееся изъ другый рядъ, или въ другой рядъ, Новг. лѣт. 112, Пск. лѣт. 152.

Кромѣ степеней сравненія нарѣчія выражаютъ высшую степень повтореніемъ одного и того же корня: маломальски, ночь ноченски, скоро на скоро мелко на мелко; въ Др. Руск. стих. 6 позднимъ поздно. 15 доселева те слыхомъ не слыхать, „и доселева видомъ не видать. 182 рано ранешинько. Замѣчательна поговорка, выражающая степень: не много не мало: Др. Рус. сп. 126 брать съ него дани, невыплаты, „не много не мало за двѣнадцать лѣтъ, ibid. 52, 115.—Сравним. нарѣчіе гораздо происходитъ отъ прилаг. гораздый, которое теперь значитъ умный, искусный, а прежде значило хорошій, прекрасный, напр. въ Новогор. лѣт. 57 о церкви: горазда бо бяше и лѣпа. Какъ нарѣчія най-, еле- приставляются для означенія степени, такъ и предлоги, которые тогда получаютъ значеніе нарѣчій, напр, въ повѣсти о разор. Трои: над-

---

1) Это мнѣніе обстоятельно объяснено въ сочиненіи Дашкова: О легчайшемъ способѣ возражать на критики.

румянъ, надърусъ, просѣдъ, добра бровма нарусо. (Калайд. I. Е. Б. 181—183).

Отрицаніе принадлежитъ нарѣчію 1). Во всякомъ противорѣчіи есть уже и отрицаніе себѣ противоположнаго, напр. хорошо и худо, молодъ и старъ, гора и долина, любовь и ненависть. Иногда эта противоположность выражается отрицаніемъ: не хорошо, не молодъ, нелюбье. Но противоположность высказываетъ всегда болѣе, чѣмъ отрицаніе: не любезенъ-слабѣе, чѣмъ противенъ, и ночь-болѣе, чѣмъ недень, ибо между любезнымъ и противнымъ есть средина равнодушія, а между днемъ и ночью сумерки, и это-то серединное состояніе выражается отрицаніемъ, а не противоположеніемъ. Всякая противоположность содержитъ въ себѣ отрицаніе, но не во всякомъ отрицаніи противоположность. Какимъ же образомъ языкъ выражаетъ отрицаніе? Часпи противоположенія равносильны другъ другу, потому противоположное можетъ выражаться особеннымъ словомъ. Въ иномъ отношеніи споитъ отрицаніе къ своему положительному, оно подчиняется ему. Положительное — главное, отрицательное — его исключеніе. Всякое отрицаніе выходитъ изъ начала положительнаго, и его предполагаетъ. Положительное самостоятельно, отрицательное необходимо относится къ положительному, и ничего новаго не выражаетъ, а только

---

1) Гримма Deutsche Gram. III, 708 и слѣд.

видоизмѣненіе положительнаго. Это видоизмѣненіе выражается приставкою отрицательной частицы.

Отрицаніе можетъ выражаться или гласнымъ, или согласнымъ звукомъ: гласнымъ, какъ напр. греч. οὐ; согласнымъ: въ слав., нѣм. и лат. н; въ греч. м. лат. nôn образовалось изъ ne ûnum, ne ûn (съ отпадшимъ окончаніемъ средняго рода): слич. древнѣйшія формы у Нонія Марцелл. (ed. Spangenb. 143): noenum, и у Лукрец. 3, 200. 4, 716: nenu, вѣроятно вм. nênum, noenum. Точно такимъ образомъ и нѣм. nein образовалось изъ ni ein. Какъ у насъ къ глаголу есмь, еси, есть прибавляется н: нѣсмь, нѣси, нѣсть, откуда нѣтъ: такъ и лат. nolo, nescio съ ne, или negotium, negligo съ nec, вм. necotium, necligo; nemo изъ nehomo. Нѣм. nicht произошло отъ готскаго сложнаго слова nivaihts (nihil, res nihili).

Отрицаніе можетъ усиливаться, или а) удвоеніемъ, составляющимъ характеръ славянскаго отрицанія: напр. Пс. 75, 6 не обрѣтоша ничтоже, Острожск.; не обрѣшоше ничесоже, Венец.; nihil invenerunt; въ исправленномъ же: ничтоже обрѣтоша; или б) прибавленіемъ къ отрицанію изобразительнаго, живописнаго выраженія: напр. никрошечки, нинаволосъ, не видать ни зги, низгиночки. Новог. Лѣт. 69: и скота не оставиша ни рога, вм. ничего. Въ греч. отрицаніе усиливается словомъ γρύ (объясняютъ: sordes, quae sunt sub ungue, res vilissima): οὐδὲ γρὺ ἀποκρίνεσθαι, ни слова не отвѣ-

шишь. Подобное же изобразительное описаніе въ лат. nihil, nil, изъ nihilum вм. nehilum, a hilum, по Фесту значитъ: quod grano fabae adhaeret: что соотвѣтствуетъ нашему: ни зерна, ни маковаго зерна, и древн. нѣм: niht eine bône. Романскіе языки такимъ же поэтическимъ прибавленіемъ образовали свое отрицаніе. Франц. pas есть passum: первоначально имѣло смыслъ болѣе изобразительный, но, впослѣдствіи, частымъ употребленіемъ перешло въ отрицаніе вовсе отвлеченное: il ne dit pas, или даже и безъ отрицательной частицы: pas si bête, pas un mot. Равномѣрно и rien есть измѣнившійся вин. rem, ren (Rayn. I, 429); оно также стало употребляться безъ отрицат. частицы: rien du tout. Слич. нѣм. nicht, поготски vaihts вещь, какъ и фр. rien. И point теперь употребляется и одно: point du tout; между тѣмъ означаетъ punctum. Точно также перешло въ отрицаніе и personne.

Съ большей подробностью предлагаю сказанію о мѣстоименіи, какъ средоточіи, и краеугольномъ камнѣ многихъ грамматическихъ формъ.

ПРОИЗВОДСТВО МѢСТОИМЕНІЙ.

Мѣстоименія, такъ какъ и окончанія, суффиксы и флексія, по большой части состоятъ изъ звуковъ плавныхъ и шекучихъ 1), именно: изъ гласныхъ: и (онъ, его, они); изъ придыхательныхъ съ

1) Becker, Organism der Sprache 1841, стр. 202.

гласными: азъ, я (ia), язъ, ю (iy), сей, ихъ, ἐγώ, ego, je, ich; изъ плавныхъ съ гласными: онъ, er, самъ; язычныхъ: пъ, той, τό, id, der.

1 Лице. Азъ, язъ, одинаково съ зендскимъ azĕm 1): придыхательной z соотвѣтствуетъ h: санскр. aham, отъ коего эолич. ἐγών, гр. ἐγώ, лат. ego; санскр. форма первобытнѣе, ибо *a* древнѣе звуковъ e, o. Русск. я отъ язъ, которое приняло звукъ *я* потому, что славянскій языкъ не любитъ въ началѣ слова звука a. Нѣмецкое ich отъ готск. ik, сроднаго съ ego; фр. je образовалось изъ древнѣйшей формы jeo, jo, кои произошли отъ ego черезъ eo, io 2). А придыхательная ж соотвѣтствуетъ придыхательнымъ i, г. — Прочіе падежи единств. и множ. числа образуются буквами м, н. Меня соотвѣтствуетъ древнѣйшему мѧ 3) съ носовымъ звукомъ ѧ, коимъ объясняется вставка -ен- въ м-ен-я; слич. польск. mję, санскр. mama, готск. meina, греч. μου, и проч. Замѣчательны падежи род. и предл. мн. насъ, въ коемъ къ коренной н придается придыхательная с вмѣсто х (нахъ) 4): это окончаніе есть древнѣйшее, одинаковое съ санскр.

---

1) Bopp, Vergleichende Grammatik, 467.

2) Ampère, Histoire de la littérature française au moyen age, 1841, 101. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, 1838, II, стр. 84.

3) Востоковъ въ Труд. общ. люб. Рос. слов. 1820, ч. XVII, стр. 42 и слѣд.

4) Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 28 и 33.

nas, лат. nos. Во многихъ индоевропейскихъ языкахъ множеств. числю 1 го лица отличается корнемъ отъ единственнаго. Это объясняется тѣмъ, что я собственно не способно къ принятію на себя множественнаго числа: ибо только одно я, и понятіе *мы* содержитъ въ себѣ не только меня, но и множество другихъ недѣлимыхъ различнаго рода 1): отсюда возможность перехода 1-го лица во 2-е, и 2-го въ 1-е. Этимъ объясняется, почему двойств. числю 1 лица ва, вѣ, образуется звукомъ в, выражающимъ 2 лице.

2 Лице образуется звуками т, в. Т переходитъ въ одноименные th и д, и въ придыхательную s, отсюда готск. thu, нѣм. du, греч. συ. Окончаніе (т)-ебѣ, лат. (t)-ibi сродно съ нарѣчіями лат. ibi (мѣстный падежъ отъ is) ubi, съ окончаніемъ дат. падежа—ови: сынови: ибо звуку б соотвѣтствуетъ в—напр. санскр. tava—тебя, а вмѣсто тебѣ употреблялось и тобѣ (слѣд. еще ближе къ окончанію—ови), отъ коего тобою. О множ. васъ, санскр. vas, лат. vos тоже, что и о словѣ насъ.

Образованіе возвратнаго ся, себя тоже, что тя, тебя. Придыхательному с соотвѣтствуетъ h: отсюда греч. σὺ.

---

1) Bopp, Verg. Gr. стр. 472. Слич. въ рѣчи Боппа: ueber einige Demonstrativstamme etc. 1830, стр. 9: — bemerkt haben, dass es nämlich von dem ich kein plural gebe, und dass in dem Begriffe Wir meine Person nur unter mehreren ausser mir liegenden Personen mitbegriffen sei.

3 Лице. Для именит. ед. и мн. онъ, они, краткое отъ указательнаго оный, и сродное съ числительнымъ лат. unus (древнѣйшее на гробѣ Сципіона oinos), гр. ἕν, εἷς (первоначально вѣроятно σῖνς), готск. ains. Всѣ эти слова происходятъ отъ санскр. указательнаго ana ėna 1): этотъ санскр. корень въ славянск. языкѣ удерживаетъ тоже значеніе, какъ и въ санскр.; а въ другихъ языкахъ измѣняется въ понятіе одинъ. Переходъ указанія къ единичности весьма естественъ, ибо указаніе есть не иное что, какъ опредѣленіе предмета, исключеніе его изъ всѣхъ остальныхъ, обособленіе его, какъ одного, на который обращается вниманіе. Сличить переходъ слав. единъ въ нѣм. jeder.—Остальные падежи образовались отъ древняго мѣстоименія и, я, е. Замѣчательно, что какъ въ славянскомъ, такъ въ санскр. 2) и лат. i есть корень мѣстоименія 3 лица и глагола идти: и-ти, is, ire. Лат. ei муж. род. переходитъ въ ей женск.; iis въ ихъ 3): ибо S и X — равныя придыханія. Нашъ дат. множ. имъ сходенъ съ готск. im; род. женск. ея соотвѣтств. готск. ija, женск. винит., нашъ дат. ед. муж. и сред. соотвѣтствуетъ древненѣм. и древнесакс. тоже дат. ед. муж. и средн. inu 4).

---

1) Bopp, Vergl. Gram. стр. 429.

2) Bopp, Vergl. Gram. 106.

3) Добровскаго Etymologikon, 28.

4) Grimm, Deutsche Gramm. 1822, I, 780.

Вопросительныя мѣстоименія начинаются тонкой гортанной, указательныя—язычной. Это весьма естественно. Изъ всѣхъ звуковъ человѣческаго голоса способнѣйшій къ выраженію вопроса въ началѣ слова есть звукъ К, самый полный согласный, какой только можетъ быть произнесенъ горломъ. Звукъ гласный слишкомъ неопредѣленъ, а губной не ровняется силою съ гортаннымъ. Хотя Т можетъ быть произнесенъ съ такою же силою, какъ и К; но онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто твердое, и не вырывается изъ горла, какъ К, а твердо выговаривается: и потому онъ болѣе способенъ къ спокойному, положительному, указывающему отвѣту. К спрашиваетъ, ищетъ, зоветъ; Т указываетъ, находитъ, отвѣчаетъ 1).

Вопросительное К: кой, кто, какой: санскр. kas (quis), лат. kas (quis). Въ латинск. qu вм. ku: quis, qualis, quantus. Въ греч. іоническій діалектъ К вм. П: κόσος, κοῖος. Лат. qu въ готск. смягчается до hu: huas (quis), др. нѣм. huer, изъ коего образовалось нынѣшнее нѣм. wer, черезъ опущеніе h.—Который, πότερος (вм. κοίτερος), происходятъ отъ санскр. katara-s, сравнит. степени отъ kas (quis): кто изъ двухъ. Образовательная форма tara, въ ka-tara-s и въ другихъ сравнительныхъ, происходитъ отъ корня *tr*, означающаго переходить, переступать, сродна съ лат. trans, terminus (als das Ueberschrittene), и въ-

1) Grimm, Deutsche Gram. 1831. III, 1.

роятно въ tra въ глаголахъ in-tra-re, pene-tra-re 1). Съ этой же образующей формой лат. uter, neuter, alter, готск. hua-thar, кто изъ двухъ, отъ huas, и наше вторый.—Сколько: с приставное придыханіе къ колікій; образующая форма -олик,—елик обща у этого слова съ словами т-олікій, в-елікій: она сложена изъ ол-и-к, ел-и-к, что видно изъ словъ к-оль, сп-оль, б-оль-ше, в-елій, еле. Слич. санскр. balin сильно, πολύ, лат. valde, нѣм. viel.

Отъ умягченія звукъ к переходитъ въ придыхательный ч: к-ого, ч-его; к-ой, ч-ей, ибо тонкому с соотвѣтствуетъ ч, а твердому о—к.

Какъ 2 лице смѣшиваетъ звуки т и с, такъ и указательное мѣстоименіе. Нашимъ ть (тотъ) и сей въ санскр. и готск. соотвѣтствуетъ одно мѣстоименіе, содержащее оба наши корня т и с въ своемъ неправильномъ измѣненіи: санкр. ед. им. муж. syas, sya, женск. syâ, средн. tyat, tyad; готск. ед. им. муж. sa, женск. so, средн. thata; сюда же должно отнести и греч. ὁ, ἡ, τὸ: ибо густому придыханію соотвѣтствуетъ s. — Этотъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ этакой, экой, происходятъ отъ тотъ, такой, кой, съ приставкою э. Впрочемъ не худо замѣтить, что и въ санскр. есть etad (istud). Нѣм. der, dieser удерживаютъ d, одноименный звукъ съ t. Нѣм. jener относится къ онъ, оный.

Овый, овъ, позендски ava—этотъ. Отсюда и греч. αὐ въ αὐ-τός, αὖ-θι.

1) Bopp, Verg. Gram. 389.

Замѣчательно соединеніе вопросит. корня съ указательнымъ, к съ ш, въ словахъ к-то, такой.

Притяжательныя происходятъ отъ личныхъ и возвратнаго измѣненіемъ существительной формы на прилагательную. М-ой, тв-ой (первобытная тема 2 лица tva, въ санскр.), св-ой (тема возвр. по санскр. sva); слич. греч σφός, лат. tuus, suus, гдѣ первому и соотвѣтствуетъ наше в. Притяжательныя образуются изъ род. падежа: такъ лат. meus, tuus, suus изъ mei, tui, sui; неговъ изъ него, ихный отъ ихъ, которое употребляется и притяжательно, какъ и его; провинціальное ейный, отъ ея; нашъ, вашъ отъ насъ, васъ; а измѣненіе въ придыхательную ш (или ж, ч) означаетъ въ нашемъ языкѣ переходъ отъ существительнаго къ прилагательному.

Самъ, означающее не только ipse, но и solus, сродно съ готск. sams unus и sama, samô idem; съ лат. semel, similis, simul; съ греч. ὁμός, ἅμα; и съ санскр. samas (gleich, ähnlich): слич. гр. σύν, лат. cum.

Весь, всякъ, сербск. свак. санскр. visva, перс. ves довольно и bes много, греч. πᾶς; точно такъ какъ лат. ille переходитъ въ нѣм. alles, готск. alls omnis, древненѣм. alles (anders), греч. ἄλλος 1); такъ и наше весь переходитъ въ чешск. въ wšak-doch, tamen. Отъ мѣстоименія весь 2) Юнг-

1) Bopp: Vergl. Gram. 550.

2) Slownik česko-něm. V. 75.

манъ производитъ существительное весь — деревня. Весьма отъ весь, какъ вельми отъ вель.

Каждый изъ кыйждо, къждо, кождо, съ приставкою прилагат. окончанія й къ образоват. частицѣ ждо, которая измѣняется въ жде: тожде (тождество — тожество): а звуку жд соотвѣтствуетъ ж : слѣд. жде=же. Можетъ быть сюда же относится — жды въ числительныхъ дважды, прижды. Союзъ *же* сроденъ съ греч. γε, γὰρ 1).

Безличныя: нѣм. man, вмѣстѣ съ niemand jemand, отъ Mann; фр. on (древне om) отъ hom, homo : слич. лат. nemo отъ nehomo 2).

МѢСТОИМЕННЫЯ НАРѢЧІЯ.

Нарѣчія мѣста, времени, качества образуются изъ мѣстоименій и особыхъ корней, означающихъ мѣсто или время, и стоящихъ въ сродствѣ съ мѣстоименіями.

Нарѣчія мѣста: вопросительныя: г-дѣ (к-дѣ), ку-да; указательныя: з-дѣ-сь (с-дѣ); ту-да, сю-да; съ мѣстоим. весь: всю-ду; съ числит. оба: обоюду; съ мѣст. ин, и съ частицами не, нѣ; ни-дѣ, не-г-дѣ, нѣ-ку-да. Частица цѣ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ нѣм. je, изъ коей она образовалась приставкою и 3): je-mand, нѣ-кто. D означаетъ отношеніе къ мѣсту. Во всей чистотѣ является

1) Bopp, Vergl. Gram. 581.

2) Grimm, Deutche Gram. III, 6 и 7.

3) Павскаго Фил. Набл.

этотъ корень въ сложеніи съ предлогами на, по, за, пре: на-дъ, по-дъ, за-дъ, пре-дъ 1). Въ нарѣчіяхъ же этотъ корень склоняется: да (ку-да) род, или вин. падежъ, за родит. говоритъ народное от-ку-да*ва*; ду (*всю*-ду) мѣстный падежъ; дѣ (г-дѣ) также мѣстный или дательный: потому кончится на ѣ; сюда должно прибавить употребляющееся въ Украйнѣ кудою, въ коемъ — дою твор. падежъ 2); ду (обою-ду) двойственное число род. и мѣстн. над. Д употребляется и въ сравнительной степени, измѣняясь въ жде: пре-жде, по Добровскому 3), сравн. степень отъ пре-дъ. Это Д сродно съ греч. θεν, θι въ πόθεν, πόθι, съ лат. de въ inde, unde, съ нѣм. da; и, можетъ быть, съ корнемъ указательнымъ Т.

Вопросит. ка-мо, указат. та-мо, та-мъ, ся-мъ, съ мѣст. ов: ова-мо. М можетъ быть объяснено 4) дательнымъ и мѣстнымъ падеж., какъ напр. то-му, о то-мъ.

Нарѣчія времени; вопросит: ко-г-да, указат. то-г-да, съ мѣст. е, ин, вес: е-г-да, ино-г-да, все-г-да. Частицѣ да соотвѣтствуютъ лат. — do въ quando и греч. τε вм πότε, τότε, ὅτε, ἄλλοτε. Наши нарѣчія совершенно сходны съ санскр: kadâ, tadâ, sadâ, и съ лит. kadà, tadà. И у насъ народъ про-

---

1) Юнгм. Чешск. Слов. I. 323.

2) Шишкевича Корнесловъ I. 60.

3) Гр. яз Сл. I. 491.

4) Bopp, Vergl- Gram. 595.

износитъ када, тада. *Дх* Бопп 1) объясняетъ сокращеніемъ санскр. divâ (днемъ), какъ nolo изъ nevolo.

Нарѣчія качества т-а-къ, с-я-къ, к-а-къ, я-ко (і-а-ко). Качество выражается звукомъ К; потому онъ образуетъ прилагательныя, для означенія качества: выс-о-къ, глуб-о-къ, шир-о-къ, вели-къ. Точно также узательное т въ: косма-тъ, имени-тъ.

СКЛОНЕНІЕ.

Мѣстоименіе и, я, е, присталяясь къ другимъ мѣстоименіямъ, дѣлаетъ ихъ болѣе опредѣлительными: такъ *оный*, какъ указательное, опредѣлительнѣе личнаго *онъ*; *самый* опредѣлительнѣе краткаго *самъ*. Потому въ церковнослав. прилагательныя усѣченныя, соотвѣтствующія греческ. прилагательнымъ безчленнымъ, могутъ назваться неопредѣленными, а полныя, соотвѣтствующія греческимъ съ членомъ, — опредѣленными. Марк. 8, 22 приведоша к нему слѣпа τυφλὸν. а 23 ем за руку слѣпаго τοῦ τυφλοῦ 2).

Имена прилагательныя и мѣстоименія, кромѣ 1-го и 2-го лица, склоняются мѣстоименіемъ и, я, с; его, ся, ему и проч. напр.

с-*ей* (с-ій),	с-і-*я*,	с-і-*е*.
с-*его*,	с-*ея*,	с-*его*.
с-*ему*,	с-*ей*,	с-*ему*. и проч.

1) Стр. 613.
2) Добровскаго Гр. яз. Слав. III. 16.

ч-е-*й* (ч-ій),	чь-*я*,	чь-*е*.
чь-*его*,	чь-*ея*,	чь-*его*.
чь-*имъ*,	чь-*ею*,	чь-*имъ*.
о чь-*емъ*.	о чь-*ей*,	о чь-*емъ*.

Виниш. женск. сам-*ое* (какъ ее), и сам-у-*ю* (какъ ю)

син-і-*й*,	син-я-*я*,	син-е-*е*.
син-*яго*,	син-*ія*,	син-*яго*.
син-*ему*,	син-*ей*,	син-*ему*.
син-*имъ*,	син-*ею*,	син-*имъ*.
о син-*емъ*,	о син-*ей*,	о син-*емъ*.

Множественное число.

с-і-*и*,	чь-*и*,	син-і-*е*, син-і-*я*.
с-*ихъ*,	чь-*ихъ*,	син-*ихъ*.
с-*имъ*,	чь-*имъ*,	син-*имъ*.
с-*ими*,	чь-*ими*,	син-*ими*.
о с-*ихъ*,	о чь-*ихъ*,	о син-*ихъ* 1).

Если слово оканчивается на-*ый* вм. -*ій*, то мягкія измѣняются въ твердыя: добр-*аго*, добр-*ому*, добр-*ыми*. На склоненіи по мѣстоименію и, я, е основывается окончаніе имен. множ. именъ прилагательныхъ для муж. рода на е вм. древняго и: добры-*е* (добры-и), для женскаго и средняго на я: добры-*я*; равномѣрно и употребленіе ѣ въ мѣстоименіяхъ: ч-ѣмъ, к-ѣмъ, ш-ѣмъ, вс-ѣмъ (вм.-имъ: *и* перехо-

1) Слѣды мѣстоименій замѣтны и въ склоненіи существительныхъ: вод-*ою*, земл-*ею*, цар-*емъ*, цар-*ямъ*, цар-*ями*, о цар-*яхъ*. У І. Екс. Болг. род. ед. человѣковъ, женина, естество отъ сущ. человѣкъ, жена, естество.

дитъ въ ѣ); ш-ѣ, ш-ѣхъ, шѣ-ми, вс-ѣ, вс-ѣмъ, о вс-ѣхъ и проч. (вм.-и,-ихъ,-имъ). Въ мѣстоименіи этотъ: эт-*и*, эт-*ихъ*, эт-*имъ* и пр. сохранилось правильное, первобытное склоненіе.

Такимъ образомъ наши склоненія образованіемъ своимъ нисколько не противорѣчатъ склоненіямъ нѣмецкимъ и французскимъ. У насъ мѣстоименіе входитъ въ составъ слова на концѣ онаго: во франц. и нѣмецк. склоненіяхъ мѣстоименія (члены) отпадаютъ отъ слова и ставятся отдѣльно передъ онымъ. У насъ мѣстоименія измѣняются флексіею, у французовъ приставкою предлоговъ: de la, à la: а предлогъ и флексія падежа въ этомъ случаѣ одно и тоже.

СПРЯЖЕНІЕ.

Мѣстоименія столько же необходимы и въ спряженіи, составляя личную флексію. Въ личныхъ окончаніяхъ глагола содержатся корни мѣстоименій.

1 Лице. Характеромъ 1 лица единств. и множ. числа звукъ М, корень мѣстоименія 1 лица: единств. ес-мь (древн. ес-ми), лат. es-mi, готск. im, лат. su-m, греч. εἰ-μί, ἐμ-μί (вѣроятно изъ ἐσ-μί), санскр. as-mi; множ. ес-мы, лат. su-mus, гр. ἐσ-μεν, ἐσ-μες, санскр. as-mas; да-мы, лат. da-mus, гр. δίδο-μες, санск. dad-mas. Двойственное же число 1 лица вмѣсто М имѣетъ В, что зависитъ, какъ сказано выше, отъ перехода 1 лица во 2-е во множ. или двойств. числѣ: напр. нѣм. wir. Окончаніе двойственнаго

изменяется по родамъ: — ва муж., — вѣ женск.: ес-ва, ес-вѣ. Да-де-ва, лит. duda-va, санскр. dad-vas. Окончаніе 1 лица единств. на ми есть первобытное: оно сохранилось въ греческ. глаголахъ на — μι: δίδωμ-ι, ἵστημ-ι, въ лат. inqua-m, daba-m, place-m вовсе утратилось; въ нашемъ ес-ми оно сохранилось вполнѣ, а въ другихъ древнѣйшихъ глаголахъ только вполовину, замѣнившись мягкою ь: я-мь, вѣ-мь, да-мь: корни этихъ глаголовъ яд —, вѣд —, дад — сохранились въ санскр. полнѣйшихъ формахъ 1 лица: ad-mi, vêd-mi, dadâ-mi. Къ древнѣйшимъ же формамъ относятся сложные глаголы снѣ-мь и има-мь. Конечное і вовсе потеряло слѣды въ прошедшихъ: да-мъ, ѣ-мъ: сюда относятся и польская форма на — m: dziala-m, czyta-m. Слѣдовательно у насъ при формы 1 лица съ М: — ми, — мь, — мъ. Въ глаголахъ съ 1 лицемъ на — у, — ю первоначально видно было присутствіе личнаго корня: ибо 1 лице вм. у, ю оканчивалось на носовое ѫ: идѫ, пишѫ, по польски idę, piszę 1). Замѣчательно, что глаголы древненѣмецкіе имѣютъ окончаніе 1 лица одинаковое съ нашимъ: waltu (impero), sizu (sedeo), lizu (lego) и проч. — Окончаніе прошедшаго Х нельзя считать мѣстоименнымъ, производя отъ нѣм. ich или лат. ego: ибо это Х присутствуетъ и въ остальныхъ лицахъ, измѣненное въ С и Ш: несо-*хъ*, несо-*с-те*, несо-*ша*:

---

2) Востокова въ Труд. Общ. Люб. Рос. Слов. 1820, ч. XVII, стр. 42 и слѣд.

скорѣе можно сравнить это окончаніе-хъ съ греческимъ-σα , напр. въ ἔλυ-σα 1).

2 Лице. Для единств. числа С, соотвѣтствующее корню 2 лица Т, напр. греч. συ; для двойств. и множ. Т. Есн, лит. es-si, готск. is, лат. es, греч. ἐσ-σί, изъ коего потомъ εἶς, санскр, asi; да-си, санскр. dadâ-si; я-си, санскр. at-si; вѣ-си, санскр. vêt-si; снѣ-си. Прочіе глаголы -си измѣнили въ -ши ; піе-ши, живе-ши. Позднѣйшая форма сокращаетъ и въ ь: живе-шь. Въ лат. dedi-sti, steti-sti сохранилось Т во 2 лицѣ ед. числа; равномѣрно и въ греческихъ ἦσθα, οἶσθα: но вообще 2 лицо ед. греч. глаголовъ кончится на С; δίδω-ς, ἔχει-ς. Двойств. число 2 лица: стоита (-штѣ), греч. ἵστα-τον, санскр. оканчивается на-tas. Множ. 2 лица: ес-те, лат. es-tis, гр. ἐσ-τέ , санскр. as-tha, s-tha.

3 Лице образуется корнемъ указательнаго мѣстоименія Т. Ес-ть, лит. es-ti, лат. es-t, гр. ἐσ-τί, санскр. as-ti. Какъ въ 1 лицѣ нашихъ глаголовъ мы замѣнили три формы:-ми,-мь,-мъ : такъ въ 3 замѣчается тотъ же порядокъ: первобытная форма-ти: санскр. as-ti, греч. ἐσ-τί ; потомъ-ти сократилось въ -ть: ес-ть; наконецъ потерялся слѣдъ звука и: лат. es-t. Древнѣйшіе глаголы: яс-ть (вм. яд-ть), санскр. at-ti; вѣс-ть (вм. вѣд-ть) , санскр. vêt-ti; дас-ть (вм. дад-ть), санскр. dadâ-ti. Нынѣшняя форма утратила и ь: ѣс-ть, дас-ть.—Двойственное число: ес-та, гр. ἐσ-τόν, санскр. (a)s-tas.—

---

1) Ворр, предисловіе ко второму отдѣлу Сравн. Грам.

Множ. число въ 3 лицѣ отличается отъ единственаго вставкою Н передъ Т: это Н теперь не слышно въ нашихъ глаголахъ, но въ древнѣйшую пору въ нихъ присутствовало, что видно изъ окончаній -ѫтъ, -ѧтъ съ носовыми ѫ, ѧ: сличитъ древнѣйшія идѧтъ, пишѧтъ, творѧтъ, хвалѧтъ съ польскими: idą, piszą, tworzą, chwalą. И такъ древнеслав. сѫтъ (санти), нѣм. sind, лат. sunt, греч. (s)εντί, санскр. santi. Теперь мягкое окончаніе ь отвердѣло въ ъ: творятъ, идутъ.

ЗНАЧЕНІЕ И РАЗДѢЛЕНІЕ МѢСТОИМЕНІЙ.

Самый общій родъ, подъ коимъ стоятъ всѣ существительныя, есть бытіе или нѣчто: первое происходитъ отъ глагола быть, второе мѣстоименіе. Отсюда самое общее предложеніе будетъ: нѣчто есть: оно же и самое неопредѣленное. Всѣ существительныя являются ближайшимъ и частнѣйшимъ опредѣленіемъ мѣстоименія нѣчто; всѣ глаголы—опредѣленія глагола быть. Потому всякій предметъ намъ неизвѣстный или не хорошо нами разсмотрѣнный мы называемъ нѣчто; потому всякое дѣйствіе, напр. ходитъ, дѣлаетъ, предполагаетъ уже въ себѣ и глаголъ есть: онаго въ будущемъ времени, или въ прошедшемъ описательномъ глаголъ вспомогательный быть соединяется съ другими глаголами: буду ходить, будешь дѣлать, еси сотворилъ, есть создалъ. Какъ глаголъ вспомогательный, кромѣ связи, имѣетъ значеніе бытія; такъ

и мѣстоименія, кромѣ понятія флексіи въ именахъ и глаголахъ, имѣютъ и свое собственное, самостоятельное значеніе.

Мѣстоименія съ одной стороны обозначаютъ предметъ или свойство — вообще 1): нѣчто, онъ. это — предметъ вообще; такой-то, нѣкоторый — свойство вообще; съ другой стороны выражаютъ личное отношеніе говорящаго къ предмету: отсюда необходимость личныхъ мѣстоименій. Говорящій или не знаетъ предмета, свойства, количества, и спрашиваетъ объ оныхъ: кто, что, какой, который, сколько? Или оставляетъ свое невѣдѣніе безъ вопроса: нѣчто, какой-то, нѣкоторый. Или является равнодушенъ къ предмету рѣчи: что нибудь, какой нибудь—т. е. для него все равно, то или другое, тотъ или другой. Или отрицаетъ: никто, никакой, никоторый. Или указываетъ, и притомъ на ближайшее отъ него: сей, на отдаленнѣйшее: тотъ. Или сильнѣе опредѣляетъ указанное: этотъ самый, я самъ. Или связываетъ два предложенія: не знаю, что завтра будетъ.

Въ рѣчи каждое слово, какъ живою душею, проникнуто личностью говорящаго: потому мѣсто-

---

1) Беккеръ видитъ въ мѣстоименіяхъ только одну форму для склоненій и спряженій, разсматривая мѣстоименія, какъ отпадшія окончанія именъ и глаголовъ: потому и не признаетъ въ нихъ производства, какъ во флексіяхъ, смотр. Organism der Sprache стр. 200 и слѣд. Я гораздо шире распространяю значеніе мѣстоименій.

именія являются спутниками именъ и глаголовъ. въ склоненіи и спряженіи. Какъ личное окончаніе глагола оживляетъ дѣйствіе, придавая ему двигательную силу лицемъ дѣйствующимъ: такъ и членъ или падежное окончаніе придаетъ всякому имени личное воззрѣніе говорящаго, который или не опредѣляетъ предмета и придаетъ ему членъ неопредѣленный, или указываетъ на оный и ясно опредѣляетъ, придавая членъ опредѣленный. Мѣстоименіе, какъ знаменатель склоненія, соединяется въ своемъ служеніи съ предлогомъ; а, какъ связь предложеній съ союзомъ. Опредѣлительныя самый, весь выражаютъ степень сравненія: самый покорный, всепокорный. Всѣ нарѣчія суть не иное что, какъ ближайшее и частнѣйшее опредѣленіе мѣстоименныхъ нарѣчій гдѣ, когда, какъ и проч. Къ мѣстоименію, какъ къ средоточію, сходятся всѣ части рѣчи, и пользуются его служеніемъ.

Основныя и первобытныя мѣстоименія суть личныя. Такъ какъ рѣчь началась разговоромъ между двоими, то необходимо было означить лице говорящее, лице слушающее и предметъ разговора. Разговоръ между лицами идетъ вопросами и отвѣтами: отсюда самый естественный переходъ отъ мѣстоименій личныхъ къ вопросительнымъ и указательнымъ. Живое разговорное начало удержалось и въ связи предложенія придаточнаго съ главнымъ мѣстоименіями то — что, тотъ — кто, такой — какой, изъ коихъ первыя указательныя, послѣднія вопросительныя. Какъ вопросъ спотыкъ въ за-

висимости отъ ответа, такъ и придаточное предложеніе отъ главнаго. Потому-то мѣстоименія вопросительныя и относительныя одинаковы.

Числа и роды обозначаются или окончаніями или членами, т. е. мѣстоименіями. Поелику въ разговорѣ между двумя лицами постоянно содержится отношеніе между двоими: потому въ древнѣйшихъ языкахъ присутствуетъ двойственное число. Слѣдовательно понятіе чиселъ непосредственно соединяется со 2 и 3 лицемъ мѣстоименій: ибо говорящій съ слушающимъ составляетъ пару, а все остальное, подлежащее разговору, является во множествѣ 1). Какъ числительныя одинъ (un, ein, санск. апа), другой, переходятъ въ мѣстоименія; такъ и число означается или числительными, или членами и флексіею, находящимися въ связи съ мѣстоименіями.

Участіе членовъ или мѣстоименій въ различіи родовъ очевидно. Впрочемъ надо замѣтить, что источникъ родовыхъ понятій содержится не въ мѣстоименіяхъ, а въ самыхъ существительныхъ. мѣстоименіе только даетъ форму того или другаго рода.

ИСТОРІЯ РУССКИХЪ МѢСТОИМЕНІЙ.

Для исторіи славянскихъ мѣстоименій мы имѣемъ начала въ Граммашкѣ Добровскаго: чѣмъ вѣроятно всякій и пользуется. Для исторіи же рус-

1) Wilh. v. Humboldt, Ueber den Dual 1828

скихъ мѣстоименій предлагаю малый эпизодъ о мѣстоименіяхъ Древнихъ русскихъ стихотвореній, съ нѣкоторыми прибавленіями.

Мѣстоименное окончаніе въ полномъ прилагательномъ удлиняется: *-іихъ*, *-ыихъ*, *-іимъ*, *-ыимъ*, вм. -ихъ, -ыхъ, -имъ, -ымъ: по высокіимъ горамъ 303. красныимъ золотомъ 293. по пятдесятъ гребцовъ—воровскіихъ казаковъ 318 1). Сличишь древнеславянскія окончанія прилагательныхъ на -ааго, -ууму, также въ Остромировомъ Евангеліи (отъ Матѳея XXV. 8, отъ Марка XVI. 13): мѫдрыимъ. прочиимъ. Въ Ипат. 205: иныихъ князій. 224: съ прочіими рѣчьми.

Родит. падежъ мѣстоименій женскаго рода ед. числа имѣетъ правильную продолженную форму, какъ въ церковнославянскомъ языкѣ: своея вм. своей, шыя, шоя, вм. шой: ради корыстіи своея 109. со шыя горы со высокія 210. изъ шоя Карелы богашыя. — Здѣсь и мѣстоименія и прилагательныя правильно оканчиваются по мѣстоименію *ея*. Въ параллель съ этой Цс. формой идетъ русская для винит. единств. женск. шое вм. шу: на шое княгиню новобрачную 97. Форма шое совер-

---

1) Въ древн. стихотв. это удлиненіе вѣроятно для стихотворнаго ладу, ибо въ Стихираряхъ даже позднѣйшихъ столѣтій удерживаются древнѣйшія -ааго, -ыихъ, -иимъ, и др. для продолженія нотъ, смотр. Румянц. Муз. Востокова, 650.

шенно правильна, ибо подходитъ подъ общій законъ склоненій, т. е. склоняется по винит. женск. *се*.

Краткая форма личныхъ мѣстоименій 1 и 2 лица, и возвратнаго, сходная съ Цс. мя вм. меня, тѣ (ти), те вм. тебѣ, се вм. себѣ: не кому у тя помолитися 70. али тѣ Никитѣ мало можется 330. а самъ се молодецъ размышляетъ 308. благослови мя отче 400.

Въ склоненіи 3 лица любопытно опущеніе благозвучной приставки н, т. е. на его вм. на него, на се вм. на нее и т. д.: а и черезъ его только шоперъ подашь 170. а и буйны вѣтры не вихнутъ на се 87. что много трудовъ за нхъ положилъ 176. Въ противоположность этому употребленіе приняж. его съ н: въ него мѣсто, Ипат. 226.

Нѣкій, точно такъ какъ ничто, раздѣляется предлогомъ на приставку и корень: нѣ въ кое время пригожуся тебѣ 217. еще нѣ въ кое время пригожуся я вамъ всѣмъ 307. Слич. въ Хлѣбн. и Ерм. рук. нѣвкоемъ мѣстѣ, Ипат. 217.

Указательное тотъ, та, то, подобно греческому члену въ древнюю пору, употребляется какъ указаніе и какъ членъ: и сѣлъ на палаты бѣлокаменны, „на *тѣ* на палаты царскія, „къ *тому* царю Индѣйскому и на *то* окошечко косящатое 49. безъ бою, безъ драки великія, „и безъ *того* кровопійія напраснаго 244. мало время позамѣшкавши „несутъ Тугарина Змѣевича „ на *той* доскѣ красна золота 188. Эти мѣстоименія здѣсь вовсе не указываютъ

на такіе предметы, о коихъ было уже сказано, ибо прежде о нихъ не говорилось ни слова.

Окончанія -ашъ, -ешъ, прибавляемыя къ существительнымъ и прилагательнымъ, означаютъ подобное же опредѣленіе, соотвѣтствующее члену: схватилъ его медвѣдь-ашъ 400. какъ будетъ лѣтній-ешъ день въ половинѣ дня 327. Это окончаніе можно объяснить-или сокращеніемъ частицы *то*, очень часто приставляемой у насъ къ концу словъ; или новоболгарскимъ членомъ: подданицы*тъ*, десяты*та* часть, на время*то*, дѣтинскі*атъ* возрастъ. Сличить у Нестора: сдѣлаша градок-*ось*, по Лавр. сп. 13 стр. и пойду въ град-ось 30. холм-ошъ. ошрок-ошъ, тамъ же, стр. 48, 87.

Мѣстоименіе 3 лица ставится вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ, которое оно должно бы замѣнить: а вшапоры Волхъ онъ догадливъ былъ 47. доселѣва Рязань она селомъ слыла 345. она тѣмъ узда дорога 33. а вшапоры Терентьище „онъ жены своей слушался 15. которы молодцы они поглавнѣе, „срѣзали чембуры шелковые 144. Таковое употребленіе личнаго онъ слѣдуетъ отличать отъ стоящаго съ приложеніемъ, напр. только я Владиміръ князь холостъ хожу 86,—ибо во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ *онъ* употребляется какъ личная прибавка къ сказуемому. Подобное же употребленіе мѣстоименія въ нѣкоторыхъ американскихъ языкахъ, напр. Иванъ онъ любитъ Петра 1). Слич. Пск. Лѣт. 198 и они

1) Mithridates ч. III, отд. III, стр. 397. Becker, Organism der Sprache § 51.

нѣмцы учали бити челомъ Государю. Котош. 2 онъ же Бояринъ пріиде къ Царю. ibid. 52 посольскихъ ихъ Дворянъ верстаютъ на три статьи. Также и притяж. мѣстоим. : ibid. въ домахъ ихъ Боярскихъ учинены приказы. Даніилъ заточн. : образъ твой Государевъ красенъ, Пам. лит. XII в. 233.

Употребленіе относительнаго который сходно съ латинскимъ. Оно ставится вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ, къ которому относится: и вздѣвалъ на себя шубу соболиную, „которой шубѣ цѣна три тысячи 59. за рѣку онъ броду не спрашиваетъ, „ котора рѣка цѣла верста пятисотная 23. Такъ какъ и вопросительное и относительное употребленіе мѣстоименія *который* долженствовало произойти отъ одного и того же начала, то ничего нѣтъ страннаго, что нѣкогда относительное который ставилось рядомъ съ своимъ существительнымъ, какъ теперь вопросительное: который часъ? И нынѣ въ дѣловыхъ бумагахъ для бо́льшей ясности при относительномъ который иногда ставится его существительное. Связь этого мѣстоименія съ своимъ существительнымъ такова, что существительное даже и упоминается не въ главномъ предложеніи, а только въ придаточномъ вмѣстѣ съ который: приказалъ казнить и вѣшати, „которые мужики были главные въ Угличи 265 — вм: тѣхъ мужиковъ, которые были — . Потому такое придаточное легко можетъ стоять передъ главнымъ, ибо существительное въ придаточномъ: и которые старцы при церкви живутъ „даетъ

золотой казны не считаючи 174 — вм: старцамъ, которые при церкви живутъ, даетъ — . Иногда въ главномъ спонтъ мѣстоименіе 3 лица: а которые остались люди похужѣе, „на другой сторонѣ въ такуюжъ *они* пещеру убиралися 115. Иногда придаточное предложеніе съ мѣстоименіемъ который присовокупляется къ главному союзами *что*, *да*: возьми ты дѣвушку поваренную, „ поварепную, что которая хуже всѣхъ 342. вздѣлъ на себя шубу соболиную, „ да которая шуба въ три тысячи 58. — Пользуясь такой свободой, мѣстоим. который относится у насъ и къ прилагат., отъ существит. происшедшему, становясь съ существит., отъ коего произведено прилагат., напр. Котош. 57 (покупаютъ) также и на товарные деньги, которые товары продаютъ у Архангельскаго города. ibid. 58 дается на церковное строснie, которые церкви бываютъ разорены.— Мѣстоименіе который столь же древне въ славянскомъ языкѣ, какъ и иже, ибо употребляется въ Остромировомъ Евангеліи: котораго же отъ васъ о҃ц҃ь въспроситъ с҃н҃ъ свои хлѣба. еда камень подастъ ему. Луки XI, 11. Оно отличается отъ иже тѣмъ, что до сихъ поръ сохраняетъ въ своемъ значеніи малый остатокъ сравнительной степени, означая избраніе изъ двухъ или нѣсколькихъ: котораго возьметъ за руку, „изъ плеча тому руку выломитъ 254. тамо Татара просто стоятъ, и которыхъ висѣлоухихъ всѣхъ прибилъ, „ и которыхъ висячихъ всѣхъ оборвалъ 259. А мѣстоименіе

иже, яже еже означаетъ связь 1), ибо состоитъ изъ личнаго мѣстоименія *и, я, е* и союза соединительнаго *же*. *Сейже* употребляется также относительно какъ и *иже*: „и поставиша на среде поля, *се же* бяше полно костей человѣческихъ" Iezek. 37, 1. Въ Краледворск. рукописи 14: wlasti nazachodie „wsiechze wlastech luda mnoho ziue: власти на заходѣ (области на западѣ), въ сихъ же властехъ люда (людей) много живетъ.

Возвратное *себя* въ древнихъ стихотвореніяхъ означаетъ отдѣльность, исключенность, сосредоточенность предмета въ себѣ самомъ; потому *по себѣ* значитъ отдѣльно: голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны 292. При глаголахъ это мѣстоименіе выражаетъ отдѣльное, сосредоточенное въ предметѣ дѣйствіе: думаетъ себѣ разумомъ своимъ 96. а самъ се молодецъ размышляетъ 308. а и сталъ ше то рѣчи размышляти собою 286. Слич. Ипат. нача собѣ думати 206. яко собѣ во сердци мысля 206. Потому слово *особа* прекрасно выражаетъ понятіе недѣлимаго въ себѣ самомъ сосредоточеннаго и отдѣленнаго отъ всего прочаго. Сличить Нестора: по Лавр. сп. поляномъ же жившимъ особѣ 4. Но въ Кенигсб. сп. 7 уже: поляномъ же живущимъ особь. волнамъ вельямъ въставшимъ засобь Лавр. сп. 14. особь вм. особенно напр. въ Новогор. лѣт. 51.—птица особящаяся на гдѣ.

---

1) Гумбольдта Ueber die Kawi-Sprache стр. CCXCIII.

Псал. 101, 8. на особицу вм. особливо въ Др. Русск. Спих. 4. быша в нихъ усобицъ Нестор. 12. Имена, глаголы и прилагательныя, происшедшіе отъ мѣстоименія собъ, ясно указываютъ, что мѣстоименія выражаютъ не только отношенія или формы, но и понятія 1).

Многіе глаголы принимали возвратное *ся*, котораго нынѣ не терпятъ: выступался шупо сила рой Бермята Васильевичь 159. изъ той скамьи богатырскія „выступается Иванъ Гостиный сынъ 55. постоялся Турецкой Царь 311. а и впапоры ему бошлыки не отказывалися 268. заздорилася баба Горынинка 361. она ходитъ лукавится 416. онъ думался не продумался 343. впапоры доложился о томъ „большой Есаулъ Спафій Лавреньевичь 110, 111. скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ 187. Многіе изъ этихъ глаголовъ могутъ быть употреблены и теперь. Напротивъ того иные глаголы, нынѣ употребляемые съ возвратнымъ *ся*, не имѣли онаго: лѣвая нога его поскользнула 62. подымавши они Богу молятся 231 — т. е. подымавшись, она плачетъ дѣвица убиваючи 304 — т. е. убиваючись. Особенно любопытно употребленіе такъ называемыхъ общихъ глаголовъ — безъ *ся*: надѣючи на свою родимую матушку 152. — Въ глаголахъ безличныхъ возвратное мѣстоименіе *ся* играетъ едва ли не главную роль: али тѣ Никитѣ мало можется 330. со полуночи Никитичу

Прошивъ Беккера

не уснется 64. Такъ какъ *ся* должно относиться къ подлежащему, на которое обращается или къ которому относится дѣйствіе; то надобно предположить въ этихъ безличныхъ глаголахъ подразумѣваемое подлежащее, и къ нему то обращается возвратное *ся*, или даже, можно сказать, въ себѣ самомъ его содержитъ. — Страдательный залогъ выражается и формою дѣйствительнаго съ возвратнымъ мѣстоименіемъ: велѣлъ ихъ разослать по кварширамъ, „ до того часу, когда спросятся 119. По Іоан. Екс. Болг. Христосъ распинается, каменіе распадается — страдательн. залога. И греческій страдательный есть не иное что, какъ возвратный: τύπτο-μαι не иное что, какъ τύπτω-με 1). Чтобы отличить возвратный залогъ отъ средняго и страдательнаго, въ русскомъ языкѣ употребляется *себя* вм. *ся:* явился—средній залогъ, явилъ себя—возвратный; назывался — средній и страдательный, называлъ себя—возвратный; напр. одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ Кар. И. Г. Р. V, 289.

Особенности нѣкоторыхъ мѣстоименій. Вмѣсто другъ съ другомъ—другъ съ дружкой: другъ съ дружкой простишися 248. Всякій вмѣсто каждый, когда при существительномъ есть обособляющее какое либо выраженіе, напр. предлогъ *по:* всякая стрѣла по десяти рублевъ 23. 204. а на всякой тычинкѣ по маковкѣ 355. Въ употребленіи

1) Becker, Organism der Sprache, стр. 88.

не надо смѣшивать всякій и каждый: каждый предполагаетъ—по одиначкѣ, всякій—всѣ. *Свой* съ прилагательнымъ окончаніемъ—скій получаетъ значеніе качества: не за свойской курсъ ты хватаешься 331, т. е. не по твоимъ онъ силамъ и достоинству.

Любопытно, какъ многія древнѣйшія формы мало по малу измѣнялись: такъ род. жен. тыя, тоя въ тое: Ипат. 213 тое же зимы, слѣд. и прилагат. на—ые или—ое вм.—ыя,—ія· Ипат. 54 изъ рускые земли, ibid. 220 одиное воды. Пск. лѣт. 18 тое жъ осени, 22 тое весны, 221 отъ тое молвы. Никон. лѣт. въ И. Г. Р. X пр. 6: тое жь нощи; И. Г. Р. XI, пр. 36 то наша большая правда; тое больше у насъ не живетъ. Въ Др. р. сп. 33 тое узды, 227 сверхъ тое рѣки Череги. И на оборотъ винит. жен. на—оя вм.—ую,—ю,—ое: Др. р. сп. 349 нашелъ въ палатахъ у змѣища „свою онъ любимую тетушку, „*тоя* то Марью Дивовну. И въ прилагат.—ыя,—ія для жен. дат. пад.: 349 ко матушкѣ родимыя своей, 96 пріѣхалъ къ церкви соборныя, 50 полетѣлъ ко своей дружинѣ хорабрыя. Предл. над.: 213 а и самъ въ добычѣ богатырскія, 283 сидючи въ бесѣдѣ смиренныя, 175 и стоятъ на пристани корабельныя.

О РОДАХЪ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

Grimm, D. Gr. III, 344 — 563.

Естественный родъ отличается отъ грамматическаго. Естественный объемлетъ весьма малое

число словъ, въ сравненіи съ остальными, въ которыхъ не обращается вниманія на родовое отличіе, или потому что его дѣйствительно нѣтъ, или потому что обыкновенная наглядность, господствующая въ языкѣ, лишена строгаго естествоиспытательнаго наблюденія. Такъ червь мужескаго роду, а муха женскаго, безо всякаго отношенія къ природѣ; такъ рука женскаго рода, языкъ мужескаго, сердце средняго, душа (die Seele) женскаго, слово (das Wort) средняго, вѣтеръ (der Wind) мужескаго, земля (die Erde) женскаго, вода порус. женскаго, понѣм. (das Wasser) средняго. Для чего же такое примѣненіе природнаго отличія къ предметамъ неодушевленнымъ и представленіямъ?—Въ языкѣ 1) господствуютъ два начала: разумное, основывающееся на чистыхъ идеяхъ, и чувственное, соединяющее наглядныя понятія съ дѣйствительностью. Безъ родовъ можно обойтиться, и многіе языки не имѣютъ оныхъ: въ тѣхъ же языкахъ, въ кои родъ проникнулъ, составляетъ онъ необходимую принадлежность, безъ коей невозможно склоненіе. Грамматическій родъ есть ничто иное, какъ созданное фантазіею распространеніе естественнаго рода на всѣ предметы: отнятого многія отвлеченныя и мертвыя выраженія получаютъ жизнь и движеніе. Такъ понятіе дѣйствующее, мощное и самостоятельное

1) G. de Humboldt Sur la nature des formes grammaticales et sur le génie de la langue chinoise. 1827, 12, 13.

дѣйствію, слабѣйшее и зависимое — женскимъ или среднимъ: богъ, природа, земля и небо; духъ и душа; вѣтеръ и вѣтвь; союзъ и связка; воронъ и ворона, волкъ и лисица.

Между естественнымъ и граммапическимъ родомъ занимаютъ средину шакія слова, кои, не подлежа ни природному отличію, ни случайной игрѣ фантазіи, образовали свой родъ *олицетвореніемъ* (просопопеею), каковы названія боговъ, и обожествленныхъ стихій и явленій природы.

1. Богъ, der Gott, θεος, deus.

2. Дьяволъ, diabolus, der Teufel; бѣсъ, сродное съ нѣм. bose (Grimm, D. Gr. III, 605), лукавый, лѣшій, домовой.

3. Солнце и мѣсяцъ во всѣхъ нѣм. нарѣчіяхъ первоначально женскаго и мужескаго рода, какъ повѣствуетъ ясно преданіе въ Эддѣ: у Мундильфёри были два дѣтища, сынъ Мани (Mond) и дочь Соль (Sonne). Есть литовское преданіе о свадьбѣ солнца и мѣсяца. Впрочемъ въ родѣ солнца различествуютъ даже нѣмецкія древнѣйшія памятники; гр. ἥλιος и лат. sol муж. р., наше солнце сред. отъ уменьшительной приставки — це; муж. родъ мѣсяца подлежитъ меньшимъ исключеніямъ.

4. День (der Tag) существо муж., ночь (die Nacht) — женск., опять согласно съ преданіемъ въ Эддѣ: Нотъ (die Nacht), дочь Нёрви, была за многими замужемъ и наконецъ за Деллингромъ, которому родила сына, именемъ Дагра (dagr, tag),

столь же блистательнаго и свѣтлаго, какъ отецъ, а не темнаго и мрачнаго, какъ мать. Ночь и въ гр. νύξ, и въ лат. nox рода жен.; день же хотя въ лат. dies муж., но переходитъ и въ жен.; а въ гр. ἡμέρα женск.

5. Въ гр., лат., сл., нѣм. земля женск. рода: γῆ и γαῖα, terra, die Erde. По Эддѣ земля дочь той же ночи, отъ другаго мужа.

6. Огонь отъ санскр. Agni, что значитъ и огонь и богъ огня.

7. Нѣм. der Donner (donar, thunar) потому муж. что означаетъ и гремящаго бога и громъ его колесницы въ небѣ; лат. tonitrus муж., tonitru средн., хотя одного корня съ нѣм. donner, но уже не означаетъ Юпитера; лит. perkunas муж., означаетъ и бога и громъ: ему соотвѣтствуетъ слав. перунъ, означающій только бога: употребленіе же его вмѣсто грома есть позднѣйшее, поэтическое, напр. Ломон: перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ.

Таковое миѳологическое олицетвореніе входитъ въ названія многихъ звѣрей, явленій природы, стихій, деревъ и проч.: такъ что трудно отличать постоянно и вездѣ настоящее олицетвореніе отъ грамматическаго рода, исключенія изъ коего во многихъ случаяхъ объясняются миѳологическими представленіями народа.

Поэты, живописцы и ваятели обыкновенно представляютъ въ образѣ женъ всѣ способности душевныя, добродѣтели и пороки, искусства и зна-

означается родомъ мужескимъ; понятіе подлежащее нія, не смотря на то, какого бы рода ни были названія оныхъ, женскаго ли, какъ любовь, ненависть, мужескаго ли, какъ раздоръ, разумъ, средняго ли, напр. смиреніе покаяніе. Это ведется отъ временъ древнихъ: Римляне таковымъ отвлеченнымъ понятіямъ давали женск. родъ.

При отличіи граммапическаго рода полагается слѣд. начало: муж. родъ означаетъ древнѣйшее, великое, твердое, грубое и быстрое, дѣйствующее, движущееся и производящее; женск. родъ—позднѣйшее, меньшее, нѣжное и тихое, страдательное и воспріемлющее; средній родъ—произведенное, неразвившееся, веществообразное, собирательное.

Граммапическій родъ чувственныхъ предметовъ:

1. Царство животныхъ.

Общее названіе животнаго послав. сред. точно также какъ гр. ζῶον, лат. animal, нѣм. das Thier. Послѣднее сродно съ греч. θήρ (муж.), θηρίον (ср.), лат. fera (женск.), слав. звѣрь.

Лат. vulpes одного корня съ lupus и Wolf: лат. p измѣняется въ гр. κ: λύκος; наше волкъ относится къ λύκος точно такъ, какъ нѣм. Wolf и лат. vulpes къ lupus. Лат. названіе животнаго меньшаго и лукаваго vulpes перешло въ нѣм. Wolf, въ названіе животнаго бо́льшаго и кровожаднаго, по-

тому и слабѣйшій женскій родъ переходитъ въ сильнѣйшій мужескій 1). Слич. наши волкъ и лиса. Звѣри меньшаго объема побольшой частии женскаго рода: шакъ мышь, die Maus, впрочемъ греч. μῦς. лат. mus муж. Слич. лат. женск. talpa, Фр. taupe и наше муж. кротъ. Вообще млекопитающія животныя подчиняются болѣе естественному роду, чѣмъ грамматическому, отпого и малые звѣрки удерживаютъ муж. родъ.

Нашему жен. птица соотвѣтствуетъ болѣе употребительное у западн. Славянъ муж. птакъ, отъ коего у насъ жен. птаха, пташка, потка, поточка; въ словѣ птица -ца образующій слогъ; по корню родственно съ греч. πτερόν (и penna, и avis) и нѣм. Feder; гр. ὄρνις общ. р., лат. avis жен., сродное съ гр. οἰωνός, означающимъ уже болѣе хищную птицу; нѣм. der Vogel. Хищныя и большія птицы муж.: орелъ, сродное съ гот. ara, двн. aro, средн. нѣм. ar; соколъ, журавль, коршунъ, ястребъ, воронъ, отличающійся отъ меньшей и не столь благородной: жен. ворона. Нѣм. муж. же: Adler, Falke, Kranich, Geier, Sperber, Habicht, Rabe. Слич. лат. жен. aquila. — Лебедь теперь у насъ муж., у Чеховъ же labuť жен.; прежде было общ., что сохранилось въ народномъ языкѣ и донынѣ, въ Др. Р. Сп. 39 бѣлу лебедь рушаютъ (разнимаютъ). Замѣчательно, что это слово, какъ украшающій эпитетъ, придается болѣе женщинамъ, отпого и ласкательныя лебедка,

1) Grimm, Reinhart fuchs, 1834, XXIV и слѣд.

лебедушка. Точно также и въ древненѣмц. лиспераштурѣ женщины сравниваются съ лебедями, собств. имена ихъ слагаютъ съ schwan. Въ Др. Р. Сп. 217 женщина оборачивается въ бѣлую лебедь, изображается колдуньею и называется ересницею. Съ граммат. родомъ кукушки (малорус. зозуля, чешск. gzegzica, zezhule, въ Словѣ о Полк. Игор. зегзица) согласуется преданіе о превращеніи дѣвушки сироты въ эту птицу 1): отсюда и растеніе кукушкины слезы. Горюющія женщины сравниваются съ кукушками: слич. въ Сл. о Полк. Иг.: Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь рано кычешь: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви. Въ нѣм. муж. der Guckguck, Kuckkuck, также и въ лат. муж. cuculus, переходящее въ бранное слово. Напротивъ того мущины превращаются въ птицу муж. рода, въ сокола, и сравниваются съ соколомъ: слич. въ Др. Рус. сп. втапоры учился Волхъ ко премудростямъ: „а и первой премудрости учился „оберпыватьсѧ яснымъ соколомъ; въ Сл. о Полк. Игор. Игорь соколомъ полетѣ, ibid. Гзакъ говоритъ Кончаку объ Игорѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича (сына Игорева) роспрѣляевѣ. Олицетвореніе птицъ и превращеніе людей въ птицъ у Славянъ столь древне, что въ древнѣйшемъ поэтическомъ памятникѣ, въ Судѣ Любуши является говорящая ласточка, вѣроятно оборотень дѣвушка 2): опять согласіе пре-

1) Ербена Чешскія народныя пѣсни, I, 178.

2) Шафарика и Палацк. Aelt. Denkm. d. bohm. Spr. 92.

вращенія съ граммат. род. Слич. въ похвальномъ словѣ Донскому, сравненіе его и жены его Евдокіи: яко златопрьсистый голубь и сладкогласливая ластовица. Въ Др. Р. ст. 69 еретница Марина оборотившаяся касаточкой. Нѣм. die Schwalbe; лат. hirundo (жен.) и гр. χελιδων соотвѣтствуютъ также превращенію Прокне. Воробей постоянно муж. рода: στρουθός, passer, der Sperling, le moineau, вѣроятно, потому что эта птица, живущая между людьми, играетъ мужскую роль въ сказкахъ и баснях (thierfabel). Сова женск. рода, die Eule, noctua, γλαύξ; припомнишь символъ мудрости и аттрибутъ Минервы. Пѣвчія пташки въ нѣм. женск. рода: слич. превращеніе Филомелы; полат. luscinia и luscinius; у насъ, согласно съ граммат. родомъ, соловей имѣетъ другое примѣненіе: соловей разбойникъ въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ; въ Словѣ о Полк. Иг. о поэтѣ: о Бояне, соловію стараго времени.

Какъ у млекопитающихъ малыя дѣти средняго рода, напр. дитя, ушя, жребя, такъ у птицъ яйцо (корень яй, — цо образующее окончаніе) тоже сред. рода: гр. ὠόν, лат. ovum, нѣм. das Ei.

Рыба въ гр., лат., нѣм., франц. муж. рода: ἰχθύς, piscis, der Fisch, le poisson: замѣчательно отклоненіе нашего слова рыба, жен. р., отъ другихъ европейск. языковъ. Рыбы также олицетворяются по своему роду и человѣчески дѣйствуютъ въ преданіяхъ и сказкахъ народныхъ: такъ ёршъ изображается мошенникомъ и проидохою 1), щука

1) Смотр. Русскія народныя сказки, 1841, I, 154.

одарена сверхъестественною силою: отсюда поговорка: по щучьему велѣнью, по моему прошенью. Названія рыбъ средняго рода не терпятъ.

Общее названіе пресмыкающагося есть гадъ, муж, рода: всякій гадъ движущійся на земли, Кн. Бытія 7, 21; употребляется болѣе во множ. числѣ: онъ есть родовое понятіе и для змѣй, потому въ Др. Р. стр. 223 гады змѣиные. Соотвѣтствуетъ нѣм. муж. р. der Wurm: наше червь какъ и лат. vermis муж. р.; змѣй первоначально муж. р.: змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей сущихъ на земли, Кн. Быт. 3, 1. Отсюго съ понятіемъ змѣя соединяется дьявольское, чародѣйское, человѣку враждебное: такъ, въ Др. Р. стр. 45, Волхъ Всеславичь рождается отъ того, что змѣй однажды обвился около чебота его матери. Какъ существо сверхъестественное это пресмыкающееся всегда муж. рода въ нашей старинной поэзіи: налетѣлъ на его змѣй Горынчище, „хочетъ Добрыню огнемъ спалить, „огнемъ спалить, хоботомъ ушибить, Др. р. стр. 348. Остатокъ этого миѳологическаго представленія сохранился въ дѣтской игрѣ змѣй, муж. р., ибо летаетъ: припомнить въ Др. р. стр. о змѣѣ чародѣѣ, 191: поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать. Болѣе низкое понятіе соединяется съ тѣмъ же словомъ въ жен. родѣ. Нѣм. die Schlange имѣло прежде и муж. р.; лат. anguis, serpens общ. р.; vipera и ἔχιδνη жен., фр. serpent муж.

Насѣкомыя ради ихъ слабости и малости по большей части жен. рода, однако такжде съ исклю-

ченіями. Согласно съ превращеніемъ въ Арахне, за исключеніемъ слав. паукъ, жен. рода. по гр. ἀράχνη, лат. aranea, нѣм, die Spinne, фр. une araignée. Также жен. во всѣхъ языкахъ: муха, μυῖα, musca, die Fliege, la mouche; пчела, μέλισσα, apis, die Biene, une abeille; моль (гот. malò, дрс. molr), σής, tinea, die Motte, и пр. Хотя нѣм. die ameise и лат. formica жен., однако сл. муравей и гр. μύρμηξ муж.: припомнишь превращеніе муравьевъ въ людей на островѣ Эгинѣ.

2. *Дерева и растенія.*

Дерево, одного корня съ гр. δόρυ, съ гот. triu, средн. р., равно и дрова, lignum, das holz; нѣм. der baum, муж., ибо выражаетъ понятіе болѣе спеціальное, лат. arbor женск., фр. arbre муж., гр. δένδρον, какъ наше дерево, средн. Къ названію деревъ не примѣняется начало, соблюдаемое въ родахъ царства животныхъ, т. е. бо́льшее и сильнѣйшее муж. р.: какъ нарочно многія высочайшія деревья рода жен.; также у Грековъ и Римлянъ большая часть деревъ рода жен. Причиною тому, можетъ быть, или ограниченная жизненная дѣятельность неподвижныхъ деревъ въ сравненіи съ животными, или народные миѳы, приводящіе въ соотношеніе съ деревами существа женскія. Припомнишь Дріадъ, нѣм. Holzweibchen, нашихъ Русалокъ, которыя, хотя водятся въ водахъ, однако не покидаютъ и лѣсовъ, расчесывая на деревахъ свои

длинныя косы: впрочемъ нашъ лѣшій, въ панданъ домовому, существо мужеское. Припомнимъ также изъ Краледворской рукописи старинное славянское вѣрованіе въ священныя дерева и преданіе о томъ, что души усопшихъ летаютъ по деревамъ; слич. Ипат. 184. приходящія цари, и князи и вельможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, *водяше около куста поклонятися имъ.*

Языки лат. и греч. предпочитаютъ для деревъ родъ женскій: ilex, quercus, fagus, fraxinus, pinus, abies, tilia, betula; ὀρῦς, φηγός, πεύκη, ἐλάτη, φίλυρα и пр. Въ слав. и женск. береза, липа, ель, и муж. букъ, кленъ, дубъ: муж. родъ дуба, нѣкоторымъ образомъ, объясняется преимуществомъ его передъ прочими деревьями; въ нѣкоторыхъ производныхъ словахъ значеніе его столь обще, что подходитъ къ родовому понятію дерева: дубье, дубина, дуброва; замѣчательно объясненіе послѣдняго слова въ глос. Mat. verb: Dubraua, silua Jouis quercum significat. Въ старину дубъ спорилъ на межахъ, и за срубку его налагалась большая пеня: аже дубъ потнетъ (посѣчетъ) знаменьный, или межный: то 12 гривнъ продажи. Руск. Правд. смотр. Русск. Достоп. часть II, стр. 57. Нѣм. жен. р. die eiche, die buche, die esche, die fichte, die tanne, die linde, die birke. Во Фр. преимуществуетъ муж. р.: le chêne (casnus), le hêtre, le bouleau, le tilleul, и даже плодовитыя деревья: le pommier и пр. Отношеніе плода, сред. рода, какъ нѣм. das obst (сродн. съ нашимъ овощь),

къ плодовитому дереву весьма правильно въ лат. языкѣ, который женское названіе дерева видоизмѣняетъ въ среднее плода: pomus pomum, malus malum, pirus pirum, cerasus cerasum, prunus prunum, morus morum; правильно въ греч. κέρασος κεράσιον, ἄπιος ἄπιον, μηλέα μῆλον, συκέη (συκῆ) σῦκον, ἴτυς (vitis) οἶνος муж. (vinum): слич. наши яблонь яблоко.—Названія жита, травъ, цвѣтовъ и пр. подлежатъ большимъ исключеніямъ. Правильно въ нѣм. средн. рода: das moos, das gras, das kraut, das ried, das rohr, ибо эти растенія, стоя другъ съ дружкой во множествѣ, обозначаются понятіями собирательными. Для травы у насъ всѣ три рода: злакъ, трава, быліе, зелье; отличіе злака отъ травы въ Псалт. 103, 14: прозябаяй траву скотомъ, и злакъ на службу человѣкомъ; зелье же, какъ и коренье, переходитъ въ значеніе отравы, заколдованнаго снадобья, потому означаетъ лѣкарство, а въ старину означало и порохъ: напр. Пск. лѣт. 153: зелей пушечныхъ.

3. *Царство ископаемыхъ.*

Для означенія мертвеннаго, неподвижнаго вещества, надобно ожидать средняго рода; такови и дѣйствительно наши: золото, серебро, желѣзо, олово; нѣм: gold, silber, eisen, kupfer, blei, erz; лат: aurum, argentum, ferrum, cuprum, plumbum, aes, rudus. Исключаются гр. муж. рода: χρυσός, ἄργυρος, σίδηρος, χαλκός, μόλυβδος. Камень во всѣхъ языкахъ муж. р., можетъ быть, потому, что имъ бросаютъ и лукаютъ изъ пращи: lapis, λᾶς, der stein; фр.

жен. la pierre, ибо происходитъ отъ жен. лат. petra (πέτρα), означающаго уже массу; по той же причинѣ и лат. saxum ср. р.

4. Вода.

Если вода представляется только веществомъ, то бываетъ ср. р., какъ нѣм. das wasser, ὕδωρ (поэт. ὕδος); слич. какъ вещество ср. р. das feuer. Если же воображается живая, движущаяся сила, то жен., какъ наше вода, лат. aqua. Нашъ морской царь (въ Др. Р. стр. 342) и море, олицетворяемое въ него, не согласуются въ родѣ, хотя большое соотвѣтствіе въ дѣйствіяхъ того и другаго: когда расплясался морской царь, синее море всколебалось, быстры рѣки разливались, топятъ корабли и души напрасныя. Нынѣшнее нѣм. das meer ср., въ старину было жен., фр. la mer, гр. θάλασσα. Раздѣленіе слова see — на жен. для моря и на муж. для озера — есть позднѣйшее и неорганическое. Весьма давно пришлое къ намъ Океанъ представляется у насъ какъ собственное имя, что видно изъ соединенія этого слова съ море: Окіянъ-море; такъ уже въ грамотѣ Ѳеодора къ Елисаветѣ Англійской: и тое Божью дорогу, Окіянъ море, какъ мочно переняти, и унять и затворить. ИГР. X. пр. 54. Иное дѣло съ рѣками и источниками: они искони почитались у Славянъ божеской почестью 1), вмѣстѣ съ деревь-

1) Это вѣрованье обще у Славянъ съ племенами нѣмецкими. Смотр. Гримма Deutsche Mythologie, 1835, стр. 68 и слѣд. Слич. слова Кирилла Туровскаго (XII в.)·

ями. Собственныя имена рѣкъ въ гр. и лат. муж. р., въ славянск. и нѣм. по большой части жен., хотя der Ilusz муж. У древнихъ преимуществуетъ олицетвореніе рѣкъ въ боговъ (слич. напр. Нептунъ); у насъ и Нѣмцевъ въ богинь и женщинъ: живутъ въ нихъ существа женскія, Ундины и Русалки. Впрочемъ и у Грековъ съ Римлянами малыя рѣки и источники предоставлялись Нимфамъ; а у насъ на оборотъ нѣкоторыя старинныя рѣки муж. р. находятся въ связи съ существами мужескими. Знаменитѣйшая изъ славянскихъ рѣкъ, Дунай, стоитъ въ связи съ гибелью Владимирова богатыря Дуная въ этой рѣкѣ, отчего, по народному преданію, и дано ей имя Дунай: смотр. Др. Рус. Стих; какъ собственное имя мущины, Дунай встрѣчается напр. въ Ипат. 209. Славяне особенно любятъ эту рѣку, можетъ быть, потому, что еще во времена стародавнія они жили при ней. Даже собственное имя Дунай употребляется какъ нарицательное, означая всякую рѣку, что часто встрѣчается въ народной поэзіи; особенно рѣзко это видно въ одной польской пѣснѣ, въ которой Дунай стоитъ во множ. числѣ: „за водами, за быстрыми, Дунаями глубокими“ 1). Другая старинная славянская рѣка, Волховъ, кажется, также находится въ связи съ муже-

---

уже бо не нарекуются богомь стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса. Памятн. Рус. Сл. XII в. стр. 19.

1) Za wodami, za bystremi „Dunajami głębokiemi. (Wojc. II, 318).

скимъ именемъ Волхъ (въ Др. Рус. Сш. Волхъ Всеславичь): по крайней мѣрѣ видно, что она образовалась именемъ прилагат.: слич. въ Новог. лѣт. черезъ Волхово, въ варіантѣ: чрезъ волхову рѣку, стр. 6. Женскія названія славянскихъ рѣкъ Греки передѣлывали въ мужескія, согласно съ геніемъ своего языка: такъ изъ Березины образовали Βορυσθένης и названіе побочнаго рукава перенесли на Днѣпръ 1). Наши собственныя имена жен. рода стоятъ въ родовомъ согласованіи съ словомъ рѣка; нѣкоторыя остались прилагательными; теперь напр. говорятъ просто Великая, а прежде Великая рѣка, смотр. Пск. лѣт. 93. Въ Др. Р. сш. 267 олицетворяются Волга сестра и Ильмень (муж.) ея братъ, на стр. 297 рѣка Смородина олицетворяется душей красной дѣвицей. Въ старину былъ обычай кормить море и рѣки, опуская въ нихъ хлѣбъ-соль, въ Др. Р. Сш. 266, 339.

Волна, какъ у насъ, женск. р. полат. unda, пофр. onde, понѣм. die welle. Греки менѣе прочаго олицетворяли волну, употребляя κῦμα ср. р. Снѣгъ у насъ вмѣстѣ съ нѣм. der schnee муж., сродныя же греч. νιφάς, лат. nix и фр. la neige жен. Точно также муж. наше градъ и нѣм. der hagel: а лат. grando и гр. χάλαζα жен.

5. *Воздухъ.*

По лат. и по фр. aër, air муж., какъ и порус.; гр. ἀήρ и нѣм. die luft жен. Какъ рус. душа жен.

1) Шафарика Slowanskè starožitnosti. 1836. 403.

отъ муж. духъ, такъ и по лат. anima animus; слич. женскія ψυχή, die seele, фр. ame съ муж. der geist, esprit (spiritus): слѣд. душа кажется болѣе нѣжнымъ и слабымъ проявленіемъ духа. Славяне искони олицетворяли душу: такъ въ Краледворской рукописи души летаютъ по деревьямъ.

Вѣтеръ постоянно муж. рода: ἄνεμος, ventus, der wind, le vent. Сѣверъ и Югъ, какъ вѣтры, также муж. рода: Новог. лѣт. 83: въспа угъ вѣтръ. Дѣян. 27, 13: дхнувшу же югу .... У Ломоносова: внимай, какъ югъ пучину давитъ, ibid: такъ сѣверъ укротясь впослѣдни возстенялъ. Въ Пск. лѣт. 202 съ весны были сѣверики вѣтры. Вѣтры постоянно олицетворялись. Въ живописи, съ весьма древнихъ временъ, они представляются дующими лицами или головами, что напоминаетъ преданіе о дующей головѣ Іоанна, которую будто бы носилъ Иродіада въ пустыняхъ небесныхъ 1). Слѣды этого преданія были и у Славянъ: седмь дщерій Продовыхъ прясцами (лихорадками) баснѣствоваше, спѣ же ни Евангелисты, ни единъ отъ Святыхъ седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Продова (Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. 210) По нѣмецкимъ преданіямъ, вѣтры высунаются со всѣхъ четырехъ концевъ земли карликами. Греки считали ихъ великанами и братьями (Гез. Θеог. 371). Эолъ, первоначально герой и царь, возведенъ въ

1) Grimm, Deutsche Mythologie, 560.

достоинство божественнаго предводителя вѣтровъ. По русскому повѣрью вѣтры сыновья одной матери; въ Словѣ о Пол. Иг. они стрибоговы внуки; въ одной Русской народной притчѣ вѣтеръ олицетворяется мужикомъ 1). Таково общее согласіе грамматик рода въ словѣ вѣтръ съ олицетвореніями.

6. *Небо и звѣзды.*

Наше звѣзда съ лат. stella, и фр. étoile жен. р., а нѣм. der stern съ гр. ἀστήρ муж.; какъ денница согласуется въ родѣ съ звѣздою, такъ и φωσφόρος, ἑωσφόρος съ ἀστήρ, лат. lucifer въ родѣ отступаетъ отъ stella. Выражая неопредѣленное понятіе, ἄστρον и sidus рода ср.

Небо, вмѣстѣ съ лат. coelum, ср. р., хотя есть и муж. coelus, понѣм. же der himmel, погр. οὐρανός и пофр. le ciel муж. р.

7. *Міръ, земля, страна, путь.*

Свѣтъ, міръ, такжe какъ гр. κόσμος, лат. mundus, фр. le monde, муж. р.; исключается нѣм. die welt, которое происходя отъ двн. wëralt, первоначально означаетъ вѣкъ (seculum). Наши земля и страна, какъ лат. terra, жен.; нѣм. das Land. фр. le pays. Отчина, дѣдина согласны съ землею въ родѣ, отечество ср. р., ибо означаетъ понятіе отвлеченное, потому его не любили употреблять наши предки, замѣняя его словами: Русь, свояси, восвояси, дома, домой.

---

1) Сахарова, Сказанія Русскаго народа 1841. I, 104.

Какъ въ лат. iter ср. отличается отъ via жен., такъ и у насъ путь отъ дороги; нѣм. der weg, фр. le chemin. Тропа, улица, улка, стогна въ родѣ согласны съ дорогою; переулокъ измѣняетъ свой родъ утратою окончанія отъ приставки пере—.

8. Тѣло и части его, части растеній.

Тѣло, σῶμα, corpus, das leib, ср. рода въ противоположность душѣ и духу. Нѣм. das haupt, подобно лат. caput; name вмѣстѣ съ греч. κεφαλή жен.; наши сердце, око, ухо, какъ нѣм. das herz, das auge, das ohr, ср.; лат cor, oculus, auris ср., муж., жен.; гр. καρδία, ὤψ, οὖς—жен., жен., ср. Исключая славян., языкъ рода женск.: γλῶσσα, lingua (dingua), die zunge, la langue. Зубъ, ὀδούς, dens, der zahn, муж.; исключается фр. la dent. Рука, χείρ, manus, die hand, la main жен. рода, какъ часть меньшая въ сравненіи съ ногою, которая, кромѣ слав., въ прочихъ языкахъ муж.: πούς, pes, der fusz, le pied. Перстъ, палецъ, δάκτυλος, digitus, der finger, le doigt вездѣ муж.; а колѣно, γόνυ, genu, das knie средн. р.

Листъ, кромѣ слав., рода ср.: πέταλον, φύλλον, folium, das blatt.

9. Земледѣліе.

Названія орудій къ обработкѣ полей, какъ древнѣйшаго и необходимѣйшаго упражненія, весьма важны для исторіи языка. Наше плугъ, употребляющееся у всѣхъ славянскихъ племенъ, сходно съ нѣм.

der pflug, тоже распространившимся по всѣмъ нѣм. нарѣчіямъ. Нѣмцы производятъ свое слово отъ pflëgen solere; Славяне 1) свое отъ plegi—deducit, quasi exstirpator; трудно согласиться съ Гриммомъ, чтобы это слово заимствовали Славяне у Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ самымъ орудіемъ. Покрайней мѣрѣ замѣчательно то, что въ обоихъ языкахъ это слово муж. р., что согласуется съ древнѣйшимъ олицетвореніемъ плуга, приписывавшимъ ему голову и хвостъ. Какъ по плугу наше земледѣліе роднится съ нѣмецкимъ, такъ по оралу, ср. р. (рало, радло), съ греч. ἄροτρον отъ ἀρόειν, лат. aratrum отъ arare: слич. орашь, лат. rallum, гр. ῥοθεω, нѣм. roden, reuten.

10. Городъ, мѣсто.

Хотя всѣ три рода употребляются въ названіяхъ городовъ и мѣстъ, однако преимуществуетъ жен. въ гр., лат., нѣм., Фр. πόλις, civitas, urbs, arx, villa, die burg, die stadt, la ville. У Славянъ вмѣсто города весьма употребительно мѣсто, ср. р., ἄστυ, oppidum.

Какъ собственныя имена рѣкъ, въ согласіи съ нарицательнымъ, по большой части жен. рода; такъ названія городовъ муж. Притомъ они по большой части имена прилагательныя: такъ Кіевъ еще старинное преданіе производитъ прилагательнымъ отъ существительнаго Кій, отъ коего и перевозъ назы-

---

1) Юнгманна чешск. словарь III, 128.

вался кіевымъ: на перевозъ на кіевъ, Кенигсб. спис. 9. Ярославль, Переяславль, Владимиръ (Владимирь). прилагательныя отъ Ярославъ, Переяславъ, Владимиръ; Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ тоже съ прилагательнымъ окончаніемъ, вспарину оканчивались и на -о: Смоленско, Полоцко, Изборско, Пск. лѣт. 207, 210, Новог. лѣт. 53, какъ Волхово Новог. лѣт. 6, вм. Волховъ, и Московъ, Москова въ Ипат. вм. Москва. Слич. вмѣсто Архангельскъ въ ИГР. X, пр. 135 Архангельской городъ. Названія средняго рода соотвѣтствуютъ нарицательнымъ, мѣсто, село и ш. п. Изъ именъ жен. рода замѣчательное отклоненіе представляетъ Москва; въ употребленіи съ предлогами видно, что она казалась нашимъ предкамъ чѣмъ то различнымъ отъ иныхъ городовъ: преставися Митрополитъ Кипріанъ *на* Москвѣ, Новог. лѣт. 103. поѣха изо Пскова *на* Москву, Пск. лѣт. 101. пріѣхавъ отъ Великаго Князя *съ* Москвы, ibid. 103. и шотъ зломышленный боляринъ велѣлъ *на* Москвѣ дворы зажигати, Коношних. 2. *на* Москвѣ и *въ* городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ на волю ibid. 12. а *на* Москвѣ и *въ* городѣхъ, по всѣмъ монастыремъ и по церквамъ, прикажутъ чинити по царѣ до шести недѣль поминаніе ibid. 16 1). Если бы Москва получила свое имя отъ рѣки, то и жен. родъ ея и таковое употреб-

1) Во время Фонъ-Визина еще говорили: живу на Москвѣ вм. въ Москвѣ, смотр. IV-ю ч. его сочин. 1830, стр. 62.

леніе съ предлогами объяснились бы сами собой: иное дѣло, если предлоги *на*, *съ* относились къ Москвѣ, какъ къ мѣсту высокому. Слич. Пск. лѣт. 111 преставися Князь Симеонъ Кіевскій *на* Кіевѣ: но это весьма рѣдко, и вѣроятно употреблено на образецъ Москвы. Слич. также въ Др. Рус. ст. 104 потерянъ мой сынъ Царевичь Димитрій „*на* Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ.

11. Корабль, лодка.

Если языкъ олицетворилъ плугъ существомъ живымъ, то уже еще естественнѣе это оживотвореніе въ кораблѣ, который, подобно плавающему животному ходитъ по волнамъ, и какъ конь переноситъ людей съ берега на берегъ: потому корабль, подобно животному, снабженъ носомъ. У грековъ Ἀργώ (быстрая) женск. рода, ибо ναῦς, νηῦς жен., какъ и лат. navis: этотъ корабль понималъ слова Орфея, и самъ умѣлъ отвѣчать на нихъ (Argon. 245. 259. 489. 1159.). Корабль Фрикса назывался κριός (козелъ) 1). У насъ корабль, муж. р., называется соколомъ и олицетворяется звѣремъ мужескаго рода: „у того было у сокола у корабля „вмѣсто очей было вставлено „по дорогу камню по яхонту, „вмѣсто бровей было прибивано „по черному соболю якутскому, „вмѣсто уса было вошкнуто „два острые ножики булатные, „вмѣсто ушей было вошкнуто „два острра копья мурзамец-

1) Потт, Etymol. Forschungen, 1836, II, 406.

кія, „и два горностая повѣшены, „и два горностая, два зимніе, „у того было у сокола у корабля „вмѣсто гривны прибивано“ двѣ лисицы бурнастыя, „вмѣсто хвоста повѣшено „на томъ было соколѣ кораблѣ „два медвѣдя бѣлые, заморскіе, „носъ, корма пошурпиному, „бока взведены позвѣриному.“ Др р. ст. Соловей Будимировичь. Въ нѣмецкихъ старинныхъ поэмахъ съ кораблями говорятъ герои точно также, какъ и съ конями.

Фр. la nef, какъ остатокъ латинскаго, жен. рода; нѣм. же das schiff (skip, отъ skapan, нѣчто произведенное, сосудъ; ein zeug, fahrzeug) ср. р., какъ и наше судно, сродное съ сосудъ, судъ, посудина: слич. Фр. муж. (ибо нѣтъ средн.) vaisseau, означающаго и корабль, и судно, и посуду, отъ лат. ср. vas, vasis (vasum).

Будучи народомъ неприморскимъ, Славяне болѣе употребляли лодки или лодьи, потому въ видовыхъ названіяхъ преимуществуетъ родъ женск.; муж. р. меньше, средняго почти вовсе нѣтъ. Такъ женск. рода: берлинка — на рѣкѣ Наровѣ. брусянка — на Печерѣ. бѣлозерка — на Бѣлѣозерѣ. бѣлянка — на Волгѣ и Дону (ибо такая лодка не смолится). вѣшка — легкая лодочка, гораздо менѣе бота, удобная для переноски, челночекъ однодеревый, въ Камчаткѣ, на Ленѣ. гусянка — на Окѣ и Цнѣ. киржи́ма — плоскодонное судно на Курѣ и Каспійскомъ морѣ. кладная — на Волгѣ. коломенка — родъ большой барки, сдѣланной въ Коломнѣ, на Москвѣ рѣкѣ:

въ Др. Р. Сп. еще Ермакъ разъѣзжаетъ по Сибирскимъ рѣкамъ на коломенкѣ. комыга — въ Волыни и на Западномъ Бугѣ. коренная — на Окѣ и Волгѣ. коробка — родъ порома, или перевознаго судна на Нѣманѣ. лыжва — на Днѣпрѣ и Запади. Бугѣ. мокшанка — на Волгѣ. мокшана — на Мокшѣ. набойная лодка — у которой борта возвышены приколоченными досками, въ Камчаткѣ: въ Др. Р. Сп. въ похожденіяхъ Ермака упоминаются „лодки набойницы.“ обла́са — на Сѣверной Двинѣ. посуда — всякое большее или малое судно, въ коемъ перевозятъ какую нибудь кладь по Волгѣ. разшива — на Волгѣ, большая барка съ палубою и мачтою. садка — большое судно, на коемъ привозятъ дрова въ Петербургъ. унжанка — на Волгѣ и на Окѣ. чайка — маленькая лодка на Дунаѣ. шугалея большая лодка, въ Малороссіи, и пр. Муж. рода: байда́къ — барка, плоскодонное судно, въ Малороссіи. башъ — тополовая лодка, выдолбленная изъ одного дерева, въ Камчаткѣ. бусъ, старинное слово, болѣе во множ. числѣ: въ бусахъ и шнекахъ, Новог. Лѣт. 108. а иныхъ на мори въ бусахъ много побиша Пск. Лѣт. 76, 192. вши́мъ — на Нѣманѣ. гу́каръ — на Маріинскомъ каналѣ и Бѣломъ морѣ. домшкоу́шъ — на Свири и каналѣ Маріинскомъ. дощани́къ — судно, меньше порома съ настланнымъ поломъ. дубасъ — на Западномъ Бугѣ. ельчи́къ (можетъ быть испорченное яличекъ) — въ Камчаткѣ, тоже что вѣшка. жига́нъ — на Печерѣ и Камѣ. межеумокъ — на Волгѣ. мокшанъ — судно для грузныхъ тяжестей съ воз-

вышенною крышею, въ Ярославск. Губ. насадъ — плоскодонное судно, похожее на стругъ; старинное слово: иные въ насадахъ, иные въ ладьяхъ, Пск. Лѣт. 45, 94, 125. пáвозокъ — малая лодка, сопровождающая большія, на Волгѣ, Днѣпрѣ и Дону; полубарка, употребляемая на Ленѣ. стругъ — невысокое судно, безъ палубы, на судоходныхъ рѣкахъ: упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ. шрешкоýтъ (голл. trekschuit) родъ яхты на Ладожскомъ каналѣ. учанъ — старинное слово, напр. въ Пск. Лѣт. 122 разъѣзжаютъ на нихъ по Ловати и Ильменю озеру; Новог. Лѣт. 80.

12. Храмъ, домъ.

Славяне, также какъ и Нѣмцы 1), первоначально покланялись божеству въ священныхъ рощахъ, названіе коихъ доселѣ сохранилось въ чешск. hag (гай) и слав. gai, сродномъ съ нѣм. der hain: оба муж. р., какъ наши лѣсъ и боръ, можетъ быть сродное съ древненѣмецк. названіемъ священной рощи: altn. barr, ags. bearo, ahd. paro 2). Когда же на-

1) Lucos at nemora consecrant, говоритъ Тацитъ о Германцахъ Germ. 9. Слич. 39. 40. Въ Краледворской рукописи Славяне оплакиваютъ свои сожженныя священныя рощи. Слич. Helmold. I, 1 о Славянахъ Также Диттмаръ Мерзебур. 151, 160.

2) Такъ какъ христіянскія церкви ставились часто на ознаменованныхъ язычествомъ мѣстахъ, то не худо припомнить Спасъ на бору; боръ въ центрѣ Москвы; Боровицкія ворота, Боровичи.

чалось зодчество, нѣмецкія племена, на образецъ священныхъ лѣсовъ, стали строить свои храмы, что и дало начало готической архитектурѣ 1).

Обширной церкви, собору, муж. р., противополагается у насъ жен. церковь, первоначально церкы, а въ послѣдствіи съ усиленнымъ женск. окончаніемъ церква, не только въ малорусскомъ нарѣчіи и новогородскомъ подрѣчіи, но почти по всей Россіи употребляемое. Православной церкви противополагается иновѣрная божница, тоже жен. р.: (Исидоръ) повелѣ въ лядскыхъ божницахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а въ рускыхъ церквахъ капланомъ, Новог. Лѣт. 112. Магомешанская ропотня, тоже жен., попадается уже у Нестора по Лавр. сп. Читая въ лѣтописяхъ, сколько и какъ скоро строились наши церкви, можемъ легко судить объ ихъ ограниченной величинѣ. Весьма любопытно измѣненіе жен. рода Святая Софія въ муж. Святый Софей, весьма употребительное въ Псковской лѣтописи, вѣроятно, въ отличіе названія собора отъ собственнаго имени святой жены: напр. у Святого Софея поставя вѣче передъ Святымъ Софеемъ, Пск. лѣт. 111. Слич. ecclesia, фр. жен. église, нѣм. die kirche; а нѣм. der dom, какъ наше соборъ, фр. le dôme, куполъ, муж. р. Храмъ есть общее названіе для большаго зданія, потому хоромы; также муж., какъ нѣм. der tempel и фр. le temple, хотя лат. ср. tem-

---

1) Grimm, Deutsche Mythologie, 1835, 41.

plum. Капище, требище, по окончанію — ще, означающ мѣсто, ср. р., какъ лат. fanum, delubrum.

Изба, въ старину истба, истпа, истьба, истопка; полата (еще у Нестора), гридня, комната, каморка, какъ лат. camera (καμάρα), нѣм. die kammer и фр. la chambre, жен. р., въ противоположность муж. терему. Жен. рода, въ согласіи съ гридницю или палатою, спальня; въ р. Др. стих. 222: въ гридню спальную; столовая, кухня, одного корня и рода съ нѣм. die küche, фр. la cuisine, лат. culina.

13. Оружіе.

Для винязей мечь, подобно змію или огню, казался существомъ одушевленнымъ, которое, вылетая изъ ноженъ, наносить врагамъ удары. Это слово у насъ обще съ древне-нѣмецк. narъčiями и съ гр. жен. μάχαιρα. Лат. муж. ensis и gladius, отъ котораго фр. тоже муж. le glaive; теперешній нѣм. языкъ въ словѣ das schwert утратилъ живое представленіе.

Въ противоположность мечу и копью, стрѣла, лат. sagitta, фр. la flèche, жен. р. Хотя теперешнее нѣм. der pfeil муж. р., образовавшееся изъ лат. pilum; однако въ старину и у Нѣмцевъ было жен. strâla, strâle, однозвучное съ нашимъ стрѣла. Остроумно производитъ Гриммъ это слово отъ муж. der strahl лучь; замѣчательно по крайней мѣрѣ то, что и наши лукъ и лучь созвучны. Наше самострѣлъ ясно выражаетъ живой и дѣятельный образъ, тогда какъ нѣм. die armbrust жен. р.: ибо

оно образовалось изъ лат. arbalista, Фр. arbalête жен., arcubalista; чужеспранные звуки нѣмцы уподобили своимъ arm и brust, кои въ этомъ словѣ вовсе не значатъ ни руки, ни груди. Праща, funda и die schleuder жен. р.; копье, telum, jaculum, spiculum, ср. р., понѣм. der speer муж., прежде было и средн.

Щитъ, clipeus, der schild, le bouclier муж. р. Шлемъ одного рода и корня съ нѣм. der helm, heaume. Шлемъ или шеломъ переходитъ въ значеніе горы: шеломень: точно такъ какъ забрало значитъ и часть шлема и стѣну. Слов. о Полк. Игор.

Въ названіяхъ оружій и военныхъ дѣйствій есть также олицетворенія: туры, павлинъ, свинья: исъ туровъ 1) пушками биша, Пск. лѣт. 182. съ пушками, зъ большими съ павлинами, и со огненными 202. И наѣхаша на полкъ нѣмци и чюдь, и прошибошася свиньею (клиномъ, угломъ) сквозѣ полкъ, Новог. лѣт. 53.

14. Болѣзнь, смерть.

Изъ болѣзней всего болѣе распространены у насъ имена лихорадки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она называется вѣспуха и вяспуха, какъ въ Волог. и Тверск. Губ.; въ иныхъ, какъ въ Малороссіи, прясця и спясса; въ иныхъ лихоманка, въ Жпздрѣ шіошка и дипюха, въ Вологод. Губ.

1) Туры, по объясненію Русской книги въ Берлинск. библіот., schanzkerbe. Строева Описан. нам. Славяно-русск. лит. 1841. Въ Др. р. ст. 259 и копали они ровы глубокіе, „заплетали туры высокіе.

кумоха, въ Малорос. поганка, въ Курск. Губ. варягуша, и пр. Постоянно жен. рода, согласно съ преданіемъ о сестрахъ прясовицахъ, существахъ сверхъестественныхъ, что видно изъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ: по Молитвенникомъ лживые молитвы, о прясавицахъ 1). Подобно болѣзни, и смерть, лат. mors, представлялась существомъ женскимъ; въ этомъ отношеніи замѣчателенъ у Лужичанъ одинъ обрядъ, при которомъ изгоняютъ смерть, какъ существо одушевленное, и неоднократно повторяютъ: мы выгнали смерть, привели лѣто 2). У грековъ же θάνατος, какъ и братъ ея сонъ, существа мужескія.

Предложенныхъ примѣровъ считаю достаточнымъ, чтобы показать, какъ не одна логика, а совокупность всѣхъ духовныхъ силъ народа, вся жизнь его съ обычаями и повѣріями, выражается въ формахъ языка.

Грамматическій родъ отвлеченныхъ предметовъ подлежитъ иному закону: въ названіяхъ вещественныхъ окончаніе родовое совершенно подлежитъ значенію предмета; въ отвлеченныхъ родъ болѣе зависитъ отъ окончанія. Впрочемъ, такъ какъ, напр. въ лат., слова на — us, — a, — um не потому муж., жен., средн., что такъ оканчиваются, а наоборотъ: такъ оканчиваются, потому что они муж., жен., средн. р. 3): то и въ отвле-

1) Калайдовича Іоаннъ Екс. Болг. 210.

2) Smerć smy wuhnali, ljećo zaso pšiwedžemy. Смотр. Смоллера и Гаупша Лужицкія пѣсни, I, 20 и 21.

3) Поттъ, Etymologische Forschungen II, 1836 408.

ченныхъ названіяхъ роды должны были подлежать какому-либо внутреннему началу, кромѣ внѣшней приставки. Впрочемъ фантазія гораздо равнодушнѣе къ ихъ родамъ, и легко измѣняетъ ихъ по какому либо евфоническому требованію языка. Можно только сказать, что чѣмъ общѣе отвлеченное понятіе, тѣмъ менѣе подчиняется оно воображенію, и принимаетъ родъ средній, а чѣмъ частнѣе, тѣмъ скорѣе можетъ быть муж. или жен. рода. Такъ жен. творка, счастка понятія менѣе отвлеченныя и общія, чѣмъ твореніе, счастіе. Образованіе словъ для понятій отвлеченныхъ принадлежитъ позднѣйшему, болѣе развитому періоду жизни народной. Какъ божества греческія, напр. Аполлонъ, Зевсъ, въ древнѣйшемъ періодѣ были богами природы физической, солнца, неба, земли, а въ послѣдующемъ богами понятій духовныхъ, искуствъ и наукъ, власти царской и т. п.; такъ и слова въ языкѣ имѣютъ два періода, древнѣйшій вещественный и позднѣйшій нравственный. Олицетвореніе предметовъ духовныхъ принадлежитъ уже этому второму періоду образованности народа, когда развивается въ немъ мыслительность. Въ поэзіи отвлеченное слово олицетворяется уже аллегоріею, иногда еще согласною въ родѣ съ поэтическимъ представленіемъ, какъ напр. въ словѣ о Полк. Игор. въспала обида въ силахъ Дажь-Божа внука; вступилъ (-ла) дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море, и пр. Слич. въ Краледворской рукописи: bieda wstanet uzsia po

krainach; русск. поговорку: встань бѣда, да не лягъ; въ Пск. лѣт. 180: правда ихъ и крестное цѣлованіе возлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити. Иногда же аллегорическое олицетвореніе вовсе не согласуется съ родомъ, напр. въ прекрасной старинной пѣсни „А и горе горе гореваньице" олицетвореніе горя: а горе прежде вѣкъ зашелъ.... а горе зашелъ, впереди сидитъ, и пр. Др. Русск. ст. 381 и 382.

Частый переходъ изъ одного рода въ другой зависитъ частію отъ исторіи окончаній и склоненія, какъ напр. пламень, стремень вм. пламя, стремя, частію отъ произвола фантазіи. Такъ греч. μισθός переходитъ въ жен. мзда. лат. nasus, сл. носъ въ жен. die nase; молоко, согласуясь въ родѣ съ лат. lac, отклоняется отъ нѣм. die milch; снѣгъ однородно съ нѣм. der schnee, а не съ лат. nix; лат. penna съ нѣм. die feder, а наше перо́ съ гр. πτερόν, и т. д. Переходъ муж. въ жен. 1): змѣй змѣя, лучь луча̀: отъ малыя лучи солнечныя грѣемое растаявшеся, Прем. Солом. 16, 27. паръ па́ра: пара бо есть силы Божія, Прем. Солом. 7, 25; пара идетъ отъ коней, Ипатьевск. 205. проступокъ проступка: о своей проступкѣ, Пск. лѣт. 167. полетъ полетка, поступокъ поступка: знашь-де полетка соколиная, „видѣлъ-де поступка молодецкая, Др. Руск. стих. 172. попонъ въ Ипат. 92 попонь. жаръ жара, вкладъ вклада, и пр. Переходъ женскаго въ муж.

1) Слич. Труды Общ. Люб. Рос. слов. 1824, V, 177.

лиса лисъ: и рече имъ: шедше рцыте лису тому, Луки 13, 32. Старинное куръ есть коренное, а не измѣнившееся въ родѣ отъ словъ курица, куры. Переходъ женск. и муж. въ средн. для означенія понятія собирательнаго: часть частье: иссѣкли топоры (топорами) въ частье, Пск. лѣт. 144. вой вое: и нача вое свое дѣлити, Новог. Лѣт. I. коренье уголье, каменье, отъ конхъ множ. собирательное коренья, угольа, каменья и пр. Переходъ средн. въ муж.: пламя пламень: еще въ Судѣ Любуши 62: plamen praudozuesten, пламен правдозвѣстен, ignis juris nuntius. стремя стремень: тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, Сл. о Полк. Игор. чрево черевъ: онъ перву ступень ступилъ, по черевъ конь утонулъ, Др. Руск. Стих. 293. Нѣкоторыя слова даже безъ измѣненія окончанія измѣняются по родамъ, или различествуя склоненіемъ, какъ степень степенью жен., а прежде степень степенемъ муж., или даже склоняясь одинаково, какъ въ муж., такъ и въ женск. родѣ, напр. языкъ мой прилипе гортани моему, Пс. 21, 16.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНІЯ.

Grimm, Deutsche Grammatik III, 364—663.

Bopp, Vergleichende Grammatik 388 — 428, 457 — 469.

Качества, выражаемыя прилагательными, могутъ возвышаться по степенямъ. Низшая степень—положительная, высшая—превосходная; иногда положительная можетъ уменьшаться или смяг-

чаться, напр. бѣловать, сѣровать, и особенно въ качествахъ недостаточныхъ: глуповать, просповать; иногда и превосходная можетъ еще подниматься, какъ нѣм. allerschönste; такое нелогическое усиленіе превосходной степени извиняется гиперболою. Между положительной и превосходною неопредѣленное множество степеней, кои всѣ выражаются сравнительною: красивѣе значитъ не только немножко выше красиваго, но даже и почти самый красивый. Хотя у насъ и выражается первая нижайшая ступень сравнительная приставкою по-: покраснѣе, однако обозначеніе отдѣльныхъ степеней предназначено въ языкѣ только числительнымъ именамъ порядочнымъ. Въ степеняхъ положительной, сравнительной и превосходной замѣчается такая же *тріологія* языка, какъ въ родахъ—муж., жен. и средн., или какъ въ залогахъ—дѣйств., страд. и средн. И какъ въ нѣкоторыхъ языкахъ могутъ отсутствовать сред. или жен. родъ, страд. или средн. залогъ: такъ и въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ славянскомъ, нѣтъ формы превосходной степени, или напр. во французскомъ, ни превосходной, ни сравнительной; такіе языки принуждены употреблять описаніе, напр. въ руск. самый для превосходной степени: самый полезный; эту превосх. степень можемъ мы гиперболически увеличивать, измѣняя положительную степень прилагательнаго въ сравнительную: самый нужнѣйшій. Хотя противъ такой будто бы излишней формы возстаютъ нѣкоторые наши Грамматики, но лучшіе наши писа-

тели, употребляя оную, уничтожаютъ всякое сомнѣніе, напр. Карамз. И. Г. Р. I, 177: (Ольга) давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе.

Образующіе слоги въ степеняхъ сравненія:

1. Санскр. для сравн. tar, s, для превосх. tam, schth: санскр. срав. tar въ нашихъ ко-тор-ый, в-тор-ый; въ гр. πό-τερ-ος, εὐρύ-τερ-ος (latior) отъ εὐρύς (latus); въ лат. uter, dexter, noster; нѣм. grószer, schoner. Санскр. прев. tam въ лат. in-tim-us, ul-tim-us, санскр. прев. schth въ лат. — issimus, въ нѣм. — st, въ слав. — шій (и можетъ быть увеличивающее окончаніе — ще: домище).

2. Греч. для сравнит. τερ, — ῖων, соотвѣтствующее латинскому — ius, и нашему — яе, — ѣе; для превосх. τατ, вмѣсто санскр. tam, и — ιστος, одинаковое съ нѣм. st. καθαρός (purus), καθαρώτερος (purior), καθαρώτατος (purissimus); въ прилаг., означающихъ направленіе вверхъ, внизъ и т. п. τερ и для полож. степени: ἀνώτερος (superior), κατώτερος (inferior), δεξιτερός (dexter), ἀριστερός (sinister) и проч. ἡδύς (suavis), ἡδίων (suavior), ἥδιστος (suavissimus); κράτυς (fortis), дор. κράσσων, аттик. κρείσσων, превосх. κράτιστος.

3. Латинск. образующій слогъ сравнит. ter, er, превосх. степени tim, im: uter. neuter, alter, noster, vester, exter, dexter, sinister, inferus, superus, nuperus, нарѣч. aliter, breviter, и пр., частицы inter, praeter, subter, super; intimus, ultimus, optimus, simillimus, nigerrimus, minimus, primus, septimus, decimus, нарѣч. viritim, gradatim, statim, sensim, pensim, raptim. —

Сравн. — ior, — ius, превосх. — issimus: facilis, facilior, facilius, sanissimus, maximus (вм. magsimus), proximus (вм. propsimus).

4. Нѣмецк. сравнит. r, превосх. st. welch-er, er-ste; нѣкоторыя существительныя образовались степенями сравненія: die eltern (parentes), die vordern (majores), der herr (hêriro), der fürst (furisto), der jünger (jungiro), der nächste (proximus). Какъ сравнит. и превосх. степ. *являются* selber и selbst. Слич. у Плавта ipsissimus прев. ст. отъ ipse; фр. même, прежде meismes, mesme отъ превосходной степени medesimo, metipsimus, положит. степень коего есть metipse, испорченное изъ латинск. ipsemet.

5. Славянск. сравн. *тр* и превосх. *тм* сохранились въ немногихъ словахъ: который, вторый, седмый, слич. septimus, осьмый. Окончаніе тр во всѣхъ языкахъ, кромѣ санскр. и греч., является только исключеніемъ для сравнительной степени: въ греч. же и санскр. главнымъ правиломъ. Въ нашемъ двоякомъ окончаніи сравнит. степени видно сродство и съ сравнит. окончаніемъ гр. ἰων, лат. -ior, -ius, и съ превосходной степени окончаніемъ санскр. — schth-, лат.—issimus.

Въ образованіи степеней нѣкоторыхъ прилагательныхъ оказывается древнѣйшая и вмѣстѣ органическая неправильность, которую должно признать формальнымъ преимуществомъ, въ послѣдствіи затерянным другими прилагательными. Объ этой неправильности должно сказать, равно какъ и о

неправильномъ спряженіи и склоненіи (именно мѣстоименій), что она касается такихъ словъ, которыя всѣхъ чаще употребляются, и, будучи непрестанно необходимы въ рѣчи, по большой части становятся вспомогательными для описательныхъ выраженій, замѣняющихъ утраченныя флексіи. Потому въ этихъ словахъ высокая формальная сила и, такъ сказать, удоборастяжимость, отъ чего они становятся способными къ исправленію своего вспомогательнаго служенія. Здѣсь геній языка удачно сочетаваетъ внутреннюю тайну формы словесной со внѣшней ея красотою и удобопримѣнительностью къ употребленію. Такъ неправильность степеней сравненія происходитъ отъ различныхъ корней для трехъ степеней одного и того же прилагательнаго: правильное образованіе оныхъ было бы утомительно однообразно, ибо прилагательныя, неправильно восходящія по степенямъ, весьма часто встрѣчаются въ рѣчи.

Прилагательныя во всѣхъ сродныхъ языкахъ съ неправильными степенями сравненія:

I. Понятіе хорошаго. хорошъ, лучшій; Цс. добрый, уній, уншій; польск. и чешск. лѣпши (отъ лѣпый); сербск. болій, краинск. больщій. гр. ἀγαθός, ἀμείνων, ἄριστος, βελτίων, βέλτιστος и κρείσσων, κράτιστος, λῴων, λῷστος. лат. bonus, melior, optimus. нѣм. gut, besser, beste (старин. basz, гот. batiza). фр. bon, meilleur, старин. mieldre, meillor 1).

1) Diez, Gram. d. romanisch. Spr. 1838, II, 58.

2. Понятіе дурнаго. Цс. злый, горшій. гр. κακός, κακίων, κάκιστος правильно, но вмѣстѣ и χείρων, χείριστος, ἧσσων, ἥκιστος. лат. malus, pejor, pessimus. Фр. mauvais, pire, старин. mal, pire (pejor, piour), pesme.

3. Понятіе великаго. великъ, большій; Цс. болій, вящшій; чешск. wětšj (вѣшши). гр. μέγας, μείζων, μέγιστος. лат. magnus, major, maximus. Фр. grand, (majeur), старин. maire (maior).

4. Понятіе малаго. малый, меньшій; Цс. мній. гр. μικρός — σμικρός, ἐλάσσων, ἐλάχιστος, μείων, μεῖστος. лат. parvus, minor, minimus. нѣм. minder. Фр. petit, moindre (mineur), старин. mendre (menor).

5. Понятіе многаго. много, больше. гр. πολύς, πλείων, πλεῖστος. лат. multus, plus, plures, plurimus. нѣм. viel, mehr (родственно съ гот. mikils великъ, и μέγας), meist, am meisten. Фр. plus.

6. Понятіе немногаго. гр. ὀλίγος, ὀλίζων, ὀλίγιστος, μείων, μεῖστος. лат. paucus, paucior, paucissimus.

Понятія хорошаго и великаго, великаго и многаго переходятъ одно въ другое: такъ въ однихъ славянскихъ нарѣчіяхъ большій значитъ melior, въ другихъ major. Переходъ прекраснаго въ доброе: гр. βελτίων — ἀμείνων, лѣпшій отъ лѣпый pulcher. Нашему малый родственны лат. malus, нѣм. small (tenuis). Замѣчательно, что французскій языкъ, употребляющій описаніе для степеней сравненія, удерживаетъ особенныя формы для оныхъ въ прилагательныхъ, неправильно восходящихъ по степенямъ.

Въ образованіе порядочныхъ числительныхъ всѣ индоевропейскіе языки допускаютъ форму степеней сравненія. Если тысячный представить самымъ высшимъ, то первый будетъ самымъ нижнимъ; и наоборотъ, если первый разсматриваемъ какъ самый высшій, то тысячный покажется намъ самымъ нижнимъ; въ связи съ этимъ слова, означающіе вверхъ, внизъ и т. п., въ образованіе свое допускаютъ во многихъ языкахъ формы сравнит. и превосх. степени. Замѣчательно, что о порядочныхъ числительныхъ мы и спрашиваемъ словомъ, стоящимъ въ сравнительной степени, именно вопросительнымъ *который*?

1. Лат. primus и нѣм. erst образовались превосходною степенью: m, st; гр. πρῶτος,

2. Вторый, съ сравнит. -тор-какъ ко-тор-ый; гр. тоже сравнит. ἕτερος, изъ лат. alius срави. степень alter (aliter, что видно еще изъ нарѣчія). Какъ съ нашимъ другой однозвучно другъ, такъ и съ греч. ἕτερος—ἑταῖρος, іон. ἕταρος, слич. ἕτης (propinquus).

3. Третій, tertius, dritte: t превосходн. степ.

4. Четвертый, quartus, τέταρτος, vierte.

5. Пятый, quintus, πέμπτος, fünfte.

6. Шестой, sextus, и пр. санск. шашшас отъ числительнаго количественнаго шаш (шесть).

7. Седьмой, septimus, ἕβδομος (вм. ἕπτομος), съ формою превосходной степени tm.

8. Ос-мой, 9 девя-тый и т. д.

СИНТАКСИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое, на основаніи логическихъ началъ: сравнительное изслѣдованіе опредѣлитъ, въ чемъ состоятъ идіотизмы нашего словосочиненія; историческое же укажетъ ихъ происхожденіе, и вѣковою давностью запечатлѣетъ ихъ необходимость и исконность. Пока у насъ не будетъ полнаго историческаго синтаксиса, до тѣхъ поръ нельзя и рѣшить, что и сколько нужно знать изъ него гимназисту. По крайней мѣрѣ, для соображенія при чтеніи писателей и при задачахъ письменныхъ, предлагаю нѣсколько замѣтокъ.

И М Я.

Grimm, D. Gr, IV, стр. 254 и слѣд.

Существительное даетъ предмету имя, прилагательное обозначаетъ оный свойствомъ. Первоначально, вѣроятно, и существительное произошло отъ названія свойства, но это названіе современемъ стемнѣло и перешло въ общее понятіе, тогда какъ односторонній смыслъ прилагательнаго упорнѣе поддается измѣненію. По той причинѣ удобнѣе переносятся въ языкъ чужестранныя существительныя, нежели прилагательныя, ибо сіи послѣднія требуютъ бо́льшей вразумительности; по тому же прилагательныя и старѣютъ легче, ибо какъ скоро

ихъ значеніе нѣсколько стемняется, употребленіе потчасъ отбрасываетъ ихъ.

Хотя оба, и прилагат. и существ., происходятъ отъ глагола, однако простое прилагательное, по своему ясному и прозрачному значенію, стоитъ ближе къ корню, чѣмъ простое существительное: и синтаксически признается эта тѣснѣйшая связь прилагательнаго съ глаголомъ. Древнѣйшій періодъ языка менѣе нуждается въ прилагательныхъ, пользуясь вмѣсто оныхъ еще глаголами; одинъ глаголъ выражаетъ тогда то же самое, что въ послѣдствіи замѣняется описаніемъ, состоящимъ изъ прилагательнаго и глагола вспомогательнаго. Впрочемъ отдѣленіе понятія глагольнаго отъ понятія прилагательнаго необходимо и для точности выраженія, ибо прилагательное означаетъ свойство болѣе спокойное, пребывающее; глаголъ же—дѣятельнос: слич. viget, valet, pollet и fortis est и пр.

Глаголамъ дана сила непосредственно переходить въ имена черезъ причастіе и неокончательное наклоненіе. Однако, пока въ причастіи преобладаетъ понятіе глагольное, выражаетъ оно дѣйствіе живѣе, чѣмъ прилагательное: потому зелснѣющій, горящій дѣятельнѣе, чѣмъ зеленый, горячій. Въ нѣкоторыхъ именахъ существительныхъ значеніе причастія болѣе и болѣе утрачивается, напр. нѣм. freund, feind, heiland 1). Вмѣсто причастія, или вмѣсто глагольнаго сказуемаго съ лицемъ, вспарину употре-

1) Grimm, Deutsche Gram. IV, 255.

бл.лись существительныя, напр. помнитель злу, и забыватель добру, Молитв. Кирил. Туровск. и о земль великой печальникъ, П. Г. Р. X, пр. 82. посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ Новогородскыхъ посадниковъ, ИГР. XI, пр. 56. Въ первыхъ двухъ примѣрахъ сущесшв. вмѣсто глагола дѣйствительнаго, въ послѣднемъ вмѣсто страдательнаго. Надобно отличать еще описательное употребленіе существительнаго вмѣсто глагола: съ отравы бѣ ему смерть, Ипат. 91; что у него были въ изыманьи, Новг. лѣт. 102, т. е. были имъ взяты въ плѣнъ.

Касательно согласованія замѣчательно употребленіе множ. числа глагола съ существительнымъ собирательнымъ единственнаго числа: въ Остромир. Еванг. народъ же стоя и слышавъ глаголахѫ л. 42. (но далѣе 42, отъвѣща ему народъ). молиша и вьсь народъ л. 99. рьци да каменіе се хлѣби бѫдѫть л. 261. У Нестора по Лавр. сп. 6. сѣдять Весь. 18, идуть Русь, а 19, идуть Русь, и иде Русь. 19, рѣша же дружина Игорева. 24, и да не имѣють власти Русь зимовати. 29, кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? 34, а дружина сему смѣящися начнуть. — Слов. о Полк. Иг. храбрая дружина рыкаютъ.— Новог. Лѣт. 16, приходиша вся чудьская земля Пльскову. 57, и черь не хотѣша дати числа.—Ипатьевск. 55, ту къ тобѣ дружина твоя вси пріѣдуть. 59, Русь переѣхаша.—Псковск. лѣт. 215, Литва Москвою завладѣли. — Др. Рус. Стих. 149, и весь народъ тому смѣялися. 152, вша-

поры донесли народъ Кіевской. 224, и собираются шутъ православной народъ. 174, вшапоры его дружина хорабрая „купалися во Ердань рѣкѣ. Сличишь: Др. Рус. Стих. 51 той еси вы, дружина хорабрая. 80, твою дружину хорабрую „мужики Новогородскіе „всѣхъ прибили переранили,—и въ Пск. лѣт. 32, 150: бяше гостьи силенъ, т. е. собирательное, вм. было много гостей. Собирательныя пять, шесть, сколько, столько, могутъ употребляться со множ.: подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ, „подъ другой несутъ столько же, Др. Р. Сп. 130. пояша ю седмь (οἱ ἑπτὰ), Марк. 12, 22.

Несогласованіе въ падежахъ: 1) при названіяхъ церквей: заложи церковь камену Святый Петръ, Новог. Лѣт. 112. поставиша церковь камену Святый Стефанъ, Пск. Лѣт. 40, что можетъ быть, впрочемъ, объяснено и древнимъ винит. падежемъ. 2) При названіяхъ рѣкъ: за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два, И. Г. Р. X, пр. 39 (1595 года): о такомъ употребленіи въ Др. Рус. Сп. сказано въ другомъ мѣстѣ 1). Соединеніе собственнаго имени рѣки съ нарицательнымъ весьма часто въ Несторѣ: по Ефратъ рѣку, Лавр. сп. I. 3) Князь : просити Князь Ивана Бабича, Пск. Лѣт. 139. по Князь Великого велѣнію, ibid. 145. на Князь Григоревыхъ и Ондресвыхъ людей; И. Г. Р. XII, пр. 38.

Употребленіе прилагательнаго вмѣсто существительнаго въ род. падежѣ сославляетъ искон-

1) Въ Москвѣ и теперь случается слышать: на Москва рѣкѣ.

ное свойство славянскаго синтаксиса. Еще въ переводѣ Ексарха Іоанна Граммашики Дамаскина родительные падежи отъ человѣкъ, жена, естество означены: человѣковъ, женина, естествово 1). Это правило въ старину даже злоупотреблялось: такъ въ Даміановомъ Апостолѣ „плоды праведными“ вмѣсто плодовъ правды, „слово истинное“ вмѣсто слово истины; въ Драгомир. Кодексѣ Іаков. 4, 4: любы мирскаа вражда Божіа есть, т. е. ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστιν: въ исправленномъ текстѣ понятно: любы міра сего вражда богу есть 2). Какъ въ старину неясность была отъ злоупотребленія прилаг. вм. существ. въ род.; такъ въ новѣйшее время отъ злоупотребленія родит. существительнаго вмѣсто прилагательнаго, напр. въ 1 томѣ И. Г. Р.: народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына (Θеодора и Іоанна), которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками *христіанства* въ языческомъ Кіевѣ: двусмысліе отъ того, что этотъ родительный можно почесть и род. лица дѣйствующаго, т. е. христіянство мучило,—и род. опредѣленія, т. е. христіянскіе мученики. И у другихъ славянскихъ племенъ, напр. у Чеховъ, въ старину употребительнѣе было прилагат. вм. род. сущ.: такъ въ Краледворск. рукописи: k vrchu ku hradovu (къ верху ко градову); uoinow zaboieuich 78 (воиновъ забоевыхъ, вм.

1) Калайдовича Іоан. Екс. Болг. 77.

2) Добровскаго Instit. linguae slavicae 628 и слѣд.

Забоя); въ чешск. Псалт. XIV в: bóh bohový (богъ боговый) вм. deus deorum, v den bojový (въ день боевой) вм. in die belli и пр. 1) Въ нашихъ лѣтописяхъ это правило еще болѣе распространяется: прилагат. употребляется не только вм. род. сущ., но и вм. другихъ падежей: отчего иногда зависитъ сила и краткость. Въ Несп. по Лавр. сп. 75 людье изнемогоша водною жажею; 83 на оученье книжнос. Въ Новог. лѣт. 27 про зажьженіе градьное; 114 отъ скорби тоа великія пожарныя, т. е. скорбь отъ пожара. Въ Ипатьевск. 162 изнемогаху жажею водною; 172 отъ ударенья мечеваго; 178 ломъ копейны; 208 пойдоша неволею Татарьскою, т. е. принуждаемые Татарами; 126 преставися князь Изяславъ Глѣбовичь, отъ стрѣлной тои раны. Пск. лѣт. 176: и переняша Псковичи полоняную свою вѣсть, т. е. вѣсть о своемъ плѣнѣ. Слѣд. прилагат. употребл. вм. 1) род. подлежащ. или лица дѣйствующаго: копья ломаются—ломъ копейный, 2) род. опредѣл: день боя—день боевой, 3) дополненія: жажда воды—водная, вѣсть о плѣнѣ—полоняная, 4) обстоятельства: рана отъ стрѣлы—стрѣльная, скорбь отъ пожара—пожарная, и пр.

Дательн. падежъ вм. родит. составляетъ древнѣйшую особенность языка славянскаго: такъ въ Библіи: отъ отца свѣтомъ Iак. I, 17 (исправл. свѣтовъ), единъ ходатай богу и человѣкомъ 1. Тим.

1) Смотр. Шафарика и Палацкаго Die alt. Denkmal. d. bomisch Spr. стр. 82.

2, 5 (исправл. бога, человѣковъ 1). Такой дательный встрѣчается и въ народной поэзіи, напр. Др Рус. Ст. 276, онъ правитель царству Московскому, „оберегатель міру крещеному,—и у позднѣйшихъ поэтовъ, напр. у Ломоносова: великое свѣтило міру: выражаетъ болѣе, нежели род. пад., ибо означаетъ живѣйшее отношеніе къ лицу.

Какъ особенность любопытную слѣдуетъ замѣтить родит. множ. для означенія фамиліи, напр. Пск. лѣт. 90 князь Иванъ Ивановичь Дябренскихъ князей, ibid. 208. Грамота утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова—Юрьевыхъ (Собр. гос. гр. и дог. I, 599).

Разнообразное употребленіе твориг. падежа составляетъ искони ведущееся достояніе славянскаго языка. Твориг. придаетъ рѣчи силу, когда употребляется: 1) для означенія мѣста: а Половци неготовами дорогами побѣгоша, Сл. о Полк. Игор. Въ Краледворск. рукописи: 74 postupisie mustuo lesem (поступише мужство лѣсомъ); 86 spieie lesem temnim (спѣшитъ лѣсомъ темнымъ); 88 hradem wezdie bieha (градомъ вездѣ бѣга). Cic. Fam. 10, 9: via breviore equites praemisi. 2) времени: Архангельской городъ древянной однимъ годомъ поставили И. Г. Р. X, пр. 135. Caes. B. C. I, 47: caesariani milites—quinque horis proelium sustinuerant. 3) качества: въ По-

1) Добровскаго Inst. ling. slav. 630.

вѣсти о взятіи Трои, переведенной для Симеона Болгарскаго: сѣдъ главою и брадою кудрявою. (Парисъ) обусѣваа, длѣгымъ лицемъ и вознесенома бровма. (Касандра) чиста зело, мужескымъ творомъ. (Поликсена) лѣпа, голенаша, дѣвою. Іоан. Екс. Болг. Калайд. 182, 183. Suet. Caes. 45: Caesar fuisse traditur excelsa statura, colore candido, teretibus membris, ore paullo pleniore, nigris vegetisque oculis, valetudine prospera. 4) творит. уподобленія: Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Сл. о Полк. Игор. Въ Судѣ Любуши стих. 103: zarve jarym turem (заревѣлъ ярымъ туромъ) 1). 5) творит. образа дѣйствія: въ Краледворск. рукописи. 46 proletie lesi ieleniem skokem (пролетѣ лѣсы оленьимъ скокомъ); 74 i pozrsiesta lisima zrakoma (и позрѣста лисьима зракома); 74 tudi spei lisimi skoki (туда спѣшитъ лисьими скоками). Котоших. 126 а живутъ они своими покоями, на томъ же боярскомъ дворѣ: здѣсь своими покоями обстоятельство не мѣста, а образа дѣйствія, а мѣсто означено предлогомъ на. Котоших. 123 который женится другою женою на дѣвицѣ; слич. лат. ablativus modalis: Cic. Off, I, 13: injuria fit duobus modis, aut vi, aut fraude, и др. 6) творит. также обстоят., вм. падежа съ предлогомъ: Нест. по Лавр. Сп. 31 бѣ тогда Царь имянемъ Цѣмьскии; 37 воевода ихъ, имянемъ Прѣшичь. Карамзинъ въ И. Г. Р. обыкновенно употребляетъ именемъ вмѣсто по име-

1) Слич. Шафарика и Палацкаго Die alt. Denkmäl. d. böhm. Spr. 82.

ни, отъ имени: какъ свойственъ намъ этотъ оборотъ, видно изъ того, что еще въ Остром. Ев. именемъ употребляется вм. греч. τόνομα л. 202, ἐν τῷ ὀνόματι л. 205, и др. 7) творит. причины: Новог. лѣт. 5: а смородъмъ нелга выѣзжи (варіантъ: а сграды нельзѣ выѣзжи); 6 въ се же лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, повелѣніемъ Ярополцемъ; 137 бяше же на пути тѣснота доспѣшными людми. Слич. лат. Nep. 21, I: Darius senectute diem obiit supremum.

ГЛАГОЛЪ.

Прежнее употребленіе глаголовъ было гораздо вольнѣе, гибче и многостороннѣе. Иные глаголы теперь потеряли свою простую форму и требуютъ непремѣнно приставки, напр. выздоровить, поздравить, въ спарину и просто: здоровить, здравить: въ Ипат. 87 бѣ тогда Святославъ не сдравуя: вм. нынѣшн. прилаг. былъ нездоровъ. Иные потеряли значеніе залога дѣйствительнаго, которое прежде имѣли, вмѣстѣ съ среднимъ, напр. Псал. 103, 14: прозябаяй траву скотомъ. И наоборотъ: иные утратили форму среднюю, оставшись только съ дѣйствительной, напр. ополить, а прежде было и ополѣть: двери райскіи ополѣли, Новг. лѣт. 108; гордѣть, а теперь съ *ся* гордиться: нача гордѣти велми, Ипат. 201. Особенно замѣчательно употребленіе среднихъ глаголовъ съ *ся*: падеся церкы, Новог. лѣт. 5, 110. Нѣкоторые изъ этихъ

глаголовъ не устарѣли и теперь, напр. плакаться, искони употреблявшійся у Славянъ: Несп. по Лавр. сп. 29 плакася по мужи своемъ. Слов. о Полк. Игор. плачется мати Ростиславя по уноши. Глос. Mat. Verb. place se (плаче се) flet, placati se (плакати се) flere, uberlim lacrimas fundere. Ипат. 217 и плакася по велику. Слич. Новог. лѣт. 59 Литва же начаша бродитися на сю сторону; 103 воевався съ ними.

Управленіе глаголовъ пользовалось большою свободою, напр. учить, кромѣ дат. над., съ предлогами на, къ, въ: въ Др. Р. Сп. 255 на умъ учить; 47 вшапоры поучился Волхъ ко премудростямъ; 73 учить его во грамотѣ. Псал. I, 2 въ законѣ его поучится день и нощь. говорить, съ дополненіемъ: въ разговоры: Царь съ Царицей въ разговоры говоритъ, Др. Р. сп. 49, и съ обстоятельствомъ: въ разговорѣ: въ разговорѣ говорилъ, И. Г. Р. XI, пр. 153. мыслить съ предл. на, для означенія помышлять на кого войною: нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань, Несп. по Лав. 26. воевать, какъ дѣйствит. глаголъ: воеваши Вифаньския страны, Несп. по Л. 18. воеваши Болгарьску землю, ibid. 20; также употребляетъ и Карамзинъ этотъ глаголъ въ И. Г. Р. учинить, учинитьсѣ съ предл. надъ: сяко чиниши надо мною, Ипат. 214. сказываете, что надъ Государствомъ Государя нашего по грѣхомъ учинилося, И. Г. Р. X, пр. 78. по грѣхамъ надъ Добрынею учинилося, Др. Р. сп. 62. по грѣхамъ надо мною Княземъ учи-

нилося, ibid. 161; въ старинномъ чешскомъ романѣ, Tkadlíček, стр. 11 и друг.: nademnú učinilo (надо мною учинило). Иногда дополненіе такъ приростаетъ къ глаголу, что вмѣстѣ съ нимъ образуетъ какъ бы одно слово, напр. милости просимъ, цѣловать крестъ; слѣд. надлежитъ отличать позднѣйшее случайное дополненіе къ симъ глаголамъ, отъ сросшагося съ ними первоначальнаго: милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати, Др. Р. стр. 172. на томъ бо цѣловали бяше крестъ къ нему, Ипат. 83. и цѣловаста крестъ межи собою на всей любви, ibid. 84.

Страдат. залогъ употреблялся гораздо чаще и вольнѣй теперешняго, напр. въ Др. Р. Стр. 85 всѣ вы въ Кіевѣ переженены, 113 не корыстна у насъ шутка зашучена, 156 булавами буйны головы пробиваны. Лицо дѣйствующее, кромѣ твор. падежа, ставилось съ предл. отъ, напр. въ Краледворск. рукоп. 70 tobie od nich dano; въ Др. Р. стр. 347 что быть змѣю убитому „отъ молода Добрынюшки Никитича; 104 потерянъ мой сынъ Царевичь Димитрій Ивановичь „на Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ. Замѣчательно употребленіе среднихъ глаголовъ, какъ страдат., съ творит. лица дѣйствующаго, или съ пред. отъ при лицѣ дѣйств.: вся поднебесная осіяла молніею, Пск. лѣт. 109. залегла на дорога придцать лѣтъ „отъ того Соловья разбойника, Др. Р. Стр. 357. Еще замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ безличная форма глагола съ твор. лица дѣйствующаго: праву водою по рѣкамъ и по

ручьямъ отняло, Пск. лѣт. 104. Сшибло съ головы золото кольцо „твою стрѣлкою каленою, Др. Р. Сп. 99. Такой оборотъ стоитъ на срединѣ между глаголами среднимъ или дѣйствительнымъ, между страдательнымъ, и безличнымъ.

Для безличнаго глагола у насъ двѣ господствующія формы: на -ся (о чемъ говорено въ другомъ мѣстѣ) и страдат. причаст. въ средн. р. Въ старину послѣдняя форма была употребительнѣе настоящаго, напр. въ Др. Р. Сп. 169 смолоду бито много, граблено.84 не упито, не уѣдено, „вкраснѣ хорошо не ухажено, „а цвѣтнаго платья не уношено, „а увѣчье на вѣкъ залѣзено.

Рускій языкъ чрезвычайно бѣденъ формами временъ, имѣя только одну, которую мы употребляемъ и для настоящ. и для будущ. времени. Отсюда, кромѣ вспомогательныхъ глаголовъ, необходимость видовъ, коими мы замѣняемъ многоразличныя отношенія временъ. Уже въ самомъ неокончательномъ наклоненіи выражаемъ мы время, или продолженіемъ—говорить, или началомъ—заговорить, или совершеніемъ—сказать, или усугубленіемъ-говаривать. Къ образованію видовъ весьма много содѣйствуютъ предлоги, отъ того при старинныхъ глаголахъ необыкновенная гибкость въ сложеніи съ предлогами, напр. Ипат. 206 изнайти. Пск. лѣт. 156 изотняша. Коноших. 7. а какъ ѣсиву испоставятъ. 48 рѣчь по наказу изговорятъ. Др. Р. Сп. 144 будто зайца въ кустѣ изъѣхали. 228 а и сумочки изповѣсили. 106

изподернуты бархатомъ. 227 бѣлыя рученьки изприложены. 386 изпроѣхала. 210 приправилъ онъ своего добра коня, „принастегивалъ богатырскаго. Такъ какъ времена, настоящее и будущее, отличаются только крашностью, а не формою, то весьма легко будущее могло употребляться вмѣсто настоящаго, напр. въ Слов. о Полк. Игор. млъвитъ Гзакъ Кончакови. Др. Р. Сп. 29 и будутъ, они въ высокихъ теремахъ, „и ужасается Владимиръ князь. Ипат. 214 будущу же ему ту. Коноших. 17 горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи.

Изъ церковнославянскихъ прошедшихъ простыхъ формъ въ рускомъ нѣтъ ни которой. Наше прошедшее образовалось еллипсисомъ изъ прошедшаго описательнаго, черезъ опущеніе вспомог. глагола: сотворилъ вмѣсто сотворилъ есмь, еси, есть. Описательная форма прош. еще употреблялась въ Др. Р. Сп. 404. еще имали были свои добрые кони. а поѣхали были на своихъ добрыихъ коняхъ. Впрочемъ давно уже употребляется и нынѣшняя еллиптическая форма, напр. въ словѣ о Полк. Игор. заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. древо с тугою къ земли преклонилось. въспала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. вступилъ дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море. Замѣчательно, что опущеніе вспомогательнаго началось съ 3-го лица: при второмъ же лицѣ еще полная форма: ты пробилъ еси, ты лелѣялъ еси, Сл. о П. И. — У насъ прошедшее время употребляется, какъ причастіе,

согласуясь въ родахъ, и не имѣя лицъ: былъ, была, было, были. Впрочемъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ польскомъ, къ причастію прибавляется личное окончаніе: для единств. перваго лица-м, для втораго -с, для множ. перваго-смы, втораго -сцѣ: потому польское прошедшее имѣетъ и лица, и рода, образовавшись изъ причастія: напр. ед. 1 лицо муж. byłem, жен. byłam, ср. byłom; 2 лицо муж. byłeś, жен. byłâś, ср. byłoś; 3 лицо муж. był, жен. była, ср. było; множ. 1 лицо муж. byliśmy, жен. и ср. byłyśmy, 2 лицо муж. byliście, жен. и ср. byłyście, 3 лицо муж. byli, жен. и ср. były.

Недостатокъ будущей формы восполняется въ славянскомъ языкѣ описаніемъ, съ вспомогательными: буду, спану, хощу, имамъ. 1) съ вспом. буду futurum conditionale или exactum: въ Рус. Правдѣ: будетъ оубилъ (Рус. Дост. II, 12). у Нестора въ договор. съ Грек., по Лав. сп. 23 аще ли взялъ будешь. 23 аще ли купилъ буде Гречинъ подъ хрестомь, достоить ему да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немь. 24 будеть створилъ. въ чешск. Псалт. XIV в. aď zapomanul budu tebe Пс. 136, 5, у насъ: аще забуду тебе. Въ польскомъ нарѣчіи и теперь употребительна эта форма: będę kochał, będziesz kochał и пр. Условное значеніе этого вспом. глагола особенно тогда явствуетъ, когда онъ — или не согласуется съ главнымъ глаголомъ въ числѣ, напр. у Даніила Заточника: аще ли будешъ родился въ матерь,

и они возрастьши мене продадутъ (Памят. Рус. Лит. XII в. 239) — или стоитъ съ глаголомъ будущаго времени, напр. въ И. Г. Р. XII пр. 9: а будетъ Кардиналъ его Папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его проклинаетъ. Какъ союзы бы и дабы осшатокъ отъ древнѣйшихъ описательныхъ формъ прошедшихъ: былъ быхъ, былъ бы; да быхъ имѣлъ, да бы имѣлъ; такъ буде осшатокъ отъ будущаго условнаго. 2) стану, сталъ, сталь употребительное въ руск. для описательныхъ формъ, и въ другихъ языкахъ является вспомогательнымъ, напр. понѣм. es steht zu hoffen, пофр. j 'ai été, причастіе été образовалось изъ лат. sto; полат. самый глаголъ существовать, быть, existo, состоитъ изъ ex, sto, что видно изъ exstiti. 3) у Несторъ. попадается еще старинная болгарская форма описательная съ хощу: люотъ се мужь хоче быши, Лавр. Сп. 41. Русіе, Богемцы, Поляки употребляютъ буду для описательнаго будущаго, а Сербы хочу, которое у нихъ измѣнилось въ шю, шеш, шѣ: этотъ вспомогат. глаголъ у нихъ или просто присшавляется къ неокончат. наклоненію: пѣти шю (пѣти хощу, пѣть буду) пѣти шеш (будешь пѣть), пѣти шѣ (будетъ пѣть); — или присоединяется какъ окончаніе: ѳрашю (орати хощу, буду пахать), ѳрашеш (орати хощеши), ѳрашѣ (орати хощетъ). 4) какъ сербское будущее сливается изъ описательной формы съ хощу, такъ малорусское образуется черезъ присшавку вспомогательнаго му (имамъ, имѣю) къ неокончат. наклоненію: могшиму,

могши́мешь. могши́мемъ, т. е. имѣю мочь, имѣешь мочь, имѣемъ мочь, т. е. смогу, сможешь, сможемъ, и пр.; хотя у насъ теперь описат. съ имѣю употребляется только въ высокомъ слогѣ, какъ архаизмъ, однако въ областныхъ нарѣчіяхъ еще сохраняется, напр. въ вологодскомъ: ему дѣлать, Труд. Общ. Л. Р. С. 1822, I, 242.

Глагольные эллипсисы. Распространеннымъ описательнымъ формамъ противополагаются эллиптическія, сокращенныя. Выпускаться можетъ только такое слово, которое, отъ частаго употребленія, или легко можетъ подразумѣваться, или надоѣло и опошлѣло. Живыя, свѣжія изрѣченія опускаться не могутъ. Потому въ рускомъ языкѣ опущеніе вспомогательнаго есмь, еси и пр. составляетъ одно изъ главнѣйшихъ эстетическихъ достоинствъ. Въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, вспом. есть, отбрасывается только въ пословицахъ 1), напр. besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dach; wie der herr, so der knecht, и пр. Въ рускомъ же опущеніе это входитъ въ образованіе самыхъ временъ, напр. прошедш. сотворилъ; переходомъ къ этому опущенію надобно почесть равнодушіе при употребленіи этого вспомог. глагола: мы ставимъ есть при всѣхъ лицахъ и при множ. числѣ, напр. у меня есть книги, что попадается уже въ Несторѣ по Лавр. сп. 30: се уже есть покорилися мнѣ.

---

1) Grimm, Deutsch. Gr. IV, 151.

Въ синтаксисѣ кромѣ опускаемаго слова должно обращать вниманіе на противоположное ему, т. е. на восполняющее недостатокъ опущеннаго. Таково у насъ неокончат. наклоненіе. Если это употребленіе разсматривать только со стороны логической, то въ немъ найдешь недостатокъ: ибо неокончат. наклоненіе, какъ форма отвлеченная отъ временъ и лицъ, не соотвѣтствуетъ обыкновенному грамматическому построенію, имѣя смыслъ глагола безличнаго. Въ отношеніи же краткости и выразительности это наклоненіе придаетъ рѣчи большую красоту, и съ давнихъ временъ весьма любезно рускому языку. Оно употребляется: 1) вм. будущаго времени, напр. въ словѣ о Полк. Игор. быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя. Это будущее отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что содержитъ въ себѣ понятіе о необходимости. 2) вм. настоящаго или прошедшаго, также съ понятіемъ необходимости; что можетъ быть объяснено опущеніемъ словъ льзя, нельзя и т. п: Ипат. 59 токмо весла видити, а человѣкъ бяшеть не видити. Пск. лѣт. 154 а во Псковѣ видѣть дымъ и огонь. Слѣд. еще легче употребляться ему 3) вм. повелительнаго наклоненія, въ Сл. о Полк. Игор. начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени. Въ старинныхъ юридическихъ актахъ повелѣнія выражаются обыкновенно неокончательнымъ: судъ судити Бояромъ и Окольничимъ, а на судѣ

быти у Бояръ и у Околничихъ Діакомъ, а посуловъ Бояромъ и Окольничимъ и Діакомъ отъ суда и отъ печалованіа не имати, Закон. Іоан. III, (изд. Калайд. и Стр. 3). Дат. пад. и здѣсь означаетъ отношеніе къ лицу, и потому легко замѣняетъ подлежащее или лицо дѣйствующее. Эллиптическое неокончательное наклоненіе употребляется какъ безличный глаголъ: за царя идти — ей царицей слыть, Др. Р. сп. 137. на Волгѣ жить— ворами слыть, ibid. 114. Въ прошедш. вр.: пѣти было пѣсь (пѣснь) Игореви, Сл. о П. И.; въ будущемъ: моей крови тебѣ не пить будетъ, Др. Р. сп. 208. Хотя неоконч. наклоненіе есть переходъ глагола къ существительному, однако содержитъ въ себѣ бо́льшую силу, выражая видами моменты дѣйствія и дополняя наклоненія означеніемъ понятія необходимости.

Замѣчателенъ эллипсисъ въ соединеніи причастія съ глаголомъ поздравлять: и потомъ бояре и боярыни Царя и Царицу поздравляютъ обручався, Котош. 6. и потомъ протопопъ и свадебный чинъ Царя и Царицу поздравляютъ вѣнчався, ibid. 9. и отцы и матери, и весь чинъ, Царя и Царицу поздравляютъ сочетався законнымъ бракомъ, ibid. 9. Это весьма употребительное и теперь въ разговорѣ словосочиненіе, вѣроятно, основывается на другомъ, правильномъ сочетаніи дѣепричастія съ глаголомъ, попадающемся въ Др. Р. сп., напр. стр. 202: здравствуй, женившись.

ПРЕДЛОГЪ.

Эмфатическое повтореніе предлога, столь употребительное въ Др. Р. сп., напр. 54 во стольномъ во городѣ во Кіевѣ—принадлежитъ глубокой древности, попадаясь не только въ нашихъ лѣтописяхъ, но и въ древнѣйшихъ памятникахъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, напр. въ Судѣ Любуши 25: ен-же приде с плькы с чеховыми, qui venit cum catervis cum Čechiis. въ Краледв. Рук. 72 powsiech pokrayinach. 86 kuhradu kutwrdu. 96 zadusicu tecie zaotletlu: по всѣхъ по крайнахъ, ко граду ко шверду, за душицу за оплетлу (за оплетѣвшею душею). въ Несп. по Лавр. сп. 3 Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія. Ипат. 212 на городъ на Львовъ. Новог. лѣт. 32 послаша по Ярослава по Всеволодича, по Гюргевъ вънукъ.

1. Старинное управленіе предлогами: *съ* съ винит. вм. род.: Новог. лѣт. 34 съсѣдавъше съ конь. 96 а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть. Др. Р. Сп. 220 съ другу сторону. 275 Липва облегла со всѣ четыре стороны. И. Г. Р. VII, 28 съ очи на очи.

2. Старинное значеніе предлоговъ: въ вм. изъ: и приставиша мастеровъ деньги ковапи въ чистомъ серебрѣ Пск. лѣт. 36. и въ томъ камени создаша церковь святый Борисъ и Глѣбъ, ibid. 66. на вм. для: ibid. просить князя на Псковъ. Др. Р. Сп. 10 а корабли его отобраны „на егожъ царское величество. на для означенія штрафа, вм. съ, отъ: по

все взяти на виноватомь, Закон. Іоанна III (изд. Кал. и Спр. 13). надъ, употребляющееся съ лицомъ страждущимъ, когда говорится о какой либо неизбѣжной судьбѣ: тогда бяше моръ въ Псковѣ надъ людми железою, Новг. лѣт. 103. Слич. учинить, учиниться съ предл. надъ. объ вм. подъ начальствомъ: объ Александрѣ, объ Іоаннѣ, Пск. лѣт. 28; здѣсь этотъ предлогъ значитъ отдѣльность, сосредоточенность около чего, точно такъ какъ и о: то подѣялъ Стень воевода о своемъ умѣ, Новог. лѣт. 79, болѣе, чѣмъ своимъ умомъ; слич. о собѣ, о себѣ. подъ вм. подъ начальствомъ: Несп. по Лавр. сп. 42 иже суть подо мною Русь. Др. Р. Сп. 244 подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи.

3. Предлоги, и теперь употребляющіеся въ народномъ языкѣ, попадаются въ старинныхъ памятникахъ: покрай: а и покрай было моря синяго, Др. Р. Сп. 303. покрай рѣки Смородины, ibid. 370. въ Краледв. рук. 4 pokrai lesa. по вм. за: послаша по Ярослава по Всевододиця, Нов. лѣт. 32. про вм. о: и начаша князи про малое, се великое млъвити, сл. о П. Иг. Въ разговорной рѣчи употребляется сквозь вм. чрезъ; хотя пуристы предписываютъ строго отличать эти предлоги, однако мы читаемъ, въ Сл. о П. Иг. О Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; въ Ломоносовѣ, ода IX, строф. 18: сквозь степь и блата Петръ прошелъ; въ Карамзинѣ, И. Г. Р. IV, 33 сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана: отсюда видно, что сквозь уси-

ливаетъ значеніе предлога чрезъ. Хотя у насъ осталось еще ради въ немногихъ выраженіяхъ, болѣе религіозныхъ, напр. Христа ради, ради Бога; однако исторія языка нашего показываетъ ясно, какъ мало по малу изгонялся этотъ предлогъ, и терялось сочувствіе къ нему: такъ ради стоитъ какъ лишняя прибавка при другихъ предлогахъ: въ Ипат. 182 отъ множества ради. въ Пск. лѣт. 101 за умноженіе грѣхъ ради нашихъ бысть моръ великъ. Др. Р. Сп. 45 а и синее море сколебалося „для ради рожденья богатырскаго.

Нѣкоторые предлоги, теперь только слитные, прежде были отдѣльными, напр. вз, воз: въ Псалм. 34, 12 воздаша ми лукавая возблагая (т. е. возъ благая), по переводу Ломоносова: мнѣ за добро воздать. въ Краледворск. рук. 22 wzhoru на гору, 24 wzramena на рамена, 26 wzchlumek на холмокъ, 70, 80 wz-wrahi на враги, 80 wz-rucie konie на быстрые кони. Слич. церковнославянск. нарѣчіе вскую, образовавшееся изъ взъ кую: кую, вѣроятно, винит. падежъ отъ коя, жен. род. отъ мѣстоименія кой: слѣд. вскую значитъ: начто, почто, зачто, зачѣмъ. Слич. въ Ипат. 206 возверхъ рѣкы Лосны, вм. наверхъ, вверхъ.

Вспарину предложныя нарѣчія вмѣсто, замѣсто раздѣлялись, заключая управляемое въ срединѣ между въ, за и мѣсто; въ Остромир. Еванг. отъ Лук. XI, 11 въ рыбы мѣсто. въ Руск. Правдѣ: оубьютъ во пса мѣсто (Руск. Достоп. II, 39). ИГР.

XI, пр. 56 за города мѣсто было. Иногда управляемое переходитъ въ прилагат. и согласуется съ мѣсто: Ипат. 206 въ мое мѣсто, т. е. вмѣсто меня. Катоших. 5 во отцово и въ материно мѣсто, т. е. вмѣсто отца и матери. Припомнить весьма любопытное раздѣленіе слова внутрь у Ломоносова, ода V, строф. 12: какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутрь горахъ:

С О Ю З Ъ.

Какъ предлоги, въ старину повторялись и союзы: Новог. лѣт. 100 а что около него ни есть, а то тебѣ. ibid. 146 да входя въ ворота да кропилъ святою водою да пошелъ на свой дворъ. Въ Др. Р. ст. союзы прибавляются для стихотворнаго ладу: I высота ли высота поднебесная. 3 есть, сударь, дорога камка, „что не дорога камочка — узоръ хитеръ. 4 хитрости были Царя-града, „а и мудрости Іерусалима. 13 кругомъ двора желѣзный тынъ, „на тынинкѣ по маковкѣ, „а и есть по жемчужинкѣ. 25 онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ, „что у ласкова Князя Владимира. 27 а во Кіевѣ былъ щасливъ добрѣ „какъ бы молодой Чюрила сынъ Плесковичь. 254 и всѣ то вѣдь дѣти дворянскіе, „еще ли дѣти купецкіе. 363 положилъ его да на сыру землю. Въ Краледв. рук. 6 aiti slunce ai slunéczko „tilisi zalostiuo, ай ты солнце ай солнышко „ты ли си жалостиво.

Такому многосоюзію противополагается безсоюзіе: голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбро-

саны, Др. р. сп. 292. Кажется, что выраженіе добръ здоровъ, добры здоровы, попадающееся въ Ипат. 72, Пск. лѣт. 152, должно быть объяснено не опущеніемъ союза *и*, а замѣною нарѣчія прилагательнымъ, т. е. добро здоровъ, какъ Нов. 5 падоша ниці, т. е. ницъ; или какъ Несп. по Лавр. сп. 30 ради даемъ медомь и скорою, т. е. радостно даемъ. Новог. лѣт. 84 радъ иду къ вамъ. Ипат. 168 Конрапъ бы радъ милость учинилъ вамъ, 207 а мы ради купимъ, 208 ради дамы. въ народныхъ пѣсняхъ: я бы рада пряла. и я рада бы гадала, „и я рада бы отгадывала. въ Краледв. рук. 102 rada bich iazneplacala, рада быхъ язъ не плакала.

Опущеніе связи въ соединеніи предложеній: а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть, Нов. лѣт. 96, т. е, Богъ вѣсть, сколько пало. не бывала пакость шакова, и Псковъ сталъ, Пск. лѣт. 41, т. е. пока стоитъ Псковъ. и Псковъ сталъ, не бывало тако, ibid. 160. Соединеніе придаточнаго предложенія съ главнымъ союзомъ сочиняющимъ: Даніилъ Заточн.: видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ, Пам. Лит. XII в. 234, т. е. который не имѣетъ главы. того же лѣта поставиі преподобныи наречен-ныи владыка Еуѳимеи полату въ дворе у себе, а дверен у нея 30, Нов. лѣт. III, т. е. у которой 30 дверей.

Старинные союзы: апь вм. чтобы, дабы, да: дай намъ сторожи, апь не избьютъ насъ, Новог. лѣт. 57. взовита ми Семьюна попа, апь створитъ молитву, Ипат. 95. ино вм. заключительнаго то: или

о себѣ станемъ жити безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, Пск. лѣт. 177. оно вм. раздѣлительнаго то—то, частію—частію: а дружина его бяшеть оно избита, оно изоймана, Ипат. 65.

Какъ союзы буде, бы, естьли, если, хотя, пусть происходятъ отъ глаголовъ. шакъ ино, оно, то, чи (вопросительный), однако, еже или оже, вчрочемъ—отъ мѣстоименій и прилагательныхъ. Коренные же союзы самые краткіе, напр. и, а, но, же, ли, да (соединительный). Сложные союзы: или, ежели, если съ ли; дабы, чтобы, еслибы съ бы.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ.

Стилистика необходимо должна основываться на Грамматикѣ, ибо она есть не иное что, какъ та же Грамматика, только въ непрестанномъ примѣненіи къ чтенію писателя и къ собственному сочиненію. Многое, предлагавшееся въ Реторикѣ, какъ собственное ея достояніе, принадлежитъ Грамматикѣ и Словарю: напр. статьи о чистотѣ, правильности языка—идутъ въ Синтаксисъ, Этимологію и Словарь; о синонимахъ—въ Словарь; объ архаизмахъ—въ историческую Грамматику и вообще въ Исторію языка; о провинціализмахъ и варваризмахъ—въ сравнительную Грамматику, и т. д. Только понятіе о слогѣ индивидуальномъ или личномъ выступаетъ изъ области Филологіи: ибо слогъ извѣстнаго писателя опредѣляется характеромъ самого

писателя: здѣсь Филологія граничитъ съ Исторіею и Философіею. Притомъ слогъ индивидуальный видоизмѣняется по содержанію описываемыхъ предметовъ: здѣсь, кажется, уже и предѣлъ Стилистикѣ: иначе бы ей пришлось разсуждать объ Астрономіи, Анатоміи, Физикѣ, Философіи и пр. Впрочемъ оставляю другимъ точнѣйшее опредѣленіе этого предмета. Для гимназиста весьма достаточно будетъ и того, чтобы пушемъ практическимъ познакомиться покороче съ слогомъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ. Я теперь обращаю вниманіе только на общую часть Стилистики, съ желаніемъ дать ей прочную филологическую основу и не разрывными узами совокупить съ Грамматикой: потому многія статьи Стилистики являются дальнѣйшимъ развитіемъ Синтаксиса, Этимологіи и Словаря.

Въ языкѣ выражается вся жизнь народа; слѣд. разложить на стихіи языкъ также трудно, какъ и характеръ народа. Рѣчь, теперь нами употребляемая, есть плодъ тысячелѣтняго историческаго движенія и множества переворотовъ. Опредѣлить ее не иначе можно, какъ пушемъ генетическимъ: отсюда необходимость историческаго изслѣдованія.

Самымъ нижнимъ, во глубинѣ лежащимъ слоемъ языка надобно признать первобытный, родящій насъ съ языками индоевропейскими, и миѳологическій, языческій. Чтобы объяснить миѳологическую ступень въ языкѣ возьмемъ въ примѣръ слово *свобода*: Добровскій производитъ отъ *свой*, черезъ не-

употребительное существительное *своба*. (Гр. яз. сл. I, 341); мнѣнію сему слѣдуетъ и Юнгманъ, давая при томъ значеніе и слову своба: въ глос. Mat verb. znoba, Feronia, dea paganorum 1). Выраженіе *бить челомъ* теперь употребляется въ смыслѣ кланяться и вмѣстѣ дарить чѣмъ либо: во глубинѣ же стоитъ языческое значеніе: покланяться богамъ 2), въ Краледв. рук. 68: sie biti w cielo pred bohi, се бити въ чело предъ боги (богами). Поговорка. *какъ мертвою рукою обвести* т. е. приворожить, обворожить— идетъ отъ языческаго повѣрія носить съ собою мертвую руку, которою обводили спящихъ, чтобы не проснулись 3). Примѣры общаго индоевропейскаго сродства словъ значенія миѳологическаго: День, лит. diena, греч. δαος, лат. dies, гот. dags, санскр. divas и dinas: „понятія божества, неба и дня, говоритъ Гриммъ, 4) совпадаютъ другъ съ другомъ, что видно изъ словъ: санскр. div или divo (coelum), лат. divum, dium (открытое, вольное небо), санскр. dju, dina (dies), dèvas (deus), лит. diewas, лет. dews, лат. deus, divus (divinus), гр. ζεύς, эол. δεύς, родит. διός, но для отвлеченнаго понятія бога Δ измѣняется въ

---

1) Чешск. словарь IV, 413. Какъ производство Рейфа отъ *свой буду* слишкомъ наивно, такъ Павскаго—натянуто: черезъ слобода отъ корня лоб, гр. λυF, лат. lib, lub, нѣм. laub. Филол. набл. II, 101.

2) Мысль Гримма въ Deutsch. Mythol.

3) Снегирева Руск. въ своихъ пословиц. II, 35.

4) Deutsche Mythologie, стр. 425.

Θ, θεός, слич. θεῖος (divinus) съ чувственнымъ δῖος (coelestis)." — Солнце, sol, ἥλιος, гот. sauil — sunna — sunno, санскр. sûris (σείριος), sûnas происходитъ 1) отъ санскр. глагола *sur* — бросать копье, метать лучи, *sû* — бросать, метать. У Грековъ Аполлонъ богъ солнца и стрѣлометатель. — Огонь, лит. ugnis, лат. ignis, гот. aulins, гр. αἴγλη, посанскр. Agni — и огонь и богъ огня. Другое семейство словъ, выражающихъ тотъ же предметъ: гр. πῦρ, нѣм. feuer, фр. feu, отъ санскр. корня *pû* — очищать, сроднаго съ лат. purus: припомнить огонь, какъ очистительную стихію въ преданіяхъ многихъ народовъ. Этотъ корень, говоритъ Боппъ 2), есть словесный отецъ вѣтру и огню, кои оба представляются очистителями. Санскр. pavana — вѣтеръ, а соотвѣтствующее ему гот. fôna — огонь, что посанскр. pâvoka. Отношеніе готскаго fôna къ санскр. pavana тоже, что лат. mâlo къ mavolo, отъ коего оно произошло. Къ этому древнѣйшему періоду относится символическое сближеніе понятій въ словахъ однозвучныхъ: такъ египетск. sati и seté — змѣя, символъ солнца — слич. съ слѣдующими однозвучными: saté — splendere, flammeus esse, splendor, flamma, ignis; sat и sati — jacere, projicere, expandere: распространеніе свѣта; sati и saté — flèche, trait: лучи солнечные; saat — procedere, transire: періодическое теченіе солнца 3).

---

1) Смотр. Эйгофа Paral. des langu. de l' Eur. et de l' Inde. 148.

2) Bopp, Vergl. Gram. 124 и 125.

3) Goulianof, Archéologie Egyptienne, 1839, II, 279.

Съ основаніемъ Руси впоргаются къ намъ варваризмы: кто бы ни были Варяги—Славяне или Нѣмцы: во всякомъ случаѣ они принесли въ нашъ языкъ, чего не было въ немъ прежде. съ распространеніемъ Христіянства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницею, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковно-славянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется. Главное, надобно замѣтить то, что старинныя выраженія соотвѣтствуютъ старинному быту народному: отсюда необходимость изслѣдованія архаизмовъ въ связи съ русскими древностями. Такимъ образомъ къ архаизмамъ должно отнести всѣ старинныя выраженія, соотвѣтствовавшія древней русской жизни. Примѣненіе древнѣйшаго къ позднѣйшему составляетъ историческое движеніе архаизмовъ: такъ *стрѣлять* и *лукать* отъ стрѣлы и лука перенесли мы къ ружью, камню: стрѣлять изъ ружья, лукать камнемъ. Такъ баснословные зміи-чародѣи перешли въ названіе воинскаго снаряда: въ Соф. Вр. II, 417: и огненыя пушки и весь снарядъ, такоже и змѣй летячей, и змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша. Принятіе Христіянства неминуемо должно было совершить пе-

реворотъ въ значеніи многихъ словъ: такъ язычникъ отъ языкъ—народъ—получило значеніе идолопоклонника; нѣм. der Heide отъ двн. прилагат. heidan — принадлежащій народу (двн. heit, гот. haidus); gentilis отъ gens, paganus — изъ коего фр. payen, наше паганый—отъ pagus. Впослѣдствіи Христіянинъ перешло въ крестьянинъ. — Объ языкѣ должно сказать тоже, что о народныхъ историческихъ пѣсняхъ: какъ къ древнѣйшему преданію о Владимирѣ въ продолженіе столѣтій присовокуплялись различные историческіе факты, напр. Владиміръ воюетъ съ Татарами: такъ и къ чистой струѣ рускаго языка постоянно примѣшивался чуждый наплывъ; какъ одинъ и тотъ же герой въ продолженіи столѣтій дѣйствуетъ въ различныхъ событіяхъ народныхъ, и тѣмъ опредѣляетъ свой національный характеръ: такъ и языкъ, многіе вѣки примѣнялся къ самымъ разнообразнымъ потребностямъ, доходитъ къ намъ сокровищницею всей прошедшей жизни нашей.

Господствующее, центральное нарѣчіе не могло оставаться чуждымъ вліянія областныхъ: отсюда необходимость изслѣдованія провинціализмовъ.

Такимъ образомъ свое разсужденіе подраздѣляю на слѣд. отдѣлы: 1) языкъ народный, 2) архаизмы, 3) варваризмы, 4) провинціамизмы. Хотя всѣ эти стихіи тѣсно соединены въ живой рѣчи, однако наука для большей ясности требуетъ анализа. Словарь и Грамматика проводятся по всѣмъ этимъ четыремъ отдѣламъ: и тѣмъ присовокупляется

Стилистика къ Филологіи. Историческій же способъ изложенія всему долженъ дать строгій незыблемый характеръ науки. Каждый отдѣлъ заключается примѣненіемъ къ современнымъ писателямъ: такимъ образомъ прошедшее связывается съ настоящимъ, и теорія переходитъ въ практику.

Предпосылаю краткое обозрѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, соотвѣтствующее Синонимикѣ, подъ именемъ Ономатики: ибо я распространяю значеніе Синонимики, полагая основою оной историческое и сравнительное изслѣдованіе.

ОНОМАТИКА.

Ономатика 1) содержитъ въ себѣ: Генеалогію, т. е. указаніе корней и словъ производныхъ, съ первоначальнымъ ихъ значеніемъ; Тропологію, изслѣдующую переходъ первоначальнаго значенія къ переносному; и Синонимику, опредѣляющую сродство словъ по мысли, въ противоположность словопроизводству, подводящему къ одному началу слова, сродныя по корню.

Въ языкѣ нѣтъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, значащихъ рѣшительно одно и тоже, какъ двѣ капли воды. Даже слова лобъ и чело, глаза и очи, востpый и остpый, вѣнецъ и корона и др., при одинаковомъ значеніи, выражаютъ различные оттѣнки: здѣсь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинціализмами. Хотя опредѣленіе словъ авторитетомъ писателей весьма полезно, однако

1) Mager, Deutsch. Sprachbuch, 1842, 127.

недостаточно: ибо не рѣшается, на какомъ основаніи употребляетъ образцовый писатель то или другое слово. Потому что въ настоящее время болѣе обращаются къ сравнительнымъ и историческимъ Словарямъ, нежели къ Синонимикѣ. Примѣры на опредѣленіе Синонимовъ по употребленію можно найти въ Опытѣ Словаря Россскихъ Синонимовъ, составл. П. Калайдовичемъ, 1818; въ этой книгѣ, кромѣ въ первый разъ напечатанныхъ, собраны изслѣдованія: изъ Собесѣдника любит. рос. слова, 1783, изъ Иппокрены, IX, 1801, Сѣвернаго Вѣстника 1804 — 1805, изъ Сочин. и Перевод. Рос. Академ., 1806, II, изъ Журнала любителей рос. слова, изъ книги: Въ удовольствіе и пользу, 1812, изъ Сына Отечества 1814. Продолженіе Синонимики печаталось въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. Всего полезнѣе въ старинныхъ разсужденіяхъ о Синонимахъ — примѣры, особенно если они составлены писателями образцовыми: такъ въ объясненіе словамъ: основать, учредить, установить, устроить — Фонъ Визинъ 1) приводитъ слѣд. примѣръ: Въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный Судъ и *устроила* благочиніе.

Основаніемъ опредѣленію значенія словъ полагаю слѣд. начала:

1. Словомъ мы выражаемъ не предметъ, а впечатлѣніе, произведенное онымъ на нашу душу: такъ

1) Полное собраніе сочиненій 1830, IV, 51.

посанскр. слонъ называется *дважды пьющимъ*, *двузубымъ*, *снабженнымъ рукою* 1). Слѣд. синонимы должны опредѣляться не по предметамъ, ими означаемымъ, а по точкѣ зрѣнія, съ которой человѣкъ смотрѣлъ на предметъ при сотвореніи слова.

2. Впечатлѣніе предполагаетъ нѣчто дѣятельное, движущееся: потому большая часть словъ происходитъ отъ глагольныхъ корней: такъ тьма, сербск. тама отъ санскр. корня tam — помрачать; ночь отъ санскр naç — стирать, разрушать; грѣхъ отъ hri — pudore affici; lupus отъ lù — scindere, vellere, слич. славянск. лупежъ, лупежникъ — грабежъ, грабитель; вода, wasser, unda отъ und — fluere и пр. 2). Гердеръ почитаетъ корнями Еврейскихъ именъ — глаголы.

3. Значеніе словъ физическое древнѣе нравственнаго: напр. коловратный теперь значитъ непостоянный, измѣняющійся, прежде: вертящійся колесомъ: самострѣлы коловратными, Ипат. 226.

4. Физическое значеніе, ближайшее къ живому впечатлѣнію, первобытнѣе: такъ понятіе звука переходитъ въ понятіе цвѣта: напр. въ нѣм. нарѣчіяхъ: hëllan (sonare) hëll (sonorus, позднѣе lucidus), galan (sonare) gëlo (lucidus, flavus), gold (sonorum и lucidum), gëlp (strepens, потомъ coruscans) 3)

---

1) Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache I, CXII.

2) Pott, Etymol. Forsch. I, 209, 218, 242 и Ейгофа Parallèle des langues de l'Eur. et de l'Jnde, стр. 148 и слѣд.

3) Grimm, Deutsh. Gram. II, 86 и 87.

и пр. Для объясненія слич. наше быстрый съ сербск. бистар., значащимъ прозрачный, свѣтлый, чистый, напр. о водѣ.

5. Со временемъ живое значеніе слова теряется: впечатлѣніе забывается, и остается только одно отвлеченное понятіе; потому — возстановлять первобытный смыслъ словъ значитъ возобновлять въ душѣ своей творчество первоначальнаго языка.

6. Съ перваго листа Библіи видно, какъ высоко и многозначительно слово: И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою. *И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь*, Быт. I, 3 — 5. И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя, и вся птицы небесныя: и приведе я ко Адаму, видѣти, *что наречетъ я. и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе* ***имя*** *ему*. Быт. II, 19.

1. Слово, поэзія, чародѣйство, знаніе и пр.

Глубокій разумъ словъ въ языкахъ народовъ даже необразованныхъ даетъ знать о высокомъ происхожденіи языка. Таже творческая сила, которая непрестанно дѣйствуетъ въ природѣ вещественной, создала и языкъ устами цѣлаго народа, ибо: гласъ народа гласъ Божій.

Христіянство даетъ величайшее значеніе Слову, какъ воплощенію Бога. И язычники сознавали таинственное происхожденіе рѣчи и ея высшую

силу. Такъ слова: баяшь, говоришь, шепшашь, вѣщашь означаютъ ворожбу, чародѣйство, пророчество: обаяніе, заговоръ, нашептываньe, вѣщунъ.

Къ значенію чародѣя присоединялись поняшія мудреца, поэша, правовѣдца, писца и чшеца, лѣкаря.

Слово *вѣщій* опъ вѣш (от-вѣшишь, при-вѣшишь) значишъ умнаго, хишраго въ эпишешѣ Олегу: „и приде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю, несый злашо, и паволокы, овощь, и вина, и всяко узорочіе; и прозваша Олга Вѣщій: бяху бо людіе погани и невѣгласи.“ (Соф. Врем. I, спр. 22). Опсюда видно, чшо *вѣщій* или принималось въ спаринныя времена за названіе богопропивное, по мнѣнію хрисшіанъ, ибо его придавали, какъ прозвище, люди паганые, язычники, по своему невѣжеспву: или же означало какое нибудь поняшіе слишкомъ возвышенное, непривичное лицу языческому.

Вѣщій значишъ и поэша: попому поэшъ Боянъ въ Сл, о П. И. называется вѣщимъ. Вѣшія (вм. вишія опъ вѣш) въ древнемъ языкѣ поэшъ: „якоже Испорици и Вѣшія, рекше Лѣшописьци и Пѣсношворци,“ говоришъ Кириллъ Туровскій (Памяшн. Литер. XII в. спр. 74). Такъ какъ проповѣдникъ почелъ нужнымъ объяснишь для своихъ слушашелей слово Вѣшія, шо слѣдуешъ заключишь, чшо значеніе его въ XII в. между народомъ было уже не ясно. Съ поняшіемъ поэша соединялось значеніе колдуна: попому *вѣшьство*, спаринное слово, означаешъ колдовспво. (Карамз. И. Г. Р. I, пр. 506); въ глос-

сахъ Mater verborum: чешское wěštba—по переводу Юнгмана wahrsagerei: veschi (lege: wěšcby), vaticinia, poëtarum carmina. Отъ сербскаго *вјешт*, по переводу Караджитя: der es versteht, geschickt, peritus—происходятъ: вјешшина—die geschicklichkeit, scientia; віешшац и віешшица—ш. е. колдунъ и колдунья. Равнымъ образомъ и баяшь—кромѣ колдовства, напр. сербск. бајање—incantatio, бајалица—колдунья, русск. баáльникъ—переходитъ въ значеніе стихотворитъ: шакъ въ чешкомъ языкѣ уже въ началѣ XIII в. (1202 г.), въ глоссахъ Mater verborum: baje, baie, fabulas, mitos. Отсюда въ чешск. языкѣ: bagiť—поэшъ, bágenj—замышленіе. Сказка, басня, повѣсшь. Слич. у Пушкина: Русалкѣ, вѣщей дочери моей, и: словами вѣщаго поэша, въ IX шомѣ, стр. 96 и 462.

Начало закона теряется въ испоконныхъ преданіяхъ и обычаяхъ доисторическихъ, освященныхъ благоговѣніемъ. Народъ вѣритъ закону, ибо признаетъ его высшее, божественное происхожденіе, видитъ въ немъ завѣтъ отъ временъ незапамятныхъ 1). Потому древнѣйшія юридическія названія имѣютъ связь съ понятіями волшебства и поэзіи. Въ Судѣ Любуши (IX вѣка) сказано о двухъ дѣвахъ—судьяхъ: Vyučenĕ věščbam vitiezovym, въ изданіи Шафарика и Палацкаго (Die ält. Denkmäl. d. Böhm. Spr. стр. 41 и 46) переведено шакъ: edo-

1) Смотр. О поэзіи въ правѣ Я. Грамма въ Zeitschrift fur geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. 2-er B. 1816.

ctae scientias judiciales—unterrichtet in den Richter-Sprüchen. Слѣд. значеніе вѣщаго распространяется и на право. Отсюда ясно, почему отъ корня вѣш происходитъ вѣче — народное собраніе, и повѣтъ, область, подлежащая суду, вѣденію закона. Переходъ понятія о гаданіи и стихотвореніи къ понятію о формулѣ закона очевиденъ въ латинскомъ carmen: напр. Livius I, 10. lex horrendi carminis. 1, 13. verba carminis. III. 32. rogationis carmen.

Всеобщее преданіе даетъ древнѣйшему періоду письменности характеръ чудеснаго и сверхъестественнаго. Какъ во времена христіянскія переписать книгу считалось дѣломъ богоугоднымъ, такъ и во времена языческія чтеніе и письмо сопровождались понятіемъ о колдовствѣ: что очевидно изъ свидѣтельства Черноризца Храбра (въ половинѣ XIII в.): „прежде оубо Словяне не имѣхѫ писмен. нѫ чрѣтами и нарѣзнми чтѣхѫ и гадахѫ. еще сѫщи погани,“ (Ж. М. Н. П. 1843, Іюнь, стр. 147). Слѣд. Славяне язычники гадали чертами. А слово черта—почешск. čára, čárca, вмѣстѣ съ словами черный и чертъ 1), происходятъ отъ чаръ, чары—чародѣйство. (Корнесловъ Шимкевича II, стр. 119, Добровскаго Гр. яз. сл. I, 117 и 223).

Язычество распространяло чарованіе и на врачебное искусство. Потому наше лѣкарь, отъ кор-

1) Я. Гриммъ въ своей Нѣмецкой Миѳологіи на стр. 556 почитаетъ слова черный и чертъ одного корня. А черкать, чертить очевидно происходятъ отъ чер-ный.

ня лѣк, лек (remedium), сродно съ нѣмецкими (mhd.) lâchenoere, lâchenoerinne—волшебникъ, волшебница, (Deutche Mythologie, von Grimm. стр. 668). Заговаривать значитъ не только очаровывать, но и укрощать болѣзнь. Знахарь—вѣщь и колдунъ, и мудрецъ, и лѣкарь.

2. Вещь.

Всякій предметъ существуетъ для человѣка только тогда, когда онъ имъ сознается, когда входитъ въ его мысль и выражается словомъ. Мысль есть основная сущность вещи: потому въ языкахъ названіе вещи происходитъ отъ словъ мыслить, вѣщать. Такъ нѣмецк. ding отъ denken 1); sache отъ sagen; польское rzecz (res) отъ рещи; и наше вещь, можетъ быть, отъ вѣщать, вѣт. (Добровск. Гр. яз. сл. I, 103).

3. Міръ.

Совокупность всего существующаго выражаемъ мы словами: свѣтъ, міръ. Какъ κόσμος собственно означаетъ міръ устроенный, въ мѣру приведенный, и mundus—міръ украшенный, чистый и свѣтлый; такъ и наше *свѣтъ* первоначально означаетъ блистаніе, освѣщеніе, и потомъ уже все открытое, подлежащее свѣту солнечному. Отсюда выраженіе: издать въ свѣтъ—обнародовать. Съ понятіемъ свѣта, равно какъ и дня, соединяется нѣчто божеское:

1) Hegel's Wissenschaft der Logik 1833 I, стр. 29.

общаго поговорки: свѣту божьяго не видать; выдти на свѣтъ божій: каждый божій день: но—надобно замѣтишь, что божья шьма, божья ночь—не вошли въ поговорку. Словомъ свѣтъ выражаемъ мы нѣжное чувство любви, привязанности: общаго эпитеты свѣтъ, свѣтикъ. Напротивъ того въ древнемъ египетск., еврейск. и арабск. корень слова, означающій вселенную, переходитъ въ значеніе понятій зла, тлѣнія, осквернения, зловонія 1). Слово міръ менѣе употребляется между народомъ въ смыслѣ вселенной: за то получило характеръ нравственный, означая общество, сборище людей: мірская сходка, рѣшить міромъ, ходить по міру. Любопытно замѣтишь, что Я. Гриммъ сближаетъ міръ съ словами миръ и мѣра. (Deutsche Mythologie, стр. 458).

4. Пространство и время.

Переходъ понятія времени къ понятію мѣста, замѣченный Я. Гриммомъ въ языкѣ нѣмецкомъ (Deutsche Mythologie, стр. 457; двн. wer-alt, свн. werlt, отъ конхъ welt, первоначально значитъ menschenalter), виденъ въ словѣ *свѣтъ*, которое въ книгѣ Ездры стоитъ вм. вѣкъ: создалъ еси свѣтъ—creasti seculum, сотворен бысть свѣтъ—creatum est seculum 6. 55 и 59. (Добровск. Гр. яз. сл. I. 175.) Переходъ значенія мѣста къ значенію времени сохраняется въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, какъ напр.: и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новѣгородѣ, Новг.

1) Goulianof, Archéologie Egyptienne, 1839, II, 445 — 452.

лѣт. 140, — покамѣстъ, часъ мѣста. Такъ какъ время и мѣсто равно подлежатъ измѣренію: потому одна и таже мѣра иногда принимается въ языкѣ для означенія и пространства — верста, и времени: Князь Андрѣй отъ млады верьсты Христа возлюбивъ, Ипат. Ш. еще унъ сый верстою, но совершенъ умомъ, Пск. лѣт. стр. 44.

Слово время можетъ быть произведено отъ глагола врѣть, врѣти, означающаго кипѣть, испускать изъ себя жидкость, источать, кишѣть, копошиться во множествѣ. Время есть общее понятіе для словъ годъ, часъ: ибо година у насъ значитъ вообще время, а у Поляковъ часъ; въ Остром. Ев. тоже зн. часъ: и наоборотъ попольски часъ значитъ вообще время; въ нашихъ древнихъ памятникахъ годъ знач. просто пору, время: мразъ поби обиліе (жито) въ жатвеныи годъ, Новг. лѣт. 112. въ годъ вечерній, Ипат. 130. во вторникъ въ торговъ годъ. И. Г. Р. III, пр. 330. А часъ въ смыслѣ поры, времени и теперь у насъ употребляется. Равномѣрно и вѣкъ вмѣсто извѣстнаго, нѣкотораго продолженія времени. Слѣд. обозначеніе извѣстной мѣры времени словами годъ, часъ — есть случайное. Существенное, внутреннее сходство этихъ словъ состоитъ въ томъ, что они происходятъ отъ глаголовъ, означающихъ ожиданіе, угожденіе, надежду, замедленіе. Тако годъ одного корня съ годить, ждать (г измѣняется въ ж.), а часъ происходитъ отъ чаять. Понятіе о времени переходитъ къ понятію о счастіи, удобствѣ, добротѣ. Потому слова:

безвременье, незгода или невзгодье, годный; отъ пора — спорый, въ пору: въ этомъ послѣднемъ выраженіи съ значеніемъ времени соединяется значеніе мѣры, соразмѣрности. Доба въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ знач. пора: отсюда доб-рый, у-доб-ный, з-доб-ный, по-доб-ный: послѣднее слово прежде означало достойный: подобна еси царствовати въ градѣ с нами, Лѣт. Несп. по Лавр. сп. 32. отсюда преподобный.

Названія временъ года также переходятъ отъ одного значенія къ другому: такъ лѣто означаетъ и вообще годъ, а въ нѣмецк. языкѣ переходитъ къ понятію весны: lenz; и наоборотъ нѣмецк. jêr, jâr (annus) переходитъ къ значенію весны — въ нѣкоп. слав. нарѣч. jar, jaro (отсюда яровой хлѣбъ), въ греч. ἔαρ, въ лат. ver. (Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 436).

5. *Душа, жизнь.*

Отъ стихій природы вещественной переходитъ понятіе къ природѣ духовной въ словѣ духъ, воздухъ, отъ глагола дую. Духъ первоначально имѣетъ значеніе самой тончайшей матеріи и движенія оной: воздуха, вѣянія, теплоты, запаху: какъ отъ дуть — духъ, такъ отъ пахаю, пашу — запахъ. Потомъ воспріятіе и испущеніе воздуха легкими выражается словомъ того же корня дых-аніе. Дыханіе есть признакъ жизни: оттуда задушить, удушить, душегубецъ, издохнуть. Существо безплотное называется духъ, ибо симъ словомъ выражается и въ

природѣ вещественной самая нѣжная матерія. Духъ, вдохнутый въ животное: душа. Какъ этимологически душа происходитъ отъ духъ, такъ и психологически. Названія многихъ предметовъ дѣйствующихъ отличаются отъ названій предметовъ, подлежащихъ дѣйствію, тѣмъ, что первыя рода мужескаго, вторыя — женскаго: потому духъ муж. род., душа женск. По мнѣнію народа душа присутствуетъ въ горлѣ и груди: потому душа значитъ часть тѣла нѣсколько пониже горла; оттуда одѣяніе, покрывающее верхнія части тѣла — душегрѣйка. Этимъ объясняется и повѣріе въ Словѣ о Полку Игоревѣ: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. — Этимъ же объясняется и пластическій образъ въ томъ же словѣ: вѣютъ душу отъ тѣла. Слич. въ Соф. Вр. II, 333, о смерти В. К. Василія Іоанновича: и видѣ Шигона духъ его отшедше аки *дымець малъ*. Различіе духа и души въ Ипат. 220: позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души.

Болѣе матеріальное понятіе о бытіи выражается словомъ жизнь, отъ гл. жить; ибо животъ зн. не только жизнь, но и abdomen, какъ источникъ жизни, и имѣніе, достояніе, какъ средства жизненныя. Славяне и сердце почитаютъ средоточіемъ жизни: такъ подревански или полабски сердце называется животокъ (seiwóatak) т. е. маленькій abdomen, Dobr. Slovanka I, 15. Глубокое понятіе о жизни выражается словомъ воскресить;

ибо кресить значитъ и оживить, и высѣчь огонь изъ кремня огнивомъ (Шимкевича Корнесл. I. 117.)

6. Познавательная способность, чувства, искусство, наука.

Для выраженія познавательной способности и дѣйствій ея мы употребляемъ слова: умъ, разумъ, разсудокъ, сужденіе, понятіе, мысль и друг. Отличіе ума отъ разума особенно замѣтно въ прилагательныхъ и глаголахъ: умный можетъ быть и звѣрь, умѣть можетъ и звѣрь; но быть разумнымъ и разумѣть не можетъ. Умѣнье бываетъ и механическое, отъ навыку: разумѣнье предполагаетъ познаніе того, что дѣлаешь. Можно умѣть что нибудь дѣлать, и не разумѣть, почему такъ дѣлаешь. Отсюда видно превосходство разума (vernunft) надъ умомъ (verstand): потому пословицы: умъ безъ разума бѣда, умъ за разумъ зашелъ 1). Такъ какъ обѣ эти способности въ человѣкѣ соединяются, потому и языкъ нашъ соединяетъ оба эти слова въ выраженіи: умъ-разумъ. Очевидно, что развъ словѣ разумъ имѣетъ смыслъ увеличенія, превосходства, какъ въ словахъ: тонкій растонкій, расхорошій. Смыслить означаетъ меньшую степень разумѣнія; отсюда: ничего не смыслитъ — сильнѣе, нежели: ни чего не знаетъ, не понимаетъ. Смыслъ имѣетъ два значенія; субъективное — смыслъ въ

1) Противоположное этому мнѣніе смотр. у Фонъ Визина въ IV-й части сочиненій 1830 г. стр. 64.

головѣ человѣка, человѣкъ со смысломъ, смышленый; и объективное — напр. смыслъ басни, слова, т. е. внутреннее значеніе. Совокупность этихъ обоихъ значеній составляетъ понятіе слова смыслъ, происходящаго отъ мысль. Судить выражаетъ болѣе практическую, примѣнительную способность: отцого судъ, судья. Сужденіе предполагаетъ какія либо двѣ стихіи для своей дѣятельности: потому, въ словѣ разсудить, раз означаетъ дѣленіе, разложеніе на составы. Сличить слово urtheil, означающее понятіе о первоначальномъ дѣленіи 1). Напротивъ того „понятіе“ выражаетъ дѣйствіе совокупляющее, собирающее: ибо происходитъ отъ по и ять (брать). Человѣкъ изслѣдуетъ и испытываетъ предметы посредствомъ чувствъ. Чуять знач. слышать и обонять: чутье. Слухъ происходитъ, можетъ быть, отъ слую (Добровскаго Грам. яз. сл. I, 181.), и слѣдовательно одного корня съ „слово.“ Слухъ въ смыслѣ молвы, славы подкрѣпляетъ эту догадку. Такимъ образомъ въ нашемъ языкѣ выражается глубокая мысль о соотвѣтствіи между органами слова и чувствомъ слуха: а на этомъ то соотвѣтствіи и основывается благозвучіе слова. Такое же соотвѣтствіе между чувствомъ и подлежащимъ чувству является въ словѣ обоняніе (об-воняніе), отъ воня, запахъ. Потому обонять прежде употреблялось вмѣсто благоухать: благодаряше Бога въ скорбехъ, и къ тому же своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни обо-

1) Hegel, Encyclopadie, 1840, I, 326.

няющъ (т. е. благоухающъ) представляя. Патер. житіе Симона Еписк. Благороднѣйшее изъ чувствъ есть зрѣніе: потому видѣть и вѣдать, можетъ быть, одного корня, и столь же родственны какъ греч. ἰδεῖν съ εἰδέναι (Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 70). Чувства грубѣйшія суть осязаніе (о-сязать, до-сягать, по-сягать) и вкусъ (кусать, кушать). Замѣчательно опять соотвѣтствіе между силою чувства и подлежащимъ оной: вкусъ и искусство (ис-кус-ство) происходятъ отъ одного корня кусити (санскр. куш experiri). Съ понятіемъ искусства соединяется мысль объ обманѣ, прельщеніи, что видно изъ родственныхъ съ нимъ словъ: искусить, искуситель, искушеніе. Такимъ образомъ самый языкъ показываетъ, что поэзія и искусство являютъ миѳологическую, демоническую сторону жизни народной: прелестный первоначально знач. обманчивый; хотя красный имѣетъ смыслъ добрый— красное солнце, т. е. прекрасное, однако его синонимъ червонный, чермный одного корня съ червь 1), подобно слову гадать, можетъ быть, сродному съ гадъ (serpens) 2). Художество отличается отъ искусства происхожденіемъ отъ слова цс. худогъ — смышленый, умный, мудрый, искусный: „кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и мудрости,“ Іаков. 3, 13. Слич. польское chędogi—по переводу

1) Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 444.

2) Ходаковскаго Историческая система въ Рус. Ист. Сборн. 1838, кн. 3.

Линде—sauber, schön, zierlich. Чувствами мы испытываемъ предметы. Испытать происходитъ отъ пытать—спрашивать: слѣд. опытъ есть обстоятельный (о, об-) вопросъ (-пытъ): опытомъ и наблюденіемъ добываетъ человѣкъ знанія: испытаніемъ и искушеніемъ вкусилъ онъ отъ плода древа познанія добра и зла. Любопытно то, что слово качество, одного корня съ частицами вопросительными: какъ—кач-е-ство. Слѣдовательно мы узнаемъ предметъ сначала по его качеству, по свойству: отъ того то мы и называемъ предметъ по тому признаку, какой въ немъ замѣтимъ, напр. горница отъ горній, свѣтлица отъ свѣтлый Свойство есть принадлежность предмета, его исключительная собственность, ему сродная: ибо своéйство и свойствó происходятъ отъ свой. Слич. въ Толкованіи неудобь познаваемымъ рѣчамъ, у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. стр. 196: качьство, естество, *каковому* есть; свойство, что имать что *особно*. Свойство отличается отъ признака тѣмъ, что свойство выражаетъ понятіе объективно, т. е. какъ принадлежность предмета, безъ отношенія къ силѣ познающей; а признакъ означаетъ субъективное воззрѣніе наше на свойства предмета: т. е. какъ умъ нашъ признаетъ (при-знакъ), чѣмъ обозначаетъ для себя этотъ предметъ. Качество же, происходя отъ частицъ вопросит. и относит., занимаетъ средину между понятіями свойства и признака: т. е. отношеніе познающей способности къ свойствамъ предмета познаваемаго. Цѣль познанія, изслѣдованія о

предметѣ — есть истина. Это слово происходитъ отъ мѣстоименія истый (Добровскаго Гр. яз. сл. I. 130), означающаго *тотъ же самый.* Отсюда видно, что подъ истиною мы разумѣемъ совершенное сходство нашей мысли съ предметомъ мыслимымъ, т. е. когда мы думаемъ о предметѣ то самое, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Думаютъ, что истый не коренное слово и не родственно латинскому iste (ибо оно состоитъ изъ is и te), а происходитъ отъ глагола есмь, есть. (Шишкевича Корнесловъ I, 91). Свѣденія, приведенныя въ порядокъ, составляютъ науку. Это слово происходитъ отъ *укъ*, которое встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и у Карамзина въ И. Г. Р. въ сложномъ словѣ ново-укъ, означающемъ непривыкшаго, неопытнаго: напр. утверждалъ, что мы новоуки въ христіанствѣ, ИГР. IX. стр. 362. Укъ одно и тоже, что вык: что очевидно напр. изъ словъ пріучить и привыкнуть. Потому первоначально наука и привычка сближались своимъ значеніемъ: это подтверждается старинными словомъ наукъ, смыслъ коего стоитъ между наукою и навыкомъ: напр. письмо Василью въ наукъ пошло. пѣнье Василью въ наукъ пошло. грамота ему въ наукъ пошла. (Древн. Русск. Стих.) Слѣд. слово наука у насъ выражаетъ отношеніе предмета познаваемаго или изучаемаго къ субъективности познающаго. Понятіе же о системѣ не входитъ въ смыслъ этого слова. Систематическое изложеніе есть уже сочиненіе, отъ слова чинъ—порядокъ. Сличить строеніе отъ строй—тоже порядокъ.

7. Понятія нравственныя, правда, вѣра, блаженство.

Все непреложно истинное есть вмѣстѣ и правосудно и благо. Равномѣрно и все праведное есть истинно: потому вм. истина мы иногда употребляемъ слово правда. Замѣчательно, что въ самомъ языкѣ таится понятіе о синонимахъ: такъ народная рѣчь совокупляетъ слова: умъ-разумъ, правда-истина. Слѣдовательно въ понятіяхъ народа представленіе о правдѣ неразлучно съ представленіемъ объ истинѣ. Но правда отличается отъ истины уже самымъ производствомъ отъ правый, коему противоположно виноватый; означаетъ справедливость, въ противоположность кривдѣ, и законъ вмѣстѣ съ исполненіемъ, судный обычай. Отсюда Русская Правда. Правда, какъ понятіе нравственное, стоитъ выше истины: что видно изъ словъ праведникъ, праведный — т. е. Святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною съ дѣлами добрыми. Потому-то правда называется Святою, Божіею. Слич. пословицу: все минется, а правда остается 1). Въ глоссахъ Mat. Verb. правда объясняется такъ: fas, lex divina est; и отличается отъ *право:* ius est humanum. Въ подобномъ же отношеніи истина стоитъ и къ вѣрѣ. Вѣра по производству своему имѣетъ значеніе истины, ибо одного корня съ лат. verus, нѣм. wahr; въ

1) Въ Юридическихъ Запискахъ, статья Снегирева стр. 267, томъ II.

глоссахъ Музейной Псалтири (XII в.): viera veritas. Но въ употребленіи стоитъ выше истины, означая окончательное убѣжденіе въ истинѣ: сличить слова увѣренность, повѣрка, вѣрно, въ смыслѣ безошибочно. Кромѣ того вѣра, какъ и правда, имѣетъ нравственное значеніе: вѣрный рабъ — т. е. не только не обманываетъ, но и любитъ своего господина: отсюда довѣренность, вѣрность. Слѣдовательно въ словѣ вѣра къ понятіямъ истины и правды присоединяется понятіе любви.

Заблужденіе съ прямаго пути (отъ правды къ кривдѣ) есть блудъ — въ смыслѣ грѣха вообще: отсюда заблудиться, блуждать 1). Гезеній, въ Lexicon Manuale, цитуетъ ἁμαρτάνω, которое Гомеръ употребляетъ о стрѣлѣ, не попавшей въ цѣль. Грѣхъ (санск. hri—pudore affici), равно какъ и срамъ, стыдъ, означаютъ внутреннее чувство согрѣшившаго; а порокъ — отъ порекать, ругать — дурную молву людей о согрѣшившемъ.

Сила нравственная, двигающая дѣйствіями человѣка, называется волею. Значеніе этого слова стоитъ въ связи съ понятіями власти, приказанія: съ глаголомъ волить сродны: велѣть, повелѣть. Замѣчательно, что мысль о владѣніи выражаемъ мы двумя такими словами, изъ коихъ значеніе одного относится къ понятіямъ силы нравственной, а другаго къ пониманіямъ силы умственной: а именно править, управлять—отъ правый, и вѣдать: напр. въ

2) Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 445.

Полтавѣ Пушкина: спокойно вѣдалъ онъ Украйну. Человѣку дана воля свободная: потому слово воля значитъ и свободу: напр. твоя воля, т. е. ты свободенъ, дѣлай что хочешь. Отсюда вольный—свободный. Съ волею не надобно смѣшивать хотѣнія и желанія. Хотѣніе ниже желанія, и направляется болѣе къ предметамъ чувственнымъ: нельзя сказать: желаю ѣсть, пить, а говорятъ: хочу ѣсть, пить. Отсюда похоть. Съ желаніемъ соединяется понятіе ожиданія, привязанности, благосклонности, любви къ ближнему: желать кому чего, желанный, вожделенный. Любовь понимаемъ мы въ смыслѣ чувства свободнаго, подлежащаго вольному избранію: потому любой зн. какой угодно; сличи. санскр. lubh, lóbhitum —cupere, desiderare; лат. libet, lubet; нѣм. er-lauben. Милость попольск. зн. любовь; милый также переходитъ въ значеніе чувства нравственнаго, сострадавія, благосклонности въ словѣ милость. Какъ истина есть цѣль умствованія, такъ благо есть цѣль дѣйствіямъ воли человѣческой. Какъ за правду человѣкъ становится праведникомъ, такъ и за благо награждается свыше. Потому благой значитъ вмѣстѣ и добродѣтельный и счастливый, отсюда блаженный, блаженство. Блаженство есть самая высшая степень счастія, какъ награда за добро: только благой, добрый можетъ быть блаженнымъ; счастливъ же бываетъ и злодѣй. Счастье предполагаетъ нѣчто случайное, извнѣ пришедшее: происходитъ отъ часть (жребій); слѣдовательно никакъ не можетъ употребляться вмѣсто блаженство.

8. Судьба.

Для означенія провидѣнія употребляемъ мы слова судьба, рокъ, промыслъ. Судьба, отъ судить, выражаетъ понятіе суда, обдумыванія и расправы: первоначально, вѣроятно, имѣло смыслъ фаталізма, что видно изъ словъ суженый, суженая. Судъ принимается въ смыслѣ смерти; напр. въ Словѣ о Полк. Игор.: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; въ Духовной Владим. Моном.: братчю моему судъ пришелъ; въ Екклес. XI, 10: приведетъ тя Богъ на судъ. Рокъ, отъ реку, какъ лат. fatum отъ fari, означаетъ приговоръ, рѣшеніе судьбы. Понятіе о провидѣніи болѣе снисходительное и для человѣка утѣшительное выражается словомъ промыслъ. Происходя отъ про-и мыслить, оно означаетъ предупредительную заботу и попеченіе. Любопытно въ этомъ словѣ наивное сближеніе понятій о судьбѣ и ремеслѣ: ибо промыслъ значитъ и то и другое.

9. Богъ.

Значеніе и производство слова богъ по Юнгману 1): „cf. sanscr, bhaga=felicitas, excellentia, item omnipotentia, summa, divina potestas; bhagah = sol; bhagja=fortuna secunda; cf. pers. bakt=fatum, bona fortuna, item bag=felix, prosper, in nom. pr. Bagapates=felix dominus; armen. pakt=felicitas; cf. nostr.

1) Slownjk cěsco-německý. 1, 200.

(т. е. чешскія) ubohý, nebohý, bohatý; cf. graec, βου, quod significatum auget, igitur praestantiam denotat; cf. phryg. βωγαιον=deus."

НАРОДНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Народный языкъ принимаю я въ противоположность теперешней рѣчи письменной и употребляющейся въ кругу людей болѣе или менѣе образованныхъ. Въ недавнее время возродившееся стремленіе къ національности возвысило цѣнность народнаго языка. Онъ относится къ языку образованному точно такъ же, какъ самородная литература къ образованной науками и вліяніемъ чужеземнымъ: и какъ теперь нельзя намъ отрѣшиться отъ общеевропейскаго просвѣщенія и сосредоточиться только въ своемъ быту, такъ невозможно и народный языкъ во всей его цѣлости возвесть на степень языка письменнаго, ибо мы принуждены выражать многія понятія, стоящія внѣ круга народной мыслительности. Судей народному языку можно раздѣлить на двѣ стаціи: одни не только равнодушны къ нему, даже его презираютъ; другіе полагаютъ въ немъ все спасеніе нашей литературы. Но есть надежда, что современемъ спадетъ чѣпорная важность съ первыхъ, когда перестанутъ слишкомъ завидовать мужикамъ и послѣдніе.

Изученіе народнаго языка не исключаетъ необходимости другихъ стихій нашей рѣчи, вопервыхъ уже и потому, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы постоянно сливается онъ съ

варваризмами, съ реченіями церковнославянскими, и пр. Органическая жизнь, которою проникнутъ онъ, даетъ ему характеръ предмета, имѣющаго полное право взойти въ область Филологіи, тѣмъ болѣе, что сочувствіе къ нему мало по малу теряется, такъ что для многихъ этотъ по преимуществу родной языкъ сталъ вовсе чуждымъ.

Филологически началъ разработывать нашу народную литературу Снегиревъ въ своихъ сочиненіяхъ: Рускіе въ своихъ пословицахъ, IV части, 1831—1832, и Рускіе простонародные праздники и обряды, IV выпуска, 1837—1839. Я съ своей стороны ограничиваюсь Древними Россійскими Стихотвореніями, обращая преимущественное вниманіе на украшенный синтаксисъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить нѣкоторые идіотизмы русскаго языка.

1. Тавтологія.

Тавтологія придаетъ рѣчи бо́льшую силу и одушевленіе, или повтореніемъ одного и того же слова, или совокупленіемъ двухъ и трехъ подобозначащихъ. Она весьма употребительна и въ другихъ языкахъ, особенно въ рѣчи безыскусственной, первобытной: такъ Я. Гриммъ въ Deutsche Rechtsalterthümer (стр. 13) приводитъ множество выраженій тавтологическихъ изъ древнихъ памятниковъ нѣмецкаго права. Тавтологія одного языка отличается отъ тавтологіи другаго тѣмъ, что въ одномъ она принята одними словами и понятіями, въ другомъ—другими. Слѣдовательно, чтобы изучить тавтологію русскую

надобно знать тѣ выраженія, въ коихъ она употребляется. Такъ какъ можетъ повторяться или одинъ и тотъ же звукъ, т. е. одинъ и тотъ же корень, или одно и тоже понятіе въ нѣсколькихъ синонимахъ: то и тавтологія можетъ быть или въ звукахъ и корняхъ, или въ понятіяхъ: т. е. или тождесловіе, или подобословіе.

Повтореніе одного и того же звука состоитъ въ томъ, что берется одинъ корень, и отъ него производятся два слова, или глаголъ и существительное, или существительное съ прилагательнымъ и т. п. Повтореніе можетъ быть: въ опредѣленіи: святой святынѣ приложится 167. старину стародавную 315. молодымъ молодицамъ на перенимание 283. Въ дополненіи: а поносъ понесла и дитя родила 45. шутку шутитъ 254. Сыгритъ сыгралъ Царяграда 132. Въ обстоятельствахъ: золотомъ золотилъ 272. черные вороны табуномъ табунились 288. перекрестился крестомъ своимъ 343. въ полонъ полонитъ 243. какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ 212. Въ подлежащемъ и сказуемомъ: шуточка пошучена 99. послы поздоровались, „какъ послы послуются 126. подпись подписана 171. Эта тавтологія въ отношеніи къ слѣдующимъ можетъ быть названа одночленною.

Тавтологія въ совокупленіи словъ подобозначащихъ бываетъ двухчленная и трехчленная. Двухчленная: колыбель люльку дѣлали 293. глубопа глубопа океанъ море 1. чтобы видѣть при пути

дороженьки 256. кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою 90. я сама дѣвица знаю вѣдаю 209. про то не знаешь не вѣдаешь 50. а и жилъ былъ богатый гость 13. Трехчленная: съ кѣмъ побиться подраться порашиться 260. 388. Изъ нѣкоторыхъ выраженій видно, что трехчленная есть развитіе двухчленной, прибавленіемъ къ сей послѣдней третьяго понятія, а именно: а и смилуйся смилосердися, „смилосердися покажи милость 277. она съ вечера трудна больна, „съ полуночи недужна вся 14. осталося житье бытье богатество 345. журить бранить, его на умъ учить 74.

Тавтологія можетъ осложняться слѣдующимъ образомъ: или между синонимами вставляются другія слова: божился добрый молодецъ ратился 372. чѣмъ мнѣ-ко будешъ князя дарить, „чѣмъ свѣта жаловати 3. Или тавтологія распространяется на цѣлыя предложенія, притомъ двоякимъ образомъ: или части предложеній соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ синонимы: а утоптана права, уполочена мурова 305; или кромѣ этого соотвѣтствія синонимическаго въ каждомъ предложеніи еще соотвѣтствіе звуковое: суженое пересуживаешь, „ряженое переряживаешь 141. суды разсуживаетъ „и ряды разряживаетъ 31. Или, когда говорится о какомъ лицѣ, въ одномъ предложеніи имя, а въ другомъ отчество: отчество соотвѣтствуетъ имени, синонимъ синониму: нонѣ Настасья просватана, „душа Дмитревна запоручена 137. Къ тавтологіи предложеній относятся и слѣдующія: становился

стоянь Персидскій посолъ 109. становилъ стоянь молоду жену 100. Здѣсь тождесловіе между предложеніемъ придаточнымъ и главнымъ.

2. Описаніе.

Отъ тавтологіи слѣдуетъ отличать форму описательную, которая состоитъ въ томъ, что понятіе выражается не однимъ словомъ, ему соотвѣтствующимъ, а нѣсколькими, кои всѣ вмѣстѣ взятыя замѣняютъ одно слово. Такъ вмѣсто стóитъ: а куяку и панцырю *цѣна стоитъ* на сто тысячей 203. а куяку и панцырю *цѣна лежитъ* три тысячи 23. Вмѣсто скакать: ускоки давать конные 56. Вмѣсто зашипѣлъ: онъ шипъ пустилъ позмѣиному 59. Потрудился: что много трудовъ за ихъ положилъ 176. При этой фигурѣ надобно обращать вниманіе на глаголы описывающіе. Такъ описанія съ глаголомъ держать: у себя на умѣ держитъ 39, думаетъ.—въ томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица 94, почиваетъ.—отвѣтъ держитъ ей князь Романъ 368, отвѣчаетъ.—и жену то во любви держалъ 15, любилъ: а страдательный залогъ этого глагола выражается другимъ описаніемъ: когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла 306. Съ глаголомъ водить: не наведи на гнѣвъ князя Владиміра 234. танцы водить 386. приведите, казаки, меня въ вѣру крещеную 108. пиръ навеселѣ, повелъ столы на радостяхъ 38. Вмѣсто пировать употребляется еще описаніе: поднимали пирушку великую 12. Съ глаголомъ чинить: вражбу чинить

48. поѣздку чинятъ 160. обѣдъ чинила 29. у нихъ драка сочинилася 109. Иногда описаніе соединяется съ тавнологіею: съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился — поперекъ словечка не говаривалъ 72.

Выраженіямъ описательнымъ противополагаются въ нашемъ языкѣ краткія предложенія, въ коихъ глаголъ, или прилагательное замѣняются равнозначительнымъ имъ существительнымъ: то похвальба Маспрюку 41—т. е. тѣмъ онъ похваляется. ему вѣра поборотися есть 39—т. е. онъ вѣритъ. у Добрыни вѣжество рожденное и ученое 234. и тамъ быть имъ не въ выдачѣ 336—т. е. ихъ не выдадутъ. быть тебѣ молодцу въ поиманьи 377—т. е. тебя поймаютъ. спуску нѣтъ 48. тебѣ, Государю, приносу нѣтъ 157—т. е. тебѣ ничего не принесли. пришелъ-то молодцамъ на выручку 82—выручить молодцовъ. не давались ему на обыскъ себѣ 231. не много житья было—полтора года 222—т. е. не много жили.

3. Эллипсисъ.

Русская рѣчь отличается опущеніями. Какъ скоро мысль понятна и связь мыслей видна сама по себѣ: опущеніе позволяется. Особенно замѣчательно совокупленіе главнаго предложенія съ придаточнымъ безъ всякой видимой связи: увидѣлъ Дурень „медвѣдя за сосной, „кочку роетъ, „корову коверкаетъ 400. увидѣлъ Дурень „четырехъ братовъ — „ячмень молотятъ 392, вм. которой роетъ, которые моло-

шяшъ, или роющаго, молотящихъ. а тоя-по Камы за синимъ моремъ — „своимъ устьемъ впала въ сине море 24, т. е. которая впала. Опущеніе союза даетъ рѣчи силу: попащилъ онъ Настасью, лишь шуфли звенятъ 141 — пропущено: такъ что. она шёмъ узда дорога (пропущено: что) „царское жалованье „государево величество 33. а отъ пару было отъ конинаго (такъ что, то что) „а и мѣсяцъ, солнце померкнуло 242. Опущеніе связи иногда рѣзко отдѣляетъ одно предложеніе отъ другаго, такъ что они являются двумя частями параллелизма: въ задоръ войду — тебя убью 81. калачикъ съѣшь — больше хочется 27. не дорога камочка — узоръ хитеръ 5. куда ли махнетъ — шутъ и улицы лежатъ. „куды отвернетъ — съ переулками 250. за царя отдашь — ей царицей слышь 137. а и въ горѣ жить— не кручинну быть, „нагому ходить — не стыдится 381. на Волгѣ жить — ворами слыть, „на Яикъ идти — переходъ великъ, „въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ 114.

Эллипсисъ иногда такъ сжимаетъ предложеніе, что трудно оное распутать по синтаксическимъ частямъ: напр. онъ первое ученье ей руку отсѣкъ 71: впрочемъ мысль понятна, и притомъ сильно выражена, ибо два предложенія не чувствительно сливаются и взаимными силами усиливаютъ мысль. Гдѣ была рыба красная, „очутились у садки червонцы лежатъ 270: съ перваго разу покажется, будто здѣсь два сказуемыхъ одного и того же предложенія—очутились и лежатъ — однако

такъ какъ они разныхъ временъ, то смыслъ требуетъ признать два предложенія, но такъ родственно слиплыя воедино, что глаголы—очутились и лежатъ—мгновенно выражаютъ одно и тоже представленіе. Прекрасно отдѣляются предложенія безсвязныя различіемъ временъ, въ рѣчи повѣствовательной: только въ чистомъ полѣ наѣхали, „лежатъ три дороги широкія 181.

4. Эпитеты.

Рѣчь народная отличается отъ искусственной постоянствомъ, неизмѣнностью выраженій. Писатели каждый посвоему изъясняютъ одну и туже мысль: отъ того часто изысканность и неточность. Въ рѣчи народной мысль, однажды принявъ на себя приличное выраженіе, никогда уже его не мѣняетъ: отсюда точность и простота. Выраженіе, какъ завѣтная икона, повторяется всѣми, кто хочетъ сказать ту мысль, для коей оно составилось первобытно. На этомъ основывается употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, въ которыхъ особенно очевидно постоянство и единообразіе выраженій народной рѣчи. Реченія съ постоянными эпитетами можно уподобить типамъ греческихъ божествъ, которые, однажды создавшись, никогда не измѣнялись, потому что Грекъ не находилъ уже другаго лучшаго и приличнѣйшаго образа для олицетворенія Юноны или Зевса. Русскіе эпитеты бываютъ:

а) Имена прилагательныя: не наѣзживали звѣря прыскучаго 156. не видали птицы перелетныя

156. оставалася матера вдова 72. подломилися ноженьки рѣзвыя 8. на крутомъ красномъ берегу, „на желтыхъ разсыпныхъ пескахъ 106. изрублю я „въ мелкія части пирожныя 66. (пирогъ—мелкая дробь монетная) 1). столы бѣлодубовы. столы дубовые 12. терема злаповерховаты 6. оружье долгомѣрное 108. звончаты гусли 9. уйми свое чадо милое 79—говорятъ тѣ, кого оно прибило.

б) Имена существительныя въ одинаковомъ падежѣ съ словомъ, при коемъ они эпитетомъ: выѣзжалъ удача добрый молодецъ 22. продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ 24. а Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, „со душой Княгиней Апраксѣевной 359. а зовутъ меня Михайлою Казарянинъ, „а Казарянинъ *душа* Петровичь младъ 205 — 206.

в) Имена существительныя съ прилагательными, не согласующіяся съ своимъ опредѣляемымъ, и всегда стоящія въ именительномъ: обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога 47. что Добрыня имъ будетъ десятой туръ, „всѣмъ атаманъ—золотые рога 67. однорядочки-то голубъ скурлатъ 156. обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ 45. и на ноги сапоги зеленъ сафьянъ 125. въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ 3. стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ 51. а столы дорогъ рыбій зубъ 109. Словосочиненіе этого эпитета объясняется эллипсисомъ.

---

1) Снегирева Памятники Московской древности, тетр. I, CVIII.

г) Родительный опредѣленія: кровать слоновыхъ костей 9. покрыша сѣдыхъ бобровъ, „пологъ черныхъ соболей 14. полъ, середа одного серебра 159.

Надобно отличать эпитетъ постоянный отъ эпитета украшающаго (ornans): послѣдній часто даже во зло употребляется писателями напыщеными и вычурными. Полезно бы собрать всѣ постоянные эпитеты для того, чтобы опредѣлить, въ какіе предметы преимущественно вдумывался русскій человѣкъ, и какія понятія присоединялъ къ онымъ.

Согласованіе и управленіе эпитетовъ украшающихъ и приложеній въ рѣчи народной требуютъ особаго объясненія, ибо подлежатъ законамъ аттракціи 1). Подъ аттракціею разумѣется вліяніе, производимое одною частью предложенія на другую противъ грамматическаго ихъ отношенія. Напр. колоты отъ (стрѣлы) изъ тростъ дерева 24. началась у нихъ драка—бой великая 78. воротись милъ надежа, воротись другъ 66. Въ первомъ примѣрѣ *изъ* не управляетъ приложеніемъ; во второмъ прилагательное согласуется съ первымъ членомъ тавтологическаго соединенія; въ третьемъ надежа, какъ эпитетъ друга, принимаетъ родъ сего послѣдняго.

Въ названіяхъ водъ приложеніе а) не управляется: изъ устья Ердань рѣки 175. будутъ они въ Ердань рѣкѣ 173. и бросила его въ тое Енисей

1) Смотри подробности объ этомъ въ Die Syntax der deutschen Sprache Герлинга часть 2, стр. 67.

быстру рѣку 122. и поплыли по Тагилъ рѣкѣ 116. а лѣвая нога во Волховъ рѣкѣ 343.—б) И не согласуется: напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ 122. а на славной на Амурѣ рѣкѣ 321. Израй рѣка быстрая 346. Таковое употребленіе приложеній объясняется весьма легко; стоитъ только соединить въ одно слово имя собственное съ нарицательнымъ, и разсматривать первое, какъ переднюю половину сложнаго слова: Ердань-рѣки, Ердань-рѣкѣ, во Волховъ-рѣкѣ, Израй-рѣка. Эта синтаксическая особенность весьма способствуетъ возбужденію быстраго впечатлѣнія соединеніемъ двухъ близкихъ представленій въ одно. Впрочемъ говорится и: а и гой еси, славный Ильмень озеро 267. и поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку 116.

Этому совокупному представленію противополагается раздѣленіе понятія съ его обстоятельствомъ, подчиненіемъ или дополненіемъ на два понятія. Такая фигура называется гендіадисъ (ἓν διὰ δυοῖν), напр. у Вирг. pateris libamus et auro вм. pateris aureis 1). — Али чарой зелеными виномъ обносили тебя? 150—вм. чарой зелена вина. выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, „тридцать кораблей — одинъ корабль I — вм. тридцать одинъ. выпала пороха снѣгу бѣлаго; „по той по порохѣ, по бѣлу снѣгу 139. Гендіадисъ не надобно смѣшивать съ описаніемъ, напр. гады змѣиные 223 вм. змѣи.

1) Die Syntax der deutschen Sprache Герлинга, часть 2, стр. 217.

5. Періодъ

Построеніе періода въ древнихъ стихотвореніяхъ можетъ быть подраздѣлено на три разряда: 1) совершенно правильное и округленное, но простое и безыскусственное, 2) построеніе изъ предложеній, одно съ другимъ не гармонирующихъ ни во временахъ, ни въ видахъ глагола, и 3) построеніе симметрическое; два послѣдніе разряда противоположны другъ другу. Примѣръ перваго:

1 Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
у славнаго Князя Владиміра
2 было пированье, почестный пиръ,
было столованье, почестный столъ
3 на многи Князи, бояра
и на рускіе могучіе богатыри
4 и гости богатые 54.

1 обстоятельства, 2 главныя предложенія, 3 опять обстоятельства, 4 заключеніе метрическое.

Построеніе втораго рода, при видимой своей неправильности, чрезвычайно выразительно для рѣчи повѣствовательной. Хотя въ немъ глаголы не соотвѣтствуютъ другъ другу — напр.: бросится дѣвица испужалася 92; много царевичь не спрашиваетъ, „выходилъ на крылечко на красное 256; оглянется Тугаринъ назадъ себя, „впапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ 193: однако единство изображаемаго дѣйствія и стройность картины нисколько шѣмъ не нарушаются. Надобно только представленіе о времени подчинять краткно-

спи дѣйствія, и отличать дѣйствія главныя отъ побочныхъ: тогда въ этомъ разнообразіи увидишь стройное единство. Такъ предложенія: скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ 234, молода княгиня испужалася, „а и больно она передрогнула, „посылаетъ стольниковъ и чашниковъ 230—должны понимать-ся такимъ образомъ: соскочивъ съ коня, бьетъ—, испугавшись, посылаетъ—. Здѣсь прошедшее время употребляется почти какъ церковнославянское причастіе. Потому прошедшее время съ своимъ предложеніемъ уходитъ вдаль, оттѣняя главное предложеніе съ настоящимъ временемъ:

1 Налилъ чару зелена вина въ полтора ведра.
и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
подноситъ Михайлѣ Казарянину;
2 принимаетъ онъ Михайло единой рукой,
3 и выпилъ единымъ духомъ 213.

Въ 3 прошедшее выражаетъ совершенное дѣйствіе. Равнымъ образомъ и будущее подчиняется краткости, означая быстрое совершеніе. Слѣд. въ такомъ соединеніи предложеній надобно отличать дѣйствія длящіяся отъ быстрыхъ, начинающихся или совершенныхъ, и дѣйствія перваго плана отъ подчиненныхъ. Тогда будетъ понятна красота исторического періода въ древнихъ стихотвореніяхъ. Примѣры:

Дружина спитъ, такъ Волхвъ не спитъ: (наст. вр. и главное дѣйствіе, далѣе оно объясняется:)
онъ обернется (мгновенное дѣйствіе) яснымъ соколомъ,
полетѣлъ (вслѣдъ за мгновеннымъ и совершеннымъ — дѣйствіе длящееся, подчиненное) онъ далече на сине море,

а бьетъ (настоящее дѣйствіе на первомъ планѣ) онъ
гусей, бѣлыхъ лебедей 48.
И только Илья слово выговорилъ, (совершенное окончательное)
опорвется (мгновенно) голова его шапарская,
угодила (подчиненное дѣйствіе, вмѣстѣ съ двумя первыми) на голова по силѣ вдоль,
и бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ (дѣйствія главныя) 250.

Разнообразіе временъ и видовъ придаетъ необыкновенную живость и игривость описанію быстрыхъ движеній: напр. борьба съ Мастрюкомъ:

Пошанька *справился*, за плеча *сграбился*,
согнетъ кочаргою, *воздымалъ* выше головы своей,
опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти *лежитъ* 43.

Этому построенію періода противополагается симметрическое. Оно подобно еврейскому параллелизму, и состоитъ въ томъ, что рѣчь разсѣкается на два члена, соотвѣтствующихъ другъ другу по содержанію и формѣ. Параллелизмы бываютъ трехъ родовъ 1):

а) Парал. Синонимическіе, въ коихъ оба члена выражаютъ одну и туже мысль, только разными словами:

Суженое пересуживаешь,
ряженое переряживаешь 141.
Нонѣ Настасья просватана,
душа Дмитревна запоручена 137.

1) Gesenius, Hebraisches Lesebuch, 1834, 79.

б) Парал. противительные, когда члены противополагаются: недорога камочка — узоръ хитеръ 5. нагому ходить—не стыдится 381.

в) Парал. синтетическіе, когда во второмъ членѣ, кромѣ повторенія мысли перваго, есть прибавленіе: куда ли махнешь—тушъ и улицы лежатъ, „куды отвернешь—*съ переулками* 250. Дополненіе иногда распространяется и является заключеніемъ параллелизма:

На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичь 114.

6. *Сравненіе.*

Такъ какъ сравненіе предполагаетъ соотвѣтствіе между понятіями и словами: потому приличнѣйшая форма для сравненія есть параллелизмъ:

Изъ Волхова воды не выпити,
во Новѣградѣ людей не выбити 81.
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
у нихъ то молодцовъ думушки прибыло 82.
Упала звѣзда поднебесная,
потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
а меньшаго Ѳедора Ивановича 330.
Ѣдетъ дуга на дугѣ,
шелудякъ на хромой лошади 415.

Русская рѣчь не любитъ длинныхъ сравненій, наблюдая соразмѣрность членовъ сравниваемыхъ: длинное сравненіе иногда выказываетъ изысканность, что

особенно замѣтно въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Народная рѣчь говоритъ въ сравненіи столько, сколько нужно объяснить мысль, приставляя сравненіе союзами: что, какъ, какъ бы:

Глаза что часы,
усы что вилы,
руки что грабли 390, 391.
А и ноги, носъ — что огонь горятъ 207.
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди 117.
Какъ бы русая лиса голову клонила,
пошла то Чурилья къ заутрени 383.

Общаго сравненіе бываетъ въ картинѣ краткой, рѣзкой и яркой, напр:

Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алеша Поповичь сталъ какъ свѣшелъ мѣсяцъ 189.
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь 190.

Для предметовъ отдаленныхъ или неопредѣленно представляемыхъ и сравненія неопредѣленны, неясны:

Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
изачернѣлись на морѣ штукъ двѣнадцать кораблей 107.

Отрицательныя сравненія подавали поводъ къ многимъ догадкамъ и своевольнымъ толкованіямъ. Одни объясняли ихъ застѣнчивостью народа русскаго, осторожностью; другіе унылымъ характеромъ народной русской поэзіи, и проч. Народная рѣчь такъ проста, что для объясненія оной не надобно прибѣгать къ отдаленнымъ гипотезамъ. Безо всякаго предубѣжденія прочтемъ какое нибудь

отрицательное сравненіе, и поймемъ его грамматически: тогда тотчасъ увидимъ внутренній смыслъ онаго:

Тутъ не черные вороны солетались,
собирались понизовые бурлаки.

Фантазія хотя и сближаетъ въ сравненіи два предмета разнородныхъ, но простой, наивный смыслъ видитъ большую разницу между ними: слѣдовательно сравненіе предполагаетъ и сближеніе и противоположеніе двухъ предметовъ. Это естественное, первоначальное понятіе объ уподобленіи выразилось въ сравненіи отрицательномъ. Бурлаки уподобляются воронамъ, но вороны не бурлаки — наивно говоритъ простой смыслъ народный. Можно назвать уподобленіями въ превосходной степени такія сравненія, гдѣ отрицаніе присовокупляется не къ уподобленію, а къ уподобляемому:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
изъ за горъ, да горъ высокихъ,
не красно солнце выкатилося,
выкатился бѣлъ горючь камень,
выкатившись, самъ разсыпался
по мелкому зерну, да по маковому (17 удал. пѣсн. у Сахарова).

7. *Фразеологія.*

Мало того, чтобы знать, что такое-то выраженіе подлежитъ такому-то грамматическому или реторическому правилу: надобно возбудить сочувствіе къ правильной и изящной рѣчи, обогатить

памятъ значительнымъ запасомъ самыхъ выраженій. Потому необходима фразеологія, въ которой обращается вниманіе не только на внѣшнюю форму предложенія, но и на содержаніе. Когда учащійся воспитаетъ въ себѣ разборчивое чутье къ русской рѣчи, его уже не увлечетъ вялый и безцвѣтный слогъ какого нибудь новаго сочиненія. Всякій народъ смотритъ на вещи по своему: поставитъ учащагося на точку зрѣнія народную можно только изученіемъ выраженій, въ коихъ высказывается духъ народа, а не общими правилами и отвлеченными законами. Когда нѣтъ словъ и выраженій — правила не дадутъ ихъ. Не эстетическіе законы образуютъ вкусъ, а знакомство съ произведеніями образцовыхъ художниковъ. Правила безсмысленны безъ живаго содержанія. Для ученика не въ примѣръ полезнѣе восчувствовать силу и красоту какого нибудь фигурнаго выраженія, нежели знать въ которомъ параграфѣ учебника объясняются правила этого выраженія. Предлагаю нѣсколько примѣровъ фразеологіи изъ тѣхъ же древнихъ стихотвореній.

Тропы: — выраженіе понятій о жизни духовной: материно сердце распущается 168. затуманилось его сердце молодецкое 232. взяло Добрыню пуще остраго ножа „по его сердцу богатырскому 63. надо мною сердце не изнесши 208. едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ 365. ей Ставровой молодой женѣ „перепала вѣсть нерадошна 125. Понятія о природѣ вещественной: а божьи церкви на дымъ спустишь 47. бока (корабля) взведены по звѣриному

2. трепала (лелѣяла) она рука змѣя Горынчища 71. отъ лица „лучи споятъ великіе 231.

Отдѣльныя слова и выраженія:

Дѣло въ смыслѣ свойства, вещи, предмета: а наше то дѣло повелѣнное 331—т. е. намъ повелѣли. а и женское дѣло прелестивое, „прелестивое, перепадчивое 69, вм. характеръ. Слич. Конюших. 35 тотъ человѣкъ прикинулся въ болѣзнь нарочнымъ дѣломъ — вм. нарочно.

Перо у растеній вм. лепестокъ: хмѣлево перо 338.

А стань ты подъ башню проѣзжую 267 — черезъ которую проѣзжаютъ въ воропа.

Она (лебедь) черезъ перо была вся золота 217: короче и точнѣе нельзя выразить.

А Иванъ, сударь, Васильевичь, *прозритель* 285.

Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали II. какъ ты меня не опознываешь? 133. Опознать содержитъ въ себѣ понятіе объ ушайкѣ кѣмъ нибудь того, что я узналъ или нашелъ. Это слово не надобно смѣшивать съ глаголами опознаться (ориентироваться) и обознаться (узнавъ кого нибудь, принять его за другаго). Смотр. Луганскаго Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, въ Москвитянинѣ за 1842 годъ.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЯЗЫКА.

Чтобы узаконить необходимость изученія народнаго языка, слѣдуетъ показать тѣсную связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками

какъ руской литературы, такъ и прочихъ славянскихъ племенъ, и съ произведеніями новѣйшихъ писателей нашихъ. Для того и другаго достаточно будетъ одного простаго сравненія.

а) Въ Сл. о Полк. Игор.: чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по руской земли.

Въ Думѣ о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію: вже почавъ вонъ землю коньскими копытами орати, „кровъю Молдавською поливати! Въ другой малоруск. пѣснѣ: выорала вдовонька мыслонькамі поле, „чорными оченьками заволочила, „дробными слезонькамі все поле змочила 1).

Еще полнѣе выразилась мысль Слова о П. И. въ казацкой пѣсиѣ 2):

За славной за рѣченькой Ушвою,
по горамъ было Ушвинскимъ,
по раздольицамъ по широкимъ,
распахана была пашенка яровая;
не плугомъ была пахана, не сохою,
а востpыми Мурзавецкими копьями;
не бороною была пашенка взборнована,
а каневыми рѣзвыми ногами;
не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
а посѣяна была пашенка яровая
казачьими буйными головами;
не поливой она всполивана,

---

1) Максимовича Малорос. пѣсни 1827, стр. 31. 34.
2) Сахарова Сказанія руск. народа I, 243.

ни осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
всполивана была пашенка
казачьими горючьми слезами.

б) Сл. о П. И.: шу кроваваго вина не доста; шу пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Въ малорус. пѣсни (Максимовича 81, 82): иду я шуды „де ро́бляшь на диво „черво́нее пиво „зъ крови́ супостатъ. „хиба́-жъ шы задумавъ шѣмъ пивомъ упишься? . . . якъ пиръ той мине́тся—„ вернусь я назадъ!

Прекрасно развита эта же мысль въ казацкой пѣснѣ (у Сахарова, стр. 240): идетъ молодецъ шатается, мать его спрашиваетъ:

Ты за чѣмъ шакъ, мое чадушко, напиваешься?
до сырой-то до земли все приклоняешься,
и за правушку за кавылушку все хватаешься?
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
я не самъ шакъ добрый молодецъ напиваюся,
напоилъ-то меня Турецкой Царь тремя пойлами,
что тремя-то было пойлами, тремя рознымп:
какъ и первое-то его пойло — сабля острая,
а другое его пойло — копье мѣпкое было,
его третье-то пойло — пуля свинчатая.

в) Сл. о П. И.: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ.

Тоже сближеніе Кукушки съ Дунаемъ въ малорус. пѣснѣ (Максимовича 51): ой летѣла зозу́ленька „черезъ поле, гай; „да й згубила рябе́ пе́рце́ (перушко) „ на тихій Дунай.

г) Сл. о П. И.: (Игорь) врѣжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.

Удивительное сходство съ дѣйствіями оборотня, въ пѣсни Волхъ Всеславьевичь (Др. Р. сп.):

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
бѣгалъ, скакалъ по шемымъ по лѣсамъ и по раменью.
онъ обернется яснымъ соколомъ,
полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
а и сѣрымъ, малымъ ушкамъ спуску нѣтъ;
а поплъ, кормилъ дружинушку хорабрую.

Приведемъ изъ древнихъ памятниковъ нѣсколько синтаксическихъ Формъ, сходныхъ съ предложенными выше изъ Др. Р. сп.

Тавтологія. Нест. по Лавр. сп. 6 дань даютъ. 11 до днешняго дне. 21 да не оущитятся щиты своими. 23 да въспятятъ и (его) опять. Въ Краледворск. рукописи 68 obiecati obiet (обѣщать обѣтъ), по мнѣнію Гримма 1), техническое языческое выраженіе для жертвоприношенія, opfer verheissen, widmen. Въ Сл. о Полк. Игор.: мосты мостити. одинъ свѣтъ свѣтлый. ни мыслію смыслити, ни думою сдумати. Всеславъ Князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше. суды рядя до Дуная. Въ Памятн. лит. XII в. 72 на небо небесное. Новог. лѣт. 52

1) Deutsche Mythol. 24.

опыниша тыномъ. 65 разболѣся болѣзнію. Ипат. 185 побѣдою побѣди. 185 клятвою кленн. 213 а свой полонъ отполонили. 221 милостынею бяше милостивъ. Иск. лѣт. 23 срокъ соркоша. 124 убѣгомъ побѣже. 148 сталъ станьямъ на выстоянье (осаждая городъ.) 151 много добытка добыша 177 изволить волю. Коποших. 23 слова разговорные говорить. 110 ранены ранами. 111 торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ. 125 отравами отравили.

Формы описательныя, съ глаголами: положить: Новог. лѣт. 42 не положи того въ гнѣвъ. 43 положи на нихъ жалобу велику. Воскр. сп. II, 8, 9: не положихъ бо чести надъ тобою. аще еси на мнѣ честь положилъ и на столѣ мя еси посадилъ. держать: Новог. лѣт. 2 рать дрьжаше. Ипатьевск. 226 любовь держаше съ нимъ велику. Слич. Повг. лѣт. 38 Твьрдиславъ же съѣдъся съ княземъ въ любъвь. водить: Новог. лѣт. 38 и съведе и владыка въ любъвь. Ипат. 52 введи мя къ отцю твоему въ любовь. править: Слов. о Полк. Игор. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому. Ипатьевск. 218 и нача посольство правити.

Весьма любопытна исторія постоянныхъ эпитетовъ нашей народной поэзіи: ибо большая часть ихъ идетъ отъ глубокой древности. 1) удалой, удатный, удача молодецъ: въ Краледворск. рукоп. 42 udatna cstmira (удатна Честмира). Сл. о Полк.

Иг. удалыми сыны Глѣбовы. Ипат. 167 потомъ же Мстиславъ великый удатный князь умре. Древнѣйшее объясненіе этого слова въ чешскихъ глоссахъ Музейной Псалтири (конца XII в): vdatstua virtutis; въ глоссахъ Mater verb: udatstuo, fortitudo, virtus. 2) красная дѣвица: въ Краледворск. рукоп. 94 krasna dieua (красна дѣва). въ Сл. о П. Иг. Готскія красныя дѣвы. 3) милый сынъ, братъ, милая дочь: Краледв. рук. 44 s milu suu dceru (съ милою своею дщерью). Сл. о П. И. жаль бо ему мила брата Всеволода. Ипат. 156 пріялъ бо бѣ Данила како милого сына своего. ibid. 202 и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя. 4) матера вдова: толкованіе въ глоссахъ Mat. verb. прямо объясняетъ этотъ эпитетъ: matera, matrona. Слич. въ Алфавитѣ XVII в.: 42 до 56 го старецъ, по семъ матерство (Востокова Описаніе Румянц. Муз. 4). 5) буйная головушка: Краледворск. рук. 29v buinu hlauu (въ буйну главу). ibid. 32 nabuinich hlauach (на буйныхъ главахъ). Слич. въ Сл. о П. Иг. за раны Игоревы, буего Святославлича. ibid. высоко плаваеши на дѣло въ буестии. лѣтоп. продолж. Нестора 13 младенства ради и буестии. Слѣд. это слово первоначально имѣетъ смыслъ удальства, доблести. 6) красная весна: въ проповѣд. Кирил. Туровск. въ Пам. Слов. XII в. 21: весна убо красная вѣра есть Христова. 7) ясное солнце, темная ночь: Краледв. рук. 4 iasne slunecko, 82 temnu nocu. Жаль что утро потеряло теперь въ нашей поэзіи свои прежніе эпитеты: сѣрое, сѣдое: въ Краледв. рук. 28 iutro se-

го, 82 sedim iutrem: или то и другое вмѣстѣ, въ сложномъ сѣдосѣрое: ibid. 2 k iutru sedoseru. 8) сыра земля, зелена трава, чистое поле, темны лѣса: Краледв. рук. 52 po zelene trawie w siru zemiu tecie (по зеленой травѣ въ сыру землю тече). 96 sira zemie. Сл. о П. И. стлавшу ему зелѣну траву. и поѣха по чистому полю. Крал. рук. 72 les temen. 86 temnim lesem. Но у насъ уже не употребительнъ постоянный эпитетъ лѣса — черный, какъ въ Крал. р. 66 s czrna lesa, w les czrn. 9) синее море: въ Сл. о П. Иг. въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море. се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю. лелѣючи корабли на Синѣ морѣ. 10) тугой лукъ, стрѣлы каленыя: Крал. рук. 26 tuhi luki. 32 kalenich strsiel. Сл. о П. И. стрѣлы каленыя. Ипат. 128 бяху же у нихъ луци тузи самострѣльніи. 11) питья медвяныя: Крал. рук. 56 pitie medna, въ старину значило не только на меду разсыченныя, но и вообще сладкія: слич. въ чешск. Псалтиряхъ XIV в. medký (suavis). 12) борзый конь, сѣрый волкъ: Сл. о П. И. врѣжеся на бръзъ комонь: значитъ не только быстрый, прекрасный (слич. барзо очень), но и буйный, ярый, соотвѣтственно чешскому эпитету въ Крал. рук. 62 ors (конь) iaro-buini.—Газакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Сл. о П. Иг.

Украшающіе и постоянные эпитеты: золотой и серебряный, съ своими сложными, употребляющіяся и въ Др. Р. сш., напр. 6 терема златоверховаты, принадлежатъ глубокой древности, содержа въ себѣ много первобытной наивности. Такъ

въ Судѣ Любуши: 11 uodu strebropenu воду сребропѣнну. 15 zlatopescu glinu златопещаную глину. 30 u lubusine otne zlate sedle въ Любушинѣ отнѣ (отцовскомъ) златѣ сѣдлѣ (sedes). 64, 108 s otna zlata stola съ отня злата стола (престола). Въ Слов. о Полк. Иг. златъ стремень. своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая. отня злата стола (тоже престола). изъ сѣдла злата. се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ. уже бо Сула не течетъ сребреными струями. на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, и проч. Сложные: в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ. высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Слич. въ Данилѣ Заточн. вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего. Памятн. лит. XII в. 229.

Эпитеты, выраженные существительными: въ чешск. пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в): ha ty naaszye slunicze vysegrade twrd, ой ты наше солнце Вышеграде твердъ. въ Ипат. 172 пріѣхавшимъ же соколомъ стрѣлцемъ. въ Слов. о Полк. Иг. буй туръ Всеволодъ. Слич. съ этимъ эпитетомъ творит. уподобленія, въ Судѣ Любуши 104 zarue iarim turem заревѣ ярымъ туромъ, — коему въ Краледв. рук. соотвѣтствуетъ полное сравненіе 28: Vratislau iak tur iari skoci Врацислав какъ туръ ярый скочилъ. Въ Др. р. сп. воспоминаніе этого образа сохраняется въ превращеніи мущины въ тура-золотые рога. Что же касается до турьихъ роговъ, упоминаемыхъ въ Др. р. сп. въ смыслѣ кубковъ, то у насъ есть историческія свидѣтельства на

дѣйствительное существованіе ихъ: (въ 1485 Геннадій) даде въ даръ Псковичемъ шурей рогъ, окованъ златомъ, Пск. лѣт. 164. Эта посуда у Славянъ общая съ Германцами: слич. Цезаря de bel. gal. VI, 28: haec (буйволовы рога) studiose conquisita ab labris argento circumcludunt atque in amplissimis epulis pro poculis utuntur.

Эпитеты изъ имени существ. съ прилагат., несогласующіеся съ своимъ опредѣляемымъ: И. Г. Р. X пр. 118 попонка бархатъ червчатъ гладкой; повяска атласъ золотной. прим. 130 коверъ розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ. камка шолкъ бѣлъ да червчатъ. стоялъ столъ нѣмецкое дѣло. XI прим. 34 круживо шелкъ черн съ серебромъ. шуба камка адамашка бѣла. прим. 60 башмачки сафьянъ синь. чюлочки шолкъ жолтъ. прим. 65 одѣяло бархатъ червчатъ. Нѣкоторые изъ этихъ эпитетовъ переходятъ здѣсь въ сказаемыя: слич. весьма любопытное словосочиненіе: И. Г. Р. XI пр. 90: а лѣсъ дубъ, вм. дубовый.

Параллелизмъ: въ Краледв. рук. 56. rostupisie sila uudech „rostupisie Lodrost wmislech роступисе сила въ удѣхъ (членахъ), роступисе бодрость въ мыслѣхъ. Сравненіе въ формѣ параллелизма: въ Судъ Любуш. 105, 106 gore ptencem, c nim se zmia unori, „gore musem, im se sena uiade, горе птенцемъ, къ нимже змія внори (penetrat), „горе мужемъ, имже (дат. множ.) жена владе. Въ Краледв. рук. 6 wstane iedno slunce powsiem nebi, „wstane jarmir nad wsiu zemiu opiet, встанетъ едино солнце по всему

небу, вспанетъ Ярмиръ надъ всею землею опять. Въ Словѣ о Полк. Иг. солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Руской земли. Слич. эпитетъ Владимира красное солнышко, и обычныя выраженія въ причитаніяхъ надъ мертвымъ: уже бо солнце наше зайде ны, Ипат. 220 — оплакиваютъ бояра Володимира Васильковича; зайде свѣтъ отъ очію моею, въ Похвальн. слов. Донскому причитаетъ Евдокія.

Отрицательное сравненіе уже и въ Сл. о П. И., и при томъ во всей наивности своей, совершенно согласно съ принятымъ мною объясненіемъ: (Боянъ) помнашетъ бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашетъ ѵ (десять) соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, ша преди пѣсъ пояше (тотъ прежде пѣснь пѣлъ), старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ѵ соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въкладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху. Поэтъ сначала замечтался о соколахъ и лебедяхъ, а потомъ оговаривается отрицательнымъ сравненіемъ.

Олицетвореніе бездушныхъ предметовъ, преимущественно рѣкъ, и разговоры съ ними, столь обычные въ нашей народной поэзіи, ведутъ свое начало отъ древнѣйшаго памятника славянсной поэзіи, отъ Суда Любуши. Слич. напр. казацкую пѣсню (у Сахарова Сказ. рус. нар. 1, 137):

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
ой, что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
поверхъ меня, Дона, три роты прошли, и пр.

съ началомъ Суда Любуши:

Ай Вльтаво, че мутиши воду?
че мутиши воду стребропѣну?
. . . . . .
како быхъ язъ воды не мутила,
кегды се вадита (litigant) родна братры.

Таже самая грамматическая форма вопросовъ и отвѣтовъ въ олицетвореніи Пскова, въ Пск. лѣт. 179: о славнѣйшій граде Пскове, великій во Градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! Слич. въ Слов. о Полк. Иг. разговоръ Игоря съ Донцемъ въ формѣ параллелизма: Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, и пр. Въ глубинѣ поэтическаго олицетворенія рѣкъ миѳологическія преданія.

Повторенія для пѣсеннаго ладу, столь необходимыя въ Др. Рус. сш., попадаются уже не только въ XII в., но даже и въ IX. Такъ въ Др. Р. сш.:

всѣ тушъ князи и боляра разъѣхались,
разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись 222.

Слич. со многими точь въ точь такой же формы повтореніями въ Судѣ Любуш., напр.:

люпы Хрудошъ на Ошавѣ кривѣ,
на Ошавѣ кривѣ златоноснѣ 20, 21.
и почеху тихо говорити,
говорити тихо мезу собу (между собой) 79, 80.

или въ пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в.):

pod tobu rzieka bystra valyesye
valyesye rzeka vhltaua yara

—подъ тобой рѣка быстрая валится, валится рѣка Влтава ярая. Пѣсеннымъ же ладомъ объясняется повтореніе одного и того же существительнаго въ простомъ и въ уменьшительномъ, или ласкательномъ видѣ, напр. въ Др. р. стп. 381 а и горе горе, гореваньице! въ Краледв. рукоп. 98 na iunosi roste dubec dub—на юношѣ ростетъ дубецъ дубъ; ibid. wirazi z iunose dusu dusicu — выразилъ изъ юноши душу душицу.

Вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссицизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ рускаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія. Такъ въ его Россійской Граммативѣ (1755): о род. пад. ед. сущ. муж.: § 167. Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ род. у, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ Славенскаго отхо-

дяшъ; а Славенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ а: размахъ, размаху и пр. § 168. Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей, весьма чувствительно, и показываетъ себя не рѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: святаго духа, Ангельскаго гласа; а не Святаго духу, Ангельскаго гласу. Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго духу, птичья голосу; нежели розоваго духа, птичья голоса.—О степеняхъ сравненія: § 210. Славенской разсудительной и превосходной степень на-шій мало употребляется, кромѣ важнаго и высокаго стиля, особливо въ стихахъ: свѣтлѣйшій, обильнѣйшій. Но здѣсь должно имѣть осторожность, чтобы сего не употребить въ прилагательныхъ низкаго знаменованія, или въ неупотребительныхъ въ Славенскомъ языкѣ, и не сказать: прытчайшій, препрытчайшій. § 246. Умаленіе прилагательныхъ нерѣдко чрезъ имена существительныя съ нѣкоторыми предлогами изображается: черной, чернь, впрочернь; впробѣль, впрохмѣль, сукрасень. Сіи умалительныя родовъ, чиселъ и падежей не имѣютъ; но какъ нарѣчія употребляются.—О дѣепричастіи: § 351. Дѣепричастія на -ючи приспособнѣе у шочныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у шехъ, которые отъ Славенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на -я употребительнѣе у Славянскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ лучше сказать толкаючи, нежели толкая; но напротивъ того лучше употребить дерзая, нежели дерзаючи.—О причастіяхъ: § 338.

При семъ примѣчать надлежитъ, что сіи причастія (на-щій, -шій, -мый) только отъ тѣхъ Россійскихъ глаголовъ произведены быть могутъ, которые отъ Славенскихъ какъ въ произношеніи такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ. Употребляются только въ письмѣ, а въ простыхъ разговорахъ должно ихъ изображать чрезъ возносительныя мѣстоименія, который, которая, которое. Весьма не надлежитъ производить причастій отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ, и только въ простыхъ разговорахъ употребительны: ибо причастія имѣютъ въ себѣ нѣкоторую высокость, и для того очень пристойно ихъ употреблять въ высокомъ родѣ стиховъ. Слич. §§ 435, 437, 438, 448. — О причастіяхъ прошедш. страд.: § 441. Прошедшія неопредѣленныя страдательныя причастія весьма употребительны, какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ Славянскихъ глаголовъ произведенныя: вѣнчанный, мараной. Разницу одинъ отъ другаго тутъ имѣютъ, что отъ Славянскихъ происшедшія лутче на-ый, нежели на-ой, простыя Россійскія приличнѣе на-ой, нежели на-ый кончатся. Въ § 422 замѣчается особенность Рускаго языка: глядь, хвать, брякъ. Замѣчательно, что Сумароковъ въ своей статьѣ О правописаніи поноситъ Ломоносова именно за то, что онъ обратилъ вниманіе на народный языкъ: „Граммматика Г. Ломоносова, говоритъ онъ, ни какимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ Московское нарѣчіе

въ Колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. Напр. вм. *лутчій, лутчей*; слѣд. склоненія прилагат. перепорчены.“ Потомъ особенно нападалъ Сумароковъ на Ломоносова за употребленіе *что* вм. *который*, напр. О ты, что въ горести напрасно и пр. Сумароковъ говоритъ: „а вмѣсто *который, которая, которое*, употребляется *что* или отъ невѣденія, или отъ не разсмотрѣнія, или отъ привычки худова и простонароднаго употребленія.“ Изъ современниковъ Ломоносова всѣхъ болѣе обращалъ вниманіе на народный языкъ и повѣрья Тредьяковскій. „Многодѣльное первое Христіянство наше, говоритъ онъ, хотя искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя прославленія богамъ и богинямъ; однако съ препебреженія, или за упраздненіями, не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе точно и есть первородное и природное наше стіхосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ и другихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло.“ Въ его Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, 1773, попадаются любопытные намеки на народный языкъ, напр.: такъ какъ у насъ Донъ Іановичь и Русь Андреевна, 126 — сей точно Апостолъ (Андрей) почитается Апостоломъ Россійсійскимъ, и по немъ всеконечно, отъ древняго преданія, называется между простыми людьми Россія Андреевною, 144—сей есть сущій нашъ Бова Ко-

ролевичь, да простится мнѣ сравненіе, 31—говорится: царь-колоколъ, царь-градъ, царь-дѣвица, и царь-бобы, 40.—Послѣднее сіе имя (Хвалынское) морю и доднесь въ употребленіи: „синее море Хвалынское поется въ простыхъ пѣсняхъ, 91 — изъ нѣкоторыя нашея площадныя пѣсни: „князь Романъ жену терялъ, и въ рѣку метялъ, во шуль рѣку в Смородину, 175 — безъ сомнѣнія, обыкновеніе называть государей надеждою, было всеобщее и древнее въ Словенскомъ языкѣ: Россійскій нашъ народъ, и при моей свѣжей памяти, называлъ благоговѣя Самодержца своего, надежда Государь, 231, и пр. Тредьяковскій хотя основываетъ свою теорію рускаго стихосложенія на народныхъ, или какъ онъ называетъ, на мужицкихъ пѣсняхъ, однако дичится ихъ и упоминаетъ объ нихъ съ какимъ то пренебреженіемъ: „прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стіховъ,“ смотр. Сочин. и Перев. Тредьяк. 1752, I, 170.

Державинъ очень многое бралъ изъ народной рѣчи въ свои стихотворенія, напр. въ одѣ На счастіе: ни въ сказкахъ складно разсказать, „ни написать перомъ красиво—и громъ за придевять земель „несетъ на лунно государство—безъ лапъ я горе-богатырь—слепи ко мнѣ, мое драгое, „серебряное, золотое: здѣсь прекрасно примѣняются къ счастію эпи два народные эпитета. Изъ Царь-Дѣвицы: Царь жила была Дѣвица—если больно разсерчала—камень съ гору самоцвѣтъ—по бедру ко-

ня хлесть задню — шасть къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню — вотъ и всталъ дымъ коромысломъ. Въ Приношеніи красавицамъ: бью стихами вамъ челомъ. Въ Добрынѣ: не сизы соколы по поднебесью, „не бѣлы кречеты подъ облаки, „богатыри слеталися русскіе „къ Великому Князю ко Владиміру.— что по гриднѣ Князь, „что по свѣтлой Князь, „наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ—что у ласточки, „у косаточки, „алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ. „Парчевой кафтанъ, „сапоги сафьянъ, „золоту казну и соболи показываетъ. — шы гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!—какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ, „сильный, могучь богатырь, „Добрыня-то, братцы, Никитьевичь. „Да ѣдетъ съ нимъ его Топоръ слуга, „и сражается онъ съ Тугариномъ; „у Тугарина собаки крылья бумажныя.—капилося зерно по бархашу, и пр.—вьется, вьется хмѣль золотой, и пр.

Мерзляковъ далъ примѣръ греческіе сложные эпитеты прилагательные переводить — по образцу шуръ золотые рога, Дмитрій грозныя очи — существительнымъ съ прилагательнымъ: Гера бѣлыя плечи вм. бѣлоплечая, и т. п.

Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ окончательно узаконили необходимость ввести народный языкъ въ письменный. „Разговорный языкъ, говоритъ Пушкинъ, простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), до-

стоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.“ — „Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.“ Особенно любопытны замѣчанія Пушкина на два стиха изъ Евгенія Онѣгина:

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ. Гл. V, стр. XVII.

„Въ Журналахъ, говоритъ Пушкинъ, осуждали слова: *хлопъ*, *молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія: „Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.“ (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчіи вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*

Онъ шипъ пустилъ позмѣиному.
(Древнія русскія стихотворенія).

„Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.“ И въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ онъ: „изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ 1).“ Почитаю лишнимъ трудомъ приводить здѣсь примѣры народнаго языка изъ Пушкина:

---

1) Сочиненія Пушкина I, 253 — 254 и XI, 214 — 215, 230 — 231.

стоитъ только указать, напр., на его драму Русалка, чтобы найти ихъ сотни.

Лучшіе наши писатели и теперь не перестаютъ изучать поэзію и языкъ народный. Для примѣра предлагаю сличеніе одного мѣста изъ Гоголева Тараса Бульбы съ малорускою думою 1):

Гоголь: Будетъ, будетъ все поле съ обологами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно размешавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава.... И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава..

Малорусская дума:

А що́, якъ наши головы козацьки по степу́-по́лю
поляжуть,
да ще й ро́дною кровъю вмыються,
поперероско́лотыми шабля́ми покрыються!...
пропаде́, мовъ (будто, точно) порошина зъ дула,
шая козацькая слава,
що по всёму́ свѣ́шу дыбомъ стала,

1) Сочиненія Гоголя II, 225—226, и Украинскія народныя пѣсни, изд. Максимовичемъ 1834, 28.

що по всёму свѣту стѣпомъ розлягласъ, простягласъ, да по всему свѣту луговымъ гомономъ роздалась, и пр.

АРХАИЗМЫ.

Сначала обратимъ вниманіе на нашъ старинный языкъ съ точки зрѣнія филологической отъ отдѣльныхъ словъ до цѣлаго періода, а потомъ укажемъ, какъ и сколько употребляются архаизмы у новѣйшихъ писателей. Эта статья такимъ образомъ должна содержать въ себѣ историческую Стилистику или исторію реченій, старинныхъ любимыхъ выраженій, обычныхъ поговорокъ и фигуръ и т. п.

Образованіе народа стоитъ въ явной противоположности къ совершенствованію языка, и чѣмъ болѣе общечеловѣческаго просвѣщенія входитъ въ языкъ, тѣмъ болѣе теряетъ онъ величія и самобытности своей собственной грамматической природы 1). Внутреннюю силу стариннаго языка можно уподобить острому зрѣнію, чуткому слуху, обонянію дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся въ простой природѣ. Зато новый языкъ яснѣе и опредѣленнѣе. Поэзія проходитъ, проза (въ обширномъ смыслѣ принимаемая) болѣе способствуетъ нашимъ потребностямъ. Поэзія языка состоитъ въ неувядаемой, яркой изо-

1) Th. Muntd, die Kunst d. deutsch. Prosa 1837, 19, и предисловіе къ первому изданію Грамматики Гримма.

оразительности, необходимомъ достояніи древнѣйшаго періода. Собственно тогда еще и не бываетъ прозы, ибо всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатлѣніе, всякое выраженіе было творческою попыткою. Со временемъ значительность отдѣльнаго слова пропадаетъ, и наступаетъ значительность цѣлаго предложенія. Какъ цѣнная монета въ обширныхъ расчетахъ замѣняется ассигнаціями и билетами; такъ и живыя впечатлѣнія въ мышленіи своемъ подводимъ мы къ общимъ мыслямъ и отвлеченнымъ представленіямъ. Рѣчь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывались въ живое представленіе каждаго предмета и взвѣшивали каждое слово съ такимъ же сочувствіемъ къ нему, съ какимъ оно создавалось въ древнѣйшую пору. Такимъ образомъ потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, какъ преобладаніе мысли надъ звукомъ и частнымъ впечатлѣніемъ. Слѣд. на мѣсто граммматическаго интереса къ языку выступаетъ интересъ поэтическаго и реторическаго представленія.

Путемъ науки, разумѣется, только частію можемъ мы возбудить въ себѣ сочувствіе къ первобытной творческой силѣ языка. Многія слова и обороты для насъ совсѣмъ умерли: ихъ не воскресишь уже и геніальному поэту. Зато мы можемъ сочувствовать такимъ старинным словамъ, звуки коихъ, въ другихъ родственныхъ словахъ, дошли и до нашего времени. Такъ напр. мы говоримъ: невѣста, богъ, божій, поломанный, семья, звѣрь; но по-

шеряли уже: шуже бѣ и язычьская церквы, уневѣспивъшіяся Христу, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 70; взбоженіе сына швоего, vzbožení syna tvého, das Gottwerden, въ Чешск. молишв. XIV в.; неполомная шея, nepolomná šíje, ibid.; крошость человѣческаго естесшва воззвери, Пск. лѣш. 114; не семьшись и не соединяшся, II. Г. Р. XI, пр. 5. Потому обращаю вниманіе только на шѣ слова, кои, употребляясь и шеперь, въ спарину имѣли иное значеніе, или шеперь осшались только въ производныхъ формахъ, заперявъ спаринную коренную 1).

1. Ономатика.

Буда, по Карамз. И. Г. Р. III, пр. 23 знач. гробъ, напр. въ Ипат. 115 въ буди, либо си въ гробъ; оптсюда уменьшительная форма будка, ошъ глагола будовашь, знач. спроишь, употребляющагося попольски, малоруски.

Варъ, шеперь кипяшокъ, прежде и жаръ вообще: „въ Гундуспани же силнаго вару нѣшъ; силенъ варъ въ Гурмызѣ, да въ Кяшобагрянмѣ.... а въ Хоросаньской землѣ варно, де не шаково; а въ Чегошани велми варно; въ Ширязи, да въ Езди, да въ Кашани варно да вѣпръ бываепъ,“ въ пупешесшвіи Аѳанас. Твер., Соф. Вр. II, 158. Слич. Ев. ошъ Машѳ. 20, 12.

Ведро, шеперь ясная погода, прежде засуха, спрашный жаръ: Новог. лѣш. 52 казнишь Богъ

1) Слич. Шишкова Разсужденіе о спаромъ и новомъ слогѣ, 1803, 215, и Труд. Общ. Люб. Рос. сл. 1820, XVIII, и 1826, VI.

смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ; 147 ведро бысть страшно на небесѣхъ и на земли; въ Краледв. рук. 30 ptrpiechom nailuteiei uedro, потерпѣхомъ наилюшое ведро.

Гривна, золотое или серебряное ожерелье, надѣвавшееся на шею въ знакъ отличія, какъ нынѣ орденъ: Бытія XLI, 43 и возложи гривну злату на выю его; Притч. Солом. I, Сирах. VI. Слич. сербск. гривняшъ или гривашъ (?), голубь съ ошейникомъ, чешск. hrziwnač.

Говядо (отсюда говядина) — скотъ въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ и у насъ въ старину: въ Руск. Пр. Руск. Достоп. II, 180., въ Ипат. 177 и меду и говядъ и овець довольѣ.

Доить, теперь только о животныхъ: доить корову; прежде значило кормить грудью: взя же отроча на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпися любезно, она же дояша я, Чет. мин. 22. Воздоить—воспитать: соблюди ми отроча сіе, и воздой ми е, Исход. 2; отдоить — отнять младенца отъ грудей: сотвори Авраамъ учрежденіе (пиршество) веліе, въ онь ж е день отдоися Исаакъ сынъ его, Быт. 21.

Дряхлый — печальный: онъ же дряхлъ бывъ о словеси, отъиде скорбя, Марк. X, 22. Слич. у Вост. въ Опис. Рум. Муз. 551: нб о (небо) дряхлуетъ, въ Сборн. 1754.

Дужій—сильный отъ дугъ сила, здоровье, употребляющагося и теперь въ отрицательномъ не-

дугъ; недужій безсильный: мы недужи прошиву вамъ стати, Несп. по Лавр. 40. Слич. народное дюжій—плотный, крѣпкій, здоровый.

Жадный — жаждущій: жадныя и алъчныа насыщая, Ипат. 219.

Жизнь — изобиліе, имѣніе: се есмы села ихъ пожгли вся, и жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдутъ; а пойдемъ къ Любчю, идѣже ихъ есть вся жизнь, Ипат. 37. и всю жизнь нашю повоевали, ibid. 38. вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю, ibid. 82. Не въ этомъ ли же смыслѣ въ Сл. о Полк. Иг. погибашетъ жизнь Даждь-Божа внука? Слич. въ Чешск. Псалт. XIV в. (Вишенб. и Подебр.): žizn (ubertas), въ глоссахъ Mat. verb. sizn (жизнь) ubertas, habundantia, fecunditas.

Жировать—жить: и не съмѣяху людье жировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть, Новог. лѣт. 22. Какъ жизнь переходитъ въ значеніе обилія, имущества: такъ наоборотъ и обиліе, тукъ, т. е. жиръ (по Добровск. отъ глагола жеру, жирати, Slowank. I, 40) имѣетъ смыслъ имѣнія, состоянія жизни: въ Вологодск. губ. жира—жизнь, жирова—состояніе (Труд. общ. люб. Рос. Сл. 1822, I), посербски жиръ значитъ жолудь. Не объясняется ли значеніемъ жизни, имѣнія—жиръ въ Сл. о Полк. Иг. погрузи жиръ во днѣ Каялы?

Збруя—вооруженіе, воинскіе доспѣхи: Др. р. сп. 262 беретъ онъ Царь свою збрую богатырскую, „беретъ онъ сабельку острую и копье Мурзамецкое.

Квасъ—закваска: малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ, 1 Коринѳ. V, 7;—ложное ученіе: блюдитеся отъ кваса Фарисейска и Саддукейска, Матѳ. XVI, 6; въ глос. Mat. verb. quazz (квасъ) frigidaria, sulza; quasu (квашу) conuiuo. Полужицки kwas значитъ свадьба.

Колачь означало не только хлѣбъ, но и подарокъ: глос. Mat. verb. colach (колачь) munera, dona. colacs (колачь) crustula panis.

Лупить—грабить: лупленіе отъ Тверичь. Черньци и черницы все до нагошы излуплено, Нов. лѣт. 90; въ глос. Mat. Verb. lupes (лупежъ) rapina. lupesnik (лупежникъ) pirata.

Норова—капризъ: въ тую̀ жъ зиму пріѣха Владыка Евѳимей во Псковъ, мѣсяца Генваря въ 13 день, не въ свой пріѣздъ, не въ свою череду, но норовою, Пск. лѣт. 69. Теперь норовъ употребляется болѣе о животныхъ, и не такъ смѣло, какъ въ старину.

Порты—вообще одѣяніе, покрывало и т. п.: и тако загорѣся (церковь) сверху, и что бяше внѣ и вну узорочій, и поникадила серебреная, и судъ златыхъ и сребреныхъ безъ числа, портъ шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владыцныхъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ, Ипат. 127. Отъ этого слова происходитъ прилагательное портной, употребляющееся существительнымъ.

Почка—самородный кусокъ камня: добраго по десяти рублевъ почка алмазу, Соф. Вр. II, 156.

Прелесть—въ дурномъ смыслѣ, прельщеніе, лесть, обманъ, соблазнъ: прелести безбожія до конца уклонился еси, Служб. Хрисанѳу и Даріи Марта 19. Змій, прельстившій прародителей, называется въ Св. Пис. прелестникомъ. Понеже Рускіе люди прелестны и падки на волхвованіе, Иск. лѣт. 209. а и женское дѣло прелестивое, „прелестивое, перепадчивое, Др. р. сп. 69. сослалъ намъ, Боже, прелестника, „злаго разстригу Гришку Отрепьева, ibid. 102. и здавался на его слова прелестныя ibid. 146. Слѣд. эти слова, происшедшія отъ лесть, льщу, никакъ не должно смѣшивать въ употребленіи съ красота, прекрасный.

Работа—рабство, отъ глагола робить—дѣлать: а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, Несп. по Лавр. сп. 31. работныя (взятыхъ въ рабство) свобождая, Ипат. 219.

Сокровище—сокровенныя мѣста и предметы: пришелъ же ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Іов. XXXVIII, 22. снидохъ и до скровищь (гдѣ скрыты) плѣньникъ моихъ, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 66.

Спрогій — востpый, отсюда острога́ — шпора, спрогать: у Ломонос.: ступаетъ по вершинамъ спрогимъ.

Спрою—управляю: Несторъ говоритъ о себѣ, что онъ вступилъ въ монахи: Ѳеодосію спроящу

монастырь, т. е. управляющу. И теперь управляющій общежительнымъ монастыремъ называется строителемъ.

Супруги—пара: супруги воловъ оряху, Іов. I, 14. супругъ воловъ купихъ, Лук. XIV, 19.

Трудъ—бѣдствіе, болѣзнь, страданіе душевное: нищь есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моея, Пс. LXXXVI, 16. беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда, Пс. LIV, 11. Слич. въ Сл. о Полк. Иг. чрѣпахутъ ми синее вино съ трудомъ смѣшено. Слѣд. это слово существенно отличается отъ синонима своего, работы.

Украйна—всякая крайняя страна, въ смыслѣ марки: Дашская украйна, Псковская украйна, Пск. лѣт. 27, 202, 203, 212.

Цѣловать—привѣтствовать, здороваться, отъ цѣлый, какъ здороваться отъ здоровый: входяще же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему, Матѳ. X, 12.

Яловый: теперь говорится яловая корова, т. е. холостая, нестельная; яловая рыба; прежде яловый и вообще безплодный: yalowa sterilis, глосс. чешск. Музейн. Псалт. конца XII в.

2. Изобразительныя выраженія.

Какъ отдѣльныя слова въ древнѣйшую эпоху носятъ на себѣ характеръ бо́льшей изобразительности, такъ и въ цѣлыхъ выраженіяхъ мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, въ живомъ образѣ. Такъ вмѣсто: много трудился, воевалъ, въ Ипат.

15: Володимиръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую. Кенигсб. спис. 101: Ярославъ же, сѣде въ Кіевѣ, утеръ пота со дружиною своею. Вмѣсто голаго исчисленія мѣры времени или пространства и т. п.—поэтическія описанія: свойство не только поэзіи Гомеровой, но и всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы: Гриммъ находитъ оное даже въ древненѣмецкомъ правѣ 1). Такъ, вм. навсегда, вѣчно, въ Игоревомъ договорѣ: дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоитъ, Несп. по Лавр. сп. 21; или въ договорѣ Болгаръ съ Владимиромъ: толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути, ibid. 52. Описаніе высоты: (церковь) бѣ бо содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104. Пространство и вѣсъ: мешаша бо каменемъ полпора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужи силніи подъяти, Ипат. 174. Слич. ibid. 128: бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи, одва 50 мужь можашеть напрящи. Куры или пѣніе пѣтуха вм. разсвѣта: и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души, ibid. 220. Въ Новог. лѣт. 69: и скота не оставиша ни рога — вм. оплеченаго *ничего*. Слич. въ Др. Рус. Сп.: дерево въ охватъ толщины; изба во все дерево; описаніе камня: въ

1) Смотр. о поэзіи въ правѣ, статью Гримма въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. II, 1816.

вышину три сажени печатныя, „а и черезъ его только топоръ подать 170, и проч.

3. *Бытъ воинскій.*

Сначала обратимся къ обычнымъ выраженіямъ жизни воинской. Какъ сочувствовали ей наши предки, мимо множества мѣстъ въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, приведемъ изъ Сл. о Полк. Иг.: а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Слич. подробное описаніе вооруженія и исторію стрѣлъ въ древнемъ стихотвореніи, Дюкъ Степановичъ (стр. 22 и слѣд.). Какъ наши поэты вглядывались въ обычаи воинскіе, показываетъ напр. слѣдующее гомерическое описаніе стрѣльбы, Др. р. стр. 217:

вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,
накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы булатныя
и завыли рога у туга лука.

Слич. также ibid. стр. 208.

Подвожу нашъ старинный воинскій бытъ къ слѣдующимъ обычнымъ выраженіямъ: 1) *копье:* и взя градъ копьемъ, Несm. по Лавр. 40. взяша градъ Рязань копьемъ, Ипат. 175. Воскр. сп. II, 23: и язъ тогда много послужилъ ему своимъ кописмъ. Въ старину былъ обычай ставить копье на гробѣ умершаго воина; такъ въ Ипат. 73 говоритъ Ярославъ: аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одино копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть. Бросаніе копья предводителемъ было символомъ началу битвы: обычай, относящійся еще ко временамъ нашего язычества, и сохранявшійся довольно долго, напр. въ Воскр. сп. II, 17: Андреи же Юрьевичь вземь копие. и еха напередъ преже всѣхъ зломи копие свое. Въ Сл. о Полк. Иг. говоритъ Игорь:. хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго. Какъ въ Др. р. сп. измѣряется пространство стрѣлою, напр. 183 промежу глазъ калена стрѣла; такъ въ лѣтописяхъ измѣряется и копьемъ: и тако устрои Богъ мьглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конець копья видити, Ипат. 63. и бысть въ тъ день мьгла велика, яко не видити до конець копья, ibid. 73. 2) *щитъ:* възяша градъ Кыевъ на щитъ, Новог. лѣт. 26. взяша Всеволожь градъ на щитъ, Ипат. 36. (Псковичи) начаша думати: ставити ли щитъ пропивъ Царя и запиратися ли во градѣ? Пск. лѣт. 176. Припомнить древнюю кляпву: да не ущитятся щиты своими, Нест. 21. Въ знакъ побѣды Олегъ

повѣсилъ щитъ на врашахъ Царьграда. 3) *мечь*: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лопыголу, мечемъ, Нов. лѣш. 54, ш. е. что завоевали. Припомнишь спарпнную дань мечами, и кляшву въ догов. Игор.: да посѣчени будушъ мечи своими, Кенигсб. спис. 14 и 39. Слич. въ Соф. Вр. II, 417: поосшри мечь свой на градъ. 4) *шлемъ*: шы бо можеши Волгу веслы раскропишп, а Донъ шеломы (шлемами) выльяшп, Сл. о Полк. Иг. Тогда Владимиръ Мономахъ пилъ золошомъ шоломомъ Донъ, Ипат. 155, ш. е. ѣздилъ, воевалъ по Дону. 5) *конь*: какъ копье спавилось на гробѣ воина, шакъ въ спарину, по преданіямъ, и конь зарывался съ умершимъ его всадникомъ; въ Др. р. сп. 223 Поюкъ посаженъ былъ въ могилу жены своей вмѣспѣ съ конемъ. Лѣшописцы повѣспвуюшъ, какой шерспи были нѣкошорые княжескіе кони; шакъ у Мспислава былъ сивый, у Даніила гнѣдой, Ипат. 161: Мьспиславъ же великую похвалу спвори Данилови, и дары ему дасшь великыи и конь свой борзый сивый. 174 Данилови же гонящу по Половцехъ, донелѣ же конь его заспрѣленъ бысшь гнѣдый. Князья воздавали чесшь падшимъ конямъ своимъ похоронами: Ипат. 47 конь же его, язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньспва его (вар.: коня своего) повелѣ и погресши надъ Спыремъ. Какъ пишь шлемомъ значило воевашь гдѣ либо, дѣйспвовашь, шакъ и поишь коня: не выдадише ли (бояръ), а я поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою, Новог. лѣш. 41, ш. е. если не выдадише, я на-

паду на Новгородъ, говоритъ Георгій посламъ новогородскимъ. 6) *кость:* и ту костью падоша, Новог. лѣт. 41, т. е. были побиты. да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели (нежели) на чюжѣ славну быти, Ипат. 155. спа на костѣхъ, Пск. лѣт. 65, т. е. на мѣстѣ битвы. 7) *голова:* можемъ главы своя сложити за тя, Пест. по Лавр. 94. можемъ головы свои за тя сложити, Ипат. 225. и много своихъ головъ подъ городомъ положиша, Пск. лѣт. 185. Очень любопытно сличить въ Сл. о Полк. Иг. слова Игоря: хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону — съ обычными выраженіями въ Ипат. 54: любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и жизнь (т. е. добуду свою отчину и свое имущество). 68 любо голову сложю, любо налѣзу Галичьскую землю. 72 (Володимиръ рече:) но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю. въ Кенигсб. сп. 160 говоритъ Василько: да пойду на Половцы, любо собѣ славу залѣзу, а любо главу свою положу за Рускую землю. Голова въ смыслѣ оружія: добылъ есми головою своею Кіева и Переяславля, Ипат. 43; голова вм. человѣка вообще, часть вмѣсто цѣлаго, синекдоха: и головъ (варіантъ: людей) нѣколико истопе въ Волховѣ, Новг. лѣт. 48. много головъ паде, Пск. л. 33. избиша нѣколико головъ, ibid. 32. 8) *рука:* (Псковичи) и воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великаго Князя, Пск. л. 176.

4. Бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина.

Таже изобразительность и во многихъ выраженіяхъ быта юридическаго, напр. 1) *голова*: за безчестье отослать головою къ боярину, Котош. 34, т. е. отослать виновнаго къ тому, кого онъ обидѣлъ. въ Др. Р. ст. 33 у котораго жены-то нѣшъ, „того самого головой возьмешъ. 2) *лицо*: какъ голова употребляется вмѣсто человѣка, также вмѣсто дѣйствительной явки его, напр. а нынѣ Садко головой пришелъ, Др. Р. ст. 341; такъ лицо вм. вещи: а лодью лицомъ воротити, Руск. Правд. въ Руск. Достоп. II, 59, т. е. отдать лодью. не будешь лица... ibid., т. е. если же не воротятъ лодьи. 3) *рука* вм. поручительства, обѣщанія, обязательства: Псковичи даша ему на томъ руку, чтобъ добровольно отъѣхати и пріѣхати. тогожъ лѣта по той рукѣ присла Князь Месперъ Рискій своихъ пословъ, Пск. *л.* 94. 4) *разуть ноги* вм. выдти замужъ — выраженіе, сохранившее въ себѣ память о старинномъ обрядѣ: онъ же рече дъчери своеи (Рогвольдъ Рогнѣдѣ): хочеши ли за Володимера? она же рече: не хочю розути робычича, но Ярополка хочю, Несш. по Лавр. 45.

Вообще надобно замѣтить, что Филологія нисколько не выступаетъ изъ предѣловъ своихъ, когда при объясненіи древнихъ памятниковъ, беретъ въ соображеніе бытъ юридическій; ибо онъ, какъ одна изъ главнѣйшихъ стихій жизни народной, входитъ не только въ произведенія краснорѣчія, но и

въ поэзію, и кладетъ свой отпечатокъ на языкъ особенными выраженіями. Такъ память о мѣстничествѣ сохранилась намъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Др. рус. ст., напр. 150 что ты, сударыня, идешь закручинилася? „али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ? 187 а по имени вамъ мочно мѣсто дать, „по изотчеству можно пожаловати. ibid. по отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ. Все это говорится о мѣстѣ на пирахъ.

Чтобы понять значеніе Лѣтописи, важнѣйшей формы древней нашей Литературы, надобно знать оффиціальный, юридическій смыслъ ея. Въ тяжбахъ и ссорахъ наши предки ссылались на нихъ, какъ на юридическіе акты, что очевидно изъ слѣд. мѣстъ: (1289) и повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десяткъвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; а пошолку со всякого ста, а на горожанахъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово порушить, а станетъ со мною передъ Богомъ. *А сопсалъ есмь въ лѣтописець коромолу ихъ*, Ипат. 225. Іоаннъ III посылаетъ дьяка Бородатаго къ Новогородцамъ: да испроси у матери своей, у великой Княгини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго воротити (варіантъ: *говорити по*) *лѣтописцемъ русскимъ*: егда, рече, придутъ, и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны дав-

ные, кое измѣняли великимъ Княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ, Соф. Вр. II, 102. Въ описаніи взятія Пскова Василіемъ Іоанновичемъ: наутріяжъ освитающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и собрашася Посадники и весь Псковичи, и пріѣха Дьякъ Государевъ, и начаша ему тако говорити: *тако у насъ написано въ лѣтописцехъ*— съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, Пск. лѣт. 177. Отсюда и слово *старина* получаетъ обширнѣйшее значеніе, выражая весь стариный общественный бытъ и юридическія отношенія, напр.: и Генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчиой у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей *старинѣ* и по своей воли, Пск. лѣт. 178.

5. Бытъ религіозный. Отечество. Честь.

Чувство религіозное глубоко проникаетъ старинныя наши произведенія. Умилительною теплотою согрѣваетъ оно разсказъ лѣтописца и вливаетъ утѣшеніе въ сердце, особенно при описаніи какихъ либо бѣдствій, когда человѣку всего болѣе нужна помощь Божія. Изъ великаго множества примѣровъ тому привожу слѣд. : томъ же лѣтѣ (1233) преставися князь Ѳеодоръ, сынъ Ярославль вячьшіи, іюня въ 10, и положенъ бысть въ манастыри святого Георгія. и еще младъ и кто не пожалуетъ (пожалѣетъ) сего? сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть

въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе, за грѣхы наша; нъ, Господи, слава тебѣ, царю небесныи! изволышю ти тако. нъ покои его съ всѣми правьдьными, Новг. л. 49. О Володимирѣ Василькович надгробное сѣтованіе лѣтописца: возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани, отпряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо вьмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во Христа, всему міру Живодавца; отпряси сонъ, возведи очи, да видиши какоя тя чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ брашомъ твоимъ Мьстиславомъ. Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земля твоея; ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему, како поклоняется имени твоему, Ипат. 221—222. Прекрасно присоединяется къ такому предчувствію жизни загробной образъ жизни воинской въ причитаніи Евдокіи въ похвалѣ Донскому: крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ; не могу разбудити тебе. съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси велми.—Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, какъ блистательно украшалась древняя наша Литература глубокимъ христіянскимъ благоговѣніемъ и высокою нравственностію: въ Поученіи Мономаха, о неистощимой силѣ и безконечномъ многообразіи Божескаго творчества: и сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицахъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лиць

образомъ по Божіи мудрости.—Кир. Тур. (въ Пам. С.л. XII в. 125), о святыхъ причастникахъ: и вѣнчаетъ же Святый Духъ, яко почиваетъ на святыхъ причастницѣхъ, уже бо я обрѣше себе достойны съсуды, и вселися въ ня, измыша бо храмъ его слезами, постлаша любопрудными молитвами, украсиша добродѣтелію, кадиша чистыми въздыханьми.—Умильный плачь о преставленіи Невскаго (Соф. Вр. I, 273): горе тебѣ бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великого Князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ.—Изъ рукописи объ осадѣ Тихвинск. монастыря въ 1613 г. (Новг. лѣт. 284), о зависти и корыстолюбіи: увы, ненасыщаемое дно человѣческихъ очей!—Необходимость присоединенія чувства національности къ благочестію религіозному весьма рано пробудилась у насъ: уже у Нестора въ похвалѣ Ольгѣ: мы же рцѣмъ къ нея: радуися, Руское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русстие сынове, аки началницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь. Припомнишь Даніила Паломника, затеплившаго свѣчу передъ гробомъ Господнимъ отпо всей земли Руской.—Во Псковѣ и Новѣгородѣ, черезъ вѣче и вѣчевой или вѣчный колоколъ, висѣвшій при главномъ городскомъ соборѣ, понятіе о городѣ и бытѣ общественномъ шакъ тѣс-

но связано было съ чувствомъ религіознымъ, что вмѣсто Пскова говаривали Св. Троица, вмѣсто Новагорода Св. Софія: не учалъ добрахотѣти Живоначальной Троицы и мужемъ Псковичѣмъ, Пск. л. 175, т. е. Пскову. да Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ Троицы во Псковъ, Пск. л. 177, т. е. просто пріѣхать во Псковъ. Впрочемъ и Аѳанасій Никитинъ пишетъ: поидохъ отъ святаго Спаса Златоверхаго, Соф. Врем. II, 145, вм. изъ Твери. Этимъ объясняется обычная форма речей Мстислава къ Новогородцамъ, и національное, не только религіозное, но и политическое значеніе упоминаемой въ нихъ Св. Софіи напр.: (1218 г.) съзва Мьстиславъ вѣцѣ, на Ярославль дворъ, рече: кланяюся святѣй Софіи, и гробу отця моего, и вамъ, хощю поискати Галиця, а васъ не забуду: дан Богъ леци у отця у святѣи Софіи, Новг. л. 36. Вѣчевой колоколъ былъ символомъ соединенія Православія съ стариннымъ бытомъ и порядкомъ общественнымъ: и генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли,—такъ описываетъ Пск. л. 178 конечное паденіе Псковской самобытности. Пѣснь о колоколѣ, подобная Lied von der Glocke Шиллера, имѣла бы глубокое значеніе въ Псковѣ и Новѣгородѣ. Нѣкоторыя иносказанія или притчи въ рѣчахъ нашихъ предковъ объясняются религіозными обрядами, такъ напр. Левъ говоритъ Владиміру черезъ посла: а бы ты, брашъ мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего

и братьи своей, абы далъ городъ свой Берестій: що бы твоя свѣща была. Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово, Ипат. 218.

Христіянское благочестіе нашихъ предковъ выразилось многими обычными выраженіями, изъ коихъ нѣкоторыя намекаютъ на древнѣйшіе обычаи, и повѣрія, другія же кажутся только поговорками: 1) крестное цѣлованіе вмѣсто клятвы, обѣщанія и т. п. 2) о мысляхъ и намѣреніяхъ человѣка: какъ Богъ по сердцу положитъ, Пек. л. 177, т. е. чего пожелаетъ. 3) о судьбѣ: а тогда како ны съ ними Богъ дастъ, Ипат. 53, т. е. какъ наша судьба рѣшится съ ними. 4) Богъ вѣсть вм. неизвѣстно: а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть, Новг. л. 96. 5) обычное выраженіе о богатыряхъ, вступающихъ въ гридню Князя Владимира: „онъ молился Спасу со Пречистою, „поклонился Князю со Княгинею, „на всѣ четыре стороны, Др. р. сп. 26. 6) о войнѣ: се уже мы идемъ на судъ божій, Ипат. 62. 7) о судѣ: а хто мое слово порушитъ, а спанетъ со мною передъ Богомъ, ibid. 225. 8) о смерти: Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ Богови, Ипат. 143, т. е. умеръ, и мн. др.—Чувство религіозное возвысило нашихъ предковъ до истиннаго понятія о душѣ: такъ вм.: мы не можемъ измѣнить даннаго слова, говаривали: а душею не можевъ играти, Ипат. 42. Душа вм. человѣка относится къ понятіямъ христіянскимъ: когда у гражданъ все сгорѣло, сказано въ Новг. л. 87: городчане только душею осташяся; болѣе грубый от-

тѣнокъ той же мысли выражается словомъ голова: и шутъ судно наше меншое пограбили, и четыре головы взяли Рускіе, а насъ отпустили голыми головами за море, Соф. Вр. II, 146. Понятія о славѣ и чести, столь краснорѣчиво выразившіяся еще въ рѣчи Святослава къ дружинѣ, приличныя воинскому обычаю нашихъ предковъ, еще болѣе утвердились чувствомъ національнымъ, нераздѣльнымъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Обычное выраженіе въ Сл. о П. Иг. — ищучи себѣ чти, а князю славы — объясняется многими мѣстами лѣтописей, напр. Ипат. 145: думай, гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей, — и особенно нѣкоторыми сказочными подвигами нашихъ древнихъ богатырей: такъ Илья Муромецъ совершаетъ чудеса храбрости надъ разбойниками: тѣ покоряются ему и готовы на все, чего онъ ни пожелаетъ: ему же кромѣ чести и славы, ничего не надо: а и гой еси, братцы, станишники! говоритъ онъ: „поѣзжайте отъ меня во чисто поле, „скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, „про спараго козака Илью Муромца, Др. р. сп. 420.

6. *Бытъ семейный и общественный.*

Семейныя и общественныя отношенія искони строго опредѣлялись у насъ, чему свидѣтельствомъ языкъ. Степени родства во всей подробности обозначаются порусски особенными названіями, которыя, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе теряются въ памяти людей образованныхъ, такъ что теперь не только ятровь, уй, свѣсть и др. суть архаизмы,

но даже устарѣли въ образованномъ языкѣ и золовка, шестнь, своячиница и другъ. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на имена родни 1). Старинное названіе родства или свойства было ужичество: въ повѣсти о взятіи Троп, переведенн. для Симеона Болгарскаго: ошъ ужичества си (Калайд. Іоан. Екс. Болг. 179); ужикъ, ужика — сродникъ, сродница, ibid. стр. 180, Несm. по Лавр. 76. Родители и родственники вступившихъ въ бракъ взаимно называются свашъ, свашья. Свекоръ, санскр. svasour, гр. ἑκυρὸς, лат. socer, нѣм. schwieger — мужнинъ отецъ; свекровь, древн. свекры, лат. socrus, въ глос. Mat. verb. zvecri (свекры) — мужнина мать. Тесть, въ Остромиров. Еван., листъ 177, тьсть, глос. Mat. verb. test — женинин отецъ; теща, въ Остромир. Еванг. л. 63 тьща — женнина мать. Зять, санскр. djamatri, лат. gener, польск. zięć. глос. mat. verb. zet — мужъ дочери, сестры, золовки; сноха, санскр. snushâ (nurus)— сыновняя жена. Деверь, санскр. dèvri, dèvara, гр. δαήρ, лат. levir, гл. Mat. verb. dever — мужнинъ братъ; золовка, гр. γάλως, лат. glos, чешск. zelwa, польск. zelw, въ гл. Mat. verb. zelva — мужнина сестра; свѣсть idem, Кормч. 244 л.; невѣстка — деверняя жена, ятровь — idem, Руо. I, 15., санскр. iâtri, гр. εἰνάτερ. Шуринъ — женинин братъ, свояк — своячиницынъ мужъ, своячина —

---

1) Это особенно полезно и необходимо для тѣхъ, кто выросъ на Французскомъ языкѣ, который чрезвычайно бѣденъ названіями родни.

женнина сестра, ятровья idem. Стрый — дядя по отцѣ, Ипат. 203, но уже въ Никон. лѣт. II, 288 объясняется: бысть подобенъ стрыю своему сирѣчь дядѣ; уй — дядя по матери: Несм. по Лавр. 52 съ Добрыною съ оуемъ своимъ. Братучадъ, братучадо — сынъ брата, племянникъ: ИГР. III, пр. 194; братучада — братнина дочь, племянница: ИГР. IV, 45. Братанъ, братаничь, братеничь — братнинъ сынъ; Прол. Ноябр. 26, Ипат. 93, Быт. XIV, 14, Новг. лѣт. 103.; сыновецъ idem: Ипат. 208, 209, 214.; братанна — братнина дочь, Кормч. 2, 203. Сестреничь сестричищъ— сестринъ сынъ; сестрична—сестрина дочь, Кормч. 5. л.; нетій тоже что сестреничь, но древнѣе сего послѣдняго, ибо въ Никон. лѣт. V, 88: Волкъ же служа царю Мусулемаку съ нетіи своими, рекше съ сестреничи. Любопытно сложное братъсестръ вм. братъ и сестра, попадающееся въ Остром. Еван. л. 228: евлампа и евлампія присныма братъсестрома. Наслѣдственное неподвижное имѣніе искони называлось производными отъ дѣдъ и отецъ, дѣдина (еще въ Судѣ Любуши) и отчина: что указываетъ на древнѣйшее утвержденіе права собственности родствомъ. Равномѣрно и престолонаслѣдіе выражалось словами дѣдній, отній, отечній, кои были постояннымъ эпитетомъ стола или престола: и благодаря бога внидѣ въ Киевъ и сѣде на столѣ дѣдъни отечьни, Воскр. сп. II, 36. Окончаніе -ичь, означающее сына, сверхъ того и потомка, изстари было у Славянъ: въ Суд. Любуш. споряшъ за дѣдину брашья

Кленовичи; Радимичи и Вятичи, по преданію, отъ Радима и Вятки. Потомки Олега и Мономаха, Олеговичи и Мономаховичи, въ продолженіи столѣтія ведутъ наслѣдственную войну, раздѣляясь отческими именами своихъ предковъ. Впрочемъ и тѣ и другіе никогда не забывали, что они одного племени, внуки одного дѣда, Ярослава: такъ Ольговичи говорятъ Мономаховичу Всеволоду (1195): мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци, Ипат. 146. Кромѣ родства кровнаго въ старину свято соблюдалось родство условное, духовное, т. е. усыновленіе и побратимство: символомъ послѣдняго была мѣна крестами; въ Др. р. сп. 185 Тугаринъ говоритъ Алешѣ Поповичу: семъ побратуемся съ тобой. Пріязнь къ ближнему доселѣ выражается въ народѣ тѣмъ, что вовсе не родню называютъ батюшкой, матушкой, дядюшкой, братомъ и др.: обычай не чуждый и другимъ народамъ: смотр. Грим. нѣм. Грам. IV, 316 и его же изданіе Reinhart Fuchs, XXVIII. Это просподушное чувство любви къ ближнему украшаетъ обычными выраженіями рѣчи нашихъ предковъ: Доманитъ же рече Псковичемъ: Братья мужи Псковичи, кто старъ, то отецъ; а кто младъ, той братъ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братія, намъ предлежитъ смерть и животъ: братія мужи Псковичи, потягнете за Святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество, Пск. л. 13. Псковичи собираются на битву; помолившись и простившись другъ съ другомъ, говорятъ: братія мужи Псковичи, не посрамимъ отецъ

своихъ и дѣдовъ; кто старъ, то отецъ; а кто младъ, братъ. ibid. 26. Подобныя выраженія остались теперь только въ сказкахъ, напр. у Пушкина: коль ты старый человѣкъ, „дядей будешь намъ навѣкъ; „коли парень ты румяный, „братецъ будешь намъ названый; „коль старушка, будь намъ мать и пр. Дружество и согласіе на миру выражались обыкновенно такъ: цѣловаша крестъ ко всему Новугороду за единъ человѣкъ, Новг. л. 77. есмь съ ними одинъ человѣкъ, ibid. 105. Новогородци цѣловаша крестъ за единъ братъ, ibid. 110. быти всимъ за единъ братъ, Ипат. 39. за единъ мужь быти, ibid. 73. Хотя въ старину бесѣдующіе не употребляли нынѣшнихъ мѣстоименныхъ вѣжливостей вы, они вм. ты, онъ, однако названіями родственными и именами увеличительными, ласкательными и уничижительными 1) удачно умѣли оттѣнять свои общественныя отношенія: такъ скромность и униженіе требовали, чтобы говорящій или пишущій назвалъ себя полуименемъ, или именемъ уничижительнымъ: вотъ какъ говорятъ Псковичи В. К. Василью: а мы сироты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами *людишками* своими, Пск. л. 176. Аѳанасій Тверитянинъ въ описаніи своего путешествія: ту

1) О соотвѣтствіи мѣстоименныхъ вѣжливостей съ именами родственными и ласкательными смотр. Гримма Deutsch. Gr. IV, 317.

же окаянный азъ *рабище* Офонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по Христьяньской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ (говѣньяхъ, постахъ) святыхъ Отець устроенныхъ, по заповѣдехъ Апостолскыхъ, и устремихся умомъ поити на Русь. Соф. Вр. II, 162. Состраданіе и ласка выражались ласкательными именами: все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу и женѣ, и шу съ нимъ положатъ малыхъ дѣпокъ семеро или осмеро головъ во единъ гробъ, Пск. л. 26. Презрѣніе выражалось именами уничижительными, напр. въ житіи Кирилла, помѣщенномъ въ Прологѣ: *Ѳедорца* же, за укоризну тако нарицаема (т. е. уменьшительно, уничижительно), сего блаженный Кириллъ отъ Божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его. Даже названіямъ животныхъ и предметовъ бездушныхъ, близкихъ быту домашнему, вспарину любили давать дружественный оттѣнокъ ласкательнымъ окончаніемъ, что и до сихъ поръ частію сохраняется въ языкѣ народномъ, напр. хлѣбецъ, денекъ, лошадушка. Что теперь болѣе и болѣе трапшимъ мы сочувствіе къ такимъ словамъ, лучшимъ доказательствомъ служатъ слова уменьшительныя, какъ напр. соли-це, вовсе потерявшія теперь свой прежній оттѣнокъ. Замѣчательны слова Гримма 1): „Уменьшительная форма выражаетъ понятіе не только немногаго и малаго (μείωσις), но и

1) Deutsche Gram. III, 664.

любезнаго, ласкательнаго (ὑποκόρισμα). Потому уменьшительную форму придаемъ мы и великимъ, возвышеннымъ, священнымъ и даже страшнымъ предметамъ, для того чтобы довѣрчиво къ нимъ приблизиться и снискать ихъ благосклонность. Особенно въ словахъ послѣдняго рода первоначальное понятіе уменьшенія со временемъ утрачивается и становится нечувствительнымъ: такъ фр. soleil, слав. солнце, слова уменьшительныя, хотя въ теперешнемъ ихъ употребленіи уменьшенія и не чувствуется." Однако, затерявъ сознаніе къ прежней уменьшительной формѣ, мы образовали другую: солнышко.

7. *Языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, Поэзія, игры.*

Наши древніе писатели не любили попусту описывать красоты природы и восхищаться ими. Можетъ быть, лучше нашего въ простотѣ своего сердца сочувствовали они ей; но, не зная ея законовъ, всѣ явленія приписывали силамъ сверхъестественнымъ. Потому обращали они вниманіе только на такіе феномены, которые, по ихъ понятію, имѣли таинственное отношеніе къ жизни народа: описанія различныхъ знаменій, затменій и т. п. дышатъ неподдѣльною поэзіею, украшенныя свѣжимъ воображеніемъ и проникнутыя живымъ сочувствіемъ, то радостью, то боязнію, то сомнѣніемъ. Напр. Новог. л. 5: почя убывати солнця и погыбе все. о великъ

страхъ и тьма бысть! и звѣзды быша и мѣсяць. и пакы нача прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду. Ипат. 90: въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и (варіантъ: ея, въ Воскр. сп. II, 59) убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно, (замѣчательный варіантъ въ Воскр. сп. II, 59: яко сукно чрно) и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лици имущи, одино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два рашьная сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша стариіи людіе: „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“—еже бысть. Пск. л. 207: тоежъ осени явися знаменіе въ Юрьевѣ въ Ливонскомъ два мѣсяца на небеси въ нощи, и ударилися вмѣстѣ, и одинъ у другова хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знаши стало на мѣсяцы томъ, какъ перепояска. Ипат. 7: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи: снѣдаемо солнце. Софійск. Времен. I, 158: предъ симъ же временемъ и солнце пременися, и не бысть свѣтло; но яко мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущу. Сія же знаменія бываютъ не на добро—(языческое преданіе о съѣденіи солнца и мѣсяца). ibid. I, 159: и паки солнце безъ лучь сіяше — по семъ бо крамолы и умершвія бьша человѣкомъ. ibid. I,

175: предивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи шутенъ (стукъ, громъ, подземный шумъ), стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси.—Бѣдствія Игоря, описанныя въ С.л. о Полк. Игор., кажутся оправданіемъ зловѣщаго предзнаменованія, описаннаго и въ самомъ словѣ: шогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: брашіе и дружино! луцежъ пошяту (убиту) быти, неже полонену быти,—и у Лѣтописца еще яснѣе, подъ 1185 г., Ипат. 130: идущимъ же имъ въ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе се? Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на добро знаменіе се. Игорь же рече: брашья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а шо же намъ видити.—Въ какомъ отношеніи такія примѣты стояли къ поученіямъ пастырей церкви, видно изъ Слова о злыхъ дусѣхъ въ сборникѣ XV в. (Москвит. 1844, № 1): Егда ли что ны на пути зло створишься, шо учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не врашихомся, а не безлѣпа ны попка (встрѣча) не додяше поити, а мы ся не послушахомъ. о злое наше безуміе! самахоть (самохотно, своевольно) лишаемся Господа и къ поганымъ прилагаемся. Слич. XII-е слово Кирил-

ла Туровскаго въ Пам. Сл. XII в. стр. 92 и слѣд. 1)

Впрочемъ, не смотря на ограниченный кругъ воззрѣнія лѣтописцевъ на природу, самый языкъ древній, свѣжестью и живостью впечатлѣній, способствовалъ живописи природы, напр. Новг. л. 5 паде мятыль (мятель) *густъ* по земли и по водѣ и по хоромомъ. Только въ сравненіяхъ представлялся старинным писателямъ случай описывать природу: но лѣтописцы, когда только не вдаются въ пищетное витійство, весьма скупы на сравненія; если и употребляютъ изрѣдка, то очень краткія, какъ напр. Новг. л. 34 вышли есте аки рыбы на сухо. Ипат. 2 выступиша яко борове велиціи. Соф. Врем. I, 225 и сотвориша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ; Князь же Юрій и Ярославъ, видѣвше акы на нивѣ класы пожинаху. ИГР. VIII, пр. 62 Царь же Казанской, яко змій вынырнувъ изъ хвраствія, приде безвѣстно Генв. въ 15 подъ Муромъ.— Собственно старинной нашей поэзіи принадлежатъ живописующія природу уподобленія, напр. въ Др. Р. стр. 167: какъ вьюнъ около ее увивается, (сынъ около матери) „проситъ благословеніе великое. 128 она по двору идетъ, будто уточка плыветъ. Въ Краледв. рукоп. стр. 34 Ярославъ, гонящійся за врагами, сравнивается: iako lew drazliui „kdiz mu

1) Смотр. объ языческомъ періодѣ нашей Литературы вторую лекцію Шевырева въ Москвитянинѣ за 1844 № 2.

teplu krew sie uda zrsieti „kehdi nastrsilen zalowcem zene: какъ раздраженный левъ, когда удалось ему узрѣть теплую кровь, подстреленный гонится за ловцомъ.

Какъ описанію небесныхъ и другихъ знаменій лѣтописцы придавали пиѳическое значеніе, такъ и поэтическія украшенія, описанія природы, живописныя уподобленія побольшой части имѣли въ старину миѳологическій смыслъ. Кромѣ Др. Р. сп. и Сл. о Полк. Игор., въ старину вѣроятно было у насъ довольно поэтическихъ произведеній, ибо свидѣтельствуютъ о томъ древніе памятники: такъ въ Ипат. 180 упоминается какой-то знаменитый пѣвецъ Митуса: словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити Князю Даніилу, раздраного акы связаного приведоша. Замѣчательно, что Даніилу же пѣли какую-то пѣснь избавленные имъ отъ плѣна: Ипат. 186 — 187: оттуда же Князь Даніилъ приде ко Визьнѣ и прейде рѣку Наровь, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има. Въ Словѣ о Полк. Игор., кромѣ пѣсенъ и музыки Бояна, упоминаются пѣсни рускихъ женъ, готскихъ красныхъ дѣвъ, дунайскихъ дѣвицъ, Нѣмцевъ, Венедицевъ и пр., приводится пѣсня Ярославны. Но Христіянское благочестіе чуждалось тогда свѣтскихъ пѣснопѣній, ибо поэзія связывалась съ языческими повѣріями и древнѣйшею Миѳологіею: такъ старинный нашъ поэтъ Боянъ въ Сл. о П. Иг. называется внукомъ Велеса или

Волоса, въ Краледв. рук. 68—70 упоминаются два славянскіе поэта язычники, древнѣйшій Люмиръ, позднѣйшій Забой, и попадается едва ли не поговорка языческая: pieuce dobra miluiu bozi, пѣвца добраго милуютъ, любятъ боги. По мнѣнію нашихъ предковъ, пѣсни столь же противны церкви, какъ и идолослуженіе; пѣснопѣнія вмѣнялись въ грѣхъ, равный идолослуженію, шакъ въ одной рукопис. 1523 года: шого ра ди неподобаетъ крпьяномъ игоръ бесовьски играти иже е с пляс'ба гуд'ба пѣсни бѣсовъскыя и жерпва л идоская и огневи моляшся по д овии м и виламъ (русалкамъ) и мокоши и симу реглу и перену (Перуну), и проч. Опис. Румянц. Муз. Восток. 229. Пѣсни, наровнѣ съ зельемъ, почитались чародѣйскимъ средствомъ привораживать: шакъ въ Ипат. 155 Сырьчанъ, посылая нѣкотораго гудца (поэта, музыканта) въ Обезы, говоритъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, браше, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочетъ, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Поэтическія произведенія стояли наровнѣ съ еретическими книгами, которыя еще въ XII в. обрекались на сожженіе, какъ видно изъ вопросовъ Кирика 1). Въ 1410 году Митрополитъ Фотій убѣждаетъ Новгородскаго Архіепископа Іоанна въ своемъ посланіи къ нему: „учите, чтобы басней не слушали.“ Стоглавъ (1551)

1) Памятн. Рос. Словесн. XII в. стр. 189.

кладетъ зарокъ на ложныя книги: „шѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли.“ Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ 1) свидѣтельствуется, что у насъ въ старину были многіе Сборники такихъ ложныхъ книгъ. Вотъ замѣчательнѣйшее мѣсто о суевѣріяхъ изъ этой статьи: сіе есть мудрованіе шѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу: первая книга Пларголой, рекше Острологъ, 2 Острономіа, 3 Землемѣріа, 4 Чаровникъ, въ нихже сущь вся дванадесять опроменныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, шѣлю свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и яспребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ, 5-е Громникъ, 6-е Молнія, 7-е мѣсецъ окружится, 8-е Коледникъ, 9-е Метаніе, 10-е Мысленикъ, 11-е Сносудець, 12-е Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрми, еже есть храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноград, курокликъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышепискъ, мышъ порты грызетъ, жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ мышьца держитъ, сонъ страшенъ, слѣпца стрѣпитъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ, пошочникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы (варіантъ: пчела поетъ, рыба воспрепещетъ), трава

1) Калайдовича Іоаннъ Екс. Болгарск. 208 — 212.

шумитъ (древо о древо скрыпитъ, листъ шумитъ), сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость пріидетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ, волхованія различная.—Если такимъ образомъ самыя незначительныя явленія природы имѣли встарь такое суевѣрное значеніе, то весьма понятно, почему набожные предки наши почитали поэзію дѣломъ языческимъ.

Для объясненія старинныхъ поэтическихъ выраженій сличимъ нѣкоторые пункты этой сказки съ соотвѣтствующими имъ мѣстами въ Сл. о Полк. Игор.

1) тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ. Въ Сл. преданіе о Всеславѣ оборотнѣ: скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда... скочи влъкомъ до Немеги... а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Творительный сравненія есть переходъ отъ языческаго суевѣрія къ поэтическому украшенію: полечю, рече, зегзицею (кукушкою) по Дунаеви. (Игорь) скочи съ него (съ коня) босымъ влъкомъ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, шруся собою студеную росу.

2) Сносудець ... сонъ страшенъ. Таковъ въ Сл. *мутень сонъ* Святослава. Бояре судятъ его не къ добру; и самъ сочинитель Слова связываетъ этотъ сонъ съ зловѣщимъ знаменіемъ, разсматривая оба эти случая несчастными предвѣстіями Игоревой гибели.

3) вороногра́й. Зловѣщіе вороны играютъ большую роль въ Сл.: всю ночь съ вечера босови врани възграяху. Этотъ вороногра́й былъ также предвѣстникомъ зла, состоя въ связи съ запменіемъ и сномъ Святослава.

4) курокли́къ. Курій или пѣтушій кликъ является важнымъ обстоятельствомъ въ разсказѣ о Всеславѣ: ибо Всеславъ долженъ былъ изъ Кіева въ Тмуторокань рыскать волкомъ до куръ, т. е. до пѣтуховъ. Курокли́къ или просто куры въ старину означало полночь, разсвѣтъ: и бысть въ четвергъ на ночь поча изнемогати, и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души. Ипат. 220.

5) волхвующе птицами и звѣрьми . . . трава шумитъ, сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ. Этимъ обвинительнымъ въ суевѣріи пунктамъ соотвѣтствуютъ въ Сл. поэтическія мѣста, хотя вышекшія изъ души сочинителя отъ сочувствія съ природой, однако частію не чуждыя суевѣрнаго убѣжденія о тайномъ сношеніи человѣческой участи съ предметами неразумной природы: кликну, стукну земля, въшумѣ трава. ничитъ трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. а галици свою рѣчь говоряхутъ. Вотъ какъ сама природа сочувствуетъ счастію Игоря: тогда врани не граахутъ, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Напротивъ того тѣже жи-

вопныя иначе являются передъ войною: „щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди,“ тогда и: „вълъци грозу въсрожатъ по яругамъ.“ Слич. въ Словѣ о злыхъ дусѣхъ изъ сборника XV в. (Москвитян. 1844, N 1): Вѣруемъ въ пошкы (встрѣчи) и въ дашля и въ вороны и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая переди пограетъ, то станемъ послушающе, правая ли или лѣвая. Уже Кириллъ Туровскій (Пам. Сл. XII в. 95) нападалъ на эти суевѣрія, осуждая ихъ заодно съ музыкою и поэзіею: всяка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчю, въ чехъ, въ полазъ (въ Сл. о П. И: полозію ползоша) и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудутъ.

Къ этимъ пяти присовокупляю еще три слученія съ Сл.: одно изъ лѣтописи и два изъ сербскаго Громовника XVI в. 1):

6) не дошедшимъ же воемъ рѣки Сяну, сосѣдшимъ же на поли воружиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспромепающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть, въ Ипат. 183, подъ 1249 г. Въ Сл. же другое знаменіе было орлами, не на добро: орли клекпомъ на костіи звѣри зовутъ.

7) ащель магла (мгла) низу паде. то рашъ (рать, война) многа будетъ, Громовн. Въ Сл. передъ бит-

1) Строева Описаніе Памятн. Сл. р. Лит. 1841, 125.

вою: мъгла поля покрыла, щекотъ славій успѣ. пороси (прахъ, шуманы) поля прикрываютъ.

8) ащель пошутнитъ (застучитъ), шо прьмененіе Кнезомъ. и страни шои мятежь, Громовн. Въ Сл: земля шутнетъ. кликну, стукну земля, въшумѣ трава. Въ Мамаев. побоищѣ Димитрій съ Волынцемъ слушаютъ землю.

Кромѣ поэзіи, символическое значеніе природы входило и въ юридическія отношенія, напр. символъ соломы, въ Ипат. 218: посемъ же посла Володимеръ слугу своего, доброго, вѣрного, именемъ Рачпьшю, ко брату своему Мьстиславу, шако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а шы, рци, не давай ничегоже," и вземъ *соломы* въ руку отъ постеля своєѣ, рече: „хотя быхъ ти, рци, брашъ мой, шотъ *вехоть соломы* далъ, того не давай по моемъ животѣ никомуже. Такой юридическій обычай существовалъ и въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ, смотр. Гримма Deutsche Rechtsalterthümer, 1828, 121.

Къ существамъ одушевленнымъ, къ звѣрямъ, пшицамъ, гадамъ, разумѣется, еще бо̀льшее питалось въ старину сочувствіе, нежели къ природѣ неодушевленной. Одаренныя свободнымъ движеніемъ и многоразличными голосами, животныя казались человѣку какъбы товарищами и соучастниками одной общей жизни, въ противоположность царству расшипельному, въ безгласной пишинѣ покоящемуся.

Особенно для выраженія разнообразныхъ криковъ ихъ богаты были наши предки словами, которыя теперь, по хладнокровію нашему къ природѣ, болѣе и болѣе теряются, напр.: воронъ: врани граяхутъ, Сл. о П. И.; вороногрaй, въ статьѣ о книг. исп. и ложн. у Калайд. Іоан. Екс. Бол. 211. гусь: гусь кокочетъ, Сборн. 1754 г. въ Опис. Рум. Муз. Вост. 551. жаба: жаба воркочетъ, у Калайд. ibid. звѣрь: (Соловей разбойникъ) а впрѣтьи зрявкаетъ по звѣриному, Др. Р. Сп. 353. ласточка: и отъ ласточицѣ не вѣроуеши ли, аже оу тебѣ щьбьчетъ вьсе лѣто зѣло красьнѣ? Приклади ѡ въстании, въ Іоан. Екс. Бол., Калайд. 137. лисица: лисици брешутъ, Сл. о П. И. медвѣдь: чреваты жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки да рыкнетъ дв ц а будетъ, Сборн. 1754 г. у Восток. ibid. 552. орелъ: орли клекотомъ на кости звѣри зовутъ, Сл. о П. И. орломъ же клекъщущимъ, Ипат. 183. сорока: а не сороки впроскошаша; сороки не проскошаша, Сл. о П, И. сорока пощекочетъ, въ ст. о книг. исп. и ложн. у Калайд. 211. утка: оутица крякнетъ, Сборн. 1754 у Вост. ibid. 551.

Не одна человѣку подобная наружность животныхъ, блистаніе глазъ, соразмѣрная полнота и красота членовъ, привлекали къ нимъ; но и замѣчаемыя въ нихъ побужденія и желанія, способности, страсти и страданія: такъ что первобытной просподушной фантазіи было легко представить себѣ животное говорящимъ и дѣйствующимъ

человѣчески 1). Пѣнье птицъ въ средніе вѣки называлось языкомъ лашинскимъ, какъ всякій непонятный языкъ лашинскимъ или волошскимъ. У насъ въ Сл. о П. И.: говоръ галичь, галици свою рѣчь говоряхуть; въ похвальномъ словѣ Донскому: сладкоглаголивая ластовица; въ Др. Р. стр. 208 говоритъ черный воронъ, и пр. Таковъ естественный переходъ отъ первобытнаго воззрѣнія на природу къ баснѣ о животныхъ (thierfabel). Какъ языкъ даетъ предметамъ бездушнымъ и отвлеченнымъ родъ, такъ и поэзія приписываетъ животнымъ различныя похожденія и исторіи. Въ древнѣйшей баснѣ предметы неодушевленные отличаются отъ животныхъ: не говорятъ и не дѣйствуютъ. Такъ въ чешской баснѣ O lisce a o čbánu 2)—о лисѣ и жбанѣ или горшкѣ (первой четверти XIV в.), лиса говоритъ и хлопочетъ, а „горшку нельзя было молвить, ибо изъ глины былъ слѣпленъ: čbánu lze mluwiti neběsse, „nebo z hliny slepen běsse. Даже между животными наблюдается замѣчательное различіе: малыя не столь удобны для басни, ибо менѣе выказывается ихъ характеръ, впрочемъ не безъ исключеній: стрекоза или муравей играютъ побочныя роли. Также и птицы должны уступить право первенства млекопитающимъ, ибо онѣ менѣе схожи съ нами, и обладая полетомъ, дѣйствуютъ не въ той области, гдѣ мы съ звѣрьми. Притомъ и изъ звѣ-

1) Grimm, Reinhart Fuchs.

2) Ганки Starobylá skládánie 1817, I, 202 — 206.

рей обыкновенно выступаютъ въ народной баснѣ своеземные: иноземные далеки и чужды фантазіи. Главными дѣйствующими лицами въ нѣмецкой древней баснѣ лиса, волкъ и царь медвѣдь 1). Лиса по цвѣту шерсти *красный* звѣрь: потому der rôte Reinhart, Reinh. 284. 1463. le gorpil, rous ot le poil comme Renart, Ren. 101. le rous, ros Ren. 463 и пр. У насъ въ Др. р. сп. 383 какъ бы русая лиса голову клонила, „пошла-то Чюрилья къ заутрени. Замѣчательно, что красный цвѣтъ выражаетъ понятіе о злобѣ и невѣрности, приписываемыхъ лисѣ: ze rôt, Reinh. 284 значитъ zu böse, treulos 2). Любопытно замѣтить, что у насъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ красной, равно какъ и дикой, зн. глупый, дуракъ 3). Слич. въ Краледв. рук. 74 i pozrsiesta lisima zrakoma; 74 tudi spei lisimi skoki. Изъ Новагорода почти по всей Россіи распространилось прозвище человѣку хитрому Лиса Патрикѣевна: такое воспоминаніе оставилъ по себѣ князь Патрикій съ 1384 года, см. ИГР. V, стр. 92, 4). Пословицы пре-

---

1) Есть весьма любопытная лужицкая пѣсня о животныхъ, Zwjerina, въ которой между прочими животными первую роль играютъ волкъ и лиса, см. Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I, 116.

2) Grimm, Reinhart Fuchs, XXX. — Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 444. — Слич. ниже, стр. 184.

3) Отечественныя записки за 1844, No 2.

4) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія по Россіи въ Рус. Истории. Сборн. 1839, томъ III, кн. 2.

досперегаютъ отъ красныхъ или рыжихъ: hombre *roxo* у hembra barbuda de lexos los saluda, *rothbart* nie gut wart. Даже есть глаголъ лисить вм. хитрить, лукавить.—Волкъ называется *сѣрымъ*: въ Сл. о П. И.: сами скачуть, акы сѣрыи влъци въ полѣ. Уже у греческихъ поэтовъ онъ πολιός (hymn. in Vener. 70), въ Renart называется онъ le *chanu*, въ Reinardus: *canus* et absque fide 3, 100; клянется онъ per *canos* hosce *seniles* I, 375, per caput hoc *canum* I, 693, потому онъ называется также senex, senior, и съ этимъ въ связи стоятъ многія обстоятельства басни. Едва ли справедливъ Пушкинъ, назвавъ волка, въ поэмѣ Русланъ и Любмила, бурымъ, а не сѣрымъ: въ темницѣ тамъ царевна тужитъ, „а бурый волкъ ей вѣрно служитъ. Притомъ и вѣрность не йдетъ волку, вору и разбойнику: что уже видно изъ самаго производства: волкъ посанск. vrkas, позенд. vĕhrkô 1) переходитъ въ altn. vargr lupus, latro, exsul, въ ags. vearh furcifer, въ ahd. warc exsul, sceleratus, и въ слав. *врагъ*, означающее не только непріятеля, но и убійцу, и дьявола 2). Мы переносимъ отъ человѣка къ волку глаголы *рвать*, *зарвать*, и обыкновенно употребляемъ ихъ вм. расперзать когтями. Слич. въ Др. р. сп. 354 брань: а ты волчья сыть.—Въ старину, кажется, назывался у насъ волкъ *лютымъ звѣремъ*: въ Сл. о П. И.: (Всеславъ) скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи,—и вскорѣ за шѣмъ:

1) Bopp, Vergl. Gram. 175.
2) Grimm, Reinh. f.

а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Мономахъ, въ своемъ поученіи, говоря объ охотѣ на различныхъ звѣрей, о волкахъ не упоминаетъ: за то говоритъ: люпый звѣрь ко мнѣ скочилъ на бедры, и конь со мною поверже. Слич. въ Др. р. сп 139 а другой слѣдъ люпаго звѣря. Замѣчательно, что наше *лютый* переходитъ въ литовск. lutas, означающее льва 1): а лит. lutas и лат. lupus, оба, происходятъ отъ санскр. корня lû—scindere, vellere. Волкъ выходитъ на добычу ночною порою (ἀμφιλύκη νύξ у Гомера); политовски żwĕris (звѣрь) преимущественно наз. волкъ: отсюда звѣзда hesperus именуется żwĕrinnĕ. Съ восходомъ этой звѣзды, по литовск. преданію, *звѣрь* или волкъ выходитъ на ловъ. Слич. чешск. zwěřenice, zwiřetnice —hesperus; въ томъ же значеніи попадается *звѣряница* въ одномъ старинномъ западнорускомъ переводѣ Іова, 38, 32. Въ старину волку приписывали особенную быстроту и стремительность: въ Сл. о П. И: (Игорь) врѣжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него *босымъ* влъкомъ. коли Игорь соколомъ полетѣ, шогда Влуръ вълкомъ потече 2). Въ баснѣ первое, въ подраженіе быту общественному, человѣческое учрежденіе есть царская власть. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ орелъ называется уже царемъ, или — гдѣ ему придаютъ женскій родъ—царицею: οἰωνῶν βασιλεύς. Aeschyl. Agam. 113

1) Ейхгофа Paral. des langu. de l' Eur. et de l' Inde; слич. ниже, стр. 172.

2) Донесеніе Прейса въ Ж. М. Н. П. 1841, Февр.

(Wellauer.) αἰετὸς—ἄρχος οἰωνῶν. Pind. Pyth. I, 18. οἰωνῶν βασιλῆα δίδυμον. Pind. Ol. 13. 30 Орелъ, царь птицъ, птица Юпитера, царя боговъ. Не столь высокой древности достигаетъ царствованіе льва: древнѣйшее свидѣтельство о немъ у Оппіана и Эліана. У насъ въ старину, и теперь въ суевѣрныхъ обрядахъ, эпитетъ *царь* происходитъ отъ воззрѣнія миѳологическаго, а не эпическаго: Царь-огонь, Царь-водица употребляются въ языческихъ обрядахъ какъ очистители 1). Вѣроятно, этотъ обычай стоитъ въ связи съ судебнымъ испытаніемъ огнемъ и водою, встрѣчающимся уже въ Судѣ Любуши, въ коемъ эти царственныя очистительныя стихіи называются: plamen praudozuesten—ignis juris nuntius, zuatocudna uoda — sancte purgans aqua 2).

Наша старина не оставила намъ басеннаго эпоса, спокойнаго эпическаго разсказа о подвигахъ животныхъ. Только тамъ и сямъ мелькаютъ недосказанные намеки на какія-то полузгладившіяся преданія, то въ поэтическомъ сравненіи, то въ метафорѣ. Что же касается до зміевъ чародѣевъ, оборотней, вѣщихъ вороновъ и т. п.: то они уже выступаютъ изъ области басни, примыкая къ миѳологическимъ вѣрованіямъ и составляя такъ называемое чудесное въ нашихъ старинныхъ эпиче-

---

1) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія, въ Рус. Истор. Сборн., 1859, томъ III, кн. 2. Снегирева Рус. Простон. Праздн. и Обр. IV, 22.

2) Шафарика и Палацкаго Die alt. Denkm. d. böhm. Spr. 41, 99.

скихъ пѣсняхъ. Рускія народныя сказки: о волкѣ и лисицѣ, о курѣ и льстивой лисицѣ, о бѣлой кошкѣ, о медвѣдѣ мѣдномъ зубѣ, о ершѣ ершовичѣ и др.—предлагаютъ богатый матеріалъ для разсужденія о народной баснѣ. Въ нѣкоторыхъ, напр. въ сказкѣ о ершѣ ершовичѣ, видны живые историческіе слѣды 1).

Такъ какъ мірское поэтическое одушевленіе нашихъ предковъ питалось Миѳологіею, потому надобно показать связь оной съ произведеніями искусства и съ художественною жизнію народа. Привожу изъ Густинскаго списка XVII в. О идолахъ Рускихъ (Ипат. 256—257):

Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ Рускихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою слѣпотою тогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко непокмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ сс, яко и худымъ и бездушнымъ вещемъ и стихіямъ богоподобную честь воздаваху. Вопервыхъ Перконосъ, си естъ Перунъ, бяше у нихъ старѣйшый богъ, созданъ на подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубового древія 2) непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякого

1) Сахарова Русскія народныя сказки, 1841.

2) О дубѣ смотр. ниже, стр. 114.

извѣша и милости убиваху. Вторый Волосъ, богъ скотій, бяше у нихъ во великой чести. Третій Позвиздъ, Ляхи его нарицаху Похвистъ; сего вѣрили быти бога аеру, си естъ воздуху, а иныи погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру 1), яко Богу кланяющеся моляхуся. Четвертый Ладо (си естъ Pluton), богъ пекелный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще, Ладо, Ладо, приплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ. Пятый Купало, якоже мню, бяше богъ обилія, якоже у Еллинъ Цересъ, ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше Іюня 25 дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадъ, обоего полу, и сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь 2), инде

---

1) О вѣтрахъ ibid. стр. 119.

2) Миѳологич. значеніе огня, въ связи съ очищеніемъ, ibid. 167.

же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оного огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ презъ оный огонь прескакуютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще. Шестый Коляда, ему же празникъ пресквернный бяше декаврія 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Рождествомъ Христовымъ ося насъ и идолы погибоша, но единаче діяволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадъ сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо отъ кого уповати; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си естъ, Хорса 1), Дажбога, Стрибога 2), Семаргла 3), Мокоша, иныи же кладяземъ, озеромъ, рощеніямъ 4) жертвы приношаху. Отъ сихъ еди-

1) Хорсъ — солнце, см. донесеніе Прейса въ Ж. М. П. П. 1841, Февраль.

2) Смотр. ниже, стр. 62, о значеніи обоихъ сихъ названій.

3) Это слово, вѣроятно, надобно разложить на два, смотр. Восток. Опис. Рум. Муз. 228: и въ сима и въ ръгла.

4) Смотр. ниже, стр. 114, 116—118. Слич. Прав. церк. въ Рус. Дост. I, 94 еже жроуть бесомъ и болотомъ и колодяземъ?

ному нѣкоему богу на жертву людей попяху, сму же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си естъ бѣсовъ, яко вометаемыи во воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою бливаютъ но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.

Изъ этой чрезвычайно любопытной статьи извлекаются слѣд. выводы:

1. Сличивъ это мѣсто съ Несторовымъ описаніемъ идоловъ, видимъ, что до XVII вѣка не только не утратилось въ народѣ преданіе о богахъ языческихъ, но даже неразрывно связалось съ суевѣрными обычаями и съ поэзіею.

2. Наши старинные писатели сравнивали свою Миѳологію съ древнеклассическою, и тѣмъ придавали своимъ божествамъ эстетическій колоритъ греческихъ. Это велось отъ XII в., ибо въ глоссахъ Mater verborum славянскія божества переводятся грекоримскими. Въ старину языческое соединялось съ Еллинскимъ, напр. въ Правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.): пакы же оувѣдѣхомъ бесовьская еще держаще ѡбычая прекляты́хъ ѥллинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити. Рус. Дост. I, 114.

3. Согласно съ свидѣтельствомъ предложенной статьи, до сихъ поръ находимъ мы въ нашихъ пѣ-

сняхъ, какъ непоняшные архаизмы, миоологическія воспоминанія, а именно: а) Лада: въ одной старинной пѣснѣ: у меня Ладо змѣя скороспѣя;—въ другой: не ушай, молодое, да что перва Лада? „ой Дидъ и Ладо! да что перва Лада?—„какъ перва-што Лада, золотъ съ руки перстень, и пр. 1) Въ глос. Mat. verb. lada, uenus, dea libidinis, cytherea, отсюда ladni, nitens, serenum. Слич. въ Судѣ Любуши 48 ot sasaui ladni (от Сазавы ладны), знач. чистый, быстрый—эпитетъ рѣки: отсюда Лада, имя рѣкъ и источниковъ, напр. въ Польшѣ, въ Псковск. губ. притокъ Великой и др. 2) Ладный значитъ и вообще прекрасный: въ чешск. Псалт. XIV в., Пс. 92, 1 decor переводится словомъ ladnost 3). Такимъ образомъ мы постоянно видимъ, что понятія о прекрасномъ выражаются словами отъ корней значенія языческаго и недобраго. Вѣроятно и музыкальный *ладъ* ведетъ свою исторію отъ Лады. б) Купало: согласно съ свидѣтельствомъ текста, также сохранился въ пѣсняхъ, соединяясь съ Иваномъ: „Купало на Ивана, „купался Иванъ, ша въ воду упавъ 4). Замѣчательно, что, въ одной купальской пѣснѣ Купало присовокупляется къ слову *Дидъ*: ходили дивочки коло

1) Сахарова Сказанія Русскаго народа.

2) Ходаковскій думаетъ и Ладогу производитъ отъ Лады, см. Рус. Историч. Сбор. том. III, кн. 2.

3) Шафарика и Палацкаго Die alt. Denkm. d. bohm. Spr. стр. 52.

4) Снегирева Руск. простонар. праздн. и обряды, вып. IV, 45.

мареночки, „коло *дива*—купалы 1). Миѳологическое существо Дивъ попадается въ Сл. П. И.: дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ. Отъ Купалы названіе растенія, *купальница* (лютикъ, ranunculus acris) 2): Купальницею же именуется и день Св. Агриппины, 23 іюня. в) Коляда: напр. въ одной колядской пѣснѣ: коляда, коляда! „пришла коляда „наканунѣ Рождества; „мы ходили, мы искали „коляду *святую*, и пр.; въ другой колядской пѣснѣ воспѣвается языческое жертвоприношеніе 3), совершаемое подъ пѣсни Колядѣ. г) Поклоненіе водамъ сохранилось въ пѣсенномъ припѣвѣ: Дунай мой, Дунай, Спливанович Дунай 4). Слич. въ Сл. о П. И. полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. На потопленіи въ жертву водамъ основывается все старинное наше стихотвореніе: Садковъ корабль спалъ на морѣ, Др. р. сш. 337. д) Исчисляя остатки язычества въ пѣсенныхъ припѣвахъ, почитаю не лишнимъ обратить вниманіе на остроумную догадку Коллара, который въ святошной припѣвкѣ *слава*, напр. идетъ кузнецъ изъ кузницы — слава, — видитъ существо миѳологическое 5).

4. Въ связи съ древнимъ язычествомъ стоятъ суевѣрные обряды. Нѣкоторые изъ нихъ досель

1) Рус. Истор. Сборн. 1838, томъ, III, кн. I, стр, 118.
2) Карамз. И. Г. Р. I, 90.
3) Снегирева Руск пр. пр. и обр., II, 68, 69.
4) Смотр. ниже стр. 117.
5) Sláwa Bohyně 10 — 21.

сохранили характеръ чародѣйства и ворожбы, другіе, потерявъ свое первобытное значеніе, перешли въ народныя игры. Игры, наровнѣ съ поэзіею и ворожбою, почитались языческою забавою и предавались прокляпію, напр. въ Сборникѣ 1754 г. въ Рум. Муз. 1): аще золото хоронитъ или жмурками играютъ или поддверію и окномъ слушаютъ, или лица своя сажами марающъ, или пренипами главу свою мочатъ, или жгутами бпются, и въ гусли и домры и сопѣли и вбубны и лёнки шáхматами и зернію и каштами .... или громъ слыша валяются, или жаворонка, или на ростанѣхъ слушаютъ, или снѣгъ по́лютъ .... или сапоги мечютъ за ворота, и пр.; далѣе слѣдуютъ примѣты, какъ въ выше приведенной сказкѣ о суевѣріяхъ, напр.: и морѣ дичится и вѣтры сухие или мокрые тянутъ, и пр. п. Въ пѣсни „И я золото хороню“ миѳологическій архаизмъ: въ коей рукѣ былица, „змѣиныя крылица?

Въ лѣтописяхъ и въ древней поэзіи нашей весьма любопытно обращпть вниманіе на отношеніе нѣкоторыхъ языческихъ повѣрій къ Христіанству. Такъ въ Соф. Вр. I, 164—165 говорятъ волхвы: вѣдаемъ, како есть человѣкъ съпворенъ .... Богъ мывся отреся вешхемъ, и сверже съ небеси на зсмлю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и съпвори діяволь человѣка, а Богъ душу вложи въ онь; пѣмъ же аще умрепь

1) Опис. Восшок. 551 — 552.

человѣкъ, въ землю идешь шѣло, а душа къ Богу. ibid. 166, говоритъ Кудесникъ Новогородцу христіянину: бози наши живутъ въ безднѣ, суть же образомъ черни, и крилаши, и хвосты имуще; въсходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небесѣхъ суть, и аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умираетъ, то носимъ есть нашимъ богомъ въ бездну. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшихъ легендахъ языческія божества перешли въ демоновъ. Замѣчателенъ архаизмъ въ употребленіи слова: боги 1), напр. въ Др. р. стр. 405: а и теща къ обѣдни пошла — „что идетъ помалешеньку, „ступаетъ потихошеньку, „съ ноги на ногу поступываетъ, „на башмачки посматриваетъ, „чеботы накалачиваетъ. „Всѣ *Боги* теща прошла, „а зашедъ-то Шиколѣ челомъ, „а Николѣ Мясницкому. Отношеніе Христіянства къ искусству, въ Др. р. стр. 341—342:

И развалялся Садко, и пьянъ онъ спалъ,
и уснулъ Садко купецъ, богатой гость;
а во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
говоритъ ему такови рѣчи:
гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
разплясался у тебя Царь морской.
а сине море всколебалося,
а и быстры рѣки разливалися,
топятъ много бусы, корабли,

1) Каспорскаго Начертаніе Словянской Миѳологіи, 1841.

топятъ души напрасныя
того народу православнаго.
А и шутъ Садко купецъ, богатый гость
изорвалъ онъ струны золоты,
и бросаетъ гусли звончаты;
пересталъ Царь морской скакать и плясать:
ушихло море синее,
ушихли рѣки быстрыя.

Такимъ образомъ искусство жертвуется чувству религіозному, предписывающему добродѣтель. И у насъ, какъ въ западной Европѣ, къ чудесному языческому присовокупилось Христіянское.

8. Христіянскій взглядъ на природу физическую. Христіянская Симеолика. Краснорѣчіе.

Христіянству надлежало не только очистить грѣховнаго человѣка, но и освятить природу неодушевленную, оскверненную язычествомъ. Древнее духовенство наше входило въ малѣйшія подробности въ разсужденіи предметовъ чистыхъ и нечистыхъ, что видно изъ Вопросовъ Черноризца Кирика (Пам. Слов. XII в. 175—203), напр.: а нърть (одежды) дѣля, въ чемь хотяче ходити? Нипуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ. — Такой вопросъ набожныхъ предковъ нашихъ весьма естественъ, ибо звѣри были осквернены языческими повѣрьями. Или еще любопытнѣе, ibid.: аще случишься платъ женьскый въ портъ въшити попу, достоитъ ли въ томь служити портъ? И рече: достоитъ, ци погана есть жена? —Однако строгость Христіянскаго

благочестія не только не заглушила въ человѣкѣ нѣжнаго сочувствія къ природѣ, но еще большую глубину и ясность придала ему: напр. въ тѣхъ же Вопросахъ Кирика: зашедшю солнцю, недоспоивъ мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко, како и вѣнець ещь (еще) не сыймется съ него: *то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.* Христіянскій символическій взглядъ на природу весьма рано перешелъ къ намъ изъ Византіи 1). Въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго (XII в.) вся видимая природа является непреложнымъ знаменіемъ судебъ Христіянства, осязаемымъ символомъ тайнъ Божіихъ. Отъ уподобленія символъ отличается тѣмъ, что въ уподобленіи свободная фантазія по своей волѣ сближаетъ два разнородныхъ предмета: символъ же въ вещественномъ, въ видимомъ образѣ указываетъ необходимый и непремѣнный смыслъ духовнаго и таинственнаго. Если

---

1) Художникъ Византійской школы хотѣлъ, напр., выразить, что Крестъ Господень есть древо жизни, отъ коего питаются всѣ твари земныя, и которое подъ своимъ кровомъ содержитъ все живущее: и этотъ Живописующій Крестъ съ Распятіемъ является блистательнымъ и плодотворнымъ цвѣтомъ царственнаго древа, отъ корня же его истекаетъ живоносный родникъ въ утоленіе жаждущимъ, а многоцвѣтныя вѣтви вьются кругами и разстилаются по церковному своду, объемля собою многоразличныхъ звѣрей птицъ и людей. Такова, напр., мозаика въ старинной церкви Св. Климента въ Римѣ.

уподобленія и тропы разсматривать исторически, що символъ можно назвать первобытнымъ, архаическимъ періодомъ языка украшеннаго. Въ примѣръ Символики византійской привожу отрывокъ изъ Слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю по Пасцѣ, о поновленіи Въскресенія и о аѳтусѣ и о Ѳомиѣ испытаніи ребръ Господень, Пам. Сл. XII в. 20: Проповѣдникъ бросаетъ символическій взглядъ на наступающую весну: Днесь ветхаа конець пріашя, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко врѣтища съвлекъшися, и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа, Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скрѣбь Іудейска спраха отвръгше, Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдаютъ. Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ. Ныня луна съ вышняго съступившъши степени, большему свѣтилу честь подаваетъ; уже ветхый законъ, по Писанію, съ суботами преста и Пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаетъ. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумпрослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ (Христовыхъ) ребръ растаяся.

Днесь весна красуется, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзуютъ и земля сѣмена пиштающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаетъ (пораждаетъ) человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемъ претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзуютъ: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Ныня новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачютъ, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяшься, да и пастыри свиряюще веселіемъ Христа хвалятъ. Агнеца, глаголю, кротькыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомъ въчеловѣченіемъ и Апостольскымъ ученіемъ и чюдесы, скоро по законъ емъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссутъ (сосутъ); да и учители Христова спада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славятъ, вся волкы и агньца въ едино спадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущаютъ и цвѣти благоуханія процвитаютъ, и се уже огради (огороды) сладъкую подаваютъ воню, и дѣлателіи съ надежею стружающеся плододавеца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися (привилась) Христова вѣра въ нашемъ невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣтны добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожи-

дають; да и свящители о церкви пружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня рапан слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаанія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяшься. Днесь вешхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину Божія въчеловѣченія испышавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣпаюнь: рѣками бо, рече Пророкъ, расядется земля, узрять и разболяшься нечестивіи людіе. Ныня мишьскаго образа прудолюбивая бчела свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣпы излетающи, медвеныя спы сиваряеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя пиица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяшься: и пиица бо, рече пророкъ, обрѣпе гнѣздо себе, олтаря швоя, и свою каяжьдо поюши пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Съ этимъ Словомъ слич. у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг., 137 Приклади ѡ въстании, пр. е. примѣры, воскресеніе объясняющіе, изъ списка Богословія начала XII в.: Многамъ соущи притъчамъ, изборъ сътворьше ѿ нихъ малъ, съкажемъ о въстании, невѣроующимъ рекоуще. И отъ ластовицѣ не вѣроуеши ли, иже оу шебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? и зимѣ пришьдъши ѿидеть ѿ пе-

бѣ, и за короу залѣзъши приплашишьшисѧ доубоу, и перье съврьжешь; годоу же весньноуоумоу пришьдъшоу пакы сѧ обьржешь перьемь, ѩко и навь из гроба исходѧщи, весна бо ѥи въспание принесешь, и много пакы пришьдъши г л҃ть и щьбьчешь, шъкмо не рекоущи: ч л҃вчине! ѡ҃ мене вѣроуи ѡ въскрьсении. И дроугааго съмотри чрьви, иже изъ себе свилоу (шолкъ) шочишь, и обѧзаса шѣми нишьми домъ сѧ сѫшворишь и гробъ, сѫпроспа же рещи всеи емоу плъши шоу сѫсъхъшисѧ; годоу же пришьдъшю весньноуоумоу пакы онъ же ѡбразъ древльнии иж него приимешь, и пакы шъжде живошъ боудешь ..... А о сѣмени жишьнѣмь и сочивьнѣмь чшо хощу г л҃ши, самѣмъ вы добрѣ вѣдоущемъ: аще зрьна не падоушь въ браздѣ, и ѩко въ гробѣ не погребѫшьсѧ и раскыдаюшьсѧ разгнивающа, шо не могоушь прозѧбноушии, ни класа сѫшворишии.

9. *Зодчество, саяніе, живопись, музыка.*

Изъ всѣхъ искусспвъ наши предки болѣе сочувспвовали зодчеспву, и припомъ преимущеспвенно храмовому. Лѣшописцы любящъ въ подробносши описывашь церкви, напр. въ Ипаш. 111 — 112: (Андрей) уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь преславну свящыя Богородица Рожесшва, посредѣ города, камену, созда въ Боголюбомъ, и *удиви* ю паче всихъ церквій, подобна шоѣ Свящая Свящыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрыи создалъ. Тако и сій князь благовѣрныи Андрей сошвори церковь сію въ памящь собѣ, и укра-

си ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цяпами (денарій; у окладныхъ образовъ подвѣсокъ полумѣсяцемъ при вѣнцѣ) 1) и аспидными цапами украси, и всякими узорочьи *удиви* ю, свѣтлостью же не како зрѣпи, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и *удививъ* ю сосуды златыми и многоцѣньными, шако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финипіомъ и *всякою добродѣтелью* и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и еруспимъ златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи (рипида — вѣялo, круглый на рукояти образъ херувима) многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ диу (въ варіантѣ правильнѣе: извну) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшетъ же и сѣнь (навѣсъ надъ престоломъ и царск. врапами) златомъ украшена отъ верха и до деисуса (икона Спасителя между Богородицею и Іоан. Кресп., отъ надписи δέησις) 2), *и всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью.* Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь силно устроилъ, къ нему же ворота Златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь каме-

---

1) Добровск. Instit. linguae Slav. 99.

2) Снегирева Памятн. Моск. древностп, въ примѣч. къ Опис. Благовѣщ. Собора.

ну сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя проѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи *удиви* ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными *просвѣти* церковь, а онъбонъ (амвонъ) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ (сосудовъ, посудъ) и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а прiе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна быста удивленiю Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ (тябла или пояса, т. е. ярусы Иконостаса назывались праотеческими, пророческими, апостольскими и праздничными, Деисусомъ и мѣстными образами) златомъ устрои, каменьемъ *усвѣти* и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же пошкы (варіантъ: шпахы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. — Обратить вниманіе на прекрасныя выраженія курсивомъ; касательно слова *измечтана* надобно замѣтить, что мечта, мечтаніе, мечтать съ одной стороны у насъ употреблялись для выраженія художественнаго понятія, а съ другой для означенія чего-то дьявольскаго, ворожбы, гаданія языческаго, напр. Софійск. врем. I, 175: пре-

дивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи шушенъ, стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси. Ипат. 181: . . . и Чингизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волъшбы. Въ молитвѣ мы просимъ Бога дать намъ сонъ безмечтанный 1). Еще описаніе церкви, Ипат. 196, построенной въ Холмѣ при Даніилѣ: (1259) созда же церковь святого Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы Римьскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени, и на нею комара, и выспрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутрьнии же еи помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещашися яко зерцалу; двери же еи двоя украшены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ, шесанымъ, узоры шѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ а на полунощныхъ святый Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ.—Нѣкоторыя названія частей церкви и хоромовъ перенесены отъ частей тѣла, напр. шея, глава, лобъ, плечи и др.: побиша лобъ у Святыя Троица желѣзомъ, Пск. лѣт. 102. видяху многажды изо лба церковнаго Преподобнаго Варлаама велію стрѣльбу бывающу, ibid. 233. у каменой церкви верхъ огорѣлъ

1) Слич. ниже, стр. 184.

рѣлъ до плечь, Новог. лѣт. 150. у Іоанна Святаго маковица огорѣла да и плеча, ibid. 152. повѣсиша колоколъ на персѣхъ на новой стѣнѣ, Пск. лѣт. 102. и поставн его на крилѣ церковномъ, Матѳ. 4, 5.

Нѣсколько указаній для старинной художественной терминологіи: поставн владыка Іоанъ теремецъ каменъ, идѣже воду свящаютъ на всякыи мѣсяць, и пекелницу камену, Новг. лѣт. 103. поставн архіепископъ Новогородскіи владыка Евѳиміи ключницу хлѣбную камену, ibid. 112. духовницу камену, ibid. 114. Въ Ипат. 113: медуша. Въ Лѣтоп. Арханг. (Князь великій) выйде отъ него въ повалушу, а Князю Андрею повелѣ себѣ ждати, и бояромъ его повелѣ ити въ столовую гридню. Слич. старую пословицу: теремъ высокъ, а повалуша выше. Въ Пск. лѣт. 224: буя полата (при церкви: вѣроятно выносились въ нее мертвыя тѣла). — Палатами 1) назывались каменныя зданія, хоромами — большія деревянныя, съ теремами, вышками, гриднями, повалушами и сѣнями. Палата попадается уже у Нестора. Срубить городъ — техническое выраженіе для постройки города. Способъ строенія деревянныхъ домовъ былъ: въ обло; въ лапу, или въ замокъ; сковородникомъ; въ присѣкъ, или въ крюкъ; въ охряпку, или скобой. Крыши о двухъ скатахъ назывались двускат-

1) Смотр. Снегирева Памятники Московской древности, тетрадь первую.

ными, а на всѣ стороны скатомъ — шатровыми. или спанчею. Храмы строились: крещатые—т. е. по греческому кресту, коробовые—т. е. полукруглые, и наконецъ стрѣльчатые или монастырскіе, введенные въ Россіи съ XV в. Своды сводили, или собирали сводомъ зданіе: собирая сводомъ сотворишп ковчегъ, Быт. 6, 16. Своды въ церквахъ были стрѣльчатые, котловые и коробовые; въ нихъ дѣлались голосники; верхи ихъ сводились въ три яруса шеремами и закомарами, кои осѣнялись главами.— Иконописцы по различію дѣлопроизводства различно назывались: знаменщики—дѣлали абрисъ, личевщики—писали лица, доличные—писали одежду. Иконное письмо раздѣлялось на крупное и мелочное, собственно иконное, стѣнное и травное: послѣднее состояло въ расписаніи стѣнъ травами и цвѣтами. По числу листовъ накладываемаго на доску золота иконы именовались пятницами (или пятилистовыми), шестилистовыми, осмилистовыми. Названія для частей иконы: въ лицахъ отживка, или блики; на высокихъ мѣстахъ подпробѣлки, замѣнившія прежнюю костоватость; въ отдѣлахъ волосъ подрусники и просѣдинки, въ доличномъ или въ драпировкѣ гвенты; лица писались прямолично (en face); съ XVII в. на иконахъ появляется запинка, соотвѣтствующая свѣтлотѣни. Художественный снимъ назывался *пошибомъ*. Иконописцы подлежали вѣдомству Оружейной серебряной палаты *иконнаго воображенія* (т. е. изображенія).—Обронная или сканная работа литая называлась и вольячной, т. е. массивной; противопо-

лагалась тощей или дупой, испуканной и выбойчатой, или басменной, которая называлась и басмою.

Для старинной музыкальной терминологіи, именно церковной, источниками могутъ служить стихирари (рукописи съ XIV в., смотр. Востокова Описан. Румянц. муз. стр. 650 и слѣд.), или сборники церковныхъ пѣснопѣній съ крюковыми нотами, или знаменіями. Изъ многихъ названій этихъ нотъ, нѣкоторыя весьма любопытны, напр. змиика, голубчикъ, стопица, стопица съ очкомъ, чашка, крюкъ съ облачкомъ, с подчашіемъ, стрела, поводная, поездная, мрачная, свѣтлая, громная, громная свѣтлая, крижь (крестъ), мечикъ, паукъ, лошадка, перевязка, ѳита двоечелная, пристрѣлная, громогласная, дубинка, колчанецъ, недоскокъ, перескокъ, колыбелка, шужливая ковычка, кудри, и проч.

Музыка называлась гудьбою, отъ глагола гудѣть, откуда и гудокъ, и погудка, и гусли (л въ окончаніи означаетъ орудіе), употребительнѣйшій и древнѣйшій у Славянъ инструментъ. Подъ 591 годомъ Ѳеофилактъ упоминаетъ о троихъ Славянахъ, имѣвшихъ при себѣ не оружіе, а инструменты въ родѣ гуслей. У Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ были съ пляскою и пѣснями игрища, на коихъ совершались языческія свадьбы. Свидѣтельство о древнѣйшихъ родахъ нашей музыки въ Др. р. сш. 132—133:

И зачалъ тушъ Ставръ поигрывати:
сыгришь сыгралъ Царя-града,
шанцы навелъ Іерусалима,
величалъ Князя со Княгинею,

сверхъ того игралъ Еврейской стихъ; —
посолъ задремалъ и спать захотѣлъ.

Слѣд. у насъ пѣлись и игрались: 1) Византійскій сыгришъ, 2) Іерусалимскія танцы, можетъ быть, шенконы — драмматическія пѣсни, 3) величанія князьямъ, подобныя пѣснямъ о Владимирѣ, 4) Еврейскіе стихи, т. е. Псалмы, столь любимые нашими предками 1).

10. Предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь.

Не надобно думать, что въ старину наши писатели не умѣли связывать словъ въ стройныя предложенія и періоды. Поговорки и пословицы 2), сохранившіяся въ древнихъ памятникахъ, суть не иное что, какъ лучшіе, избраннѣйшіе отрывки рѣчи нашихъ предковъ, служащіе намъ примѣромъ тому, какъ прежде строились у насъ предложенія и періоды. Еще Преподобный Несторъ обратилъ вниманіе на народныя пословицы, или притчи, какъ онъ называетъ ихъ; и приводитъ слѣд.: есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки Ѳбре, Лавр. 7. есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ, 46. тѣмь и Русь коряшся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ, 51—52. Пословицами и обычными поговорками объясняются и слѣд. выраженія въ Несторѣ: да будемъ золоти (жолты) яко

1) Смотр. въ Очеркахъ Россіи Пассека, III, 64.

2) Смотр. Снегирева Рускіе въ своихъ пословицахъ 1831 4 части.

золото — клятва; аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо — говорили Древляне объ Игорѣ; Руси есть веселье пить, не можемъ без того быти,—сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато — говорилъ Владимиръ. Послѣднюю пословицу повторяетъ Даніилъ Заточникъ такимъ образомъ: мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Сочинитель Слова о Полк. Игор. приводитъ припѣвку вѣщаго Бояна: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути. Здѣсь припѣвка имѣетъ значеніе пословицы, т. е. мудраго изрѣченія; собственно же припѣвка есть прелюдія, какъ напр. въ началѣ древнихъ стихотвореній:

Высота ли высота поднебесная,
глубота, глубота океанъ море;
широко раздолье по всей земли,
глубоки омуты Днѣпровскіе.

Такое безпричинное возвышеніе и углубленіе выражаютъ полетъ творческаго воодушевленія, и, какъ увертюра передъ оперою, отвлекаютъ читателя или слушателя отъ прозаическаго быта и пріуготовляютъ къ поэтическому разсказу. Не характеризуется ли подобная припѣвка въ началѣ Сл. о Полк. Иг.: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити: то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы? Отъ пословицы поговорка отличается тѣмъ, что означаетъ вообще какой нибудь удачный оборотъ рѣчи: слово имѣетъ высшій смыслъ, и даже упо-

требляется какъ общее названіе для рѣчи, проповѣди, сочиненія; говоромъ же называется и крикъ животныхъ, напр. въ С.л. о П. И. говоръ галокъ. Такъ поговоркою можно назвать причитанье Русскихъ женъ, плачущихъ по мужьяхъ своихъ въ С.л о П. И: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати. Пословица распространяется иногда до полнаго силлогизма придачею меньшей посылки, или частнаго случая къ общей мысли, выражаемой пословицею, ibid: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря — т. е. пословица: тяжко головѣ безъ плечь, зло тѣлу безъ головы; примѣненіе: Руси безъ Игоря. — Пословицы въ лѣтописяхъ: копая подъ другомъ яму самъ ся въ ню въвалишь, Новг. л. 56. не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту, Ипат. 65 — сказалъ Изяславъ, узнавши, что сынъ его побѣжденъ. браше! миръ створишь до рати (войны), а рать до мира, ibid. 65 — выражаетъ воинскую жизнь нашихъ предковъ. не вѣдуще глаголемаго: идѣ же законъ, ту и обидъ много, ibid. 115 — гражданскія отношенія. О разореніи Бѣльза Даніиломъ въ одну ночь: сію же наречютъ Бѣлжане: злу ночь; сія бо нощь злу игру имъ сыгра, ibid. 163. Слич. подобную этой: Скырлъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ, ibid. 170—о погибели Венгровъ на Днѣстрѣ, поговорка въ игрѣ словами. Романе, лихимъ живеши, Лишивши оремя (пашешь) — о жестокости Романа Волынскаго съ

плѣнными Липовцами. господине! не погнѣшши пчелъ меду не ѣдашь, Ипат. 171—говоритъ сопскій Микула Даніилу Романовичу иносказательно, чтобы онъ притѣснялъ бояръ для своей пользы.—Оставляя множество другихъ пословицъ, разсѣянныхъ по древнимъ памятникамъ, обращаю вниманіе на Слово Даніила Заточника, почти все сложенное изъ поговорокъ и изреченій: ихъ же ризы свѣтлы, шѣхъ и рѣчь честна. никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села. безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ. какъ во ушелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса: ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: рѣчь продолжна не добро, продолжена наволока, и пр. Памят. Рос. Сл. XII в. 229 — 240 1). Вотъ какъ въ

1) О древнихъ пословицахъ у славянскихъ племенъ см. Maciевскаго Pamiętniki 1839, II, 83.

старину изъ пословицы развивался цѣлый періодъ и образовывался слогъ. Такое историческое изслѣдованіе прилагаетъ путь и къ научному изученію теперь употребляющихся пословицъ. Однако надобно замѣтить, что нынѣ не можемъ уже мы такимъ образомъ начинивать свою рѣчь поговорками: что встарь было простотою и безыскуственностью, то покажется теперь намѣреннымъ, тяжелымъ педантствомъ.

Построеніе періодовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ произведеніяхъ чрезвычайно правильно: такъ въ Словѣ Даніила Заточника всѣ пословицы и поговорки слиты въ стройныя формы періодовъ, а періоды по большой части примыкаются другъ къ другу, составляя не разрѣшимую цѣпь. Вотъ примѣры періодовъ: 1) *противительный*, заключающійся пословицею: богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Обрати вниманіе на соотвѣтствіе предложеній и словъ въ частяхъ втораго періода: богатъ—вси—и; убогъ—вси—и. 2) *сравнительный*: птица бо радуется весне а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми.—Яко же бо неводъ не удер-

житъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. наволока, испещрена многими шелки, красно лицо являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. 3) *относительный:* но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣщреня. егда лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. коли пожретъ спица орла, коли каменіе восплыветъ по водѣ, коли свиніи почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. 4) *винословный*, связывающій нѣсколько пословицъ: злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Обѣ части этого періода идутъ параллельно, состоя изъ соотвѣтственныхъ уподобленій. 5) *условный*: или ми рече: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ жуковяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. или ми рече: солгалъ ми еси яко песъ: добраго бо пса князи и бояре любятъ. или ми рече: солгалъ ми еси яко шапь, аще быхъ умѣлъ красти, только бы не скорбѣхъ. Всѣ эти три условные періода соединяются другъ съ другомъ союзами *или*, и потому всѣ вмѣстѣ представляютъ какъ бы одинъ

періодъ раздѣлительный. 6) Соединеніе сравнительнаго періода съ винословнымъ: гусли бо строятся перстьми, а шьло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ.

Уже въ Сборникѣ Святославовомъ 1076 года встрѣчаются правильные періоды, напр. въ Словѣ нѣкоего Калугера (καλογέρων, добрый старецъ, монахъ) о чтеніи (чтеніи) святыхъ книгъ, въ оригинальномъ славянскомъ, по мнѣнію Востокова, произведеніи, періоды сравнительные: рекоу же, уозда коневи правитель есть и въздьржаніе: правьдьникоу же книгы. Не съставить бо са корабль безгвоздии, ни правьдникъ беспочитаніа (безъ чтенія) книжьнааго: и тако же плѣньникомъ оумъ спонть оу родитель своихъ, тако и правьдьникоу о почитаньи книжьнѣмь. красота воиноу ороужіе. и корабля вѣприла: тако и правьдьникоу почитаніе книжьное. (Въ Славянск. Христ. Пентпскаго, 1828, стр. 249). Замѣтить въ этихъ періодахъ симметрическое соотвѣтствіе сравниваемыхъ понятій.

Еще любопытнѣе для насъ такіе періоды, въ коихъ ясно отношеніе внутренняго содержанія къ граммапической формѣ, напр. *символическіе* періоды, въ трепьемъ словѣ Кирилла Туровскаго (Памяти. Слов. XII в. стр. 21): „Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваетъ, въ-

зиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ.“ Части періода относятся другъ къ другу, какъ члены параллелизма, ибо символизмъ предполагаетъ параллельное соотвѣтствіе между таинственною мыслію и образомъ; солнцу соотвѣтствуетъ Христосъ; къ высотѣ восходитъ — возиде отъ гроба; землю огрѣваетъ — вѣрующая спасаетъ. „Нына зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразумѣемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ ребръ растаяся.“ Это періодъ изъяснительный, ибо во второй части объясняются и распространяются слишкомъ сжатыя символическія выраженія первой части. Такъ какъ объясненіе предполагаетъ во второй части развитіе той же мысли, что и въ первой: потому здѣсь части періода соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ члены параллелизма синонимическаго: зима грѣховная покаяніемъ престала есть — зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть. Какъ первый членъ первой части соотвѣтствуетъ первому второй части, такъ второй — второму. Зима грѣховная, ледъ невѣрія — символич. опредѣленіе, и родит. падежъ символа. „Днесь весна красуется, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаетъ человѣчьское па-

кы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзуютъ: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ." Въ первомъ періодѣ проповѣдникъ представляетъ картину природы, бросаетъ взглядъ на природу очами внѣшними; въ слѣдующемъ же періодѣ оживляетъ эту картину внутреннимъ, символическимъ значеніемъ: весна — вѣра Христова, бурніи вѣтри — грѣхотвореній помысли, земля — земля естества нашего, т. е. душа. Картинѣ природы въ первомъ періодѣ соотвѣтствуютъ символическія представленія втораго періода: весна оживляетъ природу — Христіянская вѣра человѣческое естество; тихіе вѣтерки лелѣютъ плоды — добродѣтель возращаетъ спасеніе души; земля, пищая сѣмена, праву изводитъ — душа человѣка, пріявъ слово Божіе, болящая страхомъ Божіимъ, рождаетъ духъ спасенія. Таково символическое соединеніе двухъ періодовъ.

Теченіе ораторское также наблюдалось и въ старину, напр. въ Сл. о Полк. Иг. 1) симметрическая постановка глаголовъ на концѣ предложеній: заря свѣтъ *запала*, мъгла поля *покрыла*, щекотъ славій *успѣ*, говоръ галичь *убуди*. Рано еста начала Половецкую землю мечи *цвѣлити*, а себѣ славы *искати*. нъ нечестно *одолѣсте*: нъ не честно бо кровь поганую *пролiясте* (и стройный противительный періодъ). ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ *скована*, а въ буести *заколена*. Всеславъ князь

людямъ *судяше*, княземъ грады *рядяше*, а самъ въ ночь, влъкомъ *рыскаше*. Спройность послѣдняго періода дополняется паѳологіею судяше — рядяше, и дактилическимъ окончаніемъ рыскашѣ. 2) глаголы въ началѣ предложеній: *стоиши* на бороні, *прыщеши* на вои стрѣлами, *гръмлеши* о шеломы мечи харалужными. Тоже съ дактилическимъ окончаніемъ. 3) въ противительномъ соединеніи слѣдующее предложеніе начинается тѣмъ же словомъ, которымъ оканчивается предыдущее: Немизѣ кровавѣ брези не бологомъ бяхуть *посѣяни*, *посѣяни* костьми Рускихъ сыновъ. 4) періодъ оканчивается обращеніемъ съ звательнымъ падежемъ: велиш послушаши земли незнаемѣ, Влъзѣ, и поморіе и посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ! — не былопъ (не было оно) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! 5) повтореніе при исчисленіи дней до третьихъ сутокъ: бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Слич. въ Краледв. рукоп. 66 i minu den prui i minu den vtori „i kdaz za trsietem luna wnoci biese—и минулъ день первый, и минулъ день второй, когда же за третьимъ луна въ ночи была; ibid. 72 i minu den i minu den vtori „i po trsietiem dni kehdisie zatemnise noc — и минулъ день, и минулъ день второй, и по третьемъ днѣ когда затемнѣла ночь. 6) дактилическія окончанія періодовъ: орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узо-

рочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому. Попытки разложить Слово о П. Иг. на стихи только частію удавались: по крайней мѣрѣ никто не опровергнетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣтственнаго симметрическаго теченія предложеній:

Высоко плаваеши на дѣло въ буйстви
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
сущь бо у ваю желѣзныи паворзи,
подъ шеломы латинскими.
тѣми тресну земля и многи страны.

7) рѳомы въ періодахъ, составленныхъ изъ пословицъ, напр. въ Сл. Даніил. Започи.: — а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны не *лзя пити*, ни коня *напоити*.

Рѣчи нашихъ предковъ отличаются краткостью, напр. Новог. лѣт. 48 или вы собѣ, а мы собѣ. 50 придоша кождо десятьни въ домы своя. Пск. лѣт. 217 а наши головы въ ихъ головы. Закон. Іоан. III: и та отпустная грамота въ отпустную. та грамота не въ грамоту (изд. Калайд. и Строев. 8). Самое соединеніе предложеній, при видимой неправильности, много способствовало краткой выразительности: Новог. 60 а Юрьи Князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть. 70 избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ. Въ послѣдствіи времени винѣватость и претензіи на образованность

испортили старинный періодъ: разительный примѣръ тому предлагаетъ начало Грамоты о избраніи Михаила Ѳеодоровича: Великого Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славе величествия Своего, седящаго на престоле Херувимстемъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольные, и равно сильныя и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и соприсносущныя, и собезначальные и единоначалные, и присославные и нераздѣлные, въ трехъ сославехъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господьствующимъ, непреодоленнаго и всякие силы крепчайшаго, Имъ же Царие царствуютъ и велицыи величаются, сего въ Троице присославнаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко создание отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ несущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него жъ приимша земля наша Руская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей, Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарского престола, и прекрасноцветущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обла-

дающаго всею вселенною 1).—Такимъ образомъ, кромѣ періода библейскаго, надобно отличать народный безыскуственный, и въ послѣдствіи витіеватый, напыщенный, отягощенный иностранною конструкціею. Ломоносовъ далъ искуственную, классическую раму неустроенному періоду: преобразованіе это въ отношеніи къ періодамъ варваризмамъ было благодѣтельно; въ отношеніи же къ народной безыскуственной рѣчи—вредно. Надобно было возвратиться къ древнѣйшему построенію рѣчи старинныхъ нашихъ памятниковъ: это совершено было уже Карамзинымъ въ И. Г. Р.

ИСТОРІЯ АРХАИЗМОВЪ.

Какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославяйскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ и особенно юридическихъ актахъ, постоянно попадаются рускія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы, напр. въ Др. Руск. Стих. *звуки*: е вм. о: единъ, я вм. ѣ: ясти, щ вм. ч: хощетъ, и пр. *Склоненія*: ед. им. маши 373. ед. род. женск. со тыя горы со высокія 210. только ты дай мнѣ загонъ земли, „непаханыя и нераныя 5. Цс. звап. вм. имен., и Цс. винительн. а то коли тебѣ Господи дочерь дастъ 253. мѣстн. падежъ: на славной Волгѣ рѣкѣ на верхней, „изголовѣ на Бузанѣ островѣ 106. а въ другомъ мѣстѣ уже предложн. въ тѣхъ устьяхъ

1) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, I, 599.

Тобольскіихъ на изголовѣ становилися 116. множ. шворнп. со вдовы честны, многоразумными 8. двойстн. число: двумя братцами родимыми, „дву удалыми Борисовичи 34, также 35. а прнемъ только было козаковъ на дву коломенкахъ 122. сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою 267. — *Спряженія*: неоконч. наклоненіе весьма часто на—и: стали пити, ясти, прохлаждатися 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „любовно жити, „дѣтей сводити 397. прошедш. описан. еще имали были свои добрые кони 404, а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ ibid. Цс. безличн: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163. NB: на стр. 186 убихъ—вѣроятно ошибка.—Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ наипаче того 5. и тому Татары дивуются наипаче того 117. почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78. а есть ли бо не дождешься въ шесть лѣтъ, „то жди меня въ двѣнадцать лѣтъ 198: не испорченное ли *если бы*?

Ломоносовъ отдѣлилъ церковнославянскій языкъ отъ Рускаго 1): „Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, *высокой*, *посредственной* и *низкой*. Сіе

1) О Пользѣ книгъ церковныхъ.

происходишъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, напр. *Богъ*, *слава*, *рука*, *пыпъ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напр: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *рясны*, *оногда*, *сепмь* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ, напр: *говорю*, *ручей*, *которой* 1), *пока*, *лишь*.“ Изъ перваго роду реченій, по Ломоносову, составляется слогъ средній, изъ второго — высокій, изъ третьяго — низкій: слѣд. церковнославянскій языкъ входитъ въ рускій, какъ стихія, образующая высокій слогъ. Архаизмы въ одахъ Ломоносова: вся шварь со многимъ страхомъ внемлетъ. вѣщаетъ Вещій деньми къ ней. мой гнѣвъ на кротость преложила. пробавилъ милость въ людяхъ сихъ. посли святую благодать. полки противныхъ отжени. уже со многими народы. избавительныя богини зракъ. гордыню сопостатовъ стерпи. и время Твоея державы „да ублажатъ раби Твои. внуши народовъ многихъ гласъ. и пр.

Жуковскій, кромѣ Цс. брегъ, глава, крилѣ (двойств. числ.) и др., употребляетъ слѣд. архаизмы:

1) *Который* попадается въ Остромир. Евангелiи.

защитой *бо* града единый былъ Гекторъ; дат. самостоят.: смотритъ (судно) въ глубокой долъ, въ глубокую мглу Ахерона; „вдругъ съ волной упадаетъ, и, *кругомъ взгроможденному морю*, „видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо (Цепксъ и Гальціона). Но... *богамъ отвратившимся*, поздно ввѣряться надеждѣ: т. е. когда отвратились боги, не ввѣряйся надеждѣ. Слич. Мерзлякова въ переводѣ Идиллій Моска, Европа: *власамъ распущеннымъ*, трепещуща блѣдна, „кличетъ подружекъ. У Пушкина, въ Борисѣ Годуновѣ: *никая* казнь меня не устрашитъ. *да* правлю я во славѣ свой народъ. Царь Іоаннъ искалъ успокоенья „*въ подобіи* монашескихъ трудовъ. Царю *едино зримый. зане* святый Владыка предъ царемъ „во храминѣ тогда не находился. на *пъкое* былъ посланъ послушанье. буду царемъ *на* Москвѣ. ты мнѣ была единственной святыней, „предъ *ней же я* притворствовать не смѣлъ. Слич. въ Фаустѣ: таковъ вамъ положенъ предѣлъ, „*егожъ* никто не преступаетъ. Въ подражаніи Данту: и полныя святыни *словеса*. Въ Исторіи Пугачевскаго бунта: подкопъ былъ приведенъ въ *дѣйство;* бѣдствіе разгорѣлось съ *вящшею* силою; *обще* съ Капитаномъ; неоднократно употребляются *дабы*, *таковой* и проч. У Лермонтова въ Героѣ нашего времени: я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ.

Съ большей подробностію предлагаю извлеченіе архаизмовъ изъ ИГР., подъ коими разумѣю намѣренно заимствованное Карамзинымъ изъ старинныхъ на-

шихъ памятниковъ 1). Въ этихъ выраженіяхъ надобно обратить вниманіе на народный складъ въ древней формѣ, на переходъ архаизмовъ къ рѣчи народной.

1. образованіе словъ: а) съ краткими окончаніями: новоукъ V, 56. IX, 362. примыслъ V, 221. разсудъ VIII, 249. прыскъ IX, 179. б) съ особенными окончаніями: женище IX, 274. в) сложныя слова: скородомъ X, 271. двоемысліе XII, 96: слич. Ипат. 192 Андрееви же надвое будущу, ibid. 218 я не двоюрѣчю.

2. значеніе словъ: а) архаизмы: обручи I, 154. изводъ II, 65. ропшики III, 275 и мн. др. б) русскія слова взамѣнъ варваризмамъ: смиренное платье вм. шрауръ IX, 139. копать борозды вм. весши пранши IX, 331 и 332. кувшины съ зельемъ вм. гранаты IX, 337, и пр. в) народныя слова: прохлада вм. удовольствія и удобства жизни IX, 6. г) слова, разширяющія свое значеніе: разводъ VII, 42. урокъ VIII, 20.

3. описательныя формы: держать страхъ вм. страшиться V, 201. водить круги вм. кружиться VIII, 164.

4. постоянные эпитеты: къ милымъ ближнимъ I, 139—изъ договора Олега съ Греками, въ коемъ сказано: да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближникамъ въ Русь, по Кенигсб. сп. 31. Въ подлинникѣ лучше, ибо вмѣсто двухъ прилагательныхъ стоитъ существительное съ прилагательнымъ.

---

1) Слич. извлеченіе, предложенное въ I-й части.

5. украшающіе эпитеты: сабли свѣтлыя VI, 308, когда онѣ блещутъ во время битвы. Слич. постоянный эпитетъ въ обычномъ выраженіи у Лужичанъ: ze swjetłym mječom zejhrawać 1).

6. тавтологія: возишь повозъ I, 244. судилъ и рядилъ землю VII, 181.

7. обычныя выраженія: отъ мала до велика XII, 257.

8. изобразительныя выраженія вм. отвлеченныхъ: отеръ потъ вм. успокоился отъ трудовъ II, 19.

9. выраженія, соотвѣтствующія древнему быту: а) старина въ смыслѣ древнихъ обычаевъ и правъ. б) бытъ воинскій: седлами закидаютъ III, 156. стояли всю ночь за щитами III, 157. взявъ ихъ землю на щитъ IV, 128. стояли Россіяне на костяхъ IV, 101. V, 72. племянникъ куетъ копіе на дядю V, 217. унять мечь. в) миръ и согласіе: князья Ростовскіе и Ярославскіе со мною одинъ человѣкъ V, 42. г) понятія нравственныя: не можемъ играть душею II, 232. связать душу Васильеву крестомъ и Евангеліемъ V, 325.

10. выраженія соотвѣтствующія нѣкоторымъ историческимъ фактамъ: съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось заразомъ III, 278. голодъ названный въ лѣтописяхъ рослою рожью IV, 241. легатъ отъ ребра Апостольскаго V, 292. (Греки) замѣшали Русскую землю VII, 181 и мн. др.

---

1) Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I, 319.

Карамзинъ такъ остороженъ въ своихъ частыхъ выпискахъ изъ древнихъ памятниковъ, что по большой части объясняетъ ихъ для читателя, изъ боязни быть непонятымъ: отъ того бываетъ иногда неловкость, особенно если Филологическое толкованіе вкладывается въ уста историческаго лица: не заплатилъ ли я ему выхода или царской пошлины? IV, 179. Гораздо лучше объясняется это слово въ Др. Рус. ст. 32 наборомъ синонимовъ: дани, невыходы, „Царски невыплаты.

Если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ПГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью.

СТИХІИ ЧУЖЕЗЕМНЫЯ.

Языкъ есть выраженіе не только мыслительности народной, но и всего быта, нравовъ и повѣрій, страны и исторіи народа. Единство языка съ индивидуальностью человѣка составляетъ народность. Искреннія, глубочайшія ощущенія внутренняго бытія своего человѣкъ можетъ выразить только на родномъ языкѣ. Внутренняя нераздѣльность языка и характера народа особенно явствуетъ изъ отношенія языка къ народной образованности,

которая есть не иное что, какъ непрестанное развитіе духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка 1). Если образованность вышла не изъ внутренней потребности народа, а привита извнѣ; то и въ языкъ вмѣстѣ съ понятіями входитъ множество словъ чуждыхъ, невразумительныхъ для народа, отягощающихъ рѣчь какъ лишній наростъ. Простой народъ никогда не понимаетъ этихъ иностранныхъ, или же на иностранный образецъ сработанныхъ словъ, и употребляетъ ихъ некстати и невпопадъ. Сличите новые технические термины съ простонародными названіями ремесленными или земледѣльческими: въ первыхъ напряжка, условное значеніе, неясность, вялость; въ послѣднихъ легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается въ языкѣ органически само изъ себя, есть выраженіе народнаго ума и быта, и потому удобопонятно само по себѣ: занесенное же и насильственно изобрѣтенное умствующимъ разсудкомъ содержитъ въ себѣ, подобно монетѣ, только условное значеніе. Слова заимствованныя, какъ поддѣльные цвѣты, не коренятся въ языкѣ, ибо народъ не знаетъ ни роду ихъ, ни племени, не сочувствуетъ корню, отъ котораго они происходятъ; стоятъ они, какъ сироты, не будучи окружены производными отъ себя, или сродными по корню. Впрочемъ наука запрещаетъ пристрастно нападать на варваризмы, и упрямо изгонять ихъ изъ всеобщаго

1) Слич. Беккера Organism der Sprache § 6.

употребленія, замѣняя ихъ своими словами вовсе обветшалыми, и слѣд. непоняшными, или же словами родственныхъ намъ племенъ: напр. у Чеховъ есть прекрасныя слова для элемента, эпохи—живель, доба: но кто же ихъ поймет ъ поруски кромѣ занимающагося филологіею? Какъ притворны въ новѣйшемъ слогѣ мужицкія поговорки, такъ же несносны и педантскіе варваризмы, которые противны читателю наровнѣ съ непоняшными архаизмами и провинціализмами. Только геніи и великіе писатели дают ъ иностраннымъ славамъ право гражданства смѣлымъ нововведеніемъ. Дѣло науки опредѣлить значеніе варваризмовъ въ историческомъ развитіи языка.

Исторія варваризмовъ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею народа. Позднѣйшіе народы по неволѣ должны заимствовать образованность у предшествовавшихъ: потому къ внутреннему развитію присоединяется чуждое вліяніе, къ народному языку варваризмы. Историческіе перевороты сближаютъ одинъ народъ съ другимъ враждебно или дружественно, и заставляютъ ихъ мѣняться мыслями и словами: опять вѣсняются варваризмы. Но такъ какъ въ языкѣ есть особенная живительная сила, потому всякій варваризмъ онъ старается подчинить своему собственному организму звуковъ; такъ напр. въ иностранныхъ словахъ 1) непершимые нами ф и ѳ замѣняемъ мы звуками сродственными п и т: Степанъ вм. Стефанъ, театръ вм. оеатръ. 2) тонкій гласный звукъ вм. г съ гласнымъ; Юрій вм. Георгій, Гюргій. 3) въ избѣжаніе стеченія гласныхъ

вставляемъ в: Иванъ вм. Іоаннъ, или 4) употребляемъ тонкій гласный вм. і съ гласнымъ: ердань вм. Іорданъ, Ерусалимъ вм. Іерусалимъ. 5) отбрасываемъ начальный гласный: патрахиль вм. епитрахиль, въ старину пискупъ вм. епископъ. 6) отбрасываемъ окончательный с, напр. Христа, Христу вм. Христоса, Христосу. 7) я вм. а послѣ і: Христіянскій вм. Христіанскій. 8) измѣняемъ дебелый гласный въ тонкій, послѣ дебелаго: Генуя вм. Генуа. 9) одинокій звукъ вм. удвоеннаго: субоона вм. суббота. 10) измѣняемъ р въ м, н, для избѣжанія двухъ р въ одномъ словѣ: ярмонка вм. ярмарка, Февраль вм. Февраръ, и проч.

До сихъ поръ еще не рѣшено строгимъ филологическимъ изученіемъ, сколько вошло въ старинный нашъ языкъ изъ нѣмецкихъ нарѣчій, изъ языка половецкаго, татарскаго и друг. По крайней мѣрѣ положительно означены грецизмы въ Славянской Грамматикѣ Добровскаго. — Собственныя имена иностранныя впорядаются къ намъ вмѣстѣ съ первыми Князьями варяжскими. Около половины X в. на Руси говорили уже на двухъ языкахъ: Константинъ Багрянородный въ книгѣ О правленіи сообщаетъ имена Днѣпровскихъ пороговъ на *Славянскомъ* и *Рускомъ* языкѣ: послявянски: 1й назывался эссупи (нессупи, не спи), 2й островунни прагъ (островный прагъ), 3й геландри (поисландск. зн. шумящій?), 4-й неасситъ (неясыть, или пеликанъ), 5-й вульнипрагъ (вольный прагъ), 6й веручи (βερουτζη, quasi dicas aquae scaturigo: ручей. вершящій?), 7й напрези (напрягай?); поруски: 1й такжс эссупи, 2й ульворси (гульвор-

си? сканд. гольмъ — островъ, форсъ — порогъ?), 4й анфаръ (древненѣмецк. aeifar — аистъ), 5й варуфоросъ (сканд. var — тихій, смирный, fors — порогъ?), 6й леанти (отъ глагола lain, lein — течь сильно, кипѣть?), 7й струвунъ (готск. stroup-on — навязывай?) 1).

Христіянство нанесло рѣшительный ударъ грубой древнѣйшей народности нашей, ниспровергнувъ старобытныхъ боговъ, чтимыхъ и любимыхъ народомъ 2). Эти боги тѣсными узами связывались съ преданіями, обычаями, законами; имъ посвящены были лѣса и воды; имена ихъ возникли въ языкѣ народномъ и срослись съ нимъ. Отъ всего этого надобно было отказаться передъ лицемъ новой религіи, и даже признать смертнымъ грѣхомъ то, что недавно почиталось великимъ и правымъ. Но древнѣйшее, первобытное несполна погибло въ народѣ: оно замѣнило ему поэзію, и стало темной стороною вѣрованія — демонологіею. Такимъ образомъ, поразивши старобытную народность, Христіянство не уничтожило ее; выступивъ впередъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, оно только оттѣнило ее, отодвинуло вдаль: сліяніе Христіянства съ народностью набросило на характеръ народа гармоническую свѣтлотѣнь. Названія и выраженія, вошедшія къ намъ съ Христіянствомъ изъ Византіи, не могли долго оставаться чуждыми для народа: церковь и

---

1) Карамз. ИГР. I, пр. 102.

2) Смотр. Гримма Deutsche Mythолog. 3 и слѣд.

молитва отъ раннихъ лѣтъ сродняли Рускаго съ грецизмами. Притомъ надобно замѣтить, что древнѣйшіе переводчики Св. Писанія берегли чистоту языка славянскаго, и хорошо понимали отличіе его отъ греческаго, чему служатъ свидѣтельствомъ слова Іоан. Екс. Болг. 1): небо равьнѣ ся можетъ присно полагати Елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываетъ. Небонъ иже глаголъ въ иномь языцѣ красьнъ, то въ друзѣмь некрасьнъ; иже въ иномь страшьнъ, то въ друзѣмь нестрашьнъ; иже въ иномь чьстьнъ, то въ друзѣмь нечьстьнъ.... небо есть льзѣ вьсьдѣ съмотрити Елиньска глагола, нъ разума нуждя блюсти; придетъ бо другойци мужьско имя Грьчьскы, а Словеньскы женьско, да преложьше мужьскомь именьмь, якоже лежитъ Грьчьскы, на велику исказу придетъ преложенье.—Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ дѣйствительно находимъ въ древнѣйшемъ языкѣ, при удивительной гибкости, самостоятельную, неподатливую упругость, при переводѣ съ чужаго языка. 1) въ отдѣльныхъ словахъ: вотъ какъ мѣтко и народно переводятся латинскія слова славянскими въ Глос. Mat. Verb.: cridlatec (кридлатецъ), pegasus. lada, venus, dea libidinis, cytherea. morana, Ecate, trivia, hecate. perun, iupiter. peuci (пѣвцы), lirici, poete dicti. poludnice, Driades, deae siluarum. premena (премѣна), metonomia. prenozz (преносъ, переносъ), metaphora. pretvora, metamorphosis. prizloue

1) Издан. Калайдовича, стр. 10

(*присловіе*), proverbia, adagia. radihost. mercurius. sytiwrat, saturnum pagani illum esse aiunt. scladanc (складаніе), poema. zmutna (смутна) tragedia. suatovyt (сватовитъ), Ares, bellum, maiors. trenosca (треножка), tripodes. trezubec (трезубецъ), tridens. veless, pan, ymago hircina. vitez, heros, victor. zuoba (своба), feronia, dea paganorum. siua (жива), Dea frumenti, ceres. 2) Граммат̀ическое построеніе 1): а) мѣстоимен. *ся* при глаголахъ относится ко всѣмъ тремъ лицамъ: не могу аз ω себѣ творити ничесоже, Іоан. 5, 3. ω себѣ ἀπ' ἐμαυτοῦ. Марка поем приведе съ собою 2 къ Тим. 4, 11. съ собою μετά σεαυτοῦ. всегда бо нищих имате с собою, Матѳ. 26, 11, с собою vobiscum μετ' ἑαυτῶν. б) равномѣрно и притяж. *свой*: умерщвляю тѣло свое, I къ Кор. 9, 27, исправл. *мое*. простру руку свою, Іезек. 25, 13, исправл. *мою*. в) двойное отрицаніе, напр. въ Остром. Еванг. *л.* 2: и без него ничьтоже *не* бысть; въ нынѣшнемъ же исправленномъ текстѣ: и без него ничтоже бысть, — согласно съ подлинникомъ: καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν. г) родит. над. при дѣйствит. залогѣ съ отрицаніемъ, когда какъ погречески внити: ниже имам душе моее честны себѣ, Дѣян. 20, 24, οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχήν μου τιμίαν ἐμαυτῶ, но послѣ въ Острожск. и въ исправлен. сходно съ греческ.: душу мою честну. д) прилагат. притяжательное вм. греч. родит. существит.: Драгомирск. код. любы мирскаа вражда божіа есть,

1) По Слав. Грам. Добровскаго.

Iак. 4, 4. ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστιν. е) дат. вм. греч. родит.: свѣтъ вьсемоу мироу, Остром. Еванг. л. 55. τὸ φῶς τοῦ κόσμου. ж) дат. самостоят. вм. греч. родит.: дню же бывшу, Матѳ. 11, 7, ἡμέρας δέ γενομένης, die exorto. з) твориг. вм. имени или мѣстоименія съ предлогомъ: егда званъ будеши кым (ὑπό τινος) Лук. 14, 8. і) порядокъ словъ въ древнѣйшихъ спискахъ также болѣе отступаетъ отъ греческаго: суху руку имый, Матѳ. 12, 10, τὴν χεῖρα ἔχων ξηράν, а въ позднѣйшихъ уже: руку имый суху, и проч.

1. Грецизмы въ церковномъ языкѣ.

Грецизмы въ Св. Писаніи: 1) единств. число глагола при множ. сред. р. подлежащаго: вся, елика аще твориτъ, успѣешъ (κατευοδωθήσεται). 2) иже, яже, еже для выраженія греч. члена: во еже быти ми служителю, къ Рим. 15, 16, εἰς τὸ εἶναι με. Слич. внегда глаголаша имъ мнѣ, Псал. 41, 11, ἐν τῷ..., вм. егда глаголаху мнѣ, какъ въ Вен. Псалт. 3) именит. пад. вм. твориг.: еда и вы хощете оученици его быти, Остром. Ев. л. 40, μὴ καὶ ὑμεῖς θέλετε αὐτῦ μαθηταὶ γενέσθαι. 4) виниτ. вм. твориг., напр. чашу вм. чашею: ниже колижъдо напоишь единого отъ мальихъ сихъ чашѫ студены воды, Остром. Ев. л. 68, καὶ ὅς ἐὰν ποτίσῃ ἕνα τῶν μικρῶν τούτων ποτήριον ψυχροῦ ὕδατος. напоитъ вы чашѫ воды, ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος, ibid. л. 249. 5) греческій виниτ. пад.: окроплени сердца, измо-

вени пѣлеса, въ спарин. издан. къ Евр. 10, 22, 23, ἐῤῥαντισμένοι τὰς καρδίας, λελουμένοι τὸ σωμα, и проч.

2. *Время.*

Къ древнѣйшимъ варваризмамъ принадлежатъ названія мѣсяцовъ: уже въ Остром. Еванг. Априлія *л.* 270, Февруара *л.* 264. Изъ этого памятника ясно видно, какъ иностранныя названія мѣсяцовъ объясняются еще своими собственными: до мца (с) авгоста рекомааго зарева *л.* 210, мца (с) еноуара просинъца рекомааго *л.* 256. Должно замѣтить къ чести нашихъ предковъ, что они долго удерживали славянскія названія, такъ въ Обиходѣ, рук. XIII в. 1):

септябрь	ркомыи	рюинъ	
октябрь	—	—	листопадъ
ноябрь	—	—	груденъ
декабрь	—	—	студенъ
генварь	—	—	просинечь
февраръ	—	—	сѣченъ
маршъ	—	—	сухии
априль	—	—	брезозоръ
маи	—	—	травенъ
июнь	—	—	изокъ
июль	—	—	червенъ
августъ	—	—	заревъ.

Тѣже самыя славянскія имена мѣсяцамъ въ Синодальномъ Евангеліи 1144 года.

---

1) Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 404. Слич. стр. 175.

Примѣч. значеніе Славянскихъ названій 1): 1) *рюенъ* сентябрь, иллир. rujan отъ глаг. рюю, чешск. řige, о крикѣ оленей, ибо тогда олени въ течкѣ, бѣгаются и *ревутъ*; впрочемъ не худо обратишь вниманіе на слѣд. мѣсто въ одномъ старомъ переводѣ Византійской лѣтописи: по сихъ же просѣдошася нашествія варварская, и паки дохнувша вихри отвсюду и шумы воспущаху и *руяніа* творяху; — по Роковецкому въ Rusk. Prawd. 57 знач. плачущій, влажный, слич. рус. рюмить; слич. сербск. руйно вино — желтоватое вино; въ глос. Mat. verb. ruien и чешск. нынѣшн. řigen—октябрь. 2) *листопадъ* октябрь; сохранился не только въ Славоніи и Далмаціи, но и въ Богеміи: только въ послѣдней, равно какъ въ Малорус. и Польшѣ, означаетъ ноябрь. 3) *груденъ* ноябрь, можетъ быть отъ груды, смерзшейся земли; въ лѣтоп.: пойдоша на колѣхъ, *а* по *грудну* пути (хотя на колесахъ, однако по снѣгу): бѣ бо мѣсяцъ *груденъ*. ИГР. II, пр. 182; — у Славянъ Панонск. зн. сентябрь; въ Кроац., Крайн., Польш. зн. декабрь; у Чеховъ и январь. 4) *студеный* декабрь; по Фойгту, Славонцы называютъ этимъ именемъ ноябрь. 5) *просинецъ* январь, по Добровск. отъ просить; по Карамзину отъ проса; по Раковецкому отъ синій, синевы небесной; или можетъ быть отъ иллир. prosinieti — illuminare, ибо въ этомъ мѣсяцѣ прибавляется день; почешски зн. декабрь. 6) *сѣ-*

---

1) Смотр. Добровскаго Slowanka I, 70 и слѣд., Карамзина ИГР. I, пр. 159. Юнгмана Чешскій Словарь.

чень февраль, по Добровск. отъ сѣку; сохранился у Крапицевъ, Иллирійцевъ; у Поляковъ styczeń — январь; почешск. этотъ мѣс. наз. aunor или unor, въ глос. Mat. Verb. unor, — производятъ отъ нора, норишься. 7) *сухой* маршъ, покроатски szussecz, покрапински sushez. 8) *брезозолъ*, *березозолъ* апрѣль, по Добровскому, отъ береза или береза и непонятнаго золъ, можетъ быть сроднаго съ зелье, зеленый; по другимъ отъ прилагат. bŕezj — беременный, спѣльный; въ Богеміи bŕezen маршъ, еще въ глос. Mat. Verb.; малорус. тоже маршъ. 9) *травенъ* май; у Кроатовъ traven апрѣль (mali traven малый травенъ), у Крапицевъ также mali travn, а май weliki travn. Иллиры въ Далмаціи, Славоніи называютъ апрѣль travan, а май svibań. 10) *изокъ* іюнь: Добровскій не знаетъ происхожденія этого слова, и ждетъ отъ Рускихъ производства его: Калайдовичь полагаетъ, что была птица изокъ, основываясь на текстѣ изъ Іоан. Екс. Болг.: егда слышимъ пѣснивые птице, различными гласы поюще пѣсни красные: славіе же поюще, косы же и сое, влъгы и жлъны, щоры же и *изоки*, ласповицы же и сковраньце, и ины птице. Должно замѣтить, что изокъ значитъ у насъ еще кузнечикъ, стрекоза, une cigale. 11) *червенъ* іюль, по Добровскому отъ червь, по другимъ отъ червонный, красный; и у Богемцевъ прежде červen, weliký červen, а потомъ červenec; помалорус. червецъ и попольск. czerwiec зн. іюнь. 12) *заревъ* августъ, по Добровск. отъ реву (объ оленяхъ), частица *за* — означаетъ начало;

по другимъ сродно съ зарницею; у Богемцевъ zařj, zařig сентябрь, въ глос. Mat. Verb. zarui, september mensis.— Добровскій предполагаетъ, что всѣ эти названія первоначально принадлежали Паннонскимъ Славянамъ, отъ коихъ черезъ Кирилловскія литургическія книги перешли и къ другимъ Славянамъ. Обратимъ вниманіе на то, какъ одно и тоже названіе по различнымъ славянскимъ племенамъ давалось различнымъ мѣсяцамъ: причиною тому разность въ природѣ и временахъ года. Кромѣ этихъ названій, есть еще многія другія, смотр. Alters Beitrag zur prakt. Diplomatik für Slawen, 1801 стр. 98 — 110; Eccardi hist. stud. etymol. Ling. germ. 275 — 305; Карамз. ИГР. I, пр. 159. Надобно замѣтить, что у насъ гораздо менѣе переворотовъ случилось съ названіями недѣльныхъ дней; покрайней мѣрѣ не можемъ исторически опредѣлить, какія были въ періодъ языческій.

3. Науки и Искусства.

Вмѣстѣ съ религіею въ нашу вообще книжную ученость изстари вошло множество иностранныхъ словъ и оборотовъ. Граммматическіе, риторическіе, философскіе и др. термины суть варваризмы.

Еще Іоаннъ Екс. Болг. съ греческаго перевелъ грамматическую терминологію: имя ὄνομα, рѣчь (глаголъ) ῥῆμα, причастіе μετοχὴ, различіе (членъ) ἄρθρον, мѣстоимене ἀντωνυμία, предлогъ πρόθεσις, нарѣчіе ἐπίῤῥημα, съузъ σύνδεσμος 1). У Максима Грека

1) Издан. Калайд. стр. 76.

членъ вм. различія, вмѣстоимень вм. мѣстоимене, прирѣчіе вм. нарѣчіе 1), и проч. Изборникъ Святослава (1073) даетъ матеріалы для реторической терминологіи 2): Георьгия Хоуровьска о образьхъ. Творьчьскии образи сѫть к҃з. 1) инословиѥ 2) прѣводъ (метафора) 3) напотребиѥ 4) приятиѥ 5) прѣходьноѥ 6) възвратъ 7) съприятиѥ 8) съятиѥ 9) именотвориѥ (onomatopeia) 10) сътворениѥ 11) въименомѣстьство 12) отъимениѥ (метонимія) 13) въспятословиѥ 14) окроугословиѥ 15) нестатькь 16) издрядиѥ 17) лихорѣчьѥ 18) пришъча 19) прикладъ 20) отъданиѥ 21) лицетворьѥ 22) съложъ 23) пороуганіе (иронія) 24) видъ 25) послѣдословиѥ. Для образца приводимъ опредѣленіе одного изъ этихъ творческихъ образовъ: инословиѥ оубо ѥсть ино нѣчто г҃люшти, а инъ разоумъ оуказаіѫшти, яко же ѥже ѥ речено отъ Б҃а къ змии: проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий: слово бо акы змии ѥсть, на диявола же ино рѣчьнѣ змьѥмъ нарицаѥма разоумѣваѥмъ.—Философская и филологическая терминологія ведетъ свое начало отъ Іоанна Екс. Бол., отъ его перевода Философіи Дамаскина; напр. о синонимахъ: о многосъименныхъ: многоименна же сутъ, елика убо уставомъ пріобщаются, именомъ же разистствуютъ, сирѣчь егда паждо вещь мнозѣми нарицается именми, якоже мечь, мечищь, бръдунь (вар. бредунь), сабля, кордъ, ножь: вся бо сія имена единъ

1) Востокова опис. Рум. Муз. стр. 370.
2) Ж. М. Н. П. 1836, N 2.

предѣлъ пріемлетъ, рекше желѣза обоюдникъ, сже есть желѣзо обоюду наострено. Тотъ же Изборникъ Святослава содержитъ въ себѣ много Философскихъ названій, напр. 1): Маѯимово о различии соущиихъ и ѥстьства по вънѣшьнимъ. о ѥстьствѣ. о собьствѣ. о лици. о различии. о съложчании. о количьствѣ и о мѣремыихъ. о качьствѣ и о шворитивьнѣѣмь. о сѫпротивьныихъ. о оглаголемыихъ. о съмиеньнѣѣмь и ѥдиноименьнѣѣмь оглаголании. о ѥдинородьныих и ѥдиновидьныихъ и инородьныихъ и иновидьныхъ і кѫпьнособьныхъ и проч. Слово историкъ было уже у насъ въ XII в. Кир. Тур. объясняетъ его своимъ слушателямъ: Историци и Вѣщія, рѣкше Лѣтописьци и Пѣснотворци.—У Курбскаго о жизни Іоанна Грознаго: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, шаковую *трагедію* возвѣщати! ibid. о зломъ совѣтѣ Вассіана Іоанну: и сеце сотлете *силлогизмъ* сатанинскій. Отъ пребыванія въ Литвѣ Курбскій привыкъ ко многимъ полонизмамъ, напр. напѣшній; о приставкѣ *най*— говоритъ Ломоносовъ въ своей Грам. § 211: новыя превосходныя, съ Польскаго языка съ приложеніемъ *наи*, *наилутчій*, *наичистѣйшій*, Россійскому слуху непріятны.—Многія изъ техническихъ названій художественныхъ старинные варваризмы, напр. комары κομάραι, стропилы στρωτῆρες, лобъ церковный μέτωπον, ключь въ сводѣ κλεῖς и мн. др.

---

1) Востокова описан. Рум. Муз. стр. 502 и слѣд.

4. *Алфавиты.*

Наши старинные грамотѣи съ древнихъ временъ начали уже составлять словари непоняшныхъ для нихъ словъ, между коими, кромѣ варваризмовъ, хотя попадаются архаизмы и реченія другихъ славянскихъ племенъ, однако и шѣ и другія казались въ старину варваризмами, что можно видѣть, напр., изъ слѣд. рукоп. 1282 года 1): рѣчь Жидовьскаго языка преложена на Роускоую, неразоумно на разоумъ:

Жидовьскы:	Роускы:
адамъ	земла въплощена.
шоволя	пища.
череща	коуща.
исполинъ 2)	силныи.
ковъ	лесть.
бришва	стригольникъ.
неключно	ненадобѣ.
шина	грязь.
зѣло	велми.

1) Калайд. I. E. Б. 193.

2) *Исполинъ* происходитъ отъ народа Spalorum, у Іорнанда; какъ чешское obr, попадающееся уже въ Виттенб. Пс XIV в., Пс. 18, ст. 6: iako obr—ut gigas, — отъ народа Обровъ (Avarus, Abarus). Едва ли справедливъ Шафарикъ, производя obr отъ кельтск. ambro, потому что тогда попольски было бы ąbr, а не obrzym, какъ попадается въ Псалт. Королевы Маргариты.

соусана	сборище.
адъ	тма.
бисеръ	камень ч҃тьнъ.
гоусли	ѩзыкъ.
тоумпанъ	гласъ.
конобъ	водоносъ
ликъ	мысль.
ѡлтарь	точило.
рогъ	сила.
ѡтоци	ѡколо море.
алѣлоуіа	хвала Б о҃у.
аминь	право.
і҃с ъ	с п҃с ъ
степень	лѣствица,
и мн. др.	

Изъ рукоп. 1431 года 1): плъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены сѫть рѣчи въ книгахъ отъ началныихъ преводникъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другаа блъгарскы и гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на рускый. Изъ этого заглавія явствуетъ, что наши предки сербизмы и болгаризмы ставили въ одну категорію съ грецизмами. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ: васнь — мню. качьство — естество, каковому есть. количьство — мѣра есть колика. свойство — что имать кто ѡсобно, а иньга не има. тризна — страдальство, подвигъ. по строю, по устрою — по

1) Изъ Калайд. I. E. Б. 196, сличенная съ Восток. Опис. Рум. Муз. 267, 269.

смотрѣнію. хѧдожъство — хытрость. нещуѧ — мню. еша — еще. таимничище, таимничищь, копелничище — иже не отъ законныя жены отроча. бѣгунь — ходець, отходецъ. смерчь, піавица — облакъ кои дьждь узносить; облакъ дъждевенъ, иже водѫ отъ морѣ възимаетъ, яко въ гѫбѫ и паки проливаетъ на земля; слич. объясненіе Памвы Берынды: сморщь есть сикавка, или оболокъ, которы з неба спустившися, воду смокчетъ; въ Сл. о Полк. Иг. сморцы. иностась — съспавъ. шезъ — едино. жупелъ — сѣра. доблесть — крѣпость или мужьство. пронырство — лукавьство. кыченіе — высокорѣчіе славы ради. презъ — чрезъ. гаданіе — съкръвенъ глаголъ. суетно — кромѣ потребы нѣкоея, бываемое праздно: яко имя убо есть, вещь же нѣсть. самолюбіе — еже къ тѣлу спрасть и угодное тому. великодушенъ есть — иже на въсѣкѫ скрѣбь приражающѧяся могый понести. — Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій чрезвычайно замѣчательны своею оригинальностью и многозначительностью. Такіе словари непоняшныхъ словъ продолжаются у насъ до XVIII сп., подъ именемъ Алфавитовъ. Кромѣ матеріаловъ для исторіи варваризмовъ и архаизмовъ, они любопытны для насъ, какъ энциклопедическіе сборники: ибо вмѣстѣ съ словами объясняются въ нихъ и самые предметы.

5. *Варваризмы въ лѣтописяхъ.*

Кромѣ грецизмовъ, въ наши лѣтописи и другіе старинные памятники вошли и иныя чужеземныя

реченія. Мономахъ въ своемъ Поученіи пишетъ о Всеволодѣ: отецъ мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Въ Сл. о П. Иг. упоминаются какія то пѣсни иностранцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ: ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря. Рускому и славянскому въ спарину противополагались нѣмой, нѣмецъ: Югра же суть языкъ нѣмъ, Кенигсб. спис. 146. Любопытно объясненіе Нѣмца въ глос. Mat. Verb.: nemec, barbarus, tardus, obtundus, imperitus, stolidus etc. etc. Слич. въ глос. Музейн. Псалт. XII в.: nesmluwneho — barbaro. Наши предки сильно чуждались нѣмецкаго языка, разумѣя подъ языкомъ вмѣстѣ и народъ; изъ множества примѣровъ вотъ одинъ: у насъ то писаное дѣло, что Нѣмецкой языкъ Словенскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ кошараго Нѣмчина взять собѣ за Государя? И. Г. Р. X, пр. 166. Примѣры варваризмовъ изъ лѣтописей: изъ Новог. 89 кумендери, по Карамзину командоры. 111 масперы дѣлали Нѣмецкіи, изъ заморіа, съ Новогородскыми масперы. 112 (Исидоръ) нача звашися Легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римскія власти. Изъ Ипат. 133 Половци напилися бяхуть кумыза. 158 и возвратишася во колымагы свои, рекше во станы; слич. 186 во день воскресенія, рекше недѣлю. 183 керелешь поюща (варіант. корелесь, киреілейсонъ). Эту греческую молитву въ спарину у насъ пѣвали: ibid. 64: и тако възваша кирелѣисонъ вси полци радующеся, пол-

кы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого вѣдяче. ibid. 154 и мняшься яко аера достигше; слич. въ Похв. словѣ Димитрію Донскому: егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Димитрій Рускыя земли, аэръ възмутися. Геній языка, не терпя иностранныхъ словъ, коверкаетъ ихъ на свой ладъ: шакъ изъ испорченнаго керелешь, корелесь образовался глаголъ куралесить. Или же, не понимая ихъ даетъ имъ свое произвольное значеніе: шакъ въ Уставѣ церковномъ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе слова — кусподія — слѣд. образомъ: что нарекоутъ коусподію пилапову девицу
ч с
клюницу то есть ере все то не было коусподія есть воиновъ полкъ рекше рать. Вост. Опис. Рум. Муз. 717.

6. *Варваризмы въ народномъ языкѣ.*

Варваризмы въ Др. Рос. стих. 111 капралъ. 111 гвардія. 117 баталія. 118 манеръ. 126 свита. 247 лагери. 270 монеты. 285 кононеры. 288 рота. 289 солдатъ. 302 шкарбъ. 314 со драгунами. 315 маіоръ, генералъ, лагерь, рапортуетъ. 319 карты, шавлея, губернаторъ. Стихотворенія самыя обильныя варваризмами сочинены уже послѣ преобразованій Петра Великаго, каковы Борисъ Шереметевъ 314, Князь Репнинъ 318. Нѣкоторыя иностранныя слова обрусѣли, мѣшко соединившись съ извѣстными опредѣленіями, напр. 264 мастеръ заплечной, 293 плотники мастеры,—или съ постоянными эпитетами, напр. ярлыки скоропищапые.

7. *Исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго.*

Со временъ Петра Великаго начинается новый періодъ для исторіи варваризмовъ. Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся въ русской рѣчи. Любопытно было бы прослѣдить всѣ преобразованія Петра Великаго въ параллели съ вторженіемъ варваризмовъ, и такимъ образомъ показать, сколько каждое изъ нихъ привело съ собою варваризмовъ, и изъ какой страны. Весьма поучительно чтеніе книгъ того времени, потому что указываетъ съ одной стороны насильственную порчу нашего языка, а съ другой богатство и силу его: ибо возлѣ каждаго иностраннаго слова ставилось и руское, разумѣется для того, чтобы читецы поняли варваризмъ, такъ что тогдашняя книга заключала въ себѣ, кромѣ какого нибудь своего содержанія, и вокабулы. Замѣчательно отношеніе отечественныхъ реченій къ варваризмамъ: иные варваризмы дошли и до насъ, вытѣснивъ переводъ рускій, ибо и самый переводъ былъ варварскій; иныя рускія реченія не допустили укорениться варваризму, задушивъ его тогда же. Примѣры привожу изъ Устава Воинскаго: піониры (или работники). корволантъ (сирѣчь легкій корпусъ). отдеташовано (или отдѣлено). добраго кондувиша (сирѣчь всякія годности). квалитеты (или качества). аупоритетъ (или власть его). лагеръ (или станъ). по инструкціямъ (порядкамъ). рендеву-плацъ (или зборное мѣсто). ливранповъ (сирѣчь подрядчиковъ).

ваканцъ (или порожнія мѣста). маркстенперамъ (или харчевникамъ). въ медицинѣ (докторствѣ). навербованъ (набранъ). по биллетамъ (цыдулямъ). чародѣйство (чернокнижество). о рефреширъ (или объ освѣженіи людей). въ ордеръ де баталіи стать. яко корпусъ де баталіи. въ полѣ (или въ лагерѣ). о ревеліяхъ (или побудкахъ). у барьеру (сирѣчь у крайнихъ или внѣшнихъ карауловъ). о экзекуціи (или вершеніи). апшиду (отпуску). салвусъ кондуктусъ (безопасная грамота). секунданта (или посредственника). дашь принкгелдъ (или на пропой). о процессѣ (или тяжбѣ). принимаетъ по вся вечеры пароль (или слово). въ ретирадѣ (или отводѣ). — Изъ Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII: дедикація или приношеніе. ідеи или мысленъ. порповъ, въ выноскѣ: пріспаніщь. дівулгованы (разглашены). на нѣмецкомъ языкѣ шпилізованы (сочінены). папріотъ (отечества сынъ). прібушаріи (данники). акты (записки). зѣло куріозного или любопытного содержанія. амбиціи (честолюбіе). первого міністра (бояріна). супсідіи или помощные денги. поссесію (владѣніе). въ секвестръ (въ залогъ). тракгаты (договоры). коммунікаціи (сообщенія). максимы (или правила). экзерціція (обученія). Европейскіе полішізованныя (обученныя) Государства, и проч. —

Опъ этихъ варваризмовъ нужно отличать варваризмы переводные и неологизмы. Разительнымъ примѣромъ ихъ впорженія въ нашъ языкъ служитъ Тредьяковскаго слово о мудрости, благоразумін и добродѣтели, въ которомъ русскіе философскіе пер-

мины сопровождаются на поляхъ выставленными латинскими и греческими: бытность existentia. естественность essentia. разумность intelligentia. чистый разумъ purus intellectus. чувственность sensatio. разсужденіе judicium. самозрительное intuitivum, умствователь ное discursivum. сочетаніе мыслей combinatio idearum. умозрительныя theoretica, дѣятельныя practica, достовѣрныя certa, вѣроятныя probabilis. Философія умственная rationalis, нравственная moralis, естественная naturalis. ученіе о повсемственныхъ universalia. сущее ens. подлежащее subjectum, присвояемое attributum. Геометрія, которая тройное распростертіе (extensio) тѣлъ размѣряетъ чертами (linea), и ограничиваетъ очертаніями (figura). предлежащее objectum. постигаемъ свойства и совершенства Божія, самостоятельныя (absoluta) и возносительныя (relativa). естественное теченіе influxus physicus. рыбы живородные (vivipari) и яицеродныя (ovipari). обоюду жительныя amphibia, чрепокожныя testacea. право естественное jus naturae. безстрастіе ἀπάθεια. мѣрностраcтіе μετριοπάθεια. общество societas. провидѣніе providentia. искусство experientia, и проч. Доказательствомъ тому, какъ боялся Тредьяковскій, что его рускихъ терминовъ не поймутъ, еще приложенный на концѣ разсужденія словарь латино-французскій тѣхъ же терминовъ.

Уже Сумароковъ жалуется на варваризмы, въ статьѣ о употребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка: „воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ

необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка . . . честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія, но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ надѣяться.“ Вотъ нѣкоторые варваризмы, кои онъ желалъ бы истребить: фрукты вм. плоды, сюртукъ вм. верхнее платье, супъ вм. похлебка, гувернантка вм. мамка, мокероваться вм. насмѣхаться, еложь вм. похвала, нахтишъ и тоалетъ вм. уборной столъ, пансивъ вм. задумчивъ, жени вм. остроуміе, бонсанъ вм. разсужденіе, деликатно вм. нѣжно, пассія вм. страсть, манификъ вм. великолѣпно, и проч. Въ связи съ нападками на чужія слова надлежитъ разсматривать статью Сумарокова о коренныхъ словахъ Русскаго языка, въ которой онъ доказываетъ древность и превосходство славянскаго языка передъ нѣмецкимъ. Исторія рускаго корнесловія тѣсно связывается съ исторіею варваризмовъ. Нѣмцы, оправдывая сильное вліяніе своего языка на нашъ, производили рускія слова отъ нѣмецкихъ: такъ Шлецеръ въ свой Грамматикѣ Россійской производитъ дѣва отъ dieb (воръ) и другихъ, король отъ kerl, князь отъ knecht. Ломоносовъ 1) ставитъ ему эти производства въ уголовное преступленіе, точно такъ же какъ Миллеру мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Шведовъ. Какъ Байеръ ведетъ Русь отъ пле-

1) Пассека Очерки Россіи, книга II, стр. 45.

менъ нѣмецкихъ и производитъ многія наши слова отъ нѣмецкихъ; такъ Тредьяковскій, въ Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, множество европейскихъ географическихъ имёнъ съ величайшими натяжками *присиливаетъ* языку славянскому.

Насмѣшки надъ варваризмами и неологизмами постоянно попадаются въ лучшихъ старинныхъ журналахъ; напр. въ Живописцѣ (1772 г.) пародируется тогдашній языкъ въ письмѣ одной дамы; вотъ нѣсколько выраженій: mon coeur, живописецъ! ты, радость, *безпримѣрный* авторъ—*по чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ!* Читая твои листы, *я безподобно утѣшаюсь;* какъ все у тебя *славно*. слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *впчно меня прельщаютъ: клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*, и проч. Слычишь подобное же письмо одной дамы въ Собесѣдникѣ Любителей Россійск. Слов. (1783), часть I, стр. 82 — 87: mon mari мнѣ такъ надоѣлъ, что мочи нѣтъ; онъ такъ скученъ; такъ не важенъ ... онъ конечно видитъ, что въ хорошихъ сосіетахъ.... не слушаетъ резону... спектакль, и проч. Вмѣстѣ съ порчею языка постоянно охуждаются и нравы: и дѣйствительно, когда рѣчь безъ нужды искажается варваризмами, тогда слово теряетъ свою органическую жизнь, оскорбляется природа, несмысленнымъ произволомъ губитъ въ себѣ человѣкъ даръ Божій; а такъ какъ языкъ есть вы-

раженіе духа народнаго, то, разумѣется, неестественное состояніе перваго есть слѣдствіе втораго.

Дѣятельность Шишкова противъ варваризмовъ объясняется дальнѣйшимъ развитіемъ мнѣній предшествовавшихъ поборниковъ за чистоту рускаго языка. а) Шишковъ точно также связываетъ вопросъ объ языкѣ съ вопросомъ о нравственности, упрекая нововводителей стараніемъ „умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути она непремѣнно должна попасть въ оныя.“ 1) Хотя Дашковъ 2), знаменитый противникъ Шишкова, осуждаетъ его за сближеніе языка съ нравственностью; однако едва ли не правъ Шишковъ. б) Слѣдуя Ломоносову, Шишковъ ищетъ спасенія отъ варваризмовъ въ церковнославянскомъ языкѣ. „Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ, говоритъ Ломоносовъ 3), сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя словà нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ

---

1) Соч. и Перев. Рос. Акад. V, 265. 2) О легчайшемъ способѣ возражать на критики, 1811.

3) О пользѣ книгъ церковныхъ.

чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ.“ Но, исключивъ изъ теперешняго употребленія выраженія устарѣлыя и непоняшныя, Ломоносовъ опредѣленно указалъ, какіе славянизмы терпимы въ языкѣ нашемъ. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо: въ своемъ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ — въ противоположность варваризмамъ — предлагаетъ онъ славянскія реченія: вертъ, гобзованіе, лысно, испещевать и др. Притомъ Ломоносовъ ясно отдѣлилъ языкъ рускій отъ церковнославянскаго; Шишковъ смѣшалъ ихъ другъ съ другомъ: „какъ! нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ*?“ восклицаетъ онъ въ критикѣ на Дашкова: „да что такое нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ*? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотъ два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это Славянское, а это Рускоe?“ в) По примѣру Сумарокова и Тредьяковскаго, Шишковъ защищаетъ отечественный языкъ отъ варваризмовъ корнесловіемъ, и точно также, какъ они, любитъ производить иностранныя слова отъ рускихъ, чтобы тѣмъ возвысить достоинство языка своего: такъ нѣм. schorn-stein производитъ онъ отъ черная стѣна, gatte (мужъ) отъ хотѣть, zinn (олово) отъ синь; nox, nacht, νὺξ, ночь отъ *нѣтъ очей*; garderobe отъ *городить* и *рубъ*, отъ коего рубище, рубаха, и т. п.

Въ такомъ отношеніи стоитъ Шишковъ къ своимъ предшественникамъ; что же касается до своей современности, то онъ принесъ великую пользу, ибо нападалъ на варваризмы, которые Карамзинъ съ своими послѣдователями вносилъ въ нашъ языкъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Предлагаю извлеченіе для исторіи варваризмовъ изъ Разсужденія Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, 1803: одни ... безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ напр. какъ *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіязмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ. Сіи суть самыя новомодныя слова, и для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются онѣ почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, напр. *авантажиться*, *манериться*, *компанію водить*, *куры строить*, *комедь играть* и пр. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ, 24. Другіе изъ рускихъ словъ стараются дѣлать нерускія, какъ напр. вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность*, вмѣсто настоящее время, *настоящность* и пр. 24. Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Руской языкъ... напр. influance переводятъ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской Граммашикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: fai-

re (sic! вм. avoir) l'influance sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы.* Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно,* и множество другихъ, 25 и 26.

Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія* и пр.? Не есть ли это рабственный переводъ съ Французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les êsprit, un trait de satire? 46.

Доколѣ буду жить, богини милыя, клянуся васъ любить, и въ другомъ мѣстѣ: *часто начиналъ онъ говорить о безсмертіи, милой надеждѣ своей....* весьма пристойно говорить *милой другъ, милое личико,* напротивъ того весьма страшно и дико слышать: *милая богиня, милая надежда безсмертія!* 180 и 181.

Народъ не думая о предметѣ кровопролитія въ изступленіи своемъ веселился общимъ бѣдствіемъ: слово предметъ хотя также есть новое и переводное; ибо нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ онаго; однакожъ оно довольно знаменательно, такъ что съ успѣхомъ въ языкъ нашъ принято быть можетъ; но при всемъ томъ и оное часто заводитъ насъ въ несвойственныя языку нашему выраженія. Въ вышесказанной рѣчи *предметъ кровопролитія* есть нѣкая загадка, или излишняя кудрявость мыслей 187.

Однако сіе радостное упоеніе вскорѣ прервано было чертою вѣроломства: опять черта, и еще такая, которая прерываетъ упоеніе! 195.

Одѣваться со вкусомъ есть также несобственное наше выраженіе; ибо мы не говоримъ, или по крайней мѣрѣ не должны говорить: *плакать съ горестію, любить съ нѣжностію, жить съ скукотою*; но между тѣмъ, какъ свойство языка нашего во всѣхъ другихъ случаяхъ велитъ намъ говорить: *плакать горько, любить нѣжно, жить скучно*, въ семъ единомъ нельзя сказать: *одѣваться вкусно*. 203 и 204.

По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ когда мнѣ говорятъ: *почныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*; напротивъ того я весьма охотно слушаю, когда въ простой пѣснѣ поютъ:

Заплелися, плетень, заплелися,
Ты развѣйся камка хрущатая, 302.

Умереть грѣху (être mort pour le péché) значило: отрещись на вѣки отъ грѣха; подъ словами же: *жить Богови* (vivre pour dieu) разумѣлось: посвятишь навсегда жизнь свою Богу. Нынѣ по примѣру чужихъ языковъ объясняемъ мы сію мысль словами: *умереть для грѣха, жить для Бога*. 234

Изложивъ полемику Шишкова, почитаю излишнимъ говорить о галлицизмахъ Карамзинской рѣчи. Да и не слѣдуетъ о нихъ слишкомъ много распространяться, ибо они малозначительны въ сравненіи съ великими красотами И. Г. Р., заимствованными изъ старинной нашей литературы.

Въ настоящее время иностранныя выраженія встрѣчаемъ мы не столько у писателей посредствен-

ныхъ, но даже у самаго Пушкина, напр. въ Исторіи Пугачевскаго бунта: Пугачевъ... стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, *занимающему* ея правый уголъ *и коего* ветхія стѣны едва держались. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, *негодуя* на свои неудачи, не терялъ *однакоже* надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Сіи горестныя извѣстія *сдѣлали* въ Петербургѣ глубокое *впечатлѣніе*. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, *господствующую* надъ Сарановомъ. Или у Крылова въ баснѣ Плотничка.

Хоть я и не пророкъ,
Но, *видя* мошылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ *удается*.

Слич. у Державина въ Водопадѣ:

Пустыня, взоръ *насупя* свой,
Утесы и скалы — *дремали*.

Любопытна исторія вторженія въ нашъ языкъ именъ греческихъ и римскихъ божествъ. Собственно начинается она съ Петра Великаго, хотя и находимъ еще въ Мамаевомъ побоищѣ: сія повѣдай, Уранъ, како случися брань на Дону. У Ломоносова и Державина являются эти божества во всей классической своей важности. Пушкинъ же употребляетъ ихъ имена по большой части только въ шутливомъ смыслѣ, и этимъ примиряетъ варваризмы съ народнымъ духомъ.

ПРОВИНЦІАЛИЗМЫ.

Изученіе народнаго языка и языка древнихъ памятниковъ само собою предполагаетъ уже и изу-

ченіе областныхъ нарѣчій. И въ старину, какъ теперь, руской народъ, заселяя огромное пространство, раздѣлялся на областныя нарѣчія: рѣчь Псковская отличалась отъ Кіевской или Владимірской. До насъ дошли памятники литературные изъ разныхъ мѣстъ Россіи: мы пользуемся ими и въ переплетнемъ слогѣ: значитъ, вносимъ въ слогъ провинціализмы. Мы изучаемъ языкъ народный: гдѣ онъ? Въ Кіевѣ, Вологдѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ: слѣд. вмѣстѣ изучаемъ и провинціализмы.

Въ древнихъ памятникахъ провинціализмы оказываются уже измѣненіемъ самыхъ звуковъ, напр. въ Руской Правдѣ: чѣломудръ вм. цѣломудръ, ялшею вм. чашею, личемъ вм. лицемъ, Русь, Хронограф. II, 2, 31, 34. У Нестора по Лавр. сп. 3. по разрушены, по раздѣлены: изъ новыхъ писателей Гоголь весьма удачно употребляетъ *ь* вм. *і* въ окончаніяхъ, подобныхъ симъ. Въ Новог. лѣт. 2 въ пяпничо вм. пяпницу, 3 Половчѣ вм. Половцы, Цьрниговѣ вм. Чьрниговѣ, 5 черкы вм. черлы, посадницапь вм. посадничапь, черезъ вм. черезъ, 6 Володимиричь вм. Володимиричь, 7 Церниговчи вм. Чернеговцы. Въ Ипат. 36 у веселыи вм. въ веселыи. 37 узвратися вм. взвратися. 181 вѣнечь вм. вѣнецъ, 205 моцно вм. мочно или мощно. 207 къ чѣлому (варіантъ: цѣлому) и пр.

Многія слова, попадающіяся въ древнихъ памятникахъ, доселѣ сохраняются въ областныхъ нарѣчіяхъ, напр. Новог. лѣт. 63 бысть отпепелье,

росполися вода; Ипат. 37 а семо ся за нами Днѣпръ роспаливаетъ: въ Сибири до сихъ поръ говорится *распалиться* — о рѣкѣ, когда отъ прибылой воды успѣшится въ ней теченіе, или она выступитъ изъ береговъ. Новог. лѣт. 105 иде вода на възводъ: слич. Сибирское *взводень*. Ипат. 115 паробьци твои: въ Малороссіи и теперь. ibid. 112 ворота злапыя доспѣ: въ Камчаткѣ всегда *доспѣть* вм. сдѣлать: вечерку доспѣть. Пск. лѣт. 20 и выѣха Александръ изо Пскова пословно съ Псковичи: въ Сибири *послѣна* говорится о собакѣ, вм. послушна. Въ Бѣлорускомъ нарѣчіи 1): баня—верхъ, куполъ церковный, иногда и наша баня; банный—банѣ принадлежащій: по свидѣтельству Нестора, Ефремъ, Епископъ Переяславскій, построилъ въ 1090 году *банное* строеніе. глумиться—смѣхотворить: въ томъ же значеніи и въ древнихъ нашихъ книгахъ. гостинецъ—большая дорога (польск. goscińiec): толкователи неправильно понимали въ Руск. Правдѣ: оже погубитъ слѣдъ на гостинцѣ на великой (въ спискѣ XIII в.: на гостинци на велицѣ), а села не будетъ, или на пустѣ, гдѣ не будетъ ни села ни людій: и Карамзинъ ошибочно перевелъ *гостиница*. истобка: у Нестора: истопка, истобка: въ Нов. лѣт. истьба. коло — телѣга, дроги: у Нестора: (Владимиръ) повелѣ пристроити кола. лѣзть—войти куда либо: у Нестора: яко полѣзѣ въ двери. омыл-

1) К. Калайдовича о бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Трудахъ Общ. люб. Рос. Слов. 1822, I

ка--ошибка: въ томъ же значеніи въ Руской Правдѣ: промиловался. осочить — сыскать, найти: въ Руск. Правдѣ: а не осочать отъ себе слѣду. попріять—подружить: у Нестора: попріяй ми. пуща—лѣсъ, особенно густой, непроходимый: въ поученіи Владимира Мономаха: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ. рогъ — уголъ, говоря объ улицѣ: въ Псалм. 117, 27: составите праздникъ во учащающихъ до рогъ олтаревыхъ. ролейный — пахатный, отъ роля—пашня. въ Руск. Правдѣ: а иже у господина ролейный закупъ будетъ. сспашокъ—скотъ: въ Руск. Правдѣ въ смыслѣ имѣнія: иже смердъ умретъ безъ дѣтей, то сспашокъ его Князю.

Провинціализмы въ Древн. Руск. Стих. 48 а бьетъ отъ звѣри сохатые (Сибир.). 88 вотъ де те, Дунаю, будетъ паробочекъ. 115 а на другой сторонѣ было у нихъ плодбище. 156 на твоемъ государевомъ займищѣ (въ Сибир. болото). 269 деньги дробныя. 292 домовище вм. гробъ. 302 ѣздили за звѣрями обловами (въ Сибири особый родъ охоты). 402 и подъ кокору бросили (въ Яросл. кривое дерево) 419 наѣхали на стараго станишники, „по нашему рускому разбойники. Сами стихотворенія свидѣтельствуютъ о вошедшихъ въ нихъ областныхъ нарѣчіяхъ: 67 по нашему-по сибирскому словетъ полгода. 73 а и нѣтъ *у насъ* такого нѣвца, „во славномъ Новѣгородѣ. Слич. 383.

Какъ архаизмы стоятъ въ связи съ Исторіею народа, такъ провинціализмы съ его Географіею и

Славянскою. Не надобно жаловаться на то, будто у насъ недостаетъ многихъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій о природѣ, напр. горной или приморской. Они у насъ есть, и прекрасныя, только разсѣяны по разнымъ концамъ Россіи. И безразсудно было бы требовать, чтобы въ Московскомъ нарѣчіи нашли мы слова для выраженія явленій природы, бывающихъ на Уралѣ или на берегахъ Охотскаго моря. Отвращеніе отъ провинціализмовъ есть старинный реторическій предразсудокъ, который особенно неумѣстенъ у насъ: ибо „народъ Россійскій, говоритъ Ломоносовъ 1), по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напр. въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ нѣмецкаго народа.“ Какъ изученіе стариннаго нашего языка роднитъ насъ съ нашими предками, такъ изученіе провинціализмовъ сближаетъ и дружитъ насъ съ нашими соотечественниками всѣхъ концовъ Россіи. Наука никакъ не можетъ предписать, сколько и что можетъ и должно войти въ языкъ письменный изъ областныхъ нарѣчій: русское чутье всякаго оцѣнитъ по достоинству каждый провинціализмъ, а геніальный писатель можетъ внести въ

1) О Пользѣ книгъ церковныхъ.

письменный языкъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества столько выраженій, что мы и представить себѣ не можемъ.

Примѣры провинціализмовъ у писателей нашихъ: у Державина въ Царь-дѣвицѣ: въ царствахъ *инших* повторяли: въ Малороссіи, равно какъ и въ Польшѣ. инший вм. иной. Слич. Ломоносова Од. 4 эпиграф. 2. подъ *ину* Трою вновь приступишь. У Пушкина въ Исторіи Пугачевскаго бунта: онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство). Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости, и большею частію *Гулебщики* (охотники). Прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ*: Пушкинъ объясняетъ въ примѣчаніяхъ: недостигшій 14-ти-лѣтняго возраста. Въ Капитанской дочкѣ: мамушка, знавшая наизусть всѣ его *свычаи и обычаи*: звычаи и обычаи—Польская поговорка: она попадается и въ Сл. о П. Иг.: кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны, *свычая и обычая*? У Марлинскаго въ Страшномъ гаданьи: вихорь гналъ мятель по *насту*: употребляется въ Сибири и въ Др. Рус. сп. 49 а и буйны вѣтры по насну шатнуть.—Гоголь приложилъ Словарь малорусскихъ словъ къ первымъ двумъ частямъ своихъ сочиненій.

Привожу для примѣра нѣсколько провинціализмовъ, руководствуясь небольшими Словарями въ Труд. Общ. Люб. Рос. Слов., въ Москвитянинѣ, 1842, No 3 и 11, въ Отечеств. записк., 1841,

No 2, 3, въ Русск. Историч. Сборн. 1839. том. III, кн. 2.

1. Въ Вологодской губерніи.

блазнить—мерещится, представляется какое нибудь привидѣніе. id. въ Арханг.

вещепинье—лѣкарство: связь понятій лѣкаря и вѣщаго, вѣщьства и пр. Слич. стр. 174.

вишень—плеть, вица—прутъ, лоза: отъ глаг. вить. вицы въ Арх. и въ Сибир.

вожжица—нитка, на которой пускается змѣй.

волочуга—маленькій возъ сѣна или соломы.

деревешкъ—червь, точащій дерева.

деревня—не только порядокъ избъ, но и безъ строенія пахатныя земли съ угодьями.

до́шлой—смышленый, бывалый.

жадать—желать: употребл. въ старину.

живонь—маленькая рыбка, которую садятъ на крюкъ для приманки большой.

живулька—плотоядное насѣкомое.

жира—жизнь, жирова—состояніе; жировать вм. жить употребл. въ старину. Слич. стр. 232.

казакъ, казачиха—работникъ, работница. id. въ Ряз., Арх.

калита—карманъ; малорус. калитка; употр. въ старину: Іоаннъ Калита.

кипица—гороховина, вырванная пучкомъ; малорус. ки́лиця кисть: въ этихъ словахъ сохранился корень слова кисть: кип.

колесница—на дорогѣ выбой отъ колесъ.

кошка—большое дерево, вырванное водою съ корнями и занесенное на мель.

курица—кривое дерево. id. въ Яросл.

кушузъ—кружевная подушка.

лихоманъ — непріятный человѣкъ: слич. лихоманка.

ляды—трясκое, зыбкое мѣсто; заросшее кустами болото. Исаіи V, 6: и взыдетъ на немъ, якоже на *лядищѣ*, терніе.

маніитъ—чудится какое нибудь привидѣніе.

Мо́лёный, умолёный, благославленный — слова, употребляющіяся въ привѣтствіяхъ: здорово, благославленый, маленый; въ этомъ же смыслѣ употребляется между женщинами: христо́вушка.

на зубъ поставить — твердо выучить.

набируха—корзинка для ягодъ и прочаго.

нарядить избу — отдѣлать ее начисто внутри, отесать стѣны, лавки, и пр.

не усамишь—не приноровишь.

оболочка—одежда, оболочься одѣться. id. въ Арх.

овьедень — одного дня, овыденный — обыденный.

одрецъ — шелѣга съ спо́лбиками для сноповъ и сѣна.

омелье—косперя льняная.

опихать—обдирать пестами въ ступѣ отъ шелухи рожь, пшеницу.

осѣкъ—огородъ, конмъ отдѣляется подножный кормъ отъ „заосѣка“, гдѣ бываютъ покосы. id. въ Арх

охвостье—самыя мелкія и при вѣяніи далеко падающія хлѣбныя зерна.

парга—мелкое льняное волокно, къ пряденію не годное.

пачеси—очески льну.

перева́ла—облако съ грозою.

пересторона—неопредѣленное количество овса, въ одинъ разъ исполченное.

плёсо—отливъ воды; слич. пословицу: рыбакъ рыбака далеко въплесѣ видитъ. Еще у Плинія встрѣчается peiso вм. pelso или pleso. id. въ Яросл. и др.

полотница—мякина, коею пересыпаютъ яица.

польга—польза: корень въ прилаг. *легкій*; слич. у Кантемира сат. II, стр. 31 и несильно принести мнѣ никакой польги. id. въ Тверск., Влад. и др.

поросъ—нескладеный быкъ и боровъ; слич. порося.

пословенъ—послушенъ; въ старину, и теперь въ Сибири.

робить—работать. id. въ Малорус. и др.

сиверно—холодно, въ другихъ мѣстахъ говорится сиверко.

страда́—крестьянская работа, когда сбираютъ хлѣбъ; въ Арханг. сѣнокосное время. Слич. въ Прол. Апр. 22: напимашеся на дневную страду по сребренику на день взимаше. въ Правил. Митроп. Кирилла (XIII в.): или челяде дроуча голодомъ и наготою, страдою насильѥ творя. Рус. досп. I, 111.

сшибокъ—пиръ. id. въ Яросл.

хвостаться—париться; въ Несторе. по Лавр. сп. 5: (Апостолъ Андрей) приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть ѡбычаи имъ, и како ся мыють, хвощются, и оудивися имъ.

хилокъ — вѣшерокъ, id. въ Яросл.; въ Малорус. хили́ти клонить; корень въ прилагат. *хил-ый*. Слич. въ Мамаев. побоищѣ: егда похилить ихъ вѣтръ съ юга или съ запада.

шастать — просѣвать сквозь рѣшето немолотую рожь, пшеницу.

ѣздить съ лучемъ — съ острогой рыбу ловить на лодкѣ, въ коей на придѣланной у кормы желѣзной рѣшоткѣ горятъ щепки, „смолью“ называемыя.

языкъ на зговорѣ — выраженіе, употребительное въ Сольвычегодскѣ, еще по старинѣ, въ договорахъ и условіяхъ, болѣе словесныхъ, чѣмъ письменныхъ.

2. Въ Архангельской губерніи, преимущественно въ Шенкурскомъ уѣздѣ.

бил ь — чистое моховое мѣсто безъ лѣсу.

богода̀нный, — ая, — свекоръ и свекровь въ отношеніи къ невѣсткѣ. Слич. въ Др. Рус. стр. 408: а и зять на нее поглядѣлъ, „господинъ слово выговорилъ: „теща ты, теща моя, „богоданная матушка.

бо́льшина — воля.

воронецъ — полка посреди избы, вдоль ея всей; перекладина, на которой кладутся палати. id. въ Яросл.

вы́скорь — пень, вырванный изъ земли бурею.

дикой — глупый, дуракъ. красной id.

дубяни́цы — родъ грибовъ.

езъ — плотина изъ сосновыхъ бревенъ съ отверстіемъ, въ которое вставляется „морда,“ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ мѣшокъ для ловли рыбы.

живо́тникъ—кто женившись переходитъ жить въ домъ своей жены.

зарóдъ—большая куча сѣна, жердями раздѣленная на „промéжки.“

иса́ди—отмель, песчаный берегъ рѣки.

кокóра—пень лежащій на днѣ рѣки. Слич. въ Др. Рус. сп. 402· шутъ ему Дурьню „голову сломили, „и подъ кокору „бросили.

кремлевникъ—лѣсъ, растущій на мховомъ болотѣ: происходитъ отъ какого-то старинаго слова кремль (?).

куржеви́на — шкура звѣриная.

ку́рживѣть — индевѣть. id. въ Сибир.

ку́рья—пересыхающій заливъ рѣки: отсюда, вѣроятно, Шенкурскъ, т. е. Шены курье.

лиси́на — лѣсина, дерево.

листвякъ—лиственный лѣсъ.

людно—много.

медуница—пчела.

нельга—нельзя, одного корня съ легкій и польза.

новина́—расчищенная земля подъ посѣвъ хлѣба.

о́беретъ—нашептанная зброя для лошадей подъ свадебный поѣздъ: нашептывается будто для того, чтобы не текли у нихъ послѣ свадьбы три года слезы.

обмѣнёна — вообще брань: происходитъ отъ повѣрья, будто бы дьяволъ иногда подмѣниваетъ новорожденнаго младенца другимъ.

обоко́нье—нижній косякъ у окна.

оспаньѐ — заборъ, огородъ для сбережеоія травы или сѣна отъ скота.

по́ршно — холстъ: въ старину портъ зн. всякое одѣяніе Слич. Добр. Inst. ling. slav. 119: Carniolis et Croatis *pert* est pannus lineus.

поѣзжа́на — жениховы гости.

простины — прощанье: какъ имен-ины.

проче́стье—особенный обрядъ, когда женихъ, отправляясь подъ вѣнецъ, слѣзаетъ изъ повозки и зоветъ тестя и тещу откушать хлѣба-соли.

ро́стань—мѣсто, гдѣ одна дорога дѣлится на двѣ.

свѣсти — сестры невѣстины: древнее слово.

суслóнъ — куча сноповъ. id. въ Тверск.

уго́ръ — пригорокъ.

улка — улица: Новог. лѣт. 22 въ Чьгловѣ улки.

хлѣбины — угощенье новобрачныхъ у родителей молодой въ первый разъ послѣ вѣнца.

чу́же, чу́жанинъ: такъ невѣста называетъ жениха.

3. По Волхову, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска, Новгорода Сѣверскаго и Гродка.

брыли — кружева при повойникахъ, головномъ уборѣ женскомъ; брылъ въ Бѣлой и Малой Руси зн. шляпу.

варяги, уменьш. варяжки—проворные, ловкіе, острые: можетъ быть остатокъ памяти о Варягахъ.

вѣжа—на Ильмени зн. аршель въ 16 человѣкъ, употребляемыхъ для большаго невода: см. грамоту 1697 г. 13 Марта, данную Юрьеву монастырю.

вѣшохъ—мѣсяцъ на ущербѣ: употреблялось въ старину; И. Г. Р. IV, пр. 245: осенняго перваго мѣсяца, четвертаго вешха. будетъ на другомъ мѣсяцѣ, на вешху (т. е. на ущербѣ луны—говоритъ Карамзинъ); слич. И. Г. Р. VI, пр. 628.

загоза, уменьш. загозка—кукушка; слич. малорус. зозуля и въ Сл. о П. Иг. зегзица.

зимнякъ—восточно-южный вѣтеръ.

каршоша — лицитація, публичный торгъ; каршомить — лицитовать.

коккуй—купало, сельская игра 23 Іюня: Ходаковскій производитъ отъ кокую, т. е. пою кукушкою.

лайва — чухонское судно на озерѣ, и рѣкѣ Невѣ; Лотваши подъ Ригою называютъ свои барки тоже лайвэ: попадается въ старину, И. Г. Р. IV, пр. 214: ходиша (въ 1310) Новгородци въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро (Ладожское). Слич. о названіяхъ судовъ стр. 125 — 127.

Листопадная колотуха — осенняя лихорадка: остатокъ стариннаго названія мѣсяца листопада. Слич. о лихорадкахъ стр. 130 и 131.

молодзикъ (молодикъ) и новецъ— молодой мѣсяцъ.

мѣженецъ — сѣверовосточный вѣтеръ.

мѣжень — самая жаркая часть лѣта: въ старину меженина — жара, И. Г. Р. IV, пр. 322: въ лѣто 6840 (1332) бысть меженина велика въ землѣ Русьской, дороговь и гладъ хлѣбный.

наволокъ — мысъ.

новожонный — недавно женившійся; польск. nowozeniec.

обжа—оглобли въ сохѣ: очень часто попадается въ древнихъ памятникахъ.

облецъ, облой — мокрый снѣгъ.

овотъ — яровая рожь.

окрушники — замаскированные; окрушиться — нарядиться, слич. II. Г. Р. II, пр. 266. Около Москвы „окрушить невѣсту“ значитъ послѣ вѣнца надѣть на нее кокошникъ.

опава, опаева — трава выросшая осенью послѣ покоса: употребляется и въ друг. мѣстахъ, но въ Сибири, согласно съ природою, зн. побѣлѣлая трава подъ снѣгомъ,

припечекъ — очагъ.

розбрызги свѣта, розбрызгиваетъ—свѣтитъ.

русіи—родъ мережи у Ладожскихъ рыболововъ: не сродно ли съ русло и русалка?

сѣвромъ съ глубника—названіе вѣтра отъ лѣтняго запада.

шоча, шочиво — холстъ.

усамитъ — самостоятельнымъ быть, или дѣлать самимъ собою.

хлѣбозоръ, зорянца — сухая молнія, которая обѣщаетъ хорошую погоду.

хованы—отборные люди, гвардія: слич. польск. wychowany вскормленный, воспитанный.

шапромъ, епанчею крытый домъ, т. е. крыша опущена на всѣ четыре стороны. Слич. стр. 288.

шеломомъ—когда крыша опущена на двѣ стороны.

шелонинъ — югозападный вѣтеръ, дующій отъ рѣки Шелони.

шишко — чортъ.

Слова этаго 3 го отдѣла Ходаковскій относитъ къ наречію Кривицкому, т. е. древнихъ Кривичей. Періоды въ немъ оканчиваются дѣепричастіями на -ши: онъ былъ тогда пришедши, ушолъ поѣвши. Тапарскихъ словъ почти нѣтъ: всегда говорятъ конь вм. лошадь, рынокъ вм. базаръ; сопка, могила вм. курганъ, поясъ чаще нежели кушакъ.

4. Въ Ярославской губерніи.

божатой, божатая — отецъ и мать крестные.

бечевникъ — пологой берегъ рѣки, по коему можно тянуть барки веревкою.

бѣль — всякая мелкая рыба.

верея — столбы въ воротахъ при крестьянскихъ избахъ: употребляется и въ друг. мѣстахъ и въ народн. пѣсняхъ.

верста — на каменной мостовой крайніе ряды изъ большихъ камней.

домовище — гробъ: и въ друг. мѣстахъ.

душичка — мотылекъ, бабочка.

заводье — заливъ рѣки, въ Малорус. заводы, въ Др. Рус. стр. 207 и поѣхалъ къ морю синему, „что на теплы, тихи заводи.

заселье — село не на большой дорогѣ.

завозъ: тянуть барку завозомъ на якорѣ, когда берега рѣки крутыя.

лапа — дерево, вырубленное съ корнемъ.

наволокъ, полива—мѣсто поемное, сѣнокосное.

наказъ — проповѣдь: древнее слово.

огнища, драки, копань, паль — вновь расчищенное мѣсто изъ подъ лѣсу.

омолитвить — дать имя младенцу.

отводъ—ворота на проѣзжихъ дорогахъ, огороженныхъ плетнемъ, попадающіяся почти на каждой полуверстѣ.

путаница — лапша

роговикъ—младенецъ, котораго еще изъ рожка кормятъ.

сборъ — ярмонка

смыслушка — шпръ.

сорвачи — щипцы.

5. *Въ Костромской губерніи.*

баклуши бить — съ здоровыхъ деревъ скалывать бока или *заболонки* для дѣланья мелкой деревянной посуды: эти заболонки наз. баклушами. Въ общемъ же употребленіи это выраженіе принимается въ смыслѣ бездѣльничать, болтать.

блесна—оловянная рыбка съ удочкою изо рта: ею по Волгѣ ловятъ рыбу; блеснить — ловить блесною.

выжаровить — выровнять: плотничье слово.

губка — руль на мелкихъ судахъ.

косякъ — канатъ.

ложки — блоки на канатахъ, коими оснащена мачта.

оболоко — сало, плавающее на щахъ.

окидь — иней.

окинуло мѣсяцъ — ущербъ мѣсяца.

плыпть подачею — противъ воды шянуть судно, выпягивая изъ воды канатъ, на космъ впереди судна закинутъ якорь.

порубень — весло на носу большаго судна.

рыскать по Волгѣ — тоже что плыпть подачею, только по водѣ.

шаланить — гребле́ю въ весла пяпить судно назадъ.

6. *Въ Тверской губерніи.*

богатырь — картина.

буйвище — открытое мѣсто вокругъ церкви; въ Пск. лѣт. 52: тогожъ лѣта повелѣ Посадникъ Ѳеодосей и весь Псковъ намостити буевище и около церкви Святѣй Троицы и тынъ отынища около церкви

веспина — баранья шерсть, стриженая весною.

ветошъ—на весну оставшаяся изъ подъ снѣгу прошлогодняя трава.

дьякъ—учитель руской грамоты. Слич. чешск. žak (жакъ) отъ греч. διακονος, знач. ученикъ, учитель, пѣвчій; въ Соф. Вр. II, 21 тогда Бискупъ начнетъ велегласно Латынскымъ языкомъ, и жакомъ ихъ поющимъ не мало.

жадный, жадобный, ровно какъ и желанный,— любезный, милый: древн. глаголъ жадать—желать.

згибень—пирогъ безъ начинки; о книгѣ народная загадка: идетъ ни мужикъ, ни баба, несетъ ни згибень, ни пирогъ.

зимникъ — восточный вѣтеръ.

зобать—ѣсть, говоря о птицѣ или скотѣ. id. въ Влад.; Сербск. зобъ — овесъ.

изгреби— очески льна, остающіеся послѣ перваго чесанія.

кужель — очесанный чистый ленъ.

курицы — родъ сѣтей.

куръ — пѣшухъ: попадается въ Остромир. Евангеліи.

липвинъ — овсяная скирда.

лоншакъ — прошлогодній жеребенокъ: отъ лонись — прошлаго года, — употребляющагося въ многихъ мѣстахъ Россіи.

лука — заливъ: слич. лукоморье.

межпокъ — проливъ текучій.

мокрикъ — западный вѣтеръ.

моль — мелкая рыба.

носъ — острый конецъ яйца, пупка — тупой.

образовавщы—между любящимися дать клятву передъ образами на бракосочетаніе. id. въ Тульск.

осенчина — сѣно поздно осенью кошеное.

па́морокъ — частый и очень мелкій дождь въ видѣ тумана.

пачесы — очески льна, остающіеся послѣ послѣдняго чесанія.

погали—послѣднее время передъ первымъ зимнимъ путемъ.

пошёмокъ: плотники, вырубая верхній косякъ, оставляютъ на боковомъ косякѣ закраину (пошёмокъ), которая не допускаетъ просвѣчивать въ щель, образующуюся отъ ссыханія дерева.

принять скотину — зарѣзать скотину.

путина — путь, совершаемый на баркахъ каналами и рѣкою Мстою.

райдуга — радуга: не льзя ли приставкою *рай* объяснить это слово?

рогъ — мысъ, выдавшійся въ воду.

сократить — погасить горящую передъ образомъ свѣчу или лампаду.

суіомъ — общественное собраніе, сходка: сродно съ сонмъ и сеймъ.

сумепъ — сугробъ.

супрядка — посидѣлки, на которыхъ прядутъ.

ушлый—худой, испорченый.

уприще — упиральникъ, полотенце.

челядня — большая семья.

шашунъ — сосновый лѣсъ, не самый высокій.

шеломъ— конекъ на кровлѣ: въ старину значило не только шлемъ, но и гору.

щеть — щетка, которою чешутъ ленъ.

яснецъ — ледъ не покрытый снѣгомъ.

7. *Во Владимирской губерніи.*

аршусъ — сокровище.

баранъ—повѣшенный на веревкѣ рукомойникъ.

брашина — большая чаша: есть и въ друг. мѣстахъ.

глумлюся—смѣюсь: древнее слово.

досягаю—снискиваю: древнее слово.

дубецъ—прутъ.

испылъ — умеръ, околѣлъ.

ладонь—гладко убитое мѣсто для молотьбы.

марка—полтина.

натура—наука.

ошанушь—какъ въперокъ, тихо прикоснуться къ тѣлу чѣмъ либо мягкимъ и легкимъ.

пожня—сѣнокосъ.

по муромщику, по касимовщику—по Муромской, по Касимовской дорогѣ.

рымъ—домъ.

ходьба — торговые люди, переѣзжающіе съ мѣста на мѣсто.

8. *Въ Тульской губерніи.*

верхъ, вершина — оврагъ.

гуляшь въ окно — смотрѣшь изъ окна на улицу, говоря о женщинахъ.

лоскъ—лощина: коренное слово: ск измѣнилось въ щ. id и въ друг. мѣстахъ.

обапола—кругомъ.

охвостье—мякина.

развилье — непроворный, слабый.

раздряга—разслабленный.

свейки—мякина.

стыдь—холодъ.

сухмень — сухая погода.

яругъ—ручей, буеракъ: въ Сл. о П. Иг. яругы имъ знаеми. Въ Курск. губ. еруга.

9. *Въ Рязанской губерніи.*

бучило—скрытая яма въ рѣкѣ или озерѣ бездонная пропасть.

гуменце — темя на головѣ.

житникъ—крыса. Въ Яросл. зн. ячмень.

житочикъ—мышь.

закутье—чуланъ; кутъ — задняя часть избы.

зябра — отлогая лощина, въ коей временемъ бываетъ вода.

комель — конецъ срубленнаго дерева съ корня, также ручка у вѣника.

корь—корень; родит. падежъ кря.

куря — мятель, вьюга.

кутитъ — идетъ большой снѣгъ.

лавы — мостъ для пѣшихъ изъ плетня или тонкихъ досокъ.

лажокъ — низменное луговое мѣсто.

плетень — подошва у лаптя.

побабить—женить.

пообрачить — наложить оброкъ.

приволочка — небольшое судно.

призарить—прельстить.

прорва — прошокъ рѣки.

рать—непріятель.

рукоятка — толстая и коротшая палка.

сухостой — засохшее дерево.

сходцы — лѣстница.

прудень — болѣнь; запрудился — заболѣлъ.

10. Въ Сибири, преимущественно въ Камчаткѣ.

Въ бо́льшей подробности привожу провинціализмы Сибирскіе, съ тѣмъ, чтобы ярче показать, какъ выражается въ областныхъ нарѣчіяхъ мѣстная природа и мѣстная жизнь.

а) *Суровая природа.*

бродовщи́къ — который прокладываетъ вновь дорогу по снѣгу на лыжахъ или на лапкахъ. Напр. послать впередъ бродовщиковъ.

бусъ — самый мелкій, едва примѣтный дождичекъ, иногда весьма продолжительный. (Бусая кошка — у которой шерсть бусаго, дымчатаго цвѣта). Буситъ — идетъ мелкій дождь при постоянной пасмурной погодѣ.

грива — не широкое, но длинное возвышеніе, идущее между двухъ логовъ или пропастей (въ сѣверовосточн. Сибири).

дымокуръ — курящійся отъ малаго огня навозъ или гнилое дерево, для отогнанія комаровъ.

злобчикъ (взлобчикъ) — пригорокъ, подымающійся крупо.

заструга — весьма твердыя волнообразныя неровности снѣга, дѣлающіяся послѣ сильнаго вѣтра.

зимни́къ — дорога, по которой ѣздятъ только зимой, въ противоположность лѣтнику.

коренна́я вода — послѣдняя весенняя высокая вода въ рѣкахъ, отъ растаявшихъ въ вершинахъ снѣговъ.

кормови́ще — пастбище для скота.

ку́рчажина — углубленіе, вымытое водою; рытвина.

ку́ржевѣть — индевѣть, облипнуть замерзлыми парами; куржевина — замерзшія испаренія. id. въ Волог.

ку́хта — рыхлый снѣжокъ отъ испареній и тумановъ, пристающій къ деревьямъ иногда во множествѣ.

кухта валится — снѣгъ падаетъ хлопьями съ деревьевъ въ ясную погоду, отъ собственной тяжести, или отъ вѣтерка.

лыжница — слѣдъ по снѣгу отъ лыжъ.

ма́рево — мракъ на небѣ и болѣе по горизонту отъ густоты воздуха при сухой, ясной погодѣ.

мо́рокъ, мо́рочно — пасмурность, мракъ, пасмурно, мрачно по небу; мороча́етъ — становится пасмурно передъ ненастьемъ.

мохови́ще — пространство, покрытое мохомъ, тундра, гдѣ пасутся олени. Напр. моховище перемѣнишь — перейти съ оленями на другое мѣсто.

на́кипень — вода, выпекающая зимою изъ ключа и плотно замерзающая по мѣрѣ выступленія.

на́кипь — снѣгъ, пристающій комками къ саннымъ полозьямъ въ сырую погоду.

на́ледь — вода, выступившая сверхъ льда, незамерзлая.

ныро́къ: 1. ухабъ, выбоина на зимней дорогѣ; 2. особая порода утки.

падь, паду́шка — разлогъ, ложбина, углубленіе въ горахъ, иногда долина между горами; напр. дорога падью; спускаться, ѣхать по пади.

палъ, палы пускать — выжигать, палишь весною траву на сѣнокосѣ.

перено́га — слѣдъ звѣря по вновь выпавшему снѣгу. Переногу гнать, за переногой ходить — ходить зимой на промыслъ за звѣрями по свѣжему снѣгу.

по голу ѣхать — весною ѣхать на саняхъ по землѣ, а не по снѣгу.

поднавѣсъ — навѣсъ снѣга съ горы или съ уплесистаго берега.

прижимъ — морской ледъ, принесенный вѣтромъ и примкнувшійся къ берегу.

припа́екъ — ледъ, примерзшій къ берегу. Напр. ѣхать по припайку, по прибрежному морскому льду. По вскрытіи рѣкъ у береговъ остаются припайки.

пропа́рина — полынья въ рѣкѣ.

пу́рга — вьюга, мятель, ненастье, вѣтеръ со снѣгомъ. Пурги́ть — дѣйствіе пурги; напр. на дворѣ шибко пуржитъ. id. въ Перм. и Вятск.

пустопле́сье — мѣсто безлѣсное, открытое со всѣхъ сторонъ (охотск.).

развóдъ — о снѣгѣ, когда весною въ ясный день послѣ утренняго наста онъ растаетъ, и не поднимаетъ ни человѣка, ни собакъ. Говорятъ: развело т. е. снѣгъ растаялъ, сдѣлался жидкимъ, напр. ѣхать по разводу.

разсо́лъ, расо́лъ—морская вода поверхъ льда.

разсо́шина — истокъ рѣки, когда она сосставляется отъ соединенія двухъ или болѣе меньшихъ; говорятъ: „у этой рѣки двѣ разсошины“ т. е. она имѣетъ начало изъ двухъ рѣкъ.

рѣзуне́цъ—самый тонкій, чистый, прозрачный осенній ледъ на рѣкахъ и озерахъ. Онъ бываетъ ровной, одинаковой толщины и покрываетъ иногда значительное пространство по всей поверхности водъ.

рѣзу́нъ — ледяныя иглы, образующіяся весной изъ тающаго снѣга.

рѣкостàвъ — время, когда становится рѣка.

сопка, сопочка—огнедышущая и всякая отдѣльно стоящая или островерхая гора, даже и не горѣлая.

сполốха—1, сѣверное сіяніе и 2, свѣтлыя фосфорич. полосы на водѣ, встрѣчаемыя иногда ночью въ Охотскомъ морѣ.

то́росъ, торо́совато—льдина, торчащая стоймя, неровно покрывшаяся льдомъ вода, когда льдины становятся не гладко, движимыя вѣтромъ или теченіемъ, и взворачиваются одна на другую въ разныхъ положеніяхъ; напр. море стало (покрылось льдомъ) торосовато; дорога торосоватая.

ту́ндра,-очка,—безлѣсное, ровное, мокрое или сухое, обширное пространство земли, иногда покрытое мохомъ или травою; и то, что въ Европейск. Россіи назвали бы лугъ или поле. Это самое слово въ

Камчаткѣ не употребительно, по неимѣнію хлѣбопашества. Различается мокрая, сухая, моховая тундра.

уб6й—снѣгъ, туго убитый сильнымъ вѣтромъ.

убр6дъ — рыхлый, глубокій, недавно выпавшій снѣгъ; говорятъ: ѣхали по убою, или по убороду, въ убродъ, т. е. по твердому или рыхлому снѣгу.

ув6лъ—долгій, невысокій пригорокъ, косогоръ.

улово — мѣсто на быстро текущихъ водахъ, гдѣ у береговъ теченіе закруживается: с6вошь — въ Астрахани; напр. въ 6лово попалъ.

хіу́зъ—рѣзкій холодный вѣтерокъ зимой, и отъ того нарѣчіе хіузно.

хламни́къ—лѣсъ, деревья, съ сучьями, накиданныя на берега или принесенныя на отмѣли рѣкъ; напр. эта протока хламниста и заломиста, т. е. по ней много нанесено лѣсу, кокоръ.

шахма́ или сакма́ — слѣдъ отъ саней по снѣгу.

шуга́ — появляющійся осенью на рѣкахъ ледъ, или обмерзлые комья снѣга, называемые на Невѣ сало, а на Волгѣ ша́ушъ. Шуга толще рѣзунца.

щёки — горные утесы на обѣихъ сторонахъ рѣки: такіе есть на рѣкахъ Ленѣ и Камчаткѣ.

б) *Море, вода, берега и т. п.*

буру́нъ—прибрежное волненіе моря, бывающее и въ тихую погоду.

бычёкъ — небольшой порогъ, или сильная быстрина на какомъ нибудь мѣстѣ рѣки, примѣтная по всегдашнему тутъ волненію.

взво́день — зыбь на морѣ послѣ сильнаго вѣтра или при перемѣнѣ періодическаго теченія моря; волненіе на отмеляхъ; напр. взводень ходитъ.

выкидни́къ — лѣсъ выкинутый на берегъ моря; напр. изъ выкидника строено.

выкидъ—морское животное, выкинутое на берегъ, напр. китъ, бѣлуга морская. Къ выкиду ѣздили

дури́тъ рѣка — когда она отъ прибылой съ горъ воды разливается и выступаетъ изъ береговъ.

зала́вокъ — вымытое водою подъ берегомъ мѣсто, гдѣ можетъ скрываться рыба.

ке́куръ—высокій, иногда тонкій, отдѣльно стоящій камень на берегу или въ морѣ.

кулшу́къ—узкая часть залива въ самомъ концѣ его; другой меньшій заливъ, выходящій изъ большаго. id. на Касп. морѣ.

курья—долгій заливъ рѣкъ, въ которыхъ нѣтъ теченія; бывшій проливъ, замешанный сверху. id. въ Арх.

ла́йда — иловатая мель, обсыхающая въ малую воду, во время морскаго отлива. id. въ Арх.

лопа́тка: 1. всякій выдавшійся въ море плоскій мысъ на концѣ земли, напр. Камчатскою лопаткою называется южной конецъ полуострова; Олюторская лопатка; островная лопатка на Курильскихъ островахъ. 2. Гадать на лопаткѣ: очищеную оленью лопатку кладутъ на горячіе уголья, и послѣ снявъ и смотря на трещины, предсказываютъ будущее.

машера́я — машерой берегъ, земля за моремъ. Такъ говорится на островахъ о твердой землѣ. Выд-

ти на машеру́ю, значишъ придши изъ Камчатки или съ осптрововъ въ Охотскъ.

не́пропускъ — каменный ушесъ берега, мимо котораго нельзя пройти внизу возлѣ воды ; непроходимое мѣсто по берегу у воды; шамъ, гдѣ ушесы спускаются прямо въ воду.

аппрядышь — кекуръ, каменный столбъ въ морѣ близь берега.

переборъ — 1. мелководье, банка при устьѣ рѣки, боръ. 2. Шенъ въ танцахъ (chaine).

поливно́й камень — покрываемый водою только во время морскаго прилива (въ Америкѣ).

пошайни́къ — подводный камень; напр. пошайникъ играетъ, когда въ тихое время на подводномъ камнѣ вдругъ поднимается бурунъ или всплескъ, весьма опасный для гребныхъ судовъ.

сулой — неправильное большое волненіе отъ двухъ съ противныхъ сторонъ идущихъ спорныхъ теченій, встрѣтившихся въ проливѣ; бываетъ при перемѣнѣ приливовъ и отливовъ моря. id. въ Арх.

шивера́ — быстрина воды въ рѣкѣ, на мелкомъ каменистомъ мѣстѣ.

в) *Собаки, пъзда на нихъ, сани.*

а̀локъ и а̀ликъ — упряжь собачья, наподобіе лямки, на какой тянутъ суда.

во́льница — собаки, бѣгающія по волѣ, никому не принадлежащія, не извѣстно чьи.

во́йдишь — обливашь шеплою водою на морозѣ санные полозья, чтобы они покрылись тонкимъ слоемъ льда, для лучшей кашкости. (въ Ижигѣ).

выпь — доля назначаемая въ пищу собакамъ на одинъ разъ; слич. И. Г. Р. IX въ прим.

звѣро́вая — собака охотничья, неѣздовая.

каюра, - ъ, - щикъ — кучеръ, управляющій собаками. Каюришь — управлять санками и собаками.

не́йма — собака, не дающая себя скоро поймашь.

переде́вка, передовая — ѣздовая собака, которая бѣжишъ впереди.

послу́вна, ая — послушна, говоря о собакѣ.

по́шягъ—длинный, толстый и крѣпкій ремень у саней, по числу запрягаемыхъ собакъ. Къ нему припрягаются собаки попарно, какъ лошади по обѣ стороны дышла.

г) *Охота и дикіе звѣри.*

ва́женка — оленья самка, а самецъ наз. быкъ.

до́шлая лисица — взрослая, старая, которая всегда хитрѣе молодой. До́шлая отъ не́долиси отличается тѣмъ, что оконечность хвоста у взрослой всегда бѣлая.

дра́нка—пораненый, котораго медвѣдь далъ, это имя остается уже на всю жизнь.

духъ забрашь — о звѣрѣ, когда онъ почуешъ охотника, или о собакахъ, когда онѣ услышашъ звѣ-

ря и побѣгутъ изъ всѣхъ силъ, такъ что трудно ихъ удержать; тогда говорится: собаки на духахъ понесли.

душевре́дно—смертельно, гибельно, опасно ранишь, говорится болѣе о раненомъ звѣрѣ; напр. попалъ, да не душевредно.

дымлёнина—выдымленая, копченая, держанная въ дыму оленья шкура безъ шерсти; она не твердѣетъ, не скорбнетъ отъ мокроты.

жирова́ть — ѣсть убитыхъ на мѣстѣ звѣрей, иногда нѣсколько дней сряду; ѣсть вдоволь нѣкоторое время; утопать въ изобилiи, въ роскоши.

кулёмка — ловушка для промысла малыхъ звѣрей: соболей, горностаевъ.

ку́ренга — тѣло звѣря, съ коего снята шкура, одранъ.

ма́шка, — очка. 1. самка животнаго; напр. бобровая машка 2. компасъ, компасикъ.

машу́ха—медвѣдица, особенно же когда она съ дѣтьми.

медвѣдка—молодой бобренокъ, не черный шерстью.

мѣсто: 1. ящикъ, сума, кипа съ товаромъ; 2. шкура соболя или лисицы; говорятъ: на два мѣста купилъ, разумѣя подъ этимъ шкурки двухъ звѣрей.

не́доросль — шкура со взрослаго оленя, на которой новая шерсть послѣ линянiя не выросла еще въ надлежащую величину.

посте́ля—шкура взрослаго звѣря съ шерстью.

при́пускъ — о звѣряхъ, когда ихъ появляется много. Въ такомъ-то году былъ припускъ медвѣдей, лисицъ.

при́ступъ — собаки лаютъ на приступъ, т. е. съ лаемъ рвутся съ цѣпей, и вскакиваютъ на заднія ноги.

пыжикъ — шкура оленьяго теленка.

ро̀вдуга (въ Охотскѣ болѣе ро́гдуга) — выдѣланная оленья кожа безъ шерсти, замша.

свѣжевать — потрошить, вскрывать, вычищать убитое животное: напр. свѣжевать оленя. Свѣжина̀ — свѣжее, сырое мясо.

сиводушка, сиводущатая лисица — лисица, составляющая средину между красной и чернобурой. Шерсть ея на задней части, на брюхѣ и лапахъ бываетъ темнаго цвѣта. Въ торговлѣ она цѣнится выше красной, а ниже черной. Изъ вида красныхъ лисицъ извѣстны еще: огневка и крестовка.

сохатой: 1. лось, дикій большой олень. 2. созвѣздіе большой медвѣдицы.

сѣка́чь — кобель некладеный, и вообще самецъ, говоря о звѣряхъ, напр. о сивучахъ.

шулунъ,—чикъ — шкура, цѣликомъ сняшая съ животнаго, зашитая и надутая воздухомъ, или чѣмъ нибудь наполненная. Телячій шулунъ.

убо́ина — убитая скотина, или олень; напр. убоинка у меня.

убойное мѣсто — у звѣря, опасное для раны; напр. сердце, голова.

узе́шить — увидать, говорится о животномъ, и болѣе о медвѣдѣ, когда онъ увидитъ человѣка.

уке́нчина — плохая, дрянная оленья кожа безъ шерсти ; иногда и нарочно приготовленная, служащая для покрыванія чего нибудь отъ сырости и мокроты.

ушка́нъ, - чикъ — заяцъ (во всей Сибири).

чумъ — нѣсколько оленьихъ кожъ, сшитыхъ вмѣстѣ, покрывающихъ кочевую юрту, и отъ того прокопченыхъ дымомъ.

шетунъ — медвѣдь, который долго ходитъ осенью, не ложась въ берлогу.

Кромѣ того многія названія одежды, сдѣланной изъ оленьей и друг. шкуръ.

д) рыбная ловля, какъ одинъ изъ господствующихъ промысловъ :

бережникъ — веревка у одного конца невода, остающаяся на берегу, когда неводъ завозятъ для мешанія.

запо́ръ (рыболовный)—деревянная постройка, дѣлаемая на рѣкахъ изъ кольевъ и жердей для промысла рыбы.

икрянка, искряная — рыба съ икрой, самка.

кислая рыба—прошухлая, вонючая, испортившаяся рыба.

корыто или плавежный запоръ— особаго рода устроеніе на рѣкѣ для промысла рыбы.

крючка́шь — ловишь или вынимашь рыбу изъ лодки, поддѣвая ее крючкомъ, насаженнымъ на коротку́ю рукоя́тку.

лежбище, лежбище сивучей — мѣсто, гдѣ пристаю́тъ и ложатся сивучи; обыкновенно на утесахъ.

лощалая, лощалая рыба — старая, избившаяся рыба, у которой на бокахъ красноватыя не правильныя пятна; впослѣдствіи въ вершинахъ рѣкъ, къ осени она становится почти бѣлою.

ма́рикъ — подвижной на длинномъ шестѣ крюкъ, которымъ колю́тъ и ловя́тъ рыбу.

носо́къ — дротикъ съ желѣзнымъ копьецомъ; имъ колю́тъ нерпъ.

нерпа — тюлень.

11. Въ Малороссіи

Напротивъ того провинціи южныя предлага́ютъ много словъ, выражающихъ понятія о природѣ болѣе умѣренной; напр. въ Малороссіи 1) названія растеній и т. п.

барвинокъ — трава vinca pervinca.

блекота́ — дурманъ трава, бѣлена.

бринѣю — созрѣваю, собств. темнѣю.

будякъ — чертополохъ.

буркунъ — ворчунъ; трава донникъ, melilotus.

волошка — растеніе василекъ, centaurea cyanus.

---

1) Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1823, III; Максимовичемъ издан. Малорос. пѣсни, 1827.

гичка — листы свекольные.

глыва — баргамотъ.

гу́бы — грибы вообще.

дягли́ца — спитъ трава.

жировати — ѣсть плоды, говоря о птицахъ; съ сербск. жи́рити — ѣсть жолуди, ибо жи́рка или жиръ посерб. и малорус. жолу́дь.

жерлуха́ — кресъ-салатъ.

журавли́на — клюква.

збожье — разнаго рода хлѣбъ, въ полѣ растущій: почешски имѣніе, богатство: корень *богъ*.

каменица — костяника.

кисли́ца — кислое яблоко и дерево, на конопромъ растутъ кислыя яблоки.

колоколу́ша — черемха.

косови́цѝ — время сѣнокоса.

любка — растеніе orchis bifolia.

нечуй-вѣтеръ — трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.

очеретъ — тростникъ arundo phragmies.

паляни́ця — хлѣбъ изъ грешневой муки.

петровы батоги — дикій цыкорій.

печериця — шампіонъ, agaricus campestris.

половиця — клубника.

поло́ва — мякина. половѣе жито — рожь созрѣваетъ, покрывается мякиною.

порѣчки — красная смородина.

ряска — трава lemna.

спо́крашки — маргаритки.

суни́ца — земляника.

сѣножать — лугъ, гдѣ бываетъ сѣнной покосъ.

шроянда — роза.

узваръ — сухіе плоды.

хрущъ — насѣкомое, поѣдающее цвѣты на плодоносныхъ деревьяхъ.

червецъ — канцелярское сѣмя.

яловéцъ — можжевельникъ.

Нарѣчія малоруское и бѣлоруское разсматриваются какъ отдѣльныя отъ великорускаго, самостоятельныя, и потому реченія ихъ болѣе чужды намъ, нежели остальныхъ провинцій. Такъ въ малоруское вошло много иностранныхъ, нами не принятыхъ словъ, напр. вирша — поздравительная рѣчь. кадукъ — падучая болѣзнь. каламаръ — чернилица. каплица — часовня. конвалѣя — ландышь. кошповать — отвѣдывать. крейда — мѣлъ. левада — огороженный сѣнокосъ. лыхтарь — подсвѣшникъ. муръ — каменная стѣна. розинки — изюмъ, и проч. Впрочемъ весьма многія реченія вовсе не чужды и намъ, напр. гукъ — эхо, отголосокъ; гробовище — кладбище, дó-свѣшки — время передъ свѣшомъ, задвóрокъ — задній дворъ; названія пастуховъ: овчаръ, скотарь, стадникъ, и проч. Точно такжe надобно отличать и въ другихъ провинціализмахъ чисто руское отъ татарскаго, финскаго и пр.

Со временемъ, когда издадутся литературные памятники областныхъ нарѣчій, можно будетъ разсуждать о провинціализмахъ въ предложеніяхъ и въ построеніи рѣчи. Впрочемъ, на первый разъ, уже и

Ономашика провинціальная предлагаетъ весьма важные результаты: 1) нѣкоторыя провинціальныя реченія попадаются почти во всѣхъ областяхъ Россіи: слѣд. они теряютъ характеръ мѣстнаго провинціализма, составляя общее достояніе всего народа. 2) многія древнія слова и обороты, совершенно для насъ понятные, сохранились только въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: слѣд. и ихъ не льзя назвать провинціализмами. 3) областныя нарѣчія предлагаютъ множество мѣткихъ выраженій такимъ понятіямъ, для коихъ нѣтъ словъ въ языкѣ письменномъ: спрашивается: можно ли отвергнуть такіе провинціализмы, какъ никуда негодный хламъ? 4) въ провинціализмахъ выражается жизнь народа рускаго во всемъ ея неистощимомъ разнообразіи: а разумѣется необходимо изучать жизнь своего народа, и наука имѣетъ благородную цѣль—сблизить людей образованныхъ съ ихъ соотечественниками, разсѣянными по всей Россіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ статьѣ о народномъ языкѣ знакомимся мы съ идіотизмами рускаго языка. Въ архаизмахъ языкъ неразрывными узами связывается съ древнимъ бытомъ, съ жизнію воинскою, гражданскою, художественною, словомъ со всѣми сокровищами нашей старины. Исторія варваризмовъ идетъ рука объ руку съ народною образованностію: вопросъ объ языкѣ тѣсно присовокупляется къ вопросамъ нрав-

ственнымъ, и разрѣшается борьбою народнаго съ чужеземнымъ. Какъ архаизмы и варваризмы совпадаютъ съ Исторіею народа: такъ провинціализмы можно назвать Филологическою Географіею и Статистикою: они знакомятъ насъ съ природою и жителями Россіи.

Народный языкъ сохранилъ въ себѣ многія формы церковнославянскія, и наоборотъ въ церковнославянской литературѣ постоянная примѣсь рѣчи народной. Провинціализмы суть не что иное, какъ развѣтвленіе народнаго языка: изъ нихъ онъ слагается: потому, какъ существенная стихія, входятъ они и въ архаизмы. Древнія славянскія формы стоятъ между архаизмами и варваризмами.

Въ каждой изъ этихъ стихій языка есть своя крайняя, негодная сторона: народность граничитъ съ невѣжествомъ; архаизмы надуваютъ слогъ напыщеными фразами; варваризмы, въ ущербъ самостоятельному мышленію, прикрываютъ не переваренныя въ головѣ мысли непонятными и по большой части не понятыми словами; провинціализмы унижаютъ слогъ до площадной брани. Я разсматривалъ эти стихіи во всей обширности, стараясь показать необходимое и разумное значеніе ихъ въ языкѣ.

Авторитетъ новѣйшихъ писателей, отъ Ломоносова до Пушкина, неоспоримо великъ: но столько имъ однимъ ограничиться ни коимъ образомъ не возможно; ибо языкъ непрестанно движется и живетъ своею мощною жизнію въ лонѣ народномъ.

Образцовые писатели дают речи учащагося склад и связь, и указывают путь, как пользоваться языком народа. Стилистика древних языков стоит в пределах классических писателей: Стилистика новых, и преимущественно рускаго, Литература коего только что разцветает, должна разширить свои границы.

Как слово и предложение составляют существенную стихию всякаго словеснаго произведения, так и Грамматика является необходимою частью Стилистики. Стилистика от отдельных слов и выражений была общественнаго или религіознаго доходит до построения ораторской речи, от грамматических родов до басни, от символики в отдельных словах и грамматических формах до чудеснаго в поэме, и пр.

Каждому языку свойствен особенный склад речи, именуемый слогом: Стилистика Руская от первой страницы до последней должна быть *генетическим* определением рускаго слога.

КОНЕЦ.

9.10.72